

Ричард Сиджитон

Ричард Оуингтон

**СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ
В ЧЕТЫРЕХ
ТОМАХ**

Редколлегия:

Т. КУДРЯВЦЕВА
Н. МИХАЛЬСКАЯ
М. УРНОВ

МОСКВА
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ
ЛИТЕРАТУРА»

1989

И (ЭНПГ)

0-53

Ричард Олдриджтон

СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ
ТОМ
ЧЕТВЕРТЫЙ

СУЩИЙ РАЙ
РОМАН

СЕМЕРО ПРОТИВ РИВЗА
КОМЕДИЯ-ФАРС

Перевод с английского

223044
БИБЛИОТЕКА КГПИ
Инв. № 2 93045

(2)

МОСКВА
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ
ЛИТЕРАТУРА»
1989

ББК 84.4Вл
0-53

RICHARD ALDINGTON
1892—1962

Составление
М. УРНОВА

Комментарии
Г. ИОНКИС

Оформление художника
Е. НИКИТИНА

Иллюстрации на форзацах художника
А. СЕМЕНОВА

О $\frac{4703010100-143}{028(01)-89}$ подписное

ISBN 5—280—00814—1 (Т. 4)
ISBN 5—280—00310—7

© Состав, комментарии, оформление. Издательство «Художественная литература», 1989 г.

Сущий рай

РОМАН

Перевод под редакцией
И. ЗВАВИЧА

VERY HEAVEN

Заря такая — счастье для живых.
Для молодости сущий рай.
(Вордсворт о французской революции)

Часть I

ОДИН

Стоя у амбразуры окна и предаваясь холостяцким размышлениям, мистер Уинтроп Чепстон — член ученого совета и преподаватель колледжа Святого духа — с особенной тщательностью набил свою трубку Данхилл, стоимостью в две гиней, не забыв примять табак средним пальцем левой руки.

Сей сноб платил двойную цену за второсортный надушенный табак, приславшийся ему зато в пачках в четверть фунта, обернутых в свинцовую бумагу и снабженных этикеткой «Смесь мистера Чепстона». В точности такой же продукт доставлялся двадцати тысячам других идиотов, и на этикетках каждого значилось: «Смесь мистера Смита», «мистера Брауна», «мистера Такого-то» и т. д., в зависимости от обстоятельств. Ибо всех нас стригут для прибыли Капиталиста, все мы — агнцы его возлюбленного стада.

Набив трубку, он сейчас же забыл о высоких достоинствах табака, и сознание его машинально воспринимало ощущения первых затяжек. Он смотрел через двор колледжа на заплесневелый, но исполненный достоинства боковой фасад в стиле английского барокко. К сожалению, мистер Чепстон созерцал этот вид так часто, что перестал им наслаждаться. Он даже не замечал его. Он неврастенически размышлял.

«Годы летят без толку. Скоро мне стукнет пятьдесят. Мы тратим нашу жизнь на то, чтобы изо дня в день готовиться к чему-то значительному, и только затем, чтобы убедиться, что слишком поздно, что для всего уже слишком поздно. Если бы не война, я мог бы... Что, если бы я уехал в Америку? Не выходит дело. Все предопределено. Так было предначертано в первый день творения. Этот мальчик, Крис Хейлин, что я ему скажу? Что можно

сказать студенту, родители которого потеряли состояние? Неприятная случайность, непредусмотренная классиками античности. Иов разорился, но кому какое до него дело? Насколько я понимаю, никогда не известно, что нужно сказать в том или ином случае. А еще того менее, что сделать. Жизнь — мрачный фарс. *Farce lugubre*. Очевидно, в стиле Гюго. Тридцать лет назад я читал его. Теперь он кажется скучным. Годы летят, летят. А кажется, только вчера я сбросил с себя солдатскую шинель».

Неуклюже шагнув от окна, он плюхнулся в глубокое кресло у камина, пуская белый дымок, точно труба никому не нужной фабрики. Он почесал тот участок своей макушки, растительность которого еще не пострадала от разрушительного действия времени.

«Кристофер Хейлин. А ну-ка, что я знаю о нем? Человек, который читает все, кроме того, что полагается по программе. Усердия нет. Никогда не получал первой награды. Интересуется больше происхождением человека, чем происхождением грамматики. Плохо, совсем плохо. Знаю я его родителей? Кажется, нет. Да это и не важно. Родители — это только помеха; первородный грех всех нас *in statu pupillari*¹. Неплохо придумано. Надо запомнить. Должен ли я помочь мальчишке? Он способный чалый. Жаль, если станет клерком или еще чем-нибудь этом роде. А как, собственно говоря, помогают в таких случаях? Деньгами? Рекомендациями? Непрошеными советами, которыми пренебрегают? Что бы ни случилось, к сорока годам жизнь ему опротивеет. *Farce lugubre*. А тогда стоит ли?...»

Стук в дверь и возглас «войдите» вызвали появление не Хейлина, которого он ждал раньше, а слуги, которого он ждал вторым. Чай и сдобные лепешки. Подобно «Смеси Чепстона», лепешки были для него средством не быть похожим на других. Большинство профессоров не едят сдобы.

— Поставьте лепешечницу на камин, Уилдон.

Мистер Чепстон называл свое блюдо с лепешками лепешечницей. Он приподнял теплую фарфоровую крышку и обменялся маслянистой улыбкой с поблескивающими жирными дисками намазанных маслом лепешек. Часы пробили половину пятого. Хейлин опаздывает. Еще одно проявление высокомерия.

¹ В период ученичества (*лат.*).

«Я не должен позволять студентам опаздывать к назначенному сроку. Мало дисциплинировано это поколение. Мы — слишком, они — недостаточно. Пора бы им знать, что мир — не соска для чешущихся рученок рекламного младенца с плакатов искусственного вскармливания детей. Не понимаю я их. Откуда это проклятое *mal-entendu*¹ между разными поколениями? Разве я тоже не был молодым и не сталкивался с *status quo*². Теперь я сам часть *status quo*. А ведь что такое тридцать лет? Пустяк, микромиллиметр времени, и, однако, целая пропасть на самом деле. Что я ему скажу? Мы говорим, они по всей видимости реагируют, по всей видимости вежливы и благодарны, однако же держат нас больше чем на расстоянии, скрываются от нас, как какие-то лицемерные эпикурейцы. А жаль! Но они живут в совсем другой атмосфере; мы в тени жуткого для них прошлого, они в тени пугающего нас будущего. Мы обмениваемся безгубыми улыбками, как призраки, в царстве теней. Но что же, черт возьми, я скажу ему?..»

Мистер Кристофер Хейлин, студент колледжа Святого духа, выбывающий из состава слушателей по причинам финансового порядка, вышел из своей квартиры на сырую улицу. Громяхающие грузовики, пронсящие легковые машины, украшенные экзотическими консервными банками, витрины бакалейных лавок, толчея детских колясочек придавали городу, старинному очагу просвещения, характер живописного уединения и достоинство. К сожалению, Крис созерцал этот вид так часто, что перестал им наслаждаться. Он шел и предавался грустным размышлениям.

«Что я скажу этому старому педанту? Он ни черта не поймет. Они никогда не понимают. Он умастит мои раны сливочным маслом своих лепешек и пойдет дальше своей дорогой. Как он может знать, что это такое, когда рушится жизнь? Может быть, он сообщит мне, какими чертовски бравыми молодцами были они в пятнадцатом году. Но мне что делать, боже мой, мне-то что делать? Кем мне быть: шофером, лакеем, конторщиком, летчиком? Что делать: стоять у дверей, просить подавание, заискивать или воровать?..»

---

¹ Взаимное непонимание (*фр.*).

² Существующим порядком (*лат.*).

Дома к этому относятся весьма спокойно. «Мы потеряли почти все, дорогой, и тебе лучше было бы вернуться домой сейчас же, потому что мы не можем уделить тебе ни пенни больше». Иными словами — найти себе работу. Помогай-ка богатым оставаться богатыми. А у меня-то был план работы на всю жизнь. Триста фунтов ренты в год и стипендия или отсутствие таковой. Со стипендией, конечно, лучше, если бы последние три семестра зубрил как сумасшедший. А теперь: вот возвращайся домой и вешайся на крюк в передней.

С ума можно сойти, как подумаете об этом. С ума сойти. Если бы я сошел с ума, за мной бы ухаживали. Если бы я был калекой, со мной бы носились. Будь я кретином, уродом, слабоумным, слепым, умалишенным, дегенератом, большим, дряхлым стариком — общество сочло бы долгом совести поспешить ко мне на помощь. Но я лишь молод, здоров, силен, достаточно умен и не урод; поэтому никто ничего для меня не делает и никому до меня нет дела. Возлюби кретина как самого себя и поставь всевозможные препятствия на пути человека с нормальными умственными способностями. Вот путь к улучшению рода человеческого путем подлинно «естественного» отбора.

Что я скажу Чепстону? С ним-то никогда ничего не случается. Он весь запеленут в мысли классиков, отстоит от жизни на три поколения. Будет вращаться до самой смерти вокруг оси той системы, которая его кормит. Наш университет — поистине зоопарк, в котором сидят в клетках эгоцентрики и беглецы от жизни. Не потому ли и мне хотелось попасть сюда? Мы все боимся жизни, боимся сопряженных с ней риска и трудностей. Хотим, чтобы все наши дни были, как варенье на золоченом блюде. Работа под чьим-нибудь крылышком и небольшой капиталец. Я лишился того и другого, и вот мне страшно...»

Он свернул в переулок между высокими глухими стенами университетских садов, прошел мимо хорошенькой, завитой перманентной завивкой девушки, как будто несшей флаг штампованного сексуального призыва. Крис не внял тому сигналу на международном коде пола, который послали ее веселые глаза. Потом он пожалел об этом. Почему нет? Вот уже самое почтенное из приветствий, которыми обмениваются люди. Все мы смертны, почему же нам не приветствовать женщин — носительниц новой жизни? Они ведут безнадежную борьбу за оплодот-

воренное лоно со смертоносным временем. А мы, отвергающие ложесна, испуганно отстраняемся. Завтра, и завтра, и завтра...

Дожевывая намасленную лепешку, мистер Чепстон строго сказал:

— Вы опять опоздали, Хейлин.

— В таком случае прошу прощения. Мне казалось, что я, наоборот, пришел слишком рано.

Мистер Чепстон подумал о том, как трудно произносить с олимпийским достоинством внушение, когда рот набит лепешкой, а в руке держишь чашку с чаем. Он решил отменить приготовленную речь о недисциплинированности молодого поколения.

Умостившись, как два петуха на соседних насестах, они издавали резкие и разнообразные крики, свойственные их породе. Оба страдали, ибо правила хорошего тона мешали им — типичным англичанам — сказать что бы то ни было по существу того, что они считали главным. Они были распяты на кресте застенчивости.

Внутренне терзаясь, не зная, что же ему сказать, Чепстон внешне оставался таким же, как всегда: любезным, веселым педантом. Не будучи по природе талантливым чудачком, он немало ломал себе голову, чтобы найти для себя соответствующий университету стиль. Он убедился, что повизгиванье, хихиканье и пыхтенье имеет здесь достаточно большой успех. Пользовалась успехом также спазматическая порывистая манера говорить и неистово дрыгать ногами в минуты напускного веселья. Это было тем более убедительно, что ему до смерти опостылела жизнь и служба и он был подвержен отвратительным припадкам нервного отчаяния. Это придавало оскалу его всегда готовой появиться улыбки сатанинский оттенок — внушительный для робких и загадочный для тупоумных.

В муках самообуздания Чепстон прохихикал «страшно интересный анекдот». Мысленно переводя щебетанье профессора с языка штампов на нормальный английский язык, Крис понял, что профессор Косинус, величайший из живущих на земле специалистов по геометрии четырех измерений, катаясь на велосипеде, столкнулся с другим велосипедом, на котором ехал профессор Плоскость, последний фанатичный приверженец реальности Евклидовой вселенной. Покрытые грязью, в крови и ссадинах, они в ярости выбрались из-под обломков и среди обступив-

шей их толпы восхищенных студентов и обывателей завязали оживленный спор о своих скоростях и траекториях. Плоскость утверждал, что Косинус описал противозаконную гиперболу на неправильной, или релятивистской стороне дороги, тогда как Косинус настаивал, что Плоскость непростойное явление, возникшее во временнопространственной конечности пустозвонства.

Восхищенный своим талантливим изложением этого замечательного события, мистер Чепстон откинулся на спинку кресла, весело дрыгая ногами, и прикрыл носовым платком лицо, сморщившееся от искусного хихиканья.

— Сегодня, однако, нам предстоит обсудить не этот вопрос,— торжественно сказал он, внезапно явив свое лицо из носового платка, словно рыдающий клоун.— Вы действительно покидаете нас?

— Да, завтра я уезжаю.

Покорность Криса судьбе обрадовала и успокоила мистера Чепстона. С той самой минуты, как он услышал о катастрофе, благожелательность вела в его душе безупречную борьбу со скупостью и осторожностью.

— Послушай-ка,— говорила Благожелательность.— Не упускай случая. Ты вечно ворчишь, что жизнь твоя пуста, что тебе никогда не удастся сделать что-нибудь действительно порядочное и существенное. Ты знаешь, что это умный парень, слишком умный, чтобы вечно корпеть над одними лишь предписанными программой книгами. Из него может выйти блестящий ученый. Он даже способен мыслить. Помогите ему деньгами. Добейтесь для него стипендии. Тебе это не будет стоить и четырехсот фунтов. Если он выбьется в люди, он тебе вернет эти деньги. А если нет, у тебя появится интерес в жизни, и ты вполне можешь позволить себе потратить столько.

— Нет, нет, ни в коем случае! Ты не можешь себе этого позволить,— возмущалась Скупость.— Помнишь, как ты обжегся на акциях этих рудников? Помнишь жуткий крах Ривьера-Палас-Отеля? А подоходный налог? А вдруг ты заболеешь? Лишишься кафедры? Не будь сентиментальным ослом. За твоим кошельком будет охотиться половина нищих гениев Англии.

— К тому же,— добавила Осторожность,— подумал ты о том, что станут говорить другие?

Справедливость прежде всего, не так ли? Ну что ж, будем справедливы. Не вмешайся Осторожность, Скупость, может быть, сдалась бы. Но мистер Чепстон до ужаса боялся сплетен и смешных положений. Холостяк, кото-

рый проводит свои долгие каникулы в отдаленных уголках Сицилии, приобщаясь к античности среди пастухов (вспомнился Вергилий), и который слишком известен своей романтической дружбой с гибкими юнцами... Довольно, довольно! Осторожность победила.

Мистер Чепстон вспомнил обо всем этом в течение какой-нибудь секунды. А жаль, жаль. Да, не может быть никакого сомнения, что Хейлин *очень* красивый мальчик. В нем есть что-то античное.

Мистер Чепстон почувствовал, что ему надо проявить сердечность.

— Так, так! Так, так! — Он сиял, как идиотический Пиквик. — Нам будет очень грустно потерять вас. Что же вы намереваетесь предпринять?

— Не имею ни малейшего представления, — холодно сказал Крис, думая про себя: «Вот тоже старый балбес: ржет, как пьяная кобыла. Мог бы помочь мне, если бы захотел. Так чего ж он молчит? Ведь знает, что сам я прямо спросить не могу».

— Надеюсь, вы ни при каких обстоятельствах не забросите классиков, — профессорским тоном сказал мистер Чепстон. — Запомните, что способность писать греческие стихи имеет... а... гм... большое значение.

— Я бы назвал это развлечением для сельских священников в часы досуга, — едко отпарировал Крис.

Мистер Чепстон прикрыл эту смертельную рану, нанесенную его благожелательности, и эту царапину, нанесенную его тщеславию, целой серией сложных хихиканий и повизгиваний, сопровождаемых подрыгиванием ног.

— Ах, это здорово! — воскликнул он. — В самом деле очень хорошо. Развлечение сельских священников. Я передам это декану, обязательно передам.

Но Крис отклонил этот словесный гамбит, за которым должно было следовать обычное академическое собеседование. Странная горечь овладела им. Оскорбительно это хихиканье стариков в мире, который стонет в родовых муках и задыхается в хаосе, намеренно создаваемом искателями власти.

— А вы не могли бы вместо этого поговорить с деканом обо мне? — пробормотал он, краснея от стыда и злобы. — Неужели нет возможности дать мне стипендию — колледж богат, — а потом и место ассистента. Я хотел бы заняться научной работой.

— Научной работой? — воскликнул Чепстон, холодно, настороженно, но внешне сохраняя наивное выражение

и улыбку.— Ну, скажите, чего ради энергичному молодому человеку совершать духовное харакири на нашем оскверненном алтаре просвещения? Пусть мы плывем в ковчеге Муз, но на какой Арарат провинциализма выбросило нас стихией! Я немного видел свет, я командовал на войне батареей, хотя мои орудия не всегда пользовались славой бьющих без промаха, ха-ха-ха! Я вернулся сюда зализывать свои раны, как свинья в Эпикуровом стаде. А каково истинное мое призвание? Стать актером. Вы никогда не видели меня в роли Ромео. У меня была возможность попасть в Голливуд. Я упустил ее, забился в эту нору ради хлеба насущного и дешевой бутылки вина. Ах, почему я не последовал за своей звездой и не стал актером?

— Все англичане прирожденные актеры,— сказал Крис.— К сожалению, слишком многие из них играют злодеев.

— Разве это такое несчастье, когда молодой человек бросается очертя голову в широкий мир? — воскликнул мистер Чепстон, пропуская мимо ушей этот выстрел Криса.— Где же традиции авантюры, где современные Рали и этот, как его там? Предоставьте академическое затворничество старикам. А молодым — действия, приключения, острый запах жизни в ноздрях. Да в вашем возрасте люди моего поколения несли весь мир на штыках...

— И посмотрите, куда они его принесли...

— Героическая жизнь сама себе награда.— Мистер Чепстон сделал попытку быть внушительным.— Возьмите, например, Руперта Брука. Его статуя на Скиросе, его рукописи в Британском музее. А где он сам, по существу говоря? Среди бессмертных!

— И тем не менее он мертв и довольно-таки скучноват.

— Не будьте циником! — взмолился мистер Чепстон.— Разрешите мне просить вас не быть циником. Диоген был самый низменный из философов.

— Да,— перебил Крис,— он был в состоянии разозлить Платона, сказав ему, что, если бы тот научился питаться сырыми овощами, как Диоген, ему не пришлось бы льстить тиранам.

— Ха! — мистер Чепстон решил пропустить намек мимо ушей.— А, так вы читали Лаэртция? Чудесно, восхитительно. К сожалению, жизнь состоит не только из классической учености, особенно для тех, у кого нет ни гроша.

— Разумеется, они имеют право на свой *otium sine dignitate*,— горько сказал Крис.

— На покой без почета? — Мистер Чепстон сделал

паузу.— Ах! Вы имеете в виду безработных? Да, это слишком верно. Но вы не будете из их числа...

— Ведь я не имею права даже на пособие,— усмехнулся Крис.

— Мой милый мальчик! Довольно цинизма, прошу вас. Разрешите мне сказать вам два-три слова ободрения. Постараюсь не впасть в обычную ошибку людей моего возраста и не буду предлагать вам самого себя в качестве примера. Напротив, я хотел бы послужить вам предостережением. Моя жизнь началась на вершинах, но слишком скоро закончилась надгробной эпитафией в испорченном или христианском стиле Греческой Антологии. Вы, как юный Вергилий, начинаете с того, что теряете все отцовские угодья. Ну, так что ж? Боги оказывают вам честь, давая вам возможность начать с царапины на скачках жизни. Выше голову — и вперед! Сколько предприимчивости и талантов погибло для мира благодаря тому, что обладатели их имели несчастье унаследовать ренту. Нищета — бич, который подхлестывает талант на пути к успеху. Бойтесь довольства и изнеженности...

Невозможно сказать, как долго гудел бы еще мистер Чепстон, наставляя Криса в стиле Полония. Крис слушал с удивлением и стыдом, сознавая, что ему хитроумно заткнули рот. Он чувствовал себя в смешном и глупом положении. Смешно было бросаться в самый разгар катастрофы к Чепстону, как к милосердной богоматери; глупо наступать человеку на любимые мозоли, когда хочешь что-нибудь получить от него. Крис сделал удивительное открытие, что шутки на чужой счет требуют подкрепления в виде независимого дохода. За отсутствием такового, человек вынужден присоединиться к великой армии тех, кто лижет чужой зад явно и старается укунить его исподтишка; сплетнями мстит человеческое «я» за те унижения, на которые обрекает человека забота о собственной выгоде...

Крис вышел из задумчивости и закрыл шлюзы чепстоновского красноречия, поднявшись со словами:

— Ну, мне пора идти. Надо еще уложить вещи и повидаться с массой людей. Спасибо за все.

— Вам в самом деле пора? — воскликнул мистер Чепстон, с самым непринужденным видом вскакивая с кресла.— Может быть, вы чего-нибудь выпьете? Нет? Что ж, в таком случае...

Он принялся медленно и внушительно пожимать правую руку Криса, раскачивая ее, как ручку насоса:

— Не забывайте своего старого учителя, — *пожатие*, — приезжайте иногда повидаться со мной, — *пожатие*, — не становитесь тряпкой, — *пожатие*, — никогда не таите обиду за несправедливость, — *пожатие*, — держитесь идеалов, которые мы старались вам привить, — *пожатие*, — берегитесь вульгарности, — *пожатие*, — материализма, — *пожатие*, — бесчестных поступков, — *пожатие*, — и, превыше всего, женщин!

Выпустив руку Криса, мистер Чепстон быстро отвернулся, как бы желая скрыть душившие его чувства.

— Прощайте, — сказал он гортанным голосом. — Прощайте!

Крис направился к двери и, когда она закрылась, услышал голос мистера Чепстона, поднявшийся до прощального вопля.

— Прощайте! Держитесь — ваши идеалы...

Склонив голову набок, точно огромный, но уродливый певчий дрозд, мистер Чепстон слушал, как ослабевает эхо шагов Криса по деревянным ступенькам, потом поптычи подскочил к окну и выглянул посмотреть на голову и спину явно разочарованного молодого человека, направляющегося к воротам колледжа.

Может быть, на лице этого выдающегося специалиста по античной литературе появилось слабое подобие сатанинской улыбки?

Может быть, он сообразил, что пять процентов из четырехсот фунтов, это двадцать фунтов в год, — достаточно, чтобы оплатить годовой счет за табак каждого сколько-нибудь благоразумного человека?

Во всяком случае, он снова принялся набивать трубку, с особенным напряжением вглядываясь в сумерки.

ДВА

Трясаясь в углу купе третьего класса, Крис мрачно созерцал катящуюся перед ним панораму пустошей, разбросанных в беспорядке птицеферм, новых желтых кирпичных особнячков, милых, старых, дымящихся от сырости полудеревянных коттеджей и облетевших остатков леса. Шпиль вонзались в небо, две-три свиньи утыкались пяточками в землю, автомобили мчались по дорогам, перестроенным за огромные деньги во имя разрешения проблемы безработицы. Недавно превращенный в Дом Признания величественный особняк объявлял на огромном пла-

кате, что он кормит, одевает и пестует с колыбели до могилы слабоумных детей слабоумных родителей и властно требовал жертвований на это замечательное патристическое начинание.

Есть разница между юными англичанами вчерашнего и сегодняшнего дня. Это должно быть ясно даже им самим.

Довоенный англичанин был обычно чем-то вроде белокурой рыбы — длинный, холодный, не умевший выразить свои мысли, хищный и наглый. Вскормленный на питательном мясном экстракте воинственности, который прославляли кровожадные медицинские авторитеты, он воображал себя непобедимым властелином всего остального низшего мира. Колонна Нельсона была пупом его обширной и в значительной мере фиктивной империи. Все дороги начинались для него от Ватерлоо.

После столетия легких побед над косоглазыми и черномазыми этот чертовски замечательный спортсмен испытал неприятный сюрприз: его ударил противник, оказавшийся ему по плечу. Реагируя на сии внешние условия, рыба постепенно усвоила покровительственную окраску миролюбивого идеалиста, идеалом которого было — заинтересовать мир в сохранении своей безобидной породы. Так как это не удалось, он обиделся на мир, и дети столкнулись с унылой перспективой бесконечно долго расплачиваться за грезы отцов. Их наследие — разочарование.

Крис Хейлин был представителем этой, по-видимому, новой породы, которой, по непонятной прихоти генетики, суждено удовлетворять новым требованиям. Для англичанина он был мелкокостен и невысок ростом — всего пять футов шесть дюймов. Руки у него были широкие, но изящной формы; волосы довольно темные; подбородок и рот говорили о скромности, о природной застенчивости. Глаза серые и крайне сентиментальные. Но если у него и были нервы, он держал их в узде, во всяком случае, он был человеком слишком цивилизованным, чтобы дать выход своим чувствам, избивая кастетом своих политических противников.

Если бы удалось убедить его отказаться от едкого легкомыслия ради надутой серьезности и носить брыжи и эспаньолку, он был бы прекрасной имитацией молодого испанца времен Филиппа III. Меланхолия, свойственная всем, кто пробуждается от надменных грез, перешла у

него в отчаянную веселость. Или веселое отчаяние. Далекий от того, чтобы спустить свой старый флаг в знак поражения, он бесцеремонно пользуется им как носовым платком. Это может быть великолепно, но бессмысленно. И здесь также разочарованье.

Крис страдал. Он был из тех людей, которые непременно должны страдать. Он заблудился в мрачном лесу, ощерившемся капканами для молодых людей. Разлука с корпоративной самоуверенностью колледжа Святого духа унизила его «я». Он испытывал своеобразные муки человека, который в теории может делать все, что угодно, тогда как в действительности все его импульсы ущемлены. Он был близок к настроению, побуждающему становиться масонами, фашистами, или объединенными лесничими, или жениться на первой попавшейся неподходящей девушке.

Он размышлял с горестной бессвязностью:

«Гнусная встреча со стариком Чепстоном вчера. Еще гнусней встреча дома. Гнусные, гнусные дни впереди. Мы станем пожилыми, когда перестаем надеяться в будущем на что-нибудь приятное. Я, должно быть, родился пожилым. На что я надеюсь в будущем? На встречу с домашними?»

На Анну? Анна не такая. В самом деле не такая? Она сияет как звезда, и она восхитительна — иногда. И потом она сука, да, такая хорошенькая сучка. Женщины-суки еоретически бессмертны, это бессмертие пола совершенно необходимо для оправдания глупости и жадности мужчин. И все-таки Анна прелесть, хоть она и сука. Люблю я Анну? Что значит любовь? Пастырь, что такое любовь? Скажи мне, прошу тебя. «Светлых волос на запястье браслет?»

Любить, это значит пребывать в таком иррациональном состоянии, когда хочешь во что бы то ни стало заплатить чудовищную цену за ветку цветущей вишни, которую тебе должны были бы великодушно приносить в дар...

Но я хочу, хочу ее, хочу ее. Ну, а какой толк в этом? Я нищий герой. Из-за отсутствия денег я не могу жить, как хочу. Но хочу ли я жениться на Анне? Осесть, как говорят, точно ил в океане или осадок в бутылке вина? Столь же существенно: захочет ли Анна выйти за меня замуж? Мой годовой доход ноль фунтов, ноль шиллингов и ноль пенсов; заработок — столько же. Идеальная перспектива для брака. Но зачем брак? Я хочу Анну в здорье, не в болезни; я предпочел бы раздевать ее, не оде-

вать; я хочу ее иногда, не всегда; сейчас, а не на всю жизнь? Возмутительно! Такие речи доступны только господам профессорам.

Это ведь очень легко сделать самым простым шилом, и, может быть, даже хорошо было бы умереть. Зачем тянуть обрывающуюся нить до позорного конца? Выпрыгнуть из жизни в припадке злой скуки или таскать ревматический костяк и негодную дряхлую плоть...»

Крис пил из чашки разочарования большими глотками — молодой человек, оказавшийся во власти близорукого мира, как молодой король перед лицом угрюмой, обанкротившейся и свиноголовой нации.

В таком настроении он мрачно побрел со станции домой и тихонько вошел с черного хода через кухню, где напугал кухарку, вздремнувшую перед горячей плитой. В отместку она вылила на него скопившуюся за день сварливость.

— Ох, мистер Крис, нехорошо так пугать человека, а я-то устала и измучилась, каково это, когда нет горничной и приходится делать все по дому одной. Я сказала барыне, что это не входит в мои обязанности, но, конечно, я готова помочь, и сейчас я только-только присела на минутку, как вы тут ворвались и хлопаете дверью, и я готова на пенни спорить, что вы не вытерли ноги и пошли так по моему чистому полу. Я нынче утром сказала барыне, извините меня, барыня, но стелить постели и мести пол не входит, говорю, в обязанности кухарки, и никогда, говорю, не входило, хоть я, конечно, рук своих не пожалею для почтенного семейства, когда оно, говорю, аккуратно платит жалованье, и сама не хочу никому быть в тягость, особенно, когда люди в нужду впали, и в этом, говорю, нет ничего удивительного, а мне, говорю, надоело каждый раз лавочникам говорить, что барин в постели и не будут ли они любезны подождать, а еще того больше, вы, барыня, говорю, меня, конечно, извините, но только я сама из приличной семьи и в мои обязанности, говорю, не входит бегать в кабак «Красного Льва» за бутылкой виски. Пусть, говорю, кто пьет, тот сам и покупает виски в кабаке, так что уж вы, говорю, будьте любезны, рассчитайте меня с предупреждением за месяц, а она как на меня заорет, да мало сказать заорет, но ведь я ей ничего дурного не сказала, мистер Крис, но только я не хочу оставаться в доме, где меня не ценят...

Эта длинная речь под стать монологу Старого моряка так заворожила Криса, что, пока она длилась, он был спо-

собен только двигаться боком через кухню к внутренней двери. Подоспевшая весьма кстати пауза, вызванная необходимостью перевести дыхание, позволила ему сделать быструю перебежку, и он очутился в передней, действительно потрясенный простодушной верой и честной преданностью старой прислуги.

Дверь из гостиной распахнулась широкой полосой света, и Крис услышал голос своей сестры Жюльетты, пропевшей ненатурально:

— Неужели это наконец ты, до-ро-гой Крис?

Кровосмесительный инстинкт любви к сестрам, при-сущий, как утверждают психологи, всем юным самцам, давно уже перешел у Криса в трезвую привязанность. Сказать правду, Крис даже не подозревал, что этот инстинкт у него когда-либо был. Он боялся сцены, тем более что ему самому хотелось скрыть свое волнение; последние остатки братских чувств испарились, когда Жюльетта, схватив его в объятия и укачивая его, как капризного ребенка, начала причитать:

— Ах, бедняжечка! Ах ты, наш бедняжечка! Какое грустное, грустное возвращение домой для нашего дорого-го мальчика, и никто даже не встретил бедного крошку на станции! Это тебе показалось ужа-асно, должно быть!

Крис поцеловал ее, высвободился из объятий и, по-правив галстук, сказал шутивым тоном:

— Какие пустяки! Я очень легко нашел дорогу.

Жюльетта преградила ему путь в освещенную комнату.

— Крис! Не будь жестоким и циничным с нами, пожалуйста, не надо! Я не переношу этого. Подумай о бед-ном отце, который лежит больной...

— Он серьезно болен? — тревожно спросил Крис.

— Не смертельно, мы надеемся, но он такой слабый и жалкий.

— Это я уже знаю давно,— с горечью сказал Крис,— но...

— Крис! — Жюли понизила голос до драматического шепота,— раньше чем ты увидишься с ними, я должна сказать тебе одну вещь. Не жалуйся, не упрекай их ни в чем!

— С чего это ты взяла, что я собираюсь их упре-кать? — Крис был искренно удивлен.

— Ах, не столько словами. Ты никогда не говоришь прямо. Но ты держишься как посторонний и всех нас осуждаешь, отпускаешь свои холодные издевательские замечания.

— Мне кажется, ты ошибаешься,— спокойно сказал Крис.— Просто я ненавижу сцены и шум из-за пустяков. Пользы от этого никакой, а только напрасные волнения. Дело тут чисто практическое, материальное.

— Я так и знала, что ты отнесешься к этому вот так цинично!

— Но, Жюли, будь рассудительна! Я хочу только закончить с этой дурацкой таинственностью; непонятно, почему от меня что-то скрывают, я хочу рассудить, что же мне делать.

Но Жюли не слушала доводов рассудка.

— Все, что тебе нужно знать, будет сказано тебе в свое время; я тебе обещаю. И не сердись, что мы тебя не встретили.

— Как будто это имеет какое-нибудь значение!

— Мы здесь все так заняты, и — ты ведь знаешь — нам пришлось продать машину.

— Я знаю. Это было разумно. Но зачем так много говорить об этом? Вы с матерью упоминали об этом в каждом письме...

— Неужели ты ни к чему не можешь относиться по-человечески? — с дрожью в голосе спросила Жюли.— Неужели ты не понимаешь, что единственный выход для нас — это чувствовать, что, по крайней мере, мы можем опереться друг на друга...

— И симулировать всяческие нездоровые переживания по поводу долгого этого? Много удастся таким образом заплатить долгов?

— О! — Жюли попыталась выразить свое возмущение, отшатнувшись от брата.

Звук передвигаемых стульев в комнате, где до этого была полная тишина, указал на присутствие подслушивающих. По-видимому, эта маленькая сценка была подготовлена заранее, но все вышло немножко не так, как на то рассчитывали.

Крис вошел и сразу остановился, ослепленный. Он смутно заметил большой стол, заваленный дамским шитьем в различных стадиях готовности, неожиданное присутствие Гвен Мильфесс и свою мать с зеленым защитным козырьком от света над глазами, которая направлялась ему навстречу. По-видимому, он попал в улей трудолюбивых пчел.

Крис наклонился поцеловать свою мать, но этому воспрепятствовал козырек, который дернулся вверх и ударил его по носу. Тогда он похлопал ее по спине, сопровож-

дая это весьма, как ему казалось, успокоительными междометиями. Но тут она привела его в окончательное замешательство, разразившись слезами на его плече и произнося какие-то бессвязные слова о «твоем бедном отце» и «моих бедных обнищавших детках».

Он ясно ощутил исходивший от нее запах коньяка.

Полный смущения и стыда от этой сцены в присутствии миссис Мильфесс, Крис, как и следовало ожидать, сказал не то, что нужно.

— Ну, не... плачь,— неловко пробормотал он.— Все это еще не так страшно. В конце концов и хуже бывает.

Миссис Хейлин отнюдь не утешилась тем, что кому-то и хуже бывает. Она нашла — и, пожалуй, была права, — что это замечание неуместно. Во всяком случае, она продолжала плакать и произносить жалкие слова с большим воодушевлением и настойчивостью, пока наконец Гвен и Жюльетта не оттащили ее от Криса и не усадили в одно из кресел.

— Возьми коньяк и содовую, вот там, на буфете,— прошипела Жюли.— Скорей, Крис, а то она опять лишится чувств.

Крис задумчиво смотрел, как его мать маленькими глотками отпивает коньяк, уверяя всех, что коньяк им теперь не по средствам и что, во всяком случае, она терпеть его не может. Он не мог не заметить, что ее щеки и нос заметно зарумянились.

Нелюбимый алкоголь, по-видимому, все же подействовал. Миссис Хейлин оживилась и начала многословный монолог, как бы посвященный в значительной мере ей самой.

Начала она с того, что подчеркнула, какой преданной женой она всегда была для Фрэнка и каким он был для нее хорошим мужем, несмотря на все его недостатки, скрывать которые было бы, по ее мнению, лицемерием. Она, со своей стороны, поступала всегда так, как диктовала ей ее совесть, и ей не в чем себя упрекнуть. Величайшим недостатком Фрэнка — этого она не станет скрывать — была доверчивость, беспечность в делах, порожденная леностью, — так что всякий сколько-нибудь смысленный человек мог убедить его сделать все, что угодно. Никогда нельзя было заставить Фрэнка понять ценность денег и то, как в наше время нужно беречь каждый пенс. Кроме того, — ей очень неприятно говорить это, но сказать это она обязана, — не было случая, чтобы бутылка виски не утешила его в чем бы то ни было. Что касается

ее, они все знают, как ненавидит она эту гадость, и знают, что она никогда не притронулась бы к алкоголю, если бы не ее сердце. Если она внезапно отправится на тот свет, кто же будет думать и заботиться и трудиться для всех; что-то с ними со всеми станет. Она считает своим священным долгом поддерживать свое мужество, чтобы они все не остались...

Жюльетта наполнила опустевший стакан и передала его матери под сочувственный шепот Гвен. Крис созерцал эту сцену: миссис Хейлин, раскрасневшаяся, вся в слезах, с козырьком, нелепо торчащим у нее на лбу; Жюли и Гвен, по-видимому, сильно заинтересованные и содействующие миссис Хейлин в этом низком покушении на его лучшие чувства. К счастью, этот план был настолько очевиден, что он не обманул Криса. У него было странное чувство раздвоенности: одна часть его «я» сгорала от стыда, мучилась от каждого-позорного слова и жеста его родичей; другая совершенно безучастно и невозмутимо старалась разрешить вопрос: зачем мать это делает?

Да, так о чем же она говорила, рассеянно спросила миссис Хейлин. Ах да, она хотела сказать, что, несмотря на все недостатки, Фрэнк всегда был лучшим из людей. Жюли еще дитя, Гвен никогда не была матерью, так что им не понять, что это значит — быть матерью: самое священное и прекрасное, и возвышенное, и духовное...

— Ах да,— вздохнула Гвен.

Жюльетта опустила свои прекрасные изогнутые ресницы и тоже вздохнула...

В уме Криса пронеслось описание первых родов, слышанное им от одного студента-медика, который долго не мог оправиться от произведенного ими впечатления; болевые схватки, сопровождаемые стонами и криками, добродушный циничный доктор, привязывающий простыню к стенке кровати и бодро покрикивающий: «А ну-ка, энергичнее, мамаша!», запах хлороформа, извлечение крошечной, с виду обваренной кипятком, безволосой обезьянки, сутолока, вонь... Самая внушительная реальность физического мира, если угодно, но где здесь прекрасное, духовное?

Они с Фрэнком, патетически объяснила миссис Хейлин, жили только мыслями о своих детях и ради них. Единственное, о чем они просили бога, чтобы дети выросли здоровыми телом и душой и чтобы им довелось увидеть их устроенными в жизни. Но теперь, в этой трагедии, которую Фрэнк,— как это ни жестоко, но она должна ска-

зять,— навлек на всех них, что им осталось делать? Ей незачем напоминать им, какая это жуткая, какая ужасающая трагедия. Без денег невозможно жить сколько-нибудь прилично: вы спускаетесь до уровня рабочих. Она сама не дальше как сегодня столкнулась с одной из тех вещей, с которыми им теперь предстоит сталкиваться постоянно. Никогда за всю свою жизнь ей не приходилось безропотно сносить такую наглость, какую проявила эта женщина на кухне...

— Так что же,— риторически вопрошала она,— что же делать?

— Установить в точности, каково положение дел,— сказал Крис.— Спасти все, что можно. А тем временем отец и мы с Жюли будем искать работу.

При этом непрошеном вторжении здравого смысла в восхитительно эмоциональную сцену Жюли взглянула на него возмущенно, а Гвен укоризненно. Миссис Хейлин не обратила на него внимания.

Насчет Жюли, таинственно намекнула она, беспокоиться нечего. У Жюли есть характер, есть красота, есть обаяние, и она, не поступаясь ни на йоту своей чистотой и идеалами, умеет здраво смотреть на вещи и понимает что такое жизнь. И хотя ничего еще не решено окончательно,— Гвен понимает, о чем идет речь,— миссис Хейлин всем своим существом чувствует, что все будет в порядке. Согласна ли с нею Гвен?

Да, Гвен уверена, что все будет в порядке.

Но самая большая забота, продолжала миссис Хейлин, помимо этой катастрофы и состояния несчастного больного там, наверху,— это Крис. Они сами видят, насколько он отличается от Жюли. Конечно, она ни единым словом не упрекнет своего любимого мальчика, все в этом уверены. Она не скажет ничего, вот только одно слово! Разумеется, она знает, что университет — это совершенно необходимая вещь для всякого приличного молодого человека, если только он не идет на военную или гражданскую службу. Человека судят по тому, в какой школе и в каком университете он учился. Они с Фрэнком не жалели расходов, чтобы дать Крису именно то воспитание, какое нужно. Но она должна сказать, что с ее точки зрения университет, или как теперь полагается говорить, альма-матер, оказывает на ее сына не очень хорошее влияние. Именно там он приобрел привычку сидеть целые дни, уткнувшись в книги, и носиться с какими-то безумными идеями и невозможными теориями, вместо того чтобы

обращать внимание на практическую сторону жизни и предаваться более здоровым занятиям.

— Боже милосердный! — раздраженно сказал Крис. — Что такое «здоровые занятия»? Играть на бирже, не смысла в этом ни бельмеса?

Вот, вот! Миссис Хейлин торжествовала: это замечание доказывает ее правоту. Она хотела лишь сказать, что Гвен — их лучший и единственный друг.

Гвен пробормотала что-то в знак протеста.

Да, да, когда все остальные покинули тонущий корабль их семьи, одна Гвен мужественно осталась с ними. Да разве вот хотя бы теперь она не трудится как вол, не сидит, не разгибая спины за шитьем, к которому, к стати сказать, им пора бы вернуться? Миссис Хейлин чувствует, что Гвен могла бы посоветовать ей что-нибудь и насчет Криса...

Гвен бросила на Криса улыбку, от которой ему стало чуть-чуть не по себе. Казалось, она заключала в себе какой-то скрытый смысл, но какой именно?

Да, настаивала миссис Хейлин, она чувствует, всем своим существом она чувствует, что Гвен может помочь им в отношении Криса. Они с Фрэнком, — Гвен это прекрасно знает, — пойдут просить милостыню, лишь бы не видеть, как страдает Крис...

— Ах, ради бога! — в негодовании прервал Крис, — к чему все это?

Они устали на него, пораженные его грубостью.

Внезапно та, вторая, невозмутимая часть его «я» нашла ответ на вопрос: зачем они это делают? Это отнюдь не было попыткой найти какой-нибудь разумный выход из неприятного положения. К этому они стремились меньше всего; это потребовало бы известного умственного напряжения и труда. Они стремились совсем к другому: насладиться волнующим состоянием смятения, — смерть, свадьба, война, революция — подействовали бы точно также и вызвали бы такую же слезливую реакцию. Вот что они имеют в виду, когда говорят «жизнь», или «настоящие чувства», или «человечность». И это отвратительно. Под герметической крышкой их скучного существования искалеченные человеческие импульсы продолжают жить и мстят за себя такими вот плаксивыми извращениями. Подымите крышку «порядочной жизни», и какая гниль под ней обнаружится!

Крис колебался между отвращением и жалостью.

— Можете продолжать ваши рассуждения насчет

меня,— сказал он,— а я пойду пока поздороваться с отцом.

— Не тревожь его, сделай милость,— проговорила миссис Хейлин жалобным голосом человека, сжившегося с горем.— Он отдыхает.

— Он заболел от потрясения,— сказала Жюльетта.

— Тогда мне тем более следует повидать его,— ответил Крис, направляясь к двери.

Крис тихонько постучал в дверь спальни и, не получив ответа, бесшумно открыл дверь. Его взгляд встретил успокоительное, хотя и несколько странное зрелище. Вглядевшись сквозь тонкую завесу едкого табачного дыма, Крис увидел дородную фигуру своего отца, обложенную подушками, в смятой, неубранной постели, заваленной романами. Мистер Хейлин был в эту минуту поглощен кроссвордом и вздрогнул, можно сказать, почти виновато, когда Крис с тревогой в голосе окликнул его:

— Ну, отец, как поживаешь?

Мистер Хейлин уронил карандаш и газету из безжизненно опустившихся рук, промямлил что-то невнятное и откинулся, по-видимому, в полном изнеможении, на подушки. Он закрыл глаза и тяжело задышал.

Присев на постель, Крис взял его руку и с беспокойством увидел, что полное, мясистое лицо отца покраснело и опухло от жара. Однако предметы, лежавшие на ночном столике, указывали на то, что мистер Хейлин лечил свою болезнь виски с содовой и папиросами.

— Как поживаешь? — мягко повторил Крис.— Мне сказали, что ты заболел. Что с тобой? И как ты — поправляешься?

Мистер Хейлин осторожно открыл глаза, эти простодушные голубые глаза, взгляд которых порой казался честным и вводил в заблуждение даже их обладателя, в особенности их обладателя.

— Паралич,— прошептал он.— Вся левая сторона.

— Паралич! — в ужасе воскликнул Крис.— Господи! Когда? Каким образом? Почему же мне не дали знать?

— Вся левая сторона.— Мистер Хейлин осторожно положил правую руку на левое предплечье, точно боясь, что оно вот-вот взорвется.— Началось после удара. Иногда проходит, а потом опять еще хуже. Не могу пошевелиться, чувствую, что теряю почву под ногами. Мне нужен полный покой,— не впускайте ко мне этих господ со счетами.

Крис был сбит с толку.

— Что говорит доктор? — с беспокойством спросил он.

— Доктора не было,— сказал мистер Хейлин.— Разорившийся человек не может звать докторов. К тому же все они шарлатаны.

— Но послушай, отец,— настаивал Крис,— ведь не можешь же ты лежать так до бесконечности без всякого ухода. Почему не вызвать доктора Вудворда?

— Ни в коем случае! — Для больного человека мистер Хейлин говорил с чрезвычайной энергией.— Не допущу, чтобы он или еще кто-нибудь пичкал меня отравой и колот этими проклятыми иглами или лишал меня моих маленьких удовольствий.— Он снова как-то вдруг сразу ослаб, обессилен и пробормотал: — Оставь меня. Все, что мне нужно, это тишина и покой после этого ада...

— Крис, милый! — В голосе миссис Хейлин звучала бархатистая нежность,— я ведь просила тебя не тревожить папу разговорами о делах, пока он болен.

— Вся левая сторона,— бормотал больной.— Я прошу только тишины и покоя.

Миссис Хейлин подняла Крису с кровати, хмурясь и качая головой. Она проворно оправила простыни и погладила лоб больного.

— Может быть, тебе прислать чего-нибудь, милый? Немножко молока с зельтерской водой или оршаду?

Мистер Хейлин покачал головой, слабо, но с отвращением. Очевидно, паралич отбил у него вкус к этим невинным напиткам.

— Если бы только я был в силах,— простонал он.— Если бы я только мог добраться до этих зазнавшихся мерзавцев...

— Ну, ну, не думай об этом,— сказала миссис Хейлин успокоительно, но с легким оттенком раздражения.— Ты — лежи — спокойно — и отдыхай. Мы сейчас пришлем тебе закусить. Идем, Крис.

— Ничего не понимаю! — воскликнул Крис, останавливая мать на верхней площадке лестницы.— В чем дело? Что с ним такое? Что это, действительно паралич? Но тогда почему он не хочет, чтоб позвали доктора? Ты-то как думаешь,— он серьезно болен?

— Это удар,— пояснила миссис Хейлин терпеливым тоном взрослого человека, втолковывающего маленькому, глупому ребенку нечто само собой очевидное.— Он со временем поправится, если ему дадут покой и отдых. Но к нему не нужно приставать ни с какими вопросами и ни в коем случае не волновать его, в особенности денежными делами.

Крис схватился за голову.

— Кто-то из нас сошел с ума,— сказал он.— По-твоему, я? Нет, это ведь не Дом отчаяния, а скорее Обитель блаженных или Приют для умалишенных. Человек лежит в параличе — и нет доктора. Запутаны денежные дела — и нет юриста. Я, единственный человек, который мог бы временно взять на себя ведение дел,— а мне даже не дают узнать, каково положение, не говоря уже о том, чтобы вместе со мной обсудить его. И, в довершение всей комедии, когда моя карьера погибла, меня вызывают сюда затем, чтобы я, в сущности, ничего не делал, потому что нет денег, и я застаю здесь гостью, с которой вы развлекаетесь среди какой-то вакханалии шелков и вуалей. Кто из нас сошел с ума, мама, вы или я?

Миссис Хейлин засмеялась и поцеловала его с нежным материнским пренебрежением.

— Милый мальчик! Ты иногда бываешь таким смешным, сам того не подозревая. Иногда я начинаю громко смеяться, когда вспоминаю некоторые из твоих удивительных изречений: они такие прелестные и наивные. А теперь беги-ка вниз и поговори с Жюли и Гвен, пока я тут займусь с папой. И не волнуйся, все наладится, вот увидишь.

Крису быстро дали понять, что ни Жюли, ни Гвен в данный момент в нем не нуждаются. Они приняли величаво-безразличный вид, притворились, будто до крайности поглощены своим занятием, подчеркнуто не вовлекали его в разговор, пускали в него стрелы серебристого смеха и вообще вели себя так, как обычно ведут себя самки, когда желают показать самцу, что он лишний и что самое лучшее, если он уберется прочь. Он охотно сделал бы это, но так как единственным выходом было бы отправиться на кухню к кухарке, ему пришлось остаться. Закурив папиросу, он принялся беспокойно ходить взад и вперед, то посматривая с недоумением на горы цветной и белой материи, которые громоздились на столе или вздымались на спинках стульев, то прислушиваясь к их разговору.

— На вашем месте, дорогая,— кокетливо сказала Гвен,— я бы сшила по крайней мере полдюжины сплошь ажурных. Они удивительно изящны и эффектны.

— Да, конечно,— ответила Жюли.— Но знаете, мама думает, что они не совсем приличны!

— Как глупо!

Обе рассмеялись и переглянулись с лукавой скром-

ностью, которая показалась Крису особенно раздражающей.

— Может быть, они и в самом деле казались чуточку фривольными в ее время,— рассудила Гвен.— Но я бы сказала, что теперь мужчине может скорей не понравиться что-нибудь старомодное, как по-вашему?

— Ну, еще бы.

Жюли вздохнула, и на ее красивом лице мелькнуло озабоченное выражение, как будто она рассчитывала что-то.

— Если это случится так скоро, как мы надеемся,— сказала она,— я боюсь, что мы не успеем кончить все к сроку.

— Нужно будет пригласить эту белошвейку...

— Но мы не можем...

— Отлично можем. Позвольте мне заплатить ей. Пусть это будет мой подарок.

— Ах, Гвен, вы душечка! Чем мне отблагодарить вас! Больше Крис не мог сдерживаться: его прорвало:

— О чем вы все время говорите? И к чему все это шитье? Мы что, собираемся открывать модную мастерскую?

— Я думаю, можно ему сказать? — спросила Гвен.

— Почему же нет? — сказала Жюли.— Какое это имеет значение?

— Это к свадьбе Жюли,— сообщила ему Гвен.

— К свадьбе! — Удивление Криса было очень забавно.— А с кем же свадьба? Неужели ты в конце концов решилась выйти за Ронни Комптона, Жюли?

— Конечно нет,— презрительно сказала Жюли.— Неужели ты воображаешь, что я могу выйти за зубного врача, Крис?

— Так за кого же?

— Скажите ему,— сказала Жюли.

— Если все сойдет благополучно,— снисходительно объяснила ему Гвен,— Жюли ровно через месяц станет леди Хартман.

— Не может быть! — недоверчиво воскликнул Крис.

— Почему же нет? — Жюли немедленно перешла в контратаку.

— Ты же знаешь, что представляет собой Джеральд Хартман, так неужели ты серьезно собираешься выйти замуж за такого человека?

— А почему же нет? — высокомерно повторила Жюли.

Крис почувствовал, что обе женщины готовы ринуться

в бой. Он посмотрел сначала на одну, потом на другую и молча вышел из комнаты. У него было смутное ощущение, что, пожалуй, действительно кухня — самое подходящее для него место в этом доме.

ТРИ

Чистые сердцем спят блаженно, тогда как грешники бодрствуют.

С энергией, неожиданной в полупарализованном человеке, мистер Хейлин извлекал ряд причудливых диссонансов из своего скромного носового флажета.

Дамы почивали менее звучно, очевидно выражая свои психологические комплексы в символических снах, которые они немедленно забывали, да и все равно не могли бы истолковать, если бы даже запомнили.

Один Крис лежал без сна, полный беспокойства — не о себе, а о Жюльетте. Чистая душа, — он спрашивал себя: возможно ли, что она выходит замуж за пивовара-баронета из-за денег? Он считал это позором.

Но почему?

В конце концов немногие из обыденных человеческих начинаний требуют стольких расходов, как бракосочетание, особенно в том обширном слое среднего класса, у представителей коего претензий больше, чем наличных денег.

Желание играть роль важной персоны в течение хотя бы одного дня ведет к убранной цветами церкви и к потреблению большого количества низкопробных, но дорогих шипучих вин. Как и во все критические моменты в ее жизни, женщине требуются новые платья. Медовый месяц на континенте обходится в наши дни очень недешево: взять хотя бы обмен валюты и все такое. Юная, освященная браком любовь — важный источник дохода для агентов по недвижимости. Правда, проблема мебелировки в наше время разрешена этими бескорыстными идеалистами, апостолами системы уплаты в рассрочку. Но если вы ко всему подходите всерьез и при этом еще вздумаете размножиться, вам придется иметь дело с докторами и сиделками, детской колясочкой и загородным коттеджем, потому что городской воздух вреден для младенца, и авто, чтобы возить младенца туда и обратно...

Положительно серьезный брак возможен только как дорогая прихоть богатых бездельников.

Кроме того, Крис должен был бы сообразить, что Жюли — молодая женщина без каких-либо высоких интересов в жизни, если не считать сильного желания наслаждаться удобствами и теми благами жизни, которые можно получить за деньги, что она, в сущности, идеальный потребитель, каким его представляют себе экономисты. Когда папа разорился, чем еще она могла добывать себе пропитание? Будучи молодой, хорошенькой и в точности соответствуя идеальному представлению городского дельца о чистой и нежной девушке, она могла совершить прекрасную сделку,— а этот чудак даже не позаботился спросить ее об условиях! Если она может отдать девичество в обмен на солидный пай в годовом доходе сэра Джеральда, разве это не является, попросту говоря, выгодной сделкой? Что же касается неизбежной близости отношений, то — в предположении, что неприглядный собственник достаточно богат,— так ли уж страдают от этой близости женщины типа Жюли, как утверждают сентименталисты?

По-видимому, Крис плохо понимал истинную Цену Денег.

Попробуем теперь рассмотреть Цену Денег применительно к тому небольшому экзогамному племени, к которому принадлежал Крис, сделав попутно несколько замечаний о воле к власти.

Старый Кит Хейлин, дед нашего Криса, вне всякого сомнения обладал волей к власти, хотя он, конечно, никогда не читал Ницше. Он (старик Хейлин, а не Ницше) был мясником. Правда, сам он величал себя «мясопромышленником», но это подразумевает только более крупный масштаб дела и более высокое общественное положение, которого достигали более солидными барышами.

Так вот, во время бурской войны старик Хейлин сумел урвать кусок и удержать его. Интересно, до какой степени подобные изумительно бескорыстные примеры национальной самозащиты обогащают некоторых патриотов. Кусок был недурной: сто тысяч фунтов, как говорили в то время, когда старика сделали мэром города.

Странное дело, но фанатические приверженцы воли к власти, кажется, никогда не отдают себе отчета в том, как неприятно с ними жить, особенно их собственным детям. Один за другим сыновья и дочери старого Хейлина покидали в гневе родительский дом, отягощенные страшным бременем проклятия оскорбленного отца. Каждый раз старик мчался к своему нотариусу и в самых нелест-

ных выражениях лишал неблагодарного отпрыска доли в завещании.

Наконец остался один юный Фрэнк — отец нашего Криса. Он удержался главным образом потому, что у него не хватило пороку сказать старику, что он о нем думает, и отчасти потому, что, желая досадить остальным детям, мэр решил сделать из Фрэнка джентльмена и послал его сначала в лучшую школу, а потом в колледж Святого духа. Благодаря этому Фрэнк никогда не бывал дома достаточно долго, чтобы дело доходило до серьезных ссор, а когда он вышел из своего колледжа, с трудом окончив его и получив диплом, старик предупредительно скончался от апоплексии, словно его прирезали секачом. Возмездие?

Когда завещание было вскрыто, юристы возликовали: оно состояло из ряда язвительнейших пунктов, в которых один за другим были перечислены и с позором отвергнуты все дети. Один Фрэнк был пощажён, и ему досталось все. Разумеется, отвергнутые стали оспаривать завещание, но после того, как юристы заработали на обсуждении этого юридически безупречного документа около десяти тысяч, Фрэнку было милостиво разрешено взять остаток себе. Простачок вроде Фрэнка с таким количеством вложенных в различные бумаги денег находился в такой же безопасности, как измученный пловец посреди Карибского моря. Его сейчас же настигла акула.

Он попался в лапы обедневшей аристократии.

Ах! Эта обедневшая аристократия, представителей которой было так много тридцать лет назад, — что стало с ней? Что стало с благовоспитанными старыми джентльменами, импозантные головы которых — увы! — не содержали в себе ровно ничего? Что стало с весело сводничающими старыми леди? Где обильные выводки мальчиков и девочек, произраставших в удивительной людоедской стране ипотек и псовых охот, судебных повесток и стрельбы, исполнительных листов и любительской набивки чучел? Погибли от пращей и стрел возмутительного государственного бюджета.

В те дни юноши отправлялись искать счастья по свету, что привело к появлению во всех доминионах объявлений: «Англичан просят не обращаться». Девушки оставались дома и надеялись.

Нелл Байуотер воспитывалась в одной из таких разваливающихся семей, не замечая, что даже тогда они были анахронизмом. Она не любила сатирических

зловредных бабушек. На зло им она зачитывалась романами «Знатная дама», «Лорна Дун», «Джон Галифакс джентльмен» и «Золотые дни», Теннисоном и Росетти — всеми этими гнусавыми, но чувствительными душами хищной эпохи. Еще больше не любила она экономить и изворачиваться, перекраивать и перешивать платья старших сестер, не любила пустоту в кладовой и слишком частые появления судебного пристава у кухонного очага. С детства она внимала мечтам и планам насчет «хорошей партии». И так как это было — или казалось — единственным способом вырваться из нужды, это стало для нее почти навязчивой идеей. Хорошая партия была для Нелл панацеей от всех человеческих зол. Не будучи склонной рассуждать, она не задумывалась над тем, что партия могла быть «хорошей» только в одном отношении, то есть для нее.

Велико было торжество Нелл и велика радость Байуотеров, когда Нелл подцепила свою «хорошую партию» в лице Фрэнка. Наплевать на мясные поставки: *pop olet*¹. И во всяком случае, Байуотерам было так плохо, что они выдали бы девушку за любого сколько-нибудь кредитоспособного мужчину. Как Нелл устроила это? Это была ее тайна. Но как примирила она свое возвышенно-сентиментальное мировоззрение с этой удивительной прозорливостью по отношению к самому большому шансу в ее жизни? Она и не пыталась это сделать. Многие ли пытаются примирить свои разноречивые поступки, дать разумное объяснение тем или иным компромиссам с совестью? Очень немногие. Те, кто пытаются это сделать, вероятно, сходят с ума или приходят к религии. Так или иначе, Нелл вышла замуж за своего мясника, принеся ему в приданое квартиру литературной патоки — одного из самых ненужных ангелов-хранителей домашнего очага.

Поэтому было совершенно чудовищно и очень нечестно со стороны судьбы, что после двадцати пяти лет «удачного замужества» его единственная компенсация была утрачена, и Нелл Хейлин снова очутилась в неприятном мире просроченных закладных, исполнительных листов и чеков, возвращаемых с надписью «приостановить уплату». Нельзя сказать, чтобы Фрэнк был расточителен. Но деньги плыли у него из рук. И у него была бессмысленная привычка верить в биржевые сведения, которые он слышал в клу-

---

¹ Деньги не пахнут (лат.).

ных выражениях лишал неблагодарного отпрыска доли в завещании.

Наконец остался один юный Фрэнк — отец нашего Криса. Он удержался главным образом потому, что у него не хватило пороку сказать старику, что он о нем думает, и отчасти потому, что, желая досадить остальным детям, мэр решил сделать из Фрэнка джентльмена и послал его сначала в лучшую школу, а потом в колледж Святого духа. Благодаря этому Фрэнк никогда не бывал дома достаточно долго, чтобы дело доходило до серьезных ссор, а когда он вышел из своего колледжа, с трудом окончив его и получив диплом, старик предупредительно скончался от апоплексии, словно его прирезали секачом. Возмездие?

Когда завещание было вскрыто, юристы возликовали: оно состояло из ряда язвительнейших пунктов, в которых один за другим были перечислены и с позором отвергнуты все дети. Один Фрэнк был пощажен, и ему досталось все. Разумеется, отвергнутые стали оспаривать завещание, но после того, как юристы заработали на обсуждении этого юридически безупречного документа около десяти тысяч, Фрэнку было милостиво разрешено взять остаток себе. Простачок вроде Фрэнка с таким количеством вложенных в различные бумаги денег находился в такой же безопасности, как измученный пловец посреди Карибского моря. Его сейчас же настигла акула.

Он попался в лапы обедневшей аристократии.

Ах! Эта обедневшая аристократия, представителей которой было так много тридцать лет назад, — что случилось с ней? Что случилось с благовоспитанными старыми джентльменами, импозантные головы которых — увы! — не содержали в себе ровно ничего? Что случилось с весело сводничающими старыми леди? Где обильные выводки мальчиков и девочек, произраставших в удивительной людоедской стране ипотек и псовых охот, судебных повесток и стрельбы, исполнительных листов и любительской набивки чучел? Погибли от пращей и стрел возмутительного государственного бюджета.

В те дни юноши отправлялись искать счастья по свету, что привело к появлению во всех доминионах объявлений: «Англичан просят не обращаться». Девушки оставались дома и надеялись.

Нелл Байуотер воспитывалась в одной из таких разваливающихся семей, не замечая, что даже тогда они были анахронизмом. Она не любила сатирических

зловредных бабушек. На зло им она зачитывалась романами «Знатная дама», «Лорна Дун», «Джон Галифакс джентльмен» и «Золотые дни», Теннисоном и Росетти — всеми этими гнусавыми, но чувствительными душами хищной эпохи. Еще больше не любила она экономить и изворачиваться, перекраивать и перешивать платья старших сестер, не любила пустоту в кладовой и слишком частые появления судебного пристава у кухонного очага. С детства она внимала мечтам и планам насчет «хорошей партии». И так как это было — или казалось — единственным способом вырваться из нужды, это стало для нее почти навязчивой идеей. Хорошая партия была для Нелл панацеей от всех человеческих зол. Не будучи склонной рассуждать, она не задумывалась над тем, что партия могла быть «хорошей» только в одном отношении, то есть для нее.

Велико было торжество Нелл и велика радость Байуотеров, когда Нелл подцепила свою «хорошую партию» в лице Фрэнка. Наплевать на мясные поставки: *pop olet*¹. И во всяком случае, Байуотерам было так плохо, что они выдали бы девушку за любого сколько-нибудь кредитоспособного мужчину. Как Нелл устроила это? Это была ее тайна. Но как примирила она свое возвышенно-сентиментальное мировоззрение с этой удивительной прозорливостью по отношению к самому большому шансу в ее жизни? Она и не пыталась это сделать. Многие ли пытаются примирить свои разноречивые поступки, дать разумное объяснение тем или иным компромиссам с совестью? Очень немногие. Те, кто пытаются это сделать, вероятно, сходят с ума или приходят к религии. Так или иначе, Нелл вышла замуж за своего мясника, принеся ему в приданое квартиру литературной патоки — одного из самых ненужных ангелов-хранителей домашнего очага.

Поэтому было совершенно чудовищно и очень нечестно со стороны судьбы, что после двадцати пяти лет «удачного замужества» его единственная компенсация была утрачена, и Нелл Хейлин снова очутилась в неприятном мире просроченных закладных, исполнительных листов и чеков, возвращаемых с надписью «приостановить уплату». Нельзя сказать, чтобы Фрэнк был расточителен. Но деньги плыли у него из рук. И у него была бессмысленная привычка верить в биржевые сведения, которые он слышал в клу-

---

¹ Деньги не пахнут (лат.).

бе,— привычка, обходившаяся гораздо дороже, чем множество заурядных пороков. Его последним подвигом и непосредственной причиной теперешней катастрофы было финансирование какого-то идиотского «изобретения», лансированного мошенниками-спекулянтами. Запоздалое открытие, что вся эта история — блеф, была для Фрэнка тем, что в его семье иносказательно именовалось «ударом».

Встретил ли Фрэнк этот удар со стойкостью, приличествующей офицеру и джентльмену? Пользуясь методом, заслуживающим широкого признания, он свалил свое моральное бессилие разрешить создавшееся положение на физическую беспомощность; и слег в постель, требуя тишины и покоя и предоставив Нелл расхлебывать кашу. Старуха и расхлебывала ее, проявляя при этом удивительное сочетание находчивости, хитрости, бесстыдной расчетливости и слезливой сентиментальности.

В одном отношении она была совершенно такой же, как Фрэнк: намерения у нее были хорошие. Но ее хорошие намерения сводились к тому, что считала хорошим она сама — не Жюльетта, не Крис и не здравый смысл. Тем не менее она спала мирно, в полной уверенности, что планы ее превосходны. Жюльетте и Крису и Фрэнку, Гвен и Джеральду, Ронни и Анне нужно только подчиниться ее воле и поступать так, как придумала она,— и все будет хорошо: Не столько для них, правда, сколько для нее.

Здесь гении-хранители семейного очага могут остановиться в благоговении, спрашивая себя: не была ли воля к власти старого мясника всего лишь дряхлой колымагой по сравнению с той энергией динамо, которую развивала старуха, когда-то обливавшаяся слезами при чтении сентиментального романа.

ЧЕТЫРЕ

Через несколько дней Крис писал в колледж своему другу Джоффри Хоуду:

Дорогой Хоуд!

Я обещал написать вам, что происходит здесь, но на самом деле я пишу главным образом для того, чтобы испытать ощущение того, что разговариваю со здравомыслящим человеком. Зачем мудрецы Святого духа

учили нас преклоняться перед Разумом, когда человек — такое безрассудное животное?

Я вернулся к своему блудному семейству, готовый ради них отдать на заклятие упитанного тельца (то есть самого себя); но мне следовало бы захватить с собой отряд психологов и этнологов. Без подобных специалистов, которые могли бы объяснить мне, в чем дело, я теряюсь и не знаю даже, с чего начать. Жаль, что сюда нельзя залучить ученых вроде Риверса и Малиновского. Я все больше и больше убеждаюсь, что этнографические исследования нужно начинать с собственного дома.

Здесь полный хаос, кавардак и неразбериха. Были сцены — ах, ну и сцены! — столь же мучительные, сколь нелепые. Я пребываю в состоянии какой-то никчемности и стыда. Мой отец без долгих разговоров слег в постель. Мать лепечет что-то о грядущей таинственной манне небесной, — какой, откуда, когда? — а пока что лихорадочно шьет дамское белье совместно с моей сестрой и миссис Мильфесс. Ни по поводу болезни отца, ни по поводу его дел не предпринимается ровно ничего.

Моя сестра готовится выйти замуж за человека по имени Джеральд Хартман. Он богатый баронет и всегда напоминает мне одного из тех играющих на повышение дельцов, о которых читаешь в биржевой хронике. Он разводит борзых для охоты, разъезжает на невероятно мощных гоночных машинах, и ему ничего не стоит отправиться в Африку на аэроплане ради охоты на диких зверей. Он толст, и ему сильно за сорок; в общем это один из оставшихся в живых благородных представителей поколения великой войны.

Жюли выходит за него замуж из-за денег, поощряемая и подстрекаемая своими дальновидными родителями. разве только ревность «юного самца» заставляет меня чувствовать, что ее замужество — чудовищный шаг? Я уверен, что на самом деле ей хотелось выйти замуж за одного здешнего приятного и неглупого юношу, но, так как он работает в качестве зубного врача, и притом без всяких средств, он, конечно, для нас табу. Все это окутано туманом романтических претензий. На этот брак смотрят как на проявление каких-то сладеньких последиккенсовских сантиментов, тогда как всем ясно, что это всего лишь экономическая сделка. Помните, как мы спорили по поводу утверждения Бриффо, что брак первоначально имел чисто экономическое значение? Вот лишнее доказательство его правоты!

Я спрашиваю себя: действительно ли хочет моя сестра быть дорогой содержанкой, или она воображает, что приносит себя в жертву? Вероятно, то и другое.

Во всем этом моя роль — неизвестная величина X, которая, по-видимому, равна нулю. В ответ на разумные вопросы я получаю только таинственные намеки. Непосредственной целью, ради которой была погублена моя академическая карьера, является, по-видимому, то, что я повезу приданое Жюли в Лондон и буду свидетелем законного скрепления этой любовной сделки.

Во всяком случае, мне приказано сейчас же по возвращении сэра Дж. из Восточной Африки отправляться в Лондон с сестрой и жить там у миссис Мильфесс. Мать остается здесь ухаживать за отцом, но приедет на свадьбу. Оцените всю красоту этого плана! Сэру Дж. не дают приехать сюда и прослышать о «несчастьи» от местных кумушек. В случае, если сэр Дж. вздумает задавать вопросы, болезнь отца — великолепное алиби. Единственный человек в Лондоне, который мог бы рассказать обо всем, это миссис Мильфесс; а она, по словам матери, чиста как голубица и нема как рыба.

Должен ли я что-нибудь предпринять, и если да, то что именно?

Как это ни странно, Гвен (миссис Мильфесс) — единственный человек из всей этой компании, который снисходит до общения со мной. Она довольно привлекательна: одна из тех чувствительных кудрявых пепельных блондинок, которые могут быть кем угодно, от обнищавших герцогинь до состоятельных машинисток. Она берет меня на прогулки, точно я домашняя собачка, и изливает мне свою душу.

Она рассказывает мне, что ее брак был «детской ошибкой», она вышла замуж за человека гораздо старше себя, «это замужество, по правде говоря, не было настоящим замужеством, он был мне все равно что отец». Почему это женщины выходят замуж за подставных отцов, а после проливают слезы по этому поводу? И потом, следует ли понимать это буквально? Ума у нее немного, но она, по-видимому, готова пополнять свое образование. Жалуется на свое «одиночество»; оно служит для нее предлогом, когда она прерывает мои занятия. Должен сказать, что она мне скорее нравится.

Однако же, если перейти к серьезным делам, ясно, единственный выход для меня — это уехать отсюда. Но как? Ведь денег у меня нет. Нет нужды говорить

мне, что «при разумном общественном строе жизнь интеллектуального труженика будет организована правильно и ему будет оказываться денежная поддержка». Возможно, но это, даже если и верно, не утешение. В ожидании, пока утопия станет реальностью, мне нужна работа. Работа мне понадобится даже в утопическом обществе. А пока в нашем обществе, где царствует хаос, мне нужно получить любую работу на то время, пока я буду пытаться получить ту, которая мне больше всего подходит. Просто и ясно!

Я пишу Чепстону, чтобы он дал мне знать, если услышит о каком-нибудь подходящем месте. Может быть, и вы поможете мне в этом отношении?

Мне здесь очень недостает вас и остальных друзей. Я живу точно в каком-то изгнании. Раньше я этого не замечал, потому что у меня были определенные занятия и надежда вырваться из тупика. Но это все равно что жить среди деревенских богатеев, прогнивших умственно и морально. Все здешние обитатели живут ненормально. Сумма годового дохода всех рантье этого уголка исчисляется, вероятно, сотнями тысяч фунтов. На эти деньги не делается ничего разумного. Они уходят на поддержание расточительного и уродливого образа жизни, жизни, которую даже те, кто ею пользуется, считают скучной. Им всем так скучно, что они не знают, что бы им сделать еще. Но они так страшатся каких бы то ни было перемен, что у всех у них одна только цель — увековечить и сохранить уклад, который, как бы он ни был скучен, дает им «безопасность». «Безопасность» от жизни. Но они не хотят жить, не хотят делать усилий или добиваться чего-то: они хотят жить по-старому, на незаработанный доход.

В результате все они насквозь пропитаны фальшью. Им нужно как-нибудь оправдать свои незавидные привилегии (?), а это приводит к удивительному самообману. Они всегда говорят одно, а делают другое, всегда скрывают свои истинные побуждения от самих себя и от других, маскируя их лживыми чувствами и нелепыми аргументами, которые они привыкли считать признаком респектабельности. Все это было бы комично до последней степени, если бы не было так разрушительно и разорительно. Смешно слушать, как мои родители издеваются над тупостью людей «викторианской эры» и похваляются своим свободомыслием. (Остроты на сексуальные темы допускаются «до известного предела»; по воскресеньям

играют в гольф и бридж; кроме того, читаются романы, где действующие лица ложатся в постель вдвоем, не будучи женатыми. Передовые люди, не правда ли?) Они не замечают, что с нашей точки зрения они несколько не отличаются от тех самых людей, над которыми они смеются, и от тех, которые между прочим нажили деньги, служащие для них источником существования и предметом поклонения.

Может быть, это лишь результат возраста, неизбежного стремления превратиться в пассажиров, увлекаемых телегой жизни? Или это унижительное последствие рент для людей, интеллектуально несостоятельных?

Что же делать нам? Что делать нам? Мы живем в мире, находящемся в состоянии фактической или скрытой революции: позади — хаос одной мировой войны, впереди — угроза другой, еще более ужасной. Великолепная перспектива!

ПЯТЬ

В эти дни Крис бесцельно подчинялся чужим желаниям, раздраженный бесполезной тратой своих сил.

Он впал в подавленное нервное состояние человека, не имеющего никакого занятия. Он не мог ни за что приняться и целыми днями бесцельно бродил. С наступлением темноты или в дождливую погоду он мрачно забирался в «библиотеку» — комнату, заставленную полками со старыми заплесневелыми книгами, и смотрел в окно на мокрую лужайку и разросшийся кустарник.

Как-то вечером он стоял там и уныло смотрел в открытое окно. Снаружи доносились грустный запах осени, едкий дым сжигаемых листьев, жертвоприношение усталой влажной земли. Ноябрьские сумерки дрожали от пронзительного крика скворцов, которые все кружили и кружили стайками, садясь на деревья с легким шелестом крыльев и быстро постукивая коготками по веткам.

«Они счастливы. Утром они рождаются для нового бесконечного дня; вечером мирно умирают для новой бесконечной ночи. Мы цепляемся за прошлое и будущее и упускаем вечное настоящее...»

— Можно нам войти? — послышался голос Жюльетты. Она и Гвен принесли коктейль и бокалы.

— Почему же нет?

Крис закрыл окно, подбросил дров в камин и пододвинул кресла Жюли и Гвен.

— Не излишняя ли это роскошь? — спросил Крис, неохотно беря протянутый ему бокал.

— Будет тебе киснуть, — ответила Жюльетта, — выпейка и развеселись. Ты на всех нас тоску наводишь своим унынием. Правда, Гвен?

— Нам бы хотелось видеть вас более счастливым, — робко сказала Гвен.

Крис пожал плечами. Какой смысл спорить?

— Ему нужно будет заказать новый костюм в Лондоне, — снисходительно сказала Жюльетта, обращаясь к Гвен. — Эти его вещи ужасны. Терпеть не могу эти студенческие куртки и фланелевые брюки, а вы?

— Новый костюм! Женский бальзам от всех страданий! — рассмеялся Крис. — Ты забываешь, что я не девушка, Жюли.

— И очень жаль. Ты был бы гораздо рассудительней, и с тобой легче было бы иметь дело.

— А я рада, что он мужчина, — наивно сказала Гвен и сейчас же вспыхнула.

— Очень вам благодарен. — Крис поклонился. — А теперь, после того как мне простили мой пол, скажи, пожалуйста, какие у меня могут быть основания чувствовать себя счастливым — если не считать нового костюма, который мне не нужен и который нам не по средствам.

— Я заплачу за него, — надменно сказала Жюльетта.

— Из каких это средств? Деньгами баронета? А если я не желаю принимать от него подарки?

— Не оскорбляй меня!

— А тебе не кажется, что такое предложение может быть оскорбительным для меня?

— Да будет тебе мудрить и выдумывать, — нетерпеливо сказала Жюльетта. — Из-за чего ты так огорчаешься?

— Всего-навсего загублена моя карьера, всего-навсего кажется унижительной и гнусной вся эта финансовая канитель; всего-навсего я должен быть свидетелем того, как ты бросаешь человека, который был тебе небезразличен, чтобы выйти замуж за богатое животное.

— Крис! Как смеешь ты так оскорблять меня и Джерри? Что ты знаешь о нас?

— Слишком много, к сожалению.

— О, поменьше горечи, Крис, прошу вас, не надо, — в отчаянии простионала Гвен.

— Не во мне горечь; правда горька, — он повернулся

к Жюли.— Я не хотел говорить об этом, но теперь я должен высказаться или у меня на всю жизнь останется чувство, что я не предостерег тебя. Жюли! Подумай, что ты делаешь! Попробуй видеть вещи такими, какие они есть. Тебя толкает на это мать. Ты знаешь, что она помешана на «хороших партиях», а посмотри, к чему привел ее собственный брак! Ведь отец всегда ей был безразличен, и теперь все ее собственнические инстинкты направлены на нас и в частности на тебя. Она смотрит на тебя не как на самостоятельную личность, самостоятельность которой священна, а как на часть самой себя. Она пользуется своей властью над тобой, чтобы заставить тебя добиться того, чего хотелось ей самой. Но она не думает о тебе и о Хартмане как о людях, которым придется вместе жить. Она смотрит на вас как на социальные абстракции. Не позволяй ей толкать тебя на то, чего ты на самом деле не хочешь...

— Я уверена, что она ничего подобного не делает,— оборвала его Гвен. Крис не обратил на нее внимания. При свете камина он видел лицо Жюли и понял, что она взволнована.

— Жюли! — продолжал он взывать к ней.— Мы уже не дети. Нам незачем бессмысленно подавлять в себе живые чувства, как то делали наши родители. Мы можем избежать их ошибок, если у нас есть хоть капля мужества и здравого смысла. Не позволяй матери превращать твою жизнь в ад. Ведь часто брак — даже в самом лучшем случае — вещь достаточно тяжелая, еле прикрытый компромисс. Может быть, его вообще следовало бы упразднить. Но во всяком случае, для культурных людей позор, когда брак становится всего лишь финансовой сделкой.

— Не понимаю, какое право ты имеешь говорить подобные вещи! — воскликнула Жюли, радуясь возможности скрыть свое замешательство.

— Ну а что же это, по-твоему? Стала бы ты иметь с ним дело, если бы у него не было денег? К тому же ты знаешь, что он за человек.

— Не вижу...— возмущенно начала Жюли.

— Потому что ты не хочешь видеть. Послушайте, мне хотелось бы поговорить с вами обеими вполне откровенно. Вы женщины, и вы не будете отрицать роль пола. Что бы ни говорили всякие лицемеры, пол в значительной мере управляет нашей жизнью. Если половое чувство подавлено или искажено, люди сходят с ума, становятся несчастными и злыми. Старый кодекс поведения полов

основан на лживых предпосылках и создан лживым социальным и экономическим строем, который явно терпит крушение.

— Какое это имеет отношение ко мне? — спросила Жюли.

— Так вот, попробуем применить это к нам самим. Предполагается, что мы — самое эмансипированное поколение; но так ли это на самом деле? Правда, нам дали отдельный ключ от дома и разрешили иметь друзей по собственному выбору и мы знаем о противозачаточных средствах. Но по существу Жюли по-прежнему живет во власти лицемерия. Она выросла, веря, как и ее мать, что единственное открывающееся перед ней поприще, это «хорошая партия». Но, Жюли, это ведь самый верный способ подавить и извратить свое естественное сексуальное влечение. Тебе не нужен Джеральд, тебе нужны его деньги. Ты как вещь отдаешь себя тому, кто платит больше!

— Скоро ты назовешь меня проституткой!

— Что ж, ведь здесь лишь разница в степени, — быть законной наложницей одного мужчины за часть его дохода или незаконной наложницей многих мужчин за наличные и сдельно. Но я понимаю, какая перед тобою встает дилемма. Что еще ты можешь делать? Тебя намеренно воспитали так, чтобы ты не могла заботиться о себе, и выбор у тебя один — или продать себя, или зарабатывать, служа другим...

— Тебе, вероятно, хотелось бы видеть меня в ресторане? — саркастически спросила Жюли.

— А что дурного — подавать людям еду? Или, потвоему, это менее почтенное занятие, чем стрелять в беззащитных жирафов и наживаться на собаках?

— Ах, не болтай глупостей!

— Давай заключим с тобой договор, Жюли. Через год, начиная с сегодняшнего дня, ты сама решишь, кто из нас двоих сейчас глуп. Искренне и вполне серьезно я считаю, что для тебя было бы гораздо, гораздо лучше отказаться от этой узаконенной проституции, взять работу и подождать, пока ты найдешь человека, который будет тебе настоящим товарищем и от которого ты бы хотела иметь детей. Ты знаешь, что тебе не нравится все, что нравится Хартману, — его пристрастие к борзым, охота, азартные игры, гонки и так далее. Ты не выдержишь этого. Но даже и с этим можно было бы примириться, если бы тебе нужен был он как мужчина, а не только та безвкусная роскошь, которую он может тебе доставить. Скажи мне

одно: так ли сильно желает его твое тело, чтобы ты стремилась иметь от него детей?

— Ну знаешь, на *такой* вопрос я не буду отвечать!

Жюли вскочила на ноги с возмущением, которое было искренним только наполовину.

— Потому что ты не смеешь ответить правду. Жюли, милая, скажи: если бы не эти проклятые деньги и не приставанья матери, разве нет такого человека, которого ты действительно хочешь, который был бы для тебя всем тем, чем не может быть Хартман?

— Что ты хочешь сказать? — неосторожно спросила она.

— Ты знаешь это так же хорошо, как я: я говорю о Ронни, — сухо сказал Крис.

Он тотчас же пожалел об этом. Жюльетта безмолвно уставилась на него как раненый зверек и вдруг, разразившись слезами, выбежала из комнаты, за нею последовала Гвен.

Крис остался сидеть, мрачно глядя в огонь. Гвен вскоре вернулась и села подле него.

— Жюли прилегла, — укоризненно сказала она в ответ на его вопрос. — Вы были с ней грубы, Крис.

— Я был глуп, — мрачно сказал он.

— Я не могу понять, почему вы были так жестоки.

— Я не хотел быть жестоким. И не был. Я просто говорил самоочевидные истины. Но с моей стороны было глупо пытаться убедить женщину, взывая к ее разуму. Следовало бы неожиданно привести сюда Ронни и оставить их вдвоем. Он нашел бы правильные аргументы *ad feminam*¹.

— Не делайте этого, — быстро сказала Гвен. — Обещайте мне, что вы этого не сделаете!

— Ха! — сардонически воскликнул Крис. — Это доказывает, что я прав. Вы знаете, чего она в действительности хочет. Но я не приведу Ронни. Знаете почему? Потому что, пока она будет в его объятиях, она пообещает одно, а как только вернется к матери, пообещает совсем другое. А так как она во власти матери, — у матери девять шансов против одного. И потом, почему я знаю, будет ли она счастлива с Ронни? Она, может быть, возненавидит его ровно через два года. И наконец, что станет тогда со мной, новым Пандаром из Трои?

Гвен ничего не ответила; она задумчиво смотрела в

---

¹ Для женщины (лат.).

огонь, чуть-чуть отвернувшись от Криса, сложив руки на коленях. Погруженный в свои мысли, Крис едва замечал ее опасные прелести. Почти бессознательно,— а это особенно опасно,— он нанизывал впечатления: блеск золотых бальных тупфелек и тонкие линии очаровательных ножек, туго обтянутых шелковыми чулочками; стройные руки, с которых сняты все кольца, в том числе и обручальное; обаяние искусно-безыскусственных локонов и задорного грезовского профиля. Косметика и хорошие духи распространяли слабый, но коварный аромат.

— Ничего, если я попрошу вас задернуть занавески, Крис,— сказала она наконец, привлекая его внимание к темным впадинам окон.— Что-то сквозит.

— Конечно.— Крис тщательно задернул их и добавил: — А свет зажечь?

— Ах нет, не нужно! Я обожаю свет камина. Приятно отгородиться от холода и темноты и сидеть у огонька. Я исповедую, должно быть, культ очага.

— Вот именно,— сказал Крис одобрительно, так как она совершенно случайно задела одну из его излюбленных тем.— Это ключ к пониманию нашей северной цивилизации. Мы смотрим внутрь, на домашний очаг; жители юга смотрят наружу, на солнце. У нас книги и чайные сервизы, у них статуи и расписные колоннады.

Но это было совсем не то, чего ожидала от него Гвен. Она тихонько вздохнула и попробовала начать игру другим гамбитом, гораздо более выразительным.

— Неужто вы не верите в любовь? — спросила она с деликатной пытливостью.

— Что вы называете «любовью»?

— Вы отлично знаете, о чем я говорю!

— В том-то и дело, что нет. Это одно из самых двусмысленных слов. Меня поучают любить господа бога, любить ближнего как самого себя, любить родителей и родных и любить детей, если таковые у меня есть. И мне разрешается любить одну особу противоположного пола, или, если я порочен и в то же время мне везет, я могу любить нескольких на протяжении своей жизни. Что общего между всеми этими чувствами, если не считать отдаленной и абстрактной аналогии? Разве я должен испытывать сексуальное влечение к всемогущему или петь псалмы даме моего сердца?

— Вы говорите неприличные вещи,— с мягким упреком сказала Гвен,— и мне хотелось бы, чтобы вы относились ко всему не так цинично.

— Когда итальянец хочет сказать «я люблю тебя», он говорит: «Ti voglio tanto, tanto bene», что дословно значит: «Желаю тебе много, много добра»,— необдуманно сказал Крис.— Я думаю, общепринятое представление о «любви» можно определить как состояние интенсивного, но невыявленного полового влечения, которое сочетается с искренним желанием добра объекту, даже в ущерб самому себе, но предпочтительно в ущерб кому-нибудь другому. Пока это так, это весьма популярное умосостояние, ибо это самая увлекательная и приятная из всех форм самоопьянения.

— Смейтесь, смейтесь,— пригрозила ему Гвен,— но когда-нибудь вы переменитесь. У вас есть сердце, Крис, я это знаю. Когда-нибудь оно отомстит за себя.

— Ну что ж,— шутливо сказал Крис,— уж если дойдет до этого, тогда верно и переменюсь.

— И вы в самом деле воображаете, что я верю, будто вы считаете любовь всего лишь низменной половой страстью?

— Я не считаю пол ни чем-то «возвышенным», ни чем-то «низменным». Пол есть пол, и это все. Человеческое воображение украсило его всяческими изящными и причудливыми побрякушками. Ну так что ж? Лишь бы не забывалась и не извращалась истина, лежащая в основе. Пусть у нас будет искусство любви, пожалуйста! Пусть люди наслаждаются своим полом как им угодно, но во имя здоровья и здравого смысла пусть они понимают, что делают!

— Это чистейшее язычество!

— Чем бы это ни было!

— Но ведь существует же платоническая любовь?

— Платон был гомосексуалистом. Но если состояние длительного возбуждения, известное под этим именем, действительно встречается в жизни, тогда оно настолько редко, что его можно назвать только «извращением».

— Я рассержусь на вас, если вы будете так искажать слова,— капризно сказала Гвен.

— И я объясню вам, почему,— увлеченно продолжал Крис, следя больше за ходом своих мыслей, чем за Гвен.— Я опять делаю точно такую же ошибку, как с Жюли. Я взываю к вашему рассудку, вместо того чтобы пользоваться избитыми фразами. Я пытаюсь заставить вас мыслить реально, а вы обижаетесь, и вам кажется, что я поношу женщин. Вы хотите, чтобы я рассуждал

о плотских реальностях так, точно это высокопарные абстракции. Это в вас говорит тщеславие, только и всего!

— Крис! — она вскочила и, прикладывая к глазам чистейший носовой платочек, зарыдала: — Вы не должны оскорблять ни меня, ни вашу сестру. И я ничуть... ничуть не тщеславна... это вы... сидит здесь такой циничный... и говорит грубости, когда я... хотела, чтоб мы были друзьями...

— Дорогая моя Гвен! — Крис в полном отчаянии вскочил с кресла и горячо схватил ее за руки. — Да чем же я вас так обидел? Простите, бога ради. Я...

— Я знаю, вы не хотели обидеть меня, — сказала Гвен, трогательно всхлипывая, но глядя на него сквозь слезы сияющим взглядом. — Но я знаю, что любовь — это *настоящее* чувство! И женщины не только тщеславны и ветрены.

— Боже сохрани! Если бы они были только тщеславны и ветрены, какое это было бы счастье! Я хочу сказать... Извините меня... Я не говорю ни о ком лично. Вы должны это знать. — И, от всей души желая показать свои дружеские чувства и поскорей покончить с этой сценой, он добавил, не думая о словах и выражаясь чисто метафорически:

— Ну, а теперь поцелуемся и будем друзьями!

— О, Крис, если бы мы могли быть друзьями!

И тут Гвен, принимая его слова буквально, обвила его шею руками и прижала свои губы к его губам в поцелуе, который был, безусловно, более крепким, более ласковым и более длительным, чем простой поцелуй примирения.

«Боже! — подумал Крис, вынужденный отвечать ей таким же приветствием. — Я настоящий осел. Довел двух женщин до слез, а теперь меня втянули в любовную игру с одной из них, чего я вовсе не хотел! А, что там...»

Один поцелуй превратился в два, в три, в множество. Опрометчиво он привлек к себе соблазнительное и совершенно несопротивляющееся женское тело, и так они стояли и целовались в тихой комнате, где красные угли все еще мерцали в камине.

ШЕСТЬ

Никогда отчаяние не бывает таким мучительным, как в юности. Это не холодное отчаяние тех, кто рассудочно стью довел себя до полного опустошения; в юности мы знаем горячее отчаяние подавленных импульсов жизни.

— Когда итальянец хочет сказать «я люблю тебя», он говорит: «Ti voglio tanto, tanto bene», что дословно значит: «Желаю тебе много, много добра»,— необдуманно сказал Крис.— Я думаю, общепринятое представление о «любви» можно определить как состояние интенсивного, но невыявленного полового влечения, которое сочетается с искренним желанием добра объекту, даже в ущерб самому себе, но предпочтительно в ущерб кому-нибудь другому. Пока это так, это весьма популярное умосостояние, ибо это самая увлекательная и приятная из всех форм самоопьянения.

— Смейтесь, смейтесь,— пригрозила ему Гвен,— но когда-нибудь вы переменитесь. У вас есть сердце, Крис, я это знаю. Когда-нибудь оно отомстит за себя.

— Ну что ж,— шутливо сказал Крис,— уж если дойдет до этого, тогда верно и переменюсь.

— И вы в самом деле воображаете, что я верю, будто вы считаете любовь всего лишь низменной половой страстью?

— Я не считаю пол ни чем-то «возвышенным», ни чем-то «низменным». Пол есть пол, и это все. Человеческое воображение украсило его всяческими изящными и причудливыми побрякушками. Ну так что ж? Лишь бы не забывалась и не извращалась истина, лежащая в основе. Пусть у нас будет искусство любви, пожалуйста! Пусть люди наслаждаются своим полом как им угодно, но во имя здоровья и здравого смысла пусть они понимают, что делают!

— Это чистейшее язычество!

— Чем бы это ни было!

— Но ведь существует же платоническая любовь?

— Платон был гомосексуалистом. Но если состояние длительного возбуждения, известное под этим именем, действительно встречается в жизни, тогда оно настолько редкостно, что его можно назвать только «извращением».

— Я рассержусь на вас, если вы будете так искажать слова,— капризно сказала Гвен.

— И я объясню вам, почему,— увлеченно продолжал Крис, следя больше за ходом своих мыслей, чем за Гвен.— Я опять делаю точно такую же ошибку, как с Жюли. Я взываю к вашему рассудку, вместо того чтобы пользоваться избитыми фразами. Я пытаюсь заставить вас мыслить реально, а вы обижаетесь, и вам кажется, что я поношу женщин. Вы хотите, чтобы я рассуждал

о плотских реальностях так, точно это высокопарные абстракции. Это в вас говорит тщеславие, только и всего!

— Крис! — она вскочила и, прикладывая к глазам чистейший носовой платочек, зарыдала: — Вы не должны оскорблять ни меня, ни вашу сестру. И я ничуть... ничуть не тщеславна... это вы... сидит здесь такой циничный... и говорит грубости, когда я... хотела, чтоб мы были друзьями...

— Дорогая моя Гвен! — Крис в полном отчаянии вскочил с кресла и горячо схватил ее за руки. — Да чем же я вас так обидел? Простите, бога ради. Я...

— Я знаю, вы не хотели обидеть меня, — сказала Гвен, трогательно всхлипывая, но глядя на него сквозь слезы сияющим взглядом. — Но я знаю, что любовь — это *настоящее* чувство! И женщины не только тщеславны и ветрены.

— Боже сохрани! Если бы они были только тщеславны и ветрены, какое это было бы счастье! Я хочу сказать... Извините меня... Я не говорю ни о ком лично. Вы должны это знать. — И, от всей души желая показать свои дружеские чувства и поскорей покончить с этой сценой, он добавил, не думая о словах и выражаясь чисто метафорически:

— Ну, а теперь поцелуемся и будем друзьями!

— О, Крис, если бы мы могли быть друзьями!

И тут Гвен, принимая его слова буквально, обвила его шею руками и прижала свои губы к его губам в поцелуе, который был, безусловно, более крепким, более ласковым и более длительным, чем простой поцелуй примирения.

«Боже! — подумал Крис, вынужденный отвечать ей таким же приветствием. — Я настоящий осел. Довел двух женщин до слез, а теперь меня втянули в любовную игру с одной из них, чего я вовсе не хотел! А, что там...»

Один поцелуй превратился в два, в три, в множество. Опрометчиво он привлек к себе соблазнительное и совершенно несопротивляющееся женское тело, и так они стояли и целовались в тихой комнате, где красные угли все еще мерцали в камине.

ШЕСТЬ

Никогда отчаяние не бывает таким мучительным, как в юности. Это не холодное отчаяние тех, кто рассудочно стью довел себя до полного опустошения; в юности мы знаем горячее отчаяние подавленных импульсов жизни.

Подвергаемые организованному искоренению в бессмысленном обществе, умирающие импульсы внушают всему организму мысль о самоубийстве. Они кричат, что не стоит труда продолжать, что при цивилизации, не оставляющей места для подлинной жизни, самое достойное — это умереть.

Делать, знать, познавать на опыте; чувствовать себя страстно живым; отвечать на все призывы широкого мира, простирающегося вокруг человеческого «я»: по убеждению, а не по принуждению участвовать в каком-нибудь великом коллективном начинании; радостно и не испытывая стыда, соединяться с людьми противоположного пола и достигать высшего блаженства удовлетворенных желаний — таковы важнейшие потребности человека. Они подавляются во имя дивидендов. Да, во имя Вечных Десятипроцентных Консолей, проценты по которым должны выплачиваться еще долго после того, как солнце погаснет и превратится в обугленную головешку.

Мы строим скучную и шумную тюрьму и называем ее цивилизацией, тогда как уже теперь мы в силах сделать жизнь богаче и разумнее, как то и не снилось нашим предкам. Среди узников цивилизации самыми угнетенными и несчастными чувствуют себя те, кто стоит в стороне и ждет. Ужасна трагедия лишних и никчемных, этой огромной армии труда, которая портится и приходит в негодность в то время как армии убийства растут и растут, готовясь защищать бессмысленный мир и слепо разрушать надежду на мир лучший, на поколение более прекрасное, чем наше...

В столь приятном настроении и с такими мыслями юный Кристофер отправился завоевывать любимую девушку, весело шагая в унисон с флейтами и скрипками великого капельмейстера Любви; или, может быть, нам следует по правде признаться, что ему наскучило одиночество и захотелось переложить часть своих огорчений на плечи Анны?

Как бы там ни было, он позвонил ей из автомата на почте и добился приглашения к чаю.

Отец Анны занимался «натаскиванием к экзаменам». Иными словами, за уплачиваемый авансом гонорар он принимал под свой кров молодых людей, страдающих неизлечимой неспособностью к наукам, и честно натаскивал их, вбивая в их тупую башку известное количество бессистемных и ложно понятых сведений в количестве, достаточном для того, чтобы эти молодые люди прошли

сложный китайский церемониал экзаменов и тем самым приобрели неизмеримую ценность для общества.

Многие из этих молодых людей, особенно вновь прибывшие, рассчитывали добиться той или иной степени близости с Анной, которая была недурна собой; но немногим, а может быть, никому это не удалось.

По его особой просьбе Анна приняла его в отдельной комнате. Это была так называемая «студия», потому что в ней не было окон и была стеклянная крыша, а также потому, что Анна иногда занималась здесь лепкой.

Когда Крис вошел, Анна стояла коленапреклоненной на подушках перед камином, приготавливая чай. Она была высокой и полногрудой девушкой; у нее был яркий цвет лица, который так привлекателен в брюнетках. Легким движением поясницы и бедер она поднялась на ноги с той грацией, которая невольно появляется у женщин, когда на них кто-нибудь смотрит, и за которую они расплачиваются неуклюжестью, когда остаются одни. Дега это знал, а Крис — нет.

Ему очень хотелось поцеловать ее. Но он сейчас же подавил это желание. Почему он боится поцеловать Анну, когда всего лишь накануне вечером он без всякого труда — и даже, как несколько удивленно признался он себе, с большим удовольствием — целовался с Гвен? Очевидно, взяв на себя инициативу, Гвен застраховала его от обидного отпора и, перешагнув через незримую границу обычаев, молчаливо сняла с него всякую ответственность. Тогда как поцеловать Анну — это значило сделать шаг по направлению к отдаленному, но возможному браку, к ловушке, из которой, по словам древнего сатирика, «мужчине выхода нет».

Итак, он не поцеловал ее.

Анна усадила его в кресло, а сама примостилась на ярких подушках перед камином; она казалась маленьким, смуглым сфинксом, занятым приготовлением чая. По своему мужскому эгоизму Крис, конечно, решил, что Анна будет говорить о нем, но был разочарован. Повозившись немного с ложками для сливок и гренками, Анна сказала с деланной небрежностью:

— Я уезжаю в Лондон после рождества.

— Надолго?

— Совсем!

— Я не знал, что ваш отец...

— При чем тут отец? У меня будет свое собственное дело.

— Дело!

Крис почувствовал недоверие и зависть: у Анны дело, а он, представитель высшего пола, не имеющий пособия прилебатель фортуны!

— Да, мы с Мартой Викиршем совместно открываем предприятие,— важно сказала Анна.— Марта сняла чудесный домик в Челси. Наверху будут наши комнаты, а внизу книжная лавка и кафе.

— Вы что, будете подавать чай в книжной лавке или разносить книги вместе с бриошами, что ли? — спросил Крис, признаться, с некоторой досадой.

— Не говорите глупостей! — обиделась Анна.— Мы должны иметь огромный успех. У Марты масса знакомств в светских кругах.

— Насколько мне известно, любительские кафе и книжные лавки два лучших способа разориться,— пессимистически сказал Крис.— Вы, кажется, разоритесь наверняка, соединив то и другое.

— Нечего вам ехидничать только потому, что мы не собираемся раскапывать старые черепки и истлевшие кости в Африке,— так, кажется, вы представляете себе счастье?

— Не в Африке, а в Малой Азии,— поправил он, подавая желание насмешливо отвечать ей. Со вчерашнего вечера Крис повторял себе, что женщин можно понять, только когда видишь их насквозь, но если хочешь с ними ладить, нужно тщательно скрывать все, что о них знаешь. Единственное «понимание», которое они — как, впрочем, и мужчины — ценят, весьма похоже на лесть.

Кроме того, какой смысл доводить Анну до слез?

Будем скрывать свои мысли, скрывать свои мысли.

— Если в этом деле вообще можно добиться успеха, я уверен, что уж вы-то его добьетесь,— сказал он, пытаясь быть тактичным.— Вы с Мартой составите прекрасное содружество. И во всяком случае, это будет страшно весело, не правда ли?

— Так, по-вашему, это действительно неплохо придумано?

Анне, смягченной его одобрением, хотелось услышать что-нибудь еще.

— О, превосходно, я удивляюсь, как до этого никто не додумался,— солгал он, уступая ее взору.

Анна, как мотор на полном ходу, затарахтела о своих планах, о мебелировке, капитале, клиентах и тому подобном; она спрашивала, не находит ли он, что «Не-

бесные близнецы» — прекрасное название для их комбинированного предприятия? Крис чуть-чуть было не сказал, что лучше будет «Чай и чтиво», но удержался и сказал: «Да, да, конечно», негодуя спрашивая себя, во имя чего он лицемерит и стоят ли этого даже прекрасные глаза и соблазнительные губы.

— Но к чему вам это? — спросил он, оглядывая неприбранную комнату Анны. — Разве вы изменили вашему искусству?

Он позволил себе вспышку сарказма, оставшуюся незамеченной.

Анна вздохнула.

— Знаете, Крис, я пришла к выводу, что не могу быть великим художником, — сказала она серьезно и конфиденциально. — В прошлый раз, в музее, я смотрела скульптуры Родена и сказала себе: «Дорогая, ты, может быть, и умеешь лепить, но ты не великий скульптор».

— Вы слишком скромны, — иронически сказал Крис.

Анна подозрительно взглянула на него.

— И потом я читала о кризисе, — продолжала она, оправдываясь. — По-моему, мы все должны что-нибудь делать в этом отношении. Каждый *может* что-нибудь сделать. Это наш долг. Одних безработных сколько.

Благотворительный чай с булочками. Перед ним мелькнула картина: фэйф-о-клок в стиле Генри Джеймса для бездомных бродяг на деньги папы и Марты. Что сказал бы на это Джефф — студент-коммунист?

— К тому же, — добавила она, так как он не отвечал, — я должна выбраться из этой забытой богом дыры. Я жить хочу!

— Света, музыки, смеха!

Крис предостерег себя от этого выпада и сказал извиняющимся тоном:

— Я и сам о том же думаю. Мне завидно, что у вас в Лондоне есть дело, Анна. Я тоже еду в Лондон, но только за тем, чтобы присутствовать на свадьбе.

— На свадьбе!

— Жюльетты.

— С Ронни?

— Нет, песенка Ронни спета. Баронет смело вломился в ту дверь, куда боялся постучаться дантист. Она выходит за Джерри Хартмана, только ради бога, не говорите об этом никому...

— О! — Новость, по-видимому, произвела впечатление на Анну. — Он страшно богат, не правда ли?

— Да, его отец и дед, кажется, весьма успешно грабили страну.

— Не будьте ослом! — живо сказала Анна и потом добавила мечтательно-задумчивым тоном: — Леди Хартман. Как это хорошо для нее! Ей повезло... Как вы думаете, придут они пить чай к «Близнецам»?

— К близнецам? — удивленно переспросил Крис, но сейчас же вспомнил: — А! Непременно. Думаю, Жюли не устоит против приглашения, если нужно будет идти в вечернем туалете. Как говорит мама, хартмановские бриллианты про-сто *ве-ли-ко-лепны*.

Анна снова вздохнула; в ее глазах была мечта о богатстве и светских успехах.

— У них будет такая масса друзей,— с завистью сказала она.— И Жюли сможет устраивать приемы. Крис, милый, расцелуйте от меня Жюли и передайте ей миллион поздравлений — и расскажите ей о «Близнецах», да возьмите с нее обещание прийти.

— Почему бы вам не сделать это самой? — коварно предложил Крис.— Заходите завтра к чаю, вы застанете их всех за шитьем ослепительного белья. Только, бога ради, чтобы они не узнали, что это я вам рассказал: считается, что это полная тайна. Но я пари держу, что они не устоят и все вам расскажут.

— Ваша мать меня не любит,— обиженно сказала Анна.

— Больше из-за меня, чем из-за вас.

— Почему вы так говорите?

— Разве вы не замечаете, что почти все матери инстинктивно ненавидят девушек, в которых влюбляются их сыновья?

— Ну, ну! — презрительно сказала Анна.— Вы влюблены в ваши идеи. Во всяком случае, вы не влюблены в меня.

— Я думаю о вас непрестанно,— сказал Крис, бичуя себя.— Ночью я мысленно пишу вам письма, полные преувеличенных и почти наверняка незаслуженных похвал. Днем я тоже пишу вам письма в таком же духе, реальные письма, которые я затем рву на части. В те часы, когда я должен был готовиться к экзаменам или хотя бы знакомиться с новейшими археологическими открытиями, я написал в вашу честь несколько стихотворений свободным стихом и незаконченную повесть в прозе. Бывают дни и ночи, когда я не могу ни спать, ни работать, не могу ни есть, ни отдыхать, не могу ни думать, ни

действовать, потому что мысли о вас преследуют меня. В другие дни я бываю почти убежден, что вы сука. Нарушив таким образом джентльменский кодекс, я могу добавить, что ваш образ мучает меня в многочисленных эротических снах, когда вы нередко являетесь мне совершенно нагая. Если это не значит «любить», то что же тогда любовь?

— Крис! — в голосе Анны звучало бешенство.

— Да?

— Почему вы всегда говорите гадости, когда приходите сюда?

— Я не говорю никаких гадостей.

— Нет, говорите. Вы всегда кончаете тем, что говорите что-нибудь гнусное и оскорбительное. Я хотела бы, чтобы вы ушли,— она вскочила, делая вид, что прогоняет его.

Крис сидел неподвижно, погруженный в мрачные размышления:

«Зачем так поступать, зачем так говорить? А с другой стороны, почему бы и нет? Почему не ухаживать при помощи словесных бомб в наш век, обезумевший от милитаризма? Весь вопрос в том, каковы мои истинные чувства, каковы ее истинные чувства? Разве мы оба не разыгрываем роль, неуклюже заимствованную из разных пьес. «В ту ночь, когда сошелся я с жидовкою ужасной»,— вспомнил он стихи Бодлера.

Анна по-прежнему показывала ему пальцем на дверь, обаяние ее лица исчезло во враждебной гримасе.

«Так вот как она выглядит, когда она взбешена!»

— Я, кажется, обидел вас,— сказал он наконец.— Почему мне везет в этом злосчастном искусстве обиды? Но не будем ссориться из-за недоразумения. Чем я вас обидел?

— Если у вас не хватает такта понять это самому, я не могу вам объяснить.

— Если не можете объяснить, значит, не так уж я вас и обидел!

— Вы говорили со мной так, словно я проститутка!

«Опять! — подумал Крис с шутливым ужасом.— И эта тоже защищается от обвинения, которое я и не думал выдвигать. Qui s'excuse...¹ Что сказали бы психоаналитики?»

---

¹ Кто оправдывается... (тот сам себя обвиняет) — французская поговорка.

— Я не знаю, как говорят с проститутками,— сказал он вслух.— Потому что, насколько мне помнится, я никогда с ними не разговаривал. Вы, я уверен, тоже. Обращаться с женщиной как с проституткой — это значит делать ей определенные предложения, посулив ей деньги. Я не делал вам никаких предложений, и у меня нет денег. Я только описал, совершенно правдиво, некое душевное состояние...

— Это грязно и оскорбительно...

— Милая Анна! — Крис улыбнулся.— Неужели вы думаете, что я один такой изверг? Что оскорбительного в состоянии древнем, как само человечество? Или, по вашему, другие молодые люди питают к вам какие-нибудь иные чувства?

— Они не станут говорить об этом так гнусно и грубо.

— Ах! Так вы, значит, возражаете не против самих чувств,— быстро припер ее к стенке Крис.— А только против откровенного, честного их выражения?

Анна не нашлась, что ему ответить, и только бросила на него уничтожающий взгляд. Она продолжала стоять. Крис облокотился о каминную доску, бросая взгляды то на камин, то на нее.

— Мы спорим из-за пустых слов и этикета,— сказал он со смехом, продолжая, однако, следить за ней.— Или, может быть, вы бы предпочли, чтобы я встал на колени и сказал драматическим голосом: «Мисс Весткот! Анна! Простите мне мою дерзость, но с тех пор, как я узнал вас, вы казались мне идеалом женщины. Я знаю, что я вас недостоин, но я люблю вас, и только вас. Обстоятельства мои сейчас, правда, не блестящи, но я ринусь в битву жизни с всесокрушающей силой, если только буду знать, что вы отвечаете на мои чувства взаимностью». И так далее, и тому подобное.

— Это было бы до последней степени глупо,— сказала Анна, чуть заметно улыбаясь.

— Ну, конечно, глупо.— Крис улыбнулся ей в ответ, по-прежнему внимательно следя за ней.— Разве вам не ясно, что тут все дело в стиле и в общепринятых обычаях? Чувства все те же, только меняется стиль. Я прыгнул слишком далеко в будущее, и это обидело вас. Тогда я попытался подражать прошлому, и это показалось вам смешным. Но, Анна...

— Вы меня унижаете,— перебила она, снова хмурясь.

— Унижаю! Вы могли бы подумать так, если бы мы встретились сегодня в первый раз. А по-моему, если бы я льстил вам, пытался поймать вас на удочку избитых пошлостей, вот тогда бы это действительно значило, что я унижаю вас. Я пытался быть по-настоящему откровенным. Послушайте, Анна, мы знаем друг друга вот уж два года, мы так часто бывали вместе...

— Это не дает вам никаких прав на меня!

— А разве я их требую? Если вы относились ко мне безразлично, зачем вы подавали мне надежду? Зачем вы радовались, когда я приходил, зачем отвечали мне на пожатие руки, зачем позволяли мне целовать вас, зачем целовали меня так горячо, зачем ваши глаза утвердительно отвечали моим взглядам «Да, да».

— Я не говорила вам ничего подобного!

Анна отвернулась в замешательстве, зная, что все сказанное им — правда.

— Не словами,— продолжал Крис.— А иными, косвенными словами. Вы не любите прямых, простых слов. А мне вот делается неловко от намеков и двусмысленностей...

Внезапно он замолк и погрузился в размышления. Так не годится. Нельзя биться с Анной на слишком хорошо знакомой ей платформе чувств; он завязнет здесь в трясине компромиссов и лживых сантиментов и потерпит полное поражение. Ее орудия уже обстреливают его незащищенный фланг!

— Крис!

— Что?

— Вы меня не слушаете.

— О!

Он в упор посмотрел на нее глазами, потемневшими от возмущения и боли. Она легонько потрясла его за плечо.

— Да что с вами? Вы каждые пять минут точно делаетесь другим человеком. У вас, может быть, нервы не в порядке?

— Нет! Я всего лишь холостяк без гроша в кармане и без доброй подружки...

— Опять вы за свое!

Она сердито встряхнула его, потом насмешливо погладила по щеке:

— Бедный Крис! Такой маленький мальчик, правда? И вам приходится очень трудно, да?

Крис вспыхнул. Действительно, маленький мальчик —

под крылышком богоматери с благодатными сосцами и всепоглощающим лоном!

Обида подала мысль подвергнуть ее искренность неджентльменскому испытанию. Он заговорил успокаивающим тоном, точно приручая пугливую лошадь куском сахара.

— Трудно,— сказал он, намеренно истолковывая ее слова превратно.— Вы думаете, что легко отказываться от всякой надежды на будущее? Я считал, что хоть вам-то это не безразлично. Последние два года я вел совершенно самостоятельную работу. Мне не дает покоя древний мир, этот таинственный создатель всей цивилизации. Неужели нам не удастся понять, как и почему они оставили нам в наследство такие роковые заблуждения, как суеверия, войны, социальная несправедливость и так далее? Люди — неисправимые консерваторы, они скорее согласятся терпеть признанное зло, чем дадут себе труд исправить его. Верно ли, что цивилизация — это своего рода болезнь? Или она сама по себе хороша, но только ее извратила человеческая природа? Вероятно, отчасти так оно и есть, и в таком случае это задача для психологов. Или, может быть, человеческое общество с самого начала пошло по неверному пути и нуждается в коренной перестройке? Только знание может освободить нас. А оно достижимо...

Он внезапно остановился, досадуя на неумение выразить свои мысли. Анна смотрела на него непонимающим взглядом. Он улыбнулся и движением руки отогнал прочь свое видение.

— Теперь всему этому конец. Кто-нибудь другой осуществит это, но не я. Так что я, как видите, пребываю в мрачном разочаровании. С каких вершин блаженства я упал! И куда,— к отребьям пролетариата, к тем, чьи силы остаются без употребления, кто никому не нужен. Не удивительно, что вы отвергаете меня, Анна,— он засмеялся.— Вы капиталистка. Разве вы не чувствуете, что между нами — классовая вражда?

— Крис, перестаньте молоть вздор или ступайте домой!

— Только одну минутку! — он взял ее за руку и сказал ласково: — Не сердитесь на меня, дорогая.

— Но вы такой странный и грубый...

— Неужели мне суждено потерять и вас? Когда я пришел, я хотел поцеловать вас, как мы целовались когда-то. И почему-то почувствовал, что вы меня отвергли.

— С какой стати я буду позволять вам целовать меня?

— Потому что мы молоды и желаем друг друга, и вы это знаете. А что разъединяет нас? Ваша покорность устарелой этике и лицемерию...

— Нет, не то...

— А что же?

— Вы не такой, как прежде. Вы потеряли все свои идеалы, особенно в отношении женщин.

— Вы уверены, что то были мои идеалы?

— Если они у вас вообще когда-нибудь были; в чем я начинаю сомневаться.

— Вы в самом деле говорите об идеалах? Или, может быть,— он сделал паузу, чтобы верней нанести удар,— о моих деньгах?

— О! Какое гнусное предположение!

— А разве не так? Идеалы — роскошь; побочный продукт наследственной ренты. Нет денег — нет идеалов. Вы когда-нибудь видели, как просит милостыню безнадежно голодный человек? Много у него, по-вашему, идеалов?

Анна вырвала свою руку.

— Я ни минуты больше не желаю слушать эти мрачные бредни. Вы невозможны. Уходите сейчас же.

— Очень голодные люди иногда воруют!

— Что вы хотите сказать?

— Мой голод — голод иного сорта, такой же жестокий, хотя не такой смертоносный...

Раньше чем она успела сообразить, Крис дерзко обнял ее и яростно поцеловал в губы. Анна возмущенно протестовала и вырывалась. Целую минуту или больше они боролись в полутьме, не щадя друг друга, не щадя сил. Вдруг Анна вздрогнула, перестала бороться и, прижавшись к нему в каком-то странном порыве чувственности, прошептала:

— Крис!.. Я... я... ты мне делаешь больно... но...

Но неудачи не оставили Криса даже в этот момент успеха. Как раз тогда, когда антагонизм Анны перешел в сочувствие и полную покорность, раздался стук в дверь и голос прислуги сказал:

— Разрешите, мисс, убрать со стола?

Этот удар парализовал Криса. Он так давно и так часто мечтал о той минуте, когда Анна признает его желание и уступит ему,— и он не мог поверить, что победа превратилась в поражение. И по милости такой глупой, такой пошлой случайности!

Не так отнеслась к этому Анна. Она непринужденно

отодвинулась от него, точно просто по-дружески целовала его на прощание, и сказала спокойным, естественным тоном:

— Ну, еще раз до свидания, Крис,— да, Салли, уберите,— и желаю вам повеселиться в Лондоне.

Она сунула ему в руки пальто и шляпу и свирепо шепнула:

— Идите, слышите? Идите!

Крис пытался заговорить, взмолиться, потребовать каких-то заверений. Но он не мог говорить, так велико было его волнение.

Ему оставалось только уйти.

СЕМЬ

Крис ушел из дома Весткотов в жалком состоянии: он был готов не то рычать, не то рыдать. С одной стороны, он чувствовал себя горько униженным. С другой,— он был взбешен на самого себя и на Анну, на то состояние, на которое судьбе было угодно обречь его, и вообще на весь мир.

Бешенство было спасительным, унижение — гнетущим. Унижение и страх — двоюродные братья в разрушении. Лишенный даже полового удовлетворения, импульс жизни обращался против самого себя в разрушительном исступлении.

Крис бродил наугад по темным переулкам, безучастно шлепая по грязи и лужам. Он ощущал какую-то детскую радость удовлетворенной мести, забрызгивая грязью свой единственный хороший костюм.

Пока Крис сражался с Анной на почве любви и ненависти и безнадежно пытался примириться со своим жалким поражением, он был предметом дружеского осуждения своих домашних. Или, вернее, он был одной из второстепенных тем среди других, более существенных с точки зрения человеческого достоинства и семейных интересов.

Приближался священный час вечернего чая. Под предлогом милосердных забот и утешения страждущего, Нелл и Жюльетта предоставили Гвен и портнихе заниматься шитьем, а сами поспешно поднялись к больному. В тот день пришли документы и письма первостепенного зна-

чения, и обе дамы умирали от желания узнать, какие сведения извлек из них партриарх семьи. Разумеется, выносить решения будут они, но поскольку они еще меньше, чем он, разбираются в юридических документах и деловом фокусничестве, им придется выслушать его попытки объяснить им это.

Постель страдальца была усеяна документами, а на клочках бумаги, пришпиленных кнопками к доске для письма таким образом, чтобы больной мог писать одной рукой, были сделаны многочисленные карандашные пометки. Он был мрачен, но исполнен собственного достоинства.

— Ну? — отрывисто спросила Нелл, не тратя времени на утешения, так как производить впечатление было не на кого. — Все в порядке?

Вздых Фрэнка был близок к стону, а выражение его лица вызывало опасения рецидива.

— И да и нет, если ты понимаешь, что я хочу сказать, — жалобно сказал он.

— Не знаю я, что ты хочешь сказать, — раздраженно ответила Нелл. — И мы обе будем очень обязаны тебе, если ты будешь изъясняться на обыкновенном английском языке, а не играть с нами в прятки или употреблять эти ужасные юридические термины, которых мы не понимаем, да и ты тоже, кажется.

— Хорошо, хорошо, — поспешно согласился больной, видимо желая быть любезным. — Где Крис?

— Ушел, — сказала Жюльетта.

— Куда?

— Должно быть, к этой своей Весткот.

— Но ты, кажется, говорила?.. — Фрэнк с тревогой взглянул на Нелл.

— Все в свое время. Дело идет на лад. И я быстренько поставлю мисс Анну Весткот на место, если она вздумает вмешаться. Предоставь уж это мне.

Мистер Хейлин был явно в недоумении. Что идет на лад? И если так, почему этот мальчишка опять бегаёт за Анной?

— Ну, тебе видней, — сказал он, по обычаю уклоняясь от ответственности. — Предоставляю это тебе. Но ему следовало бы знать обо всем.

— С какой стати? — отрывисто воскликнула Жюльетта. — Я выхожу замуж, не он.

— Конечно. — Нелл встала на ее сторону. — Во-первых, он слишком молод, чтобы понимать такие вещи, а во-

вторых, он растерял свой последний здравый смысл в этом университете, куда тебе зачем-то понадобилось его посылать, бросать на это деньги, и вот он вернулся домой, напичканный русской пропагандой. А теперь ты, может быть, согласишься не тянуть больше время и сообщить нам, в каком положении наши дела?

— Ладно, ладно, ладно! Только не раздражай меня, пожалуйста.— Фрэнк начал неуклюже перебирать бумаги, своей медлительностью еще больше разжигая нетерпение дам.— Ну а теперь,— погодите-ка, куда же я девал эти записки? Куда же я их... Ах, вот они. Погодите-ка. Да. Да, вот оно. Вот копия брачного контракта...

— Ах! — с облегчением вздохнула Жюльетта.

— Ну, благодарение богу, хоть это-то уладилось,— с благочестивой решимостью заметила Нелл.

— Да, но только боюсь, что уладилось не совсем так, как мы ожидали,— горестно сказал Фрэнк.— Тут сопроводительное письмо от Хичкока и Снегга и копия письма, посланного им нотариусом Джеральда.

— Ну, и что из этого следует? — спросила Нелл с высокомерным презрением ко всем этим жалким чиновникам.

— Из этого очень много следует,— раздраженно сказал Фрэнк.— Мне стоило большого труда разобраться в этом, так что ты не сбивай меня. Выясняется, что Джеральд дает двадцать пять тысяч...

— Так об этом же и шел разговор! — воскликнула Жюльетта.

— Я бы сказала, что это очень великодушно с его стороны,— успокоившись, сказала Нелл.— На что ты, собственно, жалуешься? Разве я тебе не говорила, что у него золотое сердце?

— Да, но погоди минутку, погоди! — перебил Фрэнк.— Будут назначены опекуны, и Жюли сможет получать только проценты, ни одного пенни из капитала, и, так или иначе, это всего лишь пожизненная рента, которая переходит к ее детям от Джеральда и возвращается в семью Хартмана, если она умрет бездетной или если они разойдутся.

— Этот тип с ума сошел! — возмущалась Нелл.

Жюльетта промолчала.

— Сошел с ума или нет, но таковы условия,— уныло сказал Фрэнк.— И бога ради, не кричи на меня так, Нелл. Это действует мне на левую сторону.

Нелл оставила этот вопль души без внимания.

— Я про-сто не понимаю,— добавила она, точно это признание в собственном невежестве делало честь ее умственным способностям и порочило всякого, кто утверждал бы, что он понимает,— Джеральд ведь джентльмен, не так ли?

— Он во всяком случае баронет,— сказал Фрэнк, может быть, с некоторой завистью, как представитель нетитулованного дворянства, известного лишь просроченными закладными.

— Вот именно! — кивнула Нелл, точно она выяснила какой-то важный пункт.— Отлично. Но тогда к чему же между нами все эти юридические каверзы и всякие там «этого нельзя и того нельзя»?

Фрэнк с несколько виноватым видом завертелся на своем ложе.

— По-моему, это значит, что Джеральд ничего не имеет против того, чтобы давать Жюли на булавки, но скорей удавится, чем даст ей хоть пенни из своего капитала. И, честное слово, я его понимаю. Зачем человеку отдавать свой капитал, хотя бы даже собственной жене? Это же его плоть и кровь.

Нелл пропустила мимо ушей этот отчаянный *сгі de coeur*¹. Не то чтобы она возражала в принципе: просто ее мысли шли по другому руслу.

— Но если мы не получим капитала,— возмущенно воскликнула она,— что с нами станется? Я не дам нашей Жюли согласия на брак,— пусть это даже будет самая блестящая партия,— если нет полного доверия между мужем и женой. Идеальный брак должен быть основан на доверии, а то, что ты нам рассказываешь, говорит о противоположном.

— А что считает Жюли? — спросил Фрэнк.

— Не очень-то приятно, когда из-за тебя торгуются,— хрипло сказала она и вспыхнула. Ей вспомнилось, каким презрением звучал голос Криса, когда он говорил о том, кто больше даст.

— Глупости, никто и не думает торговаться,— живо сказала Нелл.— Мы быстрехонько поставим этих юристов на место. Они только сбивают с толку нашего милого Джеральда своими холодными подозрениями. Разве они способны понять пыл любящих сердец? Ты должен сейчас же написать им, Фрэнк, и настоять на том, чтобы

---

¹ Крик души (фр.).

мы получили капитал. А Жюли в своем ближайшем любовном письме сделает тоненький-тоненький намек...

— Все это, конечно, прекрасно,— раздраженно сказал Фрэнк.— Но говорю тебе, из этого ничего не выйдет.

— А почему, разрешите узнать? — сказала Нелл своим самым аристократическим тоном.

— Потому что юрист действует по точным указаниям самого Джеральда.

— Не верю!

— Да, но это факт.

Наступила долгая пауза изумления. Наконец Фрэнк довольно неуклюже нарушил его:

— Хичкок говорит, что он ознакомился с — гм, гм — с нашими делами и что, насколько он мог понять, нам остается не больше трехсот-четырехсот фунтов в год в лучшем случае.

— Голод и нищета,— решительно сказала Нелл.

— Это все, что остается после этих гнусных мерзавцев,— униженно пояснил Фрэнк.— Ничего не поделаешь. Хичкок говорит, что, по его мнению, Жюли не имеет законного права отчуждать хотя бы часть предназначенных ей денег, но что после того, как они будут положены на ее имя, никто не может помешать ей назначить нам из сострадания небольшую пенсию.

— Пенсию из сострадания! Дочь — своим родителям? Никогда не слыхала ничего подобного! — Нелл, казалось, задыхалась от негодования.— Да это какой-то сумасшедший! Явно сумасшедший!

— Ничего, если я уйду?

Это был голос Жюли. Лицо ее пылало, на глазах выступили слезы. Родители начали было возражать, но она, не дожидаясь ответа, выскользнула из комнаты, побежала к себе в спальню и, рыдая, бросилась на кровать. Унижение нравилось ей не больше, чем ее брату.

Эти трагические переживания, вызванные разочарованием, которое — увы — может поразить даже благороднейших служителей наших национальных идеалов, были, к счастью, прерваны наступлением священной церемонии чаепития.

Фрэнку предоставили наслаждаться этой церемонией в одиночестве; на прощание он пробормотал что-то о справедливом возмездии и о том, что не следует слишком увлекаться радужными предположениями. Жюли была безжалостно вызвана из своей комнаты. Белошвейку отправили на кухню, ибо строгий этикет британских са-

мураев не допускает к священной церемонии чаепития никого из тех, кто не родился в среде господ.

Целью британской церемонии чаепития является, как всем известно, сознание красоты и эстетическое созерцание. Серебряный чайник шумит на зажженной спиртовке, «подобно одинокой сосне у моря», как сказал бы поэт. Гости стараются держать чашки в полном равновесии, ибо это необходимо для полной гармонии. Они восторгаются прекрасным цветом чая, затем, выпив его тремя с половиной ритуальными глотками, погружаются в эстетическое созерцание восхитительных чашек из универмага. В то же время они мысленно складывают про себя ямбы и хорей, которыми справедливо гордится каста британских самураев.

— У нас был небольшой деловой разговор наверху,— оживленно заговорила Нелл. Она знала, что Гвен заметила красные глаза Жюли.— Какая скучная публика эти юристы! Как они все усложняют — и без всякой необходимости! Я говорю о брачном контракте. Эта глупая девочка совершенно расстроилась из-за всех этих «принимая во внимание» и «ввиду вышеизложенного», которых ни я и никакой здравомыслящий человек не в состоянии понять. Но вы знаете, какая она впечатлительная. Я говорю ей, что все обойдется как нельзя лучше. Джеральд позаботится об этом.

На лице Гвен изобразилось сомнение, хотя она пробормотала что-то в знак сочувствия. «Что там такое случилось?» — недоумевала она.

— Ах, мама! — нетерпеливо прервала Жюли.— Неужели так уж необходимо начинать все сначала?

— Я должна думать о моих детях и устраивать их жизнь,— твердо сказала Нелл с видом благородного самопожертвования.— Жизнь *обоих* моих детей. О тебе, Жюли, я не беспокоюсь. Ты девушка разумная, уравновешенная. И мы быстро уладим с Джеральдом это маленькое недоразумение. О ком я беспокоюсь, так это о Крисе...

Она сделала драматическую паузу и метнула быстрый взгляд на Гвен, лицо которой изобразило некоторое смущение. При других обстоятельствах поединок остроумия и ехидства с милочкой Нелл доставил бы ей огромное удовольствие. Но сейчас она была в невыгодном положении. После незавидного брака с человеком гораздо

старше ее, который пылал к ней стариковской похотью, она теперь вознаграждала себя чем-то вроде нежной привязанности к Крису, который был гораздо моложе ее и не так уж очарован ею.

Каким образом Нелл, несмотря на все усилия Гвен сохранить свои чувства в тайне, моментально обнаружила их, мог бы объяснить только посвященный. Как бы там ни было, она их обнаружила. И, хотя не было сказано ни слова, Нелл знала, что Гвен равнодушна к Крису, и Гвен знала, что Нелл знала, и Нелл знала, что Гвен знала, что она знала. И разумеется, Жюли была доверена тайна, так же как и Фрэнку. Единственное заинтересованное лицо, которое ровно ничего не знало об этом, был сам Крис.

Так Гвен была вынуждена принять Нелл и Жюли в качестве соучастниц и союзниц своих эротических замыслов. Согласно неписанным, но действующим законам женской стратегии, Гвен, конечно, предпочла бы, чтобы они ничего не знали. Но раз уж они знали, делать было нечего. Нельзя сказать, что она отвергала мысль о браке с Крисом, хотя, нужно отдать ей справедливость, вначале она об этом и не думала. Эту мысль подала ей Нелл, которая увидела в браке с Гвен классическое разрешение всех встававших перед Крисом трудностей.

Ну а если Крис не захочет жениться на ней, даже ради обеспеченного существования? Гвен не очень верила, что он этого захочет. Несмотря на свой официальный возраст, она чувствовала некоторую неловкость, думая о пятнадцати годах разницы между ними. Кроме того, испытывала однажды, что такое брак, она не очень-то стремилась к нему. Чего она хотела, это Любви, страстной, осязаемой, но тайной Любви, для которой соучастие матери и сестры будет только препятствием. К тому же, возмущенно говорила она себе, не так уж она стара и не так неопытна, чтобы ей нужно было платить за Любовь...

— Я думаю, Крис достаточно взрослый мужчина, чтобы самому решать за себя,— деликатно, но чуточку обеспокоенно заметила Гвен.

Жюльетта засмеялась. Ей стало смешно, что взрослая женщина называет ее маленького братца «мужчиной». «Мужчины» — это солидные люди с охотничьими ружьями и солидными доходами, почтительно приветствуемые метрдотелями шикарных ресторанов, а не рассеянные студенты, которые воображают, что могут осчастливить человечество, изучая археологию.

Нелл не смеялась. В ее обычно лишенных выражения глазах появился блеск: перед ней был человек, которого необходимо было поставить на место.

— Крис джентльмен и ученый! — заявила она с той непонятной гордостью, какую часто проявляют невежественные женщины, хвастаясь предполагаемыми знаниями своих сыновей, после того как они сделали все возможное, чтобы помешать сыновьям приобрести эти знания.

Гвен не стала опровергать эту штампованную дребедень, и Нелл продолжала:

— У меня просто голова идет кругом, когда я думаю, чего только не держит в себе его бедная голова. Может быть, я всего этого не понимаю, но его-то я понимаю, о, я вижу его насквозь.

— Будто так уж трудно его понять! — презрительно сказала Жюльетта. — Он такой же, как все эти молодые люди с университетскими манерами. Его всякий может понять.

— Никто не может понять сына так, как его мать. Странно было бы, если бы я не знала его лучше, чем вы обе. Может быть, я глупа, — добавила Нелл, подразумевая, что она, напротив того, очень умна. — Но для меня мой сын — открытая книга. Он совсем как его дорогой дедушка: такой же беспечный ученый, доволен своими книгами и маленькими причудами и лишен всякого честолюбия. И я знаю, что мой долг — охранять его.

— От кого? — неосторожно спросила Гвен.

— От тех, кто пользуется его неопытностью, чтобы испортить его! — это было сказано с потрясающим пафосом. — Но нет худа без добра. Среди всех этих ужасов и тревожных волнений, которые я переживала в эти дни, одна мысль утешала меня. Теперь уж у Криса не будет денег на его безумную затею с этими «раскопками», как он их называет, бог знает где, в таких местах, где он наверно умер бы от солнечного удара или какой-нибудь грязной болезни. Как я была рада снова увидеть его дома, в безопасности!

— Но, — возразила Гвен, — уверены ли вы, что у него нет честолюбия? Вы, может быть, с самыми лучшими намерениями губите дело всей его жизни, только чтоб удерживать его подле себя.

— Пустяки! — Смех Нелл звучал натянуто и смущенно, как у человека, который боится заглянуть в свои интимные побуждения. — Я говорю вам, что вижу его

насквозь. Как можно называть причуды ученого «честолюбием», «делом всей жизни»? Что ж он такое будет делать? Чего может он достигнуть?

— Но для некоторых мужчин, — не сдавалась Гвен, — а Крис, по-моему, как раз из таких, дело жизни — это знание само по себе — и в нем их честолюбие. Мне кажется, нужно дать ему возможность делать то, что он хочет. Я сама, признаюсь, этого не понимаю, особенно, когда он старается объяснить, что к чему, но он-то сам очень близко принимает это к сердцу.

— Но это не даст ему денег! — нетерпеливо вскричала Нелл, думая, до чего глупа эта женщина. — Какое там, это будет стоить денег, а откуда мы их возьмем? И потом, что это за жизнь для мужчины? Другое дело, если бы он поехал со своими родными или близкими за океан, туда, где есть нормальная канализация и порядочные люди, а не к этим невежественным туземцам, которые погрязли в болезнях, нечистотах и язычестве.

— А что же ему, по-вашему, делать? — осведомилась Гвен почти смиренно, как посол побежденного народа, спрашивающий об условиях мира.

Нелл продиктовала свой ультиматум:

— Он нуждается в покровительстве Любви и Денег. Любовь мы можем ему дать, но денег у нас нет, и это очень прискорбно. Нам трудно ему помочь. Но, прежде чем я умру, я хотела бы видеть его женатым на хорошей, обеспеченной женщине и не очень молодой, чтобы она могла оказывать на него хорошее влияние — на женщине разумной и практичной. Нынешняя молодежь такая легкомысленная и бесхарактерная. Смеются над брачными узами, живут распущенно. Я этого не одобряю. Всегда не одобряла и теперь не скажу, что это хорошо. Меня воспитывали в почтении к браку, и я до сих пор считаю, что брак — это таинство. Теперь слишком мало говорят о любви и слишком много о половом вопросе. Чем меньше будет на свете полового вопроса, тем лучше. Это печальная необходимость, а нынешняя молодежь старается ее возвеличить, не угодно ли! А я говорю: прекратите это и дайте нам хоть немного пожить здоровой, пристойной жизнью! Крис — мальчик неопытный, увлекающийся и... ну, да вы сами знаете, какие они бывают. Я дрожу от страха, что вдруг он попадет в лапы какой-нибудь грязной твари вроде этой девчонки Весткот...

— Кто она такая? — ревниво спросила Гвен. — Я ее знаю?

— О, она ничего собой не представляет,— сказала Жюльетта, у которой были свои причины недолюбливать другую претендентку на то, чтобы считаться самой красивой девушкой в округе.— Ее отец что-то вроде школьного учителя.

— И тем не менее она представляет для нашего мальчика большую опасность,— торжественно заявила Нелл.— Я слышала, она едет в Лондон, будет там жить с этой ужасной Мартой Викаршем, которая тоже, знаете ли, не лучше. Про нее тут такие истории рассказывают!

— Ну, мама! — тут даже Жюльетта не выдержала, но ее протест остался без внимания.

— Я не мечтаю, чтобы на имя Криса был положен капитал, хотя и настаиваю на этом в отношении Жюли.— Нелл продолжала диктовать свои условия, размахивая большими ножницами.— Если бы я только настояла на этом, когда я сама выходила замуж, но тогда я была романтической дурочкой. Ну, не стоит говорить об этом, теперь уж все равно. Разумеется, когда Крис женится, муж и жена будут делить блага мирские, и не все ли равно, какая сторона их принесла, если деньги солидные и хорошо помещены? На мой взгляд, он должен иметь сотни две в год на карманные расходы, но не больше, чтобы он не мог натворить больших глупостей. А потом они с женой могут обосноваться где-нибудь за городом и вести тихую скромную жизнь, заниматься охотой и сельским хозяйством, чтобы заполнить время, и, разумеется, у него должны оставаться его книги и его интересы.

— Вы считаете, что это необходимо, жить за городом? — спросила Гвен, которая выносила загородную жизнь только в небольших дозах.

— Нет, нет,— в этом незначительном пункте Нелл сделала уступку,— если все остальное будет в порядке...

— И вам в самом деле хотелось бы, чтобы он женился на... на подходящей особе теперь же, сейчас? — нервно спросила Гвен.

— Чем скорее, тем лучше, при условии, разумеется, что мы с отцом одобрим его выбор.

— Понятно,— задумчиво произнесла Гвен.— А вы не думаете, что он начнет тосковать и опять захочет в свою Турцию или какую еще там страну?

— С какой стати ему тосковать? Чего еще ему нужно? Если жена отпустит его на несколько месяцев одного,—

значит, она дура. А если она поедет с ним,— пускай на себя пеняет, если оба умрут от тифа...

Нелл резко оборвала свою речь и добавила:

— Покажи-ка, что ты делаешь с этим швом, Жюли.

Постучавшись в дверь, из кухни скромно появилась белешвейка. Разумеется, пришлось перевести разговор на мелочи, ибо нельзя обсуждать что-либо важное в присутствии пролетариата. Но было сказано больше чем достаточно, чтобы показать Гвен, чего от нее ожидают. Она продолжала шить, размышляя, и может быть, чуточку возмущаясь.

ВОСЕМЬ

Под суровым низким ночным небом, затянутым печальными облаками, Крис шел беспокожно и поспешно мимо холодных пустынных полей, где ветер свистел в жестких колючих изгородях, мимо внезапно и лихорадочно вспыхивающих фар автомобилей, проносившихся среди разбрызгиваемой ими грязи, мимо темных рощ, где гниют мертвые листья, мимо улиц новых улучшенных коттеджей, построенных муниципалитетом, в которых потомки не знавших ранее цивилизации поселян наслаждаются теперь стандартизированной роскошью века машин в ее самой дешевой форме и где держат уголь в ванне, потому что колонка испортилась, да им все равно ванна не по средствам.

«Наша эпоха — не трагедия и не комедия, а мрачный и кровавый фарс, ледящая кровь сатира на биологическую тему. Трагедия немислима без веры в человеческое благородство, а где она теперь? Ваш героизм, джентльмены, не стоит ничего. Взъерошенная курица, на скакивающая на бродячую кошку, подкрадывающуюся к выводку цыплят, которых изменник-петух сделал другой курице, более героична, чем пьяные воины Гомера и пушечное мясо Вердена. Героизм не в том, чтобы жить мятежно. Против чего нам подымать мятеж, против чего? Может быть, нам надеть противогаз на Дон-Кихота и послать его бомбить мусорную яму биржи, расстреливать из пулеметов кроличьи загоны промышленных городов?

Чего ради, о, вы, горе-убийцы!

Мы боремся теперь не с Ужасом, Жалостью и Роком, а с нищетой, бесплодием и страхом. Сила — по-прежнему

право, но право только моральное; биологически сила может оказаться совершенно неправой. Заметь себе это.

Презирая женщину, мы обрекаем себя на подражание ей. Кровь и смерть — ее удел. Для нее биологически естественно умирать в родах, жертвуя собой ради потомства во имя будущего. У них у всех помешательство: подари мне детей, или я умру. И мы умираем, даря. Пусть будут амазонками, если они могут ими быть. Наш удел — битва умов.

Битва с нищетой, бесплодием, страхом. Чего мы боимся? Почему весь мир корчится в приступах безумного страха? Страх — не предвидение будущего. Предвидение в спокойствии. А страх — это паника. В конвульсиях страха народы готовятся к тому, чтобы ринуться к смерти и к разрухе, то есть к концу, чего они так боятся. Чем они трусливей, тем воинственней. Чем неуверенней в своих силах, тем хвастливей. Единственная радость богатого среди его богатств, чтобы бедный оставался бедным. Страх, бесплодие, нищета.

Отбросим страх. Страх не поможет мне избежать голода, крушения надежд, нищеты и безумия. Парализованный страхом, мой король-отец прячется в постели и замахивается бутылкой виски на действительность. С малодушным страхом в сердце моя королева-мать, коварная женщина, строит глупые планы с целью заманить свое потомство в ловушку позорной безопасности. А моя принцесса-сестра, эта буржуазная Электра из аристократического предместья, избилующего прекрасными особняками, что делает она? Эта прелестная, достигшая брачного возраста молодая женщина, чьи глаза своей глубиной подобны рыбным садкам Хеврона, с какой поспешностью, родившейся из страха, следует она советам своей благочестивой сводни-матери, которая торгуется о цене брачных утех с богатым животным. Что всех их сделало трусами?

Ну, а кто я такой, чтоб изощряться в остроумии на их счет? В самом деле, кто? Вспомни, как это поется в песенке: «С тобой мы родные, родные до гроба... Мы счастливы вместе, и счастье — одно...» Или, может быть, я законченный ублюдок, оборотень, найденыш, младенец, выращенный в колбе, нравственный урод, отвергший законы наследственности и среды? Чепуха! Я такое же ничтожество; бичуя их, я бичую свою собственную плоть.

Я вел себя глупо с Анной. Она права: ее пол — ее богатство. Зачем отдавать задаром то, что можешь вы-

годно сдать внаем, *fructus ventris tui*¹. Я не могу кощунствовать, у меня нет веры, только доверие к науке. Ну а какой смысл быть разумным? Эстетическое предпочтение; симметрия логики в том, чтобы держаться фактов. А каковы факты сами по себе? Я вел себя глупо с Анной. Пойми это. А если с Анной вел себя глупо, то, может быть, и во всем глупо? Попытка вознаградить себя за поражение: потерпел неудачу в одном, наверстываешь с юбками. А если и это не удается, обратись к разрушению и давай круши дальше. Поистине, единственный выход для меня — стать новым Атиллой».

В этот момент умственного самоиступления Крис обнаружил, что он находится не более чем в четырехстах шагах от дома, напротив деревенского кабака, который как раз открывался на вечернее время. После некоторого колебания он зашел выпить кружку пива в смутной и слабой надежде, не вдохновит ли его пиво на какую-нибудь героическую поэму; таков, кажется, верный рецепт.

В пивной не было никого, кроме тучной, самодовольной хозяйки, которая неразумно пыталась извлечь веселый старый английский огонь из нескольких несгораемых корней дрока.

— Что! Уже новую бутылку виски, сэр?

— Нет,— Крис почувствовал, что краснеет.— Дайте мне кружку пива.

Он сел и стал набивать трубку, продолжая мысленно режевывать жвачку грустных размышлений, и так погружился в это бесплодное времяпрепровождение, что, когда хозяйка принесла пиво и спросила, как чувствует себя его отец, он чуть было не сказал: «Очень хорошо, благодарю вас». К счастью, он вовремя вспомнил о печальной действительности и ответил:

— Да все так же, знаете.

— Ах,— набожно сказала хозяйка.— Пути господни неисповедимы. Многие из тех, что были одеты в пурпур и тонкое полотно, будут сидеть во вретнице и посыпать голову пеплом, покуда наша страна погрязает в грехе и суете. Не мне быть поклонницей церковных песнопений, это было бы убыточно для моего дела; попы готовы запретить рабочему люду выпить кружку пива на честно заработанные деньги. Но пусть я и содержу кабак, сэр, но знаю, что мой Спаситель жив!

¹ Плод чрева твоего (лат.).

Крис пробормотал что-то, выражая одобрение примерному и христианскому образу мыслей, хоть ему и показалось, что хозяйке доставляет некоторую радость разорение Хейлинов.

— Вы, помнится мне, были в университете, сэр? — она переменяла тему, решив поковырять в другой ране.

— Был,— беззаботно сказал Крис.— Но, как видите, вышел оттуда на широкий свет.

— И повеселились вы там, наверное, со всеми этими лодочными гонками и состязаниями в крикет и в поло, про которые пишут в газетах,— сказала она завистливо.— Но какая от всего этого польза?

— Есть еще научная сторона,— сказал Крис.— Хотя, может быть, печать ею несколько и пренебрегает. Предполагается, что людей обучают всему, что необходимо для занятия ответственных постов, понимаете, и для всяких научных исследований.

— Исследований! — вскричала хозяйка, которая, по-видимому, читала какую-нибудь бульварную воскресную газету.— Это чтоб резать на куски мертвых младенцев и чтобы очкастые господа втыкали ножи в бедных невинных песиков; эти бессловесные животные никому не делают зла. Я как-то видела такую картину и пожертвовала шиллинг на борьбу с этим злом. Этого нельзя допускать, сэр, нельзя допускать в христианской стране.

— Возможно,— сказал Крис, стараясь скрыть улыбку.— Но уверяю вас, вивисекция не входит в университетский курс.

— Тогда позвольте узнать, что же вы там, джентльмены, делаете?

— А это кто по какой линии пойдет. Когда пройден основной курс, одни специализируются по языкам и литературе, другие по философии или математике, третьи по естественным наукам...

— Ну, а какая от них польза?

— Смотря по тому, что вы называете «пользой». Вы разве против образования?

— Ну, если это образование! — Она произнесла это слово, точно какое-то магическое заклинание.— Но почему же оно достается только богатым? Почему вот сыновья рабочих не могут учиться в университетах?

— Когда-нибудь, может быть, и им будет открыта дорога, во всяком случае, я на это надеюсь. Но пока что попросту места для всех не хватает. Но я тоже счи-

таю, что правильной было бы посылать туда людей по заслугам, а не из какого-то классового снобизма.

— Да, образование — великая вещь, — согласилась она. — Мне, конечно, этого не понять. Ну а что вы будете делать теперь, сэр, с этим вашим образованием? Деньгу захищать, надо думать.

— Раз уж речь зашла обо мне, — сказал Крис, снова улыбнувшись, — должен признаться, что мое «образование» до сих пор отличалось главным образом тем, что лишало меня всякой возможности зарабатывать деньги каким бы то ни было законным способом.

Хозяйка была, видимо, ошарашена этим заявлением, но потом рассмеялась, клохча как оскорбленная курица:

— Ох, мистер Крис, ну и насмешили же вы меня. Знаю я вас! Все-то вы шутите, все-то смеетесь!

— Я говорю совершенно серьезно, — возразил Крис.

— А ну вас, рассказывайте кому-нибудь еще, меня-то уж не проведете. Кто это будет бросать деньги на образование, если от этого все равно никакого проку? Подумаешь, удовольствие какое!

И она, не переставая клохтать как курица, скрылась в недрах пивной.

Оставшись один, Крис пил и курил в молчании. Время от времени он улыбался. По-видимому, разговор с хозяйкой развеселил его и успокоил его смятенный ум. В конце концов он вытащил из кармана блокнот и принялся писать.

«Хозяйка совершенно права, — начал он. — Простая душа. Она подошла прямо к самой сути и задавала вопросы по существу. Какой толк от того, что я занят культурой Египта и Шумера, цивилизацией Индии, хеттами и крито-микенской культурой и способен волноваться о «будущем расы» и «рациональном построении общества», если сам я абсолютно беспомощен? Гиссинг сказал: «Тот, кто лишен денег, лишен элементарных прав человека». Почему кто-то должен быть лишен их в мире изобилия?

Экономическая нелепость — нищенствующие святые, спасающие душу святой жизнью за счет бедных крестьян. Со временем нищенство неизбежно изгонит юродство. Будды и святые Франциски — общественное зло. «Продай все, что имеешь» — логическая нелепость. Кто покупатели? Первые христиане были неумными коммунистами.

Их слабые поползновения на экономическую справедливость быстро выродились в чудовищную аномалию и злоупотребление церковным имуществом. Если не считать вопросов имущественных, церковь всегда отворачивается от действительности.

Слишком много написано о среднем человеке демократами в пиджаках. А что сказать о средней женщине? Она — хранитель совести заурядного человека, она — сила, управляющая им в тени его престола, если только он вступил на него. Женщина часто убежденная материалистка: она видит только неприкрашенную экономическую суть. Почему? Ее забота — жизненная функция, передача жизни; ее не интересует направление и возможное значение жизни. Как писал Киплинг, моя мать и моя сестра — набожная леди и солдатская девка — все в этом сестры. Другой стороной своей души средняя женщина — ярая индивидуалистка. Она желает привилегий для своих детей, а не для всех детей вообще. Могут ли женщины стать матерями новой расы? Средняя женщина питает отвращение к неуверенности, к авантюре, к эксперименту. Маниакально привержена к догмам, в особенности к сверхъестественным. «Мой Спаситель жив!» А дальше что? Верующие содержательницы кабаков. Попы для нее зло, потому что восстают против потребления пива, ее экономического базиса. Исконная вражда трактира и алтаря. Дионис против Митры. Примиряющиеся, впрочем, в мистическом браке говядины и пива.

Зачем я записываю эту ерунду? Стараюсь забыть Анну. Вероятно, большая ошибка. Гораздо лучше неистовствовать, рыдать, закатывать сцены, чем загонять все это в подсознательную глубину, чтобы там образовался гнойник.

Я обременен таким количеством неразрешимых вопросов, какое и не снилось многострадальному Иову. Ключ к ним: всякая жизнь — энергия в действии. Все течет. Созерцание — редкий момент полного покоя между одним действием и другим. Как перманентное состояние оно немислимо: требует отказа от самой жизни, а это нелепость. Созерцательный головастик должен был бы отказаться от усилий, необходимых, чтобы превратиться в лягушку. То, что быть лягушкой не имеет никакого смысла, к делу не относится. Мы остаемся в «живых» только благодаря непрестанно возобновляемым усилиям. Отвратительная угроза обеспеченности и безопасности — верный путь к биологическому вырождению. Но органи-

зованная бойня — нечто в высшей степени нездоровое. Борются должны умы, сталкивающиеся между собой личности. От *умственной* борьбы я не откажусь.

У людей моего возраста чудовищная потребность в действии. Но прежде надо освоить и упорядочить всякие неизведанные трудности. Возможность невиданно богатой, величественной жизни. Или мы отстанем, или мы за одно поколение перепрыгнем через несколько столетий. Как много нужно изучить, поглотить, усвоить. Никаких панацей, никаких формул, никаких заранее проложенных путей. Переворот только политический кажется мне бесцельной тратой сил. Нам нужен переворот в самой нашей природе, приспособление тела, равно как и нашего сознания и эмоций. Мы должны переделать самих себя, чтобы стать достойными нового знания, нового могущества.

А какая же цель? Превращение головастиков в лягушек? Ну что ж! Еще один эксперимент, еще одна авантюра человечества. Солнце еще не остыло».

Часть II

ОДИН

Гвен жила в небольшом, но мрачном доме в Кенсингтоне. Архитектор был, по-видимому, человек суровый и не считал нужным баловать своих клиентов. Удивительно просторны были передние, коридоры, площадки и лестница — мраморная в первых пролетах, где она была на виду, но простая деревянная выше. Окна впускали минимум света, но в искусном сочетании с дверями и другими окнами создавали внушительную систему сквозняков. Слуги должны были жить беззаботно, как сверчки: днем в неосвещенном подвале, ночью на неотапливаемом чердаке. Удобства были сосредоточены близ кухни, и главная канализационная труба проходила через кладовую для провизии.

Следующее поколение энергично протестовало против этой добродетельной мрачности, введя центральное отопление, электричество, ванны, белые плитки в кухне и яркие обои. Но дом остался неуклюжим компромиссом, памятником переходного периода, и Крис охарактеризовал его как невольный продукт цивилизации, основанной на культе домашнего очага, обеденного стола и ватерклозета. Рояль Гвен казался чуть ли не инородным телом в этом храме пищеварения. Хорошенькие статуэтки из саксонского фарфора, китайские вазы, награбленные в Пекине нашими героями-солдатами, многочисленные серебряные предметы в стеклянных шкапчиках — все они были, безусловно, инородными телами. Искусство было здесь всего лишь показателем социальной значимости Собственности,— смотрите, господа, мы в состоянии позволить себе даже эти дорогие безделушки.

Забывая свою собственную теорию, что занятия этнологией должны начинаться у себя дома, Крис не дал

себе труда разобраться в мыслях, на которые наводил его этот роскошный крааль. То, что он не подверг критическому анализу общество, создавшее эту обитель, было вполне простительно. Он слишком был занят своими делами.

Как ни неприятна была Крису цель, с которой он был послан сюда, и как ни оскорбительно было невнимание к его чувствам и умственным способностям, он невольно поддался чувству радости, отправляясь в Лондон. После его неудачи с Анной отъезд казался ему огромным облегчением. Поэтому он с видимой покорностью отправился туда в обществе Жюли и Гвен, приняв несколько фунтов на карманные расходы и оставив без внимания туманные речи, сулившие ему какое-то неопределенное Эльдorado, если только он «будет вести себя разумно». Он даже согласился облачиться в свадебный костюм. Каков бы ни был семейный план относительно его будущего, у него был свой собственный контрплан, который ему не терпелось осуществить.

Любезный Джеральд не считал нужным тратить на экстренное разрешение для заключения брачного контракта, так что в расположении Криса было еще целых три недели до свадебной церемонии. Он принялся за дело очень энергично, побуждаемый сознанием, что вот наконец он пытается что-то предпринять, а не сидит у моря и ждет погоды, как другие безработные. В первый же день пребывания в Лондоне он записался в читальный зал Британского музея; он связался с университетом и поместил свое имя в конторе по найму в списки желающих получить любую педагогическую работу.

Выводы, которые сделал бы из его деятельности Шерлок Холмс, заключались бы, вероятно, в следующем: контрплан, о коем его поступки позволяют догадываться, весьма примитивен и едва ли увенчается успехом. Посещение Лондонского университета, вероятно, означало, что Крис надеется окончить его экстерном. Но рассчитал ли он, сколько для этого потребуется времени, принимая во внимание, что ему придется заниматься без руководства и что для третьекурсника такого аристократического колледжа, как колледж Святого духа, даже вступительный экзамен будет непреодолимым препятствием? Билет в читальный зал означал, что он надеется продолжать и другие занятия, в результате коих обогатится знаниями, имеющими первостепенное значение для судеб всего человеческого рода. А контора по найму

должна была доставить ему работу, чтобы он мог поддерживать деятельность своего организма. Ну, а хватит ли у него времени на эту тройную деятельность, и какая у него гарантия, что служба будет достаточно близко от Музея? Даже если он получит диплом, какие у него шансы на то, что какое бы то ни было учебное учреждение немедленно и в ощутимой форме признает его права?

Не практичней ли было бы сразу признать, что мир не нуждается ни в его предполагаемых способностях, ни в его потенциальных знаниях и что ему лучше либо согласиться на то положение, к которому готовит его Нелл, либо стать незаметным и услужливым чернорабочим у какого-нибудь более даровитого загребателя денег?

Конечно, это было бы практичней. Но Крис не хотел отказаться от убеждения, что мир можно сделать гораздо более приемлемым для жизни таких же, как он, Крисов и что он лично — один из тех, кто призван выполнить эту труднейшую, но интереснейшую задачу...

А l'heure du coctail¹ в тот вечер все трое сидели в гостиной Гвен, ожидая возвращения нашего Немврода. На Жюльетте было новое вечернее платье и лучшие драгоценности Гвен, так как Джеральд собирался продемонстрировать ее в ресторане и в театре.

Как только раздался звонок, Жюли выбежала из комнаты. Крис слышал ее восклицания и гулкие ответы Джеральда: он догадывался — хотя и не слышал их — о поцелуях и объятиях.

Криса передернуло от отвращения, когда они вошли под руку и он увидел, как его сестра угодливо виснет на своем спортсмене. Джеральда нельзя было счесть красивым: это был тяжелый квадратный человек с решительным лицом, выглядевшим странным образом нездоровым, несмотря на свой сангвинический цвет. Он производил впечатление человека волосатого, хотя недавно облысел. Щеки у него были темные от подавляемой бороды, брови мохнатые, а из носа и ушей торчали волосы. За его накрахмаленной манишкой, вероятно, скрывалась густая шерсть.

У Джеральда восторг счастливого жениха было невозможно отличить от шумного самовосхваления. Это позволило Крису незаметно ступешеваться. Он наивно поражался, слыша, с каким увлечением расспрашивает о

¹ В час коктейля (фр.).

спортивной поездке Жюли — та самая Жюли, которая в дни Ронни проливала слезы над участью утопленных котят и подстреленных кроликов. Крис узнавал на опыте, как меняются убеждения, чувства в зависимости от финансовых обстоятельств.

Поглощая виски с содовой, Джеральд жаловался на мужскую прислугу в местах, где он охотился. Из его слов явствовало, что она до черта ленива и нуждается в сильной руке. Затем Джеральд рассказал несколько ярких и, возможно, не совсем достоверных эпизодов, которые должны были показать его поразительное хладнокровие и искусство в обращении с носорогами, слонами и львами. Жюли было сообщено, что он привез ей парочку «зебровых шкур», из которых, по его мнению, выйдут чудесные коврики для авто.

Тут Гвен не удержалась от кроткого протеста.

— И вам не стыдно! — воскликнула она. — Как вы можете убивать такие красивые создания?

— Ха! Ха! — Замечание Гвен очень развеселило Джеральда. — Лев убивает больше зебр за одну ночь, чем охотник за целый год. И потом, обратите-ка внимание вот на что. Доход от охотничьих патентов помогает содержать заповедники, а какой прок охранять дичь, если нельзя ее убивать?

— Я считаю, что государство должно само содержать заповедники, а не брать деньги у охотников, — не сдавалась Гвен. — И считаю, что животных нужно беречь, потому что они красивы, чтобы все на них могли любоваться, а не для того, чтобы их убивали.

— Ну, знаете! — возмутилась Жюли, хотя год тому назад она сказала бы то же самое.

Джеральд нахмурился.

— Слишком много сантиментов приходится теперь слышать, — признался он. — Это все от гнилого пацифизма и нелояльности, от которых меня тошнит. Там было несколько возмутительных балбесов-американцев, конечно, они снимали диких животных для кино и портили всем охоту. Одного из них чуть-чуть было не задрал леопард, и поделом. Этот болван пытался меня убедить, что львы совсем не опасны, что он сам будто бы подъезжал к ним за несколько шагов на машине. Враль, каких мало. Рассказывал мне, что если вы остановитесь перед бегущим носорогом, то он, видите ли, тоже остановится в двадцати футах от вас. Спасибо! Предпочитаю парочку разрывных пуль.

— Все это так увлекательно! — вкрадчиво сказала Жюли, хмурясь и делая знаки Гвен, чтобы та замолчала.— Надеюсь, я когда-нибудь тоже смогу поехать туда.

— Посмотрим, посмотрим, там условия слишком суровые для женщин,— обескураживающе заметил Джеральд, быть может желая сохранить для своей супружеской жизни хотя бы одно надежное алиби.— А не пора ли нам двигаться? Вы с нами, миссис Мильфесс?

По его тону нетрудно было понять, что он скорее готов спровадить ее на тот свет, чем взять с собой. Но Гвен отговорила какими-то делами, а Крис дал такой же ответ на небрежно брошенное и, как ему показалось, немного презрительное приглашение.

— Ну, очень жаль, очень жаль,— с напускной сердечностью сказал Джеральд.— Вы готовы, Жюли?

Гвен проводила их до передней; Крис остался в гостиной. Он слышал, как Гвен напутствовала Жюли, чтобы она возвращалась не очень поздно, и слышал зычное «ха! ха!» Джеральда, которое, по-видимому, обозначало, что это его дело и что нечего ей соваться, куда не следует. Потом еще восклицание и смех, хлопанье автомобильной дверцы, громкое гудение мощного мотора. Крис стоял опустив голову и мрачно смотрел в камин. Вот еще один представитель «цивилизации», того необходимого обеспеченного класса, ради которого люди живут, страдают и умирают. И по-видимому, звери тоже. Он представил себе первые фразы учебника зоологии 2200 года:

«Почти все животные, о которых здесь пойдет речь, в настоящее время вымерли, так как были истреблены в девятнадцатом и двадцатом столетии. Заказники и заповедники, созданные немногими разумными людьми и правительствами, могли бы сохранить этих интересных и красивых представителей животного мира для более просвещенного века. К сожалению, животные были все перебиты и съедены толпами голодающих, которые скитались по земному шару в период анархии, последовавшей за Третьей Мировой Войной»...

— О чем это вы так глубоко задумались? — сказал голос Гвен.

Крис поднял глаза и улыбнулся.

— Не стоит даже и говорить. У меня развилась глупая привычка к пессимистическим пророчествам. Кстати, как вы думаете, будет Жюли счастлива?

— Да, я надеюсь, я так думаю.

— А вы не находите, что она слишком приспособля-

ется, насилует себя, отрекается от своего истинного «я»? Вы знаете, она всегда ненавидела это бессмысленное истребление диких зверей «для спорта». Зачем она притворяется?

— Все женщины таковы. Им приходится быть такими. Женщина невольно уступает во всем своему мужчине. Знаете ли, женщина ведь действительно во власти мужчины. И, как это ни странно, что-то в самих женщинах охотно подчиняется этой власти.

— Своего рода мазохизм? — Крис задумался над ее словами. — Может быть, вы и правы. Вроде восточных людей, что ли, которые ползают на животе перед высокомерным сахибом и швыряют камни в того, кто дружелюбно сотрудничает с ними.

Гвен села и, смеясь, взглянула на него снизу вверх.

— Где это вы научились говорить комплименты? — насмешливо сказала она.

— Чистейшая самозащита!

— Против кого же вы защищаетесь?

— Против самого себя.

— И для этого, по-вашему, нужно так свирепо нападать на нас, бедных женщин?

— Не обращайтесь, пожалуйста, внимания на то, что я говорю! — воскликнул Крис, краснея. — В конце концов мама права: мужчины — просто большие взрослые дети. Зачем пытаться примирить непримиримое?

— Любовь и ненависть?

— Скорее разум и чувство. В разумном мире мужчины и женщины будут, наверно, получать друг от друга то, что им нужно, без канители и трагедий. Но весьма вероятно, канитель и трагедии — это как раз то, что доставляет им удовольствие.

Гвен круто переменяла разговор.

— Где вы сегодня обедаете?

— Мы сговорились с Ротбергом, но он оказался занят.

— Это знакомый Жюли, кажется.

— Нет, мой, хотя он, кажется, один из отвергнутых. Я уговорил их назначить его одним из опекунов Жюли...

Гвен не слушала. Она захлопала в ладоши, точно мысль, на которую она тщетно пыталась навести разговор, явилась к ней внезапно, по вдохновению.

— Знаете что?

— Что?

— Почему бы нам не отправиться пообедать вместе? Давайте оденемся и проведем весело вечер. Хотите?

— Ну конечно, если вам это доставит удовольствие,— вежливо сказал Крис.

— Тогда поехали! Одевайтесь-ка быстренько, а то мы опоздаем.

Человеку свойственно строить планы и составлять расписания и винить других, когда они нарушаются. Одеваясь, Крис нашел полдюжины людей и обстоятельность, на которые можно было свалить вину за это внезапное нарушение страшно важного составленного им расписания занятий. У него даже хватило чистосердечия обвинить и самого себя. Помимо того, его беспокоила мысль, чем он, собственно, будет расплачиваться?

Этот вопрос разрешился для него в такси, когда Гвен с обезоруживающей улыбкой протянула ему пачку кредиток, попросив его не отказать в любезности платить за нее. Крис поколебался, спрашивая себя, чем вызывается это сопротивление: подлинным чувством независимости или дурацким буржуазным предрассудком, что «брать деньги от женщин — это дурной тон». Первым его побуждением было протянуть обратно деньги, остановить такси и выйти. После чего — как удобно ему будет пользоваться гостеприимством Гвен!

«Когда живешь с праздными людьми, приходится самому быть праздным,— злобно подумал он.— А если они богаты, они непременно будут покровительствовать тебе и распоряжаться тобой за свои проклятые деньги!..»

Гвен не обращала внимания на его угрюмое раздражение. Она прошла суровую школу супружества и примирилась с непостижимым идиотизмом мужчин. Но как-никак она была живым человеком и не могла не почувствовать некоторой досады на этого привлекательного, но несговорчивого юношу, который мрачно хмурился, напустив на себя страшную враждебность, в то время как он должен был бы радоваться, что его взяла с собой обедать хорошенькая женщина, желавшая ему «всяческого добра» в итальянском смысле этих слов.

«Ti voglio bene»,— улыбались глаза Гвен.

«Ну тебя к черту!» — огрызались глаза Криса.

Гвен возложила все свои надежды на возбуждающее действие вкусной пищи и вина. И не зря. По мере того как подвигался обед, Крис обнаруживал с удивлением и

почти с горечью, что к нему возвращается хорошее настроение. Пища оживила его внутренние химические процессы, дав им занятие. Вино нашептывало розовые утешения его мозгу. Жизненные невзгоды стали казаться почему-то менее страшными, трудности — не такими уж непреодолимыми. Лампа под розовым абажуром мягко освещала столик, точно возвещая втихомолку зарю какой-то более счастливой эпохи. Все, наверное, обойдется благополучно; золотые видения утопии поблескивали на краях его бокала.

Он перестал ограничиваться односложными ответами и, взглянув на Гвен, обнаружил, что она недурна собой.

«Ti voglio bene», — сказали глаза Гвен.

«Наконец-то! Женщина, которая понимает меня!» — сказали глаза Криса.

Ибо, полагаясь на свой довольно богатый опыт, Гвен перевела разговор на тему, которая, по ее наблюдениям, неизменно возбуждала в мужчине живейший интерес, — на него самого.

— Нет, — твердо заявил Крис в ответ на тактичный, почти боязливый вопрос. — Я не собираюсь возвращаться домой. Я теперь сам буду строить свою жизнь.

— Вы совершенно правы! — Гвен поспешила одобрить решение, которое как нельзя больше подходило ей. — Мужчине нужно предоставить идти своей дорогой, самостоятельно завязывать отношения с кем он хочет. Особенно вам. Я хотела бы вам помочь. По-моему, вы человек с будущим.

— Вы в самом деле так думаете? — спросил Крис, польщенный и скорее довольный, чем удивленный. — Передо мной встают такие непреодолимые трудности!

— Не сомневаюсь! Я уверена, что у вас достанет и способности и мужества идти своей дорогой! Но вы еще не рассказали мне, к чему вы, собственно, стремитесь. Не к археологии же, правда?

Крис нахмурился, пытаясь призвать к порядку мысли, обнаружившие склонность беззаботно порхать в винных парах.

— Я не могу выразить это ясно в немногих словах. Видите ли, я считаю, что необходимы большие коллективные усилия. Археология — это только один небольшой участок. Нам нужно не только усвоить огромный запас накопленных знаний, нам нужно идти дальше, учиться управлять этими знаниями и самими собой. Нам нужно найти ясные цели и методы жизни, нужно подвести под

жизнь разумный фундамент, а для этого мы должны познать самих себя, так же как и окружающий мир...

— Понимаю,— ободрила его Гвен, хотя в действительности она понимала одно: что перед ней сидит симпатичный юноша, болтающий какой-то милый юношеский вздор.

— Жизнь должна быть служением великой идее,— продолжал Крис с серьезностью, которая показалась Гвен восхитительно забавной.— Что мы видим в мире? Огромные запасы силы, используемой не на то, что нужно; торжество насилия и невежества; наконец, угрозу вырождения. Мы должны сделать большой шаг вперед, или мы покатаемся назад. Не исключена возможность, убийственная возможность, что замечательные дерзновения человеческой мысли погибнут в хаосе ужасной катастрофы.

— Ах, неужели вы серьезно так думаете? — спросила Гвен, чувствуя, что она должна что-то сказать.— Но разве условия жизни не улучшаются изо дня в день?

— Жизнь не статична, она динамична,— воскликнул Крис, игнорируя ее замечание.— И чем скорей меняются условия, тем быстрее мы должны к ним приспосабливаться. А это трудно. Но условия создаются самим человеком,— взять хотя бы такой самоочевидный факт, как непрестанное совершенствование машин и смертоносных взрывчатых веществ. А ведь опасность, это ясно, не столько в них самих, сколько в том, как их используют. Нельзя ругать рояль за то, что не удастся извлечь из него музыку Моцарта, если пианист умеет играть лишь собачий вальс. Нельзя ругать машины за то, что они ведут за собой хаос, если ими орудуют люди, сознание которых не вышло еще из патриархально-религиозной стадии.

— А-а, вы имеете в виду комплексы и все такое,— неопределенно сказала Гвен.

— Не совсем,— ответил Крис, несколько сбитый с толку.— Теория Бессознательного может нам во многом помочь, но она еще не разработана. Я имею в виду другое: современного Человека нельзя рассматривать изолированно от его прошлого, от его социальной среды. Необходимо установить происхождение его коллективных, так же как и индивидуальных ошибок, исследовать причины его плохой приспособляемости. Многие унаследовано от далекого прошлого.

— Боюсь, вы сочтете меня очень глупой,— в отчаянии сказала Гвен, жалея, что завела этот разго-

вор,— но только, по-моему, я не совсем улавливаю вашу мысль.

— Мы в гораздо большей степени, чем нам это кажется, живем за счет традиций. Но на данном этапе большая часть этих традиций устарела, сделалась даже опасной. Мир кишит иррациональными верованиями и разрушительными предрассудками. Так вот, если бы удалось доказать, что эти верования и предрассудки — не врожденные, а являются пережитками мертвых религий и магических обрядов, это было бы первым шагом к их искоренению. Всякий вид человеческой энергии должен отвечать реальной или иллюзорной потребности, какому-нибудь нормальному или извращенному побуждению человека. Мы должны распутать этот клубок, отделить реальное от иллюзорного, норму от извращения.

Крис остановился, чтобы наполнить бокалы.

— Понимаю,— сказала Гвен, ничего не понимая.— Но это очень честолюбивые замыслы.

— Разве? А по-моему, всем должно быть ясно, что это именно то, что нужно делать. Как могут люди управлять своей судьбой, если они не понимают самих себя? Я говорю не о статичном совершенстве. Необходимы усилия, затрата энергии. И потребность в них будет существовать всегда. Но мы используем их не так, как нужно. Мы спорим, вместо того чтобы организовывать. Драться всегда легче, чем думать.

— Ах, нам необходима новая религия, не правда ли? — сказала Гвен, точно высказывая какую-то поразительную новую мысль.

— Наоборот,— горячо возразил Крис.— Нам необходимо отделаться от этой потребности в религии — потребности слабых. Всякая религия — преждевременный синтез, поскольку она пытается объяснить мир и место человека в нем. Религия вбирает в себя заблуждения устарелых мыслителей, все равно, поклоняется ли она солнцу или абстракции богословов, или отцу, матери и ребенку. Это ложный метод получать то, что хочешь, от гипотетических сил, именуемых «богами», умилостивляя их гнев. Религиозная этика основана на примитивном представлении о награде и возмездии — предпочтительно в ином мире,— а не на уважении к обществу, которое предполагает и уважение к личности.

— Как это интересно! — сказала Гвен, искусно подавляя зевок.— Вы знаете массу всяких вещей.

— Вы смеетесь надо мной?

— Вовсе нет! По-моему, вас нужно было бы освободить от всех материальных забот и... и чтобы у вас был преданный человек, который заботился бы о вас, пока вы над всем этим работаете.

Гвен почувствовала, что наконец-то ей удалось перевести разговор на нечто личное и разумное. Что он на это скажет?

— Для этого-то я и хотел получить стипендию,— согласился Крис.— Но только теперь я не уверен, что был прав. Человек должен быть активным в жизни. Я склонен думать, что желание получить стипендию — всего лишь одна из разновидностей извечного стремления вернуться в убежище утробы, так же как хождение в церковь или сон. Показательно, что университет называется альма-матер. Вечный культ чадолюбивой богини-Матери.

— Богини-Матери? — Гвен была разочарована, а еще более сбита с толку этим новым отклонением от личной темы.

— Вы, наверное, не раз видели древние глиняные изображения женщин с преувеличенно развитыми половыми признаками,— сказал Крис, который, подобно многим, не мог представить себе, что другие не интересуются тем, чем интересуется он сам.— Они, конечно, символичны. Вы можете возразить, что если у них слишком большие ягодицы, то это потому, что в то время у женщин были такие ягодицы, как теперь у готтентоток. Возможно, но это не объясняет чрезмерного развития груди и половых органов. Это, по-видимому, имело религиозное значение.

— Религиозное! Что вы хотите сказать? — воскликнула Гвен, обрадованная, что разговор наконец зашел о чем-то ей понятном, но удивленная, что это может иметь какое-либо отношение к религии.

Крис тоже был удивлен, искренно удивлен ее вопросом. Да ведь в наше время эти элементарные вещи известны всем и каждому!

— Предполагается, что первобытные люди, тысячи лет тому назад смешивали функции женщины в размножении, иными словами, создание жизни, с самой жизнью,— объяснил он.— Они видели, что женщина «дает жизнь», что жизнь возникает в ее теле, и это было для них полнейшей тайной. Как и у нас, у них было слишком человеческое желание не умирать. Вот они и придумали благодетельную богиню: нечто вроде бодлеровской Великанши, которая дает им жизнь. Кстати сказать, это типичный

пример религиозного мышления: сочетание наблюдаемых фактов, ложных выводов и чаяний.

— Вы хотите сказать, что они боготворили... боготворили женское начало? — спросила Гвен осторожно, но с волнением, не отдавая себе отчета, до какой степени они с Крисом говорят на разных языках. То, что Крис разъяснял на холодном абстрактном языке науки, она представляла себе в горячих конкретных образах.

— Самый половой орган? Возможно, — сказал Крис, не отдавая себе отчета, что его речи возбуждают в Гвен отнюдь не научный интерес. — Мы можем только предполагать. Я лично считаю, что их система мышления отличалась от нашей. Это было образное мышление, при котором символ, факт и идея возникали одновременно. Они не расчленяли их, как мы.

— Мне кажется, я лучше поняла бы, если бы увидела одну из этих статуэток...

— О, это очень просто, — сказал Крис, доставая блокнот и принимаясь рисовать. — Они все более или менее одинаковы. Грубо намеченные голова и плечи. Огромные широкие ягодицы и груди, вот так. И большой треугольник, занимающий всю нижнюю часть туловища. Иногда бедра сжаты и им придана форма раковины, вроде раковины каури; это, очевидно, имело символическое значение того же порядка.

— Какое уродство! — воскликнула Гвен, бросив взгляд на набросок. — Но, Крис, женщины совсем не такие!

— А кто говорит, что они такие? — сказал Крис в крайнем изумлении. — Это не реалистические портреты, а религиозные символы. Это символический язык, изображающий Пол и Оплодотворение, но прежде всего Жизнь...

Гвен не желала слушать о символическом Оплодотворении или символической Жизни и о предполагаемых религиозных верованиях Каменного века. Она вернула разговор к исходному пункту символического языка и постаралась удержать его на этой теме. Она отказалась от мысли пойти в кино. Она заказала шампанское и заставила Криса сформулировать свои взгляды на запутанный, чтобы не сказать спорный вопрос о взаимоотношении полов, что он и сделал, очень красноречиво, но довольно бессвязно. Ни один из них не заметил этой бессвязности в той приятной атмосфере взаимного доверия, которую создал обмен мнений. Мало того, оба они чувствовали, что в значительной мере содействуют

разъяснению этого важного вопроса, которым до сих пор так ужасно пренебрегали.

Они были так увлечены разговором, что только в половине двенадцатого вспомнили, что им пора домой. Спускаясь по лестнице к выходу, Крис обнаружил, что ноги не очень его слушаются; это показалось ему ужасно смешным, в особенности потому, что Гвен чувствовала то же самое. Они оба много смеялись над этим. Неустойчивость продолжалась и в такси, так что Крис из чисто альтруистических побуждений, только для того, чтобы Гвен не стукалась о стенку, обнял ее за талию и взял за руку. По каким-то непонятным причинам, возможно связанным с мадаленским или первым среднеминосским периодом, они начали целоваться и продолжали это занятие всю дорогу до Кенсингтона...

Жюльетта, решили они, уже вернулась и легла спать. И так, хихикая и говоря друг другу «шш, шш» и производя при этом изрядное количество шума, они разошлись по своим комнатам, обменявшись прощальным поцелуем.

В голове Криса, когда он раздевался, было мягкое бархатистое ощущение и приятное солнечное тепло в жилах. Гвен,— подумал он, выбравшись из накрахмаленной сорочки и небрежно сбросив ее на пол,— Гвен совершенно восхитительная женщина, гораздо более умная, чем он предполагал. Конечно, жалко терять целый вечер, но ведь нужно иногда и развлечься, а то станешь сухарем и тупицей. Он решил почитать несколько минут, чтобы успокоить свой ум после стольких разговоров и чтобы хоть отчасти возместить потерянные часы. Но возместить их будет легко, очень легко, это сушие пустики. Все обойдется.

Легкий стук в дверь, такой тихий, что Крис не был уверен, действительно ли стучали. На всякий случай он сказал «войдите», и в комнату вошла Гвен, закутанная в изящный розовый халатик, отделанный белым лебяжим пухом.

— Я подумала, что вам может быть захочется пить ночью,— тихим голосом объяснила Гвен, ставя на его столик бутылку виши и стакан.

— О, спасибо, большое спасибо,— прошептал Крис, несколько смущенный.— Как мило с вашей стороны.

— Может быть, вы хотели бы чего-нибудь еще?

— Нет, нет, мне больше ничего не нужно.

— Тогда спокойной ночи еще раз...

Гвен нагнулась поцеловать его на прощанье; он при-

встал на постели. Под влиянием мягкого солнечного тепла один поцелуй превратился в несколько поцелуев. Каждый раз, когда Гвен, казалось, порывалась выпрямиться и уйти, Крис удерживал ее, и они целовались снова. Так как от согнутого положения у нее заболела спина, Гвен без всяких грешных умыслов присела на краешек кровати. По чистой случайности ее халатик от этого соскользнул, обнажив грудь, гораздо более привлекательную, чем грудь любой из богинь-матерей. Чисто рефлекторным движением Крис положил руку на это гладкое белое полшарие.

— Ах, Крис, не надо! — запротестовала Гвен. И в доказательство того, как она шокирована его фамильярностью, крепко прижала его руку к себе...

Общеизвестен поучительный рассказ о чистом юном христианине, который, по приказу некоего жестокого римского императора, был связан и нескромно соблазнен безнравственной, но, увы, на редкость привлекательной юной женщиной. Римский юноша молился, закрыв глаза. Но тщетно. Дух не желал, но плоть была сильна. И в то самое мгновение, когда язычество в самой его отвратительной форме готово было восторжествовать над этим представителем Нового Мирозрения, он героически спас себя от падения, откусив язык и доблестно выплюнув его в лицо даме.

Но век рыцарства ушел безвозвратно.

Крис не откусил свой язык.

ДВА

Наши поступки редко приводят к ожидаемым нами последствиям в этом странном состоянии «человеческой жизни», тем более странном, что мы считаем его правилом, а не удивительным исключением среди безжизненно-голой вселенной.

Еще более огорчительно то, что наши поступки слишком часто приводят к результатам, которых мы вовсе не ожидаем. Возможно, этим объясняется восточный пессимизм и фатализм. Мы, люди Запада, ограждаем себя от подобных опасных допущений изысканными фикциями, например, уверенностью, что аналогичные причины могут иметь аналогичные следствия. Это верно в химии, но не в любви.

Несомненно, с общепринятой точки зрения молодой

человек, внезапно оказавшийся — подобно Крису — в близких отношениях с хозяйкой дома, может или, вернее, должен испытать на себе известные последствия своего поступка. Но какие чувства он при этом должен испытывать, это в данном случае менее существенно, чем то, какие чувства он испытывал в действительности.

По теории самого Криса, основным его чувством должно было быть большое удовлетворение; и, как это ни странно, его теория оказалась верной. В свое время он достаточно энергично противостоял тем понятиям, которые обычно внушают представителям его класса, и поэтому теперь не испытывал никакого чувства вины, а следовательно, не нуждался ни в оправданиях, ни в угрызениях совести. Если бы его подвергли допросу, он стал бы доказывать, что все случившееся — частное дело его и Гвен. Не было нанесено никакого ущерба ни отдельным лицам, ни собственности, и, следовательно, юриспруденция тут ни при чем. Их поступок не оказал никакого влияния на окружающий мир, который будет по-прежнему двигаться по намеченному пути; единственное, что произошло, это что у двоих людей стало одним приятным воспоминанием больше. А это было плюсом для них да и для всего человечества в целом. Крис был даже способен доверчиво и благожелательно ожидать повторения этого поступка.

Он не учел того обстоятельства, что не все захотят разделить его просвещенно-философическую точку зрения.

Была, например, Гвен, которая имела ко всему этому самое непосредственное касательство. Невозможно отрицать, что теперь она казалась ему гораздо более привлекательной, чем до сих пор. Он удивлялся собственной глупости, не позволившей ему распознать ее скрытые достоинства. Не делая сознательно никаких сравнений, он смутно отдавал себе отчет в том, что Анна потеряла в его глазах столько же, сколько выиграла Гвен; подобно двум фигуркам барометра, Гвен показывала Ясный Солнечный день, тогда как Анна скрылась за дверцей Дождя и Бури. Он был склонен называть ее мысленно «бедной Анной».

«Удивительно милая женщина», говорил он себе, имея в виду Гвен. Приятно было видеть, как она старалась ему нравиться. И так же было приятно, что она подчеркивала их изменившиеся отношения едва заметными

оттенками взгляда, интонации, жестов. Эти первые мягкие проявления женского чувства собственности не вызывали в нем никакой тревоги.

И все же, как он заметил Гвен, когда они были вдвоем, с ее стороны было неосторожно в присутствии Жюльетты называть его «милый», пожимать ему постоянно руку или колено под столом и посылать воздушные поцелуи. При первом любовном выговоре Гвен очаровательно надула губки и сказала, что, когда любишь кого-нибудь, этого все равно не скроешь, не так ли? Какое до этого дело Жюльетте или кому бы то ни было? И наконец, какое все это имеет значение, раз они вместе и никто не может разлучить их?

Все это было очень хорошо и романтично, но Крису казалось, что он предпочел бы хоть немного реалистического здравого смысла. Правда, Жюльетта ничего явно не обнаруживала, не говорила, не делала. Но в ее глазах пробежал какой-то блеск, в некоторых ее фразах чувствовался какой-то особый оттенок, ее отношение как-то почти неуловимо изменилось, и все это могло означать только одно. Кроме того, в поведении Жюли появилось что-то возмутительно заговорщицкое и покровительственное: она демонстративно оставляла их наедине, считала чем-то само собой разумеющимся, что, когда она вечером уезжает с Джеральдом, они тоже уезжают развлекаться вдвоем. Крис был низвергнут со своего высоконравственного пьедестала и одновременно должен был убедиться, что его высоконравственное возмущение теряло силу.

Неизбежно и сделанное им для себя расписание занятий тоже теряло силу. Погоня за знанием требует известного аскетизма. Мильтон и лорд Рассел сходятся в этом. Когда человек изучает что-нибудь, он не может в то же самое время потворствовать своим чувствам, и наоборот. Хотя Крис каждый день ходил в библиотеку, у него развилась привычка вставать с каждым днем все позже и позже, а значит, все позже и позже приниматься за работу. Кроме того, когда, помня о назначенном на вечер свидании, он встречался глазами с Гвен и читал в ее взгляде лукавое обещание и чуть ли не вызов — попробуй-ка откажись с ней пообедать или сходить в кино, — ну, как мог он отказаться? Разве это не было бы с его стороны грубостью и неблагодарностью?

Итак, работа отошла на задний план.

Крис вынужден был признать, что отношения двух, даже таких исключительно одаренных людей, как они,

отнимали больше времени, чем допускалось теорией. Он уже спрашивал себя с тревогой, не поддается ли его интеллект развращающему влиянию устарелых идеологий, и не придает ли он поэтому слишком большое значение элементарным биологическим ощущениям?

Он чувствовал, что ему следовало бы изложить Гвен все данные и аргументы в пользу Теории и Практики Рационального Взаимоотношения Полов и раз навсегда подвести под все это дело практический научный фундамент. Но по какой-то необъяснимой причине оказалось крайне затруднительным приводить факты из области физиологии, биологии, генетики, психологии и экономики женщине, которая, как только они оставались одни, садилась к нему на колени и целовала его и говорила, какой он милый.

Как и с чего начать? Может быть, с вопроса об анатомическом строении? Он извлек свой атлас человеческой анатомии и принялся задумчиво перелистывать таблицы. Его поразила удивительная неэстетичность этих грубых красных и синих тонов и довольно непривлекательные формы органов. Гвен, подумал он, нуждается в некоторой подготовке, прежде чем ей можно будет штудировать эти умело исполненные, но (как он теперь видит) довольно отталкивающие схемы и разрезы половых органов.

Может быть, начать с желез внутренней секреции? Или с функций гормонов? Это на первый взгляд казалось более многообещающим. Но вот в чем вопрос, как связать эти весьма интересные факты с их взаимоотношениями? Разве знание предполагаемых причин возникновения вторичных половых признаков убедит Гвен отнимать у Криса меньше времени или докажет ей, что она должна вести себя менее откровенно в присутствии Жюли? Вероятно, нет.

То же самое можно было возразить и по поводу увлекательной темы об идентичных близнецах и бесплодных самках.

Наконец, имеется еще мушка-дрозофила, безобидное и даже красивое создание. Но теория хромосом и генов опять-таки относится целиком к вопросу о размножении, и, следовательно, от нее Крису не будет никакого толку. То же самое можно было сказать и о менделизме.

По зрелом размышлении Крис решил, что начинать следует с психологии: с помощью этой отмычки удастся отпереть и все остальные замки. Поэтому он отложил в

сторону все остальные занятия и на два дня зарылся с головой в Подсознательное.

К сожалению, когда он начал разъяснять теорию Подсознания, сексуальное содержание снов, проявления либидо в детском возрасте и их связь с комплексом Электры, он сразу же натолкнулся на то безрассудное и даже раздражительное сопротивление, которым невежественный обыватель (или обывательница) всегда встречает попытки психоаналитика-любителя. Гвен возмущалась, что это ужасно говорить подобные вещи о невинных детишках и что она лично почитала свою покойную мать как святую, и что если он хочет сделать ей приятное, то пусть он будет милым мальчиком и не говорит глупостей.

Когда Крис указал, что это сопротивление только доказывает справедливость его догадок, и приступил к краткому повторению пройденного, симптом повторился с угрожающей силой.

— Ну,— сказал Крис, вздыхая еще раз при поражении Разума в борьбе с Предрассудком,— если вы не хотите слушать меня, может быть, вы прочтете Фрейда и Джонса?

— Не буду я их читать,— выразительно сказала Гвен.— Это грязные старикашки, я в этом уверена. К тому же, даже если они правы, я не желаю ничего знать об этом. Я довольна тем, что есть.

— Ах нет, нет!

— А я вам говорю, что да, и вы не смеее так гадко обращаться со мной только потому, что я вас люблю и ничего не могу с этим поделать. Все вы, мужчины, таковы.

— Господи боже мой, но ведь это же общеизвестные истины, и они всеми признаны,— слабо возражал Крис.— Неужели вы не желаете понять себя и меня и наши чувства друг к другу и научиться управлять ими, чтобы они привели нас к счастью?

— Зачем это мне? — Красивые глаза Гвен наполнились слезами.— Если бы ваши чувства были так же сильны, как мои, вам не захотелось бы *понимать*, вам было бы достаточно только чувствовать. И я не верю, что мы *должны* эти вещи понимать. Бог от нас совсем не этого желает. И не пытайтесь сделать из меня синий чулок, Крис. Если вам хочется вести такие разговоры, найдите себе какую-нибудь из этих очкастых студенток с плоской грудью и взлохмаченными волосами. А я просто нормальная женщина.

— Студентки ничуть не менее привлекательны, чем все другие женщины,— сказал Крис, обиженный таким пренебрежительным отношением к его корпорации.— А что вы называете нормальной женщиной? Вы же клубок запретов и подавленных желаний!

Тут Гвен разразилась слезами и спаслась бегством в свою спальню. Крис последовал за ней и, оставив всякую мысль о Рациональных Половых Отношениях, был вынужден прибегнуть для успокоения Гвен к таким иррациональным приемам, как лесть и ласки. Сначала Гвен наотрез отказалась успокоиться. Когда она довела его до почти унижительного состояния бессмысленной покорности и он начал извиняться за то, что посмел осквернить Любовь нечистой наукой, она согласилась простить ему обиды, которые он нанес ее высоким чувствам. Хотя Жюли была дома, примирение пришлось довести до самого конца. А затем Крис должен был пожертвовать вечером и поехать в ресторан, чтобы доказать, что примирение было искренним.

После этого маленького эпизода (все хорошо, что хорошо кончается) Крис воздерживался от прямых покушений на девственный ум Гвен. Он понял, что намеки и беглые замечания — более верный путь к сердечному согласию, при котором права, требования и «отношения» каждого определяются с большей точностью и будут взаимно уважаться.

А пока что не было ничего легче, как жить день за днем, наслаждаясь плотскими радостями, доставляемыми влюбленной Гвен. Крис убеждал себя, что хотя он работает меньше, но работает лучше. И по мере того как уменьшалось количество работы, увеличивался размах его планов. Теперь его честолюбие с презрением отбрасывало мысль о небольшом вкладе в познание доисторического человека и мечтало о широком и всеобъемлющем общем обзоре. Необходим, во-первых, ясный анализ (на основании последних открытий и самоновейших исследований) развития и поступательного движения человечества, начиная с древнейших времен. При наличии столь прочного базиса можно будет предвидеть дальнейшую историю человеческого рода и даже управлять ею.

Потому что, как только люди узнают, что именно им надлежит делать, разве они сейчас же не станут делать это?

Конечно, были и осложнения. Но их легко можно было разрешить с помощью нескольких фунтов в неделю

и некоторого досуга. Требование самое скромное. Только постепенно выяснилась неприятная истина, что «интеллектуальное проведение досуга» — это всего лишь смиренно-иносказательная форма стремления приобщиться к классу людей, живущих на нетрудовые доходы.

ТРИ

Если бы Крис был менее поглощен всем этим, он уже давно заметил бы, что находится в том состоянии изоляции, которому здравомыслящие люди весьма разумно подвергают морально прокаженных, потерявших все свои деньги. В действительности прошло немало дней, прежде чем он отдал себе отчет, что не видит никого, кроме Гвен, Жюли и Джеральда. Единственный знакомый, которого ему пришлось в голову навестить, был Вилли Ротберг, молодой юрист, который должен был стать опекуном Жюли. Возможно, именно благодаря этому обстоятельству, а не ради своих прекрасных глаз, Крис был принят так быстро, ибо Ротберг теперь, естественно, принимал близко к сердцу интересы Хартмана.

Крису хотелось для разнообразия поговорить с мужчиной. К сожалению, Ротберг был похож на большинство юристов, особенно молодых, и считал дружеский зговор лишь разновидностью судебных дебатов. Достаточно было собеседнику выразить какое-нибудь мнение, хотя бы вскользь и без всякой настойчивости, как Ротберг немедленно становился на противоположную точку зрения и принимался страстно и упорно защищать ее. Ему было ровным счетом наплевать и на предмет обсуждения и на то, прав он или неправ. Все дело было в том, чтобы одержать казуистическую победу; предмет обсуждения являлся всего лишь предлогом.

После десятиминутного бессмысленного спора о каких-то пустяках Крис наконец не выдержал.

— Эти споры ради того чтобы представить черное белым кажутся мне в высшей степени безнравственными, — сказал он. — Очень жаль, что с тех пор как вы кончили колледж Святого духа, у вас образовалась эта привычка. Это лишний раз показывает, как порочна вся наша юридическая система.

— **Вовсе нет!** — Если Ротберг вступал в дискуссию по поводу пустяков, которые его нимало не касались, то уже едва ли он способен был спустить прямые нападки на

свою паразитическую профессию.— Перед вами два адвоката, и каждый из них выставляет свою сторону дела в наивозможно благоприятном свете. Беспристрастная третья сторона — судья — подводит итог. Это единственный путь к истине.

— Ерунда! — нетерпеливо воскликнул Крис.— С таким же успехом можно определить истину как среднее арифметическое двух лживых утверждений. Юристы спорят вовсе не ради того, чтобы установить истину, а ради того, чтобы выиграть дело. Ну, а насчет непристрастности судьи, это вы расскажите кому-нибудь другому. Это наемный адвокат системы и класса, породившего эту систему. Все судьи развращены классовыми предрассудками. Если каким-то чудом объявится хоть один неразвращенный, его затравят, и он покончит с собой.

— Ну, знаете ли! — возмутился Ротберг.

— А что до вашей идиотской судебной процедуры,— не унимался Крис,— то вот вам пример. Возьмем этот кусок сургуча на вашем столе. Адвокат А доказывает, что это броненосец; адвокат В утверждает, что это чайная ложка; ученый судья, толкователь закона, выносит приговор, что это треска. Дело получает огласку, и физик, впервые услышав о нем, знакомится с ним и вскоре доказывает, что сургуч есть сургуч. Дело кассируется, но кассационный суд подтверждает приговор первой инстанции и заявляет, что отныне и впредь он будет решительно выступать против так называемых задних мыслей ученых джентльменов, тогда как на самом деле это всего лишь истина. Не говорите мне о праве. Право — это школа извращенной софистики, отродье сцепившихся схоластов, гнусный потомок мохнатых законников-котов, Рабле.

— Если вы так на это смотрите,— сказал Ротберг с болезненным сарказмом,— я не могу понять, почему вы настаивали, чтобы я был опекуном вашей сестры.

— А очень просто. Она нуждается в опытном крючкотворе, чтобы он заботился об ее интересах.

— Благодарю за комплимент! А какая у вас гарантия, что я не использую свое предполагаемое крючкотворство в ущерб вашей сестре?

Крис пожал плечами.

— Никакой; разве только то, что, если вам понадобится кого-нибудь «обойти», по-моему, вам будет приятней «обойти» Джеральда, а не мою сестру.

— А как же семейные нотариусы, те, что в провинции?

— Это, должно быть, ротозеи или мошенники,—

сказал Крис.— Они привели дела моего отца в полный хаос. Я сильно подозреваю почтенного Хичкока. Очень уж он патриотичен. А его компаньон, носящий короткое имя Снегг,— колченогий и незаконнорожденный.

— А какое это имеет отношение к его честности?..

— Огромное. Это две причины, по которым он неизбежно должен чувствовать свою ущербность. Чтобы возместить эту неполноценность, он будет добиваться власти. Так как женщины его класса, вероятно, не захотят его, такой человек либо станет педерастом, либо, преступая рамок закона, будет стараться всеми правдами и неправдами разбогатеть. Вероятно и то, и другое.

— Что за фантастика!

— Вовсе нет, самоочевидная истина. Для всех, но, разумеется, только не для юриста. Но, однако, не в этом дело. Возьметесь вы быть опекуном Жюли если не ради меня, то хотя бы ради нее?

Ротберг с сомнением почесал подбородок.

— Ладно,— коротко сказал он.— Приведите ее завтра сюда, а там видно будет.

— Благодарю вас,— сказал Крис.— Вы знаете, я не одобряю браков, основанных на купле-продаже, но уж если девушка вступает в такой брак, пусть хоть деньги-то свои получит.

— Ну, довольно с меня вашей чепухи,— сказал Ротберг, который, согласившись на выгодную операцию с таким видом, будто он делает одолжение, теперь не нуждался больше в Кресе.— Если вам нечего больше сказать, отправляйтесь домой, мне работать нужно.

Крис поднялся, чтобы уйти.

— А вы-то сами как? — спросил Ротберг, прощаясь и для приличия симулируя интерес.— Что подельваете?

— О, всего только готовлюсь к свадьбе.

— А после?

— Вероятно, буду жить под сенью благодетельного света, отбрасываемого этим факелом Свободы.

— То есть?

— Мне придется корпеть над чем-нибудь, чего мне вовсе не хочется делать, и что я не смогу делать особенно хорошо, ради того чтобы жить и иметь возможность делать то, что мне хочется и что я в состоянии делать.

— Для меня это что-то замысловатое. Нельзя ли прокомментировать?

— Да это проще простого. Вы слышали о Культе Молодежи? Остроумная система, цель которой — под-

держивать кретинов во имя благополучия расы. Всякий, кто подымается над уровнем кретина, либо игнорируется, либо притесняется на том основании, что Природа и так оделила его слишком щедро. В моем лице вы видите жертву Человеческого Братства и христианского милосердия.

— Знаете, ведь вы могли бы неплохо зарабатывать, если бы взяли за дело всерьез,— одобрительно сказал Ротберг.

— Благодарю! Растрясги свои мозги на этом и потерять способность делать что бы то ни было, кроме денег. У меня есть другое занятие.

— Что именно?

— Так, небольшая исследовательская работка.

— Этим много не заработаешь,— внушительно сказал Ротберг.

— Мне претит наживаться за счет человечества,— язвительно сказал Крис.— А то бы я непременно занялся вооружениями ради сохранения мира. Ну-с, до свиданья.

Из квартала суда Крис вышел через Линкольнс-Инн-Филдс на Кингзуэй и направился к Британскому музею. Был один из столь частых в Лондоне мягких серых дней, когда даль заткана паутиной легкого тумана. В то время как Крис шел по Кингзуэй, также окутанный туманом какого-то пассивного всеотрицания, небо прояснилось и улицу осветили неяркие лучи бледно-бронзового солнца.

Эта перемена тотчас привлекла его внимание, и на мгновенье будничныи сквер предстал перед ним с какой-то необычайной ясностью. У него было ощущение, что он оторвался от неподвижной рутины существования и реально ощутил биение времени. Вещи утратили свою условную неизменность, стали отражением в потоке, приобрели на мгновенье иную реальность, так что тротуар под его ногами был уже не просто тротуар, а горная порода, добытая и обтесанная и незаметно стирающаяся в пыль шагами бесчисленного множества ног.

Прохожие были теперь уже не просто неприметные фигуры и даже не конторщики, машинистки, покупательницы, фланеры, посыльные, полисмены, безработные, а Мужчины и Женщины с обнаженными, живыми под уродливой одеждой телами, приемники и передатчики жизни, соединенные, от тела к телу, как звенья бесконечной цепи, уходящей далеко в прошедшее и будущее,— открывшийся на мгновенье взору разрез огромной траги-

комической диорамы, именуемой историей человечества. В то же мгновение его охватило ощущение неизмеримости пространства: вокруг него город раздвинулся до своих самых отдаленных предместий, до полей и лесов, и деревень, и других городов, до морского берега и моря, до океанов и континентов, разбросанных по всему земному шару, вращающемуся под своей прозрачной защитной пленкой воздуха — и, однако, все это был лишь комплекс мельчайших волновых частиц электромагнитной энергии.

Ему захотелось крикнуть всем этим людям:

— Смотрите! Смотрите! Мир жив!

И вдруг, так же внезапно, как поворот выключателя освещает комнату или погружает ее в темноту, это состояние повышенной восприимчивости исчезло. Его взгляд машинально прочел объявление на газетном киоске: «Смерть известного спортсмена». И он снова погрузился в мир вещей, который только что казался ему иллюзией и который любой из прохожих стал бы свирепо отстаивать как единственную реальность.

Он медленно и задумчиво пересек Холберн, повернул к уродливым чугунным воротам музея и поднялся по широким ступеням к его ионическому портику. Подчиняясь импульсу, разбуженному этим мгновенным видением, он прошел мимо читального зала и больше часа медленно бродил по залам и комнатам, приютившим бранные останки нашей истории; он не останавливался ни перед одним экспонатом, только лишь восстанавливал в памяти последовательные звенья цепи прогресса. В течение этого часа перед его мысленным взором прошли палеолитический, неолитический и бронзовый века; Египет, Шумер, Вавилон, Ассирия, Эгейский мир, Хетты, Греция, Этруски, Рим, Индия и Китай, Мексика, Перу, Майя, средние века и беспорядочная груда обломков так называемых первобытных культур.

Обессиленный всем, что он видел, и еще больше игрой собственного воображения, он опустился на скамью и закрыл глаза рукой.

«Могут ли жить эти мертвые кости? Что это — Валгалла или морг? Здесь, передо мной, конспект тысячелетий человеческого труда, терпеливо извлеченный из развалин сожженных и разрушенных городов или из могил. Сколь многие из тех, чья могильная утварь собрана здесь, надеялись жить вечно. Могло ли им присниться, что обителью блаженных окажется для них здание музея? Как

смотрит вот этот доисторический египтянин на месте своего успокоения на берегах Темзы, и долго ли он здесь пробудет? Те, что высекали из камня, доставили в Египет и воздвигли обелиск, который мы теперь называем Иглою Клеопатры, были, быть может, его отдаленными и чуждыми ему потомками.

Могут ли эти мертвые кости ожить? Или они навсегда останутся только беспорядочной грудой разбитых статуй, изъеденной временем бронзы, костей и черепков — бессмысленных обломков мертвых религий? Неужели мы не сможем по крайней мере хоть понять их, разгадать власть этих мертвецов над нами — власть суеверий, предрассудков, безумных вымыслов, которые мы называем «традицией»? И все же сохранить благодарность к ним за то хорошее, что они нам завещали? Но прежде всего — освободиться от проклятого Прошлого.

Так было всегда: люди приходили и разрушали то, что терпеливо и любовно создавалось поколениями. Они, глупцы, думают, что в этом их превосходство — разрушать то, что они не могут сделать сами. И вот теперь мы снова готовимся к войне, готовимся выпустить на волю разрушительные силы, которые уничтожат не только нас, но и эти жалкие остатки всех устремлений и усилий человечества. А во имя чего, боже милостивый! Во имя чего? Лучше бы нам остаться мирными каменотесами каменного века, чем жить под этой идиотской угрозой массового разрушения, видеть каждую минуту оскал огромного кретинического идола, склонившегося над Европой.

Жизнь — это только жизнь, и больше ничего: ежедневное, ежечасное живое ощущение становления. Это кажется так просто, а между тем Мелвилл среди своих людоедов был в большей безопасности, чем мы среди кровожадных дураков и негодяев, которые правят нами и держат в своих руках толпу. Да, возлюбленные мои сестры, бросайте свои обручальные кольца в кипящий котел войны. Или, еще лучше, бросайтесь туда сами, или ступайте размножаться к обезьянам.

В человеческих существах живет инстинкт жертвовать собой ради своих детенышей, ради будущего. Вот на этом-то всегда играли и продолжают играть первосвященники и полководцы. Бессмертие, сила и слава...

Мужчинам и женщинам нет никакой необходимости страдать так, как они страдают сейчас. Их надувают, одурачивают, предают, эксплуатируют, унижают. Так пусть

же они поработают головой над своим освобождением. Не верьте тем, кто говорит, что вы будете бессмертны, если разделите их предрассудки.

Освободите свои умы, сделайте последние усилия, научитесь понимать и действовать разумно, или вы погибнете, и погибнете так основательно, что не останется даже археологов и музеев, которые соберут обломки вашего крушения».

ЧЕТЫРЕ

Бойкот, которому общество по финансовым соображениям заслуженно подвергло Криса, распространился и на корреспонденцию. Крис привык писать и получать много писем, и то, что это внезапно прекратилось, и целый ряд других мелочей того же рода должны были бы дать ему правильное представление о корыстной природе человека. Вначале это поразило его, а потом он перестал удивляться, вспомнив о судьбе полярного волка, который не может угнаться за стаей.

Поэтому он был несколько удивлен, получив четыре письма сразу.

Одно было от Нелл, которая давала ему бессистемные, но опасные советы и сообщала, что «бедный отец» намеревается через силу приехать в Лондон, чтобы присутствовать на свадьбе. Письмо содержало множество кокетливых и покровительственных намеков на его личные дела, упоминаний о пылкой юности и свойственном ей нетерпении, советов не бросать слишком открыто вызов общественному мнению и надежду, что он «нашел путь к длительному счастью».

Крису стало досадно. Очевидно, Жюли знала о его отношениях с Гвен. Очевидно, Гвен поспешила сообщить ей эту пикантную новость. Но откуда же этот раблезианский одобрительный тон? Ясно, что нормальной реакцией должно было быть олимпийское осуждение «грязной и неджентльменской связи», ибо в мире Хейлинов старшего поколения чужие любовные связи всегда были делом грязным и неджентльменским. Или это просто выжидательная позиция, желание избежать скандала до окончательного и бесповоротного заключения Хейлин-Хартмановского брака? Возможно. Но какое свинство со стороны Жюли! И какое свинство с их стороны! Он с раздражением отшвырнул письмо.

Было еще письмо от псевдокоммуниста Хоуда и другое от некоего Вольфстена, тоже студента, интеллектуального эстета англо-католического толка с фашистской тенденцией. Они как всегда картинно и беспорядочно расходились во взглядах, причем каждый надеялся обратиться Крису в свою веру. В университете был диспут, и они выступали друг против друга, а теперь писали, чтобы рассказать Крису, «как оно было на самом деле». Крис покатывался со смеху, сличая их совершенно противоречивые описания одних и тех же событий.

Наконец было письмо от мистера Чепстона, заставившее Крису встрепунуться и отнестись к нему с должным вниманием. В том его абзаце, который был посвящен делу, говорилось следующее:

«Я вам советую зайти к Риплсмиру. Он учился в колледже Святого духа сорок лет тому назад, задолго до меня. С тех пор он унаследовал несколько крупных состояний, и хотя он не стеснялся в расходах, ему невероятно везло: каждый раз он получал больше, чем тратил. Возраст заставил его отказаться от утомительно праздной жизни на модных курортах, и он решил заняться интеллектуальной деятельностью. Среди унаследованных им богатств есть коллекция картин и довольно основательная библиотека. До сих пор он мало беспокоился о них, но теперь хочет, чтобы кто-нибудь привел их в порядок и рассказал ему о них, чтобы ему было чем похвастаться перед гостями. За это он готов платить, и вы могли бы взять эту работу. Разумеется, вы не очень-то смыслите в этих вещах, но будете позором вашего колледжа, если обнаружится, что вы смыслите в них меньше, чем Риплсмир»...

Таким образом случилось, что в назначенный день и час Крис явился к мистеру Риплсмиру в его особняк в Мэйфере. Шел дождь, и Крис с огорчением обнаружил, что, пока он шел от автобусной остановки, штробилеты его забрызгала грязь. Не желая производить неблагоприятного впечатления на этого богатого субъекта, Крис пожертвовал носовым платком и у входа почистился. Затем позвонил.

Невзрачный фасад заставлял предполагать, что дом сравнительно невелик. К своему удивлению, Крис обнаружил, что за этим фасадом хитроумно скрывается целый дворец.

Ливрейный лакей провел его через холл, где он узрел перед собой огромное сентиментальное полотно в стиле французского Салона девяностых годов. Мистер Риплсмир по глупости заплатил несколько тысяч за этот образчик льстиво-плутократической мазни.

Затем Криса провели в большую комнату и попросили подождать, пока понесли его карточку. Он с интересом огляделся по сторонам: в первый раз он попал в дом одного из Баснословно Богатых. Здесь был мраморный камин, скопированный до последнего купидона с камина во дворце в Урбино. В нем горело такое количество антрацита, какого Крис никогда раньше не видел; чтобы стены не закоптились, перед камином стоял толстый стеклянный экран.

Комната была отделана панелями драгоценных сортов дерева из всех частей Британской империи, как впоследствии узнал Крис. По одному ряду панелей деревянной мозаикой шли сцены из жизни святого Франциска Ассизского, похожие на плохие переводные картинки. Здесь был большой новый стол эпохи дешевой, но массивной конторской мебели; великолепный испанский шкаф семнадцатого века; два коричневых кожаных кресла, у которых был такой вид, точно они перекочевали сюда из курительной какого-нибудь клуба, и множество гравюр на спортивные темы. Несколько арабских мушкетов тонкой чеканной работы были небрежно свалены в углу.

Крис подошел к шкафу. Да, это, по-видимому, позднее испанское Возрождение, великолепный образчик столярного искусства, вероятно захваченный в качестве трофея в каком-нибудь дворце, когда англичане помогали испанцам в их борьбе против Наполеона. Он осмотрел мушкеты и полюбовался изящными инкрустациями из серебра и слоновой кости. Он как раз созерцал сентиментальную панель, изображавшую мистический брак святого Франциска с Нищетой, когда лакей вернулся.

Лестница оказалась достойной музея и обладала великолепными резными балюстрадами — по сравнению с ней лестница в доме Гвен, несмотря на все жалкие потуги владелицы, напоминала вход в парикмахерскую. Миновав паркетную площадку, они вошли в широкий коридор, увешанный картинами, не принятыми Академией, прошли через какой-то зал, обитый обюссонскими коврами и декорированный огромными сервскими вазами на позолоченных постаментах в стиле рококо, и очутились перед

дверью; лакей постучал, распахнул дверь и объявил с важной торжественностью:

— Мис-тер Крис-то-фер Хейлин.

Крис не успел разглядеть комнату. Низенький краснолицый джентльмен устремился к нему, шаркая ногами и восклицая:

— Хейлин? Хейлин? Как поживаете, дорогой мой? Хейлин? Хейлин? Мы когда-нибудь встречались? Я с вами знаком?

Крис был несколько ошарашен.

— Я от Чепстона,— объяснил он.— Вы сами назначили мне прийти сюда.

Мистер Риплсмир подскочил, точно в соседней комнате разорвалась бомба, и хлопнул костлявой ладонью по своему высокому, желтому, морщинистому лбу.

— Вот памяти! — воскликнул он.— Дорогой мой, что случилось с моей памятью? Чепстон? Мейлин? Нет, Хейлин. Чепстон. Ну, конечно! Я очень хорошо знаю Чепстона. Мой старый друг. Замечательный человек, такой образованный. Капельку чудаковатый, как вы находите, а?

— Пожалуй,— неохотно согласился Крис.— Но у меня слишком много оснований быть благодарным ему, так что я...

— Ну, конечно, еще бы!..— Судя по его неопределенному тону, мистер Риплсмир, очевидно, имел дурную привычку следить только за своими мыслями, не обращая никакого внимания на слова собеседника.— Присаживайтесь, дорогой мой, и расскажите, что привело вас ко мне. И помните, что я весь к вашим услугам, да-да.

Мистер Риплсмир с любезной улыбкой развел руками, точно предлагая половину своего состояния и еще кое-что в придачу.

— Чепстон счел, что, возможно, я мог бы быть полезен вам в смысле приведения в порядок ваших...

Мистер Риплсмир опять подскочил и опять хлопнул себя по лбу.

— Коллекций! — воодушевленно прервал он.— Ну, конечно, мои коллекции! Теперь я все вспомнил, что случилось с моей памятью? Да, вы знаете, дорогой мой,— продолжал он любезно конфиденциальным тоном, точно сообщая Крису какую-то важную тайну.— Ведь Чепстон написал мне о вас. Коллекции, конечно. Но как это мило с вашей стороны, что вы пришли, необычайно мило. Я очень ценю это, да-да, особенно в наше время, когда

почти утрачены приятные манеры, настоящие светские манеры.

Мистер Риплсмир впал в экстатический транс от доброты, которую проявил Крис, согласившись прийти к нему. Крис чувствовал себя неловко. Может быть, этот старый кретин рассчитывает, что он будет работать даром? Может быть, эта напускная любезность — только хитрый светский прием? Крис взглянул на мистера Риплсмира более внимательно. Он увидел невысокого старика с брюшком, одетого в довольно старомодный костюм синей саржи с синим в крапинку галстуком бабочкой. Его крупные безобразные руки были наманикюрены. Его лоб казался выше, чем был на самом деле, благодаря стратегическому отступлению волос впереди. Значительная часть его красного лица, казалось, провалилась под подбородок. От этого оно приобрело сходство с розовой лягушкой, и нижние веки оттянулись, так что мистер Риплсмир смотрел на вселенную обманчиво-аристократическим взглядом унылой ищейки.

— Чепстон дал мне понять, что вы не откажетесь платить мне... — начал Крис, переходя прямо к делу.

— Дорогой мой! Дорогой мой! — прервал его мистер Риплсмир. — Прошу вас не говорить со мной о деньгах. Я не выношу подобных разговоров. Они расстраивают меня, я человек слишком чувствительный. Упоминание о деньгах действует на меня так же, как если кто-нибудь царапает ногтями тонкий шелк.

И мистер Риплсмир весь передернулся от своей утонченной чувствительности.

— Тогда мне, пожалуй, лучше... — начал Крис, вставая со стула.

— Да вы меня совсем не поняли! — запротестовал мистер Риплсмир. — Садитесь, прошу вас, садитесь. Я настаиваю!

Крис в замешательстве повиновался, так как ему, по-видимому, не оставалось ничего другого. Мистер Риплсмир продолжал изливаться ему в своих чувствах.

— Я вас не осуждаю. Теперь такая грубость считается почти *de rigueur*¹. Но я не одобряю этого, мне это совсем не нравится. Я вырос в кругу, где признаны были правила поведения леди и джентльменов, и я до сих пор придерживаюсь этих правил... К тому же, дорогой мой, когда мы с вами узнаем друг друга поближе, а я в этом уверен...

---

¹ Обязательной (*фр.*).

Здесь мистер Риплсмир приподнялся на один дюйм с кресла и отвесил церемонный поклон, на что Крис, точно в каком-то гипнозе, ответил тем же, чувствуя себя при этом невероятным дураком...

— Вы поймете, какая у меня чувствительная натура. Напрасно я стал бы притворяться. У меня натура необыкновенная. Я несравненно острее воспринимаю всякие чувства, оттенки, настроения, чем другие. Всю жизнь это было для меня источником неопикуемых страданий, и, однако, ни за какие блага я бы от этого не отказался. Вы этого не поймете. Вы принадлежите к ужасному новому поколению, столь холодному, столь черствому, столь эгоистичному, лишенному блестящего остроумия и наших тонких чувств.

— Что хотели бы вы мне поручить? — спросил Крис, решив, что не имеет смысла вступать с ним в спор на эту тему.

— Ну, вот вы опять, дорогой мой, вот опять! — воскликнул мистер Риплсмир, дрожа от своей уязвленной чувствительности. — Ну чего ради такой воспитанный молодой человек, как вы, напускает на себя эту плебейскую грубость. Бессознательно это? Или поза? Скажите мне, я хочу знать.

Крис был совершенно сбит с толку: он не знал, что сказать.

— Это, по-видимому, наиболее эффективный способ достигнуть чего бы то ни было, — рискнул он.

— Эффективный! — самое слово, казалось, оскорбило его. — Дорогой мой! Ну, право же! Ну, скажите, на что нам с вами эффективность? Предоставим ее биржевым маклерам, шоферам и всем этим господам... — Он с жеманным пренебрежением сдуул с рукава невидимую пылинку и повторил, — этим господам! Наше дело, если уж у нас должна быть такая ужасная вещь, как дело, — это наслаждаться жизнью, поддерживать высокие старые традиции.

— К этому можно подходить по-разному... — начал было Крис, но мистер Риплсмир снова прервал его, проявляя полное пренебрежение ко всему, что мог бы сказать Крис.

— Взглянем сначала на коллекции, — заключил он, вставая. — Вы сами решите, доставит ли вам удовольствие привести их в порядок. Я, конечно, знаю их как свои пять пальцев, но не могу, вы понимаете, посвящать свое время тому... чтобы...

Он открыл перед Крисом дверь, и Крис оказался втянутым в утомительный фарс на тему: «Будьте любезны, пожалуйста», «нет, прошу вас», «что вы, что вы», «раз уж вы так настаиваете», который повторялся у каждой двери.

Мистер Риплсмир, важно выступая и разглагольствуя, провел его в конец широкого коридора к лифту. Ливрейный лакей проворно открыл перед ними дверцу.

— Первый этаж, Гардинер,— сказал мистер Риплсмир, улыбаясь очаровательно-ласковой улыбкой.

Лакей поклонился.

— Прошу извинения, дорогой мой, что везу вас в этой ужасной машине, в которой я, к счастью, ничего не понимаю,— сказал мистер Риплсмир, когда они вошли в лифт.— Я ненавижу машины. Они отнимают у жизни ее очарование, ее изящество. Но я так невероятно занят, что мне приходится пользоваться ими для экономии времени. Вот мы и приехали. *Facilis descensus Averni*¹. Добрый старый Вергилий, какой поэт! Ха-ха-ха!

И, обращаясь к лакею:

— Благодарю вас, Гардинер.

— Благодарю вас, сэр.

— Вот и моя библиотечка,— сказал Риплсмир, открывая высокую дверь, покрытую обильной резьбой, и заставляя Криса войти первым.— Приятная комната, только, боюсь, сейчас она в некотором беспорядке.

Крис остановился как вкопанный, глядя перед собой в изумлении, почти в ужасе. Он не знал, чего он собственно ожидал, но, во всяком случае, не таких масштабов и не такого хаоса.

Библиотека занимала прекрасную комнату с высоким потолком, выходившую во внутренний двор и расположенную вдоль одной из его сторон. За исключением нескольких ниш с бюстами все стены были заняты книжными полками; к ним были приставлены стремянки, чтобы можно было добраться до верхних полок. На высоте пятнадцати футов, между верхним и нижним рядом окон, шла узкая галерея с резными перилами, по которой тоже были расположены полки. На сводчатом потолке была роспись — Аполлон и музы, подражание Тьеполо. Внизу стояли длинные столы, пюпитры, вольтеровские кресла у огромного камина и даже два старинных глобуса.

Причиной изумления Криса было неожиданное великолепие этого псевдоренессанса. Причиной его ужаса —

¹ Легко сходим в Авернское озеро (лат.).

невероятный беспорядок. Книги всех форматов и в самых различных переплетах стояли или лежали на полупустых полках. Столы и пол были завалены горами книг, а в одном конце комнаты стояли огромные ящики, частью заколоченные, частью вскрытые, в которых виднелись кое-как уложенные книги. Сизифов труд — привести все это в порядок.

— Ну, вот, дорогой мой! — воскликнул мистер Риплсмир. — Как вы полагаете, могли бы вы оказать мне любезность и разобрать все это? Я с удовольствием занялся бы этим сам, нет ничего, что было бы мне так по душе, как проводить все время среди моих любимых книг, но, к сожалению, у меня нет времени. Мне больно, уверяю вас, мне физически больно, — и он патетически прижал руку к груди, — когда я вижу, в каком запущенном состоянии находятся все эти сокровища человеческого духа. Ах, дорогой мой, чем были бы мы без книг? Невеждами, чурбанами... Я сказал моему дворецкому привести библиотеку в порядок, но этот болван устроил здесь настоящую кашу. Очевидно, эта задача была не под силу его плебейским мозгам, хотя в других отношениях это весьма достойная личность.

— Как вы думаете, сколько у вас всего книг?

— Дорогой мой! — Мистер Риплсмир был скандализован. — Какой странный вопрос! Неужели вы думаете, что я могу это знать? Когда мне нужна какая-нибудь книга, — к сожалению, у меня не хватает времени прочесть все, что я хотел бы прочесть, — я посылаю за ней в библиотеку. Если этой книги у меня нет, я заказываю ее у книгопродавца. Это страшно просто. Но зачем же считать их?

— А что, собственно, вы хотите, чтобы я здесь делал? — спросил Крис, беспомощно взирая на этот хаос.

— Очень немного, фактически почти ничего. Я хочу, чтобы вы расставили их в каком-нибудь логическом порядке — предоставляю это всецело вам — и составили каталог. В подвале есть еще несколько ящиков с книгами, которые я получил в наследство от различных членов нашего семейства, людей в высшей степени образованных. Ящики нужно будет привезти сюда и обследовать. Всякую макулатуру нужно будет, разумеется, выкинуть. В моей библиотеке должны быть только самые сливки, только то, что есть самого лучшего!

В это мгновение взгляд Криса встретился со взглядом улыбающегося Вольтера работы Гудона. Показалось

ему или действительно улыбка великого сатирика была чуточку более сардонической, чем обычно?

— А теперь давайте взглянем на коллекции,— сказал голос мистера Риплсмира.

Его аккуратные лакированные туфли затопали по комнате и вдруг остановились.

— Нам, пожалуй, не пробраться здесь,— сказал он, сердито поглядывая на ящики.— Эти несносные болваны. Я же сказал им, чтобы они приносили сюда ящики по одному. Или я забыл им сказать? Сюда, дорогой мой, сюда!

Если библиотека испугала Криса, то «коллекции» действительно привели его в панику. Он молча следовал за неугомонно болтавшим Риплсмиром из комнаты в комнату по каким-то апартаментам, напоминавшим баснословно богатую антикварную лавку. Тут были бесчисленные картины, масса старинной мебели. Стеклянные шкафы с фарфором, майоликой, греческими и китайскими вазами, слоновой костью и бронзой, расписными веерами и табакерками стояли по стенам в безумном беспорядке эпох и стилей.

В одной из комнат были сложены груды папки различного формата. Крис открыл наудачу одну из них и увидел серию гравюр Пиранези с видами Рима. Мистер Риплсмир заглянул ему через плечо.

— Что это у вас там? — вкрадчиво спросил он.— Какое-нибудь сокровище?

— Пиранези,— рассеянно сказал Крис, полагая, что мистер Риплсмир узнает неподражаемый стиль художника.

— Пиранези? — недоверчиво переспросил мистер Риплсмир.— А! Ну, конечно, Пиранези. Но, дорогой мой, ведь он драматург?

— Не Пиранделло,— нетерпеливо сказал Крис,— а Пиранези, итальянский гравёр восемнадцатого века.

Мистер Риплсмир привскочил и ударил себя по лбу. Крис уже изучил эту пантомиму.

— Пиранези, Пиранези, Пиранези! — воскликнул он.— Ну, конечно, конечно! О чем я только думал? Что случилось с моей памятью? Ну, конечно, Пиранези. Ах, дорогой мой, какой стиль, какая глубина, сколько чувств! Какой художник!

— Излишне романтический и манерный,— возразил Крис.

— Излишне романтический! Ах, дорогой мой, тут я не могу с вами согласиться. Ни один художник не может

быть для меня *излишне* романтичным. Я люблю романтику, она соответствует моему темпераменту, я обожаю ее. Кстати, как теперь смотрят на Пиранези? Его произведения ценятся высоко?

— Довольно высоко, по-моему, особенно, если собрание полное.

— А оно полное? — с жадностью спросил мистер Риплсмир.

— Так сразу я не могу сказать,— ответил Крис, стараясь подавить улыбку.— Нужно будет тщательно сравнить с полным собранием в Кабинете гравюр Британского музея.

— Ну еще бы, еще бы,— поспешно согласился мистер Риплсмир.— А теперь вы видели мою скромную маленькую коллекцию. Все, что я от вас хочу, это разобрать ее, описать каждый предмет, указав период, стиль, имя художника, все сколько-нибудь интересные исторические и эстетические данные, а также ваше мнение о его художественной ценности и примерную стоимость в настоящее время. Только и всего, дорогой мой, только и всего!

Крис ахнул, а затем, придя в себя, начал внушать старому джентльмену, что на это потребуются не недели, не месяцы, а годы; что нет на свете такого человека, который был бы способен вынести компетентное суждение об этой массе разнородных предметов и что даже, когда они будут тщательно разобраны, придется для каждой отдельной категории пригласить на консультацию эксперта...

Но мистер Риплсмир не слушал. Он спрашивал себя вслух, безопасно ли перевести сюда из банка его фамильные драгоценности и разложить их по витринам. Нет, пожалуй, не стоит...

Вдруг он взглянул на часы и схватился за голову; его лягушачьи глаза выпучились от ужаса.

— Дорогой мой, вы знаете, который теперь час? Почти половина первого! А милая леди Иглсуик обещала приехать сюда к завтраку с герцогиней. Какое несчастье, если я не буду готов к их приезду! Вы, разумеется, извините меня...

— Конечно, но...

— С какого дня вы сможете приходить регулярно? — спросил мистер Риплсмир, поспешно направляясь к двери в сопровождении Криса.

— С понедельника,— сказал Крис, вспомнив, что свадьба Жюли назначена на субботу.

— С понедельника? — рассеянно переспросил мистер Риплсмир, несколько раз подряд нажимая кнопку звонка и нетерпеливо топая ногой.— Ах да, ну конечно, с понедельника. Робертсон! Где же Робертсон? Почему меня вечно заставляют ждать?

— Отлично,— сказал Крис, тоже начиная нервничать от этого кривлянья,— но разрешите узнать...

— Да, да, с понедельника, пусть это будет с понедельника,— воскликнул мистер Риплсмир уже в каком-то исступлении.— Но не говорите мне ни слова о деньгах. Напишите мне об этом. Вы знаете, я не выношу разговоров на подобные низменные темы... А-а, Робертсон,— с ехидной вкрадчивостью обратился он к испуганному лакею.— Мне пришлось звонить три раза. Проводите этого джентльмена, а затем обратитесь к дворецкому, получите расчет и уходите прочь, слышите, уходите прочь! — Мистер Риплсмир почти выкрикнул последние слова. Он судорожно потряс руку Криса и, как сумасшедший, ринулся из комнаты, попутно вопя: — Прощайте, дорогой мой, да, да, в понедельник, извините меня, я должен идти, эти ужасные сцены с прислугой, а ведь они же знают, какая у меня чувствительная...

Как только Крис выбрался из дома, он остановился, отер пот со лба и несколько раз глубоко вдохнул в себя воздух. Продолжительное пребывание с чувствительным мистером Риплсмиром привело его ум в состояние полного замешательства: он испытывал одновременно изумление, досаду, негодование и желанье смеяться. Вот это так действительно редкостная рыбка, настоящий музейный экземпляр одного из представителей допотопной фауны. До сих пор Крису ни разу не представлялось возможности наблюдать подлинного довоенного плутократа в его родной среде. Первый опыт казался довольно тяжелым. И потом, что же решить насчет этой работы? Он решил вернуться в Кенсингтон пешком через Хайд-парк.

День выдался на редкость мрачный. Газоны, пропитанные дождем, выглядели потертыми и облезлыми, лишенные листвы деревья — холодными и закопченными; было что-то безнадежное в ровной, прямой, усыпанной гравием дорожке, обнесенной оградой с обеих сторон. Кругом стоял мутный туман, и люди на расстоянии ста шагов казались тусклыми призраками. Вдобавок ко всему этому унынию Криса сопровождали две олицетворенные абстракции — Печальная Необходимость и Душевная Склонность, которые горячо обсуждали его будущее.

— Ну-с, как мы теперь поступим? — спросила Печальная Необходимость бодрым деловитым тоном.

— Пошлем его к черту? — предложила Душевная Склонность с безответственным смешком.

— Почему?

— Да это же претенциозный психопат.

— Он же тебе показался забавным.

— Посмотреть на него — да, забавно. Но видется с ним каждый день — от этого можно с ума сойти.

— По-твоему, лучше устроиться учителем в школе, если, скажем, удастся найти место?

— Мне противно и то и другое.

— Ну, знаешь, так или иначе нужно на что-то решиться и действовать, — настаивала Необходимость. — Понятно? Сегодня среда. Что ты намереваешься сделать в понедельник? Плюнуть на все и послушно отправиться домой. Или предложить Гвен взять тебя на содержание? Или у тебя есть еще какой-нибудь план?

— Ну, ну, хватит, — раздраженно сказала Склонность. — Незачем столько говорить об этом. Сдаюсь. Я напишу старому болвану. Как мне начать? «Милейший мой, ввиду моей крайней чувствительности, я не решаюсь просить вас взять меня на работу...» О боже правый!

— Что ж, придется все-таки поступить к нему. Другого выхода нет.

— Знаю.

— И нечего смотреть на это сверху вниз. Во всяком случае, ты будешь среди книг и красивых вещей...

— Уф! Копившийся десятилетиями навоз Риплсмиров!

— Так ты, может быть, предпочитаешь скамью безработных на набережной Темзы и убежище Армии Спасения?

— Сдаюсь, — сказала Склонность, с легким вздохом прощаясь с юностью, — я напишу ему.

И Крис написал — нескладное высокопарное письмо, результат множества разорванных черновиков.

Ответ пришел с удивительной быстротой, ибо мистер Риплсмир принадлежал к тому поколению, которое отвечало на все письма с обратной почтой. Мистер Риплсмир был «искренне восхищен» решением Криса. Он лично понимал желание Криса продолжать свои занятия и давал понять, что, работая «только с девяти до четырех», он будет «иметь в своем распоряжении массу времени».

Он надеялся, что Крис «окажет ему честь» и согласится ежедневно завтракать с ним, или, если Крису будет угодно, завтрак будет подаваться ему в библиотеку; это означало, что, когда мистер Риплсмир будет оставаться один, Крису надлежит его развлекать, а когда ему удастся залучить к себе кого-нибудь поинтересней, Крису придется довольствоваться бутербродами.

В денежных делах, к которым он «подходит с искренним отвращением и чрезвычайной щепетильностью», мистер Риплсмир проявил неожиданную для столь чувствительного человека твердость. Пять фунтов в неделю — это невозможно. Такая большая сумма... налоги... падение дивидендов... чрезмерные требования к человеку с таким скромным состоянием... нежелание поощрять расточительность в молодых людях. Короче говоря, два фунта в неделю, или не о чем больше разговаривать. Мистер Риплсмир с нетерпением предвкушал «счастливое содружество», и не будет ли Крис любезен немедленно сообщить о своем окончательном решении, поскольку за это время ему предложил свои услуги другой молодой человек, «весьма компетентный в данной области». Только «старые узы счастливой дружбы» с мистером Чепстоном заставляют его отдать предпочтение Крису, хотя мистер Риплсмир милостиво добавлял, что он «льстит себя надеждой», что Крис окажется «именно тем человеком, который ему нужен».

Получив это послание с недвусмысленным ультиматумом — два фунта или ничего, Крис в ярости дважды обошел Кенсингтонский парк. Он отвесил презрительный поклон памятнику принца Альберта, этому причудливому олицетворению августейшей добродетели. Он бросил свирепый взгляд на энергичного всадника Уотса, прекраснодушно приветствующего несуществующий восход несуществующего солнца. И с бессильной злобой оглядел маленького жеманного Питера Пэна работы Фремптона — этот гнуснейший из всех памятников, символизирующий бессмысленное бегство в идиотически иллюзорный Кеннет-Грэхемовский мир, девиз которого мог бы быть — «Давайте все вообразим, что мы веселые сынки банкиров...».

Он написал мистеру Риплсмиру краткое письмо, извъявляя свое согласие, и в этот вечер выпил после обеда столько портвейна, что Гвен пришлось самой укладывать его в постель.

ПЯТЬ

Если бы Хейлины не горели желанием выгодно женить Криса, а наоборот, стремились внушить ему отвращение к браку, они вряд ли могли бы поставить более удачную серию предостерегающих живых картин, чем свадьба Жюли.

Началось с того, что родители приехали почти тайком, после наступления темноты, в наемной машине. Нелл была в новом сшитом на заказ костюме, по покрою которого можно было заметить усилия провинциального портного. Она ликовала и вместе с тем нервничала. Фрэнк напоминал портновский манекен, но его великолепие омрачалось широким черным шарфом, которым поддерживалась его «больная» левая рука; у него был испуганно-виноватый вид. Этот новый метод лечения паралича вызвал громогласные соболезнования Жюли и Гвен, Крис же созерцал все это молча.

Сказать правду, молчание было главным занятием Криса во время и после обеда, прошедшего в оживленных разговорах о будущем решительно всех, кроме него. Теперь, когда брачный контракт был подписан, всякое притворство было отброшено, даже при Гвен. Жюльетту ласково пожурили за то, что она пригласила в качестве опекуна такого «мальчишку», как Ротберг, но даже это было прощено в атмосфере розового благодушия.

Крис слушал их радостную болтовню.

— Мы продали дом! — с сияющим видом объявила Нелл.

— Не может быть! Как замечательно! — Жюльетта захлопала в ладоши. — За сколько?

— Восемьсот фунтов сверх задолженности по закладным! — сказал Фрэнк.

— Вам просто повезло! — воскликнула Гвен.

— Повезло, не правда ли? — подхватила Нелл.

— Здесь у меня кое-какие цифры, которые вам, возможно, будет интересно узнать, — сказал Фрэнк, вынимая из кармана большой, сложенный вдвое конверт. — Мы это вычислили с Хичкоком. Надеюсь, вы поймете из них, что наше состояние спасено!

Дамы разразились целым фейерверком поздравлений, насладившись которыми Фрэнк приступил к делу.

— Постойте-ка, постойте-ка! На чем я остановился? Ах да. Восемьсот фунтов позволяют расплатиться со всеми долгами, и у нас еще остается четыреста пятьдесят

на погашение задолженности банку, которая составит после этого всего двести двадцать фунтов тринадцать шиллингов шесть пенсов — то есть фактически сведется к нулю. Остальное будет погашено, как только мы получим первые семьсот пятьдесят фунтов от Жюли. Экономия в тридцать фунтов в год на одних процентах!

Гул одобрения поднялся, как фимиам. Фрэнк, по-видимому, был тронут. Он снял очки, осторожно положил их на колени и высморкался громко, как труба герольда. Затем, указывая очками на Жюли, он внушительно объявил:

— Все это главным образом для сведения Жюли. Но я хочу, чтобы вы выслушали меня и поняли не только, что она делает для нас, но и как мы все помогаем друг другу в этом деле первостепенной важности. Ни одна дочь не могла бы сделать больше. Да будет она щедро вознаграждена!

— О, папа!

— Я воздаю тебе должное, только и всего. Итак, на чем же я остановился? Ах да. Во-первых, Жюли, мы, старики, чувствуем, что нужно сделать все возможное для блага наших детей. А посему мы снимем небольшой коттедж и постараемся жить на четыреста фунтов в год.

— О! — воскликнула Гвен.

— Неужто это возможно? — спросила Жюли.

— Это необходимо — на ближайшие десять лет. Если я останусь в живых, мне будет тогда около шестидесяти лет, а вашей матери... — тут он заметил холодный взгляд Нелл, — гораздо меньше, разумеется. Итак, мы еще можем надеяться провести закат нашей жизни среди относительного благополучия.

— А нельзя ли сделать так, чтобы благополучие наступило раньше? — спросила Жюльетта, которую похвалы, расточаемые ее самоотверженности, взвинтили до истинного героизма. — Почему не взять у меня всю тысячу?

— Леди Хартман должна иметь несколько шиллингов на булавки, — сказал Фрэнк. — Но вернемся к плану. Он, на мой взгляд, очень хорош. Из-за того, что мы платим семь процентов по закладным, наше состояние в этом году даст всего лишь триста пятьдесят фунтов дохода.

Снова поднялся ропот, на этот раз ропот соблезнования или, вернее, негодования по адресу Шейлоков, требующих семь процентов с людей, которые сами получают, вероятно, не больше девяти или десяти.

— А теперь прошу вас вникнуть в мой план. Мы берем себе четыреста фунтов из семисот пятидесяти Жюльетты; остается триста пятьдесят. Это и наш доход идут на выкуп закладных. Вся красота этого плана,— с энтузиазмом добавил Фрэнк,— в том, что с каждым годом состояние будет давать все больше и больше дохода, так что каждый год можно выплачивать по закладным больше и больше и получать благодаря этому больший доход. Это и есть то, что в математике называется геометрической прогрессией.

— А что это такое? — спросила Жюльетта.

— Да я же только что объяснил,— поспешно сказал Фрэнк.— Пожалуй, я не буду входить в подробности, важен принцип. Из-за проклятой задолженности мы в этом году выплатим только четыреста пятьдесят фунтов. В будущем — семьсот. И так далее. Мы вычислили, что через десять лет будет выплачено свыше десяти тысяч и доход наш превысит тысячу фунтов. Ну, разве это не великолепно?

— Все это звучит очень соблазнительно,— с сомнением в голосе сказала Гвен,— но я ничего не понимаю в цифрах. А вы, Жюли?

— Я тоже,— милостиво улыбнулась Жюльетта,— но раз папа говорит...

— Это чисто коммерческое дело,— скромно сказал Фрэнк.— Итак, к тому времени общая сумма, авансированная нам Жюли, достигнет семи с половиной тысяч без процентов. Такая щедрость должна быть соответствующим образом вознаграждена. С полного согласия матери я изменил свое завещание так, что Жюли получит, во-первых, чистых десять тысяч.

— Какой ты милый! — Жюльетта подбежала к отцу и нежно поцеловала его.— Только, пожалуйста, не говори о завещании. Ты знаешь, я не выношу...

— Никто не бессмертен,— сказал Фрэнк, точно возвещая о каком-то новом важном открытии.— Обязанность всякого делового человека — предвидеть подобные события и принимать соответствующие меры. Что же касается остальных денег, независимо от того, какова будет их сумма, она будет по справедливости поделена между тобой и Крисом.

— Так что мы во всех отношениях надеемся и верим, что все будет сделано по справедливости,— сказала Нелл.

— Что же касается Криса,— сказал Фрэнк, поворачиваясь в его сторону.— Да что же с ним случилось? Где он?

Крис отправился ко сну.

Лечь спать — это была хорошая мысль; но это не было идеальным алиби. Как-никак пришлось встать и пережить свадьбу Жюли до конца.

Крису было трудно сказать, как именно он представлял себе эту свадьбу раньше; но на деле она прошла для него как мрачный кошмар, который он наблюдал, встревоженный, но бессильный что-либо изменить.

Некоторые детали ярко выделялись из общего туманного пятна. Мельком виденное лицо Жюльетты, покрасневшее и несчастное, когда она сходила к автомобилю с лестницы Гвен, шурша белым шелком подвенечного платья. Поездка во втором автомобиле с Гвен, которая держала Криса за руку и взволнованно и бессвязно говорила ему что-то, а он, не слушая ее, не сводил неподвижного взгляда с безрадостных улиц. Мрачная лестница, ведущая в зал регистрации, где дожидался с несколькими друзьями Джеральд.

Снова и снова лицо Жюльетты, становившееся все бледней и бледней, в то время, как Крис, в судорожном бессильном кошмаре, силился сказать, то «она сейчас лишится чувств», то «остановись, Жюли, остановись, пока еще не поздно!», и не мог вымолвить ни слова.

Внутренняя борьба с чувствительностью, охватившей женщин, как облако невидимого слезоточивого газа.

Подпись в метрической книге и безмолвное «так вот оно что...» при известии, что Джеральд был уже женат и разведен.

Уверенность, что смертельно бледная Жюли упадет в обморок, когда она споткнулась на лестнице.

Возвращение с родителями и Гвен под аккомпанемент истерических рыданий.

Ненависть к тупым и самоуверенным лицам сопровождающих Джеральда друзей-мужчин, готовых до последней капли крови отстаивать систему, которая, в свою очередь, отстаивает и гарантирует их доходы; к ярким и шикарным женщинам, возбужденно обсуждавшим, что предпримут «Джерри и Жюли», когда «вернутся назад».

Лицо Жюльетты, когда она поцеловала его на прощанье, Жюльетта, возбужденная и покрасневшая от

шампанского, когда она болтала с небольшой группой друзей, столпившихся вокруг автомобиля.

Затем жужжание мотора, idiotское «ура» друзей-спортсменов, когда автомобиль тронулся в путь к Дувру и Монако, и руки Жюльетты над головой, руки новой Иокасты, обреченной на заклятие.

Все это очень просто и обыденно, повседневное происшествие, одним Стрефоном и одной Хлоей больше. И однако... бесповоротные решения, моральные последствия, социальные обязательства...

Крис быстро вошел в дом, чтобы взять пальто и шляпу, ему хотелось хоть немного пройтись после всего этого. Выходя, он столкнулся с Фрэнком.

— Привет, в чем дело? Куда ты? — весело сказал Фрэнк.— Выпей-ка еще бокал шампанского.

— Благодарю, с меня довольно,— сказал Крис с поклоном.— Но разрешите мне поздравить вас, сэр. Вы действительно спасли ваше состояние самым достойным образом.

На следующее утро Крис встал рано и после завтрака стал неторопливо укладываться. Он намеревался в этот же день переселиться в небольшую комнату, возможно не без клопов, которую он снял в Сохо, на полпути между работой для денег в Мэйфере и работой «для души» в библиотеке Британского музея.

Он даже удивлялся, с каким спокойствием и бесчувствием расстается с родителями, но решил раз навсегда, что ему с ними больше не по пути и что единственный правильный выход — уйти от них без лишних разговоров и взаимных обвинений. Единственное, что беспокоило его, как быть с Гвен? Он отдавал себе отчет в трудности создавшегося положения. Невозможно было уйти из дома, даже не поблагодарив Гвен за ее благорасположение к нему. С другой стороны, было в равной степени невозможно с невозмутимым видом явиться к ней в комнату и сказать:

— Очень благодарен вам за гостеприимство. Оно доставило мне массу удовольствия...

Мало того что это было бы грубостью: это неизбежно вызвало бы сцену. И потом, у него не было ни малейшего желания порывать с Гвен. Напротив: было бы крайне приятно продолжать видеться с ней, и притом как

можно чаще. Как же поступить? Может быть, стоило бы оставить ей свой адрес? Почему бы и нет?

Он решил, что проще всего объяснить ей все в письме и назначить свидание...

Крис как раз заканчивал это довольно трудное дело, когда раздался осторожный стук в дверь и вошел Фрэнк; вид у него был крайне озабоченный.

— Я хочу серьезно поговорить с тобой,— внушительно сказал он.

— Пожалуйста,— вежливо сказал Крис, надеясь выдержать назревавшую семейную сцену насколько возможно в дружеском тоне.— Что ты хочешь сказать?

Фрэнк сразу смутился. Удивительно, как теряются «пряמודушные» северяне, когда их собеседник также проявляет прямоту и решительность.

С нежной заботливостью поддерживая свою руку на черной перевязи, Фрэнк опустился в кресло.

— Сейчас не время быть легкомысленным,— объявил он.— Перестань возиться с чемоданом и послушай меня.

— Пожалуйста,— согласился Крис.— Ничего, если я закурю?

— Во-первых...— Фрэнк откашлялся; казалось, он старается что-то припомнить.— Ах да, объясни, пожалуйста, почему ты скрылся, когда я рассказывал о нашем финансовом положении?

— Когда? Ах, ты хочешь сказать, позавчера вечером? Я не хотел слушать разговоры о делах, которые меня не касаются.

— Как это не касаются? Ты, как я вижу, собираешь вещи, чтобы вернуться домой. Раньше, чем я допущу это, я хочу, чтобы ты объяснил мне свое поведение в этом доме.

Крис покраснел, но попытался сдержать себя.

— Что ты хочешь узнать от меня?

И на этот раз простота и прямота, по-видимому, привели в замешательство Фрэнка. Он замялся.

— Я хочу знать... то есть мы с твоей матерью хотим знать, каковы твои намерения в отношении твоей... твоей... ну, словом, хозяйки этого дома?

— Ответить на это нетрудно,— сказал Крис, улыбаясь и взглядывая на часы.— Я покину ее дом после того, как попрощаюсь с ней, примерно через полчаса.

Фрэнк засопел.

— Ты что же думаешь, что можешь так просто улиз-

нуть, и все тут? — с усмешкой спросил он. — Пользуясь нашим покровительством?

— Нет, зачем же, — сказал Крис. — Я уйду отсюда сам по себе и сделаю это самым открытым образом.

— Я тебе сказал, что не желаю терпеть этого дерзкого легкомыслия и не буду! — сказал Фрэнк, хлопая себя по коленке. — Знаешь ли ты, что скомпрометировал репутацию порядочной женщины? И мало того, женщины, репутация которой должна была быть для тебя священной, потому что она близкий друг твоей матери и твоей сестры?

Крис сразу решил не отрицать ничего и не вступать с Фрэнком в философские споры.

— Ну, и что же? — спросил он.

— Раз уж тебе приходится напоминать о подобных элементарных истинах, — Фрэнк попытался придать своим словам джентльменски саркастический тон, — разреши мне указать тебе, что ты поставил себя в такое положение, когда единственный выход для тебя как для джентльмена — это жениться на миссис Мильфесс. Вот и все.

— А если я этого не сделаю?

— Здесь не может быть никакого «если», — грубо сказал Фрэнк. — Говорю тебе чистосердечно, Крис, ты делаешь то, что ты должен сделать, или ты не вернешься домой.

— Хорошо.

— Что хорошо?

— Я не вернусь.

Фрэнк был так ошеломлен, что Крису пришлось отвернуться, чтобы скрыть улыбку. Крис ожидал гневной филиппики, но в эту минуту вошла Нелл; своевременность ее появления наводила на мысль, что она подслушивала у двери. Крис встал, чтобы в соответствии с требованиями этикета предложить ей стул, и приготовился к дальнейшим военным действиям против этого нового, более грозного противника.

— Ну как, все уладилось?

— Я не понимаю даже, какую чепуху он несет! — возмущенно заявил Фрэнк. — Я не могу добиться от него ни одного разумного слова. По-видимому, он думает, что может остаться здесь.

— Милый мальчик! — с материнским сочувствием промурлыкала Нелл. — Еще бы ему не хотеть остаться! Ты забыл, что значит быть влюбленным, Фрэнк?

Фрэнк пробормотал что-то невнятное, видимо ни мало не польщенный этим комплиментом.

— А теперь, Крис, голубчик, послушай меня и попробуй рассуждать разумно ради нас всех,— сказала Нелл сладким голосом, но с холодным и воинственным видом.— У нас не такие устарелые понятия, чтобы ругать тебя за то, что ты полюбил Гвен. Мы знаем, как бурлит молодая кровь, и, по правде сказать, мы наполовину догадывались, что тут произошло. Но, видишь ли, милый, если будешь продолжать жить здесь, пойдут сплетни, а ты знаешь, что это такое, и как это будет неприятно Гвен и всем нам. Я отлично понимаю твоё нежелание расставаться с ней. И, раз уж мы все равно переезжаем, ты мог бы остаться и в Лондоне, это не составит лишнего расхода. Единственное, что ты должен сделать, это перебраться в комнату, которую мы тебе сняли, и оставаться там, пока ты узаконишь свои отношения к милой Гвен. До тех пор ты будешь получать от нас три фунта в неделю и...

— Неплохо придумано,— перебил Крис, стойко выдерживая ее взгляд.— Серия брачных союзов, совсем в стиле Бурбонов. Так вот из-за чего вы не дали мне окончить колледж, для чего вы требовали, чтобы я поехал в Лондон? Серьезно, мама, тебе следовало бы издавать «Брачную газету»...

— Послушай-ка...— сердито начал Фрэнк.

— Оставь его, пусть он оскорбляет свою мать,— язвительно сказала Нелл.— У них считается, что это так и нужно, у этого молодого поколения самодовольных грубиянов.

— Да ты и в самом деле очень неплохо придумала,— Крис по-прежнему сохранял невозмутимость,— и, с твоей точки зрения, с самыми лучшими намерениями.

— А! — Нелл несколько смягчилась и поспешила хватиться за то, что казалось ей началом капитуляции.— Вот теперь ты уже рассуждаешь гораздо разумней. Подумай, как это все для тебя удачно складывается, Крис. Это же прямо, как говорится, бог послал. Что ты можешь сделать для себя сам? Ничего! А тут у тебя рядом очаровательная женщина, которая души в тебе не чаёт, которая сделает для тебя все на свете, позволит тебе вести спокойную обеспеченную жизнь и заниматься на досуге твоими науками. Чего тебе еще надо?

— Я сказал «с твоей точки зрения». А теперь позволь мне изложить мою точку зрения,— сказал Крис, собирая все силы для боя.— Мне кажется, вы просто помешались на деньгах, у вас какой-то маниакальный страх лишиться их. Покуда мир так устроен, может быть, действительно

разумно хватать все, что только возможно и везде, где только возможно. Я понимаю, как важно иметь деньги, и по своему опыту знаю, что значит испытывать в них недостаток. Но деньги — только средство для достижения каких-то целей, а вы превращаете их в самоцель. Для вас деньги — настоящая религия. У вас какая-то мистическая вера в них, как, впрочем, у большинства представителей вашего поколения — отвечаю комплиментом на комплимент, — они заменяют для вас все, из чего складывается жизнь...

— Мы пришли сюда не за тем, чтобы выслушивать твои дурацкие теории, — резко сказала Нелл, — а за тем, чтобы сказать тебе...

— Нет, простите, — прервал ее Крис. — Вы должны выслушать меня, должны расстаться с вашим милым убеждением, будто я обидчивый дурак, который плетет бог знает что. Вы составили план, который налагает на меня обязательства на всю жизнь. Я надеюсь, что вы постараетесь понять, почему я отклоняю его, мне бы хотелось, чтобы мы расстались без всякой злобы. Видите ли, я сомневаюсь, чтобы даже с общепринятой так называемой «практической» точки зрения ваши «верные» деньги были такими уж верными. Эпоха или, по крайней мере, эра частной собственности приходит к концу. Мы уже не верим больше, что богатство равноценно добродетели, особенно когда это богатство ничем не заслужено. Мир охвачен паникой, и в особенности мир капитала. Лихорадочное бегство из одной страны в другую при малейших тревожных слухах достаточно показательно само по себе. Что же будет во время следующей мировой войны, к которой, по-видимому, все идет? Что станется тогда с вашими «верными» деньгами?

— Вздор! — сказала Нелл, упорно отказываясь вести какую бы то ни было отвлеченную дискуссию. — Какое отношение имеет международная политика к твоей женитьбе на Гвен? И что бы ни случилось, деньги — всегда деньги.

— Но ведь речь идет о том, чтобы я женился на Гвен ради денег? — сказал Крис. — А деньги имеют тенденцию улетучиваться, это мы все знаем по опыту. Надеюсь, вы не думаете, будто то, что вы двусмысленно называете «деньгами», существует в звонкой монете? Впрочем, вы, может быть, именно так и думаете. Не в этом дело. Я хочу только сказать, что «верность» нетрудового дохода может скоро оказаться иллюзией.

— Благодарю,— фыркнула Нелл.— Я готова пойти на этот риск. Но может быть, ты объяснишь нам, как это ты собираешься жить без денег?

— Погодите минутку, есть еще одна сторона вопроса! — сказал Крис.— Я бы умер от скуки и стыда, если бы мне пришлось всю жизнь жить трутнем при Гвен, находиться на ее содержании — за счет общества. Это было бы интеллектуальным и моральным самоубийством.

— Ах, скажите,— усмехнулся Фрэнк.— Мне кажется, ты сам толком не понимаешь, где твое благо. Ты достаточно ясно показал нам свое недовольство тем, что мы не дали тебе окончить университет. Ну, я лично кончил его, а была ли для меня от этого какая-нибудь польза? И тебе никакой пользы не было бы. Да мы и не в состоянии себе этого позволить.

— Это я знаю,— живо сказал Крис.— Но кое-что другое вы в состоянии позволить себе, не так ли? Но не будем говорить о моем недовольстве. По сравнению с детьми бедняков я, можно сказать, просто счастливчик. Но раз уж я получил дополнительное образование, будет очень жаль, если я не смогу его закончить, тем более что у меня есть к этому склонность. Не могу понять, почему вы презираете меня за то, что я хочу работать мозгами, а не жить паразитом на содержании у женщины.

— Но, господи боже мой! — с раздражением воскликнул Фрэнк,— кто же тебе мешает работать твоими замечательными мозгами? Тебе предоставляется возможность работать без всяких помех и вместе с тем выполнить свой долг по отношению к женщине, которую ты скомпрометировал. Если она тебе настолько нравилась, что ты мог соблазнить ее, значит, ты можешь и жениться на ней, тем более что это клонится к твоей же выгоде.

— А-а! Вот мы и подошли к этому,— сказал Крис.— По-видимому, у нас с вами совершенно различное представление о морали. Скажите, а вы в этом не принимали никакого участия? Не приходило ли вам в голову, когда вы против моей воли заставили меня поехать сюда, чем все это может кончиться? Разрешите мне сказать вам откровенно, что подобные сделки, в которых половые отношения — товар, продающийся за деньги, кажутся мне в высшей степени отвратительными.

— Ты, верно, предпочитаешь умирать с голоду? Очень возвышенно с твоей стороны! — насмешливо сказала Нелл.

— Умирать с голоду? Это слишком громко сказано,— сказал Крис.— Но я готов мириться с очень, очень мно-

гим, лишь бы избежать унижения. А ваш способ устраивать жизнь кажется мне унижительным. Посмотрите, что вы делаете. Вы убеждаете свою дочь отказаться от очень порядочного, но обыкновенного молодого человека, которого она действительно любила, и заставляете ее выйти замуж за богатое животное, с которым она будет наверняка несчастна. Вы делаете это, в сущности, для того, чтобы спасти свою собственную финансовую шкуру, то, что на вашем языке таинственно называется «состоянием». Точно таким же образом вы хотите отделаться от обязательств, которые у вас, по вашему мнению, есть в отношении меня. Мне кажется это очень гнусным и мерзким: это гнилая мораль разлагающейся касты...

— Как ты смеешь говорить такие вещи! — воскликнула Нелл, теряя всякое самообладание. — Тебя послали сюда, чтобы ты охранял свою сестру, а у тебя, оказывается, такие низкие и грязные нравственные понятия, что ты соблазняешь нашу добрую знакомую, а потом сам же цинично издеваешься над этим.

— Меня послали сюда затем, чтобы ваша добрая знакомая соблазнила меня, — сказал Крис, тоже теряя терпение, — и вы это знаете. Вы...

— Ничего подобного! — пронзительно выкрикнула Нелл. — Тебя послали сюда, чтобы ты вел себя как джентльмен, а не как негодяй...

— Ну-ну! — презрительно сказал Крис. — Уже пошли в ход жалкие мещанские ругательства? Сказала бы сразу, что у меня воображение, как помойная яма.

— И скажу!

— И что ты скорей отравишь меня синильной кислотой, чем потерпишь, чтобы я отрекся от ваших предрасудков и лицемерил. В каком мире ханжества и фальши вы живете!

— Довольно! — сказал Фрэнк, тяжело подымаясь на ноги. — Идем, Нелл. Пусть делает по-своему и пусть мучается угрызениями совести за свою неблагодарность!

— Он не останется здесь и не будет позорить нас, — мстительно сказала Нелл, — уж об этом я позабочусь!

Прежде чем Крис успел ответить, дверь с треском захлопнулась за ними. Он сел, стараясь совладать с нервной дрожью. И нужно же было так глупо выйти из себя. Адреналин в крови, вот что. Возмутительно — быть во власти какой-то железы, когда стремишься ни больше ни меньше, как властвовать над собой и своей судьбой!

«И вот еще одна попытка рационального объяснения кончилась всего лишь грубым скандалом, во время которого было сказано многое такое, чего говорить не следовало. Иметь дело с человеческими существами — предприятие безнадежное. Взывать к Разуму — утопия, фантазия. Совсе не Разум управляет ими. Для большинства людей Разум — это их личная точка зрения. Попробуй рассуждать о чем бы то ни было с более высокой точки зрения, вдаваться в обобщения — это только приводит их в ярость. Они, как гориллы, панически боятся всего непонятного. Единственный способ общаться с человеческими существами — это умело льстить им, когда ты слабее, и приказывать им, когда ты сильнее их»...

«Почему бы тебе не примкнуть к остальным? Принять участие во всеобщем грабеже? Добывать себе пропитание из любой канавы? Почему бы тебе не жениться на Гвен и спокойно жить у нее на содержании, пользоваться ее деньгами? Чего тебе беспокоиться о какой-то честности по отношению к массам, которых ты никогда не увидишь, к судьбам человечества, о которых ты никогда ничего не узнаешь, к человеческому достоинству, в которое ты не веришь? Зачем обременять себя трудно выполнимыми обязательствами?..»

— Войдите! — сердито крикнул Крис в ответ на робкий стук в дверь. Это была Гвен; глаза у нее были заплаканы, а рот подергивался от досады и огорчения.

— Крис!

Они смотрели друг на друга, и каждый старался угадать скрытые мысли и чувства другого.

— Вам угодно...

— О, Крис! Зачем вы поссорились с ними?

— Я бы сказал, что это они поссорились со мной, — упрямо сказал Крис.

— Но зачем, зачем вы рассказали им о наших отношениях?

— Я не рассказывал. Это сделала милейшая Жюли.

— О! — Пафос в голосе Гвен сменился негодованием. — После всего, что я для нее сделала... Но почему же вы не опровергли их слов?

— Бесполезно. Им хотелось верить, и они не поверили бы моим опровержениям, даже если бы это была правда, в особенности если бы это была правда.

— Вы должны были защищать меня!

— На вас никто не нападал.

— Но они страшно злы на меня, и они расскажут всем, и я...

— Нет, нет, они этого не сделают,— успокоил Крис.— Преступник я, а не вы.

— Не понимаю...

— У них был маленький план, своего рода пятидесятилетка,— сказал Крис, пристально глядя на нее.— Нас с вами свели с определенной целью. Предполагалось, что мы с вами ляжем в постель. Мы это и исполнили, как послушные дети. Затем, под несколько устарелым предлогом, что вы скомпрометированы — восхитительное словечко! — я должен был освятить наши отношения браком и поступить к вам на содержание до конца нашей совместной жизни. Мое преступление в том, что я отказываюсь принять участие в этом элегантном шантаже.

— О!

Гвен отвела глаза, не в силах выдержать пристальный взгляд Криса, и стояла, нервно теребя свой платок.

«Она была в заговоре! — подумал Крис.— Она знала все это. И все же мне ее жаль. Представляю себе, какое это для нее унижение».

— Мне очень жаль,— грустно сказала Гвен, точно угадав его мысль.

Ее покорность и то, что она приняла его отказ без эгоистической обиды и выражения оскорбленного тщеславия, глубоко тронули Криса. Повинуясь невольному порыву, он взял ее за руку.

— Жалеть тут не о чем,— сказал он.— Зачем жалеть о том, что давало нам радость? Вы дали мне нечто непреходящее — живое переживание вместо теорий. И однако, все, что я говорил вам тогда, у нас дома,— все это правда: в отношении меня. Но в любви принимают участие двое. Предполагая, что это правда и в отношении вас, я причинил вам зло.

— Нет, нет! — великодушно запротестовала Гвен.— Зло исходило не от вас. Вы держались вполне откровенно и прямо, вы меня предупредили. Но я думала — меня заставили думать,— что вы говорите так для красного словца. Я не понимала, что вы искренни. Это звучало слишком хладнокровно для такого молодого человека, как вы.

— Хладнокровно! — Крис почувствовал себя задетым.— Дорогая моя девочка. Что может быть хладнокровней, чем эта гнусная матримониальная сделка, в которую нас собирались вовлечь? Особенно, когда все это так лицемерно прикрывалось идеалами и сантиментами,

недомыслием и невежеством? Разве у меня не было достаточно жару в крови, когда я был с вами?

Гвен промолчала, ожидая, что он сделает следующий шаг. Он выпустил ее руку и начал расхаживать взад и вперед по комнате.

— Нас обоих поставили в ложное положение,— сказал он.— Это всегда случается, когда пытаешься что-нибудь изменить. Я отлично понимаю родителей, но они неспособны понять меня. Знаете, Гвен, они вовсе не такие пуритане, какими они себя выставляют. Если бы они не разорились, если бы у вас не было денег, если бы они не решили, что это великолепный способ обеспечить мое будущее, они не придали бы нашей связи никакого значения.

— О, вы так думаете?

— Я в этом уверен! Деньги — вот микроб, который вызвал у них этот внезапный приступ нетерпимости в сексуальных вопросах. Но, черт возьми! Этим они испортили для нас все. Как только в такие личные, интимные вещи вмешиваются посторонние, все идет прахом, потому что посторонние вносят в них унижительную фальшь. Это всегда можно сделать. Представьте себе Антония и Клеопатру в бракоразводном процессе! Все, к чему прикасаются посторонние, становится таким гнусным...

Гвен не слушала. Она прервала Криса.

— Ваша мать только что сказала мне, что они не позволят вам...

— Знаю.

— Что же вы будете делать?

— Постараюсь сказать вам «спасибо за все», попрошу разрешения поцеловать вас, остаться вашим другом и уеду.

— Куда?

— Я снял комнату в Сохо.

— Но, Крис, на что вы будете жить?

— Да, ну, хорошо, я вам скажу. Дело вот в чем... только никому не рассказывайте: у меня будет работа.

— Какая работа?

— Да так, маленькая работа.

— И вы будете получать жалованье?

— Мизерное, но мне хватит.

— Вам нравится эта работа? Это то самое, что вы хотите делать?

— Не совсем, но у меня будет оставаться время и на другое.

— Крис! — Голос Гвен дрожал от волнения.— Я не могу допустить, чтобы вы вот так ушли и жили в нищете. Позвольте мне помочь вам. Не смотрите так сердито и подозрительно: я это говорю не в том смысле, в каком этого хотела Нелл. Я вижу теперь, какая это была ошибка. Вы слишком молоды, и вы должны жить по-своему.

— В этом мне никто не может помочь,— гордо сказал Крис.

— Неужели же я никогда вас не увижу? Я не могу примириться с тем, чтобы вы навсегда ушли вот так из моей жизни. В конце концов, ведь вам же было хорошо со мной, и мы были счастливы иногда. И разве мы не могли бы изредка встречаться?

Крис с сомнением покачал головой. Час назад предложение Гвен показалось бы ему не только желанным, но и легко осуществимым. Но теперь инстинкт предостерегал его против этого. Не из обиды на Гвен за то, что она дала Нелл вовлечь себя в ее гнусный «план», за это Крис уже простил ее. И даже не потому, что вмешательство Нелл и Фрэнка внесло в его отношения с Гвен какой-то унижительный оттенок, это можно было бы преодолеть. Но он знал, на что направит свою мстительность Нелл. Она, конечно, постарается нанести ему удар через Гвен. Единственный способ спасти Гвен, это немедленно порвать с ней, полностью, раз и навсегда.

— Не говорите сразу «нет», подумайте над этим,— умоляла Гвен.— Будьте разумны! Зачем нам разлучаться навсегда? И потом — с вашей стороны будет такая глупость тратить время на какую-то работу, когда вы должны были бы готовиться к более интересной, более нужной деятельности. Позвольте мне помогать вам, для меня это будет такое счастье. Позвольте мне дать вам денег, чтобы вы могли вернуться в колледж, если вы действительно этого хотите. Если нет, позвольте мне помогать вам здесь, в Лондоне. Мне это будет совсем нетрудно, и у меня будет чувство, что и моя бесполезная жизнь на что-то пригодилась!

Криса тронуло искреннее чувство, слышавшееся в ее голосе, и у него было искушение принять этот столь желанный дар, который ему так просто предлагали. Почему не сказать «да»? Почему? Для Гвен это вопрос каких-нибудь нескольких сот фунтов, без которых она вполне обойдется, а для него — это может изменить всю его жизнь. Во всяком случае, ему будет дана возможность изменить ее.

Он колебался, раздумывая, взвешивая возможные моральные последствия своего поступка.

— Почему вы так великодушно предлагаете мне это? — спросил он, почти не думая о своих словах.

— Потому что я люблю вас!

— А!

Крис подошел к ней, обнял ее за плечи и сказал мягко:

— Именно поэтому я не могу принять ваших денег.

— Но почему, почему?

— Потому что...

— Всекие «потому что» здесь ни при чем, — сказала Гвен, глядя ему прямо в глаза. — Это все ваша бессмысленная гордость.

Крис внутренне застонал. Конечно, он был не настолько горд, чтобы отказываться от помощи, но он был слишком горд, чтобы позволить какой бы то ни было женщине знать, что его мать неминуемо отомстит ей, если она поможет ему преступить грозную материнскую волю. Он попытался выдумать предлог, который показался бы не слишком прозрачным.

— Если вы дадите мне денег, потому что вы меня любите, а я приму их на том же основании, не сведется ли это к тому, что вы меня сделаете альфонсом?

Он знал, что это свинство сказать такую вещь.

— О! — Гвен вырвалась из его рук, глубоко оскорбленная. — Зачем вы говорите такие грубые, такие жестокие вещи!

— Что ж, разве это не так? — сказал он, пытаясь лгать как можно искусней. — Вы понимаете, получится, что я беру деньги, пользуясь каким-то обманным правом. Конечно, вы вовсе не собираетесь покупать меня, у вас самые великодушные, самые хорошие чувства...

Он остановился, не зная, как высказать этот убогий аргумент. Гвен докончила за него фразу:

— Но я могу оставить свои грязные деньги при себе?

— Нет, нет! — в отчаянии воскликнул Крис. — Я хотел сказать совсем не то. Я...

— Вы хотите, чтобы все делалось по-вашему, — с горечью перебила Гвен. — Вы ничего не соглашаетесь брать от жизни, а если соглашаетесь, то только на поставленных вами условиях, и вы хотите их диктовать сами. И вы презираете всех, у кого мозги не так хороши, как у вас!

— Нет, нет! — протестовал Крис.

— Да, да! Вы нас всех считаете глупцами. Может быть, вы и правы, но ведь мы — те люди, с которыми вам придется жить.

— Почему вы так думаете? — воскликнул Крис, надеясь перевести разговор на другую тему.

— Потому что всякий человек...

— «Всякий человек»? Разве это теперь не синоним «буржуа»? А ведь какое замечательное животное — настоящий человек! И мужчина и женщина. Гвен, дорогая, неужели по-вашему так бесчеловечно — не следовать слепо обычаям небольшой касты, в которую вы попали по случайности рождения?

Несмотря на все свое нежелание причинить огорчение Гвен и навлечь на нее месть Нелл, Крис не мог не увлечься оборотом, какой принял их спор. Гвен нечаянно затронула этот очень существенный для него вопрос. В самом деле, в какой мере человек должен подчиняться обычаям, которые он считает устарелыми и бессмысленными? Если бы все безоговорочно подчинялись всяким общепринятым условностям, разве не остались бы люди до сих пор дикарями? И разве мы не вышли из состояния дикарей исключительно благодаря самоотверженности отдельных личностей, которые отказывались подчиняться засасывающему действию среды?

Но Гвен и тут обманула его ожидания.

Вместо того чтобы принять участие в диспуте, она бросила на него горький укоризненный взгляд и, не говоря ни слова, выбежала из комнаты.

ШЕСТЬ

Мы испытываем какой-то восторг, когда отмечаем начисто прежнюю жизнь и начинаем новую. Это, очевидно, удовлетворяет какую-то глубокую человеческую потребность, что и признавали те древние религии, которые делали упор на важности «перерождения». А что такое переродиться, как не начать новую жизнь? Апулей лирически распространяется о благодати, осенившей его, когда он переродился с помощью мистерий Исиды. Когда желание переродиться овладевает сразу массой людей, они должны либо дать ему выход через какой-нибудь предохранительный клапан, либо идти путем насилия — войн и революций.

Поскольку дело касается отдельной личности, это

метафорическое «второе рождение» ограничено определенными пределами. Люди, которые начинают новую жизнь с нового года — 1 января, только для того чтобы 15-го вернуться на старый путь, они обманывают себя. К этому нужно подходить серьезно. Когда перерождение является вынужденным и вызвано тем, что человек лишился положения, попал в тюрьму или призван на военную службу, тогда оно тоже никуда не годится. Европейцу нравится думать, что он хозяин своей души. Так вот, значение имеет только нравственное усилие, ибо реальный результат бывает обычно такой же, как и без всякого перерождения.

В этот вечер Крис ощущал восторг перерождения, когда он сидел один в своей порядком зловонной комнате в Сохо. Он не замечал вони, потому что курил трубку; а так как он раньше никогда не жил в грязных домах, ему не приходило в голову, что этот дом грязен. Он слишком радовался своему освобождению, чтобы замечать подобные мелочи. После добродетельного скудного обеда он испытал даже обманчивый экстаз аскетизма. Очень весело опрокидывать мясные горшки в земле изгнания — Египте, во всяком случае, пока вы не зашли слишком далеко в пустыню. А тогда они начинают преследовать вас в видениях, как то случилось с народом Израиля.

Эти мысли не приходили Крису в голову. Он был слишком молод и не успел накопить достаточно опыта. В том состоянии довольства, в каком он пребывал, не было места для самоанализа. Он наслаждался сознанием того, что может посвятить по крайней мере три часа серьезному чтению до сна и никто не будет его прерывать. Он предвкушал длинный ряд таких же вечеров впереди. Его учебники были расставлены на большом сосновом столе. Поэты и беллетристы были свалены в угол как литература для легкого чтения. На полке над камином стояли самые высокочтимые авторы: Фрейзер, Бадж, Петри, Брэстед, Сэйс, Холл, Вулли, Брейль, Мойр, Элиот, Смит, Чайльд и разношерстное собрание философов и психологов, в котором Рассел соседствовал с Марксом, а Уайтхед пытался игнорировать Фрейда и Дарвина.

Крис созерцал этот ряд почтенных имен сквозь белую завесу табачного дыма. Теперь, когда он бесповоротно отказался от обеспеченности и комфорта ради мечты, он

задумался над тем, что собственно представляет собой эта мечта и как он ее осуществит. Действительно ли он хочет стать одним из кучки терпеливых работников, пытающихся восстановить первобытное прошлое цивилизации? Его соблазняли раскопки, как они, по-видимому, соблазняют очень многих, возможно потому, что все мы страдаем тем, что хотим найти «клад», зарытый в земле, и сознательно упускаем из виду необходимые для того дисциплину, упорство и знания. Крис размышлял о возможных находках на Ближнем и Среднем Востоке, еще ожидавших открытия и истолкования. Это можно было бы поставить себе как одну из определенных и узких задач. Но как подойти к ней? Как, не имея диплома, получить даже самую скромную должность в какой-нибудь экспедиции? Ведь Шлиман, наверное, тоже задавал себе эти вопросы...

Была и другая, более дерзновенная мечта, которую он не сумел изложить Гвен и которую и сам представлял себе не очень отчетливо. Это был скорее туманный замысел, чем ясноочерченная задача.

Он пытался наметить какие-то основные вехи. Прежде всего взять новейшую историю и, отбросив в сторону империи, войны, политические и религиозные раздоры так называемых великих людей, рассматривать ее как великое биологическое действие, как попытку определенного вида особей, обладающих разумом, выжить посредством сознательных усилий. Широко применить психологию для объяснения неудач и побед.

На этом фундаменте (он беспечно закрывал глаза на то, какие огромные трудности, какая нечеловеческая работа предстоит ему даже на этом предварительном этапе) он хотел поставить и попытаться разрешить некоторые из великих мировых проблем.

Где, когда и как зародилась «Цивилизация»?

Каков истинный базис человеческой кооперации?

Есть ли общий психологический базис у всех мифов и религий? Если да, то какой именно?

Существует ли такое явление, как религиозный импульс? Если да, то что должна сделать в таком случае Наука?

Является ли врожденным импульсом и биологической необходимостью война? Если нет, то каким образом она возникла в человеческом сообществе? Почему отдельные группы людей стремятся уничтожить одна другую?

Чем объясняется то, что многие люди предпочитают

оставаться невежественными? Что огромное количество человеческих усилий направлено к явно негативной разрушительной цели — препятствовать распространению знаний и рациональной организации жизни?

Чего добивались люди в прошлом и почему? Добиваемся ли мы того же самого, а если нет, то чего добиваемся мы? В какой мере мы связаны своим прошлым? До какой степени может одно поколение послужить на пользу будущему человечеству?

Когда на все эти и сотни других попутных вопросов будут найдены ответы, как приложить эту сумму знаний, и кто этим займется?

Действительно ли человечество погибнет как биологический вид, если не сумеет управлять собой и своими судьбами с помощью добытых им знаний?

Должны ли мы согласиться с теми, кто, отчаявшись, утверждает, что эта задача свыше сил человеческих?

Должны ли мы признать, что разум потерпел поражение, и вернуться к таинственным импульсам нашего подсознательного «я»? И наконец, когда мы выработаем все эти замечательные определения и ярлычки, кто повесит их на шею Зверю Войны, Зверю Жадности, Зверю Власти, Зверю Упрямства, Зверю Тьмы, Зверю Глупости, Зверю Разрушения, Зверю Извращенности и целому ряду других хищников, такому же длинному, как список человеческих пороков?

Легко смеяться над беспомощным честолюбием юноши без гроша, который ломает себе голову над судьбами человечества, а сам не может устроить даже и собственную жизнь; который с двумя фунтами в неделю в убогой и грязной комнатке в лондонском Сохо пытается разрешить сверхчеловеческую задачу, задачу целого поколения сверхчеловеков.

Беспочвенные мечты, не более того. Однако сколько великих достижений были некогда всего лишь беспочвенными мечтами? В конце концов, Крис был заодно с лучшими представителями своего поколения, ибо он пытался что-то предпринять, он смотрел на свою жизнь не как на сокровище, над которым нужно эгоистически трястись, а как на маленькую часть основы в величественной ткани человеческих судеб. Ведь должны же быть люди, готовые мечтать и зажигать нас своими надеждами и устремлениями, чтобы мы не погрязли в тупом варварстве милитаризма или в еще более тупой первобытности купли-продажи.

Но подобные мечты бывают иногда губительны для мечтателя. Под влиянием этих захватывающих идей, казавшихся такими всеобъемлющими и важными, пока их нельзя было проверить на опыте, Крис невольно поддавался опасному умственному пороку. Он был недалеко от того самообольщения, которое приводит многих спасителей человечества в состояние перманентного опьянения. В самом деле, когда он созерцал свои возвышенные концепции, он начинал жалеть самого себя за то, что ему приходится унижаться, зарабатывая себе на жизнь, и приходил к роковой мысли, что это должен делать за него кто-то другой.

К счастью, в эту минуту бесенок Здравого Смысла напомнил ему сказку о восточном царе, пожелавшем сделать жизнь совершенной во всем мире или, по крайней мере, в той его части, которая находилась под его скипетром. С этой целью юный монарх приказал мудрецам и прочим магам своего царства составить ему энциклопедию всех знаний.

Сказано — сделано; и через каких-нибудь двадцать лет они вернулись с плодами своих трудов — тремястами томов, навьюченных на целый караван верблюдов. Испуганный этим зрелищем, царь отослал их назад, чтобы они сократили свою энциклопедию до более удобообозримых размеров. Спустя десять лет они вернулись с сотней томов. Опять слишком много. И так повторялось снова и снова, пока наконец несколько седобородых старцев не вложили единственный том, содержащий квинтэссенцию мудрости, в руки своего умирающего владыки.

Эта веселая нравоучительная басенка кольнула Крису в самое чувствительное место. Величественное видение вдруг потускнело, как киноэкран, когда разрывается пленка, и Крис подскочил на стуле, точно его кто-то ужалил. Он попытался отогнать дерзкого баснописца. Бесполезно. Перед ним снова проходили эти караваны книг и выжившие из ума древние старики, которые досаждают умирающему своими бесполезными знаниями. Им завладела нечестивая мысль, что, может быть, действительно человечество не спасешь бесконечными рассуждениями на бумаге. Плачевный цинизм Екклезиаста звучал у него в ушах. Возможно ли, что Наука?.. Суета сует и всяческая суета.

Крис отпрянул от пропасти сомнения, разверзающейся у его ног, схватился за какой-то учебник и ревностно штудировал его до тех пор, пока его не обуял сон и он не перестал запоминать прочитанное.

К утру эта мгла рассеялась, и отрезвленный, хотя, может быть, и чрезмерно благонаправленный, Крис отправился под холодным морозящим дождем на первую схватку с накопленными богатствами мистера Риплсмира. В первый раз в жизни он шел по Уэст-Энду в столь ранний час и с удивлением наблюдал новый и неожиданный для него Лондон, Лондон, спешивший на работу. Он еще размышлял над этими суетливыми непривычными фигурами, когда, ровно в девять, он очутился у подъезда мистер Риплсмира.

Дверь открыл лакей в партикулярном платье, то есть без ливреи, но в зеленом байковом фартуке. Крис видел этого лакея в первый раз и был крайне раздосадован, когда, бросив на него подозрительный взгляд, тот отказался его впустить.

— Но я же библиотечары! — настаивал Крис.

— В первый раз слышу, — упрямо сказал лакей. — Я не получал никаких распоряжений насчет библиотечаря.

Очевидно, тут дело было в пресловутой памяти мистера Риплсмира: он забыл сказать о приходе Криса. Не менее очевидно, что респектабельные джентльмены не являются с визитом в девять часов утра.

— Послушайте, это же смешно, — возмущался Крис. — У меня письма от мистера Риплсмира... — пошарив в кармане, Крис вспомнил, что запер их в чемодан. — Эх! — сказал он с самым глупым видом, подтверждая подозрения лакея, что это какой-нибудь мошенник или взломщик, пытающийся противозаконным способом проникнуть в дом. — В таком случае, — продолжал Крис, — проведите меня к мистеру Риплсмиру, он вам подтвердит.

— Не могу я вас провести, — грубо сказал лакей. — Он только через полчаса будет пить чай.

— Тогда впустите меня, я подожду, — уговаривал Крис, — и доложите ему обо мне как только...

— Не могу. Не приказано. И не советую вам пускаться здесь на такие штучки, молодой человек, а не то я вызову полицию.

Крис очутился перед плотно закрытой дверью с начищенными до блеска медными украшениями.

Ничего не оставалось, как отправиться на ближайшую станцию метро и укрыться там на полчаса от дождя. Затем Крис позвонил по телефону, но ему ответил все тот же лакей, который отказался соединить его с мистером Риплсмиром. К этому времени Крис начал нервничать. Было крайне неприятно в самом начале своей незави-

симой жизни удостовериться, что ты опустился и принадлежишь теперь к низшему классу, подвергающемуся оскорблениям со стороны прислуги. И если из дому он вышел, полный сознанием собственной добродетели, чтобы не сказать снисхождением к тому, что вот ему придется работать на какого-то старого идиота,— теперь он испытывал некоторую тревогу, как бы ему из-за своего опоздания не лишиться службы. Наконец, после того, как ему пришлось дважды прибегнуть к кнопке автомата для «возврата денег», он дозвонился к мистеру Риплсмиру.

— А? А? — сказал нетерпеливый голос.— Что? Кто? Кто? Кто говорит?

— Хейлин! — Крис старательно повторил по слогам: — Крис Хейлин.

— А! Да! Хейлин! да, да! В чем дело, дорогой мой? Говорите, говорите!

Крис терпеливо объяснил.

Когда известие о случившемся проникло наконец в «быстрый» плутократический ум мистера Риплсмира, Крис почти мог увидеть в трубку телефона, как подскочил его собеседник, и он уже приготовился к неизменному «Что случилось с моей памятью?».

— Тысяча извинений, мой дорогой. Я... в самом деле, непростительная нелюбезность... я, дорогой мой... это испортят мне весь мой день... я непременно... я... чтобы такого достойного человека не впустили в мой дом... клянусь вам теперь, это положительно будет мучить меня...

— Так вы, может быть, распорядитесь, чтобы меня впустили?

— Разумеется, дорогой мой, разумеется, сию минуту! Ну, конечно... я... в самом деле... что? О, до свиданья!

Через пять минут перед Крисом стоял все тот же лакей, теперь настолько же раболепный, насколько раньше он был нахален. Крис прервал на полуслове его подобострастные извинения и с подобающей торжественностью был препровожден самим дворецким пред светлые очи мистера Риплсмира.

Они прошли через туалетную, где слуга старательно проветривал белье, перед тем, как облачить в него драгоценную персону своего хозяина, и вошли в нечто вроде мужского будуара в стиле Помпадур, где разговлялся мистер Риплсмир. Большой стол был уставлен сложной химической аппаратурой для приготовления безупречного кофе, чайным сервизом и множеством серебряных блюд с крышками, из-под которых вырывались самые вкусные

запахи. Судя, однако, по тому, что было перед мистером Риплсмиром, его собственный завтрак состоял преимущественно из жидкого чая и патентованных медицинских средств.

Свежевыбритый и напудренный, в мерлушковых домашних туфлях, пижаме огненного цвета и халате с великолепной китайской вышивкой, мистер Риплсмир напоминал чистенького, суетливого бонзу. Он засеменил навстречу Крису и схватил его за руки, рассыпаясь в чувствительных извинениях.

— Дорогой мой! Какое несчастье! Весь мой день испорчен, погиб! Я нахожусь в состоянии полной прострации с тех самых пор, как вы мне позвонили. Чтобы моего гостя, человека культурного и утонченного, не пустили на мой порог, на *мой* порог, когда вся моя жизнь посвящена сбережению тех самых высших ценностей, которые вы олицетворяете,— это невысказано, нестерпимо! Но скажите, который из этих неотесанных грубиянов оскорбил вас?

— Не знаю,— сказал Крис, сделав многозначительный знак вернувшемуся дворецкому.— И я не узнал бы его, если бы увидел.

— Не знаете? Холсон! — обращаясь к дворецкому.— Кто открывал дверь мистеру Хейлину сегодня утром?

— Я в то время еще не принимал дежурства, сэр.

— Это не имеет значения,— начал Крис, желая защитить лакея.— Я...

— Это ужасно! — Мистер Риплсмир бессильно упал в кресло и схватился за голову.— Я сойду с ума от этого вечного напряжения. Я требую так мало, дорогой мой, только покоя и элементарных удобств скромного холостяцкого существования; и я все время страдаю, потому что лишен даже этого. Никто ничего не знает, никто ничего не делает, всюду беспорядок и запустение, как вы и сами видите... Но, боже милостивый! — Тут мистер Риплсмир элегантно подскочил.— Я даже не предложил вам позавтракать. Садитесь, дорогой мой...

— Благодарю вас,— вежливо сказал Крис.— Я уже завтракал. Если разрешите, я сейчас примусь за работу. Можно мне взять двоих слуг, чтоб они помогли мне передвинуть ящики?

— Разумеется. Непременно. Вызывайте их, как только вам будет нужно. Заставьте их работать. Насколько мне известно, они ровно ничего не делают. Я буду благодарен вам, если вы найдете им какое-нибудь полезное занятие...

И мистер Риплсмир предался бесплодным жалобам на невозможное поведение тех, кого он называл «классом прислуги», с язвительными ссылками на «этот злосчастный Акт о Всеобщем Обучении» («теперь, когда они научились читать, с ними совсем сладу нет») и зловещими угрозами по адресу так называемых «агитаторов».

Крис с ужасом обнаружил у Риплсмира такие глубины невежества и эгоизма, которые превосходили его самые мрачные предположения. Как быть с такими типами? Он спасся бегством в библиотеку, недоуменно спрашивая себя, долго ли общество Риплсмиров будет обременять мир, а также, — что, пожалуй, было для него существеннее, — долго ли сможет он сам выносить данного их представителя?

Для Криса началась трудная жизнь. Днем он возился с книгами мистера Риплсмира. Едва освободившись, он мчался к себе домой и работал до поздней ночи. Без развлечений и без друзей он работал в напряженном умственном одиночестве, нервно бросался от одной крайности к другой — от преувеличенных надежд к приступам малодушного отчаяния. Сегодня он собирался поразить мир; завтра — в унынии видел перед собой голодную смерть, которой угрожала ему Нелл.

Нельзя сказать, чтобы работа в библиотеке была работой спокойной. Приводить в порядок десятки тысяч разрозненных томов — это было само по себе достаточно хлопотливо; к тому же его постоянно прерывали. Два-три раза в день лакей приносил ему записку на серебряном подносе. В ней значилось, например, следующее:

«Мистер Риплсмир имеет честь приветствовать Вас и желает узнать, имеется ли в Библиотеке книга Кейли о биллиарде?»

После лихорадочных и трудных поисков по всем полкам, Крис обычно отвечал:

«Мистер Хейлин имеет честь приветствовать Вас и сообщить, что, насколько он может судить, книги Кейли о биллиарде в библиотеке не имеется».

Стоило только Крису, перепачканному пылью и запыхавшемуся от перетаскивания книг, снова приняться за разборку, как приходила следующая записка:

«Мистер Риплсмир имеет честь приветствовать Вас и высказать пожелание о немедленном приобретении для библиотеки книги Кейли о биллиарде».

Это значило, что нужно посылать ответную записку и звонить книгопродавцам — только для того, чтобы в конце концов обнаружить, что книга Кейли о билиарде либо давно распродана, либо существует лишь в воображении мистера Риплсмита. К тому времени, когда Крису удалось раздобыть книгу или получить неоспоримые доказательства, что ее вообще не существует в природе, мистер Риплсмит обычно успевал вовсе забыть о ней. Только после долгих терпеливых объяснений, причем в качестве доказательства предъявлялись его собственные записки, мистер Риплсмит подскакивал на стуле и начинал жаловаться на свою память; это означало, что он понял.

Много раз Крис был близок к тому, чтобы потерять терпение, — а с ним и службу, — имея дело с этим пустоголовым, но довольно-таки зловредным плутократом, представлявшим собою своего рода помесь героя сатиры Свифта и хитрого восточного евнуха. Благодаря тому, что все делалось за него другими, мистер Риплсмит фактически дошел до состояния, предсказанного французским писателем — «жить за нас будут ваши слуги», — и вел какое-то иллюзорное существование среди непроходимой суеты, путаницы и болтовни. Сам Крис был всего лишь одним из слуг, на чьей обязанности лежало читать книги за мистера Риплсмита.

К сожалению, знаменитая «Библиотека» не могла доставить особенного удовольствия человеку с литературным вкусом. Большая часть книг была оставлена мистеру Риплсмиру его покойными родственницами, у которых, по видимому, в этой жизни не было другого занятия, кроме подготовки себя к необычайно деятельной вечности. Там были образчики «легкой беллетристики» примерно за восемьдесят лет — столь легкой, что она бесследно улетучилась из человеческой памяти. Этим дамы усыпляли себя в настоящем. Что же касается их вечного будущего, — заботы о нем препоручались удивительно разнообразным трудам по астрологии, ясновидению, хиромантии, тайнам великой пирамиды, спиритизму и так называемому «бессмертию души». Там были также многочисленные томики стандартных поэтов, в изящных переплетах и в девственно-неприкосновенном состоянии; судя по надписям, они принадлежали к разряду никому не нужных подарков к рождеству и ко дню рождения.

Что делать с этой макулатурой? Если Крис честно доложит, что все это хлам, он нанесет чувствительному мистеру Риплсмиру жестокую рану в самое сердце его семейной гордости и, вероятно, будет тотчас уволен. С другой стороны, Крис все больше и больше убеждался, что сохранять библиотеку в неприкосновенности — это значит наносить явный ущерб переработке макулатуры. Оставалось ждать возможности посоветоваться с Чепстоном.

СЕМЬ

Достаточно было нескольких недель подобного режима, чтобы привести Криса в состояние полной депрессии. В жизни каждого человека бывают такие периоды бесплодия, когда жизненный импульс истощается и слабеет, воля становится нетвердой и жизнь теряет всякую прелесть.

Крис был недоволен собой. У него было чувство, что он зашел в тупик. И что все его усилия выбраться из него столь же бесплодны, сколь мучительны. Ему начинало казаться, что он слишком понадеялся на свои силы. Конечно, очень хорошо отстаивать свою честность, отворачиваться от того, что считаешь постыдным, не идти ни на какие компромиссы и восставать против всего, что кажется пороком и расслабленностью. Теоретически, априори, на бумаге — только это и следует делать. Но когда дело доходит до практики, оказывается, что это не так-то просто, никто, а тем более молодой человек с честолюбивыми замыслами, не может жить одним обманчиво горячим сознанием своей добродетели. А когда вся власть, все ключи к воротам успеха и радости находятся в руках людей порочных и расслабленных, молодой человек, бросая им вызов, навлекает на себя опасность.

Крис почти слышал, как Нелл и Фрэнк говорят ему елеинным голосом: «Мы же предупреждали тебя!»

Без сомнения, юношам, равно как и старикам, свойственно заблуждаться, предполагать в себе способности, которым не дают развернуться. Однако будь то заблуждение или нет, страдаешь не меньше. Крис считал, что у него есть способности. И нужно было быть сверхчеловеком, чтобы удовлетворяться таким положением вещей, при котором лучшее, что могла предложить ему жизнь,— это нянчить тщеславие какого-то Риплсмира.

Неудобства, связанные с бедностью, угнетали его. Грязная комнатуха, казавшаяся вначале таким хорошим

убежищем, теперь внушала ему отвращение. Он с трудом ел пищу, которую торопливо совали посетителям в дешевых ресторанах. Его возмущенье каждый день подогревалось вынужденным созерцанием риплсмировского богатства. Если бы он принадлежал к типу людей раболепных, он мог бы добиться различных милостей, подмазываясь к мистеру Риплсмиру. Но какой смысл отказываться от одного неблагородного рабства только затем, чтобы поддаться другому?

Бедность означала, кроме того, нездоровую изоляцию. В Лондоне у Криса было немного знакомых, но даже их он избегал. Он вовсе не желал быть на положении бедного родственника, которого приглашают из жалости или для того, чтобы в последнюю минуту заполнить пустующее место за обеденным столом. Но это было еще с полбеды. Гораздо хуже было другое: невозможность встречаться с девушками. Девушек нужно было «развлекать», а «развлекать» значило тратить деньги. С затаенной обидой он смотрел на вереницы личных автомобилей и такси, увозивших эти нежные, изящные создания, этих добровольных пленниц Капитала.

Ни одна из тех, что так легко скользили мимо него, не обращала внимания на бедно одетого молодого человека с бледным, застывшим лицом, который стоял на краю тротуара и мечтательно смотрел на них застывшим взглядом. Такой взгляд был, наверное, у героев Де Куинси, когда они бродили по грязным тротуарам своей каменной столицы-мачехи.

В таком настроении Крис вышел из дому как-то в воскресенье, чтобы встретиться со своим другом Хоудом, приехавшим из колледжа на конец недели. Не желая показывать Хоуду свое мизерное обиталище, Крис назначил ему свидание у портика Британского музея.

День был мягкий, влажный и бесцветный, окутанный меланхолической скукой всех лондонских воскресений. Крис явился слишком рано и бродил без дела у портика, читая надписи на мемориальной доске жертвам мировой войны и размышляя над каменным божком, привезенным с острова Пасхи.

В двери музея лениво вливался поток обычных воскресных посетителей: оживленные молодые люди в поношенных пиджаках и без шляп, девушки с болезненными лицами, маленькие вялые семейные группы, изредка кто-нибудь менее угнетенный бедностью, чем другие. Зачем

они сюда пришли? Чего они здесь ищут? — хотелось спросить Крису. Что могло привести их сюда, кроме пустого любопытства или потребности избавиться — все равно как, лишь бы бесплатно — от скуки незанятого дня? Один только род посетителей не вызывал у него никаких сомнений. Кучки бедно одетых детей, шумно и в то же время робко взбиравшихся по ступенькам, держась за руки, очевидно, были посланы сюда, чтобы папа и мама могли спокойно побыть вдвоем в воскресенье; и поосторожней там, чтобы с вами чего не случилось...

— Привет! Почему вы так мрачны? Что-нибудь случилось? — Это был голос Хоуда.

Выведенный так внезапно из задумчивости, Крис выдал очень неплохую пародию на то, как обычно вздрагивает Риплсмир. Он рассмеялся.

— Привет,— сказал он, пожимая руку Хоуду.— Я наблюдал за прохожими и спрашивал себя, почему у них такая унылая жизнь?

— Откуда вы знаете, что она унылая? — возразил Хоуд.

— Посмотрите на их лица: никакого иного выражения, кроме беспокойства или тревоги. Да, посмотрите, как они идут. Одни плетутся нехотя, лениво, у других какая-то напряженная, дергающаяся походка. Впечатление такое, что все они влачат безрадостное, бескрасочное существование. Отчего это?

— Это объясняется очень просто,— сказал Хоуд, вовлекая Крису в хождение вдоль портика музея.— Всякий разумный человек ответил бы на ваш вопрос, не задумываясь. Оттого, что они — рабы заработной платы, представители неимущего, эксплуатируемого класса.

— Может быть, вы и правы,— с сомнением сказал Крис,— но неужели веселость определяется годовым доходом? По-вашему, богачи такие уж веселые?

— Нет, они совсем не веселые,— сказал Хоуд.— Но ведь их богатства нажиты грабежом и обманом, и поэтому они, естественно, пребывают в тревоге и беспокойстве. Не может быть настоящего счастья при капиталистическом строе.

— Возможно; но неужели все это так просто? Не знаю, что вы подразумеваете под «капиталистическим строем», но если вы подразумеваете такой общественный строй, при котором одни богаты, а другие бедны,— тогда мир не знал веселья со времен первого фараона. А это явная бессмыслица.

— Класс рабов всегда был и будет несчастен, пока не наступит бесклассовое общество.

— Хорошо, но вот вам пример,— возразил Крис.— Был ли когда-нибудь более угнетаемый и эксплуатируемый народ, чем негры? А между тем, если нам каким-нибудь чудом удастся услышать настоящий негритянский смех, мы все улыбаемся и на душе нам становится легче.

— Что вы хотите этим сказать? — нетерпеливо спросил Хоуд.

— Только то, что веселость — это лишь душевное состояние... Я могу лишь пожалеть, что у меня сейчас не очень-то веселое состояние духа. Вот мы с вами ходим возле Британского музея. Могу ли я привести себя в состояние восторга перед этим храмом — обратите внимание на классические колонны,— перед этим храмом человеческой мудрости? Нет, потому что даже здесь нас преследует человеческая глупость и склонность к разрушению. Посмотрите на этот фетиш с острова Пасхи, на этот символ бога, почитаемого или забытого, на это выражение человеческого невежества и страха. Мы вышли из этого состояния лишь затем, чтобы впасть в другое, столь же гнусное. Вон там, смотрите, стена с высеченными на ней именами работников музея, убитых в последней войне. Вот вам два проявления полной несостоятельности человеческого духа.

— Ну, ну,— поощрительно сказал Хоуд.— Вы совершенно правы. Согласен. А дальше что?

— Вы когда-нибудь присматривались к людям, пережившим войну, эту так называемую «великую вдохновенную борьбу за свободу»? К людям вроде Чепстона, моего отца и других людей среднего возраста? Они считают себя свободными от всех дальнейших усилий. Они были на войне, и поэтому они выше всех, кто жил до нее или после. Они безупречны, а мы — гнилые дегенераты. У молодого поколения, видите ли, кишка тонка. А что? А ведь величайшее их достижение — напиться пьяными и болтать о миных полях и о том, какими они были замечательными ребятами.

— Мы все страдаем от ветеранов войны,— со смехом сказал Хоуд.— Но их ничто не исправит. Они останутся такими до последнего издыхания.

— Нас, может быть, ожидает их участь,— мрачно сказал Крис.— Почему над нами и над всем миром нависает эта страшная тяжесть? Они смотрят назад, на прошедшую войну, мы — вперед, на войну грядущую...

— Совершенно верно, так оно, конечно, и будет, — согласился Хоуд. — Если только мы сами не примем каких-нибудь мер. Капиталистическая экономика неизбежно приведет к войне. Вот если бы вы пришли как-нибудь на одно из наших собраний...

— Я услышал бы множество вещей, которые я слышал раньше, — прервал Крис. — Нужно не разговаривать и не слушать, как другие разговаривают, нужно что-то делать. А какие у нас возможности, у любого из нас? Нам ничего не дают делать, мы должны всюду уступать дорогу героям. У нас сотни тысяч зарегистрированных безработных, а сколько незарегистрированных? Я, по существу, один из них. Вы тоже станете одним из них, когда кончите колледж. Мы — лишние люди. Для нас нет работы. А уж если говорить о настоящей творческой работе — мы с таким же успехом можем требовать звезд с неба.

— Bravo, bravo! — сказал Хоуд. — А теперь послушайте-ка, что я вам скажу...

Хоуд заговорил, но Крис уже не слушал его. Им овладела душевная усталость и чувство полной бесполезности всех этих разговоров, разговоров, разговоров. Во всем мире люди спорили и сражались во имя того, чтобы лучше построить жизнь, а сами тем временем пренебрегали жизнью. Ужас перед действительностью, отвращение к самым условиям существования охватили его; беспорядок был слишком вопиющ, количество людей слишком велико. Он чувствовал себя невольным пассажиром поезда, переполненного буйными пьяницами, пассажиром, который тщетно пытается убедить их, что, пока они орут и дерутся, поезд мчит их к катастрофе.

Его тяжелое, подавленное состояние все усиливалось. Обидев Хоуда тем, что должен спешить на какое-то несуществующее свидание, он побрел по сумеречным улицам домой. Там, за спущенными занавесками, в тихом мягком оазисе ровного света от настольной лампы, он надеялся обрести душевный покой. Он взял книгу и попытался заглушить свое беспокойство словами, новыми словами, но на этот раз напечатанными на бумаге. Но это не помогло. И он не мог найти в себе достаточно энергии, чтобы приняться за работу. Какая польза — трудиться над словами, всего только словами, в мире, который нуждается в действиях? Какая польза от его собственной бездеятельной жизни? Но в мире, все более омрачаемом разрушением, какие действия могут дать результат, кроме насильственных революционных действий, проповедуемых

Хоудом? Он пытался отогнать эту мысль, но она возвращалась снова и снова, как назойливая муха. Может быть, это и в самом деле единственный логический путь? Может быть?..

ВОСЕМЬ

После небольшой стычки с мистером Риплсмиром, Крису удалось добиться разрешения не работать по субботам, причем его жалование не было уменьшено. Вернее сказать, этого добился Чепстон, написав тактичное письмо. Но Крис пребывал в таком беспокойстве, что ему было мало пользы от этого. С каждым днем ему было все трудней и трудней приняться за работу, и он долгие часы бесцельно бродил по улицам в унылой апатии, подавленный холодной многолюдной пустыней города.

Повинуясь какому-то бессознательному импульсу, он почти всегда отправлялся бродить в сторону Челси. Если бы Крису подвергли перекрестному допросу, он ответил бы вполне чистосердечно, что ходит туда потому, что ему нравится река, и потому, что в Челси еще осталось несколько приятных старых улиц. Он стал бы упорно утверждать, что он и не думал об Анне, что он совсем забыл название ее бессмысленной книжно-кондитерской лавки и что он меньше всего хотел бы встретиться с ней снова.

В таком случае, очевидно, его ноги лучше него знали, чего он хочет, ибо однажды в субботу они привели его к маленькой лавке с двумя витринами: в одной книги, в другой пирожные. Вывеска с изображенными на ней двумя голенькими, но беспольными херувимами, гласила: «Небесные близнецы».

Говоря себе, что, конечно, через полминуты он быстро и незаметно скроется, Крис заглянул в витрину с пирожными. Он увидел стулья, столики с клетчатými скатертями; вешалку для шляп, большое зеркало и ни единого человеческого существа. Это почему-то раздосадовало его. Он прошел дальше и заглянул в другую витрину, просто чтобы посмотреть, какие книги могут, по мнению этих дилетанток, иметь спрос,— и увидел девушку, которая сидела к нему спиной и писала.

Крис, чья научная любознательность ему никогда не изменяла, в этот момент сумел разрешить проблему сна, от которого человек просыпается, чувствуя, что падает; совершенно ясно, что причиной этого является рефлектор-

ная судорога сердца, когда оно иногда пропускает обычный удар. Сейчас, среди бела дня, стоя на ногах, он испытал именно это чувство: по-видимому, его сердце пропустило удар. Он совершенно ясно ощутил, как биение сердца ускоряется, наверстывая упущенное.

«Нельзя стоять так и глазеть без конца.

Ты должен уйти.

Ну, чего же ты стоишь?

А кто это — Анна или Марта?

Тем более...

Интересно, как у них идут дела».

Крис окончательно решил ретироваться, но вдруг обнаружил, что своевольные и недисциплинированные ноги привели его в лавку. Девушка подняла голову. Это не была Анна. Ну, чего же тут огорчаться?

Чтобы придать себе смелости, Крис нервно кашлянул и спросил голосом, который самому ему показался чрезмерно робким и дрожащим:

— Можно посмотреть на книги?

— О, пожалуйста!

Он стал читать заглавия на корешках, но они не доходили до его сознания. Как это глупо: нужно же наконец научиться управлять своими рефлексам. Крис взял с полки одну из книг и к своему изумлению обнаружил, что руки у него дрожат, — странное действие усталости от долгого шатания по улицам.

— Может быть, вам помочь? — спросил приятный женский голос у него за спиной.

Крис вздрогнул и с виноватой поспешностью поставил книгу на место.

— Я... нет, спасибо... я... собственно говоря, я зашел случайно... к мисс Весткот... — Крис внутренне проклинал себя за то, что он заикается. С чего это заикаться?

— Мисс Весткот? А! — В голосе послышалось некоторое разочарование, и он звучал теперь менее дружелюбно. — Вы хотите повидаться с ней? Она скоро сойдет вниз.

С невозмутимым видом она отошла от него. «Довольно изящная девушка», — подумал Крис. Он последовал за ней и вынул свою визитную карточку.

— Мне, собственно, следовало бы представиться с самого начала, — промямлил он.

— Хейлин! — воскликнула она с внезапно пробудившимся интересом. — Ах, так это вы — Крис?

— Да.

Он невольно ответил на ее дружелюбную улыбку.

Жизнь вдруг почему-то показалась менее обескураживающей.

— О! Я так много слышала о вас,— сказала она с неподдельным интересом.— От Анны и от Гвен...

— Вы знаете Гвен? — с живостью перебил Крис.

— Она часто приходит сюда выпить с нами чаю. Вы разве не знали? Может быть, мне пойти сказать Анне? Я — Марта.

— Я так и догадался. Анна говорила мне про вас. Как у вас тут дела?

— Это в общем забавно, но денег мы зарабатываем немного.— Марта сделала гримасу, как бы желая показать, что деньги — вопрос второстепенный.— А что вы делаете?

— Ну, а у меня совершенно дурацкая служба. Работаю библиотекарем у одного троглодита по фамилии Риплсмир,— неосмотрительно сказал Крис.

— Как? Неужели у этого страшного богача Риплсмира? Ну, знаете ли, вам повезло!

— Вы бы этого не сказали, если б увидели его хоть раз. К тому же мне мало что перепадает из его богатств.

— А скажите, он, наверное, покупает массу книг?

— Массу.

— И вы не дали нам ни одного заказа!

Марта смягчила упрек кокетливым взглядом и улыбкой. На этот раз ответная улыбка Криса была чуточку кривой: вечный золотоискатель копает, а выкопав, опять принимается копать. Однако вместо резкого ответа, которым он собирался дать ей отпор, он поймал себя на том, что отвечает больше на ее взгляд, чем на упрек.

— Посмотрим, может быть, можно будет что-нибудь сделать...

— О, устройте это, прошу вас! Это было бы просто замечательно иметь в качестве покупателя великого Риплсмира.

— Замечательно! — иронически сказал Крис.

— Ну вот, теперь вы надо мной смеетесь.

— Вовсе нет,— возразил Крис, но все-таки слегка покраснел.

— Я так и знала, что вы будете надо мной смеяться,— добавила Марта с очаровательной гримаской.

— Почему?

— Анна мне говорила.

— Что я люблю насмехаться?

— Как вам сказать, она говорила, что вы какой-то

чудной, и можете быть очень жестоким и безжалостным, и...

— Словом, второй Торквемада.

— Но по вашему лицу этого совсем не скажешь,— призналась Марта, и ее голос прозвучал почти ласково.— Я представляла вас коммунистом, угрюмым и в красном свитере...

— Я — коммунист? — удивился Крис.— А впрочем, почему бы нет?

— Нет, вы не можете быть коммунистом!

— Глупости. Многие в высшей степени почтенные люди были коммунистами. Да вот, Платон был коммунист и апостолы тоже.

— Вы маленький бесенок! — засмеялась она и легонько ударила его по щеке. Он схватил ее за руку и, к своему замешательству, немедленно почувствовал, что это прикосновение взволновало его.

— Ну как, прав я или нет? — спросил он, выпуская ее руку, так как обнаружил, что флиртует с ней и что ему это нравится.

— О, тогда все было совсем другое!

— Почему другое? Вы хотите сказать, из этого ничего не вышло? — поддразнил ее Крис.— Но это потому, что их идеи были ошибочными. Древние, видимо, ничего не знали о диалектическом материализме и, по-видимому, даже не слышали об экономике...

Надо сказать, что Марта ни мало не беспокоилась о подобных предметах. Как ни прискорбно отметить, но эта хорошенькая легкомысленная молодая женщина гораздо больше интересовалась молодым человеком, стоявшим перед ней, чем всеми этими серьезными проблемами. Притворяясь очень рассерженной, но в то же время смеясь, чтобы показать, чтонисколько не сердится, Марта выпустила из рук книгу и, схватив его за галстук, воскликнула:

— Знаю я вас! Знаю, как вы любите над всеми издеваться! Но со мной это не пройдет, Крис, вот я вас сейчас задушу!

— Пустите! — сказал Крис, смеясь и стараясь высвободить галстук.— Пустите, Марта, или... или я поцелую вас!

Возможно, Марта не слышала этой ужасной угрозы, или, если слышала, то не считала Криса способным на такой низкий поступок. Во всяком случае, она продолжала его трясти. Тогда Крис, не долго думая, отвел ее руки от галстука, схватил ее за плечи и, прижав ее к себе, поцеловал от всего сердца...

— Вот как!

Это было возмущенное, почти уничтожающее «вот как!», такое «вот как!», от которого всякий почувствовал бы себя виноватым.

— Что это у вас тут делается? — строго сказала Анна.— Крис!

Это была минута ужасного замешательства. Пожалуй, Крис чувствовал даже не столько неловкость, сколько глупость своего положения. Глупо, когда тебя застают целующимся с девушкой, которую ты видишь в первый раз в жизни. И как глупо со стороны Анны напускать на себя этот вид недовольной хозяйки, чуть ли не матроны. Он уставился на нее, не зная, что сказать. Марта положила конец замешательству, расхохотавшись и сделав вид, что она представляет их друг другу.

— Мистер Хейлин и мисс Весткот, впрочем, вы, кажется, уже знакомы?

— У нас была политическая дискуссия,— сказал Крис, подходя к Анне и пожимая ей руку.— Как живете, Анна?

— Где это вы пропадали? — спросила Анна несколько высокомерным тоном.— Что это за страсть напускать на себя какую-то таинственность и расстраивать людей? Ваши родные ужасно о вас беспокоились.

— И прислали Гвен навести справки? — сказал Крис.

— Он замечательно устроился,— перебила Марта.— Библиотекарем у этого невероятно богатого старика Риплсмира. Вот повезло, правда? И Крис обещал покупать для него все книги у нас.

— А, вот как! Вы, однако, тут спелись,— ревниво сказала Анна. Казалось, она размышляет над этой новостью насчет Риплсмира. Потом добавила: — Поднимитесь ко мне, Крис. У меня масса писем для вас.

— От моих домашних? — живо спросил Крис.— Не нужны мне их письма. Почему они не могут оставить меня в покое?

Тем не менее он поднялся вслед за Анной в ее комнаты; она передала ему несколько писем. Крис положил их в карман, даже не взглянув на них.

Снова наступило неловкое молчание.

— Ну? — спросила наконец Анна.

— Что ну?

— Вам угодно еще что-нибудь?

— Да, собственно, ничего,— сказал Крис, оскорбленный ее тоном.

— Тогда зачем вы пришли сюда?

— Чистая случайность. Проходил по улице, увидел вашу знаменитую вывеску и мне вдруг захотелось зайти.

Крис стоял, теребя шляпу, сознавая, что достоинство требует, чтобы он сейчас же ушел, но испытывая странное нежелание уходить. Какая Анна молодая, какая стройная и гибкая! И Марта тоже милая, да, конечно, Марта очень милая. Ему очень не хотелось уходить. Ему хотелось остаться с ними.

— Мне казалось, вы могли бы прийти извиниться,— высокомерно сказала Анна.

— В чем это мне извиняться?

— Вы вели себя отвратительно во время нашей последней встречи.

— Вы тоже.

— Неправда.

— Нет, правда. Вам хотелось унижить меня, и вам это удалось.

— О! — Анна преисполнилась добродетельного негодования.— Мне это и в голову не приходило. Чего ради я стала бы вас унижать?

— На это нетрудно ответить. Мы с вами друг другу нравились и могли бы, даже должны были стать любовниками. Потом до вас дошли слухи о разорении, и это сразу сделало меня социально нежелательным. Вы, подобно всем окружающим, немедленно пожертвовали вашим естественным влечением во имя фетиша денег. А ведь я остался таким же, каким был. Неужели вам хотелось лечь в постель не с человеком, а с чековой книжкой? Как бы там ни было, вы решили от меня отделаться, и самым простым способом было унижить меня. И это в то самое время, когда я особенно нуждался в вас, когда у меня не оставалось ничего, кроме вас...

— И я была совершенно права,— возмущенно прервала Анна.— Я существую не для ваших половых удобств.

— И я не для ваших,— отпарировал Крис.— Но, Анна, не будь этого краха, вы бы чувствовали... вы бы относились ко мне иначе, разве не правда?

На это Анна ничего не могла ответить. Она повела атаку в другом направлении.

— А вы сами-то хороши! Уверяете, будто любите меня до безумия, а потом исчезаете без единого слова. Вы не написали мне ни одного письма.

— Предположим, я бы написал, что бы вы ответили? Ничего.

— А когда вы наконец являетесь,— ревниво продолжа-

ла Анна, — я застаю вас с Мартой, и вы с ней обнимаетесь и целуетесь.

— Ну, и что ж тут такого? — упрямо настаивал Крис. — Целоваться с Мартой было очень приятно. И она не требовала, чтобы я показал ей сначала чековую книжку.

— Крис! — Анна сердито топнула ногой. — Перестаньте говорить гадости! Не думайте, пожалуйста, что меня хоть сколько-нибудь интересует ваше поведение с женщинами, но я не допущу, чтобы вы загубили жизнь Марты.

— Господи! Зачем вы говорите такую ерунду? — с отвращением сказал Крис. — Как я могу «загубить» жизнь Марты? И уж если на то пошло, как вы можете помешать ей делать все, что ей заблагорассудится?

— Я не допущу, чтобы вы поступали с ней, как вы поступили с...

— Шш! Нельзя ли без имен!

— Словом, вам не удастся ее соблазнить, а потом бросить через две-три недели...

— Да, я, по-видимому, личность гнусная во всех отношениях, — обозлившись сказал Крис. — Хотите что-нибудь добавить?

— Хватит и этого, вы не находите? Или вы пришли похвастаться новыми победами?

Крис стиснул зубы и энергично потер лоб. Он был одновременно и раздосадован и сбит с толку. Наконец, приняв решение, он хладнокровно положил шляпу на подоконник и снял пальто.

— Сядьте-ка сюда вот, — спокойно сказал он. — Сядьте. Вот так. И разрешите мне скромненько сесть против вас, так, чтобы вам не приходилось опасаться за свою добродетель. Так можно? А теперь, дорогая Анна, послушайте голос здравого смысла. Что я целовался с Мартой, это была шутка, случайность. Мы спорили о коммунизме, она сделала вид, что рассердилась, и схватила меня за галстук...

— Нечего сваливать все на нее, — возмущенно сказала Анна. — Я слышала, что вы сказали, и видела, что вы сделали. Уж своим-то глазам я, надеюсь, могу верить?

Крис вздохнул. Он вспомнил об известном конгрессе ученых-психологов, на котором все присутствующие описали совершенно по-разному один и тот же пустяковый случай, неожиданно произошедший у них на глазах. Трудно столкнуться с людьми.

— Ладно, это не важно, — сказал он. — Пусть будет по-вашему. Мне вменяется в вину поцелуй, нанесенный

представителю противоположного пола. Тяжкое преступление! Знаете, по-моему, единственный способ вам, девушкам, сохранить чистоту, это целиком уничтожить весь мужской пол.

— Если это все, что вы хотели сказать...

— Давайте говорить серьезно,— сказал Крис.— Я не писал вам по многим причинам. Во-первых, я был зол на вас. Затем, вся моя жизнь пошла кувырком. И, черт возьми, какой толк был писать? К тому же, если бы я сообщил вам мой адрес, а родители спросили бы у вас, вам пришлось бы сказать его им.

— Все это очень хорошо,— натянуто сказала Анна.— Писали ли вы мне или нет — это совершенно не важно. Важно другое...

— Я вот как раз к этому и перехожу. Послушайте, Анна, я не собираюсь сплетничать об одной женщине с другой и оправдываться тоже не собираюсь. Я охотно признаю, что неправ, и заслуживаю всяческого порицания. Но вы должны знать, что,— оставим пока в стороне наши собственные ссоры и ошибки,— что нас очень ловко надули, заставив отказаться друг от друга.

— Не понимаю...

— Видите ли, как раз в то время, когда вы начали думать, что я для вас недостаточно хорош, мои родные подумали то же самое про вас. Не очень лестно, не правда ли? У меня, на ваш взгляд, было слишком мало денег,— не оправдывайтесь, так вы думали, у меня не было автомобиля, я не мог дарить вам красивых вещей, я не мог водить вас по театрам и ресторанам, у меня не было таких друзей, каких полагается иметь, и так далее. Но и у вас, с точки зрения моих родных, было слишком мало денег. Кстати, вы ведь виделись с моей матерью перед самым моим приездом из колледжа, не правда ли?

— Да, виделась. В чем же дело?

— Так я и думал. Вы дали ей очень ловко отвадить вас от меня, разве не так? Отвадить вас от меня — это была одна часть плана. Другая состояла в том, чтобы женить меня на некоей даме,— мы называть ее не будем,— у которой недурное состояние...

— О! — Анна начала понимать.

— Вот именно, «о!»,— сардонически сказал Крис.— Пусть это будет для вас предостережением, Анна. Не верьте всему, что говорят вам благовоспитанные, честные, богобоязненные идеалисты. Однако план их не удался. Я не женился и не женюсь на некоей даме — с деньгами...

— Но вы переехали к ней и жили в ее доме, и...

— Только до свадьбы Жюли, а весь этот хитроумный план я раскусил только на другой день после свадьбы.

— Но, Крис, если вы не любили ее, тогда зачем же вы... зачем же вы?..

— Сошелся с ней, что ли? Не бойтесь слов, Анна. Давайте говорить прямо. Но только стоит ли так возмущаться этим? Пусть та из вас, кто без греха, первая бросит в меня камень.

— Не понимаю, на что вы намекаете...— высокомерно начала Анна, но тут же замолчала под его многозначительным взглядом.

— Не будем настаивать,— галантно сказал Крис.— Во всяком случае, сейчас на скамье подсудимых я. Не думайте, пожалуйста, что я ее осуждаю. Она вела себя во всей этой истории как нельзя более порядочно, хоть и была посвящена в заговор. Уж если кого осуждать, так это вас.

— Меня?

— Да, вас. Но я вовсе не оправдываюсь. Во всяком случае, вам теперь ясно, как все это получилось?

— Не понимаю, при чем тут я. Вы не находите, что это была довольно-таки гнусная история?

— Вы вели себя гораздо гнусней! — воскликнул Крис.— Если бы вы не придавали такого огромного значения потерянным деньгам, и положению в обществе, и развлечениям, между нами никогда бы не произошло той неприятной сцены там, у вас в доме, и та, другая ситуация тоже не возникла бы. А впрочем, какое это имеет значение? Вам-то от этого какой вред?

— Как это гадко с вашей стороны винить меня за то, что вы сделали сами,— возмущенно сказала Анна.— Вас ведь никто не заставлял, правда?

— Кто знает? — спросил Крис, улыбаясь.— Это зависит от того, во что вы верите — в свободную волю или в предопределение; а в этом вопросе даже величайшие авторитеты никак не могут столкнуться. Может быть, это было предопределено свыше, что я должен поступить именно так, и заранее предопределено, чтобы я сидел здесь, пытаясь убедить вас, что все это не имеет никакого значения.

— Какое отношение к человеческим чувствам и поступкам имеют все эти рассуждения? — нетерпеливо сказала Анна.— Все равно, они ничего не меняют и вы наделали всем массу неприятностей и все страшно запутали.

— Я? Ну да, конечно, *вы* тут совершенно ни при чем.

А по-моему, вы виноваты в этом столько же, сколько я. Мы напоминаем леммингов. Знаете ли вы, кто такие лемминги? Это кочующие грызуны. Древний инстинкт велит им переселяться через перешеек, соединяющий полуостров с континентом. Между тем перешеек залит водой, и они тонут. Совсем как мы. Инстинкт, более древний, чем наша цивилизация, говорил нам, что мы желаем друг друга. Нам надлежало повиноваться нашим глубоким сексуальным импульсам. К сожалению, они не могли сказать нам, что перешейка больше нет. Жизнь теперь не так проста, как во времена каменного века. Мы ошиблись эпохой.

Анна собралась было ответить, вероятно, что-нибудь язвительное, как вдруг раздался голос Марты, которая кричала снизу у лестницы:

— Анна! А-а-анна!

— Что? — отозвалась Анна.

— Ты нужна в магазине. И Джон пришел.

— Иду,— крикнула Анна. И, обращаясь к Крису: — Мне нужно идти. Прощайте.

Он хотел, чтобы она осталась и выслушала его, чтобы она попросила забыть о всех недоразумениях и ошибках, чтобы она смиренно предложила ему заходить к ней хоть изредка... но Анна исчезла.

Крис уныло взял шляпу и пальто и поплелся следом за ней. Сойдя с лестницы, он столкнулся лицом к лицу с Мартой.

— Ну как, все в порядке? — спросила она веселым и немного вызывающим тоном.

— Черта с два,— мрачно сказал Крис.— Я слишком много говорю, Анна слишком мало слушает.

— Какой позор! — насмешливо сказала она.— Неужели вы до сих пор не знаете, что нужно не говорить, а действовать?

Сквозь стеклянную дверь Крис видел, но не слышал, как Анна разговаривает и смеется с каким-то элегантно одетым молодым человеком.

— Это и есть «Джон»? — спросил он.

Марта кивнула, не спуская с него иронически насмешливого взгляда.

— Чем он занимается?

— Он скульптор и лепит абстракции. Разве вы о нем не слышали? Квадратные яйца и круглые кубики. Анна ходит работать к нему в мастерскую. Он говорит, что у нее большой талант. Интересно только, к чему талант, как вы думаете?

— Н-да,— сказал Крис, невольно рассмеявшись.— А чем он зарабатывает? Лепкой квадратных яиц?

— Нет, нет! Очень ему нужно зарабатывать. Его отец — владелец одного из фешенебельных магазинов на Бонд-стрит.

— Ах, вот оно что! Ну, Марта, как ни грустно расставаться...

— О, но вы же придете еще, не правда ли? — с кокетливой настойчивостью сказала Марта.— Мне очень хотелось бы вас еще увидеть. И вы должны прийти к нам как-нибудь на вечер.

— Сомневаюсь, что я буду очень желанным гостем...

— Не глумите! — сказала Марта, отводя его от стеклянной двери на свою половину лавки.— Как ваш адрес?

— Пишите на адрес Риплсмира,— сказал Крис.— Он есть в телефонной книжке.

— Отлично,— Марта отложила карандаш.— Но вы придете, правда?

— Кому я здесь нужен? — угрюмо спросил Крис.

— Мне, например,— ласково и чуть-чуть лукаво сказала Марта.— И не смотрите так грустно. Она что, ужасно обошлась с вами?

С этими словами Марта невинно взяла его за руку и посмотрела на него большими невинными глазами.

— Ужасно! — Крис удержал ее руку; в ее прикосновении было что-то успокаивающее.

— Бедняжка!

Наступило блаженно-смущенное молчание. Марта опустила глаза и попыталась отнять свою руку. Крис удержал ее, и Марта не стала ее вырывать.

— Марта!

— Да?

— Мне следовало бы извиниться...

— В чем?

— Вы знаете. Вот сейчас, когда она накинулась на нас. Но...

— Ах,— сказала Марта, уступая его объятиям и подставляя губы для поцелуя.— Ах!

Они поцеловались один раз, они поцеловались еще несколько раз.

— Негодный мальчишка! — шутливо сказала Марта, наконец высвобождаясь из его объятий.— Ну, а теперь ступайте, не то кто-нибудь нас увидит. Но ведь вы придете?

— Непременно,— восторженно согласился Крис.

— Обещаете?

— Да. До свидания, Марта, дорогая. И спасибо...

— До свидания, милый Крис. Будьте паинькой!

Крис энергично шагал по малозанимательным переулкам. Это соприкосновение с женщиной, нашим неизбежным другом-врагом, придало ему сил, можно сказать, ободрило. Но в душе он неблагодарно порицал ее.

«Будьте паинькой!» Кому предназначалось это прощальное напутствие — мне или библиотекарю мистера Риплсмира? Так много — за такую мелочь! Почему женщины должны торговать собой? Брак — как коммерческая сделка. Женщины — старейшие коммерсанты в мире, этакая достопочтенная акционерная компания женщин. За что ругать их? Чем им еще торговать? «В приданое несу свой пол, о господин мой, отвечала», — перефразировал Крис старинную песенку. Воспитанные столетиями пропаганды, мудрые и неразумные девы. Масло для светильника, зерно для мельницы. Какой мужчина лучше всех? Богатый! В древности богатство — скот. Но как мне пасти скот на пастбищах Пикадилли? Аполлон Крис на службе у Адмета Риплсмира. Доколе, о всемогущий Юпитер? Я в царство вступил свое, в обитель неимущих. Я одна из жертв классовой борьбы. Кому какое дело? Ты не можешь капитал приобрести и невинность соблукости.

Почему ревнует Анна? Собака на сене. Хочет держать меня en disponibilité¹, в качестве резервного поклонника, одного из свиты Анны-Клеопатры. Эпизод с Гвен вызвал недовольство: серьезный случай *lèse majesté*²... Отсюда, без сомнения, и «Джон», кто бы он там ни был. Ревную я к Джону? Что, если они сейчас играют в скотинку о двух спинках? Прочь, прочь. Яго! Какое это имеет значение? Вспомним геологические периоды, предполагаемые размеры Млечного Пути, теорию атомной энергии. К сожалению, это несколько не утешительно. Так же мало относится к делу, как рассуждения Цицерона о старости. А Марта? Сочетает выгоду с удовольствием — заказы Риплсмира с восхитительным браконьерством в заповеднике Анны. *Les amants de nos amis nos amants*³. Горе мужчине и женщине, принужденным пускаться на такие хитрости в подлунном мире! А почему бы и нет? Марта мила, ну еще бы, Марта очень мила...»

¹ В запасе (фр.).

² Оскорбления величества (фр.).

³ Возлюбленные наших подруг — наши возлюбленные (фр.).

ДЕВЯТЬ

Родительские письма, когда он удосуужился их прочесть, не вдохнули в него бодрости. Фрэнк и Нелл ограничивались туманными самооправданиями и мрачными пророчествами. Почему, спрашивали они, Крис вел себя так неблагоприятно, когда все их желания сводились к тому, чтобы прийти ему на помощь своей мудростью и житейским опытом? Чего добился он своим нелепым поведением?

Крис, конечно, не соглашался с ними, но теперь, когда связь с родительским домом была безвозвратно утрачена, он начал сомневаться. В самом деле, чего он добился? Скучные будни незаметно наводили его на мысль, что, может быть, он заплатил слишком дорогой ценой за возможность придерживаться своей личной и малопопулярной этики. И в конце концов действительно ли проявил он полное бескорыстие, полную готовность стоически принять все последствия своей попытки жить добродетельно во имя добродетели? Разве он не продолжал втайне исповедовать евангелие паразитов, не питал все это время тайную надежду, что, если будет «поступать как должно», Судьба, Общество или метафизическое Нечто вознаградит его за это?

Стоит ли отвергать, как древние иудеи, мясные горшки Египта, если не веришь в бога?

Он распечатал письмо Жюльетты и, после того как просмотрел его, прочел еще раз более внимательно. В письме не было ничего предосудительного, но в нем звучали какие-то странные нотки. За болтовней об автомобильных экскурсиях и охоте на голубей, о мистрале и апельсиновых деревьях, о мимозах и коктейлях, о рулетке и красивых скалах угадывался какой-то едва ощутимый ропот разочарования. Некоторые фразы привлекали его внимание. «Мне хотелось бы поскорей вернуться, чтобы поговорить с тобой». «Джерри утомляет меня своей непоседливостью; он часто сердится и часто оставляет меня одну». «Прошу тебя, прости меня за мое поведение по отношению к тебе и Гвен. Я начинаю думать, что ты был прав». «Как быстро надоедают люди, которые ничего не делают. Я завидую тебе, что у тебя есть какая-то работа».

Крис широко раскрыл глаза. Неужели роскошь приедается так скоро?

Чем больше он убеждался в бесполезности риплсмировской рутины, тем больше она поглощала его. Грандиозные замыслы постепенно тускнели, так же, как надежда получить научную работу и участвовать в раскопках. Теперь он думал только об одном — как бы выдержать экзамены, и то главным образом для того, чтобы попытаться устроиться на лучшую работу. Куда девалась его любовь к знанию ради самого знания?

Подобно многим своим товарищам по несчастью, он начал осмысливать свое недовольство. Он прочел «Коммунистический манифест» и неожиданно для самого себя согласился с ним; он снова стал штудировать «Капитал». Экономика сделалась его излюбленной темой, и, забывая о своем критическом отношении к логическим системам, оставляющим без внимания живого человека, забывая и о своей некомпетентности в вопросах математики, он зарылся в пространные и убедительные экономические трактаты, которые обещают доставить всем богатство и досуг при помощи какого-то финансового трюка.

На самом деле он просто пытался получить ответ на назойливый вопрос: почему личность — почему я должен быть нищим и угнетенным в мире потенциального изобилия?

Действительно, этот вопрос напрашивался сам собой, а ответ на него можно получить, перебравшись через океан крови и насилия.

В разгар этого увлечения самой ненаучной из наук, в которой с таким успехом подвизаются шарлатаны, Крис был встревожен вмешательством внешнего мира и своего собственного прошлого. Марта переслала ему письмо от Гвен, умолявшей его немедленно явиться к ней.

«У меня большая неприятность. И кроме вас мне не к кому больше обратиться за советом и помощью. Хотя я и не упрекаю вас, виноваты в случившемся отчасти вы. Вы придете, не правда ли?»

Она ни одним словом не намекала, что это за «неприятность», и в первую минуту у Криса возникло подозрение, что, может быть, это просто хитрость, чтобы снова увидеться с ним. Но в письме звучало такое искреннее отчаяние, что Крис решил, во всяком случае, узнать, в чем дело.

Как только Крис увидел Гвен, он понял, что поступил правильно, откликнувшись на ее призыв. Ее вид поразил

его. Глаза у нее были красные от слез и бессонницы, лицо бледное и осунувшееся от волнения и тревоги. Вся теплота и нежность их бывлой близости снова вернулась к нему.

В ответ на его расспросы Гвен весьма вразумительно начала с того, что расплакалась и разрыдалась так горестно, что Крису, как он ни предостерегал себя от подобных фамильярностей, пришлось утешать ее в своих объятиях. Но ее жалкое состояние встревожило его.

— Что случилось? — взволнованно спросил он. — Возьмите себя в руки, Гвен, и расскажите мне.

— Я, я не знаю, не знаю как, — жалобно всхлипывала она. — Это все так... так гадко и ужасно — и — ах, Крис! Я так боюсь!

— Ну полно, полно! — стараясь успокоить ее, Крис гладил ее руки. — Расскажите мне, в чем дело, и мы вместе что-нибудь придумаем.

— Так вот, когда вы ушли от меня...

— Ну?

— Мне стало вдруг так одиноко и...

— Понимаю. Говорите, говорите, — подбодрил он, когда она снова замолчала.

— И я стала ходить по дансингам и — нет, я не могу вам рассказать!

— Вы должны.

— Ах, вы будете так презирать меня...

— Да что вы, что вы? Я только хочу помочь вам.

— Я... понимаете, до вас меня так долго никто не любил... и после того, что между нами было, мне так хотелось любить... я... в дансинге был один молодой человек...

«Какие же мы жалкие жертвы своих инстинктов, — подумал Крис, потрясенный. — И в каком же фантастическом обществе мы живем, если молодых мужчин не подпускают к женщинам, а женщины *faute de mieux*¹ обращаются в дансингах к сутенерам. Несчастливая Гвен!»

— Я, кажется, понимаю, — ласково сказал он. — Это было неосторожно, но очень естественно. Вы не должны чувствовать себя преступницей. А что случилось потом?

— Он начал требовать денег, — прошептала Гвен, и выражение ужаса появилось на ее лице. — Я дала ему пятьдесят фунтов. Потом еще пятьдесят. Однажды ночью он сказал, что ему нужно пятьсот, для каких-то его планов, не знаю, для чего. Тогда я испугалась, потому что

---

¹ За неимением лучшего (фр.).

поняла, что это никогда не кончится. Я сказала, что у меня нет таких денег. Он очень разозлился и наговорил мне гадостей. Так как я все не соглашалась, он... он ударил меня...

— О, господи! — Крис отшатнулся, словно его самого ударили.

— Потом он ушел, а через два дня вернулся и сказал, что, если я не заплачу тысячу фунтов через неделю, он возьмет мои письма к нему и покажет их...

— Шантаж! — воскликнул Крис.— Мы это быстро прекратим. Я знаю одного хорошего юриста и...

— О, я этого не вынесу,— простонала Гвен.— Я умру от одной мысли, что нужно идти в суд...

— Ваше имя не будет оглашено,— убеждал Крис.— А если вы этого не прекратите, он выманит у вас все деньги, до последнего пенни, и доведет вас бог знает до чего...

Но Гвен не слушала. Она была охвачена безотчетным непостижимым страхом. По-видимому, «Джиму», кто бы он там ни был, удалось так запугать ее, что страх перед ним побеждал все остальное. Крис продолжал говорить, больше для того, чтобы успокоить Гвен звуком своего голоса, так как убедить ее он не надеялся. Какой смысл апеллировать к разуму, когда человек весь во власти бессознательного страха?

Как тут поступить? Первой мыслью Криса было, естественно, связаться через Ротберга с полицией, арестовать «Джима» и посадить его в тюрьму. Но одно упоминание о полиции снова ввергло Гвен в неистовую истерику. Тщетно Крис пытался убедить ее, что она не совершила никакого преступления, что полиция с большой охотой придет ей на помощь и схватит настоящего преступника. Совершенно бесполезно. Мысль о том, что «узнают люди», была для Гвен страшнее пожизненного заключения. Крису пришлось призвать на помощь всю свою силу воли, чтобы помешать ей тут же выписать «Джиму» чек на большую сумму.

— По крайней мере,— сказал наконец Крис,— разрешите мне привести сюда моего друга — адвоката?

Ни в коем случае! Слово «адвокат» вызвало почти такой же ужас, как «полиция». Крис не знал, что и придумать, чтобы воздействовать на нее.

— Нельзя же быть такой глупой! — резко сказал он.— Вы хотите, чтобы вас шантажировали или нет?

Гвен горестно замотала головой в знак отрицания.

— Отлично. Но в таком случае нужно что-то предпринять, не так ли? Нужно проявить хоть немного мужества и воли. Взглянуть опасности в лицо.

Гвен возмущенно сказала, что мужества у нее сколько угодно — разве она не доказала этого, послав за ним? Но когда Крис принялся набрасывать план действия, Гвен стала проявлять все, что угодно, только не мужество.

Однако, как указывал Крис, необходимо было что-то сделать, и они наконец выработали компромиссный план, который Крис принял с некоторой опаской, потому что он казался ему рискованным и глуповатым. Но, принимая во внимание истерическое состояние Гвен, это казалось единственным выходом.

Крис немедленно с большим увлечением начал готовиться к действию и был даже несколько удивлен, обнаружив, что получает большое удовольствие от сознания, что делает что-то нужное. И хотя он непрестанно напоминал себе, что в это время бедняга Гвен переживает все муки страха, чувство радости не покидало его.

Оживленный обмен телеграммами с мистером Хоудом привел этого молодого человека в Лондон. Крис тщательно и подробно объяснил ему ситуацию и уговорил его помочь Гвен. Затем они нанесли визит Ротбергу, и Крис искусно навел разговор на шантажистов и на то, как с ними следует обходиться. Ротберг был высокого мнения о своей юридической осведомленности, и ему приятно было поразить юнцов своими знаниями. Он, ничего не подозревая, пошел на приманку и прочел им крайне ценную лекцию на эту тему.

— Ну как, вы все поняли? — торжествующе сказал Крис, когда они вышли из конторы.

Хоуд кивнул.

— Смотрите, ничего не забывайте, а главное, не перегрывайте.

Через несколько дней Крис с Хоудом и со взятым на прокат диктофоном сидели за большой кожаной ширмой в гостиной Гвен. Они услышали, как вошел «Джим», и у Криса сердце екнуло от дурных предчувствий, когда он услышал растерянный голос Гвен и понял, что она совершенно забыла все его наставления относительно того, что ей следует говорить. К счастью, со стороны «Джима» все шло гладко, как по-писаному, и вскоре Гвен стала очень искренне умолять о возврате писем. Они услышали, как

«Джим» извлек их из кармана и предложил возвратить их за тысячу фунтов. Они услышали также, как он стал угрожать, что, если она не заплатит, он «покажет их тем, кому она навряд ли хотела бы их показывать».

Вслед за этим Крис и Хоуд театрально появились с диктофоном из-за ширмы, разыгрывая роли юриста и детектива из Скотленд-Ярда.

К счастью для них, «Джим» оказался жалким дилетантом, он побледнел при одном только упоминании Скотленд-Ярда. Обличающе уперев в «Джима» указательный палец, Крис с облегчением увидел, что наглая морда мошенника приобрела землистый оттенок. Ясно было, что он слишком перетрусил, чтобы обратить внимание на то, что и «юрист» и «детектив» слишком молоды и что «детектив» считал своей обязанностью грозно хмуриться и пощелкивать наручниками. Крис немедленно воспользовался всеми выгодами положения.

— Слушайте, вы! — сурово сказал он. — Предлагаю вам выбор. Или вы сейчас же отдадите письма и обязуетесь никогда не беспокоить эту даму, или мы вас арестуем. Ну-те-с?

«Джим» не заставил просить себя дважды. Он протянул письма и шагнул к двери.

— Стойте! — воскликнул Крис. — Погодите-ка минутку! — и, обращаясь к Гвен: — Не откажитесь посмотреть, миссис Мильфесс, все ли письма тут.

— Все,— с дрожью в голосе сказала Гвен.

— Тогда бросьте их в огонь.

Он снова обратился к съежившемуся от страха «Джиму».

— Запомните: у нас имеются против вас улики. Если вы когда-нибудь посмеете побеспокоить миссис Мильфесс или хотя бы упомянуть о том, что произошло, эти улики будут представлены в суд. А теперь ступайте!

И «Джим» ушел.

— Он не посмеет больше беспокоить вас. Да, собственно, и не сможет — теперь, когда письма уничтожены,— сказал Крис, обращаясь к Гвен. — Но, черт возьми, я рад, что все это кончилось! Представьте себе, если бы он разоблачил нас, а не мы его! В хорошенькую бы мы попали переделку!

— Как мне вас благодарить...— заискивающе начала Гвен; весь ее страх прошел, и женский инстинкт снова выступил на первый план. — Вы были великолепно, изумительны. Чем смогу я вас отблагодарить?

Крис великодушно отверг скрывающееся в этих словах

предложение. У него не было никакого желания снова начинать эту канитель.

— Благодарить не за что, — деловито сказал он. — Как вы мне сами говорили, это случилось по моей вине. Надеюсь, я несколько искупил ее. А теперь, если вы не возражаете, нам надо идти...

Гвен проводила их до передней.

— Я не могу отпустить вас так! — с упреком в голосе сказала она. — Может быть, вы оба придете пообедать ко мне сегодня?

— Мистеру Хоуду необходимо вернуться в колледж, — поспешно сказал Крис. — А я, к сожалению, занят.

— Но ведь мы еще встретимся с вами? — взмолилась Гвен.

— Ну, конечно! Мы условимся как-нибудь потом, хорошо? А... сейчас нам, право, нужно идти. До свиданья.

Хоуд и Крис решили идти через Кенсингтонский парк. Пережитое ими приключение привело их обоих в возбужденное состояние, и по дороге они оживленно разговаривали: «Вы обратили внимание, что когда я сказал...», «Да, а когда я сказал...» и так далее.

Сомнительно, чтобы хоть один из них отдавал себе отчет, что они соприкоснулись с подлинной трагедией — с трагедией женщины, которая начинает отчаянно цепляться за жизнь, потому что уже не молода и чувствует, что упустила в жизни что-то существенное. Хоуд, во всяком случае, этого не сознавал. Для него весь этот эпизод был не больше, чем студенческой шалостью, особенно ловкой потому, что все сошло так удачно. Ему даже не приходило в голову, что, если бы они наскочили на более опытного, более уверенного в себе мошенника, дело могло бы принять совсем иной оборот, весьма неприятный для всех троих.

В сущности, Хоуд был до крайности прост и наивен. Коммунизм увлек его весьма поверхностно, у него не было ни острого ощущения несправедливости, ни глубоких убеждений. Коммунизм просто встретился ему на жизненном пути — он столкнулся с ним так же, как мог бы столкнуться с чистым эстетизмом, ортодоксальным христианством или идеями империализма. Он был один из тех непритязательных людей, которые любят, которые требуют, чтобы мир состоял из белого и черного. Он готов был приписывать все ошибки, недостатки и разочарования жизни

«капиталистическому строю» и, воспринимая внешний мир с точки зрения определенных формул, мог оставаться слепым к сложностям, тонкостям и скрытым импульсам человеческого поведения.

Что касается Криса, то ему жизненные явления и в частности этот эпизод представлялись далеко не такими простыми. Гвен была ему слишком близка, и он не мог не чувствовать ее боли и унижения. Он не слушал болтовни Хоуда и шел молча, погруженный в размышления. Как случилось, что его жалость к Гвен, его чувство ответственности за нее так легко удовлетворились этой чисто формальной услугой? Почему ему так хотелось отделаться от нее? Конечно, очевидный, обычный ответ: что он уже обладал ею раньше, пресытился и она ему надоела — здесь не годился. Наоборот, после долгих месяцев вынужденного воздержания она казалась ему неотразимо привлекательной и желанной. Ему так хотелось откликнуться на ее откровенный призыв и возобновить свои отношения с ней. Почему же он отверг ее? И почему, несмотря на гневное возмущение плоти, это вызывает у него чувство какого-то ликования?

— Вы меня не слушаете, — пожаловался Хоуд.

— А? Нет, что вы, слушаю. Продолжайте.

Или тут всему причиной возраст? Или Анна? И — будь откровенным, не юли! — может быть, Марта? Может быть. Не потому ли это, что Гвен ужалена страшным жалом старости, — о, она еще далеко не стара, но все-таки уже не молода, — и потому он инстинктивно бежит от нее, подобно тому, как здоровое молодое животное сторонится тех, кому скоро грозит гибель, или бросается на них. Если так — очень жаль! Неужели мы до сих пор во власти этих первобытных инстинктов?

А потом, откуда это чувство глубокого удовлетворения? Ну, это гораздо проще. Я удовлетворен тем, что я сделал. Вместо бесконечных разговоров о том, что следует предпринять, я что-то сделал и сделал это успешно. И потом я доказал Гвен, что я мужчина. Наши отношения были испорчены тем, что мне стало известно, что все это было подстроено заранее и что на меня смотрели как на достигшего половой зрелости младенца, который нуждается в заботе и которого нужно отдать в ясли законного брака. А теперь я доказал Гвен, что могу быть независимым от нее, что она нуждается в моей заботе больше, чем я в ее...

Какое жалкое тщеславие!

Бедная Гвен, бедная Гвен!

Часть III

ОДИН

В редакциях больших газет имеется отдел, который в шутку называют «моргом». Это огромная алфавитная картотека вырезок и заметок о людях, «о которых часто пишут». Для знаменитостей заранее заготовлены некрологи на случай смерти.

Имя мистера Риплсмира, естественно, фигурировало в списке знаменитостей, ибо он был очень богат. К сожалению, тот, кому было поручено написать некролог, несмотря на все старания, не мог найти ничего, что свидетельствовало бы о каких-либо общественных заслугах мистера Риплсмира. Поэтому ему пришлось основательно покөрпеть над составлением заметки на полстолбца, которую, с точки зрения газетной политики, надлежало почтительно посвятить риплсмировским миллионам. Те, кто в свое время прочтут некролог мистера Риплсмира, наверняка найдут там следующий литературный перл:

«Его прирожденная доброта выражалась в теплом радушии, и он любил собирать у себя небольшое, но избранное общество своих близких друзей и угощать их изысканнейшими блюдами и винами, коих он сам был незаурядным ценителем».

Это звучало очень недурно, и, оставляя в стороне неизбежное в печати *suggestio falsi* и *suppressio veri*¹, было довольно точно. Мистер Риплсмир действительно любил вкусно поесть и выпить, и он действительно пригла-

---

¹ Внушение лжи и сокрытие истины (лат.).

шал своих знакомых к столу. С другой стороны, его «прирожденная» осторожность (следуя меткому выражению автора некролога) «питала отвращение к излишним и ненужным расходам». Собственно говоря, он охотно поглощал бы произведения своей кухни и своих подвалов в гурманском уединении, если бы у него не было патологической боязни проводить вечера в холостяцком одиночестве. Поэтому почти каждый день у телефона разыгрывались душераздирающие сцены, пока наконец мистеру Риплсмиру не удавалось залучить одного, двоих или максимум троих продажных любителей ходить по гостям, которые в обмен на бесспорно прекрасный обед соглашались помочь мистеру Риплсмиру и выносить скуку его общества до полуночи.

Таким образом случилось, что мистер Чепстон и Крис были приглашены к обеду, причем для Криса это было скорее приказание, чем приглашение.

Мистер Чепстон сговорился встретиться со своим бывшим учеником примерно за час до обеда в библиотеке. Ему нужно было сообщить Крису забавную новость. Выяснилось, что, следуя движению своей симпатичной души, мистер Риплсмир решил, поелику возможно, обмануть ожидания своих наследников и завещать обществу свой городской дом и все движимое имущество: это должно было называться библиотекой и музеем имени Риплсмира.

— Его мысль,— сказал мистер Чепстон, тихонько пофыркивая,— заключается, по-видимому, в том, чтобы оставить на содержание «музея» недостаточную сумму денег, так, чтобы часть расходов по его содержанию лежала вечным бременем на налогоплательщиках. Это, согласитесь сами, ловко придумано. По крайней мере часть населения никогда его не забудет, хи-хи-хи!

— Неужели вы думаете, что лондонский муниципалитет или какое бы то ни было другое учреждение примет такое мифическое наследство?

— Этого можно добиться,— задумчиво сказал мистер Чепстон,— хотя ему, может быть, и придется несколько раскошелиться.

— Но, боже милосердный! — воскликнул Крис, вскакивая со стула и принимаясь расхаживать по комнате,— какая от этого может быть польза для общества?

Мистер Чепстон хихикнул и захлопал глазами наподобие филина.

— Я могу только привести подлинные слова нашего высокочтимого друга,— сказал он.— По его мысли, этот дом будет представлять исторический интерес. Он покажет обстановку и образ жизни частного лица — джентльмена двадцатого века, то есть дом будет примерно тем же самым, чем Дворец Даванцати является для средневековой Флоренции. Коллекции будут распределены по теперешним парадным комнатам. А гравюры и книги будут предоставлены в распоряжение избранного числа ученых...

Крис остановился и стукнул кулаком по столу.

— Он рехнулся,— сказал он выразительно,— или, хуже того, страдает манией самовлюбленности, которая заставляет его разыгрывать благодетеля человечества, чтобы удовлетворять свое тщеславие ныне и присно, после своей смерти!

— Не все ли равно, каковы мотивы, если общество извлечет из этого пользу? — тонко заметил мистер Чепстон.

— Ничего оно не извлечет! — в сердцах воскликнул Крис.— Все это сплошной блеф. Эта библиотека — красивый зал, но ее содержимое стоит не больше, чем склад подержанных книг. Это не настоящая библиотека: это огромное и беспорядочное собрание разрозненных томов.

— Однако он говорит, что затратил значительные суммы, пополняя библиотеку и прочие свои коллекции.

— Лучше бы он затратил хоть немного вкуса и знаний! — воскликнул Крис по-прежнему возмущенно.— А его так называемые коллекции — всего лишь собрание дорогого старья. Конечно, для антикваров они представят большую ценность, но они не выражают ничего, кроме покупательной способности Риплсмира...

— Сядьте и выслушайте меня,— серьезно сказал мистер Чепстон.— Сядьте. Вот так. А теперь, вот что я скажу вам, милый мой мальчик. Может быть, вы и правы, но, конечно, что бы мы с вами не говорили и ни делали,— его решение от этого не изменится. Он просто-напросто найдет себе кого-нибудь еще. Здесь перед нами очень богатый человек, на которого можно повлиять. Почему бы нам не использовать хоть часть его богатства на наши более высокие цели?

— Потому что это невозможно,— решительно отрезал Крис.— Нам помешают его тщеславие и глупость. Я уже пытался. У меня был план сделать его библиотеку центром по изучению истории, с тем чтобы использовать это и для изучения современности. Нечто вроде справоч-

ной библиотеки для специалистов и в то же время небольшого идейного центра рационализации жизни. Вы знаете, что я имею в виду. Так вот, я тщательно разработал подробную схему и изложил ее ему во всех деталях. Думаете, он хотя бы выслушал меня? Как же! Он «пришел в ужас» от моих «разрушительных идей», решил, что я хочу «лишить жизнь всякой романтики», и отверг мой план как «опасные или даже вредные глупости». Мои глупости, позвольте добавить, состояли в том, что я исходил из мысли, что человеческое знание не должно использоваться бессовестными личностями и группировками для порабощения человечества, а должно быть направлено на организацию человеческой свободы и счастья. А это, по мнению мистера Риплсмита и его слишком многочисленных единомышленников, вредные глупости!

— Ну, ну,— успокоительно заворковал мистер Чепстон.— Это, конечно, огорчительно; но ведь вы добивались, чтобы он давал деньги, чтобы уничтожить себя и себе подобных, не так ли? Возможно, что ваш план несколько честолюбив и вы возлагаете на него слишком большие надежды. Откуда вы знаете, что люди захотят жить рационально, если даже им дадут к тому все возможности?

— Так вот и нужно им дать эти возможности.

— Во всех этих грандиозных планах рациональных реформ есть один недостаток,— сказал мистер Чепстон, с досадой потирая переносицу.— Человек — животное неразумное. Можно сказать, перефразируя доброго старого Монтеня, что человек, в сущности, до невозможности своенравен и чертовски упрям. Если бы вам, как мне, пришлось командовать отрядом, вы бы знали, как трудно заставить выполнять самые простые и логичные требования воинского устава даже на фронте, где ты облечен всей полнотой власти.

— Однако ваш Платон говорит, что людей можно признать цивилизованными лишь поскольку они слушаются разумных внушений,— возразил Крис.

— Значит, люди еще не стали цивилизованными в платоновском смысле слова,— отпарировал мистер Чепстон.— Человеческую природу не переделаешь.

— Это я, кажется, слышал и раньше. Но,— саркастически добавил Крис,— неужели вы не согласитесь, что все это не так уж безнадежно? Взять, например, вас. Вы не раз рассказывали мне, что в двадцать лет самым большим проявлением вашей военной доблести было то, что вы в весьма бравурном стиле разыгрывали Генриха V. Но еще

до тридцати лет вы стали образцовым солдатом. А за последние несколько лет вы сделались одним из самых популярных профессоров-классиков. Можно ли представить себе более поразительную метаморфозу?

Мистер Чепстон снова потер переносицу.

— Об этом мы поговорим после. Я возражаю против такого рода аргументов,— сказал он.— Пока у нас в распоряжении осталось несколько минут, мне хотелось бы узнать что-нибудь о вас. Что вы тут делали? Какие у вас планы?

— Повесть обо мне коротка, но не поучительна,— сухо сказал Крис.— Большую часть своего времени я теряю здесь, в обмен на два фунта в неделю. Занимаюсь в музее. Сдал экзамены для поступления экстерном в Лондонский университет. Ушел от одной женщины, которая мне нравилась, потому что она готова была дать мне слишком много, и от другой, потому что она готова была дать мне слишком мало. Наконец, собираюсь перейти на другую работу.

Мистер Чепстон кашлянул и замигал по-совиному. Он ненавидел этот «современный» обычай откровенно и, можно сказать, цинично распространяться о своих любовных историях. В нашем несовершенном мире эти вещи неизбежны, но зачем говорить о них, зачем выставлять болячки напоказ? К сожалению, он не дал Крису возможности пояснить, зачем он это делает, ибо обошел тему молчанием и спросил:

— Какую именно работу?

— Преподавание в частной школе.

— Глупо! — захихикал мистер Чепстон.— Скучная рутина. Вы этого не вынесете. Ваши способности,— конечно, пока еще разбросанные, неоформившиеся,— должны быть использованы совсем не в этом направлении. Вы могли бы преуспеть в качестве журналиста или редактора, или даже политического оратора радикального толка, но в качестве преподавателя — никогда!

— Ну что же, черт возьми, мне делать! — сказал Крис.

— У вас под боком гораздо более соблазнительная возможность. Я фактически уговорил Риплсмира. Он назначит вас хранителем своего — пусть, бессмысленного — мемориального музея. Но, милый мой мальчик, его безумие — ваше счастье. После его смерти у вас будет триста фунтов в год, квартира в этом доме и неограниченное количество свободного времени. Это лучше, чем преподава-

ние. А пока что можете жить здесь, обедать за его столом и получать ваше теперешнее жалованье.

— И зависеть от его настроений и прихотей до конца его жизни? Как приятно!

— В частной школе вы будете в гораздо большей зависимости от настроения директора,— возразил мистер Чепстон.— К тому же вам, может быть, не придется долго ждать. Эти неврастенические эгоисты часто совершенно неожиданно отправляются на тот свет.

— Противно ожидать смерти человека, чтобы воспользоваться его богатством,— с отвращением сказал Крис.

— Пустяки. Такова уж природа человеческая. Все мы делаем это. Да ведь если бы люди не умирали, никому из нас не было бы места в мире. Но что вы скажете на это маленькое предложение?

— Нет,— просто сказал Крис.

— Нет? А? Что вы хотите сказать?

— Я хочу сказать «нет».

— Ну вас, совсем, к черту! — возмутился мистер Чепстон, не будучи в состоянии вспомнить ни одного вежливого ругательства и не желая прибегать в присутствии молодежи к армейскому словарию.— Ничего не понимаю.

— Разве это необходимо?

— Что за глупое упрямство! — запальчиво воскликнул мистер Чепстон.— Неужели вы отказываетесь от пожизненного жалованья, которое вам будут платить за то, что вы ничего не будете делать?

— Но я хочу сначала что-нибудь делать, а потом уж получать жалованье.

— Вы сможете делать все что угодно — читать, заниматься. Вы могли бы изложить свои мысли в книге. Мы можем написать ее совместно и напечатать в университетской типографии.

Тон мистера Чепстона был почти умоляющим. Он мечтал увидеть себя в печати. К несчастью, как большинство подобных ему людей, он, владея формой, страдал отсутствием содержания. У Криса было содержание, хаотическое, не оснащенное мудростью и проницательностью, но все же содержание. Мистер Чепстон представил себе, как он облекает формой содержание Криса. Совместный труд. Чепстон и Хейлин о цивилизации. Разве не разумелось само собой, что все заслуги подобного труда будут, естественно, приписаны старшему из соавторов?..

— Но я не хочу писать никакой книги,— в отчаянии сказал Крис.— И так уж их написано слишком много.

Каждый болван считает своим долгом давать миру советы. В ту самую минуту, как мы разговариваем с вами, сотни писак лихорадочно или в самодовольном умиротворении спасают мир — на бумаге. К черту книги. Дайте нам факты и действия!

Мистер Чепстон был скандализован, парализован, уязвлен в самое сердце своего профессорского естества.

— Это невозможная ересь! — пробормотал он. — Это...

Ему так и не удалось воспользоваться случаем проявить свой талант красноречия, потому что знакомый голос протрещал у него над ухом:

— Дорогой мой, как вы поживаете? Рад вас видеть...

Разумеется, то был мистер Риплсмир, в коричневой бархатной визитке, с орхидеей в петлице, загадочный, ослепительный.

— Только разрешите мне не прерывать вас! — воскликнул мистер Риплсмир, не давая им обоим возможности сказать и слова. — Продолжайте ваш диспут. Я так люблю слушать ваши разговоры. Для меня просто наслаждение присутствовать при интеллектуальных беседах. Как я завидую вам — постоянное воодушевление, широкие взгляды, величественные перспективы, франкмасонство и содружество эрудиций. Прошу вас, продолжайте вашу беседу и разрешите мне послушать.

Это внушало тревогу. Мистер Чепстон похолодел от ужаса, сообразив, — слишком поздно, — что мистер Риплсмир, может быть, подслушивал в замочную скважину. С этими старыми лисицами никогда нельзя знать... Крис пришел ему на выручку.

— Мы обсуждали вопрос, как следует поступать молодому человеку в наше время — стремиться ли ему к обеспеченному безделью или к безвозмездной деятельности, — сказал он, невзирая на отчаянные знаки, которые ему делал мистер Чепстон, умоляя его не держаться так близко к истине. Но не было никакой опасности, что мистер Риплсмир поймет, о чем идет речь.

— Что за неожиданная тема для двух культурных людей! Вы меня разочаровали, простите меня, — поклонился он мистеру Чепстону, — если я позволил себе так выразиться. Спускаясь к вам, я рассчитывал принять участие в пиршестве науки. Я представлял себе, что вы беседуете о нашем славном культурном наследии, о Римской империи или о Медичи. Ах! Медичи! Какие чудные эти Медичи!

— То были великие коллекционеры, не правда ли? — спросил Крис, по возможности наивно.

Мистер Чепстон хихикнул и сделал вид, что чихает. Мистер Риплсмир стоял, раскрыв рот, его рука застыла в ораторском жесте. Очевидно, решил Крис, как только мистер Риплсмир оправится от удивления, они услышат немало о Медичи. Их спасла небольшая интермедия домашнего характера.

— Обед подан, сэръ,— объявил дворецкий, торжественно кланяясь в дверях.

Это безобидное сообщение, обычно принимавшееся с гордостью, на этот раз, по-видимому, привело мистера Риплсмира в ярость.

— Обед? Уже? Что вы хотите сказать? Где же херес, который я заказал? Почему его не подали?

— Херес был подан полчаса тому назад, сэръ, в голубую гостиную, как вы изволили распорядиться, сэръ.

Это резонное объяснение только еще больше расстроило мистера Риплсмира.

— А не могли вы сообразить, что я здесь, а не в голубой гостиной? Где у вас голова? Не могли вы сообразить, что я хотел выпить херес со своими друзьями, а не дать ему торжественно испаряться в какой-то там гостиной, все равно, зеленой, розовой или голубой? Силы небесные, вечер испорчен, испорчен!

Дворецкий пребывал в невозмутимом молчании. Крис наклонил голову, чтобы скрыть улыбку; мистер Чепстон сочувственно клохтал.

— Но, мой дорогой друг,— укоризненно сказал он,— что же тут, собственно, произошло такого? Разве это уж так важно?

— Важно? Да это трагедия! — воскликнул мистер Риплсмир.— Вы ничего не понимаете. Этот херес бесценный, единственный в своем роде. Бутылка так называемой «Лакрима Кристи»¹, вина, которое виноторговцы оставляют для себя. Знаете, первый безупречный сок винограда. Я благоговейно, не выпуская из рук, вез его из Хереса, чтобы вы могли его отведать!

— Это очень любезно и гостеприимно,— сказал мистер Чепстон,— но я не понимаю...

— Да нет, вы понимаете, вы должны понимать! Вся симфония обеда была построена так, что эта бутылка должна была служить вступительным аккордом. Если мы задержимся и начнем с хереса, обед перестойтся. Если

---

¹ Слезы Христовой (лат.).

мы выпустим херес, вся гармония превратится в уродливый диссонанс! И все из-за ослиного тупоумия этих слуг.

Мистер Чепстон встал, положил ласковую, но обуздывающую руку на бархатное плечо мистера Риплсмита и изрек суждение, достойное самого Соломона.

— Положение может быть спасено,— внушительно сказал он.— Идемте прямо к столу, пусть нам немедленно подадут херес, и мы *выпьем его за супом!*

Однако, если бы мистер Чепстон был умным человеком и действительно знал Риплсмита так хорошо, как ему казалось, он не отнесся бы к этому эпизоду с хересом как к незаслуживающему внимания пустяку. Без сомнения, для всякого нормального, уравновешенного человека это и было бы пустяком. Но хотя мистер Риплсмит до сего времени попирал интересы общества, пребывая вне заведения для умалишенных, вряд ли даже он сам считал себя вполне уравновешенным. Мистер Чепстон должен был бы понимать, что этот взрыв по поводу бутылки хереса означает, что мистер Риплсмит сегодня не в духе, а следовательно, в особенно неуравновешенном состоянии, в котором он, по всей видимости, будет пребывать до конца вечера. Ясно, что ситуация не была такова, чтобы просить еще об одном благодеянии для себя и для Криса.

Эта непредусмотрительность объяснялась тем простым обстоятельством, что мистер Чепстон находился под тиранической властью своего собственного благорасположения. Мы гораздо больше привязываемся к тем, кому мы благодетельствуем, нежели к тем, от кого принимаем благодеяния. Ясное дело, всякому приятней чувствовать себя сильным, чем питать благодарность к другим. Правда, по своей мудрости и осторожности мистер Чепстон, естественно, отказался помочь Крису за свой счет и так, как этого хотелось самому Крису. Но он хотел, он просто-таки жаждал помочь Крису за чужой счет в том, чего Крису вовсе не хотелось. Вкусив радостей покровительственного благорасположения, мистер Чепстон встал на роковой путь оказывания Крису услуг.

Мистер Чепстон немедленно приступил к атаке, прозявляя при этом то, что ему самому казалось верхом хитроумия. Он с почти мелодраматическим благоговением поднял стакан и понюхал вино с восторженным «ах!». Он отпил крошечный глоток и закрыл глаза, точно захлебываясь от эстетического блаженства. Желая убедиться, что мистер Риплсмит заметил его игру, он открыл глаза, затем сделал еще глоток, поворачивал языком во рту, вытя-

нул губы наподобие утиного зада, по всем правилам гурманского стиля, издал короткий чавкающий звук — нечто вроде «Чап, чап, чап, чап, чап». Затем с глубокомысленно сосредоточенным видом проглотил вино и безмолвно поднял глаза к небу.

Мистер Риплсмир созерцал эти знаки одобрения с удовлетворенным тщеславием. Судя по тому, какой личный интерес он проявлял к триумфу своего хереса, можно было подумать, что он был той самой виноградной гроздью, из которой добывали вино, а не просто покупателем ее перебродившего сока. Но тщеславие мистера Риплсмита не довольствовало знаками и жестами, хотя бы самыми недвусмысленными. Ему нужны были слова, медоточивые слова, целые соты и ульи льстивого меда.

— Ну, дорогой мой, что вы об этом скажете? Недурное винцо, а?

— Винцо! — воскликнул мистер Чепстон с притворным возмущением. — Мой дорогой Риплсмир, хоть вы и мой радушный хозяин, — поклон, — и человек, к которому я питаю глубочайшее уважение, — еще поклон, — я не позволю вам так легкомысленно оскорблять бога. Дионис протестует устами самого ничтожного из своих приверженцев. Это не винцо, а великое вино, благородное вино, крепкое, вкусное, солнечное вино, вполне достойное своего благородного виночерпия.

— Рад слышать это от вас, — отозвался мистер Риплсмир, очень довольный. — Как правило, я не пью хереса в Англии. Обычно это дрянное пойло, смешанное для крепости с плохим коньяком. *Такого* я у себя в подвалах не держу. Но это настоящий херес. Конечно, я не такой знаток, как вы, дорогой мой, ибо ваш вкус воспитан на великолепных винах колледжа, но...

— Вы безошибочным чутьем находите вина, намного превосходящие все, что имеется в колледже, — тонко вставил мистер Чепстон.

— Вы мне льстите, вы мне льстите...

Крис внимал этому словоблудию со все возрастающим презрением и негодованием. В знак протеста он взял и вылил свой стакан священного хереса прямо в суп.

— Дорогой мой! — воскликнул мистер Риплсмир, в ужасе вздевая руки.

— Варварство! — сказал мистер Чепстон.

— Потрясающее филистерство поколения, развращенного наукой! — сказал мистер Риплсмир.

— Простите им, ибо они не ведают, что творят, — из-

виняющимся тоном сказал мистер Чепстон, хмурясь на Крису, чтобы призвать его к порядку.— В конце концов, мой дорогой друг, учтите, что всего лишь какой-нибудь год прошел с тех пор, как наш юный протеже был спасен от ужасов имбирного пива и крем-соды. Вы, воспитанный в цивилизованном обществе, не можете знать, какие соблазны вульгарности окружают современную молодежь. Едва спасшись от Сциллы крем-соды, они попадают к Харибде коктейля. «Horresco referens»¹. А между тем меньше ценить вино — это награда зрелого возраста. Когда женские чары перестают волновать нас,— мистер Чепстон, очевидно, говорил о них понаслышке,— солнце бутылки восходит в золотом сиянии на нашем горизонте. И неужели правда,— продолжал он, делая переход по всем правилам аристотелевой риторики,— неужели правда, что вы сами привезли эту великолепную бутылку из Испании?

— Совершенная правда,— сказал мистер Риплсмир, ерзя в кресле, ибо господь поразил его геморроем, и сегодня у него как раз был приступ.— Совершенная правда. Я пронес ее через все таможи, как чашу святого Грааля, о которой бедный милый Теннисон написал столько глупостей.

— Я сам собираюсь вскоре поехать в Испанию,— сказал мистер Чепстон с деланной небрежностью.

— В самом деле?

Теперь, когда разговор шел не о нем и не о великолепии его угощения, мистер Риплсмир был способен выказать лишь самый поверхностный интерес.

— Камбала «Tante Marie»!²— воскликнул мистер Чепстон, прерывая самого себя.— И Монтраше двадцать первого года! Мой дорогой друг, это же царский, это же лукулловский пир!

— Вы одобряете? Рад это слышать,— сказал мистер Риплсмир, болезненно ерзя на стуле.— Гардинер! Принесите мне еще одну подушку!

— У нас есть долг перед молодым поколением,— мечтательно сказал мистер Чепстон.— У нас есть долг перед цивилизацией — не дать заглохнуть Традиции.

— Она умрет вместе с нами,— мрачно сказал мистер Риплсмир.— В наше время всякий человек моложе тридцати лет — потенциальный большевик. А девушки, с их

---

¹ Трепещу, говоря об этом (лат.).

² Тетушка Мари (фр.).

ужасным загаром и полным отсутствием светских манер, просто отвратительны.

— Безусловно, у молодого поколения по сравнению с нами вкуса не хватает,— сочувственно сказал мистер Чепстон.— Но это не освобождает нас от нашего долга. Мы должны пытаться воспитать их. У меня, как у воспитателя-профессионала, есть все основания смотреть на это пессимистически, и однако же, я упорствую. Почему?..

— Потому что вам за это чертовски хорошо платят,— вполголоса пробурчал Крис.

— Потому что я все еще надеюсь,— ответил мистер Чепстон на свой собственный риторический вопрос, оставив без внимания реплику Криса.— И вот, мой дорогой друг,— разрешите мне выпить за ваше здоровье этого великолепного белого бургундского,— я собираюсь попросить вас об одном небольшом одолжении. С вашего разрешения я хочу предложить нашему юному другу принять участие в моем путешествии.

Мистер Риплсмир подавился камбалой и благовоспитанно приложил к губам салфетку.

— Эстетическое паломничество лучше всего совершать одному,— сказал мистер Чепстон.— Одиночество благоприятствует размышлению, как говорит наш славный Уолтер Пейтер. Так что, как видите, я прошу об этом не ради себя, а ради него.— Мистер Чепстон блаженно упустил из виду, что приглашает Криса просто из боязни одиночества: тот молодой человек, которого он хотел взять с собой, не смог поехать, и вот он придрался к случаю оказать Крису еще одно благодеяние.— Что вы на это скажете, Крис? Хотелось бы вам поехать?

— Ну что ж,— равнодушно сказал Крис, но потом, подумав, что в конце концов старый чудак старается сделать ему приятное, и сообразив, что эта экскурсия поможет ему безболезненно перейти на новую службу, добавил более сердечным тоном: — Вы очень добры, что приглашаете меня. Мне это будет очень приятно.

— Ну вот! — торжествующе сказал мистер Чепстон.

— А теперь, как скажет наш любезный хозяин?

Мистер Риплсмир метнул на него нескрываемо-злой взгляд. Он терпеть не мог, когда его обманным путем вынуждали оказывать благодеяния.

— О! Ну еще бы! — воскликнул он.— Непременно. Я в восторге. Дорогой мой, я...

Даже его обычное многословие изменило ему в этот момент крайнего раздражения. Черт побери, нахальство

этого субъекта — мало того что он уклонился от почетной задачи привести в порядок знаменитые коллекции и подсунул своему старому другу невежественного и дерзкого ученика, которому нужно платить; так нет, он еще бес тактно злоупотребляет его гостеприимством, чтобы выпросить для этого свиненка платный отпуск. Верный высшим джентльменским инстинктам, мистер Риплсмир попытался замаскировать свои страдания улыбкой, но ему удалось только оскалить зубы в исключительно уродливой гримасе. Мистер Чепстон сидел в безмолвном замешательстве: он только сейчас понял, какой совершил промах.

На его счастье, подоспела новая перемена блюд.

— *Pâté de foie gras*¹, трюфели и салат из сельдерея! — взволнованно воскликнул он. — Я тронут, что вы вспомнили мои маленькие слабости. Не говорите мне, что вы собираетесь пожертвовать бутылкой этого великолепного Мутон-Ротшильда двадцать четвертого года!

— Да, — сказал мистер Риплсмир, смягчившись, но все еще надутый.

Мистер Чепстон поднял руки, показывая, что не находит слов для выражения своих чувств, и хихикнул с гастрономическим вожделением. Дворецкий разлил вино почтительно, словно священнодействуя.

— Чап, чап, чап, чап, чап, — сказал мистер Риплсмир.

— Недурная бутылочка? — деликатно намекнул мистер Риплсмир.

— Великолепная! — сказал мистер Чепстон, несколько преувеличивая обязательный экстаз. — Изумительное вино, абсолютно *au point*².

Они клохтали над вином, как две курицы над яйцом. Мистер Риплсмир волновался по поводу заправки салата. Не многовато ли в нем куантро? Нет, по мнению мистера Чепстона, как раз в меру...

До сих пор Крис сидел почти в полном молчании, говоря только, когда к нему обращались, скрывая свою скуку, как и подобает молодому человеку в присутствии уважаемых старцев. Но теперь начало сказываться еще одно последствие непредусмотрительности мистера Чепстона. Он совершенно упустил из виду, что эти крепкие натуральные вина, которые только размягчали парочку старых пьяниц, немедленно подействуют на мозг юнца, просидевшего два или три месяца на голодной диете. Сдержанность Криса таяла, как воск от огня.

¹ Страсбургский пирог (фр.).

² В самую точку (фр.).

— Что вы собираетесь делать в Испании? — весьма вызывающе спросил он Чепстона.

В первое мгновение мистер Чепстон растерялся, ошеломленный этим прямым вопросом.

— Я уже сказал, собираюсь совершить эстетическое паломничество, — вкрадчиво ответил он.

— И опишете его под заглавием «По стопам Карла Бедекера»?

Мистер Риплсмир ахнул.

Мистер Чепстон ахнул.

— *Lèse culture*¹.

— Это будет весьма поучительно для вас, дорогой мой, — сказал мистер Риплсмир, тотчас из свойственной ему сварливости меняя свое отношение к этому делу. Теперь, когда оказалось, что Крис, по-видимому, не хочет совершать эстетическое паломничество, нужно было его заставить.

— И для меня также, — добавил мистер Чепстон со смирением умудренного опытом эрудита. — Мы увидим изумительные вещи — Бургос, Толедо, Вальядолид, Хиль де Силоэ, Берругете, Эль Греко, Веласкес...

— Что это такое? — перебил Крис, разыгрывая дурачка. — Тоже виноградные вина, что ли? Какой ужас! Оказывается, воспитание джентльмена никогда не бывает законченным.

В этот критический момент чувство юмора изменило мистеру Чепстону, и он не сообразил, что Крис демонстративно над ним потешается.

— Вздор! — сердито сказал он. — Соборы, великие художники. Не станете же вы говорить мне, будто никогда не слыхали о Веласкесе и Эль Греко?

— Да, имена как будто знакомые, — дурашливо сказал Крис. — Это, кажется, двое голливудских комиков, которые выступают всегда в котелках, так, что ли?

— Дорогой мой! — воскликнул мистер Риплсмир, — вы делаете мне больно. А я-то считал вас человеком образованным! Считал вас влюбленным в Красоту, Искусство, Утонченность! Или у вас нет никакого уважения к великим именам?

Мистер Чепстон ослабился, догадавшись наконец.

— Он потешается над нами, — объяснил он, шутливо грозя Крису пальцем.

---

¹ Оскорбление культуры (фр.).

— Э! — сказал мистер Риплсмир.— Что, что? Я не понимаю этих грубых шуток, не одобряю их, не люблю их.

— Нет, серьезно,— сказал Крис,— что это за преклонение исключительно перед мертвым искусством прошлого? Какова ценность «культуры», состоящей всего лишь из собрания мертвых костей мертвых цивилизаций? Разве не существует живого искусства? Разве нет живых творческих центров?

— Может быть, Чикаго? — насмешливо заметил мистер Чепстон.

— Почему бы и нет?

— Или, может быть, Москва? — злорадно подсказал мистер Риплсмир.

— Опять-таки — почему нет? — не сдавался Крис.— В конце концов они строят будущее, а не живут паразитически за счет прошлого.

— Вандализм! — вскричал мистер Чепстон.

— Возмутительно! — возопил мистер Риплсмир.

Блюдо перепелок под виноградным соусом и бутылка могучего Шато Го-Брион 1911 года отвлекли внимание этих гастрономо-софистов от еретических суждений Криса. Они чавкали и смаковали с превеликим усердием. После бокала этого вина Крис утратил последние остатки скромности.

— Нелепость? — возмущенно сказал он.— Нелепость — это наше общество. Вот мы сидим здесь, за этим пиршеством Тримальхиона, за этой бессмысленной демонстрацией расточительности, в то время как миллионы людей даже в нашей стране не могут наесться досыта.

— Дорогой мой! — сравнение с Тримальхионом глубоко оскорбило мистера Риплсмистра.— Какие ужасно неприятные вещи вы говорите! Разве это необходимо? Разве это вежливо? Зачем нарушать гармонию нашего вечера подобными циничными заявлениями? И потом, я этому не верю. В наши дни никто не голодает.

— Быть может, у нас не умирают с голоду или непосредственно от истощения, возможно,— сказал Крис.— Но если вы не знаете, что миллионы людей недоедают и доведены вследствие этого до почти нечеловеческого состояния, — тогда вы ничего не знаете!

— Я отказываюсь этому верить,— сказал мистер Риплсмир в сильном волнении, тогда как Крис упрямо отказывался замечать знаки мистера Чепстона, который призывал его к молчанию.

— Вы могли бы найти сколько угодно примеров не дальше чем за милю от этого дома,— упорствовал он.

— Решительно, нынешняя молодежь преступает все правила приличия,— сказал мистер Риплсмир, обращаясь к своему старшему собутыльнику.— Они вечно ноют, они действуют мне на нервы. Вы знаете, как я чувствителен, вы знаете, что одна только мысль о страданиях терзает меня. Успокойте меня, дорогой мой, успокойте меня. Я не смогу проглотить ни крошки, пока меня не успокоят.

— О, я уверен, что дело обстоит вовсе не так уж плохо,— неопределенно сказал мистер Чепстон, хмурясь по адресу Криса.— В конце концов ведь существуют же пособия, и благотворительность, и... и все такое. Он преувеличивает.

— Вы так думаете? Вы так думаете? — с живостью спросил мистер Риплсмир.— Я верил, что все эти проблемы разрешены раз навсегда. Не дальше как на прошлой неделе здесь был епископ Бемчестерский, и я просто умолял его, чтобы он сказал мне всю правду о своей епархии, и он заверил меня, что сейчас нет подлинно нуждающихся, которые не получали бы всего необходимого.

Подали шампиньоны в сырном соусе с шато-лафитом 1904 года. Крис чувствовал, что лицо у него пылает, а в ушах стоит легкий звон. Мистер Чепстон продекламировал отрывок из пиндарической оды к бутылке, которую он никак не хотел отпустить от себя. Выпив еще один или два бокала, мистер Риплсмир пришел в настроение патетическое и благочестивое.

— Дорогой мой, иногда мне кажется, что я зажился на свете,— сказал он, обращаясь к мистеру Чепстону.— Не понимаю я этого нового поколения. И, откровенно говоря, не очень-то к этому стремлюсь. У них нет ни воспитанности, ни остроумия, ни моральных устоев, ни идеалов, ни веры, ни бога.

— Может быть, вернее было бы сказать, что у них нет денег? — вмешался Крис.— Будь у них деньги, все остальное приложилось бы.

— Вот, вот! Неприкрытая грубость и цинизм! Сейчас, когда мы наслаждались этим скромным небольшим обедом...

— Этим чудом тонкого вкуса и гостеприимства,— с поклоном вставил мистер Чепстон.

— Вы слишком добры! — мистер Риплсмир ответил поклоном на поклон.— Так вот, вместо того чтобы оскорблять наши лучшие чувства неуместными упоминаниями о

canaille¹, разве не мог бы наш юный друг принять все это с благодарностью? Его рассуждения — это чистейшее пуританство, хуже того, атеизм! Он бросает вызов провидению. По милости провидения мы вкушаем здесь вкусную полезную пищу. Что ж в этом плохого? Разве Создатель не наш отец? И кто запретит отцу питать своих детей?

— Тогда зачем же он позволяет столь многим из них голодать? — спросил Крис.

На столе появились большие серебряные корзины с парниковыми фруктами, орехи, графины с портвейном и ликером.

— Мне это современное атеистическое позерство ненавистно, просто ненавистно, — сказал мистер Риплсмир, передергиваясь. — Это должно быть позерство. Это не может быть искренне. Как могло бы все существовать без бога? Даже наука признает это. Существуют всемирные законы, говорит наука. А как они могли бы существовать без всемирного законодателя?

Крис расхохотался от всей души.

— Кто вдохнул в нас дух живой? — продолжал мистер Риплсмир почти слезливо. — Кто наделил нас бессмертной душой? Когда я думаю о чуде своего собственного бытия, я не могу представить себе этого без участия силы и благодати божьей!

— А я могу, — сказал Крис. — Вы не читали Нидхема о тритонах и головастиках?

— Чертовски хороший портвейн, — сказал мистер Чепстон. — Чап, чап. Древние написали целую кучу о вине. Они все приписывают его божественному влиянию. Я голосую за бога.

— Лукреций не признавал бога, — сказал Крис.

— Он никогда не пил такого портвейна, — тонко заметил мистер Чепстон. — Это бы обратило его. Скажу вам по совести, Криш, вы слишком о многом бешпокоитесь и шовершенно зря. Очень пришкорбная тенденция. Я шоглашен с моим штарым другом Риплсмиром — передайте-ка мне графин!

— Шлушайте, шлушайте! — сказал мистер Риплсмир. — Я шоглашен ш вами, Чепштон, что бы вы там ни говорили. Давайте выпьем за добрые штарые времена и добрые штарые обычаи...

— И доброго старого бога, — докончил Крис.

---

¹ Черни (фр.).

— Напрашно вы думаете, что это так уж остроумно, — сказал мистер Риплсмир, тяжело дыша и уставясь на Криса налитыми кровью совиными глазами. — Но я хотел бы сказать вам только одно. Это, может быть, не очень глубоко, и не очень «регионально», это не одно из ваших ч-чертовски научных з-замечаний, это просто маленькое з-замечание, которое ишходит прямо от шердца. Я говорю, и я знаю, мой штарый друг Чеп-Чепштон поддержит меня, я говорю, ч-человек, который и-не верит в бога, не д-джентльмен!

— Чешное шлово, — сказал мистер Чепстон. — Чертовшки хороший портвейн. Никогда в жизни и-не пивал такого портвейна. Лучший портвейн на швете, и угощает им лучший парень на швете. Но трагедия — графин пуст. Я говорю, Риплсмир, графин ш портвейном пушт. Выпьем мы ещ-ще бу-бутылочку?

— Непременно, дорогой мой, непременно. Гардинер! Ещ-ще бу-бутылку портвейна. Еще бу-бутылку портвейна для дорогого штарого Чеп-Чепштона. Ну, а шкажите, Чеп-Чепштон, вы шоглашны шо мной насчет бога, шо-глашны? Я хочу шказать, ешли вы не верите в бога, то во что вы т-тогда верите? Я хочу шказать, а как же ваша душа? Мне п-плакать хочется, когда я подумаю, что ваша беш-шмертная душа будет пр-роклята...

Крис не слушал больше, он не дождался слез мистера Риплсмира, взволнованных заверений мистера Чепстона по поводу его беш-шмертной души и пылкого брудершафта, разыгравшегося за следующей бутылкой портвейна. Он незаметно выскользнул из-за стола и на цыпочках, пошатываясь, выбрался из комнаты.

ДВА

Во время разговора с мистером Чепстоном в библиотеке Крис требовал фактов и действий. Теперь ему предстояло получить и то и другое. Были ли эти несчастья порождены его безрассудными замечаниями о боге мистера Риплсмира, который решил доказать, что он бог не только широкой жизни, но и мелкой мстительности, или же они заключались в самой природе вещей — это вопрос, на который каждый ответит в соответствии со своими метафизическими воззрениями. Так или иначе, несколько неприятных и приятных фактов собрались подобно гро-

зовой туче и готовы были каждую минуту разразиться над его головой, а собственными действиями он должен был вызвать еще и другие грозы.

Как обычно случается с атмосферными и житейскими грозами, первый удар был сравнительно легким.

В восемь часов утра после веселого небольшого обеда у мистера Риплсмира Крис еще крепко спал, в то время как ему следовало бы уже принять холодную ванну и наполовину закончить бритье. Крайне неохотно он уступил некоей враждебной силе, которая трясла его за плечи, стараясь вывести из сонного состояния.

— Там кто-то спрашивает вас,— сказал голос откуда-то издалека.

Крис сел на постели, мигая по-совиному.

— Что? — тупо воскликнул он.— Где? Который час?

— Там внизу какой-то джентльмен,— сказала крупная непривлекательная особа женского пола, в коей Крис теперь признал свою квартирохозяйку.— У него к вам письмо, он говорит, это очень важно и ему необходимо вручить вам его лично.

— О! — сказал Крис, все еще ничего не соображая.— Какой джентльмен?

— А я почему знаю? Позвать его сюда, что ли?

— Через пять минут,— сказал Крис.— Я сейчас оденусь.

До сознания Криса дошло, что у него слегка болит голова и ему хочется пить. Во всем теле было ощущение какой-то тяжести и разбитости. Лениво выбравшись из постели, он выпил полную кружку воды, почистил зубы, с нескольких попыток смочил лицо и голову холодной водой, выпил еще кружку, принял две таблетки аспирина и сказал себе, что вот сейчас он чувствует себя уже лучше. Затем он вышел на лестницу и крикнул хозяйке, чтобы она прислала к нему посетителя и принесла горячего чая.

Поскольку в том, что накануне вечером он выпил слишком много вина, был виноват сам мистер Риплсмир и никто больше, Крис решил не торопиться. У него прекрасный предлог опоздать на работу. Он подумал, что неизвестный «джентльмен» — должно быть, Хоуд, неожиданно приехавший в Лондон. Велико же было его изумление, когда «джентльмен» оказался одним из лакеев мистера Риплсмира.

— Доброе утро, Роджерс! — воскликнул он. — Какими судьбами вы здесь?

Крису было неприятно, что один из слуг увидел его в этом убогом жилище, — это еще осложнит его положение в доме мистера Риплсмита.

— У меня к вам письмо, сэр. Мистер Риплсмит специально распорядился, чтобы я вручил его вам лично. Ответа не нужно, сэр.

— Ага. — Крис машинально взял конверт. — Может быть, мне лучше все-таки посмотреть.

— Мистер Риплсмит специально распорядился, что ответа не нужно, сэр.

— Отлично. Можете идти, Роджерс. Благодарю вас.

— Благодарю вас, сэр.

Недоумевая, Крис вскрыл письмо. Что еще понадобилось этой старой мумии? Он прочел:

«Дорогой Хейлин!

Последнее время я чувствовал, что, как ни приятно наше содружество, ему должен наступить конец. Сколь я ни был счастлив оказать услугу моему дорогому старому другу Чепстону, мне в последнее время стало ясно, что вы слишком молоды, чтобы вам можно было доверить мои коллекции и библиотеку, и слишком неопытны, чтобы отдавать себе отчет в их значении и ценности. Мне нужен человек зрелой культуры, чувствительный к высоким и благородным реальностям духовного порядка и не пораженный жаргоном грубого материализма. Когда вы станете старше, вы, может быть, поймете и сами, что Духовная Истина, Моральное Величие и Красота должны стоять в нашей жизни на первом месте.

Посылаю вам чек на десять фунтов стерлингов. Сюда входит ваше недельное жалованье за текущую неделю и дополнительно четырехнедельное жалованье вместо предупреждения. Не трудитесь писать или звонить с целью поблагодарить меня за это. Я вскоре уезжаю на неопределенное время и до самого отъезда буду занят сборами.

С совершенным уважением Руперт Персиваль Риплсмит».

Первым побуждением Криса было рассмеяться над затейливой претенциозностью письма. Следующим — выругаться по поводу пустой болтовни Риплсмита. Следующим — подобно Догберри, возблагодарить бога, что он отделался от этого скота. Эти мысли занимали его, достав-

ля ему большее или меньшее удовольствие, пока он принимал ванну и, одеваясь, двигался по комнате. Он весело насвистывал. Какое необыкновенное облегчение больше никогда не видеть мистера Риплсмира, больше никогда не быть «дорогим моим», никогда не выслушивать бесконечных жалоб на ужасные поступки лакеев и угрожающее состояние риплсмирских нервов! Несмотря на легкую тревогу за будущее, он был положительно счастлив.

Но за завтраком, состоявшим из чая и хлеба с маргарином, ему пришла в голову другая, менее радостная мысль — мысль настолько естественная, что человеку более практичному она пришла бы в голову прежде всех других. Он сообразил, что, потеряв службу, он тем самым потерял заработок, а значит, и возможность платить за квартиру, за хлеб с маргарином и за все остальное. Крис поспешно подсчитал. Оставалось еще восемь недель до того времени, когда он начнет работать в школе, а у него вместе с чеком мистера Риплсмира было немногим больше одиннадцати фунтов. Одиннадцать на восемь — маловато. Вот если он проживет три недели за счет мистера Чепстона, путешествуя с ним, тогда ему хватит. А если даже он не поедет, ну что ж, ведь умудряются же другие прожить на двадцать семь шиллингов в неделю. Почему бы и Крису не суметь?

Затем он начал беспокоиться. А что, если Чепстон тоже обиделся? Крис начал припоминать, что же, собственно, произошло на обеде у мистера Риплсмира. У него остались только самые туманные воспоминания. Чепстон и Риплсмир, кажется, несли какую-то ахинею и вели себя как двое старых пьяниц и обжор. Ну, а что говорил сам Крис? Он смутно припомнил, что они ему очень надоели и — да! — произошел какой-то спор о боге и о безработице. Больше он ничего не помнил, если не считать того, как он один возвращался домой по холодным ветреным улицам.

Он проглотил еще две таблетки аспирина и снова вернулся к беспокоившим его мыслям.

На новой службе ему предоставлялись квартира и полный пансион плюс небольшое жалованье, выплачиваемое в конце каждого месяца. Если Чепстон не возьмет его с собой в эту каникулярную поездку, ему придется начинать работу в угнетенном настроении и без гроша денег даже на такие необходимые вещи, как зубная паста и мыло. Его башмаки нуждались в починке. Ему придется купить несколько новых воротничков и черный галстук

и... Затем возникла новая, еще более ужасная мысль. А что, если он не только лишится дружбы Чепстона, но и не сможет по какой-нибудь причине поступить на это место в школе? Что, если он заболит? Как тогда быть?

Ему стало страшно. Он почувствовал себя таким жалким, необеспеченным и беспомощным. Если бы только он мог быть уверен, что получит это место, которое казалось таким низким падением, такой жалкой заменой в ожидании чего-нибудь лучшего! Если бы только он был уверен в этом, он больше ни на что не стал бы жаловаться. Где теперь сияющие видения возрожденного мира, счастливые умные люди, жизнерадостно и умело строящие рациональную жизнь? Где его планы и высокие идеалы, ради которых он презрел бесславную обеспеченность совместной жизни с Гвен, что случилось, наконец, с его волей к жизни, с волей к действию, рядом с которыми маленький план мистера Чепстона казался ему столь презренным? Все это исчезло, растворилось в небытии перед лицом подлого страха остаться без работы.

Крис в горести сжимал голову, продолжая отчаянно сражаться с чудовищем — Страхом. После снисходительного презрения к страхам Гвен, после всего, что он говорил о слабости тех, кто поддается страху, — как позорно, как унижительно оказаться самому во власти того же бессмысленного страха.

Он судорожно вскочил, надел пальто и шляпу. Посмотрим, устоит ли Страх перед безмятежным величием египетских скульптур...

Неизвестно, что дало такой удачный результат — успокаивающее ли действие двенадцатой и восемнадцатой династий Древнего Египта или его собственный здравый смысл, но только Крис быстро взял себя в руки. Унылый чертик на пружинке — Страх — был быстро загнан в свою коробочку, и крышка крепко захлопнулась над ним. Крис уже склонялся к тому, чтобы приписать недавнее паническое настроение разлагающему действию совместных возлияний с двумя стареющими кутилами, желавшими вовлечь господина бога в свои пьяные излишества. Во всяком случае, в течение следующих суток он достиг состояния почти блаженного покоя и, реализовав чек мистера Риплсмира, начал предвкушать недели, которые он проведет за чтением именно тех книг, какие ему хотелось прочесть.

Может быть, такому настроению отчасти способствовало письмо от мистера Чепстона, начинавшееся выговором за неуместную дерзость и дурацкую болтливость, продол-

жавшееся двумя страницами советов в духе Полония и завершавшееся сообщением, что поездка состоится, если только Крис потрудится вести себя должным образом. Крис ответил коротко, что, будучи убежденным сторонником бихевиоризма, он не может не вести себя должным образом, и с благодарностью принял приглашение.

Итак, когда через два дня Крис отправился к «Небесным близнецам», настроение у него было бодрое и жизнерадостное. Последнее время у Криса образовалась привычка заходить туда раза два в неделю. По воскресеньям там собиралась вечером небольшая компания девушек и молодых людей. Среди недели бывало два-три человека, а иногда и совсем никого. Анна обычно отсутствовала, когда же она разговаривала с Крисом, его раздражал ее недовольный, почти резкий тон. По-видимому, она принадлежала к числу тех милых романтических старомодных дев, которым нравится таскать за собой целый хвост отвергнутых поклонников, обрекших себя ради нее на пожизненное безбрачие. Раздражение Криса дошло до того, что однажды он спросил Анну, можно ли ему надеяться на ее руку и сердце после смерти ее второго мужа. Анну это не рассмешило.

С Мартой дело обстояло иначе. О, совсем иначе! Она была неизменно дружелюбна, очаровательно дружелюбна, и в то же время нисколько не кокетничала, как в первый день их знакомства. К несчастью, он почти никогда не оставался с ней наедине, а когда выпадали такие минуты, ими обоими овладевала смехотворная застенчивость и они бессмысленно и бессвязно болтали, не решаясь поглядеть друг другу в глаза. Крис убеждал себя, что такое поведение до крайности нелепо и неразумно. После того как битых два часа ждешь случая поговорить с девушкой наедине, было бы верхом глупости заикаться, запинаться, краснеть и выставлять себя в самом непривлекательном свете. Но чем больше он жаждал поцеловать Марту, тем более трудным казалось ему это сравнительно простое действие и тем больше он поражался легкости и прямо-таки блестящему мастерству, с какими он проделал это однажды в их первую встречу. Иногда он задавался вопросом, догадывается ли Марта, как она волнует его, и действительно ли она держит его на расстоянии, а если так, то кто этому виновник — или виновники. Как только к Марте приближались какие-нибудь молодые люди, — просто

удивительно, как часто они это делали и как им это, по-видимому, нравилось,— Крис украдкой следил за ними, точно плохой сыщик, стараясь разобрать, относится ли к ним Марта более снисходительно, чем к нему. Иногда ему казалось, что да, иногда — нет. Положение было мучительное.

Ровно в четыре часа холодного ветреного дня в конце зимы Крис позвонил в квартиру Марты. Он нарочно пришел на полчаса раньше, в надежде провести несколько минут наедине с ней, пока не явится кто-нибудь еще. Никто не ответил на звонок, и витрины запертой книжно-кондитерской лавочки показались ему вдруг печальными и негостеприимными. Он снова позвонил и прислушался, не раздадутся ли шаги, спускающиеся вниз по лестнице. Ни звука.

— Привет! — прозвучал где-то в воздухе голос Марты.

Крис быстро поднял глаза. В окне он увидел голову Марты, закутанной до подбородка в купальную простыню.

— Рано вы пришли,— сказала она.— Я принимаю ванну. Входите и подождите, пока я оденусь. Вот, держите!

Перед ним мелькнули белая рука и плечо, и два американских ключа на кольце просвистели в воздухе. Крис не поймал их. Когда он нашел ключи и снова поднял глаза, Марта уже исчезла.

Крис долго возился с замком наружной двери, пока не подобрал к нему нужный ключ. Затем поднялся, перепрыгивая через две ступеньки сразу, по лестнице тихого дома. У дверей квартиры Марты он обнаружил, что запыхался и сердце у него бьется учащенно,— то есть, что он не совсем «в форме». Он открыл дверь квартиры, повесил пальто и шляпу и, пройдя в гостиную, положил ключи на камин.

Минуту или две он стоял совершенно неподвижно у теплого электрического радиатора. До сих пор он ни разу не оставался один в этой комнате, и она показалась ему большой, пустой, безмолвной и, по сравнению с его конурой, роскошной. Она была отделана в современном вкусе: по обеим сторонам большие окна с цельными стеклами, стены обшиты светлым деревом, стальные стулья, два низких дивана и две картины. На полу большой ковер с геометрическим узором, сочетание серого, синего и белого цветов. Серые гардины на окнах были задернуты; свет давали только теплый накалившийся радиатор и

единственная электрическая лампочка, скрытая в строгой алебастровой вазе.

Через одну из дверей в конце комнаты до него доносилось тихое свистящее бульканье воды, спускаемой из ванны. Кровь прилила к щекам Криса, когда у него мелькнула мысль, что Марта стоит там обнаженная, теплая, свежая и душистая после ванны, более прекрасная в реальности своей плоти, чем все придуманные людьми нимфы и богини. После всего убожества и нищеты, какая радость взглянуть на ее обнаженное тело, реальное и осязаемое, и в то же время символизирующее юность и надежды и пылкое наслаждение. Нужно только пересечь комнату, открыть дверь и... Нет, это будет грубо, невоспитанно. К тому же он боялся, что Марта может обидеться. Но на этот раз, когда она войдет в комнату, он поцелует ее, легко и непринужденно, разумеется, но непременно поцелует ее, и без всяких экивоков. Конечно, он ее поцелует. «Привет, Крис»,— скажет она, а он скажет: «Привет, дорогая» и обнимет ее за плечи и... очень просто и естественно.

Крис снова оглядел комнату. Ему нравилась обстановка в современном вкусе, полный разрыв с прошлым, отсутствие всяких антикварных безделушек, гладкие плоскости, четкая определенность линий. Вот такой должна быть теперь жизнь. Ему в первый раз пришло в голову, что, наверное, у Марты есть кое-какие средства — ну да, а то как же! Ей принадлежит дом и обе лавки. Крис настолько привык мысленно делить всех людей на молодежь без единого пенни и стариков с непомерно большим количеством фунтов, что ему как-то не верилось, что у Марты могут быть деньги. Он почти жалел, что они у нее есть. Это нарушало симметрию мира. Это ставило Марту в один ряд с его врагами. Может быть, впрочем, денег у нее немного. Однако же такую комнату нельзя иметь без денег, хотя она не стоила и двадцатой доли того, что Риплсмир бросал на свои уродливые «украшения» в стиле Буvara и Пекюше.

Каждое мгновение Крис ожидал, что вот откроется дверь и войдет Марта. Он еще раз прорепетировал свою маленькую сценку, но Марта не приходила. Он напомнил себе, что девушкам нужно гораздо больше времени, чтобы привести себя в порядок, чем мужчинам. Им мало быть чисто вымытыми и аккуратно одетыми: они должны быть сверх того модными и привлекательными. Что за канитель — и это каждый день! Чтобы заглушить свое нетер-

пение, он подошел к книжным полкам Марты. Романы и романы, томики стихов, книги по искусству и архитектуре, несколько биографий и тому подобных сказок. Три ряда французских и немецких книжек: главным образом — романы. Ни единого труда по истории или какой бы то ни было науке, философии или даже психологии. Хотя нет, постой-ка! Спрятанные позади каких-то других книг, стояли Фрейд и Адлер. Гм! Эллис, полное собрание. Ван дер Вельде. Ха-ха. Если она только прочла все это, она вовсе не такая невежественная дурочка, как Анна...

— Привет, Крис! — сказал голос Марты.

Крис виновато засунул книги на место и выпрямился; он сильно покраснел. Марта вошла в дверь с противоположной стороны от ванной, в руках у нее был поднос с чашками, кипящим кофейником и молочником. Крис вспомнил ее причуду — пить кофе вместо послеобеденного чая.

— Привет, — сказал он, охваченный внезапной застенчивостью. (Ну, чего ж ты ее не поцелуешь? Ну, как же, когда у нее поднос в руках? А тогда какого же черта ты забыл хорошие манеры и не берешь у нее поднос?)

— Разрешите мне... — начал он. Но Марта уже поставила поднос на низкий широкий столик и устраивала для себя на полу сиденье из подушек.

— Дать вам подушки или вы предпочитаете стул? — небрежно спросила она.

— О, мне все равно, — взволнованно сказал Крис, подвигая первый попавшийся стул и усаживаясь напротив камина. Низкий массивный столик разделял их. Крис заметил, что Марта одета не в платье, а в длинный с засученными рукавами халат плотного синего шелка на такой же плотной шелковой подкладке лилового цвета и широким поясом. Ее шелковые чулки и домашние туфли на высоких каблуках были того же лилового цвета. Крис подумал, что это чудесное сочетание, — насколько он вообще был способен думать о чем-либо, кроме своего нелепого замешательства.

— Простите, что я заставила вас так долго ждать, — сказала Марта, разливая кофе. — Мы ведь, кажется, сговорились на половину пятого?

— Да, но я нарочно пришел пораньше. Мне никогда не удастся побыть с вами вдвоем.

— А! — Марте это, видимо, доставило удовольствие. — Вы мне что-нибудь хотели сказать?

— Только то, что я потерял службу у Риплсмира!

— В самом деле? — спокойно спросила Марта. — И как же это случилось?

— О, они с Чепстоном — Чепстон — это мой бывший учитель в колледже — напильсь вдрызг, а я наговорил им дерзостей, и мой милый старичок рассвирепел.

Марта рассмеялась.

— Могу себе представить, что вы им наговорили, — сказала она, передавая ему чашку. — Вы никого не оставляете в покое. Я и то побаиваюсь вашего острого язычка. Надеюсь, вы довольны, что развязались с этим, правда?

— Собственно говоря, да. Но почему вы так думаете? Когда мы с вами в первый раз встретились, вы, по-моему, считали, что у меня прекрасная служба.

— Тогда я вас не знала, — сказала Марта, избегая его взгляда. — А теперь я знаю, что вы там пропадали зря. Вам следовало бы заниматься чем-нибудь гораздо более дельным. Способные люди не могут по-настоящему проявить свои способности на работе, которая настолько ниже их.

Крис был польщен. Вот это умная девушка. Он уж был готов к тому, что Марта сразу станет очень холодной и официальной, как только она узнает, что больше не будет заказов от библиотеки Риплсмира. Наоборот...

— Что вы теперь будете делать? — спросила Марта.

Крис подробно объяснил.

— Но по душе ли вам это? — сказала Марта. — Это звучит довольно мрачно и оплачивается скверно. Разве вы не могли бы найти что-нибудь получше?

— Я отказался от двух лучше оплачиваемых мест: узаконенного альфонса и риплсмировского лизоблюда. Как ни скучно преподавание и как ни плохо оно оплачивается, это настоящая работа, полезная для общества. Но не будем больше об этом говорить.

— Вы будете жить очень далеко, — задумчиво сказала Марта. — Вероятно, я больше никогда вас не увижу.

— О, мы с вами увидимся, — выразительно сказал Крис. — Если только вы сами не запретите этого. Мне было бы очень тяжело не видеться с вами часто.

Марта ничего не сказала: наступило странное, смущенное молчание. На одну секунду их взгляды встретились, и ее взгляд рождал ощущение такой удивительной глубокой близости, что Криса сразу охватило радостное волнение, ибо взгляд выражал... Что он выражал? Не слегка агрессивное «Ti voglio bene» Гвен, не насмешливое «думаешь, так я тебе и далась?» Анны, но нечто

более открытое и более глубокое, более чувственное и в то же время беззаботно веселое.

— У нас здесь тоже перемены,— сказала она, как будто совершенно небрежно.— Эта идея Анны с кондитерской и книжной лавкой — глупость. Это не окупается, так что я теперь сдала обе лавки. К тому же Анна возвращается поздно и работает спустя рукава. Ей это уже надоело.

— Вероятно, это Джон ее отвлекает? — неосмотрительно сказал Крис.

— А вы ревнуете? — пытливо осведомилась Марта.

— Не очень.— Крис рассмеялся довольно невежливо.— Она меня чуть с ума не свела. Заставила меня почувствовать такую горечь и презрение к себе, когда очень наглядно дала мне понять, что для нее я, пока богат мой отец, и я без гроша — это далеко не одно и то же. Пожалуй, она отчасти виновата и в той истории с Гвен...

— Думаю, ей стоит только свистнуть, и вы вернетесь к ней,— сказала Марта с кошачьей жестокостью.

Крис обиделся.

— Зачем вы это говорите? Вы же знаете, что это неправда.

— Вы уверены?

— Да, уверен...

Раздался громкий звонок. Крис замер на стуле, и чувство сильнейшей досады овладело им. Прервали — так скоро! Марта инстинктивно приподнялась на колени, чтоб идти открывать, но сейчас же снова опустилась на подушки. От ее движения шелковый халат приоткрылся, и с внезапным трепетом Крис не столько увидел, сколько угадал, что под халатом ничего нет. Неужели?.. Он вполросительно уставился на нее...

— Пускай себе звонят,— равнодушно сказала Марта.

— Марта!

— Что?

— Вы в самом деле не впустите их?

— Если только вы этого не хотите.

— Хочу! Да я готов убить всякого, кто помешает нам сейчас. Так счастлив я не был уже...

Дзины! Снова послышался звонок.

— Идите вы к черту! — громко сказал Крис.

— Шш! Там могут услышать. Сидите тихо, пока они не уйдут.

Они сидели молча, изредка улыбаясь друг другу, с веселым заговорщическим видом. Крис сгорал от нетерпе-

ния и нахлынувшего на него желанья. Ванна, занавешенные окна, шелковый халат и, наконец, ее нежелание отвечать на звонок — все это могло значить только одно. Марта желает его, она хочет принадлежать ему, она предусмотрела все. Крису хотелось броситься перед ней на колени, со страстной благодарностью целовать ее руки и ноги, а потом тихонько раскрыть шелковый халат, скрывавший такую сладостную красоту. Он слегка дрожал, лоб у него был горячий и точно стянутый. Он взял себя в руки: сначала нужно договориться, здесь не должно быть обмана с его стороны и разочарования для нее. Спокойнее, но все еще дрожа, он наклонился к радиатору, отогревая похолодевшие от возбуждения руки.

Звонок прозвонил еще дважды, а потом наступило долгое молчание. Они смотрели друг на друга и слушали, наклонив голову набок.

— Кажется, они наконец ушли, — сказала Марта, вздохнув с облегчением.

— Надеюсь, больше никто не будет звонить.

— Можете обвязать звонок носовым платком, — небрежно сказала Марта, — и отодвиньте немножко стол. Он слишком близко к радиатору.

Крис быстро повиновался. Наклонившись над Мартой, чтобы отодвинуть стол, он невольно увидел две блеснувшие белизной груди и ложбинку между ними. Марта посмотрела на него снизу вверх с робкой и в то же время зовущей улыбкой. Для нее момент уже настал. Но не для Криса. Хотя он жаждал упасть перед ней на колени и прильнуть к ее губам, он резко отвернулся и снова сел на стул. Марта не отрывала глаз от накалившихся докрасна витков радиатора, и он увидел, что ее губы чуть-чуть дрожат.

— Марта!

— Да? — Она не смотрела на него.

— Марта, вы знаете, что это значит, когда двое людей, таких, как мы с вами, внезапно чувствуют непреодолимую робость и смущение, как только они остаются вдвоем? Когда одно прикосновение руки, один только взгляд повергает их обоих в сладостное замешательство и смятение?

Марта ничего не сказала, и Крис продолжал. Его голос, вначале слегка дрожавший, теперь окреп.

— Так вот, это значит, что им обоим приходят одни и те же невыразимые мысли, что ими обоими владеют одни и те же невысказанные чувства. Это значит, что

они желают друг друга. Я почувствовал это в первую же нашу встречу, хотя, признаюсь, тогда я судил о вас иначе, и я ощущал это все сильнее и сильнее каждый раз, когда мы с вами встречались снова. А вы?

Марта опять ничего не сказала, и Крис повторил:

— А вы?

Она кивнула, как показалось Крису, чуточку грустно.

— Но в этом нет ничего грустного,— весело сказал он.— Наоборот, это очень радостно. Мы должны благодарить судьбу, что мы не слишком высокомерны, и не слишком глупы, и не слишком скованы запретами для подобных переживаний. Мне кажется,— нет, я уверен! — что никогда в жизни я не был так счастлив, как сегодня, особенно с той минуты, как до моего тупого ума мужчины дошла наконец чудесная истина: что у вас ко мне то же чувство, что у меня к вам. Я никогда не думал, что можно ощущать такое чистое счастье.

Марта взглянула на него с быстрой, смущенной улыбкой и так же быстро отвела глаза.

— Теперь я уже не чувствую себя с вами неловко. Это все равно, как если тебя неожиданно переместят из знакомого трехмерного мира в мир какого-то неведомого четвертого измерения. Я предстану перед вами как некое открытие. Вы предстанете передо мной как объект исследования. Но, Марта, этот мир стар как само человечество, хотя для нас он нов и свеж. Он прекрасен и поэтому хрупок. И потому что он сейчас для нас так доступен, мы должны быть особенно осторожны. Мы должны войти в него как цивилизованные человеческие существа, не как испанцы, варварски вторгшиеся в Новый Свет.

— Да,— сказала Марта, хотя ему было ясно, что она, в сущности, не поняла его.

— Дорогая! Может быть, я выражаюсь скучно, высокопарно и утомительно? — быстро спросил он.— Но я *должен* высказать все это. Этого требует моя совесть бунтаря.

Марта рассмеялась.

— Разве не лучшее и не прекраснейшее в любви то, чего нельзя выразить словами?

— Я не знаю. Я и не пытаюсь выразить все,— ответил Крис.— Вопрос не в том, что мы чувствуем и почему, а в том, как управлять нашими чувствами, в том, как бы нечаянно не причинить друг другу боли, как бы не превратить радость в страдание и хаос. Вот сейчас, когда я стоял подле вас и вы подняли ваше прекрасное лицо,

пристально и нежно посмотрели на меня, я был во власти желания тотчас же ответить на ваш призыв. Мне хотелось одного: взять вас, не медля ни минуты. Но я этого не сделал. Если бы я это сделал, разум и предусмотрительность погибли бы в водовороте переживаний и ощущений, как это всегда бывает при столкновении со столь великими первобытными силами, как страх и любовное влечение. Вы, может быть, думаете, что мое отступление говорит об излишнем хладнокровии, о том, что я не желаю вас по-настоящему. Если вы так думаете, вы неправы. Оно говорит о противоположном. Оно означает, что вы мне так дороги, что я заставляю лучшее, что во мне есть, думать о вас, а не только о себе.

Он остановился, размышляя. Марта терпеливо ждала, как ждут все женщины, когда мужчины слишком много говорят.

— Да,— снова заговорил он.— Так называемым «нормальным поступком» было бы для нас «поддаться искушению». А потом, после непоправимого, тогда что? Подчиниться одному из узаконенных правил любовной игры. Мы не настолько глупы. Мы можем быть реалистами. С одной стороны, наша ситуация обыкновенна и стара как мир, с другой — она единственная в своем роде. Хотя в очень и очень многом мы в точности такие же, как все остальные люди, все зависит от того, как мы будем относиться и приспособливаться друг к другу. Нам мало сказать: «О, мы любим друг друга» — и предоставить все естественному ходу вещей и запутаться в трудностях и взаимном непонимании. С этим-то вы согласны ведь, правда?

— Да,— сказала Марта.— Я тоже так думаю. Но что вы хотите мне сказать и что я, по-вашему, должна делать? Получается что-то очень сложно.

— Ничего сложного, если мы будем абсолютно искренни и прямодушны,— сказал Крис.— Прежде всего признаем, что влечение, соединяющее нас,— половое влечение. Не будь пола, мы оставались бы только друзьями. Именно наличие полового влечения заставляет нас стремиться друг к другу, дает нам это ощущение экстатического блаженства. Я не стану впадать в общепринятую литературную условность и притворяться перед самим собой и перед вами, будто я желаю вас и люблю вас за что-то, чего у вас нет. Я не хочу, чтоб вы были прекрасной дамой или хотя бы нежной девой с ученой степенью и золотыми волосами. Для меня вы не фиалка подле замше-

лого камня и не ярчайшая звезда на небосводе. Под вашим изящным синим халатиком скрывается женское тело. Оно доставляет мне радость. Я рад, что вы реальная женщина, и желаю вас как женщину. Я знаю, что вы — изысканное и чудесное сочетание миллионов клеток, что ваше сердце поддерживает жизнь их, нагнетая в них кровь, что в вас происходят сложные химические процессы. Меня привлекает не ваша родословная, не ваш годовой доход, не ваша игра на рояле, не призрак, вызванный из небытия смутным вождением и фантазией, а то, что подлинно и по существу составляет ваше тело, вашу душу. То, от чего вы не можете уйти. То, благодаря чему вы — Марта, и никто больше, реальная, живая правда вашего «я». Не смотрите на меня с таким удивлением. Неужели вас удивляет, что я не презираю вас за то, что вы женщина?

Марта покачала головой. Крис остановился, наблюдая за ней: «Она понемножку отдаляется от меня,— подумал он.— Я говорю, вместо того чтобы действовать, я употребляю выражения, которые не встречаются у ее любимых поэтов и романистов. Если уж я должен говорить, она предпочла бы, чтобы я разводил сентиментальное пустословие. Но разрази меня гром, если я на это пойду. Я буду вести себя как разумное человеческое существо, а не как восторженный сентименталист...»

— Вы заставляете меня краснеть,— сказала Марта.

— Я тут ни при чем. Это от того, что вас с детства приучали быть уважаемой женщиной. По существу говоря, вы вовсе не так шокированы, как вам кажется. Половое воспитание женщин так фантастично, так очевидно абсурдно, что здравый смысл женщины восстает против него. Женщина знает, что, если она женщина и наделена естественными женскими инстинктами, это еще не значит, что она порочная, грязная тварь. Женщины соблюдают декорум, но не верят в него — во всяком случае, только неудачницы верят. И какая отвратительная наглость — называть невежество, предрассудки и суеверия «здоровой неиспорченностью»! Возмутительная наглость! Во всем, что касается нашего тела,— как, впрочем, и всего остального,— истинное здоровье — это знание и приятие жизни. Тот факт, что вы женщина, не внушает мне никакого отвращения, но, с другой стороны, я вовсе не намерен делать вас идолом в храме моей души или видеть в вас ангела, посетившего мой дом, тем более что дома-то у меня и нет!

пристально и нежно посмотрели на меня, я был во власти желания тотчас же ответить на ваш призыв. Мне хотелось одного: взять вас, не медля ни минуты. Но я этого не сделал. Если бы я это сделал, разум и предусмотрительность погибли бы в водовороте переживаний и ощущений, как это всегда бывает при столкновении со столь великими первобытными силами, как страх и любовное влечение. Вы, может быть, думаете, что мое отступление говорит об излишнем хладнокровии, о том, что я не желаю вас по-настоящему. Если вы так думаете, вы неправы. Оно говорит о противоположном. Оно означает, что вы мне так дороги, что я заставляю лучшее, что во мне есть, думать о вас, а не только о себе.

Он остановился, размышляя. Марта терпеливо ждала, как ждут все женщины, когда мужчины слишком много говорят.

— Да,— снова заговорил он.— Так называемым «нормальным поступком» было бы для нас «поддаться искушению». А потом, после непоправимого, тогда что? Подчиниться одному из узаконенных правил любовной игры. Мы не настолько глупы. Мы можем быть реалистами. С одной стороны, наша ситуация обыкновенна и стара как мир, с другой — она единственная в своем роде. Хотя в очень и очень многом мы в точности такие же, как все остальные люди, все зависит от того, как мы будем относиться и приспособляться друг к другу. Нам мало сказать: «О, мы любим друг друга» — и предоставить все естественному ходу вещей и запутаться в трудностях и взаимном непонимании. С этим-то вы согласны ведь, правда?

— Да,— сказала Марта.— Я тоже так думаю. Но что вы хотите мне сказать и что я, по-вашему, должна делать? Получается что-то очень сложно.

— Ничего сложного, если мы будем абсолютно искренни и прямодушны,— сказал Крис.— Прежде всего признаем, что влечение, соединяющее нас,— половое влечение. Не будь пола, мы оставались бы только друзьями. Именно наличие полового влечения заставляет нас стремиться друг к другу, дает нам это ощущение экстатического блаженства. Я не стану впадать в общепринятую литературную условность и притворяться перед самим собой и перед вами, будто я желаю вас и люблю вас за что-то, чего у вас нет. Я не хочу, чтоб вы были прекрасной дамой или хотя бы нежной девой с ученой степенью и золотыми волосами. Для меня вы не фиалка подле замше-

лого камня и не ярчайшая звезда на небосводе. Под вашим изящным синим халатиком скрывается женское тело. Оно доставляет мне радость. Я рад, что вы реальная женщина, и желаю вас как женщину. Я знаю, что вы — изысканное и чудесное сочетание миллионов клеток, что ваше сердце поддерживает жизнь их, нагнетая в них кровь, что в вас происходят сложные химические процессы. Меня привлекает не ваша родословная, не ваш годовой доход, не ваша игра на рояле, не призрак, вызванный из небытия смутным вожделением и фантазией, а то, что подлинно и по существу составляет ваше тело, вашу душу. То, от чего вы не можете уйти. То, благодаря чему вы — Марта, и никто больше, реальная, живая правда вашего «я». Не смотрите на меня с таким удивлением. Неужели вас удивляет, что я не презираю вас за то, что вы женщина?

Марта покачала головой. Крис остановился, наблюдая за ней: «Она понемножку отдаляется от меня,— подумал он.— Я говорю, вместо того чтобы действовать, я употребляю выражения, которые не встречаются у ее любимых поэтов и романистов. Если уж я должен говорить, она предпочла бы, чтобы я разводил сентиментальное пустословие. Но разрази меня гром, если я на это пойду. Я буду вести себя как разумное человеческое существо, а не как восторженный сентименталист...»

— Вы заставляете меня краснеть,— сказала Марта.

— Я тут ни при чем. Это от того, что вас с детства приучали быть респектабельной женщиной. По существу говоря, вы вовсе не так шокированы, как вам кажется. Половое воспитание женщин так фантастично, так очевидно абсурдно, что здравый смысл женщины восстает против него. Женщина знает, что, если она женщина и наделена естественными женскими инстинктами, это еще не значит, что она порочная, грязная тварь. Женщины соблюдают декорум, но не верят в него — во всяком случае, только неудачницы верят. И какая отвратительная наглость — называть невежество, предрассудки и суеверия «здоровой неиспорченностью»! Возмутительная наглость! Во всем, что касается нашего тела,— как, впрочем, и всего остального,— истинное здоровье — это знание и приятие жизни. Тот факт, что вы женщина, не внушает мне никакого отвращения, но, с другой стороны, я вовсе не намерен делать вас идолом в храме моей души или видеть в вас ангела, посетившего мой дом, тем более что дома-то у меня и нет!

— О, Крис, Крис,— сказала Марта со смехом.— А дальше что вы скажете?

— Но вы со мной согласны? Как по-вашему, дело я говорю или несу ахинею?

— Конечно, согласна. Мне нравится, что вы смотрите на меня именно так, но когда вы так прямо и словно между прочим говорите об интимных вещах, я начинаю стесняться и стыдиться. Никто до сих пор не говорил со мной так о моем теле.

— Значит, кто-нибудь должен же был это сделать,— ответил Крис.— Тут нечего стыдиться. Если бы это было постыдно, я не стал бы об этом говорить. Вот что я вам скажу, Марта: мне до смерти надоело сексуальное ханжество моих родителей, Анны и Гвен. Мои родители дьявольски «чисты»: для них сексуальная жизнь — это источник дохода. Анна дьявольски «чиста» — она размахивает флагом своей сексуальной привлекательности, как матадор плащом, и смеется, когда быки несутся на нее. Гвен дьявольски «чиста» — у нее столько подавленных комплексов, что она усматривает сексуальный смысл в кремневом орудии каменного века. Если они «здоровые, неспорченные» люди, тогда я грязная скотина! Мне было бы чертовски больно, если бы вы были такая, как они. Но вы не такая. Я знаю, что вы не такая. А потому не обижайтесь на мою откровенность.

— Я не обижаюсь. И я думаю, что вы правы! — сказала Марта.— Действительно, неприятно, когда люди стыдятся своего тела, и действительно, нездорово, когда мужчины считают женщин грязными и развратными только потому, что они женщины. И действительно, глупо, когда двое людей воображают, что раз уж они друг друга любят, значит, теперь все будет отлично и замечательно до скончания века. Но не будьте чересчур проникательны в отношении меня, Крис. Мне хотелось бы, чтобы вы были ослеплены любовью хоть самую малость.

— Не беспокойтесь,— улыбнулся Крис,— я и так достаточно ослеплен. Я мог бы расточать самые преувеличенные и неправдоподобные комплименты и верить каждому своему слову. Даже сейчас мне было бы крайне трудно поверить человеку, который взялся бы утверждать, что вы не самая привлекательная девушка на свете. Я молюсь на вас, и даже вам самой не сразу удалось бы внушить мне, что вы — не лучшая из всех возможных девушек!

— А! Это уже лучше,— сказала Марта.— Еще! Еще! —

Крис заметил, что синий халатик, который незадолго до этого был плотно запахнут, теперь слегка раскрылся и позволял видеть кусочек ослепительно-белого тела.

— Одну минуту! Еще кое-какие практические вопросы. Как по-вашему, следует нам пожениться?

— О! — вопрос, видимо, застиг Марту врасплох.— Не знаю. А по-вашему как?

— Я считаю, что, согласившись выйти за меня, вы оказали бы мне честь,— серьезно сказал Крис.— Но я считаю также, что это была бы непростительная глупость. У меня нет ни гроша, у меня дрянная работа, я молод, и я не хочу детей. Я еще сам не опомнился от ужасов детства. С моей точки зрения ответом должно быть «нет». А с вашей?

— Мне все равно.

— Сейчас,— может быть, а думали вы об этом? Если нет, то я должен подумать за вас. Если бы мы жили в России, этот вопрос не ставился бы. Но, к несчастью, мы живем на закате исключительного по своей глупости буржуазного строя. Мы живем в таких условиях, когда пол расценивается как частная собственность и считается настоящим позором. Взяв меня без всяких формальностей, вы станowitz попорченным товаром на брачном рынке. Весьма желательные молодые люди, крепко стоящие на посыпанной гравием почве, обладатели приличного годового дохода, будут пристраивать свои доходы куда-нибудь в другое место. А весьма нежелательные молодые люди начнут к вам приставать.

— Они не обязаны знать,— сказала Марта, снова запахивая халатик.

— Не обязаны, если мы будем дьявольски осторожны,— согласился Крис.— Ну, а как сделать, чтобы Анна не узнала? И чтобы не разгласила?

— Она уедет отсюда через неделю.

— Так скоро? — воскликнул Крис.— Счастливый Джон! Держу пари, что через год она выйдет замуж за его доходы.

— Так что об этом нечего беспокоиться,— сказала Марта.

— Да, но нужно подумать еще кое о чем. Вы знаете, каковы люди. Я не собираюсь воспользоваться вашими чувствами, чтобы «соблазнить» вас. Я даже не буду вас уговаривать. Если вы на это пойдете, вы должны поступить как взрослый человек, который сам за себя отвечает, должны знать, на что вы идете.

Марта ничего не сказала, только очень плотно запахла халат. Теперь не было уже ни проблеска белизны.

— Ну? — упорствовал Крис.

— Кажется, вы не очень-то пылаете, — сказала Марта, несколько разочарованная.

— Какое это имеет отношение?

— Ну, если вы не так уж сильно меня желаете...

— Ах, понимаю! Ну, предположим, я скажу, и не только скажу, но и пообещаю в скорости доказать вам, что мое желание простирается на миллионы миль за пределы всякого здравого смысла и приличия, тогда что? Сказать: «Я люблю вас» — это значит воспользоваться, не знаю, в который раз, тошнотворным журналистским штампом. Я — о, черт возьми, — хотите, чтобы я пронзил себе грудь кинжалом а ля Байрон или сжег руку на медленном огне? Я сделаю это...

— В таком случае, да.

— Что да?

— Я рискну.

Каким-то образом широкий пояс распустился, и взорам Криса предстало гораздо больше, чем кусочек белизны. Он укусил свою руку, пока ему не стало дьявольски больно.

— Нет! Рано еще целоваться! — вскричал он, пытаясь сохранить деловитость, хотя голос его дрожал. — Еще один, только один вопрос. Вы не очень сильны по части биологии, Марта. Хотя вопреки обывательскому мнению, половая жизнь и размножение — не одно и то же, однако между ними есть связь. Я не хочу, чтобы вы были матерью незаконнорожденных детей. Вы знаете, как избежать беременности?

— Да, — прошептала Марта.

— Вы пробовали делать это?

— Да.

— Вы уверены, что это надежно?

— Да.

Теперь халатик почти совсем перестал выполнять свои первоначальные функции, но Крис все еще игнорировал его сигналы.

— Вероятно, мне следовало бы потребовать более точных разъяснений, — сказал он с сомнением в голосе. — Но будем надеяться, что у вас есть опыт. Кажется, я и так уж измучил вас своими бесконечными сомнениями и доводами. Но по крайней мере я не обманывал вас. И помните: я не требовал от вас никаких обещаний.

Когда-нибудь это избавит вас от унижительной необходимости нарушить свое слово. Я надоел вам, я охладил ваш порыв, я почти оттолкнул вас от себя. Но я сделал это потому, что хотел поступить с вами прямо и честно, а не просто из чувства самозащиты. И если бы я не был очень и очень небезразличен вам, вы никогда не вынесли бы всех этих бесконечных разговоров.

Марта ничего не сказала. Наступило долгое молчание.

— Марта! — тихо сказал Крис.

— Да?

— Посмотрите на меня!

Она посмотрела на него вопросительно.

— Марта! Как сладко произносить ваше имя! Как сладко думать, что с вами я могу быть самим собой, ничего не скрывать, допускать вас всюду, куда никто еще не входил и не может войти. Если я был чересчур осмрителен и придирчив, если мое объяснение в любви слишком походило на какой-то договор о сотрудничестве в области биологии — простите меня. Я говорил все это потому, что считаю это существенным, потому что хочу, чтобы наши отношения были настолько совершенными, насколько могут быть совершенными отношения между людьми, потому что я верю, что между мужчиной и женщиной не должно быть антагонизма, не должно быть вражды с перемириями на то время, когда они удовлетворяют свои потребности, потому что я верю в возможность любви без злобы, без разочарования.

Марта! Не отводите глаз! Я хочу, чтобы вы видели, что я говорю правду, которая идет из самых глубин моего существа. Я буду доверять вам, как не доверял никому с самого детства. Я подпущу вас так близко к себе, что вы сможете убить меня единым словом или взглядом, предать меня единым жестом или улыбкой. Да, это мне будет трудно, я человек недоверчивый. Но если я ненавижу дураков, ханжей и лицемеров, это еще не значит, что я не могу относиться к вам с нежностью.

Вы знаете, когда я впервые увидел вас, я ушел отсюда с мыслью: «Как она мила!» Но в другие разы я уходил с мыслью: «Как проживу я все эти часы до новой встречи?» и «Какое горькое мученье, если я никогда не увижу ее снова!» Я желаю вас так страстно, что иногда чувствую боль, подлинную боль в груди. Если я заставил вас посмотреть прямо в лицо важным фактам обыденной действительности, не думайте, что я не способен видеть красоту, ощущать живую поэзию, исходящую от вас, Марта. Это не

лживая поэзия, не холодное повторение избитых рифм, а золотая плоть живых мгновений. Мы примем жестокую действительность, Марта, но сделаем ее столь же прекрасной, как живой мир солнца и высоких деревьев и цветов. Мы будем естественны, как море, свежи, как ветер.

Не отводите глаз! Не обращайтесь внимания, если прерывается мой голос. Так удивительно сбросить с себя одиночество, так удивительно и чудесно ощущать благодаря вам полное сердечное спокойствие. Я никогда не думал, что при взгляде на женщину меня повергнет в такое волнение, на меня так подействует ясный блеск ее мягких, темных глаз. Я никогда не думал, что красота юного белого тела — да, откройте мне его — может довести меня до слез тем, что оно так стройно, так нежно и так незащищено. И лучше всего то, что в нас нет грусти, и наши слезы — слезы освобождения. Нам весело. Так постараемся же сохранить это веселье и эту сладость и... О, да, милая, милая, да, теперь, да...

Ибо Марта раскрыла перед ним объятия.

ТРИ

Проснуться счастливым — это большое достижение в жизни. Крис проснулся от столь глубокого сна, что в первое мгновение смотрел и ничего не понимал, не узнавая окружающей обстановки. На одно мгновение сон разорвал связь между вчерашним знакомым рисунком реальности и сегодняшним. Крис ощущал только одно: он счастлив.

Через одну долю секунды рисунок встал на свое место и снова сделался знакомым. Крис был в своей старой комнате в Сохо, но что-то в ней изменилось. Ее убожество и запущенность больше не подавляли. По крайней мере на одно мгновение они потеряли власть над этим удивительным и беспредельным ощущением счастья. Почему?.. Марта!

Еще через одну долю секунды Крис окончательно проснулся. Он откинулся на подушку, размышляя.

«Я счастлив. Счастье. Что есть счастье? Такое счастье? Радость, что ты живешь. Положительное довольство тем, что обладаешь сознанием, положительная воля к жизни. Не машинальный инстинктивный страх, заставляющий самых неудачливых людей страшиться смерти, а убеждение, что жить хорошо. Я доволен, что ка-

кая-то звезда столкнулась с солнцем — если это вообще было — и создала землю. Я доволен, что солнечный свет превратил какие-то химические вещества в живые клетки. Я доволен всеми своими отдаленными и такими несхожими и в то же время похожими на меня предками, которые дышали и ползали и плавали по древним морям, чья соль сохранилась в моей крови, доволен бесконечными поколениями, которые боролись за свое существование, бились и страдали на земле, чтобы сделать меня человеком. Я возношу хвалу моим родителям за то, что они дали мне жизнь. Благословен час и благословенно ложе, на котором я был зачат! Но по какому невероятному стечению счастливых обстоятельств я появился на свет! Сколько раз за сотни миллионов лет цепь могла оборваться! Неизъяснимое чудо, что я живу и что я счастлив.

Счастлив. Огорчает ли меня мысль, что когда-нибудь я состарюсь и умру? Это слишком далеко. Я переживаю смертное бессмертие юности. В свое время я буду оглядываться на теперешнего самого себя с невыразимым сожалением, тоской и, пожалуй, даже с жалостью, что нечто столь незначительное могло казаться таким большим. Как легко я мог бы унизить свое счастье заплесневелыми пошлостями отшельников и книжников! Как легко я мог бы заслужить бесценную репутацию человека разборчивого и очень умного, презирая себя за то, что у меня есть общего с крысой и двуполым слизнем! Пусть уж я буду обыкновенным и жалким, ибо мое счастье истинно. Как лживы все эти интеллектуальные софисты, требующие похвал за то, что они ненавидят людей, то есть самих себя. Признаем же их ненормальными вместе с поддельными Наполеонами и жертвами *dementia graecorum*¹.

То, что я обладал Мартой, ничего не меняет, и однако, это меняет решительно все. Это превратило меня в цельного человека. Сколько бы я ни враждовал с человеческой извращенностью, невежеством, разрушительными тенденциями, — с самим собой я в мире. То, что во мне испытывает удовлетворение, примитивно, но существенно. Я не могу быть иным, чем я есть, и было бы суетным безумием калечить себя, лишая себя чего-то существенного. Нет ни высокого, ни низкого: есть только новое и старое.

Это чувство, которое кажется мне и является на

---

¹ Раннего слабоумия (лат.).

самом деле таким драгоценным,— его дала мне она. Экономисты не могут оценить его, физики — измерить. Биологи считают его чем-то само собой разумеющимся, а потому в своих рассуждениях идут мимо цели. Даже психологи только бормочут что-то невнятное и спорят. Разве можно измерить экстаз любви, исследуя мозг кошки, подвергнутой трепанации! Разве можно решить уравнение нашего счастья. Потому что она тоже счастлива. Глаза несчастных не сияют, как сияли ее глаза, и плоть угнетенных не бывает такой трепетно живой...»

Так этот наивный глупец рассуждал о своей любви. Но недолго. Он был настроен слишком энергично и бодро, чтоб валяться в постели. Поразительно, насколько важными и интересными представлялись теперь самые тривиальные дела. И поразительно, как роились в его мозгу планы дальнейшей жизни, причем во всех этих планах видное место занимали частые встречи с Мартой...

Это блаженное состояние длилось несколько больше недели, после чего предначертанный порядок вещей позаботился прервать его.

Он встречался с Мартой ежедневно, хотя бы только для того, чтобы пройтись вдвоем по парку. Однажды вечером, после того, как они с упоением занимались любовью, Марта стала уговаривать его остаться у нее на ночь.

— Сейчас еще нельзя,— сказал Крис.— Нельзя, пока Анна живет здесь. Через несколько дней она уедет, и тогда я буду оставаться с тобой хоть каждую ночь.

— Какое нам дело до Анны? — чуточку ревниво спросила Марта.

— До самой Анны — абсолютно никакого. Но, дорогая, ты ведь знаешь, у нее ключ от твоей квартиры, и она вламывается к тебе в любое время дня и ночи. Если мы закроем дверь на цепочку, она будет барабанить в дверь из чистого любопытства, пока ты ее непустишь. Я могу быть здесь спокоен только в те дни, когда мы знаем, что она у Джона.

— Не съест же она нас.

— Нет, но она будет говорить о нас. А это все равно, как если бы она съела нас живьем. Нельзя доверять Анне.

— Нельзя, это верно,— горестно сказала Марта.— Я ухлопала уйму денег на этих «Небесных близнецов»,

но ни Джон, ни ее отец не станут за нее расплачиваться. Ее отец взбешен из-за Джона.

— Вот видишь,— сказал Крис,— как опасно, когда люди что-нибудь знают! Ты потеряла все эти деньги, Марта?

— Нет, что ты, но мне придется очень трудно в первые месяцы.

— Ты ведь не очень богата, правда?

— Триста фунтов в год и этот дом.

— Это еще терпимо. Я рад, что ты не богата, Марта.

— Почему? Если бы я была богаче, тебе не пришлось бы поступать на дурацкую службу и мы могли бы уехать вместе, куда нам вздумается.

— Конечно. Но понимаешь, мне очень противно, когда к любовным отношениям примешиваются деньги. Вероятно, это вина моих родителей. Это реакция на их взгляды. Это неразумно, но в этом есть какая-то доля правды. Мне бы хотелось совсем другого: чтобы у нас у обоих была работа, интересная работа, и чтобы мы работали достаточно близко друг от друга и могли встречаться, когда нам вздумается, но в то же время не впадать в мещанство...

— Этого с нами никогда не случится,— возмущенно сказала Марта.

— Это может случиться. Вспомни, сколько людей начинали с всепоглощающей страсти, а кончали ночными туфлями, зевками и радиопередачами. Но с нами этого не будет.

Согретый памятью о недавних поцелуях, он быстро и радостно шел домой по мокрым улицам, настолько занятый своими окрыленными мыслями, что почти не замечал потоков экипажей и людей, толпой струившихся мимо него под мозаикой зонтов. Он двигался не столько по лондонским улицам, сколько по стране воображения, где он нашел как раз такую работу, какую ему хотелось, и Марта нашла как раз такое дело, какого хотелось ей, жизнь их была богатой и деятельной, в ней не было места опустошенности, они встречались для любви и товарищеского обмена мыслями, а потом расставались для труда и нужд мирских... Сквозь эти грезы наяву его взгляд улавливал и запоминал отдельные яркие проблески развертывавшейся перед ним фантазмагии — вот полисмен в блестящем черном прорезиненном плаще, вот мяг-

кое пламя огней магазина и золотое отражение их на влажных плитах тротуара, вдруг профиль девушки, на секунду обозначившийся четко, как камей, и снова навсегда растаявший во мгле, вот жесткие эгоистичные лица прохожих в квартале богатых клубов, вульгарные английские световые рекламы, старая нищенка, просящая милостыню около театра. Вся эта жизнь — соединение бесстыдного богатства с ужасающей нищетой, — которая совсем недавно заставляла его бледнеть от обличительного гнева, теперь казалась не больше чем занавесом, который вот-вот взвьется над иной, более прекрасной жизнью. Подобно тому, как некогда человеческая энергия почти вслепую создала этот огромный город в низинах и отменях задумчивого устья реки, точно так же и в будущем по-новому направленная энергия воздвигнет новый город, достойный лучших людей, город, предназначенный для всех, а не только для эгоистического меньшинства...

Вернувшись в свою уютную комнату, Крис с удовольствием поужинал. Все идет хорошо, все пойдет на лад. Теперь, когда Марта дала ему надежду, он найдет в себе энергию. Он отослал хозяйке грязную посуду и мирно уселся за чтение; изредка отрываясь от книги, чтобы поглядеть на маленькие язычки пламени, он строил новые воздушные замки. Потом он возвращался к книге и с азартом вел конспект.

Незадолго до девяти часов его отвлек шум у дверей, и в комнату взволнованно вплыла грузная квартирная хозяйка.

— Там вас внизу спрашивает какая-то молодая женщина, — сказала она, громко шмыгая носом и тем выражая чрезвычайное презрение к упомянутой молодой женщине.

— Меня? А кто она такая? — спросил Крис, спрашивая себя, зачем Марта явилась к нему. Может быть, с ней что-нибудь случилось?

— Говорит, будто она леди Хартман, — сказала хозяйка, еще более свирепо шмыгая носом.

— Моя сестра! — воскликнул Крис, в изумлении вскакивая на ноги. — Попросите ее сейчас же сюда, пожалуйста.

— Ваша сестра! Леди Хартман! Хм, — сказала хозяйка. — Не знаю, могу ли я позволять молодым женщинам приходить в такой поздний...

— Не болтайте вздора,— резко сказал Крис.— И будьте любезны не вмешиваться не в свое дело.

Он протиснулся мимо нее и заглянул в колодец зловонной лестничной клетки.

— Это ты, Жюли? — позвал он.— Иди сюда!

Хозяйка куда-то исчезла, и Крис вернулся в комнату. Он сунул в карман письмо Марты, которое он только что перечитывал, пододвинул свое единственное кресло к камину и подбросил в тлеющий огонь еще несколько кусков антрацита. Зачем пришла Жюли? Неужели они узнали о Марте? Ну, если они только попробуют вмешаться, он будет драться всерьез. Или это — более вероятно — какой-нибудь новый дурацкий проект, и Жюли послана к нему для переговоров? Но почему в такой поздний час?

— Крис!

Он поднял голову и увидел Жюли, стоящую на пороге. В скудном свете Крис, смущенный ее неожиданным приходом, успел только разглядеть, что она без шляпы, что на ней длинная меховая шубка поверх бального платья и что ее красивое лицо очень бледно.

— Привет! — сказал Крис, пытаясь быть спокойным и деловитым.— Входи. Прости, что тебе пришлось ждать.

Он шагнул к ней навстречу, намереваясь пожать ей руку и обменяться традиционным братским поцелуем. Она оттолкнула его.

— Не целуй меня, не целуй меня! — испуганно воскликнула она.

— Ах, так! — несколько обиженно сказал Крис, закрывая дверь и задергивая старую ветхую портьеру, чтобы насколько возможно оградить себя от любопытства квартирной хозяйки.— Но по крайней мере будем друзьями хоть настолько, чтобы пожать друг другу руки.

— Нет, нет,— пробормотала она с таким ужасом, что Крису это показалось ни с чем не сравнимым.— Ты не должен даже прикасаться ко мне. Не должен!

— Черт возьми, что ж я, по-твоему, такой уж пария? — сказал Крис, теперь окончательно оскорбленный.— Неужели ты только для того вышла из своего аристократического затворничества, чтобы показать мне, что я недостойн даже твоего прикосновения? Но...

— Можно мне сесть? Я очень, очень устала.

— Разумеется. Садись в кресло. Оно ветхое, но твой легкий вес оно выдержит.

Жюльетта не села, а скорей упала в кресло и трагически уставилась в огонь. Крис посмотрел на нее внимательней. Усталость? Вид у нее действительно был усталый, больше того, чертовски скверный и до последней степени несчастный. Он почувствовал угрызения совести за свою грубость; ему стало гадко, что он проявил себя таким нечутким, не понял сразу, что она страдает.

— Жюли! — окликнул он.

Она взглянула на него испуганными глазами затравленного зверька, точно ожидая, что он вот-вот накинется на нее.

— Я не хотел обидеть тебя,— поспешно сказал он, потрясенный страдальческим выражением ее лица.— Прости меня. Я... ну, да что там. Ведь что-то случилось нехорошее, Жюли. Что именно?

— Сейчас,— не выговорила, а скорей прошептала она.— Сейчас я скажу. Дай мне отдохнуть минутку и почувствовать, что ты со мной.

Жюли закрыла глаза и откинулась на спинку кресла, обивка которого, как внезапно понял Крис, была слишком грязной, чтобы служить опорой для такой изящной головки. У него было неясное чувство, что он должен был бы положить ей под голову чистый носовой платок. Что, собственно, произошло? Ссора с Хартманом? Или родители потребовали еще денег?

Лицо Жюли с закрытыми глазами казалось трагически несчастным; в нем было такое страдание, что Крис заморгал, отгоняя слезы. Он пошарил в карманах, отыскивая папиросу, чтобы подбодриться, и продолжая в то же время с тревогой смотреть на сестру. Согревшись у камина, Жюли распахнула, не снимая, свою шубку. Внезапно Крис подался вперед, пристально всматриваясь.

«Она беременна,— сообразил он.— Так вот оно в чем дело! Но отчего ж она так огорчена? Она должна была бы радоваться этому. Почему же она не чувствует радости? Ах, ну конечно, это действует на организм. Все говорят, что в такое время у женщин бывают всякие причуды. Какое свинство, что я был так груб! Нужно обращаться с ней очень бережно».

Он почувствовал большое облегчение и внутренне улыбнулся, пряча папиросы обратно в карман — не надо курить, ей это может быть неприятно.

По-видимому, беременность ее расстроила, подумал

он. Интересно, почему? Может быть, ей хотелось, чтобы ребенок был не от Хартмана? Бедная девочка! Ну что я могу сказать, чтобы утешить ее? Как примирить ее с жизнью? Как странно, что она страдает из-за этого. Женщин держат в неведении относительно самого главного в их жизни. Сумею ли я рассказать ей, какой это сложный и тонкий процесс, как удивителен механизм всего этого? Как в ее утробе дитя проживет за несколько месяцев многие миллионы лет эволюции? Сумею ли я заставить ее понять, какая это мужественная и хрупкая штука — жизнь, пробивающая себе дорогу к более полному сознанию в этом затерянном закоулке огромной и недружелюбной вселенной? Сумею ли я вернуть ей веру в жизнь, в то, что жизнь достойна страданий, на которые обрекает нас ее зарождение, и что, веря в жизнь, мы должны передавать ее дальше...

Крис внезапно вышел из задумчивости, обнаружив, что глаза Жюли открыты и что она пристально смотрит на него.

— Теперь тебе лучше? — заботливо спросил он.

— Да, спасибо.

Крис подумал, что она стала, конечно, спокойней, но что ее спокойствие донельзя мрачно. Он терялся, не зная, с чего начать.

— Так вот где ты живешь! — сказала Жюли, окидывая его комнату любопытным взглядом с еле заметным оттенком прежней пренебрежительности. Крис в первый раз вполне ощутил, как убога и грязна его комната; слава богу, Марта никогда ее не видела!

— Да,— сказал он, пытаясь улыбнуться.— Таков замок по крайней мере одного англичанина.

— И ты жил здесь все эти месяцы?

— Да.

— Не знаю, как ты это вынес.

— Почему? Я очень счастлив.

— Как! В этой каморке без света, без воздуха, без элементарных удобств?

— Умы невинные и мирные назовут сию обитель убежищем,— шутливо процитировал Крис.

— Жаль,— задумчиво сказала Жюльетта.

— Тебе нечего меня жалеть. Повторяю, я очень счастлив,— ему было приятно говорить «Я счастлив», думая при этом о Марте.

— Я говорю это из эгоистических соображений. Я надеялась, ты сможешь меня приютить.

— Приютить тебя! — изумленно воскликнул Крис. — Почему?

— Я ушла от Джерри.

— Ушла от Джерри! — повторил Крис в полном недоумении. — Ты что, бредишь? Ничего не понимаю...

— Я на днях узнала твой адрес у Гвен, — сказала Жюли; губы ее вздрагивали. — Мне так хотелось увидеть тебя. У меня нет больше никого. Не оставляй меня, Крис! Прости меня, о, прости меня. Ты не знаешь, как мне тяжело!

— Ну, ну! — успокоительно сказал Крис. — Не нужно так волноваться, милая. Я, может быть, недостойн твоего прикосновения, но я сделаю для тебя все, что могу. Но давай перейдем к делу. Чем я могу тебе помочь?

— Не знаю, — пробормотала Жюли, — мне так тяжело, и я так страдаю, Крис. Я собиралась написать и попросить тебя прийти ко мне. А потом сегодня я осталась вечером одна. Было таким жестоким фарсом сидеть одной за обедом, в бальном платье и бриллиантах, а слуги чуть не открыто зубоскалили над брошенной женой. И мне стало так тяжко, Крис.

— Бедняжка!

— Я пошла к себе и легла на кровать; все случившееся нахлынуло на меня таким ужасом, что я подумала, что сейчас я задохнусь. Мне казалось, что я не вынесу этого ни одной секунды больше. Тогда я выбежала из дому, взяла такси и приехала сюда. Я думала, что, если я буду с тобой, мне станет легче.

Крис молчал. Он все еще ничего не понимал. Тут скрывалась какая-то тайна.

— Но, — сказал он после минутного раздумья, — даже если вы с Хар... с Джерри то есть — так вот, если даже вы с ним не очень ладите, это, по-моему, не причина уходить от него, особенно когда ты беременна.

— Откуда ты знаешь, что я беременна? — воскликнула Жюли, вспыхивая.

— Я случайно заметил, пока ты отдыхала, — извиняющимся тоном сказал Крис.

— Ох! Неужели это так заметно! — сказала она с излишней, по мнению Криса, стыдливостью, закутываясь в шубку.

— Не будь дурочкой. Тут нечего стыдиться. К тому же, — добавил он, напоминая себе, что сейчас, пожалуй, не время придирается к ее воззрениям, — я никогда бы и сам этого не заметил, если бы не присматривался к тебе,

стараясь понять, что такое с тобой случилось. Да и то я скорей догадался.

— Я стыжусь этого, ужасно, мучительно стыжусь этого,— горько сказала она.

— Ну, послушай, что же тут особенно плохого,— сказал Крис, стараясь принять шутливый тон.— Не будь, пожалуйста, тем, что романисты называют «матерью с противоестественными наклонностями», дорогая, хотя, кстати сказать, и в природе иные матери пожирают своих детенышей. В конце концов, черт возьми, когда люди женятся, они должны кое-что предвидеть. И, знаешь, ты ведь не такое уж необыкновенное исключение. Это случалось сотни миллионов раз; и будет случаться далее. Не беспокойся о Джерри. Забудь его. Думай о себе. Думай о себе с гордостью, как о Праматери, подательнице жизни, передающей факел жизни новому представителю великого человеческого рода, торжествующей над смертью! Да ведь это изумительно, Жюли, это прекрасно!

— Ах, не надо, не надо! — простонала она.— Я не могу и подумать, чем это могло бы быть, когда это то, что есть!

— Но что же наконец произошло? — спросил он почти нетерпеливо.— Джерри вел себя гнусно с тобой, что ли?

— Нет, еще хуже! О господи, Крис; я хочу покончить с собой, мне следовало бы покончить с собой, а я не могу, я трусиха, я боюсь!

— Покончить с собой? Почему? Ты что, с ума сошла? Почему ты хочешь покончить с собой?

— Ах, я не могу тебе сказать, не могу! — стонала она, ломая руки в невыразимом отчаянии.— Ты будешь меня презирать.

— Ерунда,— сказал Крис, чувствуя, что настал момент проявить некоторую твердость.— Говори же, что такое?

— Я... я не могу, Крис, не могу!

Слезы катились по ее щекам, и Крис чувствовал, что она действительно глубоко страдает; не было ни игры с кружевным платочком, ни умышленно патетических взглядов; она, кажется, даже не замечала, что плачет. Что делать? Подобная сцена могла очень скверно отразиться на ней в ее теперешнем положении, но так или иначе все это нужно выяснить.

— Отец знает о том, чего ты не хочешь рассказать мне?

- Ах нет, нет!
- Мать знает?
- Нет! Ах, не рассказывай ей!
- Джерри знает?
- Да.
- А! И ничем не может помочь?
- Нет.

«Получается что-то вроде мрачного варианта детской игры в вопросы и ответы,— подумал Крис,— но я должен докопаться до истины».

- Когда это произошло? — настаивал он.
- Не знаю.
- Не знаешь! Ну, а когда ты это обнаружила?
- В Монте-Карло.
- Понятно. А как ты это обнаружила?
- Доктор сказал — сказал...
- Доктор! — Крис почувствовал, что он опять сбился со следа и вернулся все к той же беременности.— Так что же сказал доктор?
- У меня была сыпь и...
- И что?
- Он взял мою кровь на исследование и...
- Что! — воскликнул Крис, чувствуя, как вся кровь леденеет в нем от ужасного подозрения.— Ты говоришь, он взял кровь на исследование?
- Да,— прошептала она почти беззвучно.
- Реакция была положительная? — твердо спросил Крис.

Жюльетта ничего не ответила, только отвернулась.

— Положительная? — повторил Крис.

Жюльетта кивнула и спрятала лицо в ладонях: все ее тело сотрясалось от рыданий.

Крис сидел совершенно неподвижно, уставившись на нее невидящим взглядом. У него было странное смутное ощущение, что нечто подобное происходило с ним когда-то раньше. Да, он вспомнил. В тот раз он повредил себе сухожилие на ноге и беспомощно лежал на земле, не в силах подняться, оглушенный болью. Тогда так же кровь отливала от лица, холод сковывал тело, взгляд застилала пелена, он чувствовал легкую тошноту и то же наивное недоумение — неужели это действительно случилось со мной? Тот же наивный подсознательный протест — почему это должно было случиться именно со мной? Почему я не могу быть таким, как минуту назад? И потом, как долго это будет продолжаться? Кон-

чится это когда-нибудь? Я не могу этого выносить! И все это время какое-то странное ощущение, точно он стоял в стороне, наблюдая все происходящее критически — с убеждением, что это неправда. И как тогда казалось невероятным, что можно испытывать такую сильную физическую боль от разорванного сухожилия, точно так же теперь казалось невероятным, что можно переживать такое острое нравственное страдание. Это неправда, это неправда! Но боль не ослабевала.

Он нагнулся как можно ниже, чтобы вызвать прилив крови к голове, борясь с головокружением. Он был почти лиричен, что это неправда, что нечто, заставлявшее его лишиться чувств, сейчас пройдет, что оно уже проходит. Но это «нечто» не было, не могло быть тем, о чем говорила Жюли.

Через минуту или две он снова обрел способность сидеть прямо; но он был бледен и весь дрожал. Жюли по-прежнему была перед ним, сгорбившаяся в безнадежный комочек истерзанной отчаянием плоти. Он снова услышал пронизывающий сердце звук ее рыданий, в котором звучала такая беспомощность перед лицом несчастья, что ему захотелось крикнуть, чтобы заставить ее замолчать. Неужели это правда, неужели это возможно? Она, во всяком случае, верила этому. Нужно выяснить, в чем дело.

— Жюли! — прошептал он.

Она или не слышала, или не могла ответить. Он видел ее прекрасные, тщательно уложенные волосы, которые казались такими живыми и юными, тонкую склоненную шею, в которой было столько трагического пафоса,— так, должно быть, склонялась на плахе шея Анны Болейн,— видел восхитительное изящество ее пальцев и обнаженной руки. Никогда раньше он не сознавал с такой ясностью красоту своей сестры: это было нечто слишком хорошо знакомое, слишком само собой разумеющееся. «Мы ценим только то, что теряем,— беспомощно подумал он.— Возможно ли, что она потеряна, что ее прекрасное тело, такое живое и здоровое на вид, уже тронута болезнью, обречено на ужаснейшее безобразие и разложение?..»

И, о господи, она ждет ребенка!

Ужас этой мысли вывел Криса из оцепенения. Он вскочил и принялся лихорадочно расхаживать взад и вперед по своей маленькой комнате. Возьми себя в руки, возьми себя в руки. Необходимо что-то сделать. Но что?

Он подошел к полке и, взяв карманный медицинский справочник, заставил себя твердой рукой перелистывать страницы. Он читал слишком быстро, не вникая в смысл, пока не дошел со слов: «Значительный процент женщин (по некоторым подсчетам свыше половины) заражаются от мужей...» Он сердито взглянул на эти слова и стал читать дальше... Но это было слишком длинно, полно специальной терминологии, сложно и — для человека, ищущего надежды — слишком пессимистично. Он отбросил книгу в сторону и вернулся к креслу.

— Жюли! — повторил он, но на этот раз гораздо громче, твердым голосом.

— Да? — слабо ответила она.

— Что случилось дальше, когда ты побывала у французского доктора?

— Я... я была вне себя. Сказала, что я не... не верю ему, что это его грязное французское воображение. Тогда он рассердился и накричал на меня. Он сказал, что я могу обратиться к любому специалисту, он знает, что его диагноз правилен. И он сделал мне вливание.

— А дальше что?

— Я очень испугалась, на следующий день села на аэроплан и здесь пошла к одному лондонскому профессору.

— И он подтвердил этот диагноз?

— Да.

— И сразу начал лечение?

— Да.

— Тогда еще не все потеряно,— сказал Крис, стараясь говорить убежденным тоном.

Жюли подняла голову и повернула к нему белое заплаканное лицо.

— Ты просто стараешься ободрить меня?

— Я стараюсь ободрить тебя,— решительно сказал Крис,— но говорю только чистейшую правду. Если захватить болезнь вовремя, то можно спасти и тебя и ребенка.

— Откуда ты знаешь? — живо спросила она.

— Знаю, потому что одним из моих занятий в жизни было читать о подобных вещах,— ответил Крис,— а во всех медицинских книгах настойчиво говорится, что своевременно принятые меры обеспечивают полное излечение.

— Ты в этом уверен?

— Разве твой доктор не говорил то же самое?

— Да, но я ему не поверила.

— А я советую тебе верить ему. И советую выполнять его предписания как можно точнее и тщательней. Тогда ты будешь такой же здоровой, как до болезни, и ребенок родится здоровый.— Крис отметил, что Жюли слушает его с напряженным вниманием и с почти детской доверчивостью и надеждой. Он продолжал: — Так что считай это дело решенным. Это будет, конечно, очень нудно и утомительно, но тут все дело во времени и настойчивости. Так что выбрось из головы всякие опасения по этому поводу. Медицина сделает все возможное, но многое зависит и от твоего мужества и терпения. Тебе придется посвятить по крайней мере год борьбы с этим. И ты победишь, я знаю, что ты победишь.

— Если бы только я могла этому поверить! — воскликнула Жюли, ломая руки.

— Тут нечего верить. Это факт. Попроси своего доктора, чтобы он откровенно объяснил тебе все, и ты увидишь, что я прав. И есть еще одна вещь. Тебе незачем считать себя опозоренной. Ты не совершила ничего постыдного. Тебе причинили большое зло. И ты пережила ужасный удар. Даже для меня это было ударом,— можно себе представить, чем это было для тебя!

— Да, но это так гнусно и грязно,— сказала Жюли, вздрагивая.

— Вздор,— сказал Крис.— Ты ведь не чувствовала бы себя опозоренной, если бы случайно заразилась тифом или скарлатиной, правда?

— То другое дело.

— Почему другое? Разве микробы имеют мораль? Неужели ты должна считать себя опозоренной только потому, что это связано с половой жизнью? Да ведь корень твоей болезни как раз в этих самых «благородных чувствах» и так называемой «скромности», из-за которых ты считаешь себя опозоренной. Если бы на свете было поменьше ханжей и кретинов, которые только и заботятся, что о «скромности» и «благородных чувствах», эта болезнь давно была бы искоренена. Держи голову выше, сестренка. Ты можешь возмущаться, но нечего чувствовать себя виноватой. Если кому-нибудь и должно быть стыдно, то это нашему дурацкому обществу равноапостольных идиотов, которое калечит всякую здравую попытку что-нибудь усовершенствовать.

К неопишуемой радости Криса Жюльетта расхохоталась над его страстным негодованием.

— О, Крис, Крис, ты все такой же!

— Так, значит, это дело решенное,— сказал он, пытаясь рассмеяться, хотя к глазам у него подступали слезы,— но нам нужно решить еще один вопрос. Как ты намерена вести себя в отношении Харт... в отношении Джерри?

На лице Жюли появилось выражение панического ужаса.

— Ах, Крис, не заставляй меня возвращаться к нему, ради бога! Может быть, я могла бы переночевать у тебя на полу?

— Нет,— сказал Крис.— Не нужно драмы, Жюли. Будем благоразумны. Мы должны всячески остерегаться ошибок...

— Но я не могу с ним жить...

— Ты и не будешь. Обещаю тебе, что не будешь. По-моему, даже с точки зрения английских законов твое дело абсолютно верное. Но не забывай, мы бедны, а Джерри богат. Мы ничтожества, а он человек с весом, и у него влиятельные друзья. Мы не можем, не смеем полагаться только на то, что наше дело правое. У нас должен быть свой юрист. Если ты так просто уйдешь от него, он предъявит контрбвинение, что ты сбежала от мужа, и, кто знает, может быть, впутают в это дело и меня. А теперь, если я пообещаю, что ты уйдешь из его дома завтра, ты будешь делать, как я тебе скажу?

— Я не хочу возвращаться! — беспомощно сказала Жюли.

— Знаю, что не хочешь. Но это будет для тебя первый случай доказать свое мужество. Вот мой план. Я отвезу тебя домой и устрою так, чтобы Джерри тебя не беспокоил. Завтра я первым делом свяжусь с твоим доктором — кстати, как его фамилия и адрес?

Жюли ответила, и Крис тщательно записал это.

— Потом увижусь с Ротбергом...

— Ах, только не с ним, пожалуйста!

— Да, с ним,— настойчиво сказал Крис.— Больше я никому не могу этого доверить. И тогда, при поддержке закона и медицины, я приду к тебе на выручку. Кроме того, ты соберешь все, что тебе может понадобиться, в том числе все драгоценности, принадлежащие тебе по праву. И будешь сидеть у себя в комнате. У тебя в спальне есть телефон?

— Есть.

— Отлично. Я буду звонить тебе примерно раз в

час и сообщать, как идет дело. У тебя есть с собой деньги?

— В сумочке что-то есть.

— Два фунта найдется?

— Да.

— Дай их мне. Мне они понадобятся на такси и на телефонные звонки. Сдачу я тебе верну. Спасибо. Ну как, теперь все ясно?

— Да.

— Отлично. Только не волнуйся, Жюли. Мы с триумфом вызволим тебя оттуда, и через год у тебя будет прелестный здоровенький малыш, и ты сама будешь совершенно здорова, мы отделаемся от этого господина-мерзавца и позаботимся, чтобы ты получила хорошие алименты. Это гнусное дело, я понимаю. И я знаю, что никакие деньги не возместят того, что ты перенесла. Но тебе будут нужны деньги, чтобы пройти через все это. А теперь слушай и отвечай по совести. Теперь ты понимаешь, что ты можешь и должна поправиться?

— Да.

— И что ребенок тоже будет здоровый?

— Ты в этом уверен, Крис?

— Абсолютно уверен,— сказал Крис, не чувствуя на самом деле никакой уверенности.

— И ты знаешь, что я освобожу тебя от Джерри?

— Да.

— Отлично. Так что перестань огорчаться. Скажи себе, что человеческий разум в состоянии справиться с такими... такими несчастьями, какие случились с тобою. А теперь посиди-ка спокойненько у огня, пока я найду такси.

Жюли кивнула. Ее глаза снова наполнились слезами, но это были слезы облегчения и надежды. Повинуясь минутному порыву, Крис сделал шаг по направлению к ней, но сейчас же сдержал себя. Ты не должен ее целовать. А вдруг Марта... О боже! Чтобы как-нибудь оправдать свое движение, Крис нагнул и погладил сестру по голове.

— Я сию минуту вернусь,— сказал он.

Мистер Кристофер Хейлин умел проповедовать самообладание своей сестре, но сам он был в таком возбужденном состоянии, что выскочил на улицу без пальто и шляпы. Ледяной ветер с дождем хлестнул его и заставил вздрогнуть; но он слишком торопился, чтобы возвращать-

ся. Как всегда бывает в дождливые вечера, такси как не бывало. Ему пришлось пробежать по Шафтсбери-авеню почти до Пикадилли-Серкус, и только там он нашел такси. В театрах и кино только что кончились спектакли и последние сеансы, и поэтому тротуары были заполнены людьми со сталкивающимися зонтиками, а мостовая запружена стоящими автомобилями. Только через пять минут такси, нанятому Крисом, удалось выбраться из создавшегося затора.

Крис просил шофера обождать, а сам быстро поднялся к себе в комнату. Жюли послушно и тихо сидела в кресле. Она взглянула на него, мужественно сiallyсь улыбнуться, и он с удовольствием заметил, что она по-пудрилась и привела в порядок прическу. «Хороший знак,— подумал он,— ведь пуховка — это маршальский жезл в сумочке каждой женщины». Крис помог ей одеться и взял ее под руку. Она отшатнулась от него, точно их разделяло какое-то ужасное табу.

— Не прикасайся ко мне!

— Ерунда! — сказал Крис, решительно беря ее под руку.— Не преувеличивай. Твоя шуба ничем не больна, правда ведь?

Он понял, что ее необходимо приободрить, внушить ей, не преступая границ осторожности, что она не должна чувствовать, будто возбуждает в нем ужас. Несмотря на протесты Жюли, он заставил себя всю дорогу в такси не выпускать ее руки из своей и в течение всех этих бесконечных минут бодро поддерживать оживленный разговор. Вдруг Жюли перебила его:

— Крис, Крис, зачем они позволили мне выйти за Джерри?

— Они не позволили, они заставили тебя...

— Это и моя вина. Мне казалось, это так замечательно быть женой богатого человека. А это скучно, Крис, дьявольски скучно. Мне казалось, что наша домашняя обстановка дышит ограниченностью; но это ничто по сравнению с друзьями Джерри. Как ты был прав тогда, год тому назад. Зачем я не послушалась тебя!

— С моей стороны тоже было много предвзятости,— признался Крис.— Мне очень не нравилось, что ты останешься Джерри. Ты разве когда-нибудь любила его по-настоящему, Жюли?

Она замялась.

— Как тебе сказать, меня в нем что-то привлекало,— сказала она.— Но, пожалуй, меня на самом деле привле-

кала его жизнь, как я себе ее представляла, и я решила, что мне нравится он сам. Теперь я ненавижу, о, ненавижу его!

Такси подъехало к особняку Хартмана. Крис сошел, заплатил шоферу и вернулся, чтобы помочь Жюли выйти. Она сидела, не двигаясь.

— Крис, я не могу, я не могу! Ты не знаешь, как ненавистен...

— Ш-ш! — мягко сказал Крис. — Это всего только на одну ночь, и ты даже не увидишь его. Мужайся, и пойдем вместе.

Наполовину ведя, наполовину волоча за собой Жюли, Крис добрался с ней до двери и позвонил. Дверь открыл лакей, который с неприкрытым удивлением воззрился на жену своего хозяина в слезах и под руку с незнакомым молодым человеком.

— Ее светлость плохо себя чувствует, — сказал Крис громко, придавая своему голосу барственную интонацию оксфордского студента. — Закройте дверь и пришлите сейчас же ее горничную.

— Слушаюсь, сэр.

Крис подвел сестру к креслу, и она села, сжавшись в комок и рыдая. Он бросил шляпу на столик и взял ее за руку, шепча:

— Мужайся, мужайся! Это ненадолго. И он не будет тебя тревожить. Запомни, я буду звонить завтра утром и увезу тебя отсюда еще до обеда. Так что перестань реветь!

По лестнице сбежала какая-то женщина, за которой менее поспешно следовал лакей. Когда она приблизилась к Жюли, Крис обратился к ней:

— Вы горничная ее светлости?

— Да, сэр.

— Я мистер Хейлин, ее брат. А теперь потрудитесь выслушать внимательно, что я вам скажу. Ее светлости стало нехорошо, когда она зашла навестить меня сегодня вечером. Я позвонил доктору, и он говорит, что ей необходим полный покой и отдых. Ни в коем случае не следует беспокоить ее до прихода доктора, до утра. Не пускайте никого в ее комнату, даже сэра Джеральда, и пусть кто-нибудь дежурит всю ночь в соседней комнате, пока я не найду сиделку. Вы возьмете это на себя?

— Да, сэр.

— Отлично. Помните: никто не должен ее беспокоить. А теперь уложите ее светлость в постель.

Он повернулся к Жюли; она встала с кресла и смотрела на него испуганными, умоляющими глазами.

— Спокойной ночи, дорогая. Ты выглядишь уже гораздо лучше. Спи спокойно.

— Спокойной ночи и спасибо тебе, о, спасибо за...
— Глупости,— сказал он, поглаживая ее руку.— Ну, а теперь ступай.

Он окликнул ее, когда она устало подымалась по широкой лестнице.

— Я оставлю Джерри записку. И позвоню тебе утром. Еще раз спокойной ночи.

Затем Крис повернулся к лакею и спросил:

— Сэр Джеральд не говорил, когда вернется?

— Нет, сэр.

— Тогда я оставлю ему записку.

Крис быстро набросал послание в таком тоне, который, по его мнению, должен был удержать Джеральда на расстоянии, запечатал конверт и передал его лакею вместе со своей визитной карточкой.

— Вы слышали, что я сказал горничной?

— Да, сэр.

— Вы поняли, что положение серьезное? Ее светлость в очень опасном состоянии. Кто-нибудь должен остаться здесь и вручить мою записку и карточку сэру Джеральду как только он вернется. Если сэр Джеральд вернется после хорошего ужина, необходимо будет внушить ему, что доктор категорически запретил беспокоить ее светлость. Могу я положиться на вас, что вы это сделаете?

— Да, сэр.

Крис порылся в кармане и протянул лакею пять шиллингов.

— Вы, конечно, сумеете обойтись с ним должным образом,— сказал он, как бы делая лакея своим сообщником.— Уложите-ка его в постель, поспокойнее и побыстрее.

— Слушаюсь, сэр.

Крис снова очутился на дождливой, выметенной ветром улице. Он устал, голова у него болела, в горле пересохло, руки и ноги оледенели. А в сознании был хаос смятения и ужаса. Неужели всего шесть часов тому назад он возвращался так радостно, так доверчиво от Марты?.. Нет, нет, нельзя думать сейчас о Марте, этот ужас не

должен ее касаться. К тому же не все еще сделано. Что нужно в первую очередь? Доктор, конечно!

Он исходил, как ему казалось, целые мили в поисках автомата, но на свое счастье застал доктора как раз тогда, когда тот собирался лечь спать. Крис с трудом втолковывал ему, какое создалось положение и что нужно сделать, и с еще большим трудом уговорил его принять участие в намеченных действиях. В конце концов доктор согласился встретиться с Крисом и Ротбергом в половине первого и настоять на том, чтобы Жюли покинула дом своего мужа.

— А куда же вы ее поместите? — спросил доктор.

— В этом, доктор, я рассчитываю на вашу помощь. В ее состоянии ей следовало бы находиться в частной лечебнице.

— В частные лечебницы таких больных не принимают.

— В обычные да, я это знаю, — сказал Крис. — Но, доктор, у вас же бывают аналогичные случаи. Вы, наверное, знаете какую-нибудь лечебницу...

Наступило молчание. Доктор, видимо, обдумывал.

— Да, есть такая лечебница... Но вы знаете, с каким предубеждением относятся к таким болезням? Придется взять специальную сестру-сиделку на день, и так далее. Это обойдется недешево.

— Сколько?

— Примерно двадцать пять гиней в неделю.

— Ну, что ж, — сказал Крис, хотя он был ошарашен. — Сэр Джеральд, как вы знаете, богат, и он должен расплачиваться за свою вину. Вы это устроите, доктор?

— Да.

— Я приду к вам завтра, в четверть первого, вместе с юристом. Сговорились?

— Сговорились.

Дальше что? Ротберг, конечно! Крис позвонил к нему на квартиру и с все возрастающим отчаянием прислушивался к безответным гудкам телефона. Он уже собирался было повесить трубку, как вдруг раздалось щелканье аппарата и сонный свирепый голос сказал:

— Привет! Привет! Что такое?

— Это вы, Ротберг? Говорит Хейлин.

— Какого дьявола вы звоните в такой час? Я уже заснул, черт вас побери!

— Простите ради бога. Но слушайте. Случилось нечто совершенно ужасное.

— Что?

— Не со мной, с Жюли. Не могу сказать вам по

телефону. Но мне необходимо увидеться с вами завтра не позже половины двенадцатого, а потом в двенадцать мы поедем с вами к Хартману и увезем оттуда Жюли.

— Увезем Жюли?

— Да. И бога ради не начинайте спорить. Я все объясню завтра. Согласны?

— Но у меня назначены дела...

— К черту дела. Говорю вам, что это нечто совершенно ужасное и нужно немедленно принять меры. Ну?

— Хорошо.

— Ну вот. Я знал, что на вас можно рассчитывать. Не знаю, как вас благодарить. Не забудьте. Спокойной ночи.

Крис устало плелся по пустынным унылым улицам. Дальше что? Нужно было что-то еще... Ах да. Снова он рыскал по городу, пока не нашел на Пикадилли ночную аптеку, где он купил несколько флаконов разных дезинфицирующих средств.

Когда Крис наконец добрался до своей комнаты, было уже за полночь. Камин догорел, и в желтом свете газа комната казалась особенно отталкивающей. Он пожегся, наполовину от холода и усталости, наполовину от отвращения. Он израсходовал, казалось, всю свою энергию в страстных усилиях внушить Жюли надежду и самообладание. И вот теперь, когда необходимость в немедленных действиях на время отпала, он сам постепенно утрачивал самообладание и надежду. С чувством какого-то стыда и унижения он вымыл дезинфицирующим средством руки, касавшиеся сестры.

Марта. Как быть с Мартой? Бесполезно пытаться заснуть, пока не будет как-то разрешен этот вопрос. Не снимая пальто, он бросился на кровать и закрыл глаза. Не спать, только не спать.

Как быть с Мартой? Сказать ей? Это казалось самым прямым, честным выходом из положения. Но ведь это не его тайна, это тайна Жюли. Он имеет полное право рассказать об этом Ротбергу, потому что это в интересах Жюли. Но больше никому. К тому же поймет ли это Марта, как она к этому отнесется? Может быть, просто почувствует отвращение? Не разрушит ли этот удар в одно мгновение и, быть может, навсегда прекрасное и хрупкое сплетение чувств и ощущений, которое он создавал для них обоих? И разве то, что произошло с Жюли, уже не разрушило отчасти или по крайней мере не повредило нечто в нем самом?

Он открыл глаза и уставился на газовый рожок. Остается одно: позвонить Марте завтра утром, сказать, что его сестра опасно больна и что ему придется провести с ней весь день. Потом посоветоваться с доктором и выяснить, не рискует ли он заболеть и какие нужны меры предосторожности. Если необходим карантин, Марте придется примириться с этим. Он придумает какое-нибудь объяснение. Не подумает ли она, что он нарочно избегает ее? И даже если все обойдется благополучно, — какая все это гнусность, какой чудовищный дар молодому человеку на заре его первой счастливой любовной связи!

«Почему она пришла ко мне? Ведь я был с позором отвергнут и примирился с этим. Между нами было заключено молчаливое соглашение: мы расстаемся, и каждый идет своей дорогой. В какое бы отчаянное положение я бы ни попал, я никогда не обратился бы за помощью к ним. Почему теперь я единственный человек, которому Жюли доверяет, в то время как полгода назад я был для нее глупцом, и больше ничего? Я не переменялся. Бедная Жюли! Я должен помочь ей пройти через это. Она разрушила величайшее счастье, какое у меня когда-либо было, и даже не знает об этом. Но нельзя быть жестоким к такому страданию. Что бы она сказала, если бы я пришел к леди Хартман так, как пришла ко мне она? Бедная Жюли! Она не зла. Она глупенькая и невежественная женщина, и, черт возьми, как она расплачивается за это! Глупость и невежество, вот за что должны расплачиваться люди. Все человечество расплачивалось, расплачивается и будет расплачиваться за свою добровольную глупость и безграничное невежество.

Но остальные! Джеральд. Глупость и невежество. Вот он, один из героев целой толпы спортсменов и игроков, один из тех, чьи портреты всегда особенно охотно печатают в иллюстрированных журналах для снобов, вот достойный столп нынешнего порядка вещей, кто истребляет ради забавы существа, бесконечно более изящные и прекрасные и гораздо менее зловредные, чем он сам, вот человек, низведший пол на одну из самых его низких ступеней. Это невежественный сладострастник — достойный собрат невежественного ханжи. Знал ли он, что делал? Вероятно, нет. Вероятно, у него сохранилось старомодное представление прожигателей жизни, что в этой гадкой болезни, которой так легко избежать, есть что-то спортивное и мужественное. Так или иначе, его песенка

спета. У него не хватит терпения выдержать долгие месяцы строгого режима...

А остальные... Та же глупость и невежество. По собственной глупости попали в беду и наделали новых глупостей, чтобы выпутаться. Какой фантастически идиотский «план»! За него теперь расплачивается бедняжка Жюли. Конечно, родители *не знали*, что с Джеральдом. Конечно, они пришли бы в ужас, если бы узнали об этом. Но они отлично могли бы выяснить это, во всяком случае, это должен был бы сделать отец. Однако в их глупом мире снобов подобные вещи не могут случаться с состоятельными баронетами. И даже если бы этого не случилось, — они все равно глупы и невежественны. Чего ради толкать свою дочь в постель богатого животного? Что за смесь глупого невежества и жадности?

Я виню в этом отца. Он сыграл подлую роль. Он поступил как глупец, а это трудней всего простить. Он поддался на низкий план матери, потому что у него не хватило мужества противостоять ей. Он пытался выставить себя «заботливым отцом», а у самого не хватило элементарного здравого смысла навести справки о человеке, за которого он уговаривал свою дочь выйти замуж во имя своих собственных мерзких выгод, не хватило здравого смысла хотя бы потребовать докторское свидетельство. Ах, да что там!..»

Крис в бешенстве вскочил с постели и в бешенстве сел за письменный стол. Обида и возмущение, накопившиеся за много месяцев, может быть, даже лет, наконец вырвались наружу, и он излил их в письме к отцу, в письме, насыщенном презрением и гневом. Он ни на минуту не поколебался. Фраза за фразой холодного и злобного обвинительного приговора выливались из-под его пера, и к его ненависти примешивалось горькое возмущение и жалость к Жюли...

Крис подписал письмо, перечел его, написал на конверте адрес и наклеил марку; затем вышел из дому, опустил письмо в почтовый ящик и только тогда погрузился на несколько часов в безрадостный, тревожный сон.

ЧЕТЫРЕ

Крис проснулся совсем не в таком настроении, как на утро после первого любовного свидания с Мартой. На этот раз в нем не было и следа необоримого опти-

мизма вольтеровского доктора Панглосса. Он чувствовал себя скорее бедным маленьким мальчиком, который просыпается впервые в большой и явно враждебной к нему школе, чувствуя, что опоздал к молитве, и не сомневаясь, что день будет не из приятных. Как только он вспомнил обо всем, он раскаялся, что в состоянии усталости, озлобления и безнадежности написал ночью отцу такое горькое письмо. Какой смысл проявлять мстительность? Только чтобы потом чувствовать стыд. Почему именно он напал на Фрэнка? Чувствуя себя чуть ли не виноватым, Крис спрашивал себя, не выместил ли он на единственном оказавшемся доступным человеке свою досаду и обиду на то, что было осквернено его счастье с Мартой.

После завтрака Крис некоторое время задержался дома, записывая все, что предстоит сделать, и пытаясь в точности представить себе, как он будет поступать в каждом случае. Около десяти часов он решил, что мелочная предусмотрительность — всего лишь маска, которой он пытается прикрыть свое весьма реальное нежелание начинать этот тягостный день. Он сейчас же надел пальто и шляпу и вышел из дому.

На улицах было сыро и мглисто, и самые дома, казалось, источали уныние. У него вдруг возникло безрассудное желание вступить в артель рабочих по сносу домов и заняться полезной деятельностью — разрушением этих жалких обветшалых строений...

Дойдя до телефонной будки, он остановился в нерешительности. Кому звонить сначала, Марте или Жюли? Хорошо бы, конечно, Марте. Но он подумал, что Жюли, вероятно, провела ночь без сна, представил себе, как она считает минуты, дожидаясь его звонка; и позвонил сначала Жюли. Голос ее звучал устало и безнадежно.

— Как ты спала? — спросил Крис.

— Не очень хорошо.

— Я скажу об этом доктору. Для тебя очень важен сон. Видела Джеральда?

— Нет.

— Это хорошо. Я так и думал, что он не станет тебя тревожить, — сказал Крис, стараясь говорить как можно жизнерадостней и испытывая как раз противоположное. — Все идет замечательно. Я говорил с доктором, и он устроит тебя в санаторий...

— А это будет скоро, Крис? Мне так тяжело здесь...

— Знаю, дорогая. Сегодня утром я пойду к Ротбергу...

— Это так необходимо? Мне не хочется, чтобы он знал.

— Дорогая, нам необходим юрист, на которого можно было бы положиться, и он не будет тебя очень мучить. Я ему скажу. И слушай, Жюли...

— Что?

— Если все пойдет, как я надеюсь, мы приедем за тобой около половины первого. К этому времени ты уложишь вещи и будешь ждать нас?

— Я уложила вещи ночью. И я уже жду. Ах, Крис, а ты не можешь пораньше?

— Дорогая, доктор раньше не может. И потом, мне надо поговорить с Ротбергом. Мужайся, моя девочка. Подумай, осталось каких-нибудь два часа с небольшим. И я позвоню тебе еще раз. Держись, Жюли, все будет хорошо.

— Хорошо,— огорченно сказал голос Жюли.— Не беспокойся. Я постараюсь не унывать.

И она дала отбой. Крис повесил трубку и в течение двух минут осыпал Джеральда и своих родителей всеми ругательствами, какие только приходили ему в голову. Черт! С какой стати бедная девочка должна так жестоко страдать от их глупости и эгоизма. Он переменял мнение по поводу своего письма к отцу. Будем надеяться, это письмо выведет его из состояния напыщенного самодовольства, так ему и надо!

Почему-то Крису была неприятна мысль звонить Марте из того же автомата. Чистейший предрассудок. Однако он вышел и отыскал другую будку. Он произнес свое имя и услышал голос Марты, низкий, вибрирующий и счастливый:

— Крис! Неужели это ты? Милый! Я думала о тебе, и ты мне снился всю ночь, и ты, наверное, почувствовал это и позвонил. Какой ты хороший.

— Я тоже все время думал о тебе, милочка,— ответил Крис с чувством неловкости за свое лицемерие.— Ты представить не можешь, сколько силы и спокойствия придает мне твой голос.

— Милый!

— Только вот какое дело, Марта. Случилось нечто весьма неприятное...

— Неприятное? С тобой? О, Крис!

— Не со мной непосредственно, а с Жюли. Она опасно больна.

— Бедняжка!

- Ужасно досадно, правда?
- Где она? Может быть, мне пойти к ней? Могу я чем-нибудь помочь, Крис?
- Ты можешь помочь *мне!* — многозначительно сказал он.
- Тебе? Каким образом?
- Если будешь по-прежнему любить меня...
- Как будто я могу тебя не любить!
- И не рассердишься, что нам с тобой нельзя будет видиться несколько дней.
- О! — в голосе Марты звучало разочарование. — Почему?
- Ради твоей же безопасности, — объяснил Крис. — Видишь ли, Жюли с Джеральдом ухитрились подцепить на юге какую-то инфекцию...
- Какую?
- Ах, у нее какое-то ученое название, я забыл. И, понимаешь, мне пришлось вчера пробыть с Жюли весь вечер, а сегодня нужно будет отвезти ее в изолятор. Так что я могу оказаться переносчиком инфекции. Я поговорю насчет этого с доктором...
- Но, Крис, если ты идешь на такой риск ради Жюли, то уж я тем более могу пойти на него ради тебя!
- Милая! Но тут есть разница. Жюли надо помочь, и я иду на риск. Но не могу же я подвергать тебя такому риску только потому, что жить без тебя не могу.
- Но я тоже не могу без тебя жить!
- Марта! Мне плакать хочется, до такой степени это невероятно и потрясающе, что ты без меня жить не можешь. Но, дорогая, мое решение твердо. Я не подвергну тебя этому риску. И все же сегодня я спрошу доктора и потом позвоню тебе. Когда ты будешь дома?
- Для тебя всегда.
- Скажем, во время обеда? Между часом и двумя?
- Да.
- Хорошо, я тогда и позвоню. И, Марта...
- Что, милый?
- Не забывай своего дружка.
- Ах, Крис!

Разговор с Мартой изменил настроение Криса. Ему уже не казалось больше, что все проклято и осквернено или что его отношения с Мартой безнадежно испорчены. Что за милая девушка! Никаких кривляний, никакого

кокетства или подозрений, или капризов из-за того, что случилось что-то неприятное и что это доставило ей огорчение. «Удивительно,— подумал он,— как важно для нас расположение и одобрение наших сексуальных партнеров. Или это просто причуда западноевропейцев? Китаец, например, беспокоится о мнении своего покойного прадеда. Пожалуй, мы все-таки более разумны. С рациональной точки зрения гораздо важнее быть в хороших отношениях со своим сожителем, чем со всеми своими предками до неандертальского человека включительно».

Он взглянул на часы. Без четверти одиннадцать. Он решил пройти в контору Ротберга и постараться попасть к нему немного раньше назначенного срока. Ему пришла в голову мысль, что история с Жюли будет для Ротберга не только юридическим, но и личным делом. Он подумал, действительно ли Ротберг был очень влюблен в нее. Судя по его отношению к Джеральду,— безусловно. «Если ей предстоит выйти замуж еще раз,— подумал Крис,— мне очень хотелось бы, чтобы она вышла за него. В конце концов по каким-то таинственным причинам евреи очень заботятся о своих близких».

Хотя Крис пришел почти за полчаса до срока, ему пришлось ждать всего несколько минут. Ротбергу, видимо, очень хотелось знать, что случилось.

— Ну? — спросил он, как только Крис сел.— Что случилось? Что с Жю — с вашей сестрой?

— Нечто одновременно трагическое и гнусное...

— Может быть, я буду не так уж шокирован,— цинично сказал Ротберг.— Юристы видят многое, что скрыто от большинства людей.

— Пожалуй, даже вы будете шокированы.

— Ну, выкладывайте.

Крис изложил, насколько мог короче, все, что случилось. Когда он дошел до сути, он увидел, как Ротберг вздрогнул и побледнел.

— Что! Вы уверены?

— Я-то совершенно уверен. Но я знаю только то, что сказала мне она. Вы сможете спросить у доктора сами.

Ротберг порывисто встал и подошел к камину, повернувшись к Крису спиной. Две или три минуты оба молчали. Потом Ротберг выпрямился и вернулся к своему креслу за письменным столом. Крис заметил, что Ротберг очень

бледен и что его руки, перебиравшие какие-то бумаги, слегка дрожат.

— Прошу прощения, что я вас перебил,— сказал он сдавленным голосом.— Но для меня это тяжелый удар.

— Я так и думал,— виновато сказал Крис.— Если бы на свете был хоть один человек, которому я мог бы доверить юридическую сторону этого дела, я избавил бы вас от этого. Но такого человека нет. Для меня это тоже был удар.

— Могу себе представить. Чего же вы от меня хотите?

— Вчера вечером она сбежала из дому и пришла ко мне. Я заставил ее вернуться.

— Почему?

— Я боялся, что это будет юридически неправильно, что ее смогут обвинить в том, что она сбежала от мужа. Вот я и хотел сначала поговорить с вами.

— При этих обстоятельствах не может быть никакого контробвинения. Она имеет полное право уйти от мужа.

— Что ж, это уже хорошо. Она может получить развод?

— Без всяких разговоров. Если заключение врача вполне определено,— а оно, кажется, будет таковым,— суд не будет колебаться ни секунды. Дело абсолютно верное.

— Это уже утешительно,— сказал Крис, пытаясь выдать улыбку.— Когда предрассудки повертываются в нашу пользу, они не кажутся нам такими уж зловредными. На этот раз Хартману не повезло...

— И поделом!

— Ну, так вы пойдете вместе с доктором и со мной, правда? И расправитесь с баронетом-спортсменом, если он вздумает упираться.

— Не посмеет.

— Он, вероятно, не так хорошо знает законы, как вы,— ответил Крис.— Я хочу, чтобы Жюли покинула этот дом под охраной Медицины и Закона, этих двух священных идолов света.

— Это вовсе не так необходимо, чтобы я...

— Вы не хотели бы с ней встречаться?

— Говоря откровенно, да.

— Я вас понимаю,— сказал Крис.— Но, с другой стороны, дорогой мой, кому еще я могу доверить подобное дело? Вам нужно будет сделать так, чтобы это не попало в газеты.

— Им не позволят это печатать.

— Отлично. Но ведь вам нужно будет встретиться с ней, чтобы снять с нее показания, не так ли? И хотя это крайне болезненно для вас обоих, принимая во внимание... принимая во внимание сложившиеся обстоятельства, это единственное, что остается. Если угодно, я буду присутствовать.

— Ну, ладно...

— Еще одна вещь,— прервал Крис.— Надеюсь, Хартман будет платить ее долги?

— Разумеется.

— Расходов будет до черта. Одна лечебница обойдется в двадцать пять фунтов в неделю.

— Заплатит.

— И алименты?

— Разумеется.

— Странное дело, как часто к романтической любви примешиваются денежные дела,— сказал Крис с горечью.— Кстати, заплатили вы деньги за нее моим идеалистам-родителям?

— Они получили двести пятьдесят. Я предусмотрительно задержал остальное...

— Молодец! Не давайте им больше ни пенни. Ей, бедняжке, пригодятся эти деньги. Не давайте им ни гроша.

— Я и не собираюсь.— Ротберг взглянул на часы.— Не пора ли нам к доктору? Я бы хотел поскорей с этим кончить.

— Одну минуту,— сказал Крис.— Можно позвонить?

Он набрал номер Жюли, и она сразу подошла к телефону.

— Привет! — бодро сказал он.— Как, не надоело ждать?

— Ах, Крис, ты еще долго?

— Теперь уже скоро. Я говорю с тобой из кабинета Ротберга. Мы сейчас заедем за доктором, а оттуда прямо к тебе.

— Я должна уйти от него, Крис, должна, должна!

— Да, да! — успокоительным тоном сказал Крис.— Знаю, знаю. Присободрись! Мы сию минуту едем. До скорого, дорогая!

Он положил трубку и вздохнул.

— Она в совершенной истерике,— сказал он.— И не удивительно. Слава богу, что с нами будет доктор. Ну как, поехали?

L'enlèvement ¹ прошло гораздо благополучней, чем опасался Крис. Джеральд оставался невидимкой, а слуги, хотя они были явно поражены, не сказали ни слова. Даже Жюли взяла себя в руки, и хотя она была бела, как полотно, а губы ее дрожали, спокойно сошла с лестницы и села в ожидавшую их машину. Очутившись там, она забилась в угол, повернувшись к ним спиной и закрывая лицо руками, затянутыми в перчатки. Пока машина тряслась по людным улицам, трое мужчин обменивались отрывочными замечаниями, хотя из них один только доктор понимал, что он говорит. Крис почувствовал огромное облегчение, когда эта мучительная поездка кончилась и Жюли как бы тайком ввели в больницу через боковой вход.

Доктор поднялся вместе с ней.

— Можно мне с вами минутку поговорить, прежде чем вы уйдете? — крикнул ему вдогонку Крис.

— Подождите меня здесь, — бросил ему врач через плечо.

Крис повернулся к Ротбергу.

— Не знаю, как мне вас благодарить, — сказал он. — Вы сами видите, в каком состоянии Жюли, я тоже совершенно изнервничался. Вы вернули нам обоим уверенность...

— Пустяки. Я хотел бы...

— Знаю. Но я думаю, что нам нужно еще предпринять... Вероятно, следует известить Джеральда, что она ушла от него навсегда, как по-вашему?

— Он получит от меня официальное письмо с ближайшей почтой, — мрачно сказал Ротберг.

— Отлично. Скажите, могу я поручить всю юридическую часть этого дела вам?

— Можете.

— И еще одно. Вы получите гонорар за все это, я об этом позабочусь...

— Ну-ну! Какое это имеет значение по сравнению с ее трагедией?

— Это имеет значение, — сказал Крис, прощая его до двери. — Мы доставили вам массу хлопот и...

— Ах, бога ради, прекратим этот разговор, — свирепо сказал Ротберг.

— В случае чего вы известите меня? — крикнул ему вслед Крис. — До свидания!

---

¹ Похищение (фр.).

Но он не получил ответа.

«До чего он неохотно за это берется,— мрачно подумал Крис, возвращаясь в приемную.— Ну, я его не осуждаю. Я бы волком взвыл, случись такое хотя бы с Анной. И даже сейчас мне, наверное, стало бы легче, если бы меня стошнило. Ротберг настоящий друг. Немного найдется людей, которые пошли бы на такую муку во имя дружбы и старой любви, а тем более старой любви, так безжалостно растоптанной. Уж скорей бы возвращался этот чертов доктор — попрощаться с Жюли, и скорей бы на свежий воздух».

— Ну-с, что вам угодно знать? — спросил доктор, взглядывая на часы, когда они уединились в отдельной комнатке.

— Я буду короток,— сказал Крис.— Во-первых, есть ли у нее шансы на полное выздоровление?

— Конечно, есть, при условии, разумеется, что она сама приложит все усилия, чтобы помочь нам. Мы, кажется, захватили болезнь в самом начале.

— Но она говорит, что французский доктор получил положительную реакцию. Это как будто указывает на вторую стадию?

— Обычно — да. Но я его запросил по этому поводу. По-видимому, он сказал это только, чтобы напугать ее. Он, кажется, считает, что заражение произошло во время беременности, насколько я могу судить, он прав. Диагноз поставлен замечательно, но, я думаю, у него там таких случаев хоть отбавляй.

— Не сомневаюсь,— мрачно сказал Крис.— Но если это действительно первая стадия, тогда у нас есть все основания надеяться. Сколько времени будет продолжаться лечение?

— От полутора до двух лет.

— Фью! — свистнул Крис.— А ребенок?

— Если он выживет, то будет, вероятно, совершенно здоров.

— Лучше бы ему, пожалуй, умереть,— сказал Крис.— Отвратительные гены с одной стороны.

— Что вы знаете о генах? — заинтересовался доктор.

— Почти ничего,— сказал Крис.— Еще один вопрос, доктор. Следует ли мне считать себя в карантине?

— Почему?

— Я соприкасался с больной.

— Вы же не целовались с ней, не ели и не пили из одной посуды?

— Конечно нет. Но я брал ее за руку.

— Дайте-ка я посмотрю.

Доктор осмотрел руку Криса с помощью карманной лупы, потом выпустил ее.

— Никаких признаков заражения. Соблюдайте вот эти предосторожности...— Он вынул из кармана печатный листок и дал его Крису.— Тогда не будет ни малейшей опасности.

— У меня есть особые причины спрашивать об этом,— откровенно сказал Крис.— Я встречаюсь с одной девушкой, мне легче было бы умереть, чем причинить ей какое-нибудь зло. Следует ли мне воздерживаться от половых сношений, а если да, то как долго?

— С медицинской точки зрения, делать это незачем. Но с психологической — я бы переждал некоторое время. Эта история здорово расстроила вас, не так ли?

— Пожалуй. Сколько времени, по-вашему, ждать?

— Пока вы не будете уверены, что мысль о несчастье сестры не будет отравлять ваше счастье с этой девушкой,— добродушно сказал доктор.— А это вы сами решите. Ну, мне пора. У вас остались вопросы?

— Нет, больше ничего. И огромное вам спасибо, доктор!

— Прощайте.

После ожидания, показавшегося Крису бесконечно долгим, появилась, шурша платьем, сестра-сиделка и сухо сказала ему, что он может теперь повидаться с «больной». В конце коридора, изолированного от всей остальной лечебницы, он открыл дверь в комнату, обставленную с такой же медицинской строгостью, как анатомический театр, и увидел Жюли. Жюли сидела на постели, бледная и расстроенная.

— Ну как, теперь тебе легче? — ободряюще спросил Крис.

— Немножко. Я рада, что ушла из дома Джерри. Мне здесь долго придется пробыть, Крис?

Крис неслышно вздохнул. На что она рассчитывает? Что она будет жить по-прежнему, как будто ничего не случилось?

— Не дольше, чем тебе самой захочется,— сказал он.— После всех этих потрясений ты нуждаешься в нескольких днях полного отдыха. Скоро тебе позволят вставать и выходить.

— Здесь так неуютно и строго,— пожаловалась Жюли.

— Тебе придется некоторое время подчиняться всем этим строгостям,— убеждал Крис.— Это необходимо. Я только что говорил с доктором, и он сказал, что вы с ребенком будете совершенно здоровы, только если ты будешь самым тщательным образом соблюдать все предписания. Разве не стоит пожертвовать несколькими днями или неделями, чтобы привыкнуть?

— Неужели я всю жизнь буду прокаженной?

— Конечно нет! Через два года все пройдет и будет забыто.

— Два года! О, Крис, это же целая вечность!..

— Другого выхода нет. Ты не думай, что тебе придется все время жить здесь. Скоро ты сможешь жить, как все люди, при условии, что будешь соблюдать известные предосторожности. А пока что давай подумаем, чем бы тебя развлечь. Чего бы ты хотела, книг, например?

Они обсудили возможные развлечения, и Крис сказал:

— Попробуй пожить здесь недельку, воспользуйся этим, чтобы отдохнуть...

— Здесь так одиноко!

— Может быть, ты кого-нибудь хотела бы видеть, так ты скажи!

Жюли не сказала ничего, и он продолжал:

— Я сделаю все, что в моих силах, Жюли, но я не могу сделать невозможного. Хочешь, я найму тебе квартиру с прислугой... Но мы об этом поговорим в другой раз. Не оплачивай здешних счетов, они пойдут Джеральду. Пересылай их к Ротбергу, и если тебе будут нужны деньги, обращайся к нему или скажи мне, я обращусь к нему от твоего имени. Ну, а теперь чего бы ты еще хотела?

— Кажется, ничего.

— Ладно, если чего-нибудь захочешь, запиши на бумажке. Я скажу им поставить у твоей койки телефон, чтобы я мог тебе звонить. Я пришлю все, что ты просила, и буду приходить к тебе как можно чаще. А теперь отдыхай и постарайся уснуть и скажи себе, что каким бы это ни казалось страшным и неприятным и тяжелым сейчас, все это пройдет. Au revoir¹, дорогая!

Было почти половина второго, когда Крис ушел из лечебницы и отправился в магазин, где у Жюли был личный счет. Он был мрачен и утомлен, точно весь день

¹ До свиданья (фр.).

провел на ногах. Кроме того, ему очень хотелось пить. Самая мысль о еде внушала ему отвращение, поэтому он зашел в молочную и выпил молока. Беря сдачу, он при виде мелких монеток вдруг вспомнил, что еще не звонил Марте, как обещал. Она, должно быть, ждет...

Снова голос Марты прозвучал, как что-то прекрасное и успокоительное, вселяющее в него надежду и бодрость. Странно, что она так быстро стала для него жизненно необходимой.

— Ну, я отвез Жюли в лечебницу, — сказал он. — Ей это очень тяжело, но она, по-видимому, довольна.

— Бедняжка! — сказала Марта. — Как мне хотелось бы повидать ее!

— Невозможно! — сказал Крис. — Что же касается меня — доктор говорит, что через несколько дней нам уже можно будет встречаться.

— Через сколько дней?

— Не знаю. Он обещал мне сказать в следующий раз, завтра или послезавтра.

— Но, Крис, это, наверно, не так уж опасно! Ведь ты же встречаешься с другими людьми?

— Да, но я не целуюсь с ними!

Марта рассмеялась.

— Приятно слышать. Но ты придешь, как только будет можно?

— Неужели ты сомневаешься? Конечно, приду. Я буду звонить тебе каждый день. Если бы ты только знала, как мне тебя недостает! Но это скоро кончится. Не позже чем на будущей неделе...

Исполнив последнее из возложенных им на самого себя обязательств, Крис устало поплелся домой. Он так приучил себя из экономии ходить всюду пешком, что теперь, несмотря на большое расстояние, ему даже не пришлось в голову ехать на автобусе или в метро. Вместо этого он потратил деньги, оставшиеся от двух фунтов Жюли, на цветы, которые он ей послал. Когда он наконец добрался до того, что он иронически назвал «своим домом», голова и ноги у него болели, а стоптанные башмаки пропитались вьедливой лондонской грязью. Он переменил носки, надел туфли и терпеливо разжег погасший за это время огонь.

Его план был — провести остаток дня за книгами. Как много упущено! Был, например, учебник педагогики, который он начал с неохотой и вскоре бросил с отвра-

щением, а ведь его необходимо было проштудировать. Было неограниченное количество академической работы. Вышел новый труд по «научной антропологии», грозивший ниспровергнуть и уничтожить все, чему Крис с таким трудом научился по этой запутанной и возможно лженаучной дисциплине. Была брошюра, присланная Хоудом, о новых успехах Советского Союза. «Если все, что здесь написано, правда,— подумал Крис, перелистывая страницы,— тогда, как только об этом узнают неимущие всего мира, революция перестанет быть возможной: она станет неизбежной».

Крис переоценил свою способность не отвлекаться. Как ни старался он сосредоточиться над книгой, его внимание рассеивалось, и вскоре он незаметно для самого себя встал и принялся беспокойно бродить по комнате. Пока нужно было что-то делать и его ум был занят планами, он ощущал в себе энергию. Но теперь, когда делать было нечего и оставалось только ждать, наступила реакция, погрузившая его снова в отравление и уныние. Чем старательней он принуждал себя не думать о Жюли, тем упорней возвращались к нему мысли о ней. Его преследовали все те же воспоминания. Жюли, скорчившаяся и рыдающая у него в кресле, ее истерический голос по телефону, Жюли, забившаяся от стыда в угол такси, Жюли, усталая и одинокая в этой холодной и бесчеловечной комнате. И сколько он ни ругал Жюли за ее «морализирование по поводу микробов», он не мог отделаться от чувства гадливости и ужаса.

Даже мысль о Марте не утешала его. Он, так сказать, увидел череп под венком из рзз и не мог забыть этого. Он должен был сознаться себе, что, по крайней мере сейчас, желание умерло в нем. Внезапный неукротимый расцвет страсти, сделавший самый факт существования чем-то прекрасным и радостным, был грубо растоптан. Наслаждаться жизнью и предаваться любви в этом грязном хлеву! Он готов был со спокойным сердцем перестрелять всех до одного реакционеров и мракобесов в мире. Будь проклята их зловонная глупость!

Самим собой он тоже был не слишком доволен. Правда, нельзя сказать, что он сплеховал при этой неожиданной и очень серьезной неприятности. Но то, что она так потрясла его и расстроила, было явно плохо. Испытывать сострадание к Жюли, скорбеть о ней — это да, это правильно; но позволять ее несчастью окрашивать в мрачные тона все его мысли и чувства — это не годится, это

слабость. Человек, по-настоящему сильный морально, никогда бы не допустил, чтобы какой-либо удар, даже самый неожиданный и отвратительный, отдалил его от Марты. Неприятная и унижительная мысль.

Он начал понимать, что одно дело — здраво и трезво смотреть на жизнь, и совсем другое — не теряться при столкновениях с действительностью. Мысль, что в этом деле он, презираемый всеми, оказался прав, а его безапелляционные родственники неправы, не могла утешить его и скорее действовала в обратном смысле. Не было ничего лестного даже в том, как внезапно изменила о нем мнение Жюли. Всякая утопающая сестрица цепляется за своего доброго брата. Реальной победой было бы единственное, если бы у него хватило мужества и воли предотвратить катастрофу.

Причудливое сравнение пришло Крису на ум. Он уподобил себя математику-теоретику, который на бумаге смыслит кое-что в баллистике, знает формулу траектории пули, может начертить кривую ее полета и в точности определить ее ударную силу при заданном расстоянии. Но если бы случайно этот кабинетный ученый очутился на пути той пули, которая ведет себя в точности так, как он сам предсказывал, кто был бы более удивлен, более ошарашен, более в буквальном смысле выведен из равновесия, чем этот ученый? «В довершение всего,— угрюмо подумал Крис,— недостает одного: чтобы пуля, сразившая Жюли, рикошетом попала в меня. Ах, только бы она не покончила с собой! Об этой возможности я ведь и не подумал...»

ПЯТЬ

Поэты не один раз воспели сон, и они, конечно, правы, при условии, если спящий молод. Во всяком случае, после долгого сна и завтрака, который, конечно, был бы отвергнут всеми более преуспевающими гражданами из Сити или Вестминстера, но который он съел с удовольствием, Крис почувствовал себя гораздо лучше. Правда, он еще не оправился от удара, нанесенного ему историей с Жюли, этим внезапным, жестким и практическим напоминанием о слепой враждебности окружающей среды к неосмотрительным или попросту неудачливым людям; или, как он предпочел бы сам это выразить,— деятельность желез внутренней секреции, нарушенная психическим шоком,

только-только начинала входить в норму. Но он постепенно преодолевал свой малодушный ужас, и солнце, если бы оно стало видимым в лондонском Сохо, теперь не показало бы ему призраком. Но появление солнца в это время года в Лондоне было бы слишком большим чудом.

Крис намеревался совершить в это утро длинную прогулку, исходя из теории, что свежий воздух поможет ему избавиться хотя бы от части раздражающих химических веществ, выделяемых чересчур старательными железами внутренней секреции; кроме того, он говорил себе, что умеренные физические упражнения никогда не принесут вреда. Но так как с Атлантического океана продолжал дуть холодный и настойчивый ветер с морозящим дождем и так как он чувствовал себя менее расстроенным, чем можно было бы ожидать, он вместо этого с ожесточением набросился на книги. Приятно было думать, что теперь все самое тяжелое осталось позади и что через день-два он вернется к привычному ритму жизни. Когда он время от времени останавливался, давая себе отдых от умственного сосредоточения, воображение развлекало его картинками предстоящего путешествия с мистером Чепстоном и более соблазнительными виньетками будущих встреч с Мартой.

Во время одного из этих кратких, но очень приятных перерывов дверь без предварительного стука открылась и в комнату вошла дочь квартирохозяйки — хилая забитая девчонка, производившая чрезмерно много шума в минуты горя, разочарования и гнева.

— Вот, пожалуйста, вам телеграмма,— выпалила она скороговоркой, точно отвечая урок.— И если хотите послать ответ, поторопитесь, почтальон ждет.

Думая, что это может быть телеграмма от Марты, Крис нетерпеливо разорвал наклейку и прочел в полном изумлении:

Отец серьезно болен приезжай немедленно Мать.

В первое мгновение Крис забыл об ожидающем почтальоне: он сидел, уставясь на телеграмму. Что это означает? Что он может сделать, даже если его отец в самом деле болен? Неужели они не смогли сообразить вызвать врача и без Криса?

— Послушайте...— сказала девчонка.

— Спасибо, спасибо,— поспешно сказал Крис.— Скажи почтальону, ответа не будет.

Он уткнулся подбородком в ладонь и искоса взглянул на распечатанную телеграмму, точно надеясь, что если

посмотреть на нее сбоку, то откроются скрывающиеся за ней интриги и махинации. Чего ради они так действительно вызывают его домой? После истории с парализованной рукой Крис относился с вполне понятным скептицизмом к отцовским болезням. Очевидно, таким образом надеялись заманить его, Криса, в родительский дом. Но зачем? Может быть, они узнали о Марте? Тут он вспомнил свое гневное, возмущенное письмо. Очень мило: вместо того, чтобы немедленно ехать в Лондон и помочь бедной девочке, они предлагают ему мчаться к ним, как какому-то мальчишке-рассыльному, и удовлетворять их нездоровое любопытство ужасными подробностями. Большое спасибо. Возможно, они даже не поверили его письму и теперь мечтают расправиться с ним, организовав целую серию душераздирающих сцен. Он заранее представлял их себе во всех подробностях.

Он решил не отвечать и попытался изгнать все это дело из области реального, засунув телеграмму в карман и вернувшись к книге. Но вернуться к книге было не так-то просто. Какие-то несговорчивые и недисциплинированные мозговые клетки никак не соглашались отделаться от сомнений. А вдруг телеграмма соответствует действительности? А вдруг отец в самом деле болен? Насколько серьезно? Во всяком случае, что тут может сделать Крис? Написать в Британскую ассоциацию врачей?

Он с нетерпением вскочил со стула и направился к двери, которая, точно он нажал на какую-то потайную пружину, беззвучно раскрылась раньше, чем он подошел к ней. Снова хозяйская девчонка и опять с телеграммой. Все еще не веря, что случилось нечто серьезное, Крис быстро вскрыл ее, наполовину тревожась, наполовину досадуя на эту, казалось ему, излишнюю назойливость. Он прочел:

Отец скоропостижно умер вчера вечером ты необходим здесь немедленно телеграфируй время прибытия Мать.

В конверт был вложен бланк оплаченного ответа, соскользнувший на пол.

Крис схватился за голову и отшатнулся, точно стукнувшись обо что-то в темноте. «Смерть — страшная вещь», зачем-то всплыли в его памяти слова. Неужели это правда? Должно быть, правда. Ни один человек, даже самый бессовестный, не станет давать зря такую телеграмму.

— Ответ будет? — в третий раз повторила девчонка, но Крис услышал ее впервые.

— Да. Одну минуту, — сказал он совершенно спокойно, но с сознанием, что принимает участие в каком-то кошма-

ре, тем более ужасном, что он происходит наяву. Раскаиваясь в том, что теперь казалось ему недостойным подозрением, Крис поспешно нацарапал ответ:

Выезжаю сегодня днем.

Хозяйская дочка, все еще глядя на него во все глаза, попятилась из комнаты и закрыла дверь. Крис упал в кресло и сжал голову ладонями. Что теперь делать? Сначала ужасное несчастье Жюли, а теперь вот это. Что же делать? К своему удивлению, Крис обнаружил, что горло его болезненно сжалось, а на глаза навернулись слезы. Он был удивлен, потому что со времени разрыва вспоминал Фрэнка в лучшем случае с безразличием, в худшем — с раздражением и презрением. И вот теперь он в буквальном смысле слова проливает слезы над кончиной этого малопочтенного субъекта, единственным достоинством которого было то, что он доставил двадцать четыре из сорока восьми хромосом каждой из клеток тела Криса. Жертва с его стороны не такая уж большая. Все самое тяжелое и мучительное выпало на долю Нелл. И все-таки Крис плакал.

Как все молодые люди, не знавшие войны, он не верил по-настоящему в смерть. Это была для него отвлеченная абстракция, не более, но отнюдь не жестокая реальность, способная захлестнуть и его. В минуты меланхолии Крис извлекался порой сладостной мыслью о собственной смерти, а в минуты глубокой душевной депрессии лелеял мечту о самоубийстве, подобно тому, как девушка, дрожа, смотрит вниз с огромного утеса и переживает ужасную возможность падения, стоя в безопасности у прочных перил. Теперь перила исчезли. Смерть. Он умер. Сложный и прекрасный механизм сломался. Почему? Что, собственно, ломается в нем?

Крис вскочил с кресла и поспешно стал отыскивать пальто и шляпу. Жюли. Нелл может еще не знать о ней. Во всяком случае, она, возможно, почти наверное, послала телеграмму и Жюли. Надо оградить ее от этого удара. Через несколько секунд он мчался по улицам к ближайшему автомату, шаря в карманах, нет ли там мелочи. Пришлось задержаться и разменять деньги в газетном ларьке, пропахшем копченой селедкой и керосином.

Затем последовала новая серия тягостных телефонных звонков. Сначала он позвонил старшей сестре лечебницы, которая говорила с ним холодно и свысока, даже после

того, как он сообщает ей печальную новость. И в конце концов, что такое смерть, как не один из самых обычных фактов жизни в модном мире? Смерть в мире моды — это не трагедия, не принадлежность к мифологии, это просто милостиво дозволенная подробность, что Криса задерживают в тюрьме и закрывают за решеткой. И даже разрешают ему повиснуть на виселице — первой возможностью. Крис поблагодарил и, вероятно, увидится с ней перед свиданием в Жюли, которая будет

Следующий день Ротберг. Да, на родине Ротбергов пристали два голубчика, и Ротберг забрал их в лечебницу. Крис сказал ему, что привезли

- Что вы наморщили лоб?
- После того случая же. Что еще я могу сделать?
- Вы же знаете, как это случилось!
- Нет.
- Знает он...

— О Жюли! — Ужасная мысль обвила Криса. В мгновение он лишился дара речи. Что, если Жюли жила на себя руки, прочтя это широкое письмо? Она тогда выходит... Да, — слабым голосом протянул он трубку. — он знает.

— Гм... — сказал Ротберг. — Могу и вам чем-нибудь помочь?

— Да, пока меня не будет в Лондоне, не могли бы вы доставлять Жюли все, что ей понадобится?

- Охотно.
- И вот какое дело, Ротберг.
- Что?

— Может, вы пошлете ей, за ее счет, цветов на пирогине, с вашей карточкой. Ей это будет приятно.

— Я уже сделал это и не за ее счет, — коротко сказал Ротберг.

— О! — удивился Крис. И добавил: — Простите. Вы прекрасный человек! Большое вам спасибо. Она будет тронута. К вам можно будет обратиться в случае каких-нибудь затруднений?

— Непременно.

— Ну, прощайте. Постараюсь вернуться как только там все устроится.

Затем Марта. Как всегда, было блаженством и бальзамом слушать, как изменился ее голос, когда она узнала, что у телефона Крис. Голос у нее стал такой веселым.

такой неприкрыто счастливый, что у Криса в первый момент не хватило духа сообщить ей печальную новость, которая означала для них новую разлуку. Но это нужно было сделать.

— Бедный ты мой мальчик! — воскликнула Марта. — Как тебе не везет. Должно быть, боги на тебя разгневались.

— Вот именно, — горестно сказал Крис. — Они явно раскаиваются, что проявили такую щедрость, подарив мне тебя.

— Какой ты милый! Но послушай, Крис, я в самом деле расстроена, что у тебя столько неприятностей. Мне очень хотелось бы помочь тебе. Хочешь, я буду навещать Жюли, пока тебя нет?

— Нет, это запрещено. Но слушай, Марта, ты, может быть, сделаешь для меня одну вещь.

— Ты еще спрашиваешь?

— Если я позвоню тебе через некоторое время и скажу, когда отходит мой поезд, ты, может быть, приедешь на несколько минут на вокзал?

— Конечно, приеду. Я буду ждать твоего звонка.

— Какая ты хорошая, Марта! Уехать, не повидавшись с тобой — это выше моих сил. А теперь мне пора, дорогая! До свидания!

Чувствуя себя несколько бодрей после этого разговора, Крис поспешил в лечебницу, поглощенный своими мыслями. Он решил объясниться со старшей сестрой, которая, по мнению Криса, чересчур уж фыркала на Жюли. Но его беспокоило другое: как сообщить Жюли о случившемся, чтобы это не было для нее слишком внезапным ударом? Насколько сильно это потрясет ее? Он и представить даже себе не мог. Ему вдруг пришло в голову, что родные знают гораздо меньше об истинных чувствах друг друга, чем им самим кажется.

Одна часть его сознания работала быстро и продуктивно, решала совершенно точно, что ему надлежит делать. В другой царили хаос и тревога, возникали какие-то немислимые предположения. Его преследовал страх, что, может быть, именно его письмо толкнуло Фрэнка на самоубийство. И это ужасное предположение влекло за собой другое, еще более ужасное, что под влиянием этого нового горя Жюли решится на такой же отчаянный поступок. Нужно во что бы то ни стало скрывать от нее, что

Фрэнк знал о ней,— к счастью, Крис ничего не сказал ей о письме... И потом, нужно подумать еще о матери: с ней-то как поступить? Он задохнулся от раздражения при мысли, что ответственность за этих людей свалилась теперь на него, который и за себя не мог толком отвечать. И Крис задал себе тот же вопрос, который задают себе все на свете: «Почему люди не могут быть разумными?» Иными словами: «Почему они не рассуждают и не ведут себя, как я?»

Вся эта внутренняя сумятица была, как туманом, окутана тем же недоверием, тем же чувством нереальности происходящего, которое Крис испытывал два дня назад, во время разговора с Жюли. Казалось столь немислимым, столь невероятным, что вот он бродит по тусклым лондонским улицам, готовясь сказать Жюли о смерти их отца. И при каких обстоятельствах! Он вспомнил детство, когда они играли вместе и ссорились и относились друг к другу с блаженным эгоистическим безразличием, как все дети. Он вспомнил, как после первого семестра в колледже он вернулся домой и Жюли встретила его и он впервые заметил, что она красивая молодая женщина, и почувствовал гордость. Вспомнив, какая она была тогда и какой сделала ее теперь черствая грубость людей, он выругался про себя. Когда им овладевала эта бессильная злоба на судьбу Жюли, он не мог чувствовать жалости к Фрэнку, живому или мертвому — все равно. И он все спрашивал себя, благодаря какому психологическому извращению он все время обвиняет Фрэнка, а не настоящего преступника — Джеральда...

Старшая сестра заставила себя ждать, исходя из принципа, что некоторая доля грубости усиливает уважение, которое питают к вам люди. Она вошла, шурша платьем, в комнату — на лице ее была написана та холодная гигиеническая бодрость, которая действует так угнетающе, — и не подала Крису руки.

— Насколько я понимаю, вы спрашивали об этом? — ледяным тоном сказала она, протягивая Крису письмо и две телеграммы. Он заметил, что письмо было от Ротберга.

— Благодарю вас. А теперь разрешите мне сказать вам несколько слов. Мне нет необходимости напоминать вам, что моя сестра пережила очень тяжелое потрясение и что это еще не изгладилось. Подумайте сами. Она вышла

замуж всего несколько месяцев тому назад, и в ее состоянии узнать, что этой ужасной вещью она обязана своему мужу...

— Так это от мужа! — воскликнула сестра, внезапно выведенная из той холодной невозмутимости, с которой она выслушивала первые слова Криса.

— Разумеется, от мужа, — твердо сказал Крис. — Разве доктор вам не говорил?

— Нет, я бы никогда не подумала...

— Вполне естественно, что вы предположили нечто совсем иное, — прервал Крис, твердо решившись быть сдержанным ради Жюли. — Я вполне вас понимаю. И хотя я в этом не уверен, но мне кажется, что внезапная смерть ее отца, возможно, связана с ее несчастьем.

— Как трагично! Бедная, бедная женщина!

— Я был уверен, что вы отнесетесь к ней с сочувствием. Но, откровенно говоря, я не совсем спокоен за нее. Видите ли, я вынужден оставить ее одну, мне необходимо ехать к матери...

— Разумеется. Но я буду заботиться о ней.

— Более того, за ней нужно следить.

— Почему следить?

— Вам не кажется, что в том состоянии физической и душевной депрессии, в котором она теперь находится, она может решиться на какой-нибудь отчаянный поступок? Когда она призадумается над тем, что я скажу ей сейчас, не припишет ли она смерть своего отца тому же, чему приписываем ее мы с вами? И... может быть, последует его примеру.

— Вы серьезно так думаете? Нет, что вы! — Официальный оптимизм взял верх.

— Я, конечно, надеюсь, что этого не случится, но такая возможность, по-моему, не исключена. Так или иначе, вы должны это предвидеть и принять все необходимые, с вашей точки зрения, меры. Ни в коем случае не следует давать ей слишком много размышлять. Не бойтесь тратить деньги. Доставляйте ей все, чего бы она ни попросила, все, что, по-вашему, может ее развлечь. Деньгами вас будет снабжать ее поверенный — вот его карточка.

Неизвестно, что подействовало на нее — этот рассчитанный намек на наличие неограниченных средств или то, что Крису удалось разбить панцирь профессионального безразличия и добраться до живых чувств этой женщины; но так или иначе, желаемый результат был достигнут.

— Будет сделано все возможное, — сказала она челове-

ческим голосом; ее слегка простонародный говор забавно контрастировал с утонченным великосветским языком, которым она старалась говорить до того.— Я буду заходить к ней сама и посылать сестер. Как вы думаете, не поставить ли к ней в комнату радио?

— Прекрасная мысль...

— Вы ведь ее брат, правда?

— Да.

— Как все это печально для вас,— сказала она.

— Благодарю вас за внимание.— Крис поклонился и, вспомнив на мгновение церемонные поклоны мистера Риплсмита, улыбнулся против воли.— А теперь, так как мне нужно попасть на самый ранний поезд, не могу ли я повидаться с сестрой?

— Я сама провожу вас к ней.

«Как она старается быть обворожительно любезной»,— иронически подумал Крис, наблюдая за старшей сестрой, которая увивалась вокруг сдержанной и настроенной Жюли. Так человек, который ничего не смыслит в детях, пытается завоевать доверие робкого, запуганного и несчастного ребенка. Жюли была, по-видимому, более озадачена, чем обрадована этими неожиданными проявлениями заботливости, и старшая сестра, посуетившись без толку еще некоторое время, вскоре оставила их вдвоем.

— Кто это? — сказала Жюли, как только дверь закрылась.

— Старшая сестра. Разве ты не узнала? Ведь ты ее уже видела.

— Да, когда меня привезли,— равнодушно сказала Жюли.— Но с тех пор она не показывалась. Что ей нужно?

— Она просто хочет сделать тебе приятное и доставить все, чего ты захочешь.

— Оставила бы она меня в покое,— капризно сказала Жюли.— Обращаются то как с зачумленной, то как с глупым ребенком, которого развлекает радиоприемник или колода карт.

— Да, пожалуй, но разве ты не понимаешь, что ей стало стыдно и она извиняется перед тобой?

— Не нужно мне ее извинений!

— Но послушай, Жюли, она старается вести себя по-человечески,— расстроено сказал Крис, огорченный неудачей своего маленького плана.— Нельзя отталкивать от себя людей, которые относятся к нам хорошо и стараются нам помочь. В конце концов она здесь старшая, и ее

хорошее отношение может тебе очень пригодиться. Тем более что я уезжаю...

— Уезжаешь? Куда?

— Сейчас объясню. Только сначала скажи, как ты себя чувствуешь. У тебя отдохнувший вид.

— Да, я, пожалуй, отдохнула,— неохотно согласилась Жюли.— Но мне здесь ужасно не нравится, Крис. Здесь такая тоска, а ночью мне мешает спать шум на улице.

— Ладно,— сказал Крис, стараясь говорить бодро.— Тогда мы возьмем тебя отсюда. Подожди только, пока я вернусь.

— Куда это ты едешь? — подозрительно спросила Жюли.— Ты же сказал, что сможешь приходить меня навещать.

— Знаю. Но я не мог предвидеть того, что случилось...

— А что случилось? — раздраженно спросила она.

— Это огорчит тебя, как огорчило и меня, Я бы не сказал тебе этого, если бы не боялся, что тебе скажет это кто-нибудь еще и в гораздо более грубой форме.

— Что такое? — спросила Жюли, и выражение страха появилось в ее глазах.

— Это касается отца,— сказал Крис, не спуская с нее глаз.

— Что с ним? — Выражение страха усилилось.

— Нечто весьма серьезное, боюсь. Сегодня утром я получил от матери телеграмму, что он очень болен. Вот она.

— Ах! — В полном ужасе Жюли пробежала телеграмму.— Почему она не пишет, что с ним?

— Не знаю. Думаю, этого еще никто не знает,— неумело лгал Крис, чувствуя, что у него получается бог знает что.— Видишь ли, вслед за этим пришла другая телеграмма. И на твое имя тоже пришли две телеграммы, вероятно, в них говорится то же самое.

— Он умер! — быстро сказала Жюли.

Крис кивнул.

— Зачем ты не сказал мне сразу, без всех этих околичностей.— И затем сейчас же последовал тот самый вопрос, которого он так боялся: — Знал он про меня?

Крис заколебался. Он спорил с самим собой — говорить или не говорить — и никак не мог решиться. Если он солжет, облегчит ли он этим ее страдания? И бывают ли обстоятельства, оправдывающие явную ложь?

— Да, знал,— просто сказал Крис.

— О! Кто ему сказал?

— Я.

— О, Крис, зачем ты это сделал. Я хотела, чтобы они не знали.

— Как бы ты это скрыла от них? — убеждал ее Крис. — Они захотели бы узнать, почему ты ушла от Хартмана. И потом, они обязаны сделать для тебя все, что могут, хоть я и сомневаюсь, чтобы от них было много пользы. Если бы я знал, что он внезапно умрет, я бы не стал писать, но почему я знал?

— Выходит, что я убила его! — мелодраматически воскликнула Жюли.

— Вздор! — сказал Крис. — Я люблю тебя ничуть не меньше, чем он, а ведь меня это не убило. Это все равно должно было случиться. Он пил слишком много виски.

— Не говори такие гадости о покойном, — возмутилась Жюли.

— Что ж, так оно и есть, — сказал Крис с напускным цинизмом, радуясь, что ему удалось отвлечь ее и что ее негодование направлено теперь против него. — Зачем убеждать себя, что он умер с горя. Насколько мы можем судить, все произошло раньше, чем он получил мое письмо. По всей вероятности, так. Да вот, прочти-ка эти телеграммы, и тут еще письмо Ротберга тебе.

Жюли прочла телеграммы, адресованные ей, и откинулась на подушки с рыданиями и стонами:

— О, папа, бедный милый папа, он умер, и это наша вина!

Крис поднял с кровати обе телеграммы. Это были точные копии тех телеграмм, которые получил он. По-видимому, Нелл знала только один способ «подготавливать» людей к неожиданному горю. Он не стал разубеждать Жюли, когда она обвинила себя и его, и предоставил ей выплакаться. В конце концов он сам тоже всплакнул над этим. Снова возник все тот же вопрос: насколько Жюли в самом деле огорчена и сколько в этой показной скорби было присущего всякой живой плоти стремления отгородиться от реальности смерти, насколько она условна и насколько искренна? «Жюли, — подумал он, — по-видимому, всегда была на стороне матери и выступала против отца. Вероятно, в современной семье так и должно быть: женщины должны объединяться против старика. Иногда отец и Жюли разыгрывали сентиментальные любовные сценки, в которых папа был ухажер, а дочка — кокетка. Как тошнотворны эти неразумные эмоции. А, да что уж там!»

Он взглянул на часы. Пора двигаться, время более позднее, чем он думал. Нужно еще узнать, когда отходит поезд, позвонить Марте, собрать вещи, чего-нибудь поесть.

— Жюли.

Ответа не последовало.

— Жюли! — сказал он настойчиво, чтобы заставить ее повернуться. Она подняла голову и посмотрела на него укоризненным взглядом; лицо у нее было мокрое от слез.

— Мне пора идти. Мне очень не хочется оставлять тебя в таком состоянии, но ведь и матери там не легко одной. И я должен выяснить, что же, собственно, случилось. Ты меня слушаешь?

— Да.

— Выброси из головы всякую мысль о том, что это твоя вина. Это страшно глупо, а я сейчас слишком устал, чтобы спорить с тобой. Как только я узнаю истину, я напишу тебе или дам телеграмму.

— А мне нельзя поехать с тобой?

— Ни в коем случае. Среди прочих дел мне нужно будет заставить маму понять, каково, собственно, твое положение. Я не дам ей встретиться с тобой, пока она этого не поймет. А тебе придется остаться здесь, пока я не вернусь и не перевезу тебя в другое место. Если тебе понадобятся деньги или советы, звони Ротбергу. Постарайся подружиться с этой самой старшей сестрой. И... попытайся не расстраиваться. Я знаю, это неизбежно, но не преувеличивай. Ну, а теперь, может быть, я что-нибудь забыл? Может быть, тебе нужно что-нибудь еще?

— Нет. Мне...

— Наверно?

— Да.

— В случае чего, пиши мне или дай телеграмму. Я понимаю, положение твое ужасно, но что поделаешь. Единственное, что ты можешь сделать, это поправляться. И помни: это вопрос жизни не только твоей, но и другого человека...

Прощание было тяжелое, и Крис ушел с неприятным убеждением, что ему не удалось ни сообщить новость в более деликатной форме, ни убедить Жюли собрать все свое мужество. Его мучила мысль, что она может покончить с собой. Ну, а чем он мог помешать этому? И если жизнь до такой степени ненавистна ей, что она хочет убить себя, что ж, значит, так и надо. Бороться с инстинктивным стремлением другого человека уничтожить себя можно только до известного предела. В конце концов

Жюли уничтожила себя, предала свою жизнь еще во время замужества, когда были пущены в ход все виды самообмана, чтобы прикрыть корыстные побуждения и недостойные цели. Он снимает с себя всякую ответственность.

Крис пришел на вокзал слишком рано и обрадовался, что Марта уже ожидает его в условленном месте. Он взял ее за обе руки и в ответ на ее вопросительный взгляд робко поцеловал ее.

— Как давно я тебя не видел! — воскликнул он.

— Всего три дня.

— А по-моему, гораздо больше. Это были, наверное, самые тяжелые дни во всей моей жизни. Я бы с ума сошел, если бы не мог говорить с тобой по телефону и увидеться с тобой сейчас. Как хорошо, что ты пришла.

— Какие пустяки, — сказала Марта. — Мне же хотелось прийти. Что ты смотришь так недоверчиво? Для тебя я сделаю все, что угодно. Серьезно, Крис. Это тебя удивляет?

— Очень, — сказал Крис. — Ощущение довольно необычное и весьма приятное.

Они вышли на перрон, и рука Марты с нежностью скользнула под его руку. Это так тронуло Криса, что в первую минуту он не мог ничего сказать, только сжал ее руку, показывая, что понимает и благодарит ее.

— Какой ты бледный и усталый, — сказала Марта. — И тебе еще предстоит столько мучений. Мне хотелось бы поехать с тобой, чтобы я могла о тебе заботиться.

— Мне тоже хотелось бы.

— Интересно, что сказала бы твоя мать, — сказала Марта с улыбкой. — Понравилась бы мне она?

— Нет, — не задумываясь сказал Крис. — Она меньше чем кто бы то ни было способна понять нас и отнестись к нам с сочувствием. Но не будем терять время на пустые разговоры. Мне нужно сказать тебе сто тысяч вещей, Марта, и я не знаю, с чего начать. Может быть, с того, что только мысль о тебе дала мне силы прожить все эти ужасные дни. Ты это знаешь. И кроме того, я страдал от сознания, что я, хоть и не по своей вине, испортил эти дни, которые должны были бы быть такими счастливыми для тебя и для меня. Ты ведь была счастлива, правда?

— Я и теперь счастлива. Быть с тобой даже здесь, на этом шумном вокзале, и то уже счастье для меня.

Только мне очень неприятно, что у тебя столько огорчений. Не позволяй им завладеть тобой, Крис!

— Не позволю,— сказал Крис.— Я как раз думал об этом, когда шел сюда. Жюли пытается взвалить на меня ответственность за свою жизнь. Мать тоже будет пытаться это сделать. А это недопустимо. Никто не может жить жизнью другого человека. Но я чувствую, что должен помочь им обеим выбраться из этого лабиринта. Это я обязан для них сделать, но обещаю тебе, что не позволю им высосать из меня все соки. И, Марта...

— Что, милый?

— Пусть это не отравляет нашей жизни с тобой, хорошо?

— Ну, конечно нет; а почему это должно отравлять?

— Ах, я и сам не знаю,— ответил Крис, вспомнив, что Марта не знает всей правды о Жюли.— Эти два несчастья были для меня большим ударом. Я не хочу, чтобы через меня они подействовали и на тебя.

— Этого не будет. Все будет хорошо, и я буду ждать, когда ты вернешься. Я встречу тебя здесь, если хочешь.

— Встретишь? Это будет замечательно. Я вернусь, как только будет возможно, Марта! Но так обидно — лишиться этих счастливых дней, которые мы могли бы провести вместе.

По платформе шел кондуктор, захлопывая двери и крича пассажирам, чтобы они садились в вагон. Марта легонько пожала его руку, точно заключая условие.

— Мы не будем клясться в верности до гроба,— шутливо сказала она.— Но давай попробуем быть счастливыми любовниками. Au revoir, милый!

Она обняла его и поцеловала, горячо и откровенно. Крис проговорил что-то, пытаясь выразить свои чувства, но ему сейчас же пришлось бежать и занять место в вагоне.

— Au revoir! — крикнул он ей.— Пиши обязательно. И спасибо тебе за все!

ШЕСТЬ

В тот же день, в начале пятого, Крис стоял на покрытой асфальтом платформе незнакомой провинциальной станции. Стук захлопывающихся дверей вагонов, крики «Готов!», свисток, взмах зеленого флага — и поезд отошел от перрона. Его прерывистый шум постепенно

затих, наступившую тишину нарушал только грохот железного листа с какой-то рекламой, сотрясаемого холодным северо-западным ветром. Крис поднял воротник пальто и направился к выходу в город. По одну сторону станции расположились построенные наспех дома небольшого поселка, жалкого и убогого в своем ничтожестве. По другую сторону виднелись поля, обнесенные живыми изгородями, несколько разбросанных тут и там маленьких домиков и вдали ряд красных кирпичных особняков, похожих на спичечные коробки.

Контролер с любопытством уставился на Крису, которому пришлось спросить у него дорогу к дому матери. Без сомнения, контролер знал о случившемся. Вероятно, об этом знала уже вся округа.

— Можете идти прямо по этой дороге, — любезно объяснял контролер. — Но это будет большой крюк. Есть тропинка через поля. Сверните вон там и войдите в первую калитку направо.

Крис поблагодарил, но контролер увязался за ним, без всякой надобности повторяя свои указания. Ему очень не хотелось расставаться с человеком, который был явно причастен к тому, что здешние газеты называли «трагедией». «Вот отвратительная навязчивость», — подумал Крис. Он живо представил себе, как контролер возвращается к своим сослуживцам и говорит им:

«Встретился мне тут молодой человек, спрашивает дорогу к тому дому, где умер вчера ночью тот старик. Не иначе как сын». Вот они, человеческие умы, воспитанные на тухлятине газетных сенсаций...

Трава на лугах еще торчала увядшими бурыми пучками, на кустарниках и деревьях еще не появились почки, но под защитой живых изгородей уже пробивались весенняя трава и молодые растения. Крис увидел цветущий аронник, затем брызги хрупкого золотого чистотела, дальше — кустик белых фиалок. Тропинка привела его к неглубокому ручью, через который была переброшена единственная широкая доска без перил. Крис осторожно перешел через ручей и остановился на секунду поглядеть на ивы, усыпанные золотыми сережками. Он любил нечеловеческое величие этого медленного вступления весны, неизбежный поворот земли, которая возвращается в полосу солнечности, не обращая никакого внимания на нервическую суетню мельтешищих на ней людей с их нелепыми верованиями, с их бессмысленной борьбой за власть. С вершины дерева черный дрозд мелодично вызывал

на бой всех остальных дроздов. «Вероятно,— подумал Крис,— о птицах было написано почти столько же фантастического вздора, как о женщинах».

После недолгих поисков он нашел коттедж родителей. Он назывался «Цветущий шиповник», хотя Крис не мог обнаружить никаких признаков шиповника в его жалком палисаднике. Немногочисленные подснежники безрезультатно выставляли свои прелести в расчете на еще не появившихся насекомых. Все ставни дома были закрыты. Крис позвонил, дверь с перепуганным видом открыла какая-то незнакомая женщина.

— Миссис Хейлин нет дома,— робко сказала она.

Крису пришлось подробно объяснить, кто он такой, прежде чем его впустили. Он повесил пальто и шляпу в узкой темной передней и прошел в гостиную, заставленную громоздкой мебелью из старого дома. Ковер был новый, недорогой и кричащий. Крис спросил, где мать.

— Она у себя, в постели,— объяснила женщина.

— Будьте добры, поднимитесь к ней,— вежливо сказал Крис,— и сообщите, что я приехал и спрашиваю, желает ли она меня видеть.

«Как мучительны мои возвращения домой,— подумал он, вспомнив свое унылое прибытие из колледжа (казалось, это было так давно).— Можно подумать, что нас связывают только общие несчастья. Таково это изумительное изобретение — семья, основа всякой цивилизации. Верно? Не является ли она, наоборот, тормозом цивилизации? Но... nous allons changer tout cela»¹.

Крис очень медленно подымался по крутой неудобной лестнице. Он ломал себе голову над тем, какого рода сцену она разыграет и как ему вести себя с ней? Что нужно предпринять? И когда воздадут мертвому последний и ненужный долг, как лучше всего поступить ей самой? Что она думает делать?

Как он и предполагал, ему пришлось выдержать патетическую сцену. Сидя в постели в кокетливом кружевном чепчике и элегантно розовом капоте, отделанном лебяжьим пухом, Нелл заключила его в безжалостные объятия, проливая обильные слезы и произнося бессвязные слова, которые должны были изображать неутешное горе. Она все твердила, что отныне Крису, по милости

---

¹ Мы изменим все это (фр.).

провидения и с соблюдением всего подобающего декорума, надлежит занять место покойного главы семьи. В комнате слышен был сильный запах бренди.

После того как несколько минут ушло на весьма тягостную борьбу, Нелл согласилась выпустить Криса из объятий и заговорить более связно. Она начала с вопроса:

— Где Жюли?

— В Лондоне.

— Почему она не приехала с тобой? Когда она придет?

— Она не может приехать,— сказал Крис, догадываясь, что Нелл не читала его письма к Фрэнку.— Она больна.

— Больна! — воскликнула Нелл; тон ее выражал скорей возмущение, чем жалость.— Что это ей вздумалось болеть в такое время? На похороны-то она придет?

— Ей еще довольно долго нельзя будет вставать с постели,— объяснил Крис.

— Что подумают люди, если его родная дочь не будет на похоронах! — сказала Нелл, охваченная тревогой за свой общественный престиж.— Она должна будет прислать Джеральда.

— Он тоже не сможет приехать,— сказал Крис, приходя все в большее замешательство.— Я объясню это все потом. А пока что я ведь ничего толком не знаю. Скажи мне, во-первых...

— Ты не в трауре! — прервала его шокированная Нелл.— Крис! Ведь это надо придумать — приехал в таком костюме на станцию, где все, наверное, тебя узнали! Неужели ты не знал, что тебе нужно быть в трауре?

...Ни обыденный траур, мать,
Ни ветреный порыв глубоких вздохов...

— Во-первых, я об этом не подумал,— терпеливо объяснил Крис.— Потом я был так занят, что не успел. И наконец, мне это не по средствам...

— Какая жалость, что ты не подумал об этом в Лондоне,— упрекнула его Нелл.— Не знаю, что ты здесь сможешь найти. Как только стемнеет, ты должен пойти к портному.

— Ладно, ладно, пойду, если хочешь.— Крис не был расположен спорить из-за пустяков.— Но, мама, я должен знать, как все это произошло. Как умер отец? Где его тело?

— В участке! — прорыдала миссис Хейлин.

— Что это значит — «в участке»?! — изумился Крис.

— Они перенесли туда тело, после того как нашли его сегодня на рассвете. Будет расследование.

Крис почувствовал, что он бледнеет. Так, значит, самоубийство! Как скрыть это от Жюли?

— Тебе придется давать показания? — недоверчиво спросил он.

— Они хотели, чтобы я пришла, но я не могу, — рыдала она. — Доктор говорит, что это опасно для меня — в моем состоянии, они сказали, что вместо меня можешь пойти ты.

— А! — губы Криса сжались. — Понимаю. Значит, мне придется давать показания от твоего имени. Но я до сих пор ничего не знаю. Он что, застрелился?

— Как ты можешь предполагать такое о своем отце! — в негодовании воскликнула Нелл. — Конечно нет!

— Тогда что же с ним произошло? Несчастный случай? Или удар?

— Мы не знаем, — сказала Нелл патетически, хотя было заметно, что этот рассказ доставляет ей какое-то болезненное наслаждение. — Все, что я знаю, это, что вчера вечером он снова запил. Ты знаешь, милый, твой бедный отец иногда выпивал чуточку лишнего.

— Да, да, — терпеливо сказал он. — Знаю. Ну, и дальше что?

— Он заперся в кабинете и сидел там и пил весь вечер. Он не отозвался, когда я постучала и позвала его, и не вышел к обеду. Он, должно быть, выпил слишком уж много, потому что у него была полная бутылка, а сегодня утром она оказалась совсем пустой.

— Значит, он напился пьян, — холодно сказал Крис. — А дальше что?

— Ах, почему ты такой грубый? — простонала Нелл. — Бедный, милый папочка. Он не желал никому зла, и у него было столько волнений.

— Мы оставили его с бутылкой, — сказал Крис, не отступая от сути дела. — Ты знаешь, что произошло дальше?

— Нет. Мы только догадываемся. Я рано легла спать и заперлась в комнате, как я всегда делала, когда он... когда он был в таком состоянии. Так было лучше, дорогой, потому что иногда он как бы себя не помнил и сам не знал, что говорил. Это не значит, что он желал кому-нибудь зла, но он не совсем владел собой и...

— Ты легла спать, — перебил Крис. — А дальше что?

— Ночью, не знаю точно когда, меня разбудило громкое хлопанье входной двери. Я подумала, что он решил пройтись, чтобы освежиться. Но он не вернулся, Крис! О, бедный, бедный, умереть такой смертью!

— Как он умер? — упорствовал Крис.

— Никто не знает. Рано утром его нашли мертвым в ручье, у самого моста. Он утонул!

— Это тот самый ручей, через который я переходил по дороге от станции?

— Да.

— Но как мог взрослый человек утонуть в нем? — возразил Крис.— Там же всего несколько дюймов глубины.

— Знаю, милый, но если он оступился в темноте...

В одно мгновение вся сцена восстановилась в сознании Криса. Прочтя письмо Криса, Фрэнк напился — такова была неизменная реакция на все волнующие новости. Полная бутылка виски привела его в состояние одури и беспомощности. Потом он вышел на улицу. Зачем? Может быть, действительно желая освежиться, как предполагала Нелл; может быть, направляясь к станции с мыслью поехать в Лондон, покачнулся, оступился, упал с высоты в шесть или семь футов в ручей и, оглушенный падением и обессиленный виски, утонул в этих нескольких дюймах грязной воды.

Крис содрогнулся. Страшный и омерзительный конец! Но не самоубийство. Даже пьяный не попытался бы покончить жизнь самоубийством, бросившись с высоты в шесть футов в деревенский ручей. Но все-таки ужасно. И если бы не письмо...

Стараясь придать своему голосу твердость, Крис спросил:

— Ты не знаешь, получил он какое-нибудь письмо до того, как начал пить?

— Какие-то письма были, горничная помнит, что относила их. Но полиция нашла на его письменном столе только несколько нераспечатанных счетов — ничего, что могло бы служить объяснением.

«Он сжег его в припадке бешенства», — быстро подумал Крис. И невольно почувствовал глубокое облегчение при мысли, что эта единственная улика уничтожена. Что, если бы судья прочел это письмо! Он встал с кресла и принялся расхаживать по маленькой спальне, настолько поглощенный своими мыслями, что совсем забыл о присутствии матери и не отвечал на ее вопросы. В какой мере

он несет ответственность за смерть Фрэнка? Какой хитрый, неведомый демон ревности продиктовал ему это письмо? И он отшатнулся от самого себя, испуганный видом дикаря, притаившегося в нем под внешней оболочкой цивилизованного человека. Как легко он усматривал эти атавистические пережитки в психологии других — и как слеп был к ним в самом себе! Неужели подсознательно он действительно желал убить своего отца, и ему это удалось?

Вот давящая, опустошающая мысль. Он отбросил ее от себя. Не время возиться с этим. Нужно подумать о другом... Он обратился к матери:

— Ты все устроила для похорон?

— Нет, дорогой, я хотела сначала поговорить об этом с тобой. Как жаль, что нет Жюли, она бы нам помогла. Но я уверена, что ты не откажешься сделать для меня такой пустяк...

В течение следующих сорока восьми часов вся энергия Криса уходила на «пустяки» подобного рода.

Как только ему удалось вырваться от Нелл, предававшейся старым фальшивым сентиментальным воспоминаниям, от которых его коробило, Крис спустился вниз, намереваясь обдумать, что следует предпринять, и затем привести это в исполнение. Он быстро нашел «кабинет» своего отца — темную каморку, откуда открывался великолепный вид на задний двор и на оцинкованный мусорный ящик. Крис сейчас же задернул занавеску и, отвернувшись от окна, оглядел комнату. Сюда Фрэнк бежал в последний раз от действительности, здесь он обратился за утешением к бутылке виски, вместо того, чтобы собрать все свое мужество и энергию и попытаться спасти дочь от беды, которую он косвенно, хотя и не намеренно, на нее навлек. В этом большом кресле, должно быть, он сидел; на этом маленьком столе с пустым подносом стоял, должно быть, его презренный дурман — алкоголь; а в огне давно потухшего камина, должно быть, он сжег письмо Криса.

Крис сел за письменный стол и устался на опустевшее кресло. Каковы были мысли и чувства Фрэнка в эти последние мучительные часы его жизни? Злость на Криса за его манеру говорить обо всем прямо и неприкрыто? Разумеется. Бессильное возмущение Джеральдом? Весьма вероятно. Стыд, скорбь, отчаяние из-за Жюли? Пожалуй.

Раскаяние и горькое сознание собственной вины? Вот тут-то и была загвоздка. Весьма мало вероятно, чтобы Фрэнк принял на себя ответственность. Крис почти слышал, как он говорит, что стремился сделать все как можно лучше, и мог ли он предвидеть?.. И, по справедливости, он не мог предвидеть. И все-таки, даже если бы с Жюли не произошло этого ужасного несчастья, Фрэнк все-таки причинил ей зло, он все-таки виновен. Он думал только о выгодах этой «партии», но не подумал о реальности физических и психологических взаимоотношений. Но разве кто-нибудь задумывался над реальностью в этом мире туманного благодушества, где полагалось принимать вещи такими, какие они есть?

Однако если перед судом своей совести он признал Фрэнка виновным, то и себя он тоже должен считать виновным. Побуждения, заставившие его написать это, по-видимому, роковое письмо, не были чистыми и бескорыстными. Правда, Крис мог найти для себя смягчающие обстоятельства, но он мог найти их и для Фрэнка. Они, может быть, объясняли его поведение, но они его не оправдывали. Когда Крис писал это письмо, он дал волю раздражению. Он хотел сделать Фрэнку больно, хотел, чтобы Фрэнк разделил страдания своих детей. Никто не имеет права брать отпущение на себя. Долг разума не давать древним примитивным импульсам овладеть человеком, успеть вовремя обнаружить их, когда они являются под благовидной лицемерной личиной нравственного возмущения. То, что он написал это письмо, было возвратом к первобытной дикости.

Так, мрачно созерцая пустое кресло, точно на нем сидел обвиняемый и обвиняющий Фрэнк, Крис вынес приговор и отцу и самому себе с жесткой и непримиримой юношеской честностью. Не для него были старческие увертки, которыми, прикрываясь терпимостью, мудрой снисходительностью и сотнями других подобных же проявлений трусости, извиняют все свои ошибки и уклоняются от всех последствий.

Но — характерный штрих — как только Крис признал свою вину, он тотчас же смог перестать о ней думать. Голые эмоции — не что иное, как бессмысленная трата энергии. Что сделано, то сделано, и это несправимо. Тут ничего не попишешь: остается принять случившееся

как жестокий урок и постараться быть более осторожным в будущем.

Он повернулся спиной к символическому креслу и занялся письмами. Одно, короткое, Марте; другое, подлиннее, Жюли: в нем он объяснял, что, по его мнению, произошло, и пытался утешить ее; третье, самое длинное, Ротбергу, с кратким изложением создавшейся ситуации и со множеством конкретных вопросов. Затем он тихонько вышел — опустить письма и разыскать гробовщика и портного.

Крис давно знал, что они с Нелл расходятся во взглядах на многое, и пытался примириться с этим. Но, как часто бывает, когда мы думаем, что применились к подобным расхождениям, Крис не отдавал себе отчета в том, насколько они велики. Создавшееся положение обострило ситуацию. Много раз Крис с удивлением убеждался, как неожиданно и бесповоротно они расходятся во взглядах на то, что следует считать существенным и что — не важным.

Для Криса смерть Фрэнка означала необходимость с полнейшей честностью выяснить свои истинные чувства к отцу и, так сказать, покончить с ним счеты. Расставание должно быть окончательным и искренним. Но для Нелл эта смерть была предлогом для бесконечной мелкой драмы, поводом безудержно предаваться чувствам, которые, по ее мнению, ей надлежало испытывать. Крис был необходимым протагонистом в этой сентиментальной оргии, и Нелл горько сожалела об отсутствии Жюли, которая была бы гораздо более сговорчивой жертвой. Когда Крис отбивался от этих эмоциональных щупальцев, Нелл обвиняла его в «отсутствии родственных чувств». Насколько глубоки, спрашивал себя Крис, эти «родственные чувства», доставлявшие ей, по-видимому, такое большое удовлетворение? Можно ли быть столь словоохотливым, если страдания так глубоки? Даже Марте Крис не мог бы рассказать о внезапной острой боли, пронизывавшей его каждый раз, когда он вспоминал, что вот его отец лежит сейчас мертвый. Здесь между матерью и сыном была непреодолимая пропасть.

То же и в мелочах. Всепоглощающим стремлением Нелл было, по-видимому, одно: произвести должное впечатление на общество. С точки зрения Криса, самым важным было заключение судебного следователя. Его напечатают в газетах, и ему все поверят. Нелл легкомыс-

ленно не желала об этом думать, считая это скучной и надоедливой формальностью. Она изводила Криса подробными наставлениями относительно того, что казалось ему бессмысленными мелочами. Нужно было послать в соответствующие их положению газеты извещение о «скоропостижной кончине» Фрэнка, с выдержкой из гимна и подписями «убитых горем» матери, Жюли и Криса. Она ругала Криса за то, что он пишет письма не на бумаге с черной каемкой, и за то, что он забыл заказать ее. Нужно было выписать из Лондона, из самого дорогого цветочного магазина, чрезмерно пышные венки. Злостью дня были письма, и Нелл всплакнула над несколькими строчками формального соболезнования от ее высокопревосходительства миссис Уорф-Коплстон-Морлей-Крапп, которая до того за двадцать два года ни разу не сооблаговостила вспомнить о ее существовании. И неприглядная необходимость распорядиться останками покойного совершенно забывалась за гораздо более приятным занятием — ведь нужно было заказать надгробный памятник с приличествующей случаю надписью.

Помимо всех этих мучений, Крису приходилось выносить еще одно: вечные расспросы о Жюли и Джеральде. Почему Жюли не пишет? Почему Джеральд не может приехать на похороны? Будет «так странно», если «дочь покойного» и «его зять» не будут присутствовать на этой церемонии. Это вызовет пересуды. Очевидно, Нелл подозревала, что тут дело нечисто. Но Крис твердо решил не обсуждать этого вопроса, пока не будут разрешены остальные. Нельзя делать несколько дел сразу...

Мистер Снегг, младший из поверенных Фрэнка, зашел к ним перед разбирательством, и они с Крисом вместе отправились в суд. Нелл не последовала за ними. Накануне она провела несколько часов за разборкой своего гардероба, решая, какие платья можно выкрасить в черный цвет, а какие «слишком хороши», чтобы осквернять их прикосновением горя. Но в день расследования она чувствовала себя слишком плохо, не могла двигаться и цеплялась за постель, как моллюск за скалу.

Крис вынужден был признать, что нервничает. Внутри у него было неприятное томительное ощущение, такое же, как в детстве, в тот день, когда его в первый раз вызвали к инспектору. Сверх того, он не доверяет мистеру Снеггу, считая его ярким представителем хищнической

породы, непоколебимым приверженцем всего дурного, что есть в нынешнем порядке вещей, коль скоро это дурное доставляло ему выгоду.

— Должен сказать, что для меня вся эта процедура очень тягостна,— с тревогой сказал Крис, когда они приблизились к зданию суда.

— Почему?

— Мне лично крайне неприятна вся эта огласка; и затем в интересах матери и сестры я надеюсь, что не будет признано самоубийство.

— Будет признана смерть от несчастного случая.

— Откуда вы знаете?

Мистер Снегг закрыл один глаз и ослабился.

— Все это предусмотрено. Я об этом позаботился,— внушительно сказал он.

Крис не успел спросить, как он это сделал, потому что они уже подошли к грязноватому входу, у которого стоял на посту полисмен, отдавший честь мистеру Снеггу. Внутри здания бесцельно слонялись какие-то люди. Другой полисмен и сержант стояли у дверей, и как только Крис и мистер Снегг вошли, к ним с другого конца коридора подошел инспектор с непокрытой головой. Он отвел мистера Снегга в сторону и что-то сказал. Мистер Снегг кивнул, и инспектор кивнул сержанту.

— Пройдите сюда, сэр,— сказал сержант, один из тех грубоватых, усердных парней, которые не переносят никакой этой, знаете ли, пустой болтовни.

Крис пошел за ним. Он поражался удивительному безобразию и холодному убожеству помещения и не заметил этой немой сцены. Ничего не подозревая, он шел за сержантом по коридору и вышел через одну или две двери на маленький грязный дворик. Мистер Снегг куда-то исчез.

— Вот сюда, сэр,— добродушно сказал сержант, ведя Криса в какой-то сарай.

Раньше, чем Крис сообразил, в чем дело, сержант отошел в сторону, два полисмена ловко откинули простыню, закрывавшую нечто, и Крис побледнел от ужаса при виде того, что было некогда живым человеком и его отцом. На лбу виднелся горизонтальный разрез. Черепная коробка была распилена на две части, затем аккуратно сшита кусочками проволоки. Под оттянутой гладко выбритой губой торчали испорченные желтые от табака зубы, и одна рука, тощая, несгибающаяся, отвратительно торчала наружу.

Крис был сломлен. Никто не подготовил его ни единым намеком, и жестокость этого неожиданного грубого зрелища была непростительной. Один удар за другим — ужас, скорбь, отвращение, испуг поочередно обрушивались на него. До сих пор он никогда не видел мертвецов, и вот теперь его внезапно столкнули с этой неизбежной, но мучительной реальностью, показав ему его собственного отца, изуродованного вскрытием. Ужасное выражение мертвого лица Фрэнка, казалось, навеки запечатлелось в мозгу Криса.

— Вы узнаете, чьи это останки? — спросил голос где-то далеко-далеко.

Крис вздрогнул и огромным усилием воли взял себя в руки.

— Это был мой отец, — спокойно сказал он и отвернулся.

Остальная часть судебного следствия прошла для Криса как бы в тумане, как что-то далекое и нереальное. Подобно ритмически возобновляющейся тупой боли, лицо его отца возникало перед его внутренним взором, застилая все остальное, пребывало некоторое время, затем быстро растворялось в бессмысленной внешней реальности происходящего и возникало снова.

Каким-то образом Крис очутился на скамье в зале суда рядом с мистером Снеггом. Лицо Фрэнка всплыло перед ним... Затем по какой-то причине им пришлось встать, и что-то было прочитано вслух. Они сели снова. Опять лицо Фрэнка. Врач давал свои показания. Крис уловил отдельные отрывочные слова: «упитанный», «бронхит», «начало цирроза печени», «алкоголь в крови», «ушибы и ссадины, объясняющиеся падением», «смерть от удушья в воде в результате падения». Лицо Фрэнка...

Мистер Снегг вернулся на место, дав какие-то показания, которых Крис не слышал. Затем было произнесено его имя, и он стоял перед каким-то симпатичным джентльменом, который ласково говорил ему что-то. На одно мгновение возникло лицо Фрэнка, но Крис как-то сумел понять вопрос и ответил, что его мать больна. Вмешался мистер Снегг, предъявивший докторское свидетельство.

Подтверждает ли Крис, что это останки его отца? Да. Не испытывал ли покойный джентльмен некоторых финансовых затруднений? Да, сказал Крис, и его сознание

внезапно прояснилось, но это было несколько месяцев тому назад, и с тех пор, насколько ему известно, они были благополучно улажены его отцом и его поверенным в делах. Судья взглянул на мистера Снегга, и тот едва заметно кивнул. Не знает ли Крис чего-нибудь, что могло встревожить его отца? Ничего, исключая болезни его сестры, леди Хартман. Опасно ли больна леди Хартман? Да, но она находится на попечении опытного специалиста, и он выразил уверенность, что она поправится. Известно ли Крису что-нибудь еще? Ничего. Не нашел ли он в бумагах своего отца каких-либо писем или документов, которые могли бы пролить свет на трагедию? Нет. Как все это произошло, по мнению самого Криса? Его отец по какой-то причине решил прогуляться после ужина и в темноте оступился, проходя по узкому мостику.

Ему сказали, что он может сесть. Лицо Фрэнка... Заговорил судья. Только сейчас Крис заметил двенадцать человек, которые сидели все вместе, напротив него. Судья замолчал, и двенадцать человек — присяжные — пошептались. Затем один из них встал и в ответ на вопрос сказал: «Смерть от несчастного случая» и добавил что-то о необходимости сделать перила и повесить у моста фонарь. Лицо Фрэнка...

Каким-то образом он очутился на улице у здания суда с мистером Снеггом, который держал его под руку и спрашивал, не выпить ли ему стаканчик бренди.

— Я бы на вашем месте выпил,— добродушно сказал сержант.— Тяжелая история для вас это опознание.

Мистер Снегг сунул что-то в ладонь сержанта. Затем они очутились у стойки небольшого бара; там было накурено и стоял слабый запах винного перегара. Крису всунули в руки стакан бренди с водой. Зубы его стучали о края стакана, и крепкий напиток обжигал горло. Лицо Фрэнка... Крис отпил еще, более решительно, и какая-то глухая теплота проникла в него. Руки стали теперь не такими ледяными.

Возле бара мистер Снегг спрашивал, не проводить ли его домой. Больше всего Крису хотелось остаться одному. Мистер Снегг каким-то образом исчез, и Крис, как слепой, шагал по улице. Лицо Фрэнка... Потом он вспомнил, что не все еще сделано, и направился на почту, откуда послал телеграмму Жюли, написав слова дрожащими заглавными буквами. Он забыл сдачу, и его оклик-

нули, чтобы он вернулся и взял ее. От бренди у него шумело в голове, но он чувствовал себя лучше, гораздо лучше. Домой он шел уже совсем бодро, кружным путем, по шоссе,— он не мог заставить себя перейти через тот мост. Лицо Фрэнка...

Войдя в переднюю «Цветущего шиповника», он увидел на столе письмо от Марты и сунул его в карман нераспечатанным. Не сейчас, надо подождать. Он направился прямо к матери и без стука вошел в ее комнату. Она лежала в постели, читая молитвенник. Лицо Фрэнка... Она воскликнула что-то,— что именно, он не разобрал. Он пристально посмотрел на нее и сказал глухим голосом:

— Смерть от несчастного случая.

Затем повернулся и вышел из комнаты.

— Крис! — крикнула она ему вслед, и снова, еще пронзительнее: — Крис! Крис!

Он оставил ее крики без внимания, вышел из дому и побрел куда глаза глядят.

Весь этот день и весь вечер и ночью, в часы тревожного сна, лицо Фрэнка появлялось снова и снова с пугающей четкостью. К утру оно стало более смутным и появлялось реже, и Крису удалось часа на два заснуть по-настоящему. Когда он проснулся, лицо перестало появляться помимо его воли, хотя он еще мог вызвать его по желанию. Но у него не было такого желания. Он боролся, не щадя сил, стараясь вернуть утраченное равновесие. Он смог прочесть письмо Марты, и оно успокоило его.

СЕМЬ

Через два дня Крис с матерью стоял у открытой могилы Фрэнка; облаченная в пышный вдовий траур, Нелл повисла на его руке. Она вела себя с примерным тактом, выказывая в нужные моменты все приличествующие случаю чувства. В момент предания тела земле она с опасностью для жизни покачнулась над раскрытой могилой. В противоположность ей, Крис казался холодным и бесчувственным, хотя слезы навертывались на его глаза и тупой ужас охватывал его всякий раз, когда он думал о лице, скрытом под полированной крышкой гроба.

Церемония показалась ему насквозь фальшивой: пережиток дикарских представлений о вселенной, атавистическое воскрешение давно отвергнутых суеверий.

Непоколебимая вера в воскрешение из мертвых была всего лишь ребячеством — очень уж напирал на это священник. С Фрэнком покончено раз и навсегда; капут и в ящик, как любил говорить мистер Чепстон, предавая армейским воспоминаниям.

Крис был искренно рад, когда все это кончилось, последние «соболезнования» были приняты, и мать, не переставая плакать, благополучно водворилась в постель.

Но когда стемнело, он пошел на кладбище и целый час еще стоял у могилы, размышляя о многом.

Два вопроса, временно снятых с повестки дня, потребовали теперь рассмотрения: на какие средства будет жить Нелл и как устроить ее дальнейшую жизнь. Крис провел целый день в конторе Хичкока и Снегга, просматривая папки, наполненные внушительными на вид документами с заголовками, набранными готическим шрифтом, пытаясь разобраться в запутанных фразах, которые должны были бы уточнить смысл, но на самом деле только затрудняли понимание. Отчаявшись понять что бы то ни было, он связался по междугородному телефону с Ротбергом и после шестиминутного разговора передал ему ведение дел по пресловутому «состоянию». Он не без иронии вспомнил «изумительный план» Фрэнка и подумал, как много пользы извлекли из него все они, а в особенности сам Фрэнк.

Вторым вопросом он занялся как-то после чая, который, по наблюдениям Криса, временно водворял в сознании Нелл некоторую ясность.

Нелл что-то сказала относительно того, что они будут делать на следующей неделе, и Крис ухватился за этот предлог.

— В будущий понедельник я должен вернуться в Лондон, — спокойно сказал он.

— Надолго?

— Навсегда. Там моя жизнь и там у меня работа.

— Крис, неужели ты покинешь свою овдовевшую мать?

Крис пожал плечами. Он ненавидел эти коварные замаскированные обращения к лживым чувствам.

— Это не относится к делу, — сказал он. — Насколько я понимаю, примерно полгода назад мы пришли к молчаливому соглашению, что мы расстанемся и что я буду сам зарабатывать себе на жизнь.

— Зачем тебе это нужно,— не соглашалась Нелл.— На то, что осталось, мы отлично можем прожить вдвоем.

— Этого никто не может знать, пока Ротберг не разобрался в делах. Вполне может оказаться, что не осталось ничего. Я хотел спросить тебя о другом: ты собираешься жить здесь или хочешь переехать куда-нибудь еще?

— Жить здесь одной, покинутой моими детьми! — драматически воскликнула Нелл.— За что бог карает меня такой неблагодарностью?

— Разве Жюли тебя покинула? — сказал Крис.— Хорошо, что ты о ней вспомнила. Мне нужно сказать тебе о ней нечто весьма серьезное, такое, что мы с ней скрывали от тебя, пока ты была под впечатлением смерти отца.

— Серьезное? Что?..— испуганно спросила Нелл, невольно притихнув от тона Криса.

Крис, как можно ясней и как можно деликатней, изложил ей безжалостную правду. Трудно было заставить ее понять, а когда наконец она поняла, она отказалась верить.

— Глупости! — заявила она с напускной решительностью, хотя голос ее дрожал.— С людьми нашего класса таких вещей не бывает.

— Боюсь, что принадлежность к классу не является профилактической мерой,— сказал Крис.— По крайней мере в данном случае не явилась ею.

— Я этому не верю.

— Диагноз поставлен двумя совершенно различными врачами.

— Они ошиблись, врачи всегда ошибаются.

— Сейчас,— продолжал Крис,— Жюли одна в частной лечебнице, под строгим присмотром, и проходит курс лечения.

— Я...

— И она начала дело о разводе...

— Развод! Я этого не допущу.

— Боюсь, тебе придется,— резко сказал Крис.— Послушай, мама, может быть, ты бросишь на минутку шитье и попытаешься посмотреть неприятной действительности прямо в лицо? Жюли лежит одна, в этой больнице, и ей очень тяжело. Она хочет выписаться и снять квартиру. Но при ней должен быть человек. Как, по-твоему, оставить ее одну?

— Что ты имеешь в виду?

— Ее жизнь разбита,— сказал Крис тихим голосом.— Не будем никого в этом винить, но это факт. У нас нет абсолютной уверенности, что она выздоровеет, хотя есть все основания надеяться на это. Неизвестно, родится ли ее ребенок живым или мертвым, здоровым или больным, хотя и здесь тоже есть надежда. А пока что она живет в непрестанной попытке одиночества и неуверенности. Ее никто не навещает. Ей необходимо пройти строгий двухгодичный курс лечения. Спрашиваю тебя еще раз: можно ли оставить ее одну?

— Можно нанять сиделку,— сказала Нелл, избегая его взгляд.

— Это может понадобиться, а может быть, и нет. Не знаю. Я думал совсем о другом — не о наемной сиделке, а о человеке, который мог бы относиться к ней дружески, поддерживать в ней бодрость, удерживать ее от отчаяния и в то же время следить, чтобы она исполняла все предписания врача. Даже если бы я считал, что ответственность за нее ложится на меня,— а я этого не считаю,— неужели ты находишь возможным, даже тактичным по отношению к ней, чтобы я, мужчина, ее брат, был постоянным свидетелем ее болезни? Ты не отвечаешь. Я лично считаю, что это невыносимо. Нужно, чтобы при ней была женщина. Ты ее мать, тебе нечего делать, и раз уж ты заставила ее выйти за Джеральда, ты морально обязана ей помочь. Я не хотел этого говорить, но ты меня вынудила. Неужели ты еще колеблешься? Неужели ты не чувствуешь, что обязана помочь этой бедной, обезумевшей от горя девочке и, наконец, своему внуку?

— Ох, Крис, я боюсь: это такая жуткая болезнь! — воскликнула Нелл, вздрагивая всем телом.

— Ага! Теперь я вижу, ты в это веришь! Но тут нечего бояться, нужно только соблюдать известные предосторожности. Не побоялась же ты ради денег выдать ее за человека, который ее довел до *этого*. Конечно, ты этого вовсе не хотела, ты была бы до последней степени возмущена, если бы хоть на минутку предположила, что такое возможно. Но вышло так, что это оказалось возможно. Я не собираюсь обвинять тебя или читать тебе нравоучения, но ведь совершенно очевидно, что Жюли никогда не вышла бы за Хартмана, если бы ты ее не заставила. Ты...

Нелл прервала его, разразившись слезами.

— Какой ты жестокий, безжалостный, — рыдала она. — Ты говоришь как мой враг, а не как мой сын.

— Я говорю то, что считаю правильным, справедливым и разумным. Я спрашиваю тебя об одном: есть ли у тебя, по-твоему, дело более нужное, чем помочь Жюли? Этот злосчастный брак внес в нашу семью горе и раздор. Тебе не пришло в голову, что несчастье Жюли имеет отношение к смерти отца?

Нелл смотрела на него широко раскрытыми испуганными глазами.

— Он знал? — спросила она.

— Знал.

Наступило долгое молчание. Нелл плакала, закрыв лицо руками, а Крис страдальчески смотрел на нее. Какое унижение, какое унижение! Наконец она подняла глаза.

— Что я могу сделать? О, скажи мне, что делать?

— Ты спрашиваешь моего совета? — твердо сказал Крис. — Я уже сказал. Поезжай к Жюли.

— Когда?

— Как можно скорей. Через полторы-две недели. С твоим коттеджем я все устрою. Я подыщу вам квартиру, мебель можно взять отсюда. И перевезу Жюли к тебе.

Снова долгое молчание.

Нелл с жалким видом всхлипывала в платок, а Крис смотрел на нее в безмолвном недоумении. Он привык относиться к женским слезам подозрительно и даже с некоторым раздражением: это такой удобный способ бежать от действительности. О чем она сейчас думает? И потом — насколько он имел право диктовать ей линию поведения, насколько чисты были его собственные мотивы? Поскольку Нелл больше нечего было делать в жизни, а Жюли была в таком отчаянном положении, предложенный им выход представлялся единственно разумным. Ну, а что, если этот хитрый оболъститель, человеческий ум, подсказал ему это решение только из-за Марты? Крис вздохнул. Тот, кто сказал «познай самого себя» — кто бы он ни был, — задал человечеству трудную задачу. Как можно быть уверенным...

— Столько несчастий сваливается на одного, — патетически сказала Нелл. — Сначала трагическая кончина твоего бедного отца, теперь эта позорная история с Жюли. Почему я всегда должна страдать?

— Не ты одна задаешь себе этот вопрос, — мягко сказал Крис. — Может быть, нет такой вещи, как невезение:

есть только наша неосторожность. Но в конце концов хуже всех пришлось Жюли...

— Крис! Ты *уверен*, что это правда?

— Я не доктор, мама. Я могу только повторять то, что говорят врачи. Важно одно: Жюли этому верит. Но скажи мне, почему тебе так не хочется ехать?

Вместо ответа Нелл глубоко вздохнула.

— Ну ладно,— сказал Крис, вставая.— Оставайся одна и подумай об этом. Если я буду тебе нужен до понедельника...

— Ах, ну конечно, мне придется ехать! — обидчиво сказала Нелл.— Я всегда жертвовала собой ради детей. Буду продолжать и дальше в том же духе.

— По-видимому, такова участь всех матерей,— мягко сказал Крис.— Это одна из особенностей того странного явления, которое называется жизнью. Вот потому-то меня и удивляют твои колебания. Разве ты не любишь Жюли?

— Конечно, люблю! — Глаза Нелл наполнились слезами.

— Так в чем же дело? Она нуждается в тебе сейчас больше, чем когда бы то ни было с тех самых пор, как она была беспомощным ребенком. Кто еще спасет ее от отчаяния, кроме тебя? Кто еще может ее спасти?

— Я думала,— сказала Нелл, снова всхлипывая,— что мы могли бы жить здесь все вместе и возобновить знакомство со всеми теми, кого я знала раньше, ведь твой отец был не совсем нашего круга...

Крис был ошеломлен. Что за пафос жалких социальных претензий! Что за микроб поразил людей, сделав их жертвой кастовых предрассудков! И предрассудков какой касты — эксплуататоров и паразитов, бальных шаркунов, собаководов и лошадачников, охотников за мелкой дичью и картежников! Знала ли когда-нибудь история такую презренную личину общего блага, такие мизерные идеалы, такие смехотворные образцы для подражания, такое бессмысленное расточение богатств, заработанных трудом народа? Вращаться в местном «высшем свете»! Приобщиться к числу аристократических ничтожеств и отречься от всех открывающихся перед тобой необозримых возможностей, от всего, что можно познать, испытать, к чему можно стремиться,— презреть все это ради того, чтобы попасть в отдел светских сплетен какой-то провинциальной газетки! Нет, это невыносимо!

— Боже милостивый! — сказал Крис. И пошел гулять.

Он отчаялся слишком рано. После недолгой борьбы Нелл, как большинство из нас, распрощалась со своей патетической мечтой о счастье, которая не становилась для нее менее реальной от того, что Крис считал ее нелепой. Как только Крис убедился, что Нелл приняла решение всерьез, он принялся за дело; и ко дню своего отъезда, то есть к понедельнику, он устроил все дела, заказав все, вплоть до билета Нелл и комнаты в отеле, где она должна была остановиться. Вернувшись в Лондон, он тотчас же погрузился в собственные дела: работал много, мало тратил, ежедневно посещал Жюли и каждый вечер встречался с Мартой. Его удивило открытие, что он работает усидчивей и продуктивней тогда, когда его энергия используется в различных направлениях, а не тогда, когда он варится в собственном соку.

Ротберг не возлагал никаких надежд на «состояние». План Фрэнка сводился в конце концов к тому, чтобы бросать деньги на ветер, потому что дела были далеко не в блестящем положении и акции, которые сохранял Фрэнк, были в большинстве дутыми.

— Мало толку поручать свое состояние заботам посредника, как делал ваш отец, — сказал Ротберг. — Необходимо постоянное наблюдение. Вероятно, вы не горите желанием взять это на себя?

— Боже сохрани! — сказал Крис. — Этого еще не хватало. Неужели вы думаете, что я мог бы с этим справиться?

— Откровенно говоря, нет. Я просмотрел большую часть бумаг и считаю, что, если бы у вас было несколько тысяч свободных денег и вы бы пустились на всякие хитрости, вам бы, может быть, и удалось спасти состояние. Но при теперешнем положении дел мой совет — реализовать все, что можно. Очистится несколько тысяч, которые по завещанию должны перейти к вашей сестре.

— И правильно, — сказал Крис. — Она имеет право на всякую компенсацию, какую могут дать деньги. Надеюсь, она получит содержание от Хартмана?

— Получит все, что нам удастся выцарапать.

— Гнусный способ получать деньги, — брезгливо сказал Крис.

— Почему? Раз она имеет на них право по закону.

— Ах, по закону! Не сомневаюсь. Но это не всегда значит «по совести».

— А как быть с вашей матерью? — спросил Ротберг, в первый раз в жизни отказываясь от спора.

— Если Жюли получит деньги, мать, по-моему, имеет право на какую-то долю, потому что она будет о ней заботиться. Это может быть противозаконно, но зато справедливо.

— Так вы, может быть, поговорите об этом частным порядком с вашей сестрой?

— Я уже поговорил. Ну, а теперь скажите мне откровенно, Ротберг, как по-вашему, здорово обобрали эти юристы моего отца?

— Обобрали — слишком сильно сказано, это бранное слово, — осторожно сказал Ротберг. — Но пожалуй, я мог бы сказать, что они использовали все законные способы, а может быть, и кое-какие противозаконные.

— А нельзя было бы возбудить против них процесс?

— Можно-то — можно. Но на каком основании? Какие у вас доказательства? Они ловко спрятали все концы в воду. Закон может встать на вашу сторону, но может и не оказаться на вашей стороне. Лучше оставьте их в покое.

— Значит, когда собственность доверена людям, которые обязаны — по крайней мере из соображений морали — распоряжаться ею честно, они могут завладеть ею обманным путем, и закон это допускает?

— Английский закон распространяется только на случаи, специально предусмотренные прецедентом.

Крис рассмеялся.

— Когда-нибудь действительность постучится в вашу дверь, — сказал он. — Тогда берегитесь. Ведь Альфред Саксонский умер некоторое время тому назад. Королева Анна тоже умерла довольно давно, и ныне пошел четвертый десяток лет двадцатого века. Может быть, нам пойти в королевский суд и спеть перед судьями: «Хозяин кто сей лавки воровской?» Не стоит? Ну, прощайте.

За два дня до отъезда с мистером Чепстоном Крис отказался от комнаты и перенес свои немногочисленные пожитки в квартиру Марты. Чем дальше, тем меньше хотелось ему отправляться в это путешествие. Зачем жертвовать тремя неделями беспримерного счастья ради бешеной гонки по Европе в обществе дряхлого ветерана войны и к тому же педанта? Он поделился своими сомнениями с Мартой в последний день, когда они ехали вместе на империале автобуса в контору, через которую Крис нашел работу учителя.

— Ах, Крис, поезжай непременно,— сказала Марта.

— Зачем? Я все равно не буду счастливее, чем теперь, с тобой. Если я уеду, обязательно что-нибудь случится.

— Ничего не случится,— весело сказала Марта.— И мы будем любить друг друга, пока тебе не надоест. Так что об этом не беспокойся.

— Да я и не беспокоюсь. Просто не хочется уезжать от тебя.

— Тебе необходим отдых, Крис. У тебя такой измученный вид, что у меня болит сердце, когда я на тебя гляжу. Жилось тебе совсем не сладко. Ты этого не знаешь, но иногда бывает, что ты сидишь и не замечаешь, что я на тебя смотрю, и тогда у тебя такой грустный, несчастный вид. Я хочу, чтобы этого не было.

— Кто может это сделать, кроме тебя?

— Нет,— сказала Марта, качая головой.— Женщина может сделать для мужчины очень многое, но не все. Тебе нужно начисто забыть все свои несчастья и вернуться ко мне новым человеком.

— Но, Марта, мне легче всего забыть их, когда я с тобой!

Марта поцеловала его, не обращая внимания на тупые лица сидевших вокруг.

— Мне ужасно не хочется, чтобы ты уезжал, но я не хочу уморить тебя своей любовью. Мужчина должен жить своей собственной жизнью. Тебе нужно съездить и посмотреть мир, а если ты не воспользуешься этим случаем, другого тебе, может быть, и не представится. К тому же мистер Чепстон — влиятельный человек, не так ли?

— По-видимому,— безразлично сказал Крис.— До сих пор он подыскивал мне только на редкость гнусные места.

— В будущем найдет, может быть, и получше,— сказала Марта.— Нам мало быть только любовниками, Крис. Мы не должны довольствоваться этим — ты сам так говорил. Поезжай с ним и попытайся получить какую-нибудь более интересную работу, чем эта гадость в Кройдоне. Ты способен на большее, и тебе необходимо что-нибудь такое, во что бы ты перил.

— Что именно?

— Ты это сам найдешь,— с уверенностью сказала Марта.— Это к тебе придет. И тогда не возвращайся более никчемным человеком. Пока ты будешь путешествовать, я найду себе какое-нибудь дело. И может быть, сама

найти что-нибудь получше и для тебя, у меня масса знакомых. Ты не считаешь, что это дерзость с моей стороны?

— Дорогая, это очень мило с твоей стороны. Я буду только благодарен тебе, если ты найдешь мне что-нибудь. Но я потерял всякую надежду. По-видимому, во мне есть какие-то острые углы, и я не гожусь для мира, в котором и круглой-то норы не найдешь. Мы не нужны. Люди с деньгами, это дело другое; нужны и рабочие, которые доставляют людям с деньгами прибавочную стоимость, а мы, все остальные, можем вешаться на первом попавшемся суку...

Болтая и смеясь, они вошли в контору, где Крис задал несколько вопросов степенному человеку, сидевшему за конторкой. Ни Крис, ни Марта не заметили человека с угрюмым лицом, который сидел в дальнем углу комнаты и не спускал с них глаз, пока степенная личность выходила за какими-то справками.

— Здесь мрачно...— сказал Крис.

— И так респектабельно,— сказала Марта, смеясь.— У меня такое чувство, что мне следовало бы надеть обручальное кольцо.

— Шш! — сказал Крис.— Он возвращается.

Степennyй человек принес анкету для заполнения, и так как Крис не знал, какой ему указать адрес, Марта неосмотрительно сказала:

— Пиши мой, конечно.

Крис повиновался, хотя он чувствовал, что это немного рискованно. Как только они вышли, степенный посмотрел на угрюмого и кивком подозвал его к себе.

— Вы слышали, о чем они говорили?

— Гм...

— Что-то подозрительно мне это,— сказал степенный с встревоженным видом.— Сами понимаете, мы не можем допустить, чтобы после на нас были жалобы. Ступайте-ка за ними, может быть, вам удастся что-нибудь выяснить.

Угрюмый кивнул головой. Ни Крис, ни Марта не заметили, как он вошел за ними в автобус и сел позади. Он внимательно прислушивался ко всему, что они болтали, довольные, что они вместе, друг с другом; уверения Марты, что эта «гнусная работа» будет временной, радужные проекты насчет того, что они будут делать, когда каждый

найдет себе идеальное место в жизни, и как они будут встречаться во время учебного года и проводить вместе каникулы. Если им удастся найти какое-нибудь дешевое местечко, они поедут летом за границу...

Угрюмый следовал за ними до дома Марты, записал адрес и скрылся.

ВОСЕМЬ

В первые же дни своего путешествия Крис откровенно признался себе самому, что Марта была права, а он — неправ. Это было как раз то, в чем он нуждался. Ежедневные переезды каждый раз по новой местности, возбуждающее действие иной, незнакомой жизни, небо и ветер, и, превыше всего, ощущение, что ты быстро мчишься навстречу теплу и оживлению новой весны — все это успокаивало и радовало его. Криса привели в восхищение просторы Франции, открывшейся ему, когда они отъехали от побережья и повернули к югу страны, населенной, но не слишком, покоренной человеком, но еще не изуродованной им. Он посылал Марте восторженные открытки с видами; в них он непрестанно повторял ей, что его огорчает единственное — с ним был мистер Чепстон, а не она.

Несчастья и потрясения последних шести месяцев с невероятной быстротой отступили на задний план и казались теперь почти такими же чужими, как страдания воображаемых персонажей в книге, которым мы сочувствуем несколько часов, а потом о них забываем. Они растворились в небытии, как обрывки тяжелого сна, когда мы просыпаемся и постигаем блаженную истину, что всего приснившегося нам никогда не было. Он вспоминал обо всем этом без горечи и без обиды, почти без боли, в то время как автомобиль мчал их к югу по бесконечно разворачивающейся дороге, среди нежной молодой зелени начинающегося года. Колледж и «катастрофа», унижительное возвращение домой, замужество Жюли, глупый и жалкий план навязать ему Гвен, странные лихорадочные дни, проведенные с Гвен, гнетущая комната в Сохо и бессмысленная «работа» у мистера Риплсмира, затем целая серия злобных ударов судьбы — его увольнение, болезнь Жюли, смерть Фрэнка и постоянная тревога и трата энергии в попытках навести хоть какой-то порядок в этом хаосе — все это, казалось, произошло с кем-то

еще или, вернее, с другим его «я», которое теперь могло примириться со всем и стать выше этого. Живой действительностью, неразрывной частью его самого была Марта и их незапятнанная молодая страсть.

Если бы только настроение первых дней могло удержаться! Но были две опасности, которых Крис не предусмотрел. Езда на автомобиле, которая в первые дни погружает шофера и ездока в сонное спокойствие, вскоре начинает все больше и больше возбуждать нервы, переходить в увлечение скоростью, которое поглощает вас целиком, если только этому не противостоит строжайшая самодисциплина. К несчастью, самодисциплина — качество, которого он так настойчиво требовал от других, была совершенно не свойственна мистеру Чепстону, длина перегонов и скорость увеличивались с каждым днем. Кроме того, Крис не учел, что одно дело — встречаться с мистером Чепстоном изредка в колледже и совсем другое — находиться изо дня в день с утра до вечера в его обществе. И потом, с мистером Чепстоном получилось так же, как с Нелл: Крисс знал, что он во многом расходится с Чепстоном, но только со временем и после ряда мелких столкновений он понял, насколько велики их расхождения.

Будь Крис менее погружен в блаженство своего нравственного выздоровления, менее занят грезами наяву, в которых Марта появлялась на фоне мелькавших перед ним пейзажей, он отнесся бы с большим вниманием к небольшому эпизоду, происшедшему в первый же вечер их путешествия с мистером Чепстоном. Ему и в голову не пришло, что этот послеобеденный спор может привести к дальнейшим разногласиям или что мистер Чепстон будет так злиться, когда ему противоречат.

В этот день мистер Чепстон удовлетворился весьма умеренным переездом от Кале до Аббвилля, где они остановились на ночевку. Крис успел до обеда написать длинное любовное письмо и явился к столу в особенно приподнятом настроении. Подобно многим поклонникам широкой жизни и здравого смысла, мистер Чепстон во время каникул ни в чем себе не отказывал, и вина было вдоволь. К сожалению, под влиянием вина, а также того обстоятельства, что они проехали мимо бывшего генерального штаба в Монтрей и находились сейчас в одном из прифронтовых городков, мистер Чепстон предался военным воспоминаниям.

Военные воспоминания всегда скучны для тех, кто не пережил войны, а воспоминания мистера Чепстона были Крису особенно скучны. Он неоднократно слышал их раньше. И потом, все это было так данно, словно этого вообще не было. У Криси было тем больше оснований сомневаться в истинности подвигов мистера Чепстона, что они при каждом новом изложении становились все более доблестными, а опасности все более опасными. Сверх того Крису раздражало бесстыдное, по его мнению, стремление мистера Чепстона накормить волков милитаризма и в то же время сберечь пацифистских овец. Он хотел пожинать лавры за свою дьявольскую храбрость на фронте и одновременно вкушать похвалы своим филиппикам против войны. Крис замечал ту же черту и у других героев войны, и ему приелось это. Наконец мистер Чепстон совершил последний смертный грех, а именно проиллюстрировал какое-то сложное тактическое положение с помощью ложек, вилок, спичек и масляных косточек.

Долгое время Крис слушал его с терпеливой вежливостью, которую все труднее становилось сохранять. Его больше всего возмущал в рассуждениях мистера Чепстона их лейтмотив: все ужасы, которые Чепстон претерпел на войне, якобы принесли каким-то образом огромную пользу Крису и «всему его поколению», так что Крис должен быть благодарен ему за то, что он обовшивел на Сомме, потому что «вы и все ваши собратья навсегда останетесь моими должниками», «должны смотреть на меня снизу вверх» и, по каким-то таинственным причинам, «не годитесь мне и в подметки». Наконец Крис не выдержал:

— Удивляюсь, почему вы не дезертировали?

— Дезертировал! — воскликнул мистер Чепстон, разгоряченный красным вином и воспоминаниями о своей мнимой доблести. — Как вы можете говорить о такой позорной вещи?

— Но ведь раз вы пацифист, вы должны всячески превозносить дезертира. У него хватает мужества осуществить свое нежелание быть убитым. Собственно следовало бы воздвигать памятники Неизвестным Дезертирам, о чем до сих пор никто еще не подумал.

— Нелепый парадокс! — сказал мистер Чепстон, досадливо фыркая и хихикая. — Мы боролись во имя идеалов, и дезертирство было бы подлой изменой!

— При чем тут идеалы, когда вы просто стараетесь

доказать, что у вас больше грубой силы. Было бы куда полезней и, пожалуй, трудней доказать, что у вас больше ума.

— Это школьническое остроумие,— оскалился мистер Чепстон.— Бороться с противником можно только его же оружием. Нас заставили прибегнуть к грубым средствам, но нашей целью было сохранение идеалов.

— А не сделали ли средства целью?

— Что вы хотите сказать?

— Только то, что вы так старались победить, что к тому времени, когда победили, начисто забыли об идеалах.

— Неправда! — сердито вскричал мистер Чепстон.— Не наша вина, если эти идеалы ниже понимания своры изнеженных щенков, которые и выстрела-то настоящего никогда не слышали.

— Наверно, вам было очень неприятно убедиться, что все ваши старания пропали даром,— сказал Крис, раздражаясь все больше.

— Они не пропали даром!

— Насколько я понимаю, ваша задача была — спасти демократию, но согласитесь сами, в наше время демократии приходится далеко не сладко.

— И это очень хорошо! Дисциплина, вот что нужно миру, дисциплина!

— А-а! — радостно подхватил Крис.— Итак, идеал номер первый отправляется ко всем чертям. А как насчет войны во имя того, чтобы покончить раз навсегда с войнами, когда весь мир отравлен сейчас ненавистью и милитаризмом? Впечатление, что либо вас надували, либо вы сами надували всех остальных. А не получилось ли так, что на самом деле это была война за то, чтобы покончить раз навсегда с демократией и расчистить дорогу новым войнам?

Мистер Чепстон засопел, лицо его подергивалось от раздражения. Он не нашелся, что ответить, и ограничился слабым:

— Вам всем было бы очень полезно испытать то, что испытали мы; это сделало бы вас мужчинами.

Крис рассмеялся.

— Заставить других выстрадать то, что вы выстрадали сами! Примитивная школьная психология.

Сказав себе, что этот мальчишка становится просто невыносим, мистер Чепстон сделал еще одно героическое усилие и перевел разговор на другую тему.

Через несколько минут Крис совершенно забыл эту небольшую размолвку. Не то мистер Чепстон. У него оказалось смутное и неприятное ощущение, что ему не удалось с достаточной жесткостью отстоять свои идеалы и одернуть этого щенка. Впоследствии, задним умом, его осенило, и он придумал множество уничтожающих аргументов, которые он мог бы выставить. Однако разговор больше к этому не возвращался, и так как Крис вел себя очень кротко и сверх того неоднократно в соответствующих выражениях изъяслял мистеру Чепстону благодарность, то он постепенно заслужил прощение.

Это не значило, что мистер Чепстон отказался от мысли отомстить Крису. Крис с нетерпением ожидал, когда они доберутся до одной из тех стоянок доисторического человека, которыми так богата Франция, если не до тех, что укрываются в долинах Сены и Соммы, то по крайней мере до пещер и каменных убежищ в долине Дордони. Он отважился вежливо намекнуть на это мистеру Чепстону. Тот сейчас же проявил упрямую враждебность: не то чтобы он питал какую-нибудь неприязнь к доисторическим стоянкам, но это было *его* путешествие, и он проведет его, как ему нравится, а Крис должен смотреть и смиренно восхвалять *его* Европу.

— Чего ради нам туда ехать? — воскликнул он, с риском для жизни выворачивая руль. — Дорогой мой мальчик, основная задача нашей поездки — это *дать вам первое беглое представление о европейской цивилизации.*

— А что такое «европейская цивилизация»? — осведомился Крис.

— Европейская традиция, — ответил мистер Чепстон, и все мускулы его лица запрыгали от старания придать ему внушительный вид. — Римская империя и церковь, французская и испанская монархия, жизнь феодалов, великие художники, архитекторы и величественные произведения искусства, оставленные ими, — камень, бронза и живопись — замки, церкви, благородные старые города и села, память о великих людях, делах и мыслях.

— А французскую революцию вы сюда включаете?

— Дикари! Вандалы и дикари! — воскликнул мистер Чепстон, сердито подпрыгивая на сиденье. — Они уничтожили то, что создавалось веками, и стерли с лица земли поэзию жизни. Такие же дикари, как ваши пещерные люди с оскаленными зубами.

— Почему вы знаете, что они скалили зубы?

— Дикари, варвары,— повторил мистер Чепстон, доводя скорость автомобиля до пятидесяти пяти миль в час, чтобы показать, какой он цивилизованный человек.— Дикари, дерущиеся из-за сырого мяса и бьющие женщин каменными палицами по голове.

— Вы, по-видимому, черпаете ваши сведения у цирковых комиков,— возмутился Крис.— Вероятно, вы так же, как и они, предполагаете, что пещерный человек был современником динозавров?

— Не знаю и знать не хочу.

Крис хотел было разразиться панегириком по адресу пионеров цивилизации, но сдержался. В конце концов мистер Чепстон по-своему прав, если оставить в стороне его роковой недостаток: он был так поглощен прошлым, что не мог ни понять настоящее, ни предвидеть будущее. И ему, Крису, не доставит никакого удовольствия осматривать с таким абсолютно несочувствующим спутником эти глубоко волнующие места, где люди в продолжение несчетных веков медленно и упорно пробивались к разуму. Все удовольствие пропадет. Он спросил себя с некоторой грустью, заинтересовало ли бы это Марту. Вероятно, нет. Вероятно, она не сможет отличить одну доисторическую эпоху от другой. Париж больше по ее части. Ну, и что ж такого? Гораздо лучше ярко прожить всю жизнь, чем черстветь, лелея сознание собственной значительности и впитывая чепстоновскую «культуру»...

Во Франции Крис после этого только дважды попал в немилость. В первый раз дело было в каком-то городке на Луаре, по которому мистер Чепстон неумолимо водил его как заправский гид, не пропуская ни одного живописного уголка. Крис устал, и ему хотелось уйти и написать открытку Марте. Он умерял эстетические восторги мистера Чепстона, доказывая, что только туристы могут довольствоваться одной живописностью; что улицы узки, неудобны и старомодны, что канализация и водопровод оставляют желать лучшего, что дома стары, серы и негигиеничны, что в этом и в тысяче других живописных местечек вырастает нездоровое поколение и до сих пор процветает та узкая, эгоистичная, жадная крестьянско-буржуазная жизнь, которую так замечательно изобразил Бальзак.

Задыхаясь от негодования, мистер Чепстон страстно опровергал эти клеветнические выпады. Он сказал, что Крис — самонадеянный невежда, что его следовало бы поселить в кирпичной вилле с ванной и канарейкой где-нибудь на Грейт-Норт-роуд. Крис сказал, что это было

бы в тысячу раз лучше грязной комнаты в колледже или его вопочей каморки в живописном Сохо.

Мистер Чепстон сказал, что Луара производит замечательные вина. Крис возразил, что это еще не повод, чтобы жить в старых злобонных персудках. Мистер Чепстон сказал, что машины и модернизм — проклятие. Крис сказал, что ему приятней пить вино, когда он знает, что сок из винограда выжимала чистая машина, а не грязные ноги пляшущих крестьян...

В Ангулеме мистер Чепстон, как всегда, захотел посмотреть собор. Поместив Криса на эстетически правильном расстоянии и под эстетически правильным углом, мистер Чепстон пустился в многословное и нелепое восхваление романской архитектуры.

— Какой век, какая цивилизация, какие люди! — кричал он. — Только пышно цветение готики и высоты Ренессанса могут сравниться с этим. Все ваши современные архитекторы вместе взятые не могли бы соорудить ничего подобного!

— По-вашему, это так замечательно? — сказал Крис, не отрывая глаз от путеводителя.

— Я думаю! Да оторвитесь же вы наконец от этого путеводителя, вы совсем как американский турист. Смотрите собственными глазами, старайтесь развить в себе эстетическое чутье. Взгляните на пропорции, на вековую мощную силу, на сочетание безупречного вкуса с причудливой и восхитительной фантазией. Или вы неспособны почувствовать древнюю поэзию этого здания?

— Древнюю? — невинно спросил Крис. — А вот здесь сказано, что только скульптура тут подлинная. Самый собор был перестроен заново в 1865 году неким Аббати, который нарушил его пропорции и добавил «неуместные детали».

— Как! — воскликнул мистер Чепстон, фыркая и хихикая в полном недоумении. — Что это еще за шутки!

— Посмотрите сами.

Крис протянул ему путеводитель и поплелся к автомобилю, весь трясясь от еле сдерживаемого хохота.

День или два после этого мистер Чепстон воздерживался от разглагольствований на тему церковной архитектуры и культуры, предоставляя Крису по-своему на-

слаждаться путешествием. Местность между Ангулемом и Бордо нравилась Крису, и хотя он почувствовал некоторое огорчение, когда мистер Чепстон железной рукой увез его от Дордони, его утешила длинная поездка по огромным лесам Ланд под необозримым синим небом. Затем они выехали на шоссе за Биаррицем, украшенное рекламными плакатами, за которыми мелькали Пиренеи, еще одетые на вершинах снегом.

Крис никогда не бывал в Испании, и его занимали тысячи вещей, начиная с таких мелочей, как береты басков и блестящие головные уборы гражданской гвардии, вьючные ослики и скрипучие запряженные волами повозки со сплошными колесами, и кончая шумными базарами и испанским обычаем бесконечно долго расхаживать взад и вперед по одной и той же улице в одни и те же часы среди оглушительной трескотни разговоров. Он с удовольствием задержался бы тут, изучая народ. Но мистер Чепстон, снедаемый демоном скорости, едва позволил ему начистить башмаки до испанского блеска в каком-то кафе и умчал его прочь от берега с его гористыми мысами и широкими песчаными бухтами, белыми от пены атлантического прибоя, по широкой проезжей дороге на Бургос, Вальядолид, Саламанку и португальскую границу.

Они с бешеной скоростью неслись по широкому пустынному плоскогорью, останавливаясь только на ночлег и для осмотра церквей. В Испании мистер Чепстон забыл свое поражение при Ангулеме и снова начал донимать Крису «подлинной культурой» церковных строений. Конечно, Крис охотно отдавал бы должное и церквам, как и всему остальному, но дьявольское бедекеровское упорство мистера Чепстона, многоречиво громившего непокорных ключарей, которые не желали отпирать двери в неположенные часы, заставило Крису возненавидеть все церкви на свете. Хуже того: мистер Чепстон пристрастился к церковным службам, ибо он достиг того возраста, когда религия — это страховое общество, гарантирующее бессмертие, — начинает находить в душе у людей отклик.

Крис нисколько не возражал против заигрываний мистера Чепстона с «истинной верой», но отказывался сопровождать его. Это значило вставать слишком рано по утрам, и Крис предпочитал урвать несколько минут на прогулку

по городу, пока мистер Чепстон не увозил его беспощадно в очередной трехсотмильный перегон.

— Удивительная вещь,— сказал мистер Чепстон, когда они отъезжали от Вальядолида, причем у Криса все тело ныло от прерванного сна и дорожной усталости.— Удивительная вещь в католической стране. Зашел сегодня утром к обедне в какую-то церковку, и — можете себе представить? — там было всего три человека.

— Гм,— пробурчал Крис.— Антропологи, надо думать.

Мистер Чепстон был взбешен. Он не был бы больше раздосадован, если бы при помощи какого-нибудь трюка с четвертым измерением его перенесли в одну из тех эпох, которые он якобы предпочитал современности, и перенесли только для того, чтобы опрокинуть ему на голову помойное ведро. Ибо по мере того как истощалась его жизненная энергия, у мистера Чепстона пропадала охота сомневаться, искать истину и признавать ничтожество людей перед равнодушной грандиозностью вселенной. Он жаждал уверенности, жаждал почувствовать свою значительность и оградиться от безжалостной смерти метафизическими тонкостями и магическими обрядами, способными обеспечить человеку загробную жизнь. Отсюда его эстетское жужжание и порханье вокруг прогорклого меда религиозного утешения. Небрежное замечание Криса вывело мистера Чепстона из той двойственности, которой он был и не был подвержен, веря и не веря, надеясь и не надеясь. Это был комфортабельный хаос, который, если предоставить его самому себе, постепенно должен был принять тайно желаемую мистером Чепстоном форму.

Мистер Чепстон тщетно подыскивал меткий ответ. Он несколько раз открывал рот, готовясь сказать нечто совершенно уничтожающее, но каждый раз воздерживался, чувствуя, что этого недостаточно. А потом Крис сделал вскользь какое-то замечание о пейзаже, показывающее, что он уже перестал думать об этом важном предмете. Мистер Чепстон недовольно хрюкнул. Крис испортил ему поездку. Глупо было предполагать, что скудоумный юный варвар способен оценить тонкость зрелого ума. Пытаться воспитать его или ему подобного — это все равно что метать бисер перед свиньями. Он воротит нос от паштета и предпочитает слабенькое шипучее вино благородному старому бургундскому. Фу! Мистер Чепстон вздрогнул от отвращения и решил отделаться от Криса при первой возможности.

Когда они добрались до Сан-Мартиньо — небольшого поселка на португальском побережье, Крис отказался ехать дальше без предварительного отдыха. Его нервы были издерганы движением; когда он ложился спать, воображаемые ландшафты продолжали мелькать перед его глазами: по утрам у него так кружилась голова, что он чуть не падал; мускулы у него болели оттого, что весь день приходилось сидеть скорчившись, и он чувствовал, что еще одна церковь — и он отправится в сумасшедший дом.

К его удивлению, мистер Чепстон согласился. Но, сказал он, ему хочется получить письма, которые ждут его в Лиссабоне, и поэтому он предложил съездить за ними, пока Крис будет отдыхать. Крису тоже хотелось получить письма, по крайней мере от Марты, и мистер Чепстон любезно согласился захватить их. После этого они расстались, и Крис отправился полежать часок до обеда, а мистер Чепстон — обдумать свой план.

Обед начался хорошо. Мистер Чепстон пребывал, по-видимому, в прекрасном расположении духа, как человек, сбросивший с плеч тяжелое бремя. Он любезно хихикал и корчил рожи и за второй бутылкой поведал Крису кое-какие университетские сплетни, которые должны были бы оставаться достоянием одних профессоров. Затем он совершил ошибку, показав Крису копию письма, отправленного им в его любимую газету.

Крис прочел внимательно. Это было одно из многочисленных писем на тему «конечно, что-нибудь можно сделать» для всеобщего мира. Чепстон сообщал человечеству, что он «со своим юным другом» благополучно проехал по трем странам, причем всюду их встречали с доброжелательством и учтивостью, и приводил примеры того и другого. «Разумеется», уверял он, именно эти качества могут «послужить основой международного сотрудничества». Он обходил молчанием одно обстоятельство, которое немедленно пришло в голову Крису, а именно, что все это «приветливое народонаселение» состояло из пограничных солдат, таможенных чиновников и полицейских, которым было дано распоряжение всемерно поощрять туризм, а также из содержателей гостиниц и гаражей, гидов, продавцов и лавочников, для которых вышеупомянутый туризм был немаловажным источником дохода. Ни Чепстон, ни Крис не входили ни в какое соприкосновение с народными массами или с их правительствами, а потому ничего не знали об их подлинных чув-

ствах и политике. С таким же успехом можно было производить топографическую съемку из окна курьерского поезда.

— Думаете, они это напечатают? — спросил Крис, возвращая письмо.

— Почему же нет? — обиженно вскричал мистер Чепстон, уязвленный в своем авторском самолюбии.

— А какую это, по-вашему, принесет пользу?

Мистер Чепстон высокомерно указал, что письмо английского ученого в известной газете будет широко читаться за границей и без сомнения вызовет одобрительную оценку.

— А дальше? — спросил Крис.— Вы послали свой товар не на тот рынок, на какой нужно. Большинство людей, которые прочтут ваше письмо, и так убеждены в желательности мира. Остальные не обратят на него внимания. Ваше письмо всего лишь призыв к жалобной переключке ягнят, в то время как волк уже точит зубы.

— Так что, по-вашему, я должен делать? — воскликнул мистер Чепстон с раздражением, неприличным пацифисту и джентльмену.— Возмущаться и сидеть сложа руки?

— Если вы искренни в своих рассуждениях, тогда отправляйтесь проповедовать их в какую-нибудь яро милитаристскую страну или попытайтесь убедить наших отечественных милитаристов. Вас, может быть, арестуют и расстреляют, и это будет великолепной рекламой для вашего дела.

— Смешно и глупо,— сердито сказал мистер Чепстон.— Как можно быть таким непрактичным?

— А вы все обдумали как следует? — настаивал Крис.— Существуют известные группы людей, опасные маньяки, если угодно, которым удалось внушить широким массам доктрину войны ради войны. Война перестала быть средством: она самоцель. Все ресурсы нации должны быть посвящены этой цели. Раньше или позже эта доктрина будет осуществлена на практике. Гегелевское насилие. Что вы с этим будете делать?

— Нужно это предотвратить.

— Помните, я вам как-то сказал, что людей можно назвать цивилизованными лишь постольку, поскольку они поддаются убеждению, а вы ответили, что в этом смысле современных людей еще нельзя назвать цивилизованными. Теперь я могу повторить ваши же слова.

Чувствуя, что ему необходимо обдумать это более

подробно, оставшись одному, мистер Чепстон перевел разговор на церковную архитектуру. Несмотря на старания Криса уклониться, мистер Чепстон упрямо разглагольствовал на эту тему.

— Все это очень хорошо,— нетерпеливо вскричал Крис,— но я уверен, что вы ничего не понимаете в искусстве и архитектуре и что вам до них нет никакого дела.

— Я провел за их изучением больше лет, чем вы живете на свете,— негодуя сказал мистер Чепстон.

— Но они нравятся вам только, когда они мертвы и признаны всеми. А над всем современным вы издеваетесь.

— Потому что современность не создала ничего хорошего и яркого. Современного искусства, современной архитектуры вообще не существует. Упадочное подражательство, вот что это такое.

— А между тем современность будет вызывать восхищение чепстонов через двести или триста лет, если только все человечество не вымрет к тому времени от вашего «пацифизма». Да вот, я все время наблюдал за вами. Вы ищете одного: пыли времен. Когда вы ее находите, вы называете ее красотой. Но ведь красота архитектурного сооружения лежит в пропорции целого. Вы же восхищаетесь всегда какой-нибудь декоративной деталью.

— Это чистейшая неправда. Раньше чем посетить какой-нибудь великий собор, я обязательно перечитываю описание пропорций в авторитетной книге. Надеюсь, после стольких лет я понимаю в них больше, чем вы.

— А сами-то вы не можете сообразить, хороши пропорции или нет, после стольких-то лет? Зачем принимать на веру рецепты книг о готике? Беда ваша в том, что вы способны восхищаться только тем, чем принято восхищаться с точки зрения хорошего тона. Вам нужна рецептура, утвержденная веками. Поставить вас перед картиной или зданием, о котором ничего не сказано в ваших учебниках хорошего тона, и вы пропали. Вы еще не выбрались из допотопной эпохи символизма.

Спор продолжался, все более бессмысленный и резкий, и раздражение обоих собеседников выражалось в том, что каждый из них отстаивал пристрастную и неразумную точку зрения, пока наконец оба не легли спать, весьма недовольные друг другом. Крис переступил все границы приличия, заявив, что готическая архитектура скучна до черта, в ответ на что мистер Чепстон обозвал творчество

сюрреалистов декадентским и во всяком случае шарлатанским. И Крис с таким же рвением стал защищать сюрреалистов, как мистер Чепстон — готических архитекторов, чьи имена были ему неизвестны. Таково цивилизующее влияние изящных искусств.

Когда Крис на следующее утро сошел к завтраку, мистер Чепстон уже уехал. Его это не огорчило. В последнее время мистер Чепстон действовал на него угнетающе, и Крис радовался возможности провести весь день на воле, без бешеной гонки по дорогам и без церквей. Но почти сейчас же он понял, как трудно обойтись без переводчика: ему не удалось втолковать гостиничным слугам, что он желает взять с собой на прогулку еды. Португальский язык мистера Чепстона принадлежал к той доморощенной разновидности, которая преподается в Англии, и его, как всякого классика, нередко ставил в тупик этот самый латинский из живых языков. Но все-таки он как-то обходился им. Крис же был совершенно беспомощен, и только после длительной жестикуляции и многих комических попыток и ошибок расторопный официант наконец сообщил, чего он хочет.

Небо было того густого синего цвета, какой бывает у португальского неба весной, и сильный ветер дул с Атлантического океана. Крис провел все утро, бродя по пескам большой плоской, закрытой со всех сторон лагуны, купался, лежал на солнце, потом съел взятый с собой завтрак. Позавтракав, он пошел по скалистому берегу в сторону Нашаре. Ветер наверху был почти ураганный, и огромные величественные валы сине-зеленого моря разбивались с внушительной равномерностью о подножия утесов, бурля и вскипая фонтанами белой пены. Под действием непрестанного напора воды и ветра известковые утесы превратились в хаос причудливо изваянных форм. Край обрыва был голый; ничто не могло жить на этой кромке земли над бушующим грохотом вод, где могучий ветер, насыщенный влажной соленой пылью, пронесился над зазубренным гребнем утесов. И однако, совсем близко от берега, под прикрытием этого огромного барьера, были сосновые леса, виноградники, масличные рощи и поля пшеницы.

Возбужденный солнцем и ветром, землей и океаном, Крис шел, и бежал, и пел громким голосом, не очень мелодично, но получая от этого большое удовлетворение.

В Нашаре он на свое счастье вспомнил слово «виньо» и поэтому смог выпить вина, сидя на лавочке под огромной акацией на выбеленном известкой дворике винного погребка. Ребята собрались поглазеть на удивительное заморское чудо, которое носило странную одежду, почти не умело говорить, но было баснословно богатым и к тому же принадлежало к еретикам. Затем он несколько более степенно пошел назад, оглушенный этим стихийным великолепием, — а вдобавок и вином — и полюбовался закатом с края утеса, возвышающегося над Сан-Мартиньо.

Крис вернулся домой в приподнятом настроении, убежденный, что мир изумительное место и что жить удивительно хорошо, готовый простить мистеру Чепстону его старческие предрассудки и выслушать любое количество военных воспоминаний и утонченных домыслов интуитивного ума о романтике девятнадцатого столетия. Но мистера Чепстона не было, он не явился и к обеду. Немного подождав, Крис неохотно принялся за еду один; после прогулки и бодрящего солнечного воздуха и легкого завтрака он был очень голоден. Пока он обедал, смуглый приземистый хозяин несколько раз заходил в комнату и задумчиво стоял перед ним, очевидно желая ему что-то сообщить. Что именно, Крис не мог догадаться, потому что громкие музыкальные фразы могли бы быть с таким же успехом произнесены по-персидски или по-амхарски. Но он понял, что в намерение хозяина входило успокоить его.

Мистер Чепстон все еще не появлялся, и Крис начал недоумевать по поводу его отсутствия. Что случилось? Он сидел, пока у него хватило сил, но сон непобедимо одолевал его. Неохотно и с ощущением некоторой тревоги он лег в постель, решив, что мистер Чепстон, должно быть, поддался соблазнам Лузитанской столицы и вернется на следующий день.

На следующее утро Крис совершил еще одну бодрящую прогулку, но к обеду вернулся, уверенный, что мистер Чепстон ждет его. Чепстона не было. Теперь Крис начал не на шутку тревожиться. Должно быть, произошла автомобильная катастрофа, и мистер Чепстон лежит раненый в какой-нибудь захудалой деревенской больничке или, может быть, мертв. Что делать Крису? Как выяснить, что случилось, в стране, языка которой он не

знал, и где никто не говорил ни на одном известном ему языке? Как может он прийти на помощь к мистеру Чепстону и позаботиться, чтобы за ним был должный уход? А сам он, заброшенный в отдаленный поселок на Атлантическом океане, с несколькими эскудо и несколькими фунтами в кармане?

За обедом хозяин гостиницы опять вертелся вокруг него. Они жестикулировали и кричали в тщетных и смешных усилиях понять друг друга. Хозяин подымал три пальца и в то же время дружески похлопывал Криса по спине, но что он хотел сказать, Крис никак не мог догадаться. После обеда Крис походил по саду, потом прошелся немного по лиссабонскому шоссе, всматриваясь во все проезжающие машины, потом вернулся в гостиницу. Это беспомощное бездействие было для него пыткой, и скоро он довел себя до полного отчаяния. Его мучила мысль о злосчастном Чепстоне, который лежит неизвестно где, страждущий, и около него нет ни одного англичанина, чтобы подбодрить его и понять, что ему требуется.

Крис ходил взад и вперед по палисаднику, не обращая внимания на солнце и синее небо, которые недавно наполняли его душу таким восторгом. Он уже совсем было принял отчаянное решение пойти в поселок и дальше на станцию, обращаясь ко всем встречным на английском, французском и немецком языках, пока не найдет себе переводчика, когда навстречу ему выбежал хозяин, сияя радостной улыбкой и неся большой конверт.

Адрес был написан почерком мистера Чепстона, его классическое греческое «е» наглядно свидетельствовало о культуре и утонченности. Крис сел на скамью и разорвал конверт, не обращая внимания на сияющую улыбку добродушного приземистого португальца. Внутри была пачка писем: несколько писем от Марты, одно от Жюли, одно от Нелл, одно — как ни странно — от конторы по найму и одно, самое объемистое, от мистера Чепстона. Все еще недоумевая, Крис вскрыл его раньше других и увидел в своей руке куковский маршрутный билет, кредитку в пятьдесят эскудо, другую — в двадцать пять пестет, третью — в пятьдесят франков и письмо.

Дорогой Хейлин!

Первый долг всякого человека, а тем паче джентльмена, научиться уважать убеждения и взгляды других, в

особенности тех, кто превосходит его возрастом, знаниями и опытом. Вам не удалось научиться этому. Вы ежеминутно вставляете в разговор бессмысленные мальчишеские суждения и глупые критиканские замечания под стать неопытному и невоспитанному агитатору черни. Это крайне неприятно. В том же, как вы выражаете свои мысли, чувствуется непристойное пренебрежение к хорошему тону и дисциплине. Если вы — типический представитель английской молодежи, а я имею основания думать, что таков по крайней мере известный недисциплинированный ее слой, в таком случае — да поможет бог Англии!

Я сделал все возможное, желая помочь вам, но вы вели себя капризно и неумно и проявили самую черную неблагодарность. Вы недисциплинированы, лишены чувства долга и ответственности, неспособны питать к другим ни любви, ни уважения. Вы мыслите и рассуждаете как глупец, и вы абсолютно непригодны к какой бы то ни было деятельности. Никто никогда не будет обязан вам, хотя бы за самую ничтожную помощь словом или делом. Помилуй бог ту злополучную женщину, которой придется в каком бы то ни было отношении положиться на вас.

Я надеялся, что соприкосновение с шедеврами европейской цивилизации и ежедневное общение с человеком, который в какой-то ничтожной доле принимал участие в величайших делах и возвышеннейших замыслах своей эпохи, окажет на вас благотворное влияние. Но вы, напротив, проявили только невежественное легкомыслие и полное отсутствие чуткости.

Я больше не могу этого выносить. Вы осквернили для меня несколько священных памятников истории и религии. Нам лучше расстаться. Приложенный билет и деньги позволят вам вернуться в Лондон. Возможно, более суровая школа жизни научит вас хоть какому-нибудь здравому смыслу. Может быть, вы даже приобретете со временем нравственное чувство, тонкую способность отличать хорошее от дурного, бескорыстную потребность творить добро ради добра и возвышенную веру в идеалы человечества, которой вам так недостает теперь. Но до тех пор вы будете только зря обременять собою землю.

Такова была месть мистера Чепстона, всегда — даже в минуты справедливого гнева — остававшегося классиком и джентльменом.

Кровь прилила к лицу Криса, когда он читал это желчное послание. Неужели мистер Чепстон прав? По-видимому, сам он твердо верил в то, что писал. Ужасно, когда другой человек обвиняет вас в отсутствии именно тех качеств, которые вы больше всего цените и которыми больше всего хотите обладать! Неужели правда, что у него нет веры в идеалы, нет понимания добра и зла, нет бескорыстных побуждений, нет нежности к женщинам, нет способности действовать, нет здравого смысла, нет сознания ответственности, нет знаний и нет ума? Все существо Криса кричало, что эти обвинения нелепы и ложны. И однако, мистер Чепстон был командиром во время войны, а теперь являлся одним из столпов крупного университета. Кто же из них негодяй?

Крис поднял голову и увидел португальца, который смотрел на него с беспокойной сияющей улыбкой. Поймав взгляд Криса, он сейчас же поднял руки, брови и уголки рта; смысл его жеста и гримасы был ясен без слов: «Ну, как, теперь все в порядке? *Теперь* вы понимаете?» Крис кивнул, и хозяин энергично закивал, подмигивая левым глазом и размахивая руками, а потом ушел, продолжая сиять от избытка доброты, без всякого видимого повода.

Машинально Крис вскрыл письмо от конторы по найму, все еще взволнованный и расстроенный обвинительным актом мистера Чепстона. Он прочел:

Сэр!

К нашему сожалению, мы вынуждены сообщить вам, что, по мнению директора школы, которому мы вас порекомендовали, вы не совсем подходите для занятия имеющейся у него вакансии.

Сознавая, что не сможем быть вам полезны в дальнейшем, мы вычеркнули ваше имя из наших списков.

В такую минуту, сейчас же вслед за добросердечным посланием мистера Чепстона, это письмо было для Криса сокрушительным ударом в лоб. Оно подтверждало слова мистера Чепстона. Значит правда, что он никчемный дурак, которого считают недостойным даже самой ничтожной ответственности, значит правда, он попусту обременяет собой землю? Тогда зачем обременять ее и дальше? Какой смысл возвращаться в Англию и голодать в бесполезном вынужденном безделье или, в лучшем случае, жить на милости Марты, пока наконец и она не обнаружит, что он представляет собой на самом деле, и ее жалость и любовь не умрут естественной смертью? Почему не покончить со всем

здесь же, сразу? Один прыжок с этого головокружительного обрыва, оглушительный грохот падения, и все кончится: элементы, составляющие его тело, вернутся к великой матери-земле, которая построит из них что-нибудь более достойное своей высокой и таинственной мощи.

Не глядя, Крис засунул письма, билет и кредитки в карман и иступленно помчался к обрыву в припадке самоуничтожения и отчаяния. На бегу в его сознании ярко вспыхивали события последних месяцев. Но в то время как всего лишь несколько дней тому назад он вспоминал те же события спокойно и как бы со стороны принимая их, теперь они вставали перед ним и подобно вопящим фуриям обвиняли его.

Все, чего он с надеждой ожидал от будущего человечества, оказалось бесплодной, наивной мечтой. Все, что он замыслил узнать и совершить для служения великой цели человеческого счастья, представлялось теперь нелепым и претенциозным. Все, что он пытался сделать, терпело неудачу. И сам он потерпел неудачу в отношениях со всеми. Не все ли теперь равно, были ли они неправы, или неправ он? Если мир снова и снова отворачивается от вас и плюет на вас, зачем обременять землю?

ДЕВЯТЬ

Когда Крис мчался по поселку, те из его обитателей, которые встречались ему на дороге, смотрели на него в изумлении, потом переглядывались между собою: вот еще один сумасшедший иностранец. Он бежал, спотыкаясь, по крутой каменистой тропинке, подымавшейся к утесам, замедляя бег на крутом подъеме. В своем смятении и поспешности он дважды поскользнулся и упал. Каждый раз он вскакивал на ноги, едва ощущая ссадины, и бежал дальше, пока не очутился, задыхающийся и дрожащий, на самом краю обрыва. Двадцатью футами ниже скала выпячивалась, образуя широкий выступ, и ему пришлось пройти шагов пятьдесят вправо, чтобы найти место, где утес обрывался прямо в море.

Теперь он шел, а не бежал, потому что был слишком утомлен своим неистовым бегом, и пока шел, помимо воли, видел все, что его окружало. Он остановился на краю обрыва, пораженный красотой пейзажа. Ветер стих. Теплый мягкий бриз оведал вершину утеса, и золотое солнце заката заливало беспредельную синеву океана и

неба чистым ослепительным светом. Не было слышно ни звука, кроме тяжелого мерного рокота гладких волн, разбивающихся в пену у его ног, и кроме биенья его собственного сердца. Далеко на севере треугольный парус рыбацкой лодки покачивался, как хрупкий мотылек на синей воде. Пока он стоял, не решаясь совершить последний прыжок, глубоко взволнованный этим необъятным стихийным великолепием, одна из весенних бабочек, нежная лимонница, промелькнула мимо него.

Нисходящий ток воздуха подхватил маленькое насекомое и повлек его вниз, к острым камням и всепоглощающему морю. Крис следил за ним с напряженным вниманием. Бабочка беспомощно трепыхалась и, уносимая вниз, скрылась из виду, едва не налетев на острый выступ скалы, потом появилась снова, летя на легких крыльях по направлению к морю. Неужели она будет бессмысленно стремиться вперед, пока наконец не упадет, обессиленная, в воду и не утонет? Но нет! Она поднялась выше, покружила и попала в другой ток воздуха, который благополучно принес ее обратно на землю. Крис следил за ее танцующим полетом, пока она не исчезла в яркой желтизне цветущего дрока. Он вздрогнул и перевел дух.

«Если меня так беспокоит смерть такого ничтожного создания, почему я так равнодушен к моей собственной смерти. На краю бесплодной земли и бесплодного моря, под этим самым солнцем, зародилась жизнь. Миллионы столетий жизнь боролась и погибала, сломленная силой стихий. И все же она всегда передавалась дальше и дальше. Соль моря в моей крови, лучи солнца и элементы земли — все в клетках моего тела. На всем необозримом протяжении времени сколько было препятствий самому моему появлению на свет! Одно разорванное звено в этой неизмеримой цепи жизни — и меня бы никогда не было. А я живу. Я человек, существо той удивительной новой породы, которая сделала большой скачок вперед по сравнению со всеми остальными, больший, чем первое млекопитающее по сравнению с первой амебой. Мы жалкие животные, и однако, мы дерзнули осмыслить мир и управлять им, когда все остальные слепо и инстинктивно повиновались судьбе. Вместо «я должно» насекомого, у меня есть человеческое «я могу». Одним шагом я могу навсегда оборвать одну нить в этой огромной пряже, которая прядлась тысячу миллионов лет. Как могла знать амеба,

что она приведет ко мне? Как могу я знать, к чему приведу я?

Меня судили и приговорили. Но кто и как? Предрассудки вчерашнего дня и мелочные нужды сегодняшнего. Но я принадлежу завтрашнему дню, всем завтрашним дням, которым не видно конца. Что, если мне суждено предстать перед трибуналом более высоким, чем глупая каста суетных педантов и ее невежественный представитель? Жизнь как таковая не осудит меня.

У меня есть человеческое «я могу». Я могу принять или отвергнуть жизнь. Я могу назвать ее мерзкой и отвратительной или назвать ее прекрасной и желанной. Но что бы я ни сказал, жизнь останется жизнью. И другого пути нет. Я не могу быть и не быть. Стану ли я одним из тех дураков, которые считают себя выше жизни, а стыдятся своих кишок и половых органов? Буду ли я одевать свои игрушечные антипатии в лохмотья и заплаты прогнившего интеллектуализма и называть это философией? Буду ли я одним из гнуснейших трусов, стану ли я помогать уничтожать других, уничтожая самого себя? Буду ли я презреннейшим изменником, предам ли я самую идею жизни? Зачем мне позволять этим сутенерам смерти губить мою энергию и мою способность к жизненному опыту? Им погибать, ибо они безжизненны; мне жить и бороться, чтобы жизнь продолжалась. Они стоят у конца, а я у начала...

Правда, до сих пор все, что я пытался сделать, кончалось неудачей...»

При этой мысли его почти восторженная вера в положительное добро поколебалась. Исчезло грандиозное видение непрерывного и эволюционирующего органического процесса, простирающегося назад, в немыслимо далекое прошлое, и триумфально устремляющегося в безграничное будущее, исчезло чувство, что сам он участник, пусть ничтожный и жалкий, этого необычайного и удивительного процесса. Ему пришло на ум, что каким бы истинным ни было это видение, оно было истинным только в общем, широком смысле и на большие отрезки времени. Разве оно обязательно подтверждается его частным случаем, разве оно обязательно истинно для такого короткого срока, как одно столетие? Великие космические силы не только творят, но и разрушают, не только возвращают жизнь, но и прекращают ее. Целые биологические виды, не говоря уже о бесчисленных особях, были отвергнуты. Что, если он — один из отвергнутых, конец, а не начало, один из тех, кто

должен довольствоваться тем, что его раздавят, освобождая место для более приспособленных организмов?

Когда видение исчезло, растворившись в сомнениях, на его месте возникли, вспышка за вспышкой, воспоминания последних месяцев, и каждая вспышка была жестоким болезненным ударом. Он снова пережил удар своего внезапного вынужденного ухода из колледжа и гибели всех своих честолюбивых замыслов. Он снова неловко фехтовал словами в дискуссиях с мистером Чепстоном и презирал себя за то, как сам напросился на отказ. Он опять пережил горькое унижение приезда домой, позор своего несчастного, никчемного семейства. Снова он пытался внушить Жюли отвращение к торговле собственным телом и интуитивное недоверие к подобного рода сделкам; и снова терпел неудачу. Он с болью видел себя жертвой презренной интриги, одурачившей его и Гвен, и мучился ее унижением. Он сносил наглость и глупость этой богатой обезьяны — Риплсмира, и на опыте познавал разочарование от бесполезного труда. Какой был толк от того, что он видел безумие и бессмысленный оптимизм отцовских планов, если он оказался бессилем что-либо предпринять?

Снова он испытал почти ослепляющий удар страшной исповеди Жюли, ворвавшейся, как волна ужаса, в тот маленький уголок счастья с Мартой, который он так тщательно и с такой предусмотрительностью отгородил от внешнего мира. Он снова пережил свои отчаянные, но бессмысленные попытки спасти Жюли и вселить в нее надежду. Мертвое лицо отца возникло перед ним с пугающей и настойчивой живостью. Все сомнения и самообвинения, с которыми, как ему казалось, он покончил навсегда, снова обступили его. Единственное, что он мог сделать для своей матери, это приставить ее сиделкой к Жюли. И еще одно поражение: он был бессилем воздать должное тем, кто ограбил его отца и его самого. Горькие и презрительные слова из письма мистера Чепстона бешено плясали перед его глазами, и он снова и снова содрогался от унижения, что его не приняли даже на жалкое место учителя.

Неужели таков удел человеческий? Неужели многие миллионы лет борьбы неисчислимых неведомых предков нужны были только для того, чтобы привести к подобной цепи мелочных бедствий и бессмысленных поражений? Что может он дать миру, он, который в страстно-честолюбивых мечтах оказывал ему такие благодеяния? Он не мог

помочь даже самому себе! Какая суета и какое пустое тщеславие! По сравнению со всеми этими неудачами, такими несущественными для других и в то же время такими убийственными для него, какое имело значение, что он побил Анну ее же оружием или что его приняла Марта? Доблестная победа над двумя не знающими жизни девчонками! Сомнительное утешение — сделаться любовником Марты только для того, чтобы вовлечь ее в свои неудачи, навязать ей свою опустошенность и безнадежность, вызывать в ней сострадание, а не восторг, не трепет.

И это не все. Когдамотришь не внутрь себя, на свою жизнь и чувства, а во внешний мир, открывается еще более обескураживающее зрелище. Какая судьба ожидает его как типичного представителя человеческого рода? Его страна колеблется между циническим оппортунизмом и невежественным корыстолюбием; она порабощена прошлым, ложно понимает настоящее и не заботится о будущем, притом постоянно восхваляет себя за бездействие. Терпеливые усилия и энергия порядочных людей пропадали зря в этом царстве политического мошенничества, тупости и патентованного самодовольства. Беспомощная Европа в руках кровожадных фанатиков, которые губят пламенные надежды и достижения медленных столетий. От проповеди насилия как средства чего-то добиться они перешли к применению насилия во имя самого насилия и хвастаются теперь этим возвратом к средневековью, как вершиной цивилизации. Прикрываясь исторической необходимостью, они цинично унизили власть, заставив ее служить честолюбию шайки разбойников.

Насилие порождает лишь насилие. Применение грубой силы ведет за собой лишь право обращения к силе еще более грубой. Фанатичная приверженность силе ради силы крепнет и так может длиться без конца, пока силу эту, в свой черед, не сокрушит нечто более могущественное или хитроумное. Слепая любовь к насилию, равно как и опасная игра в свержение законных правительств, слепые страсти и предрассудки невежества неуправляемых широких масс, приводят нас лишь к опасной грани революций и следующих за ними жестоких войн. Может ли надежда на мудрость и разум, которые должны возобладать в наших отдаленных потомках, искупить ближайшую и неизбежную перспективу кровавого разрушения? Есть ли альтернатива безжалостному насилию и безумию? Посмеем ли мы просить женщин рожать нам детей, чья участь стать рабами самовластительных и алчных тиранов или же

жертвами — убитыми, изувеченными, отравленными, гибнущими от голода и, в конечном счете, уничтожаемыми в бессмысленной братоубийственной войне?

Крис порывистым жестом закрыл лицо руками и зарыдал в припадке отчаяния. Лучше, гораздо лучше покончить с этим сейчас же раз навсегда, чем быть беспомощным свидетелем одичанья человечества, чем поощрять самым фактом своего существования эту кровожадную тупость, и покончить со страданиями при виде чужих страданий, только подвергшись той же участи. Надеяться не на что — ни для себя, ни для других.

Он приблизился к самому краю и взглянул вниз, на мощный прибой, свирепо бьющийся в белой пене о влажные зазубренные скалы. Потом вдаль, за синие гряды волн, к той, почти неразличимой черте, где пылающее солнцем море встречает сияющее солнцем небо на беспредельном горизонте, безмятежном, спокойном и прозрачном...

«Если я потерпел неудачу, только ли я один виноват в этом? Разве другие тут ни при чем? Моя ли вина, что я родился в обществе, которое относится с такой бережностью к своим бумажным богатствам и с таким пренебрежением — к живому богатству, к живым человеческим существам? Только ли моя вина, что общество не находит мне места, не может меня использовать? И даже если это моя вина, разве не трусость — отказываться сделать еще одно усилие? Сколько раз за долгую историю живых существ, от которых я произошел, одно последнее усилие, один последний бросок рыбы, один последний прыжок млекопитающего, одно усилие мозга или мускулов, казалось бы, побежденного человека, спасало всю цепь Жизни и оставляло и меня в живых? Когда я издевался над Чепстоном, говоря о дезертирах, я совершенно серьезно считал, что мы должны дезертировать, но не от жизни, а от разрушения жизни.

Что такое самоубийство — самый легкий или самый трудный выход? Мне трудно вернуться в Англию с той повестью, которую я должен рассказать, еще трудней получить отказ от одного циничного хозяина за другим в отчаянных поисках работы и трудней всего думать, что мне, может быть, придется жить на то, что соизволит дать мне Марта от щедрот своих. Это будет трудный, жестокий урок; он научит меня смирению; это гораздо трудней, чем сохранить свою гордость, бросившись с этого обрыва.

Я принял жизнь от женщины; так почему же мне не позволить другой женщине дать мне средства к жизни? Если она отступится от меня, у меня еще будет время и возможность покончить с собой. Почему не сделать еще одно усилие?

Эта битва между грубой силой и хрупкой изворотливостью стара как сама жизнь. И грубая сила не всегда побеждала. Сколько раз огромный поток, страшные средства нападения и несокрушимые средства защиты склонялись перед более быстрым умом и более гибкой изворотливостью. Чудовищные ящеры вымерли, а физически слабые потомки лемурув наследовали землю. Теперь снова разыгрывается битва между теми из нас, кто хочет вернуться к грубой шкуре и попирающему копыту, и теми, кто делает ставку на свободную волю и быстрый ум. Против попытки поставить нас в шоры, навязать нам стандарт, мы обращаемся к восстанию, несущему плоды жизни, к эксперименту. Против угнетения мы выставляем знамя свободы. Против цинического консерватизма — веру в бесконечные искания. Против разрушительной революции — революцию в самом человеке. Против силы динамита — силу мысли и гибкого разума. Против религии смерти — нашу веру в жизнь.

Даже если они зальют нас кровью и сокрушат ужасом, они все-таки не могут победить нас окончательно. Их потомки должны будут следовать нашему пути, ибо это путь единственный. Они так же не могут вычеркнуть найденное чами или скрыть указанный нами путь, как христиане не могли уничтожить импульсы прошлого, которые восторжествовали над ними. Не мы единственные живем под угрозой разрушения. Такова была участь всех наших предков. И даже если разрушение нагрянет, тех, кто выживет, будет достаточно, чтобы указать путь для нового творения. Многого должно быть уничтожено, ибо в каждую эпоху жизнь человека слишком отягощена его прошлым. Наш долг — по отношению к прошлому — быть благодарным за то небольшое благо, которое оно нам доставило, и простить то злое и глупое, что досталось нам в наследство. Мы должны двигаться дальше.

Я не признаю отчаяния. Я не допускаю, что жизнь положительно не хороша и что мы должны оставить надежду. Мы сами смертны и преходящи, но зародышевая плазма человеческого рода бессмертна. Где мы потерпели неудачу, другие добьются успеха. Я не считаю истинными правителями диктаторов, королей, президентов с их ар-

миями и парламентами, богатых беззастенчивых циников. За семь столетий их владычества пользы от них было куда меньше, чем вреда. Настоящие правители — это те, кто мыслил для нас, открывал для нас, изобретал для нас; находил для нас новые пути к познанию. Тупой римский легионер убил Архимеда, но мы до сих пор пользуемся принципами, зародившимися в мозгу ученого.

Не признаю я и права одной нации управлять другою, если только не по взаимному соглашению или по праву более высоко организованного сознания. Превосходство допустимо только там, где оно добровольно признается низшими и используется для их блага. Если они не способны воспользоваться этим для своего блага, тогда и только тогда они гибнут — по собственной глупости и неприспособленности к жизни. Я не житель одной произвольно очерченной части нашей маленькой планеты, а часть целого. И если в других закоулках этого огромного скопления элементов есть жизнь, я часть и ее тоже.

Я никогда не признаю, что лучше не родиться, чем быть. Я никогда не признаю, что опыт сознательной жизни, как бы ни был он краток и несовершенен, есть не что иное, как несчастье и бедствие. Наоборот, это увлекательнейший эксперимент, и мы будем достойны только осуждения и презрения, если не сумеем ничего из него извлечь. И если мы верим в бессмертие рода человеческого, тогда есть смысл думать и дерзать выше наших возможностей. То, что могу сделать один я, если даже мне это удастся, столь ничтожно, что кажется смехотворным. И однако, то, что выпадет на мою долю, я должен постараться сделать. Скалистый бастион, ограждающий плодородную землю, построен из бесчисленных скелетов мельчайших существ, живущих только один раз. Я должен сознавать, что сам я — не больше чем один из них в общем гигантском процессе, но, конечно, и не меньше; я — один из статистов в титанической драме, начало которой мы можем только угадывать и которой, может быть, никогда не будет конца.

Я отвергаю все верования, догмы всех фанатиков, все иллюзии на час. Я вверяю себя жизненному импульсу. Если он окажется ложным, тогда правы худосочные метафизики, и жизнь — всего лишь иллюзия. Если он окажется истинным, тогда я должен прожить свою жизнь в служении истине. Я расправился со своим прошлым, я признал собственное ничтожество, я смирился перед величием жизни. Но да придаст мне мужества и надежды то, что несмотря на всю мою незначительность я все же участник

и не последний участник этого удивительного эксперимента. Я знаю, что никогда не увижу мир более совершенных людей, о которых я мечтаю, этот мир, который так мучительно близок и так далек, к которому, как нам кажется, мы могли бы прийти, сделав одно-единственное усилие, если бы мы не были уверены, что этого усилия мы не сделаем. Но некоторые из нас должны сделать попытку. Солнце еще не умерло и, может быть, не умрет никогда. И если я должен верить, то пусть это будет вера, что на скале, построенной бесчисленными поколениями человеческих существ, живущих один только раз, будут жить люди, настолько же более чуткие, и сильные, и мудрые, чем мы, насколько мы более сильны, мудры и чутки, чем наши предки десять миллионов лет тому назад. И если все это кончится неудачей, у нас останется по крайней мере великая радость самой попытки.

Попытаюсь начать сначала».

С жестом притягивания всего, что есть на свете, жестом, обращенным к морю и солнцу, этим творцам жизни, Крис повернулся и не спеша пошел назад к поселку.

*Сашеро
против Губза*

КОМЕДИЯ-ФАРС

Перевод

Т. КУДРЯВЦЕВОЙ
и Т. ОЗЕРСКОЙ

SEVEN AGAINST REEVES

Сэр Тоби. Разве наша жизнь не состоит из четырех стихий?

Сэр Эндрю. Понимаешь, я и сам это слышал, но, по мне, так она состоит из еды и питья.

Шекспир. «Двенадцатая ночь», акт II, сцена 3

ОДИН

Желтовато-оранжевые занавеси спальни ярко пылали, пропуская в комнату мягкий свет восходящего апрельского солнца. В одной из двух односпальных хилловских кроватей покоилась в объятиях сна миссис Джейн Ривз, и хотя тело ее было неподвижно, дух ее блуждал в неизведанных пучинах подсознательного. В другой,— словно футболист ночной команды, в красно-белой полосатой пижаме,— спал ее муж, связанный с нею узами законного брака, освященного в церкви Девы Марии в году тысяча девятьсот десятом от рождества Христова.

Мистер Джон Мейсон Ривз не был неподвижен. С уст его слетали легкие стоны, а руки и ноги конвульсивно подергивались, как у собаки, которая заснула возле камина и видит страшный сон. И, подобно спящей собаке, спящий мистер Ривз видел сон. Теперь, в пятьдесят лет, мистеру Ривзу редко снились прелестные особы женского пола, но этот сон составлял исключение. И особа женского пола была действительно прелестна. Возникла она в не очень связном сне мистера Ривза в тот момент, когда он ехал в двуколке по Солсбери.

По мнению этого персонажа из сна мистера Ривза, ему было почему-то крайне необходимо вступить в интимные отношения с загадочной незнакомкой, обладавшей поистине удивительным даром ускользать от него. Не расплатившись с возницей, мистер Ривз выскочил из двуколки и помчался за незнакомкой по бесконечным лестницам — вверх, вниз, потом вдруг непостижимым образом вспорхнул ввысь и низринулся вслед за нею в пучину моря. Очувтившись же в море, он, как человек изобретательный, упорный и деловой, тотчас зафрахтовал для себя и своей красавицы океанский теплоход. Только вот — сумеет ли он

ее поймать? А она с дьявольским коварством ускользала от него — то нырнет за дымовую трубу, то спрячется за шезлонг, то мелькнет на верхней палубе, то уже сидит в баре третьего класса, то пленительно улыбается ему из окна каюты эконома, а секундой позже уже раскачивается, обнаженная, на радиопроводах.

Чего ж тут удивительного, если мистер Ривз дергался и стонал?

Напрягши все силы, чтобы настичь красавицу, мистер Ривз дернулся в последний раз и очнулся. Широко раскрыл круглые, как у совы, глаза и, моргая, уставился на оранжевые занавеси. Где же?.. Ах, это был, значит, сон. Слишком он приналег на *foie gras*¹ и старое бургундское за прощальным обедом накануне. Мистер Ривз подвигал челюстями, пытаясь вызвать слюну, чтобы смочить язык, который, казалось, превратился в кусок ссохшегося каната.

«Спал с открытым ртом — скверная привычка».

Осторожно, чтобы не разбудить супругу, мистер Ривз перегнулся всем телом к ночному столику и выпил стакан воды.

«А, вот теперь другое дело. Что ни говори, а лучше воды ничего нет на свете. Все-таки голова немножко побаливает. Жаль, что друзья не умеют ограничивать свое гостеприимство. Но — сам виноват, сам виноват. Надо принять две таблетки аспирина».

Роясь в ящике ночного столика, мистер Ривз взглянул на часы — массивные золотые часы викторианской эпохи, которые он свято хранил в память об отце. 7 часов 33 минуты. Мистер Ривз самодовольно улыбнулся. По причинам, неизвестным науке, мистер Ривз невероятно гордился тем, что организм его до сих пор работал по твердо установленному графику и он всегда просыпался в семь тридцать. «Когда бы я ни лег, — хвастался он, — мне не нужно заводить будильник или просить, чтобы меня разбудили, всегда просыпаюсь ровно в семь тридцать, чудеса, да и только!» И тот, кому сообщалось об этом удивительном даре, — пусть даже не в первый раз, — неизменно соглашался, что это в самом деле чудеса. А ведь есть на свете мизантропы, которые сетуют на то, что люди нетерпимы друг к другу.

Проглотив, без особого удовольствия, таблетки аспири-

---

¹ Гусиную печеньку (фр.).

на и запив их большим глотком воды, мистер Ривз с легким вздохом поистине чувственного удовлетворения откинулся на подушки. Он еще немного понежился в теплой постели, а затем, чувствуя, что окончательно проснулся, тихонько закурил папиросу.

«Лихо вчера все прошло. От такого можно и нос задирать. Превосходный обед, хорошее вино — рекой лилось. Крачли, Саймонс — чертовски хорошую речь он произнес, — Фенвик, Харрисон, Мандслей — сквернослов, но чертовски хороший малый. Все они чертовски хорошие люди. Мне их будет не хватать. И они сказали, что им тоже будет меня не хватать. Да... тридцать лет! Пролетели как миг. Интересно, будет ли Джорджу в «Звезде» не хватать меня? Ведь он подавал мне ленч... с девятнадцатого по тридцать седьмой — это значит восемнадцать лет. Я помню, когда он демобилизовался. Был в стрелковых частях. Имеет медаль за отличную службу. Но кому это сейчас интересно? Все мы стареем. «Давненько не видал мистера Ривза, сэр, надеюсь, ничего с ним не случилось, сэр?» — «Да разве вы не знаете, Джордж, мистер Ривз ведь удалился на покой». — «Удалился на покой? Слова мне об этом не сказал, сэр. Ох, и скрытный же человек, этот мистер Ривз, сэр, но золотой — немного таких найдется. Успеха ему и удачи... Да, слушаю, сэр: пирог с почками и кружку крепкого пива». Так и вижу его лицо. Так и вижу, как он сообщает новость хозяину. Все они любят посплетничать. А что ж тут плохого? Жизнь — штука однообразная. Интересно, что делает Джордж по воскресеньям...»

Немногие люди умеют мыслить последовательно, рационально и методично. Прodelав весьма случайный путь от вчерашнего обеда до воскресных занятий официанта из закуской, мысль мистера Ривза вернулась к отправной точке.

«Лихо вчера все прошло, ничего не скажешь. Одно плохо: голова трещит. Все может испортить. Нет, не допущу. Теперь весь остаток дней буду наслаждаться жизнью. С пятидесяти до семидесяти — скажем, двадцать лет. Умирать, конечно, неохота, но придется. Нелепо как-то все устроено: только научился уму-разуму — вылетаешь из коляски. Большинство-то ведь уже вылетело — теперь твой черед. Бедный старина Ривз. Скоро о тебе никто и не вспомнит. Вот многие и тянут ляжку, пока не свалятся. Ни к чему это. А у меня впереди двадцать лет — живи в свое удовольствие. Ну-с, что же я сегодня буду делать?..»

Эта мысль породила в мистере Ривзе легкую панику. И вызвала реакцию — страшную пустоту в душе, подобную той, что, словно крошечная тьма, вдруг окутывает пылкого христианина-неофита и, говорят, является одной из самых хитрых уловок Сатаны. Перед мистером Ривзом разверзлась бездна сомнений, и он полетел в нее, подобно новой Виктории, которая, одержав победу над своим восхитительным Альбертом, вдруг засомневалась, стоит ли ей вообще выходить замуж. Кара эта постигает всякого, кто ставит перед собой строго определенную цель. Уже сколько лет мистер Ривз все свои чаяния связывал с уходом на покой. И вот это совершилось. Ну и что? Раньше ему казалось, что жизнь полна соблазнов, от которых, к сожалению, приходится отказываться, откладывая все до наступления золотой поры. Так что же он отложил? Стремясь вновь обрести поколебленное душевное равновесие, мистер Ривз поспешно набросал программу действий: уход за садом, радио; прогулки; игра в гольф; книги — множество книг (надо будет выбрать новый, неизвестный ему предмет); музыка; знакомство с новыми людьми (какими?); участие в современном движении (что это значит?); знакомство с жизнью (жизнью?), — вот именно: немного постранствовать — съездить во Францию, в Италию, в Швейцарию, потом обосноваться где-нибудь в деревне, — возможно, даже построить себе там домик...

Стук в дверь. В комнату осторожно вошла горничная с завтраком для миссис Ривз и в изумлении остановилась, обнаружив, что мистер Ривз все еще в постели.

— Доброе утро, Эстер, — деланно веселым тоном сказал мистер Ривз.

— Доброе утро, сэр.

Эстер тихонько, чтобы не разбудить миссис Ривз, поставила рядом с ней поднос и, чтобы разбудить ее, с шумом раздвинула занавеси.

— Не ожидали увидеть меня здесь, Эстер, да? — с вымученной игривостью спросил мистер Ривз. — Ха! Ха! Кончено: никаких больше поездов в девять ноль пять, никакой конторы, никакого Сити — все, кончено. Ха! Ха!

— Совершенно верно, сэр, — покорно согласилась Эстер, явно подозревая, что старик, видно, спятил.

— Что у нас сегодня на завтрак? — все тем же бодрым тоном продолжал мистер Ривз, хотя не хуже горничной знал ответ.

— Каша, пикша, яичница с беконом, сэр.

— Отлично, отлично, великолепно! — Мистер Ривз с

детской радостью потер руки. — Ну и аппетит же у меня сегодня! Да, кстати, Эстер...

— Слушаю, сэр?

— Позаботьтесь, чтоб было вдоволь крепкого горячего чаю. До того пить хочется, точно... точно внутри у меня мексиканский вулкан.

— О-о-о-о, а-а-а-а! — весьма немелодично зевнула миссис Ривз и лениво потянулась за чаем.

— С добрым утром, дорогая, — дрожащим от радостного волнения голосом ласково сказал мистер Ривз.

— О господи! — Чашка чуть не выпала из рук миссис Ривз. — Как ты меня испугал! Почему это ты не?..

— Да потому, что сегодня первый день первого месяца первого года Свободы. Никаких больше поездов в девять ноль пять, никакой конторы, никакого Сити. Ха! Ха! Тебе не хочется меня поздравить?

— Ну, конечно же, я тебя поздравляю, это замечательно, правда? — И миссис Ривз нежно улыбнулась, как и положено кроткой и самоотверженной жене (с годами она усвоила определенный стиль поведения, решив, что именно он больше всего ей подходит). — Но, душа моя, ты же всегда встаешь в половине восьмого. Поэтому...

— Маленькое отступление от правил в ознаменование первого утра, — смущенно пояснил мистер Ривз. — Ах! — восторженно продолжал он. — Ты и представить себе не можешь, что значит для меня эта возможность понежиться в постели — лежать и, понимаешь, раздумывать о жизни, зная, что мне никогда больше не придется спешить на этот чертов поезд...

— Пожалуйста, не выражайся так, Джон. Ты же знаешь, что это меня коробит.

— Извини, дорогая. Словом, мне никогда больше не надо будет корпеть на работе, а можно лежать вот так, подле тебя, — тактично добавил он, — сколько вздумается.

— Но, душа-а моя, — кротко промяукала миссис Ривз, — когда же я теперь буду принимать ва-анну? Ты всегда так долго моешься. Я всюду буду опаздывать, и весь день у меня пойдет кувирком.

— Бегу, бегу. Я живо.

Мистер Ривз, пыхтя, вылез из постели — тело сегодня как-то не слушалось его. Но в общем он был даже рад, что наконец встал: валяться без сна не так уж приятно, как это расписывают.

— Больше этого не будет, — смиренно сказал он. — Ты же знаешь, что я всегда просыпаюсь в семь тридцать.

Это уже вошло в привычку. Могу и дальше так вставать.

— О, я вовсе не это имела в виду, душа моя, пожалуйста, не думай, что я это имела в виду,— с притворным огорчением заявила миссис Ривз. — Лежи в постели, сколько тебе заблагорассудится и хоть каждое утро. А сегодня ты, конечно, чувствуешь себя усталым. Ты пришел вчера так поздно и весьма навеселе, душа моя!

— Не моя вина,— сказал мистер Ривз, накинув халат и направляясь к двери.— Торжественный прощальный обед, отличные речи. Потом расскажу.

И он исчез за дверью: не надо портить это первое утро и в сотый раз препираться из-за того, что он часть вечера провел вне дома...

Через несколько минут до слуха миссис Ривз донесся из ванной голос супруга:

— Джейн! Джейн!

— Да, душа моя?

— Где мои новые лезвия?

— Я... я... право, не знаю, душа моя. А куда ты их положил?

— Да вот сюда. На стеклянную полочку. Они мне нужны.

— Ах!

— Что такое?

— Я отдала их Бейзилу.

— Отдала?! Почему?

— Да потому, что у него не было лезвий,— возмутилась миссис Ривз.— Я была уверена, что ты не станешь возражать...

— А вот я возражаю! Какая-то чертова баба скребла, верно, себе под мышками моей бритвой и до того затупила ее, что она стала хуже перочинного ножа.

— Это, наверно, Марсель,— пропела миссис Ривз.

— Но мне-то чем бриться? — взревел мистер Ривз.— Черт бы вас всех побрал!

— Джон!

Молчание.

Мистер Ривз, чувствуя, как стягивает лицо под высыхающей на коже мыльной пеной, тихонько прикрыл дверь в ванную.

Не надо все-таки портить первое утро.

Вопреки своим прогнозам, мистер Ривз не чувствовал никакого аппетита: он съел лишь половину пикши, яичницу с беконом из двух яиц и гренки с джемом. Никакой каши — от одного ее вида его начинало мутить. Зато он проглотил изрядное количество чая. Он уже заканчивал завтрак, когда в комнату изящно вплыла миссис Ривз, все еще сетуя на то, что весь день у нее пошел кувырком.

— У меня столько дел,— со вздохом укоризны произнесла она.

— Я вижу, ты все мучаешь себя этой диетой,— заметил мистер Ривз, стремясь переменить тему и видя, что его супруга ограничилась половинкой грейпфрута без сахара и чашкой слабого чая.

— В наше время просто необходимо следить за собой,— несколько свысока пояснила миссис Ривз.— Разве можно распускаться? Это наш долг по отношению ко всему человечеству — выглядеть как можно лучше. Я была бы счастлива, если б мне удалось убедить тебя быть более осторожным в выборе пищи — пивные дрожжи и сырая морковь необычайно полезны. А ты, мой дорогой, стал чуточку полноват.

— Ерунда! — изрек мистер Ривз, слегка покраснев от этого намека на его округлившийся живот.— Не верю я ни в какую диету. Все это выдумки Голливуда. Только пищеварение расстраивается да нос становится красным и портится настроение. Хорошая половина большевистских идей — от диеты. К тому же в нашем возрасте немного солидности не помешает. Накопления всегда пригодятся на случай болезни.

— Это в твоем возрасте! — Теперь покраснела миссис Ривз.— Дорогой мой Джон, ты, видимо, забыл, что, когда родился Бейзил, мне было всего восемнадцать лет.

— Восемнадцать?! — Мистер Ривз в изумлении уставился на нее. Должно быть, он вспомнил другую цифру, но одновременно вспомнил и о том, что с дамами о хронологии не спорят.— Хм!

Мистер Ривз надел очки и принялся листать «Дейли телеграф». На протяжении многих лет мистер Ривз читал утреннюю газету в поезде девять ноль пять, среди покачивающихся котелков, дыма вересковых трубок, шуршанья переворачиваемых страниц и бессвязных фраз, которыми обмениваются взрослые люди, сообщая друг другу по секрету то, о чем все — не только они — уже успели узнать из газет. И вот то ли из-за отсутствия этого привычного окружения, то ли с похмелья, но мистер Ривз никак не

мог приступить к внимательному и неторопливому чтению газеты, о чем он так давно мечтал, как об одном из удовольствий, уготованных ему новой Золотой эрой.

— А где Марсель? — осведомился он, пронизывающим взглядом посмотрев поверх очков на жену.

— Она еще не встала, душа моя.

— Это почему же? Уже без четверти десять.

— Но ведь она еще совсем ребенок, — мягко возразила миссис Ривз. — Ей не обходим сон.

— В таком случае она должна раньше ложиться. Кто поздно встает, тот все упускает в жизни. Когда ты настаиваешь на том, что ей надо выдать ключ от дома, или смотришь сквозь пальцы на то, как она кривляется перед целым табуном юнцов, — тут ты не считаешь ее ребенком!

— Ах, Джон! Не будь тираном! — промяукала миссис Ривз. — К молодежи надо относиться нежно и снисходительно. Им нужно давать свободу. Если вмешиваться в то, с кем они дружат или в их сердечные дела, можно только подтолкнуть их к тому, от чего так хочется уберечь.

— Возможно, возможно, — сказал мистер Ривз, слегка сбитый с толку столь неожиданным проявлением здравомыслия у собственной жены. — Но только ты позволяешь им делать все, что взбредет им в голову, а потом говоришь, что об этом ни в коем случае не должен знать папа, потому что папа этого не поймет, а вот мамочка понимает. Почему ты завела такой порядок в доме, почему дети никогда ни с чем не приходят ко мне? Меня ставят перед *fait accompli*¹, и если это какая-нибудь глупость, которой я вынужден положить конец, тебе достается вся благодарность, а мне — все обиды.

— Ах, Джон, ты же знаешь, что это не так. Я чуть не с колыбели всегда внушала им, что нужно любить и уважать отца.

— И одновременно все делала для того, чтобы они не проявляли этих чувств.

— Джон!

Почувствовав, что он зашел слишком далеко, мистер Ривз поспешно воздвиг заслон из «Дейли телеграф» и укрылся за него. С чего это он вдруг так разошелся? Он заметил, что даже руки у него слегка дрожат от досады. Должно быть, это проклятый «Бон» 1919-го года превраща-

---

¹ Совершившимся фактом (*фр.*).

ет человека в комок нервов. Жаль. Только бы не испортить свой первый день Свободы. Извиниться?

Он осторожно глянул поверх газеты на жену, пышную, все еще привлекательную даму с розовыми щечками, прекрасными зубами и темными волосами, лишь слегка тронутыми сединой. Она решительно смахнула с глаз горестную слезинку.

— Извини, что я дал волю языку,— порывисто произнес мистер Ривз, опуская свой заслон.— Перегнул палку. Что-то нервы сегодня разошлись. Еще не привык. Прости, пожалуйста.

— Ах, это такие пустяки! — кротко улыбнулась миссис Ривз.— Я тебя прекрасно понимаю. Но так плохо, когда члены семьи начинают ревновать друг к другу, правда? Что поделаешь, если дети так к нам относятся, мы же не вольны ничего изменить, верно?

— Хм... По-видимому, нет,— не вдаваясь в рассуждения, изрек мистер Ривз: волна раскаяния, захлестнувшая было его, начала спадать.

— Велеть, чтобы тебе приготовили сегодня ленч? Или ты будешь кушать вне дома?

— А почему, собственно?

— Ну, видишь ли, Бейзил в отъезде, Марсель в это время находится на занятиях в Художественной школе, а я завтракаю сегодня с леди Блейкбридж.

— А дома она тоже леди? — не слишком вежливо спросил мистер Ривз, который, как все англичане, преклонялся перед титулами и, как все англичане, питал к ним презрение, свойственное тем, кому не дано их носить.

— Ах, она совершенно прелестна! — пропела миссис Ривз.— Такая добрая и... и... утонченная. Такая воспитанная. Это будет чисто дамский завтрак, мой дорогой, который мы устраиваем в честь новой литературной звезды — Вернон Трейл.

— В жизни не слышал про такого,— ревниво буркнул мистер Ривз.

— Это дама, душа моя. И ты, конечно, читал эту ее прелестную книгу «Пес тьявкает трижды»?

— В жизни про такую не слышал.

И мистер Ривз, как потревоженная улитка, снова уполз в свою раковину из газет. Миссис Ривз вздохнула, осуждающе, с кротким долготерпением посмотрела на возвышавшуюся над газетой лысую макушку мистера Ривза и изящно выскользнула из комнаты, предоставив мистеру Ривзу в полной мере вкусить горечь своего поражения.

Нет, с газетой в это утро дело положительно не клеилось. Мистер Ривз скомкал ее, швырнул на стол рядом со скомканной салфеткой и подошел к большому окну. Вид из него открывался широкий, но малопривлекательный, несмотря на все высокопарные слова, произнесенные в свое время агентом по продаже недвижимости. В одном, правда, агент не покривил душой: из тридцати пяти домов Мервуда тот, который ему наконец удалось продать мистеру Ривзу, обладал лучшим видом в округе. Искусно посаженные деревья и кусты ловко скрывали от глаз поросль городской архитектуры. И взору мистера Ривза из его маленького Версаля открывался туманный горизонт, на котором, за *tapis vert*¹ поляны, смутно вырисовывались древние вязы. Утреннее солнце уже затянуло тучи, и резкий северо-западный ветер клонил головки поздних нарциссов. Два голодных скворца вперевалку бродили по траве да одинокий дрозд то прыгал, то высматривал червей круглым блестящим глазом. У мистера Ривза мелькнула было мысль, не заняться ли ему орнитологией — купить полевой бинокль и написать брошюру о крылатой фауне Мервуда. А если бы ему удалось услышать кукушку за день до того, как ее услышит священник из Смелхитона, Любитель Птиц, можно было бы написать об этом в «Таймс»...

Кто знает, до каких высот вознесся бы в своих честолюбивых мечтах о научной карьере мистер Ривз, если бы ему не помешали! Марсель — лучше поздно, чем никогда — явилась наконец к завтраку. Внешне она походила на мать — как монета повторной чеканки походит на оригинал, — только была крупнее. В силу таинственного закона, сводящего и разводящего гены, она получила в дар глаза, ничем не напоминавшие глаза родителей, — выразительные, ясные, серо-голубые, с темным ободком вокруг зрачка. Это обстоятельство и определило решение Марсель при выборе своего «типа». После чего, при содействии и с благословения своей мамы, невзирая на яростные протесты мистера Ривза, она превратилась, благодаря таинственному искусству парикмахера, из естественной брюнетки в роскошную блондинку. Теперь ее волосы стоили мистеру Ривзу дороже сигар и табака.

Никогда не отличавшийся тактом по отношению к женской половине своего дома, мистер Ривз заметил с шутливой укоризной:

---

¹ Зеленым ковром (*фр.*).

— Поздновато же ты встала сегодня, кисанька.

Мистер Ривз очень любил дочь, но ему не нравилось ее имя: он считал его не английским и претенциозным. Именем этим звали героиню одного душещипательного романа, который миссис Ривз читала, будучи в интересном положении, и, подчиняясь то ли причуде, то ли материнскому инстинкту, заявила, что, если родится девочка, ее надо назвать Марсель. И родилась девочка. Когда подошло время регистрировать ребенка, у мистера Ривза не хватило бесчеловечности или просто смелости возразить. И вот теперь мистер Ривз называл Марсель по имени, только когда гневался или был чем-то возмущен, обычно же пользовался уменьшительными определениями, заимствованными из зоологии, выражая таким образом свою отцовскую привязанность, но вызывая раздражение Марсель.

— Никак не могла проснуться, — безразличным тоном бросила она, садясь за стол. — Да и потом в школе нечего делать до двенадцати.

— До двенадцати?! — удивился мистер Ривз. — А мне казалось, ты говорила, что занятия начинаются в десять.

— В общем-то да, но, понимаешь, куда важнее обсуждать с другими студентами современные течения в искусстве, чем выполнять до бесконечности одни и те же упражнения.

— Что?! — воскликнул мистер Ривз. — Это что же, потвоему, трепать языком важнее, чем заниматься делом?

— Важнее принадлежать к новой школе живописи, чем позволять всякому заплесневелому старью портить тебе руку.

Мистер Ривз был потрясен. Он внимательно прочел проспект Художественной школы, куда поступала Марсель, и преисполнился уважения к таинственным буквам, стоявшим после фамилий преподавателей. Директор, например, был Р. А. — то есть человек, явно достигший в своей области вершины профессионализма. Мистер Ривз почувствовал, что в интересах британского искусства должен встать на защиту «заплесневелого старья». Да... но только не надо портить первый день Свободы...

— Ну хорошо, хорошо, — примирительно сказал он, — не будем спорить, утеночек.

— Опять ты за свое! — Марсель гневно потрянула своими красиво уложенными волосами. — Я ведь просила тебя, папа, не называть меня так. Это такое плебейство!

— Плебейство?! — Тут уж разъярился и мистер

Ривз.— А ты кто, по-твоему? Я что-то не заметил твоего имени в Дебретте, хоть твоя мать и ведет себя так, точно она там значится. А откуда, ты считаешь, взялись твои денюжки, благодаря которым ты можешь бездельничать, выламываться, завивать себе волосы и... и... ну вообще? Тридцать лет тяжелого плебейского труда в плебейском Сити — вот откуда они взялись.

— Художники выше классовых различий,— высокомерно заявила Марсель.

— В самом деле? — заметил мистер Ривз с сарказмом, не достигшим цели.— Однако они не выше попрошайничества. И потом — ты-то какая художница, позволь тебя спросить, и сколько ты зарабатываешь в год в этом своем надклассовом обществе? Ничего, нуль. Если бы не я и не мои плебейские деньги, где бы ты сейчас была? Уж во всяком случае не сидела бы с разными там бездельниками за кофе с яичницей в кафе «Твой старый дуб» и не молола бы всякой чепухи об искусстве. Тоже скажет — художница! Тьфу! Ха! Хм!..

И волна возмущения стремительно вынесла мистера Ривза из столовой. В холле мистер Ривз дал себе превосходный совет взять себя в руки, иначе, того и гляди, испортишь... Пойди в кабинет, выкури не торопясь трубочку, успокой нервы, почитав какой-нибудь детектив, пройдишь перед ленчем. Хорошо, отлично...

Приоткрыв дверь своего «кабинета», мистер Ривз отшатнулся в таком ужасе, какого не мог бы ему внушить ни один рассказ. Все в комнате стояло вверх дном, письменный стол его был накрыт бумагой, и Эстер, повязав голову платком, вытряхивала пыль из книг.

— Что это значит? Эстер, что это значит?

— Весенняя уборка, сэр.

— Весенняя?.. О, боже!

— Хозяйка сказала, что как вы теперь будете почти все время дома, сэр, то я должна перво-наперво прибрать вашу комнату, чтоб у вас тут было ладно и чисто.

— Хм! — изрек мистер Ривз.— Очень заботливо, конечно. Хм... А мне тем временем куда деваться?

— Вот уж не знаю, сэр,— кротко сказала Эстер.

Ну и мистер Ривз тоже этого не знал. Он нерешительно побрел обратно в холл и остановился перед телефоном. Может, позвонить кому-нибудь, пригласить на ленч? Но кому? Все сейчас на работе. Нет, лучше взять машину и...

— Джон!

Перед ним стояла миссис Ривз в новом утреннем костюме, уже совсем одетая для улицы.

— Я уйду. Мне надо сделать кое-какие покупки, потом этот ленч, но я вернусь сразу после трех. Надеюсь, ты не будешь возражать, если я возьму машину, душа моя?

— Нет,— отрезал мистер Ривз.— Бери, бери машину. И вместе с ней хоть весь этот чертов дом.

— Ах, Джон! — озабоченно зашебетала миссис Ривз.— Что с тобой сегодня? Мне казалось, ты должен быть так счастлив, а ты злишься на весь белый свет. Ну, пожалуйста, постарайся быть с нами поласковее, душа моя.

И, поцеловав мужа и нежно улыбнувшись ему, миссис Ривз отбыла из дома. А мистер Ривз продолжал задумчиво стоять в холле, глядя на шляпы и пальто, красовавшиеся на вешалке, и считая секунды. Он слышал, как Эстер хлопала книгами, вытряхивая из них пыль, а из кухни доносились обрывки негритянской песни в далеко не совершенном исполнении поварахи. Куда же ему девать себя в этот первый день первого месяца первого года Свободы?.. Тут дверь столовой распахнулась — мистер Ривз даже вздрогнул от неожиданности,— и с высоко поднятой головой мимо него молча прошествовала Марсель.

Мистер Ривз надел кепи, в котором обычно играл в гольф, взял плащ и, гонимый из дому, вышел на улицу, где гулял северо-западный ветер. Стопы свои он направил в «Девятнадцатую лунку».

ДВА

Дорога в гольф-клуб показалась мистеру Ривзу безмерно длинной. Он привык совершать этот путь, сидя за рулем своей машины, ни на йоту не превышая установленной скорости — тридцать миль в час, хотя большую часть времени ехал против ветра. А сейчас он шел пешком — шел мимо изгородей из падуба, изгородей из бирючины, изгородей из лавра, за которыми виднелись средней величины особнячки, удивительно похожие на его собственный, с видом на... и так далее... А потом перед ним вдруг возникла изгородь из боярышника, за которой паслось несколько коров,— кусочек старого Мервуда. Не облегчало мистеру Ривзу дороги и бремя не слишком веселых дум.

«Возмутительно! Выгнали из собственного дома. И в такой-то день. А ведь могли бы устроить мне маленький праздник. Плебейство! Леди Блейкбридж! Тьфу! А кто за все это платит? Леди Блейкбридж? Кто дает им возможность бить баклуши? Аристократическая Художественная школа... Правда, Бейзил работает. Только эта его работа обходится куда дороже, чем колледж. Не говоря уже о семи пятидесяти за стажировку. Так полезно иметь в семье стряпчего, утверждает Джейн. Никому от этого пока никакой пользы. Одни обязательства. Да к тому же рано или поздно запутается он с одной из этих своих красоток. Кто будет расплачиваться? Маленький совет молодым людям на пороге женитьбы. Да, двадцать семь лет с тех пор прошло. Она тогда была прехорошенькая. Просто прелесть. И влюблена в меня. Вот счастливое было времечко. Тридцать три года корпел на работе, и война — это тоже не пикник. А все ради чего? Ради Бейзила? Ради Марсель? Они тоже обзаведутся семьями. Пойдут внуки. И все только и будут ждать, когда дед окочурится, чтобы денежки прибрать к рукам...»

Мистер Ривз принялся мрачно напевать «Траурный марш» Шопена: ...ля-да, ди-ди, ди-ди, да, ди-ди-и... По счастью, тут перед его взором возник гольф-клуб, иначе он принялся бы сочинять самому себе эпитафию. Мистер Ривз просветлел — вот сейчас он выпьет подыщет компаньона, сыграет партию. Правда, опоздает домой к ленчу, — а, не беда... Ничто не отвлекает так от мыслей, как гольф.

В самом радужном настроении мистер Ривз подошел к «Девятнадцатой лунке» и ошеломленно остановился на пороге. Никого. Пусто, мрачно, тихо, — лишь в воздухе чувствуется застарелый запах вина и табака. Даже рюмки, опрокинутые на стойке бара, выглядели так, точно в них никогда уже не появится ни капли веселящей влаги. До сих пор мистер Ривз ни разу не посещал этого приюта Вакха в неурочное время, ни разу не видел его таким, — обычно он бывал изрядно набит облаченными в твид героями, которые снова и снова переживали здесь свои сражения. Опечаленному взору мистера Ривза это чем-то напомнило приемную в морге. Даже бармена не было.

Мистер Ривз прикрыл за собой дверь и чуть не на цыпочках пошел мимо застывших в грустной задумчивости столов и стульев. Шустрые часики очень быстро и делови-

то пробили одиннадцать, да так громко, что мистер Ривз вздрогнул от неожиданности.

— Джордж! — позвал он. — Джордж!
Молчание. Тишина.

— Джордж! — заорал он.

Круглая красная физиономия, несколько удивленная и раздосадованная, появилась в проеме узкой дверцы за баром и тотчас исчезла — совсем как Петрушка при виде полицейского.

— Иду, сэр, иду, — произнес глухой голос, а затем появился и сам бармен, поспешно натягивая белую куртку.

— Доброе утро, Джордж, — сказал мистер Ривз с наигранной сердечностью.

— Да никак это мистер Ривз! Доброе утро, сэр!

— Налейте-ка мне мою кружку горького, Джордж, хорошо?

— Слушаю, с удовольствием, сэр.

По всему видно было, что мистер Ривз хорошо дает на чай. Как и у большинства полноправных членов клуба, у мистера Ривза была здесь своя серебряная кружка с выгравированной на ней фамилией. И теперь, терзаясь жадной, он ждал, пока ему ее подадут.

— И себе тоже налейте, Джордж, я угощаю, — сказал он.

— Благодарствуйте, сэр.

Джордж подал мистеру Ривзу пиво и тарелочку холодного хрустящего картофеля, а себе — газированной воды с лимоном, следуя приказу метрдотеля, следившего за тем, чтобы официанты не напивались.

— Почтительно желаю вам всего наилучшего, сэр.

— Спасибо, Джордж, а вам — доброго здоровья. — Мистер Ривз выпил чуть ли не половину кружки и, поставив ее, крикнул: — А, вот теперь другое дело!

— Да уж никак не ожидал увидеть вас здесь в такое время, мистер Ривз, — сказал Джордж, не в силах дольше сдержать любопытство.

— Вы разве ничего не знаете?

— Нет, сэр.

— Видите ли, дело в том... — медленно проговорил мистер Ривз, искоса наблюдая за Джорджем, дабы насладиться впечатлением, которое произведут его слова. — Дело в том, что я ушел на покой.

Джордж присвистнул.

— Вот так так! И на совсем, сэр?

— Да, с Сити покончено — навсегда.

— Скажите на милость, а я и не знал, сэр,— заявил Джордж, сокрушенно покачивая головой, точно это было великим позором — не услышать о том, о чем он никак не мог знать.— Что ж, теперь, сэр, я думаю, вы позволите себе немножко отдохнуть, побездельничать и понаслаждаться жизнью?

— Для того я и работал, Джордж. Тридцать три года трудился как каторжный. С семнадцати лет начал. А в январе мне стукнуло пятьдесят. Для того я и работал.

— Да уж наверно, сэр. Что ж, желаю вам всяческого счастья и благополучия, как вы того заслужили.

— Спасибо, Джордж.

— Чудно это, что вы как раз сегодня утром пришли к нам, сэр,— задумчиво произнес Джордж.— Мы вот только вчера толковали с моей хозяйкой про то, как мы с ней уедем отсюда и поселимся где-нибудь...

— Как, Джордж, вы тоже собираетесь на покой?

— Еще не сейчас, сэр, не сейчас. По финансовым соображениям. Правда, джентльмены здесь очень ко мне расположены, у всех, надо сказать, натура широкая, но не может же человек всю свою жизнь провести за стойкой клубного бара, правда, сэр?

— Конечно, конечно,— поспешил согласиться мистер Ривз, найдя родственную душу.

— Вот об этом-то я все время и твержу своей хозяйке. Живи мы поэкономнее, мы быстро сколотили бы деньги и купили бы себе домик в деревне.

— Подальше от всей этой суеты,— вдохновенно поддержал его мистер Ривз.— Как раз то, чего бы и я хотел.

— Чтоб была симпатичная лужаечка и садик...

— И птичник,— возбужденно добавил мистер Ривз.

— Ага, и несколько свиней...

— И корова! Непременно нужна корова, Джордж. Чтоб было свежее молоко и масло...

— Ага, и еще цветничок...

— И чтоб были свои овощи! — От возбуждения мистер Ривз чуть не до крика возвысил голос.

— Вот именно, сэр. Ах, мистер Ривз, не могу вам не позавидовать. Вот вы — еще совсем молодой мужчина...

— Ну что вы, что вы...— скромно возразил польщенный мистер Ривз.

— А ведь как в гольф играете — с лучшими игроками вровень,— продолжал Джордж.— И дом у вас отличный, и семья, и человек вы обеспеченный, и делать-то вы можете что вам только вздумается и когда вздумается.

— Это верно, — не очень уверенно согласился мистер Ривз.

— До чего же хорошо, — в том же лирическом ключе продолжал Джордж. — Все мы должны брать пример с вас, сэ. Вы не из тех, кто крутит и крутит машинку и никак не остановится — все ему кажется мало. А вот вы решили наслаждаться жизнью, каждой ее минутой — всяческого вам счастья, сэ. Вы, сэ, — философ. Завидую вам, сэ, что у вас такая возвышенная душа. А миссис Ривз и ваши детки — то-то они рады небось и горды за вас!

— Спасибо вам, Джордж, спасибо! — сказал мистер Ривз, польщенный восторгами Джорджа и в то же время несколько задетый тем, какие это приняло формы. — Вы, конечно, правы... Хотите еще выпить? И мне дайте-ка кружечку, хорошо?

Освежающее действие пива и лести Джорджа продержалось минут двадцать. А затем мистеру Ривзу снова стало тоскливо. Джордж уже трижды сказал все, что должен был сказать, и теперь молча переминался с ноги на ногу. Мистер Ривз заплатил за напитки, распрощался с Джорджем и направился к своему шкафчику. Маленькой губкой, наклеенной на резину, он обтер три слегка загрязненных мяча и вынул из сумки клюшку с металлическим наконечником. Надо попрактиковаться в ударе с близкого расстояния. Мистер Ривз всегда честно признавал, что удары с близкого расстояния — самое слабое его место.

Некоторое время мистер Ривз старательно практиковался, затем стал рассеян и потерял мяч, послав его в живую изгородь. Никакого удовольствия от игры в одиночку. Для человека жизнедеятельного, энергичного, рассудил мистер Ривз, главное в спорте — это дух соревнования: нужен все-таки азарт. Он окинул взором поле в смутной надежде обнаружить еще хоть одно существо мужского пола, с которым можно было бы сыграть. Но единственным существом мужского пола оказался тренер, обучавший некую миссис Пиблз — женщину слишком красивую для респектабельной дамы. Да и на других участках — где по двое, а где вчетвером — копошились плоскостопые женские фигуры в твидовых костюмах и широкополых шляпах. При виде того, как они испоганили дерн, мистер Ривз пришел в полное расстройство. А еще говорят... Нет, надо будет намекнуть секретарю...

В весьма унылом настроении мистер Ривз вернулся в клуб: четверть первого, и — никого, лишь несколько кутил

из числа новичков потягивали коктейли. Мистер Ривз холодно кивнул им и проследовал мимо. Уж лучше поехать домой поесть. Но перспектива еды в одиночестве что-то не слишком привлекала мистера Ривза: ведь это означало, что он либо постарается поскорее проглотить пищу, либо уткнется в книгу и будет есть без разбора, словно мелкий клерк в кафе-автомате. Мистер Ривз вот уже много лет завтракал в «Звезде» — почти с одними и теми же людьми, за одним и тем же столиком. И хотя никаких особых новостей они друг другу не рассказывали, зато была компания, компания...

Не дойдя до дома, мистер Ривз на полпути вдруг свернул в боковую улочку и нырнул в кабачок, надеясь, что никто его не видел. Кабачок оказался невзрачный и тесный, отделанный в стиле тюдоровских пивных, но там было чисто, и в воздухе стоял приятный, деловитый гул голосов. Мистер Ривз скромно уселся в уголок, заказал хлеба с сыром, маринованных огурчиков, пинту пива и занялся изучением окружающей обстановки. До чего же интересно наблюдать жизнь! Вот это да!

У стойки двое торговцев пили виски и сосредоточенно беседовали о делах. Один из них, насколько понял мистер Ривз, держал скобяную лавку, а другой пытался сбывать пылесосы — не очень ходкий нынче товар. Беседа их не представляла для мистера Ривза никакого интереса. Он достаточно хорошо знал торговцев, а потом — делец из Сити не для того с почетом уходит на покой, чтобы слушать разглагольствования о методах борьбы за повышение спроса. Он решил предоставить торговцев самим себе и сосредоточил внимание на трех мужчинах, занимавшихся метаньем в цель.

Двое из них — сразу определил мистер Ривз — были шоферами грузовиков, что стояли перед кабачком на улице. А вот личность третьего труднее было установить. Здоровый, волосатый, рыжий, он болтал без умолку и так и сыпал остротами на современном жаргоне. При виде его перед взором мистера Ривза почему-то возникли кровь и опилки. Мистер Ривз решил, что это, должно быть, мясник, и почувствовал к нему острую неприязнь. Его даже огорчило, что мясник явно брал верх над другими двумя.

Ну, а человек лысоватый, дородный и в очках производит впечатление этакого добродушного простака и в то же время — паразита. Внешность мистера Ривза была его самым ценным достоянием, когда он работал в Сити.

Даже при наличии многочисленных доказательств люди не могли поверить, что мистер Ривз гораздо хитрее, чем кажется. В его отсутствие этому еще как-то верили, но при одном взгляде на его наивную приятную физиономию уверенность эта испарялась. И человек расплачивался за свою доверчивость кошельком.

Не избег общих заблуждений, должно быть, и мясник при виде мистера Ривза, следившего за игрой немигающими, круглыми, как у совы, глазами, с таким дурацким выражением лица, что это рассмешило бы его самого, если бы он посмотрел на себя со стороны. Подмигнув приятелям, псевдомясник обратился к мистеру Ривзу:

— Умеете метать в цель, сэр?

— Немного, сэр,— скромно ответил мистер Ривз, придерживаясь принятой в кабачках манеры говорить знакомым людям «сэр». В действительности же мистер Ривз был бесспорным чемпионом по метанью в цель среди любителей-буржуа, проживающих в Мервуде.

— Может, присоединитесь к нам, сэр? Мы, правда, люди рабочие, но...

— С удовольствием, сэр,— сказал мистер Ривз, вставая,— только вы уж, пожалуйста, объясните мне, как играть...

И, кивая и поддакивая: «Угу, угу!» — мистер Ривз выслушал пространные объяснения мясника о том, что он знал куда лучше наставника. Тут мясник снова подмигнул приятелям, но мистер Ривз и бровью не повел, продолжая смотреть на него с тем же наивным видом.

— Каждый метает по три раза, идет? — с фальшивым *bonhomie*¹ предложил мясник.— Проигравший ставит утешение. Только они ничего не должны знать: играть на деньги не разрешается, так что давайте тишком.

— С удовольствием,— повторил мистер Ривз, опять-таки не обращая внимания на подмигивания мясника.

Мистер Ривз дал мяснику шутя выиграть первую партию и хоть немного понаслаждаться призрачной уверенностью в том, что он не раз выпьет за счет этого паразита. А затем мистер Ривз поднажал; тут злосчастный мясник до того расстроился, что даже дружки стали его обыгрывать, и мистер Ривз без труда вышел на первое место.

— Ну и ну, черт возьми! — изрек мясник.

---

¹ Простодушием (*фр.*).

— Новичкам, говорят, всегда везет,— с наигранной скромностью произнес мистер Ривз.

— Хорош новичок,— кисло усмехнулся мясник, но честно полез в карман.— Ну, что пить будете?

— Нет, нет,— великодушно отклонил его предложение мистер Ривз.— Я угощаю. Признаюсь, я ведь не новичок. Я уже давно в это играю. Так что видите, надо быть осторожнее и не играть на деньги с незнакомыми людьми.— И он удовлетворенно хмыкнул.

В чрезвычайно приподнятом настроении мистер Ривз сыграл с ними еще несколько партий, а потом долго рассуждал о тонкостях игры. Он еще раз угостил всех пивом и был искренне огорчен, когда его новые знакомые сказали, что им пора. Мистер Ривз считал, что выполняет акцию большой политической важности, показывая рабочим массам, что не только они одни умеют что-то делать. Все-таки утер он нос этому мяснику, ха, ха!

Мистер Ривз заказал еще пинту горького и просидел в кабачке до трех часов — пока заведение не закрылось. Вышел он, не очень твердо держась на ногах (еще бы, шесть пинт — не шутка!), зато очень веселенький (а мясник-то, он все-таки утер ему нос) и чуточку сонный (надо пойти домой и вздремнуть). Следуя слегка извилистым путем домой, мистер Ривз заметил вывеску местного книжного магазина и тут вспомнил, что решил всерьез заняться садоводством. Вот он купит хорошую книжку по садоводству и в два счета собьет спесь с этого Брауна...

Он вошел в магазин — покрасневшийся, но степенный. Управляющий, увидев одного из самых процветающих граждан Мервуда, сразу поспешил к нему навстречу.

— Чем могу служить, сэр? Да никак это мистер Ривз?! Вот уж не ожидал увидеть вас в такой час, сэр.

— А вот увидели,— сказал мистер Ривз, все еще алча поздравлений и готовясь насладиться удивлением и завистью управляющего.— Все очень просто: ушел на покой.

— Вот как? — вежливо произнес управляющий.

Мистер Ривз ожидал панегирика à la Джордж¹, но ничего подобного не произошло. До крайности уязвленный, он попытался возбудить зависть во флегматичном торговце.

— А вы сами еще не собираетесь на покой? Милень-

---

¹ В стиле Джорджа (фр.).

кий домик где-нибудь в деревне, вдали от всех и вся, поросята, куры...

— Нет, это не для меня.— Управляющий покачал головой.— Когда я уйду на покой, мистер Ривз, я куплю небольшую яхту и отправлюсь в кругосветное путешествие.

— В кругосветное путешествие на небольшой яхте?! — не веря своим ушам, воскликнул мистер Ривз.— Зачем?

— Какая была бы жизнь! — пылко воскликнул управляющий.— Вы только представьте себе: огромные просторы Атлантики, звездные ночи, тихоокеанские острова, Австралия, Индийский океан...

— А это не рискованно — пускаться в такое странствие? — робко спросил мистер Ривз.

— Рискованно?! Да этот путь люди проделывали уже десятки раз. Взять хотя бы Алена Жербо...

— Впервые слышу,— сухо произнес мистер Ривз. А если уж он, Ривз, не слыхал о чем-то, значит, это не заслуживало ни малейшего внимания.

— Впервые слышите об Алене Жербо? — повторил управляющий и в ужасе даже отступил на шаг.— Да в одном этом магазине мы продали свыше ста экземпляров его книги.— Управляющий был прямо-таки потрясен.— Просто удивительно, чтобы джентльмен такой культуры, сэр, не читал Алена Жербо. Я, право, поражен.

Мистер Ривз устыдился и поспешно купил экземпляр книги Алена Жербо.

— Мне нужно что-нибудь по садоводству,— сказал далее мистер Ривз, внушительно кашлянув.— Не какое-нибудь руководство для начинающих или разная там дребедень, предназначенная для старых леди, а солидный, всеобъемлющий труд.

— Безусловно, сэр. У нас есть большой выбор. Пройдите сюда.

— А что бы вы мне посоветовали? — спросил мистер Ривз, беспомощно глядя на ряды книг с яркими шпорниками и флоксами на корешках.— Дела не позволяли мне заняться садоводством, так что пришлось все препоручить моему садовнику, Брауну. Но вы ведь знаете, что это за народ — ни идей, ни вкуса, ни малейшей инициативы. Вот я и решил всерьез заняться садоводством, буду всем руководить сам...

Не прошло и двух минут, как мистеру Ривзу всучили одну бесполезную книжку за пятнадцать шиллингов и другую, еще более бесполезную, но зато с многочисленными яркими таблицами,— за двадцать пять шиллингов.

— Вам их послать на дом, сэр? — подобострастно спросил управляющий.

— Нет, лучше я возьму с собой,— сказал мистер Ривз и зевнул во весь рот.— Хочу сразу же за них приняться.

Тяжело дыша, мистер Ривз открыл ключом дверь и вошел в дом. Предметом его вожделений было кресло в гостиной, где он отдыхал по воскресеньям. Но, подойдя к дверям этой комнаты, он в ужасе застыл: до слуха его донеслось глухое жужжанье женских голосов. О боже! Еще одно сражение за чайным столом под председательством Джейн! Все кошечки и котята Мервуда в сборе! Прижимая к груди объемистый пакет с книгами, мистер Ривз осторожно, на цыпочках, стал подниматься по лестнице, причем споткнулся лишь дважды. Какую бы выбрать комнату? В спальню может пожаловать Джейн. И мистер Ривз, радостно улыбаясь собственной пронизательности, заперся в пустой комнате, которая прежде была спальней Бейзила, развернул пакет, прилег с двадцатипятишиллинговой книгой по садоводству и через две минуты погрузился в крепкий сон...

Приглушенный шум падения вырвал мистера Ривза из теплого мрака сна и перенес в реальный, но пугающий мрак чужой комнаты. Какое-то время он лежал, не понимая, где он, утро сейчас или вечер и какого черта... Затем слез с кровати, зажег свет и обнаружил, что большая книга по садоводству свалилась с его груди на пол. По счастью, она была цела и невредима. Мистер Ривз взглянул на часы — почти половина седьмого. Ого! Вот это поспал!

Мистер Ривз чувствовал себя немного разбитым оттого, что спал не раздеваясь. Выпив полграфина воды, он принял ванну, надел смокинг и спустился в гостиную. Миссис Ривз, сидевшая с романом у огня, тотчас подняла на него глаза.

— Добрый вечер, дорогая,— весело произнес мистер Ривз, направляясь к жене, чтобы ее поцеловать.

— Как день прошел: удачно? — приветливо осведомилась она.

Мистер Ривз даже растерялся. Ведь именно этими словами она ежедневно встречала его, когда он возвращался из Сити. Да и возвращался-то он как раз в это время. Вот совпадение!

— Великолепно, — с жаром произнес мистер Ривз.

— Что же ты делал?

— Ну, играл в гольф, беседовал с разными людьми, купил несколько книг — хочу всерьез заняться садом, — потом вернулся домой, поспал немножко — что-то притомился.

— Только не перетруждай себя, душа моя, — заботливо и нежно проворковала миссис Ривз. — Не забывай, что ты уже не молод.

— Хм, — буркнул мистер Ривз, не в силах отрицать этот факт. Но ведь можно было бы и не напоминать об этом.

— Ты не вернулся к ленчу, душа моя, — с легким укором продолжала миссис Ривз. — Эстер так расстроилась. Пожалуй ста, впредь говори точно: ты же знаешь, какие трудные пошли нынче слуги...

— Хм, — смущенно пробормотал мистер Ривз, сознавая всю тяжесть своей вины. — А где Марсель?

— Она обедает с кем-то, а потом пойдет в кино.

— Хм. — Мистер Ривз подозревал, что этот «кто-то», очевидно, особа мужского пола. Ему это не нравилось, он этого не одобрял, считал, что рано еще. — Есть какие-нибудь вести от Бейзила?

— Он звонил, просил передать тебе привет и сказал, что навестит нас в субботу, а может быть, останется и на воскресенье. Ну разве это не мило, пожертвовать ради нас субботой и воскресеньем?

— Хм. Наверно, деньги понадобились — уж я-то его знаю...

— Ах, Джон! Ну, разве можно жалеть какие-то гроши для собственных детей?.. — И она тотчас тактично переменяла разговор: — Посмотри, Вернон Трейл подарила мне свою книгу с автографом. Ну, разве она не прелесть?

— А какая она из себя? — любопытствовал мистер Ривз. Он несколько завидовал умению жены пролезать в интеллектуальные сферы.

— Довольно некрасивая, — милостиво начала миссис Ривз, — *petite*¹, темноволосая, с довольно крупным ртом, но поистине прелестной улыбкой. На ней было голубое платье с широкими манжетами, отделанное белым кантом, и парижская шляпа по последней моде. Она немножко стеснялась — столько нас собралось, и все рас-

¹ Маленькая (фр.).

спрашивали ее об ее работе, о карьере, а она держалась так просто, без всякого высокомерия...

— А с чего бы это, черт побери, ей быть высокомерной? — раздраженно спросил мистер Ривз. — По-моему, такие нынче женщины пошли, что куда больше плодят книг, чем младенцев.

— Как это недостойно и грубо!

— Грубо?! — возмущенно воскликнул мистер Ривз. — Что же тогда можно сказать про твои беседы с Бейзиллом, с Марсель и с их друзьями, от этих ваших разговорчиков волосы дыбом встают! Грубо! Да в мои времена, если бы я только услышал то, о чем вы говорите, меня выдрали бы и отправили в постель...

— Ну, это совсем другое дело...

— Конечно, когда речь идет обо мне, а не о них, это у тебя всегда другое дело...

Обед получился скучный — обычный заурядный обед, тогда как мистер Ривз втайне надеялся, что ему устроят маленькое пиршество. Однако никто из домашних не видел вроде бы никаких оснований для торжества. Только не надо портить... Мистер Ривз извлек из своих запасов полбутылки лучшего «Волнея» и выпил всё один. Ни к чему тратить доброе вино на женщин.. После обеда они перешли в гостиную. Миссис Ривз с наслаждением погрузилась в мир великих образов, созданных воображением мисс Вернон Трейл, а мистер Ривз преодолевая зевоту, преодолевал терминологические трудности в описании техники создания зеленых бордюров и высаживания цветов.

Полтора часа прошли в молчании, как проходили в молчании полтора аналогичных часа каждый вечер за последние десять лет. Время от времени мистер Ривз отвлекался от созерцания лобелий и лупинусов и принимался мечтать о том, сколько замечательных свершений сулит ему уход на покой. Усилия, которых ему стоили эти мечты, оказались, видимо, чрезмерными, и он принялся зевать...

Внезапно дверь открылась, и Эстер провозгласила:

— Мистер Саймонс!

— Боже мой! Джо! — в восторге воскликнул мистер Ривз и, небрежно швырнув «Садоводство» на диван, вскочил на ноги.

— Добрый вечер, миссис Ривз, — весело произнес ми-

стер Саймонс.— Привет, Джек, старый греховодник! Как жизнь? — И они с таким пылом принялись трясти друг другу руки, будто не виделись много лет.— Вот решил заглянуть на минутку и посмотреть, как ты борешься с бездельем.

Мистер Саймонс, крупный, дородный мужчина, всем своим видом и походкой напоминавший танцующего медведя, обладал удивительной способностью попадать впросак. Будучи одним из ближайших друзей мистера Ривза, он как-то умудрился не обнаружить, что миссис Ривз совершенно не выносит его. Ну, а сейчас, в просторном кожаном пальто, какие носят автомобилисты, он больше, чем когда-либо, походил на добродушного медведя.

— Снимай пальто,— возбужденно затараторил мистер Ривз,— и садись. Эстер! Эстер! — крикнул он вслед удалявшейся горничной.

— Слушаю, сэр!

— Виски с содовой!

— Слушаю, сэр!

— Так-так-так! — радостно залопотал мистер Ривз, снова поворачиваясь к своему другу.— Ты великолепно выглядишь, Джо. Какие новости?

— У тебя, наверно, весь день сегодня уши горели,— сказал, устрашающе ослабившись, мистер Саймонс.— За ленчем собралась обычная наша компания — мы посадили Мерикейла на твое место,— и все только и говорили о том, какой ты славный малый, да как нам будет тебя недоставать, да как мы все тебе завидуем, ха, ха!

— Ха, ха! Славные они люди, славные! — рассмеялся мистер Ривз, щедро наливая виски себе и своему другу.— Вот никогда бы не подумал...

Миссис Ривз взвилась, словно подстреленный архангел, молча сложила свои крылышки и, не замеченная двумя друзьями, исчезла.

— Ну, как там шли сегодня дела? — с нескрываемым интересом спросил мистер Ривз.

— Да плохо,— сказал мистер Саймонс.— Думаю, оборот был не больше двухсот пятидесяти.

— Боже мой!

— Тебя-то, Джон, это больше уже не волнует!

— Да, пожалуй,— весело согласился мистер Ривз.— Поезду мне, Джо.

— Что и говорить. — И мистер Саймонс одним духом осушил до половины свой стакан.

— Послушай,— начал мистер Ривз, не в силах дольше сдерживаться,— я сейчас расскажу тебе, что сегодня произошло...

И мистер Ривз, всячески приукрашивая свой рассказ, поведал о состязании с мясником.

— Ха, ха, ха! — с медвежьей безудержностью расхотался мистер Саймонс. — Отличная история, Джон!

— Лихо я натянул нос этому мяснику,— ликующе заключил мистер Ривз. — Ха, ха, ха!

— Послушай... — Мистер Саймонс обвел глазами комнату и только тут заметил исчезновение миссис Ривз. — Один из наших рассказал сегодня занятную историю.

— Какую? — сгорая от любопытства, спросил мистер Ривз, тоже наконец заметив отсутствие жены. — Ну, какую же, Джо?

— Так вот значит,— шу-шу-шу-шу, а потом пш-пш-пш-пш и — ха, ха, ха! — шу-шу-шу-шу...

— Ха, ха, ха! — залился смехом мистер Ривз. — Ха, ха, ха! Великолепная история, Джо! Ха, ха, ха!

— Ха, ха, ха! — гудел своим *basso profundo*¹ мистер Саймонс.

Ха, ха, ха! Ха, ха, ха!..

ТРИ

Так прошли утро и вечер первого дня Свободы мистера Ривза. Так протекали они и в дальнейшем — с незначительными изменениями. Просыпался он по-прежнему в семь тридцать и во избежание дискуссий по поводу ванной тотчас вставал. В результате утро у него получалось довольно длинное, но, поскольку ему вернули «кабинет», он мог торжественно удалиться туда с номером «Телеграфа» и там дать пищу мозгу, разгадывая кроссворд. Ленч он съедал в спокойной обстановке, дома: пришлось пообещать, что он не будет больше появляться в местных кабаках — кто-то видел его тогда, в тот первый день, и миссис Ривз заявила с несчастным видом, что «весь Мервуд» говорит об этом и она просит его — ну, пожалуйста! — подумать о детях и об их положении в обществе! Тогда мистер Ривз подыскал себе для компании отставного майора, с моноклем и в галстукe своего полка, который от

¹ Глубоким басом (ит.).

скуки иной раз снисходительно соглашался сыграть с ним днем в гольф.

Ну и конечно, мистер Ривз занимался садоводством. Происходило это по большей части в «кабинете». Завороженный таблицами с яркими цветами и не менее цветистой прозой авторов, мистер Ривз уже видел, как его акр голого известняка превращается к середине лета в нечто вроде Хэмптон-Корта, а сам он прогуливается по участку, залитому теплым золотистым светом, вдыхая сладкие запахи и «наслаждаясь буйным праздником красок». Опыренный более или менее безудержной фантазией, мистер Ривз выскакивал из кабинета в поисках Брауна и обнаруживал его — вот ведь никакого у человека воображения! — у грядки с гиацинтами, которую он систематически пропахивал, или возле его любимых, но ничем не примечательных фиалок, которые он то и дело рассаживал.

— Браун! — возбужденно звал к нему мистер Ривз. — Браун! У меня возникла идея...

И когда идея была изложена — не слишком ясно, поскольку мистеру Ривзу не всегда удавалось как следует запомнить текст, — Браун неизменно качал головой и говорил: «Никакого толку от этого, сэр, не будет. Ветер вырвет их с корнем — всех подчистую».

Или же саркастически изрекал: «Что ж, сэр, если б вы могли поменять здесь почву, да подвести сюда воду, да избавить нас годика на два от морозов, тогда, пожалуй, можно бы их и вырастить».

Словом, разговоры эти всегда кончались одним и тем же: Браун выводил из себя мистера Ривза, а мистер Ривз выводил из себя Брауна. Мистер Ривз серьезно подумывал о том, чтобы рассчитать его и взяться за сад самому: немного ума и воображения не помешало бы в этом деле. Но стоило ему подумать, что придется самому перекапывать клумбы и пропалывать, стричь лужайку и часами корпеть в оранжерее над ящичками, привязывая к палочкам растения, а главное, вспомнить, что у него нет, как у Брауна, этого непостижимого чутья, коим обладают низшие классы, — чутья, подсказывающего, что может тут расти, а что не может, — короче: стоило мистеру Ривзу как следует обо всем этом подумать, и он не рассчитывал Брауна.

А Браун, — хоть он потихоньку и чистил мистера Ривза последними словами и заявлял миссис Браун, что уйдет, — Браун, стоило ему подумать о том, что он проработал у мистера Ривза двенадцать лет и что все эти две-

надцать лет ему аккуратно платили жалованье, всегда с каким-нибудь ласковым словом или шуточкой, и что вообще мистер Ривз до сих пор никогда не мешал ему, Брауну, делать все по-своему, неизменно хвалил его и хвастал своим садом перед гостями,— короче: стоило Брауну обо всем этом подумать, и он не уходил.

— Вот что я тебе скажу,— торжественно заявил он однажды миссис Браун,— хозяин наш, по-моему, немножко того. С чего он вдруг решил уйти на покой? Неразумно это. Если хочешь знать мое мнение, такое, видно, подошло у него время, что он места себе не может найти. Надо бы ему заняться чем-то, но только не садом — садом пусть занимаются те, кто в этом толк понимает. Смотри, как бы мы не услышали, что он в Хайд-парке выступить вздумал!

Миссис Ривз тоже тревожилась за мистера Ривза и считала, что надо что-то предпринять. Она не разделяла мнения Брауна,— да и вообще считала, что не следует обсуждать такие вещи,— но и она чувствовала, что не все в порядке. Так разве не обязана она, будучи терпеливой и самозабвенно преданной женой, помочь мужу всем, что в ее силах? Самой правильной и подходящей советчицей в этом деле она сочла Марсель, которой и решила поверить свои сомнения и планы.

— Меня так беспокоит твой папа,— решила она однажды утром прощупать почву.

— А что с ним? — безразличным тоном спросила Марсель.

— Он такой взвинченный и недовольный...

Марсель с псевдонаивным видом широко-широко раскрыла глаза, как она это делала перед зеркалом, стремясь придать лицу невинно-удивленно-интеллигентное выражение.

— Но у него же столько приятелей,— возразила она,— и ему теперь больше не надо работать...

— В том-то и дело. Видишь ли, детка, он годы и годы мечтал об этом, а теперь, когда мечта его сбылась, он по-ложительно не знает, куда себя девать.

На этот раз Марсель искренне удивилась: да неужели мамочка не знает, что старики просто не умеют развлекаться?

— Ну, уж я-то тут ничем не могу помочь,— не слишком любезно заявила она.

— Я знаю, детка, что не можешь. Но ты могла бы помочь мне, а я тогда помогла бы ему. Видишь ли, у него слишком мало знакомых. Среди настоящих людей, конечно. Он обожает этих своих неотесанных дружок из Сити — уж а с а ю щ и х субъектов вроде Джо Саймонса... Я бы так хотела, чтобы папа с ним больше не встречался... А вот людей приличных, интересных он совсем не знает...

— Ну не могу же я ввести его в наш мир искусства, — вяло проронила Марсель. — Он там будет только глупо выглядеть.

— Я совсем не это, детка, имела в виду. Конечно, ему будет не по себе среди вашей молодежи. Конечно. Но что бы ты сказала, если б я уговорила леди Блейкбридж устроить в его честь коктейль у нее дома — блестящая идея, а? Я, конечно, оплатила бы все расходы, а она лишь принимала бы гостей как хозяйка. Тогда я могла бы попросить мистера Хоукснитча пригласить кое-кого из своих именитых и прославленных друзей и... и... Тебе не кажется, что это было бы просто чудесно познакомиться папу с настоящими людьми?

— А почему бы и нет, — ответствовала Марсель, швыряя в огонь окурки. — Ну, мне пора. До свидания, дорогая...

Мистер Ривз не желал идти на коктейль. Он желал бы этого еще меньше, если б знал, что ему придется за все платить. А если бы привести здесь то, что он, несомненно, сказал бы, знай он, что эта сумма взыскана с него за приобщение к светским кругам, — могли бы возникнуть серьезные осложнения. Но он об этом так и не узнал: миссис Ривз тактично извлекла нужную сумму из денег на хозяйственные нужды.

Сумма эта пошла не в карман леди Блейкбридж, которая при всех своих недостатках была все-таки выше подобных вещей, а в карман мистера Хоукснитча. Энселм Хоукснитч, — известный своим друзьям как «Энси», — был современным вариантом героя новоаттической комедии, по непонятным причинам забытой ныне театром, — а именно: «паразита». Он обладал всем необходимым, чтобы играть эту роль в жизни. Выходец из «хорошей» семьи, чье состояние на протяжении двух поколений непрерывно убывало, Энси окончил «настоящую» школу и «настоящий» университет и вращался среди «настоящих»

людей. В школе он был известен как хлыщ. В университете его дважды бросали в фонтан; в комнату его не раз врывались тяжеловесы-весельчаки и переворачивали все вверх дном, а если кто-нибудь устраивал торжественный обед, Хоукснитчу неизменно выбивали все стекла. Лет ему было двадцать пять; он обладал двумя сотнями фунтов годового дохода и красивым профилем; божественно играл на банджо; дважды в неделю стригся и мыл голову у знаменитого *coiffeur*;¹ элегантно одевался — в кредит; носил роскошные галстуки и, наконец, слыл авторитетом в вопросах искусства и светских развлечений. Образование и отсутствие титула не позволяли ему заняться светской хроникой, и он добывал себе на жизнь, сводя зараженных снобизмом буржуа со всякой светской мелюзгой — за небольшую мзду.

Не успели мистер и миссис Ривз вступить в гостиную леди Блейкбридж, как сей молодой джентльмен подскочил к ним и облобызался с миссис Ривз, что, по мнению мистера Ривза, было черт знает как фамильярно и оскорбительно.

— Дорогая! — жеманно воскликнул он. — Я в восторге! Как мило, что вы так рано пришли. Я приготовил вам такой сюрприз — герцогиня обещала приехать! — Последние слова были произнесены громко, чтобы все могли услышать. И тут же, не давая миссис Ривз времени произнести хоть слово, он добавил шепотом: — И пресса, дорогая, тоже здесь! Джейнет Фогерти из «Лижи и плюй», Джесси О'Доур из «Пуховочки» и Максуйни из «Губки». Все мы станем такие знаменитые, правда?

— Какая прелесть! — смогла наконец вставить слово миссис Ривз. — Разрешите представить вам моего мужа?

Мистер Хоукснитч изящным жестом пожал руку мистера Ривза и с высоты своего величия так поглядел на него, точно смотрел в телескоп, повернутый не тем концом. Мистер Ривз не намерен был это терпеть, а потому, образно выражаясь, перевернул телескоп и, в свою очередь, свысока посмотрел на мистера Хоукснитча. Неприязнь, которую оба при этом мгновенно почувствовали, была равновеликой, как две части уравнения.

Под каким-то предлогом мистер Хоукснитч увлек миссис Ривз в другой конец комнаты, и мистер Ривз смог наконец оглядеться. Он находился в большой, довольно

---

¹ Парикмахера (фр.).

темной гостиной, украшение которой, как он обнаружил, составляли три больших викторианских портрета и немного старинного серебра. В одном углу был сооружен временный бар, и официант в белой куртке усиленно тряс смеситель. В комнате собралось уже довольно много гостей, и все они весьма оживленно болтали друг с другом. Мистер Ривз определил, что в собранной тут коллекции представлены главным образом два вида фауны: пожилые дамы, с внушительным бюстом или без него, — все, как одна, дорого одетые; и молодые люди, с гладко прилизанными волосами и голосом, поставленным в закрытой, привилегированной школе, — все в двубортных жилетах, с лицами, свидетельствующими о рано прерванном образовании. Среди них мелькали две или три молоденькие женщины и несколько, внешне вполне нормальных, взрослых мужчин. В дверях появлялись все новые и новые гости, и мистер Хоукснитч, видимо игравший здесь роль неофициального церемониймейстера, более или менее пылко — в зависимости от дохода и социального статуса — приветствовал вновь прибывших. Мистеру же Ривзу не давала покоя мысль о том, что вся эта молодежь и пожилые дамы хлещут вермут и джин на пустой желудок. Сам он с наслаждением выпил бы чашечку чайку...

Однако мистеру Ривзу не дано было продолжить свои размышления: миссис Ривз ухватила его и повела представлять хозяйке. Мистер Ривз столько слышал о леди Блейкбридж, что вначале с любопытством уставился на нее, однако любопытство его быстро сменилось удивлением и разочарованием. Одному богу известно, что он ожидал увидеть, — очевидно, олицетворенный снобизм (во французском значении этого слова). А увидел он весьма мрачную, бесцветную старуху, на пороге дряхлости, в сером шелковом платье с кружевным лифом, сверкающую поддельной брильянтовой брошью и множестве уродливых колец. И эта рожа вдохновила добрую тысячу романистов?!

— Здравствуйте, — произнес, как положено, мистер Ривз, а сам мысленно побился об заклад на шесть пенсов, что леди Блейкбридж такая же «леди», как он — «лорд». Но он был несправедлив к ней. Леди Блейкбридж была вдовой мелкого чиновника, получившего титул по ошибке — из-за описки в Перечне титулованной знати, настолько раздосадовавшей ответственное за это лицо, что, когда на следующий год возникла кандидатура настоящего претендента, ему пожаловали только звание офице-

ра ордена Британской империи. Естественно, что мистер Ривз, будучи всего лишь мужланом из Сити, понятия не имел об этом любопытном и пикантном историческом факте.

Леди Блейкбридж взирала на мистера Ривза холодными, серо-голубыми глазами и явно ждала, чтобы он заговорил.

— Неплохая сегодня погода, — выдохнул наконец мистер Ривз, чтобы как-то начать разговор.

Леди Блейкбридж на удивление зычно крикнула и обрушилась на мистера Ривза.

— Как это непривычно слышать! Какой чисто английский образ мыслей! А вот *dans mon pays*¹ — я ведь, знаете ли, наполовину француженка — никому и в голову бы не пришло завести разговор о чем-то столь очевидном и столь банальном, как погода.

— О чем же вы в таком случае говорите? — спросил несколько раздосадованный мистер Ривз.

— О многом, о множестве разных предметов. — И она повела сверкающими пальцами (как, должно быть, делают на континенте, решил мистер Ривз). — Конечно, о *beau monde*², ну и потом о литературе, искусстве, политике, музыке, живописи, — словом, обо всем, что составляет столь притягательный круг интересов цивилизованной элиты.

— Ну вот, поговорили вы обо всем этом — и много узнали нового?

В тусклых очах леди Блейкбридж появился блеск, и она с подчеркнутой величавостью выпрямилась.

— Беседа, — назидательно заявила она, — является мерилом цивилизованности общества. В Англии этого искусства не знают и, по всей вероятности, никогда не знали. Да и как оно может существовать в стране лавочников и ушедших на покой коммерсантов. А вот *dans mon pays*...

Одному богу известно, сколько еще сокрушительных ударов нанесла бы мистери Ривзу эта современная мадам дю Деффан, если бы обязанности хозяйки дома не отвлекли ее. К *Grande dame*³ подвели еще кого-то. И мистер Ривз, вознеся благодарность случаю, скользнул в сторону, но тут его ждали цепкие лапы мистера Хоукснитча, исполненного благородной решимости честно отработать свои деньги.

---

¹ На моей родине (*фр.*).

² Высшем свете (*фр.*).

³ Здесь: великой женщине (*фр.*).

— У меня припасен для вас настоящий сюрприз,— за-
трещал он на ухо мистеру Ривзу. — Я хочу познакомить
вас с нашей Знаменитостью — с Брюсом Робертом и его
супругой.

— М-м? — издал мистер Ривз.

— Ну вы, конечно, слышали о Брюсе Роберте. Он
только что издал монументальнейший труд о док-
торе Джонсоне — куда лучше той книги, которую напи-
сал Босуэлл,— в тысячу раз лучше... А какой успех: две
колонки в «Петухе и кукушке» и целая страница в «Спи-
ночесалке». Но — ш-ш-ш! Вот и они... Миссис Роберт, это
мой старинный друг мистер Ривз. Как вы полагаете, могу
я представить его Великому человеку?

И не успел мистер Ривз опомниться, как он уже по-
жимал руку сначала типичной классной даме, такому
синему чулку неопределенного возраста, чья физиономия
тут же навела его на мысль о жареной рыбе с картошкой
на два пенни, а потом — какому-то жирному, напыщен-
ному субъекту, чей вид вызвал в его представлении сви-
ную отбивную на двух ножках. Впрочем, сравнение со
свиной отбивной было, пожалуй, не совсем точно, ибо
лицо у мистера Роберта цветом напоминало томатный
сок, заставляя предполагать, что виски принималось
внутри ведрами. Его голубые, навывкате, глаза неперестан-
но бегали по сторонам, а величественным, неподвижным
торсом он напоминал большого борова, увязшего в грязи.
Глядя на его маленький, задранный кверху пяточок, ми-
стер Ривз подумал, что вместо человеческой речи сейчас
раздастся похрюкивание.

— Мы говорили об Италии,— размеренно и величест-
венно произнес мистер Роберт. — Так вот мы с Бланш об-
наружили там одно оча-овательное девственное место,
именуемое Бо-диге-а, Бо-диге-а. Думаем снять там виллу.
А вы бывали в Бо-диге-е?

— Нет,— совершенно искренне признался мистер
Ривз,— но я как раз подумывал...

— Ах, видели бы вы эти места,— вторглась в беседу
миссис Роберт. — Красота изумительная. Нечто совер-
шенно уникальное. Позади горы, впереди море и... и... ну
и солнце над головой. Совершенно уникальное.

— Словом, все, как положено по законам природы,—
любезно промолвил мистер Ривз.

— Природы? — изумилась миссис Роберт.

— Видите ли... вот, если бы, скажем, море было на
горах, а солнце — под водой,— пояснил мистер Ривз, не-

ра ордена Британской империи. Естественно, что мистер Ривз, будучи всего лишь мужланом из Сити, понятия не имел об этом любопытном и пикантном историческом факте.

Леди Блейбридж взирала на мистера Ривза холодными, серо-голубыми глазами и явно ждала, чтобы он заговорил.

— Неплохая сегодня погода,— выдохнул наконец мистер Ривз, чтобы как-то начать разговор.

Леди Блейбридж на удивление зычно крикнула и обрушилась на мистера Ривза.

— Как это непривычно слышать! Какой чисто английский образ мыслей! А вот *dans mon pays*¹ — я ведь, знаете ли, наполовину француженка — никому и в голову бы не пришло завести разговор о чем-то столь очевидном и столь банальном, как погода.

— О чем же вы в таком случае говорите? — спросил несколько раздосадованный мистер Ривз.

— О многом, о множестве разных предметов. — И она повела сверкающими пальцами (как, должно быть, делают на континенте, решил мистер Ривз). — Конечно, о *beau monde*², ну и потом о литературе, искусстве, политике, музыке, живописи,— словом, обо всем, что составляет столь притягательный круг интересов цивилизованной элиты.

— Ну вот, поговорили вы обо всем этом — и много узнали нового?

В тусклых очах леди Блейбридж появился блеск, и она с подчеркнутой величавостью выпрямилась.

— Беседа,— назидательно заявила она,— является мерилом цивилизованности общества. В Англии этого искусства не знают и, по всей вероятности, никогда не знали. Да и как оно может существовать в стране лавочников и ушедших на покой коммерсантов. А вот *dans mon pays*...

Одному богу известно, сколько еще сокрушительных ударов нанесла бы мистеру Ривзу эта современная мадам дю Деффан, если бы обязанности хозяйки дома не отвлекли ее. К *Grande dame*³ подвели еще кого-то. И мистер Ривз, вознеся благодарность случаю, скользнул в сторону, но тут его ждали цепкие лапы мистера Хоукснитча, исполненного благородной решимости честно отработать свои деньги.

---

¹ На моей родине (фр.).

² Высшем свете (фр.).

³ Здесь: великой женщине (фр.).

— У меня припасен для вас настоящий сюрприз,— затрещал он на ухо мистеру Ривзу. — Я хочу познакомить вас с нашей Знаменитостью — с Брюсом Робертом и его супругой.

— М-м? — издал мистер Ривз.

— Ну вы, конечно, слышали о Брюсе Роберте. Он толко что издал монументальнейший труд о докторе Джонсоне — куда лучше той книги, которую написал Босуэлл,— в тысячу раз лучше... А какой успех: две колонки в «Петухе и кукушке» и целая страница в «Спичечесалке». Но — ш-ш-ш! Вот и они... Миссис Роберт, это мой старинный друг мистер Ривз. Как вы полагаете, могу я представить его Великому человеку?

И не успел мистер Ривз опомниться, как он уже пожимал руку сначала типичной классной даме, этакому синему чулку неопределенного возраста, чья физиономия тут же навела его на мысль о жареной рыбе с картошкой на два пенни, а потом — какому-то жирному, напыщенному субъекту, чей вид вызвал в его представлении свиную отбивную на двух ножках. Впрочем, сравнение со свиной отбивной было, пожалуй, не совсем точно, ибо лицо у мистера Роберта цветом напоминало томатный сок, заставляя предполагать, что виски принималось внутрь ведрами. Его голубые, навывкате, глаза непрестанно бегали по сторонам, а величественным, неподвижным торсом он напоминал большого борова, увязшего в грязи. Глядя на его маленький, задранный кверху пяточок, мистер Ривз подумал, что вместо человеческой речи сейчас раздастся похрюкиванье.

— Мы говорили об Италии,— размеренно и величественно произнес мистер Роберт. — Так вот мы с Бланш обнаружили там одно оча-овательное девственное место, именуемое Бо-диге-а, Бо-диге-а. Думаем снять там виллу. А вы бывали в Бо-диге-е?

— Нет,— совершенно искренне признался мистер Ривз,— но я как раз подумывал...

— Ах, видели бы вы эти места,— вторглась в беседу миссис Роберт. — Красота изумительная. Нечто совершенно уникальное. Позади горы, впереди море и... и... ну и солнце над головой. Совершенно уникальное.

— Словом, все, как положено по законам природы,— любезно промолвил мистер Ривз.

— Природы? — изумилась миссис Роберт.

— Видите ли... вот, если бы, скажем, море было на горах, а солнце — под водой,— пояснил мистер Ривз, не-

вольно изумляясь богатству своей фантазии,— тогда это было бы действительно уникальное место.

— Пф! — фыркнула миссис Роберт.

— Всю красоту Бодиге-ы,— заявил мистер Роберт, стараясь придать своей фразе джонсоновскую округлость,— случайный пришелец или поверхностный ту-ист не в силах оценить. Она открывается лишь взору спокойного, нето-опливого наблюдателя, человека, обладающего культу-у-ой. Каждое утро, готовясь к восприятию этой к-а-асоты, я читаю Данте, который всегда соп-овождает нас в наших путешествиях.

— А я и не знал, что он писал про эту самую Боди... как там ее,— в простоте душевной сказал мистер Ривз. — Я думал, он все про ад писал.

Мистер и миссис Роберт промолчали, но переглянулись с искренним состраданием, как бы поверяя друг другу то, какую тайную мукой терзается каждый из них. Мистеру же Ривзу казалось, что более тягостной беседы ему еще в жизни не приходилось вести.

— Извините, пожалуйста,— поспешно произнес он,— я вижу, жена зовет меня...

Поскольку мистер Хоукснитч, представив своего подопечного, тотчас исчез, мистер Ривз волен был идти, куда ему вздумается. Комната теперь была до отказа забита гостями, в воздухе висел густой папиросный дым. Мистер Ривз протиснулся к бармену, попросил виски с содовой и, к своему удивлению, получил просимое. Затем он оглянулся в поисках укромного уголка и обнаружил, что стоит рядом с чрезвычайно красивой молодой женщиной, очень светлой блондинкой с очень синими глазами и недовольным выражением лица.

— Ну, и вечерок! — воскликнула она.— Тощица смертная. Каждое твое слово слышно.

— А вы считаете, что веселье в шуме? — по-отечески снисходительно спросил мистер Ривз.

— «Веселье в шуме»!..— передразнила она его.— Вы что, поэт, или художник, или еще кто-нибудь в этом роде из тех, кого вытаскивает на свет божий этот прилизанный шарлатан?

— Нет, я всего лишь делец,— скромно признался мистер Ривз.

— Что ж, даже приятно для разнообразия увидеть в этой компании нормального человека. Я люблю дельцов. Мне приходилось частенько с ними встречаться. У меня муж делец.

— В Нью-Йорке? — вежливо осведомился мистер Ривз.

— Неужели вы думаете, что я стала бы здесь торчать, если бы мой законный муж находился в Нью-Йорке? Нет, сэр. Полгода назад я была веселой, лихой девчонкой в «Причудах Хауптмена», получала всего пятьдесят монет в неделю, зато имела кучу славных друзей. Потом я встретила одного англичанина шести футов росту с профилем кинозвезды — у вас такие бывают — и не успела глазом моргнуть, как вышла за него замуж. Оказалось, что он и в самом деле лорд, как сказал мне, только он к тому же еще работает где-то там на вашем Уолл-стрите.

— Биржевым маклером? А могу я поинтересоваться, как его фамилия?

— Стоун.

— Лорд Стоун! — воскликнул оживившись мистер Ривз. — Так ведь я же неоднократно с ним встречался. «Сондерс, Крик энд Стоун» — весьма почтенная фирма...

— Вы в самом деле знакомы с Джерри? — обрадованно спросила леди Стоун. — Знаете, до сих пор на этих сборищах у вас тут в Англии я еще не встречала никого, кто хотя бы слышал о нем, — вы первый. Ну, так кто же все эти надутые индюки?

— Вот уж, право, не знаю, — весело заявил мистер Ривз. — Никого из них в жизни не видал.

— А как же вы попали сюда?

— Был приведен под конвоем!

— Вот и я тоже. И если бы я знала заранее, как тут будет, думаете, я бы поехала? Не могли бы вы принести мне виски с содовой? Едва ли, конечно, у них здесь найдется «Белая скала» и лед.

Мистер Ривз принес ей бокал виски, слегка разбавленного содовой, намеренно громко позвякивая льдом, и леди Стоун сказала, что это просто здорово, — вот только виски она предпочла бы американское. Они отыскали два стула и наговорились всласть. Леди Стоун рассказала во всех подробностях, как она жила у себя в Мичигане, как впервые приехала в Нью-Йорк, как трудно приходится девушке, когда у нее нет никакой поддержки, и как она рада, что она теперь замужем за таким человеком без сучка, без задоринки, и все было бы хорошо, если бы только они могли жить в Нью-Йорке... Мистер Ривз описал свою единственную поездку в Нью-Йорк по делам: как он пострадал от излишне пылкого гостеприимства американцев, как ему потом весь обратный путь на «Аквитании» пришлось

сидеть на сухарях и содовой воде и как он по сей день пользуется электрической печкой для поджаривания хлеба, которую купил на Пятой авеню. Затем он, естественно, перешел к самой главной для него теме и заговорил о своем уходе на покой, и леди Стоун сказала, что это просто замечательно, просто здорово, — господи, да он же выиграл миллион долларов! Мистер Ривз по наивности не понял и скромно заявил, что с уходом на покой доход его составляет всего двенадцать тысяч в год, но для человека непритязательного этого, как он считает, вполне достаточно. Леди Стоун заявила, что это надо будет рассказать всем мокроносым. И мистер Ривз снова по наивности спросил, сколько же у нее детей. Леди Стоун сказала, какого черта, разве она не говорила, что они всего полгода как поженились, но ей страсть как хочется иметь ребеночка. А у мистера Ривза есть дети? Двое, сказал он, и они были прелестными, очаровательными, пока были маленькими, а вот когда выросли... Да, она знает, как это бывает. Она это знает...

Знакомство развивалось со скоростью, с какой в учебном кинофильме у вас на глазах растет цветок. Чудеса да и только, размышлял мистер Ривз, ему так легко разговаривать с этой эмигранткой, а вот высокоинтеллектуальная беседа настолько удручает его, что он становится круглым идиотом. Они обменялись адресами, и мистер Ривз только было начал говорить, что она непременно должна к ним прийти — посмотреть сад и вообще...

— Джон, друг мой! — раздался тут голос миссис Ривз. — Мне так неприятно прерывать вашу беседу... — И она бросила приторно-любезный, но явно недоброжелательный взгляд на слишком уж красивую собеседницу, —...но несколько человек хотят с тобой познакомиться.

— Хорошо, хорошо! — раздраженно сказал мистер Ривз. — Познакомьтесь: леди Стоун — моя жена. Извините, что я вынужден вас покинуть. Но вы, конечно, навестите нас, правда?

— Можете не сомневаться, — сказала леди Стоун, смеясь миссис Ривз быстрым взглядом ярко-синих глаз и в то же время приветливо кивая мистеру Ривзу. — Можете не сомневаться... если только получу приглашение.

— Леди Стоун? — недоверчиво прошипела миссис Ривз на ухо мужу, когда они пробирались сквозь толпу. — Кто она такая? И откуда ты ее знаешь?

— Да вот свел знакомство в уголке, — весело сказал мистер Ривз. — Она американка, хористка, очень милая

молодая особа, к тому же замужем за одним человеком, которого я знаю по Сити.

— И он в самом деле пэр?

— Конечно.

— Что?! И работает в Сити?!

— Да не придуривайся ты,— сказал мистер Ривз, невольно подражая языку своей новой приятельницы.

— Какой ужас — жениться на хористке... да к тому же — а мериканке. Неужели он не мог найти себе благовоспитанную английскую девушку?

— Хм,— изрек мистер Ривз,— она все-таки куда аппетитнее какой-нибудь сварливой карги, красующейся на хоккее в Челтнеме. И чванства в ней — ни единой капли.

Миссис Ривз тотчас же про себя решила, что леди Стоун не может бывать у нее в доме. Все-таки должен же где-то быть предел: так или не так?

Всю остальную часть вечера мистер Ривз только раздражался и потел. Его заставили встретиться с прессой, соответственно накачанной мистером Хоукснитчем, но как только пресса обнаружила, что мистер Ривз отнюдь не богат и может похвалиться лишь безупречной жизнью да тридцатую тремя годами упорного труда,— пресса мигом потеряла к нему всякий интерес. Ну, какую историю можно сочинить про мистера Ривза?

Его познакомили с извивающимися молодыми людьми, которые занимались живописью, и с грузными молодыми людьми, которые занимались танцами, и с хриплоголосыми молодыми людьми, которые занимались пением. Но что они писали, где танцевали и как пели, мистери Ривзу так и не удалось узнать. Особенно же потрясла его плоскогрудая молодая особа в розовом платье, которая выглядела таким заморышем, впервые вывезенным в свет, а оказалась весьма сведущей особой, прочитавшей ему целую лекцию о современных противозачаточных методах. Она дала мистери Ривзу понять, что приняла на себя миссию по их распространению. Если все всегда и повсюду будут безукоснительно пользоваться противозачаточными средствами, это приведет к улучшению человеческой породы и, следовательно, разрешит все проблемы. Тогда мистер Ривз спросил с самым невинным видом, а не улучшится ли человеческая порода, если ее вообще истребить, и был тотчас вычеркнут из списка знакомых, как ханжа и реакционер.

Познакомился он и с другими людьми, но уже не в силах был ни на что реагировать...

С большим трудом взяв себя в руки, мистер Ривз включил первую, потом вторую скорость и, думая о чем-то своем, тем не менее осторожно повел машину. Он чувствовал, как его накрахмаленный воротничок обмяк и сморщился сзади на шее, а рубашка прилипла к спине,— совсем как если бы он играл в регби и раз десять попадал в общую свалку. Он мечтал лишь о том, чтобы поскорее добраться до Мервуда, принять ванну и не торопясь выпить виски...

— До чего же интересный был вечер,— решила прощупать почву миссис Ривз.— Столько знаменитостей!

— Угу,— изрек мистер Ривз, не решаясь вдаваться в комментарии.

— Ужасно обидно, что ты потратил столько времени на эту в у л ь г а р н у ю а м е р и к а н к у...

— Угу.

— Но я получила несколько приглашений для нас обоих. И если ты будешь благоразумен, мы сможем поближе сойтись со всеми этими прелестными людьми, с людьми настоящими.

— Угу.

Не добившись от своего супруга ничего, кроме междометий, миссис Ривз наконец умолкла. А мистер Ривз с поистине сверхъестественной точностью следовал намеченным курсом. Казалось, он задался целью выбросить все посторонние мысли из головы, показывая высокий класс автомобилизма. И только подъезжая к дому, он заговорил.

— Послушай, Джейн,— сказал вдруг он.

— Да, душа моя?

— А которая была герцогиня? Я что-то не приметил.

— О-о,— в великом замешательстве произнесла миссис Ривз.— Герцогиня? О, это вышло так обидно. В последнюю минуту она сообщила, что не отложные дела...

— Угу,— изрек мистер Ривз.

И хихикнул — но тихонько, про себя.

ЧЕТЫРЕ

В то утро, сидя в своем кабинете, мистер Ривз вдруг опустил газету и задумался. Потом он так и называл это про себя: «то утро». Ничего особо примечательного в слове «задумался», конечно, нет. Ведь мистер Ривз

всю жизнь о чем-то думал, только вот глубоко не задумывался. Не было времени.

Однако именно Время побудило его задуматься. Он пытался осмыслить рецензию на новую книгу о теории относительности. «Не по зубам мне это,— смиренно подумал он.— Жаль, что не получил я настоящего образования: как, должно быть, здорово разбираться во всем этом. «Время — это четвертое измерение». Звучит куда как просто, а вот что это значит?»

И тут мистер Ривз впервые в жизни задал себе вполне естественный вопрос: «А что же такое Время?» Сутки и их части, размышлял он, измеряются оборотом Земли вокруг своей оси. А год измеряется оборотом Земли вокруг Солнца. Но движения-то это разные, с изумлением подумал мистер Ривз. «Так вот почему в конце каждого года остается кусочек дня, который переходит на следующий! Как-то никогда над этим не задумывался!» Мистер Ривз был страшно горд своим открытием.

«Значит, время определяется соотносительным вращением Земли и Солнца. (Он сказал «соотносительным», ибо только что прочел об этом в книге.) Но ко мне-то какое это имеет отношение? Почему мое тело сейчас «старее», чем тысячу земных оборотов назад? Должно быть, существует особое времяисчисление — свое для дерева и свое для человека. Для каждого — свое. Например, времяисчисление Ривза». И мистер Ривз улыбнулся. «Сколько там показывает твоя диафрагма, Ривз?» Нет, в самом деле, говорим же мы: «Такой-то выглядит старовато для своего возраста», или: «А такой-то держится удивительно молодо». Ну, а я, по времяисчислению Ривза, стар или молод?»

Больше мистер Ривз не выдержал и сдался. Надо будет спросить доктора. Всю жизнь был рабом времени, исчисляемого по вращению Солнца и Луны. Пробуждение — ровно в семь тридцать; поезд — ровно в девять ноль пять; работа — ровно в десять; ленч — ровно в час; снова работа — ровно в два тридцать; уход с работы — ровно в шесть; обед — ровно в семь тридцать; отход ко сну — в разное время, уже без особой точности. Раз навсегда заведенный порядок — рутина. Вот что это такое. Жизнь разрезана на кусочки, и кусочки эти следуют друг за другом в непрерывном круговороте. Может, потому она и бежит так быстро?

Мистер Ривз еще немного поразмышлял об этом — просто так, без всякой видимой цели. И вдруг — подумать только! — вслух заявил: «Да ведь вся моя жизнь

была рутинной». И поспешно оглянулся: не слышал ли его кто-нибудь. «Именно рутинной. И пока я был частью общей рутины, я жил одной жизнью с другими людьми. Теперь же я нарушил рутину и тем самым порвал с ними. Плыву, так сказать, без всякого смысла по волнам Времени. Тут надо что-то предпринять. Но вот что?..»

Это была загадка. А мистер Ривз не привык ломать голову над загадками. Он — человек действия, как он нередко похвалялся. И ведь правда, мистер Ривз всегда действовал — если действие было необходимо, неизбежно и сообразно традициям. Он всегда делал то, что следовало, и не делал того, чего не следовало. В семнадцать лет, по окончании школы, он послушно пошел работать и, как положено, отдавал часть своего заработка матери, пока не женился и не ушел из дому. Женился он, как положено, на девушке, с которой был обручен, и всю жизнь сохранял ей верность. Он произвел на свет детей и потратил на уход за ними и на их обучение куда больше, чем было когда-либо потрачено на него. Выполнил он и свой главный долг — нажил денег и притом честно: бухгалтерские книги и переписка фирмы мистера Ривза выдержали бы самую строгую и самую придирчивую ревизию. И вот наконец дожил он до того, что ушел на покой. Казалось бы, счастливее не может быть человека на свете — и все же...

Наморщив от напряжения лоб, мистер Ривз раздумывал. Вся его жизнь прошла в следовании долгу, в выполнении каких-то обязательств — преимущественно финансового порядка. Но обязательства эти имели свой предел, и вот они выполнены. Правда, он все еще должен содержать Джейн и детей, но тут можно не волноваться, если, конечно, он вдруг не опростоволосится и не станет банкротом. В его жизни теперь не хватало только одного — Джона Мейсона Ривза. Что же такое Джон Мейсон Ривз? Что представляет собой это нудное, малоприятное существо, которое вдруг возникло после стольких лет, проведенных в кипучей деятельности и суматохе? Чего он хочет? В самом деле, ну чего?..

Всерьез устав от такого восхождения на вершины мысли, мистер Ривз решил оставить в покое эту проблему. Но где-то в глубине его сознания продолжала гнездиться раздражающая уверенность в том, что проблема эта не оставит его в покое.

Он набил трубку, раскурил ее, затем подошел к окну и стал смотреть в сад. Перед ним — вплоть до мельчайших

подробностей — была та же картина, какую он видел в то Первое Утро. Правда, нарциссы слегка поувяли, — надо будет сказать Брауну, чтобы он их срезал, — и покачивались теперь под более теплым ветерком; небо выглядело менее суровым и облачным, зато, казалось, те же дрозды и скворцы тем же манером очищают его лужайку от насекомых. И все же разница чувствовалась: весна настоящей вступила в свои права. «И утро сейчас совсем такое же, — подумал мистер Ривз, изумляясь собственным мыслям, — как тогда, когда они с Джейн проводили медовый месяц в Котсуолдсе...» Мистер Ривз предложил тогда Брайтон — уйма развлечений и отличные устрицы, — но Джейн настояла на Котсуолдсе. Почему ей так хотелось туда поехать? И почему он ни разу не удосужился ее об этом спросить?

Почему? Почему? Мистер Ривз, как малый ребенок, мучил себя этими «почему». И вот еще одно: почему бы ему не отправиться куда-нибудь на целый день? Зачем киснуть дома, портить себе нервы или слоняться по Мервуду?..

Итак, он сказал Эстер, чтобы его не ждали к ленчу, и, предусмотрительно избежав встречи с Джейн, сел в автомобиль и поехал — куда глаза глядят. Мистер Ривз не имел ни малейшего представления о том, куда он едет или куда хотел бы поехать. Лишь бы подальше от всего... «Но что ты подразумеваешь под «всем», — спросил себя мистер Ривз, чувствуя, что теряет почву под ногами, — и куда «подальше» ты уедешь и что станешь делать, если уедешь?..»

К полудню мистер Ривз очутился в небольшой деревушке на Темзе. У моста стоял соблазнительный кабачок, беленький, с розовыми гиацинтами в ящиках на окнах. Возле самой реки, на большой лужайке, белели круглые столики с прислоненными к ним белыми железными стульями. Мистер Ривз поставил машину, осведомился, сможет ли он пообедать ровно в час, и пошел прогуляться по бечевнику.

Вода в реке стояла высоко и была грязная; она почти бесшумно скользила меж берегов, причудливо изменчивая, вдруг закипавшая воронками и водоворотами. У дорожки росли маргаритки. Мистер Ривз сорвал одну, внимательно осмотрел ее желтую сердцевинку и нежные белые лепестки с розоватым отливом. Из семейства сложноцветных. А может быть, нет? Мистер Ривз что-то запамätовал, какие у них отличительные черты. Он продел

цветок в петлицу и продолжал путь, прислушиваясь к доносившейся издали еле уловимой песне жаворонка. Мимо медленно проплыл лебедь, сильными ударами могучих лап прокладывая себе путь наперерез стремнине. Осторожно, не надо ему мешать, а то еще разозлится, набросится, взмахнет крылом и перебьет тебе ногу. Поразительная силища! А может, это все басни? На реке показалась байдарка — какой-то юноша лениво покуривал в ней папиросу, лишь время от времени опуская в воду весло, чтобы легкая скорлупка не отклонялась от курса. Мистер Ривз рассеянно проводил ее взглядом, пока она не исчезла под мостом. Пройдя еще немного, он снова остановился — понаблюдать за рыболовом. Мистер Ривз терпеливо наблюдал за ним, а тот терпеливо удил рыбу. Но рыба все не клевала. Вдали по-прежнему пел жаворонок.

Мистер Ривз зевнул и посмотрел на часы. Всего лишь пятнадцать минут первого! До ленча оставалось еще три четверти часа, а мистер Ривз уже проголодался. Почему надо есть именно в час? А не тогда, когда ты голоден? Теперь уже поздно менять привычки, подумал он, зато — и от одной этой мысли сразу воспрял духом — можно пойти в бар и выпить.

Не прошло и пяти минут, как мистер Ривз уже заказывал полпинты горького пива. Кроме него, в баре был лишь молодой человек с круглой физиономией и коротко подстриженными желтыми волосами, либо не знакомыми с гребенкой, либо не желавшими ей подчиняться. На нем был твидовый пиджак в крапинку, с залатанными кожей локтями, широкий черный галстук и старые, обвисшие брюки из шерстяной фланели; на столике перед ним лежала книга, которую он читал, и стояла пустая пивная кружка. Мистер Ривз отметил про себя эти детали, в простоте душевной разглядывая молодого человека и недоумевая, зачем ему понадобилось читать книгу в баре. Не найдя ответа на сей вопрос, мистер Ривз отпил немного пива и снова посмотрел на посетителя. Книга была явно не по вкусу молодому человеку, ибо он хмурился, и уголки его рта время от времени презрительно подергивались. Такое впечатление, подумал мистер Ривз, точно он знает, что за ним наблюдают, и нарочно выламывается.

Не желая быть назойливым, мистер Ривз принялся изучать наклейки на бутылках, выставленных за стойкой бара. Интересно, мелькнуло у него, какой вкус у «Куста»

и почему совершенно прозрачный напиток называется «Молочный пунш»? Он вспомнил, что пил как-то вечером ромовый пунш в «Чеширском сыре». Покончив с пивом, мистер Ривз снова посмотрел на незнакомца и обнаружил, что теперь и тот уставился на него. Поймав на себе взгляд мистера Ривза, молодой человек хлопнул ладонью по раскрытой книге и с жаром заявил:

— Наш мир с каждым днем становится все глупее!

— Прошу прощения? — произнес мистер Ривз, до крайности пораженный этой сентенцией.

— Я говорю, что наш мир с каждым днем становится все глупее.

— В самом деле? — неуверенно спросил мистер Ривз.

— А вы оспариваете этот факт?

— Я... я, право, не знаю, — сказал мистер Ривз, пытаясь собраться с мыслями. — А почему вы так считаете?

— Думается, это очевидно даже для самого примитивного интеллекта, — не без издевки изрек молодой человек. — Вы, должно быть, верите в прогресс?

— М-м, — неуверенно начал мистер Ривз, — по-моему, вокруг нас достаточно тому доказательств. Автомобили, самолеты, радио и все прочее...

— И вы называете это прогрессом? — саркастически осведомился молодой человек. — Я это называю бессмысленным осложнением жизни. Подлинный же прогресс должен означать непрерывный подъем общего уровня интеллекта. А разве мы наблюдаем нечто подобное? Нет, не наблюдаем. Сейчас средний человек так же глуп, как, скажем, средний человек в мрачные времена феодализма или в эпоху каменного века.

— Что-то не пойму, как вы можете так говорить, — возразил мистер Ривз. — Вы же никогда не видели тех, кто жил в средние века. Откуда вам знать, глупые они были или не глупые?

— Мы можем это предположить, — сказал молодой человек. — Как можем предположить и то, что в ту пору куда меньше болтали и писали всякой ерунды, чем сейчас, не было этого потока идиотских книжонок, отвлекающих внимание публики от немногих настоящих писателей! — И он снова хлопнул ладонью по книге. — Читали вы, например, эту нелепицу?

— А что это такое? — вежливо осведомился мистер Ривз.

— «Слово в защиту всеобщего мира». Нет, вы только подумайте!

— А почему вы против всеобщего мира?

— Да потому,— огрызнулся молодой человек,— что для этого нужен интеллект, чего у большинства людей как раз и нет. Уж если всеобщий мир был невозможен во времена Платона и Аристофана, какие же на это могут быть шансы во времена повсеместного распространения журнализма и... и... Эме Макферсон?

Мистер Ривз ничего не мог на это сказать. И вот чтобы переменить разговор и взбодрить себя и молодого человека,— а тот явно нуждался во взбадривании,— мистер Ривз радушно предложил выпить, на что молодой человек мигом согласился.

— Моя фамилия Ривз,— сказал он, передавая молодому человеку кружку.— А вас как позволите величать?

— Уиллоби Хьютон,— многозначительно заявил молодой человек, внимательно глядя на мистера Ривза, чтобы не упустить его реакции на это поразительное известие.

— Ну, за удачу, мистер Хьютон,— сказал мистер Ривз, сделал большой глоток пива и, по обыкновению, добавил: — А, вот теперь другое дело!

— Вы, видимо, не читали моих книг? — кисло спросил мистер Хьютон.

Мистер Ривз хотел было сказать: «Даже и не слышал про них», но, подумав, что это может оскорбить чувства автора, принялся оправдываться — признаться, довольно неуклюже:

— М-м, нет, но до недавнего прошлого я очень много работал и просто не имел времени читать все, что хотелось...

— Время на чтение всегда можно найти, если иметь к этому склонность и чуть больше шевелить мозгами, чем какой-нибудь средний экземпляр человеческой тли,— презрительно заметил мистер Хьютон.— Вот, к примеру, вы — сколько времени вы потеряли на эти глупые газеты, сколько просиживали после обеда за столом в обществе других глупцов, изрыгая жеванную и пережеванную газетную жвачку, сколько часов потеряли, играя в гольф или слушая радио?

Если исключить не слишком вежливую форму, в которую мистер Хьютон облек свою мысль, она столь точно отражала то, чем действительно занимался мистер Ривз, что ему оставалось лишь удивляться проницательности собеседника. И тем не менее он попытался защититься:

— Человеку деловому после тяжелого дня в Сити необходим отдых. Мозг его слишком устает и не в состоя-

нии воспринимать сухой ученый текст. Если такой человек и берет в руки книгу, то какую-нибудь легкую, увлекательную — скажем, Эдгара Уоллеса.

— Вздор,— возразил мистер Хьютон,— все это — проклятое нежелание шевелить мозгами и слабоумие, проистекающее от обжорства. Да на свете сколько угодно людей, и притом людей бедных, которые трудятся куда больше, чем любой делец, и отказывают себе во всем, чтобы купить книгу и вечером, придя домой, изучать Канта, Шекспира и вашего покорного слугу. Если деловой человек слишком ленив и нелюбопытен, чтобы заняться самообразованием, пусть отбросит свое плосколобое, плоскодушное самодовольство и послушает тех, кто взял на себя этот элементарный труд!

Мистер Ривз растерялся. Что за дерзкий, даже можно сказать, грубый, молодой человек! Мистер Ривз привык к тому, что обладателя солидных капиталовложений принято уважать. Правда, до сих пор он еще ни разу не встречался с философами. Что-то в последних словах мистера Хьютона напомнило ему свирепых молодых людей, угнетавших его на вечере у леди Блейкбридж.

— Ленч готов, сэр,— возвестил пожилой пучеглазый официант в чрезвычайно засаленной фракной паре, появляясь из боковой двери.

Мистер Хьютон умолк, допил пиво и пристально посмотрел на мистера Ривза.

— Одну минуту,— сказал тот официанту и повернулся к мистеру Хьютону.— Не доставите ли вы мне удовольствие откушать со мной? — вежливо осведомился он.— Жаль было бы прерывать нашу... м-м-м... интересную беседу.

— Ну, если вы так настаиваете, то я не прочь,— безразличным тоном заявил мистер Хьютон, с превеликой поспешностью вскочив, однако, на ноги.

— Накройте, пожалуйста, столик на двоих,— обратился мистер Ривз к официанту.— Этот джентльмен будет обедать со мной.

На вкус мистера Ривза ленч оказался далеко не первосортным. Однако мистер Хьютон, видимо, не разделял его точки зрения, ибо поглощал пищу с поистине удивительным и завидным, по мнению мистера Ривза, аппетитом. Но еще более удивительной была его способность одновременно есть и говорить.

— Еще Гераклит сказал, что все течет — *panta rhei*, ну, вы знаете, — говорил мистер Хьютон, осушая кружку пива и перекладывая к себе на тарелку весь оставшийся отварной картофель.

— Хотите еще пива? — участливо спросил мистер Ривз.

— Да, не возражал бы, — соизволил согласиться мистер Хьютон. — Он же отметил, что нельзя дважды перейти через одну и ту же реку.

— А почему?

— Потому что вода уже будет не та.

— Ну, а на мой взгляд, река-то ведь будет все та же, — возразил мистер Ривз, глядя из окна на Темзу.

— Совершенно верно, — на сей раз не стал возражать мистер Хьютон. — А теперь примените этот закон к человеческой расе. Вода — иными словами человечество — все время меняется, а река, древняя, унылая река, остается все той же, иными словами: люди неизбежно повторяют одни и те же поступки. Люди считают свое время особенно прогрессивным или особенно просвещенным просто потому, что они невежественны, как свиньи. А ведь все главные идеи были придуманы и занесены на бумагу столетия назад, но в истории след оставили лишь те, которые оказались модными. Словом, вы знаете: происходит вечный круговорот — по Ницше.

Мистер Ривз этого не знал, но с умным видом кивнул и заметил:

— Вы хотите сказать, что мы топчемся на месте и из года в год следуем все той же рутине?

— Ничего подобного! — огрызнулся мистер Хьютон. — Если бы мы установили разумную рутину — настоящий порядок в жизни — и держались ее, это бы еще куда ни шло. Но не успеет установиться один порядок, его тотчас сметают и создают нечто прямо противоположное...

— Как, например, лейбористы сводят на нет все хорошее, что было создано при Болдуине? — подсказал мистер Ривз.

— Пф! Ба-а! Гниль! Глупистика! — воскликнул мистер Хьютон. — Личинки! Гусеницы! Умственно неполноценные коммивояжеры, тщетно пытающиеся внедрить в жизнь свои ошибочные, однобокие представления об идеях, дошедших до них из четвертых или пятых рук, от несведущих толкователей, которые сами ничего в них не поняли! Ну, скажите, какая может быть разница между двумя кучами завали и отбросов, если одна из них воз-

никла из галиматъи этого иудея-шарлатана Дизраэли, все теории которого давно пора сдать на свалку, а другая — порождение Уильяма Морриса, этого нечесаного апоплексического апостола сентиментального средневековья? Отбросы — они и есть отбросы, из чего бы они ни состояли и кто бы их ни ел.

Мистер Хьютон с ожесточением накинулся на кусок сыра, лежавший на тарелке, разрезал его на две неравные доли и взял себе большую.

— Вы судите слишком строго, — заметил было мистер Ривз.

— Коммунизм! — неистовствовал мистер Хьютон, пропустив мимо ушей замечание собеседника. — Все вы хвастаетесь своими коммунистическими воззрениями.

— Я, например, и не думаю. Я убежденный консерватор, — возразил мистер Ривз.

— И вы, наверно, считаете, что это нечто новое, оригинальное, — тотчас обрушился на него мистер Хьютон. — А я вам говорю, что все это известно — соппи, соппи, соппи! Все это вы найдете в Платоновой «Республике». Ренан обнаружил одно племя в удаленном уголке Северной Африки, которое уже бог знает сколько веков жило по принципам родовой общины, ну и, конечно, пребывало в состоянии непробудного пьянства и скотского невежества. Во времена шестой династии в Египте была революция, и тексты, сохранившиеся на пирамидах, показывают, что ее участники растащили все ценности, какие попались им под руку. С тех пор так они и катятся вниз по наклонной плоскости. У греков еще было какое-то умозрительное мышление, хотя на практике они делали те же глупости, что и все. А надолго ли сохранилось у них такое мышление? Нет! Оно исчезло под гипнотическим воздействием идиотских догм Восточной церкви.

Мистер Хьютон быстрыми глотками допил остатки пива и несколько раз перевел дух. Одутловатое лицо его блестело от пота.

— Еще пива? — спросил мистер Ривз.

Мистер Хьютон кивнул.

— Человек — думающее животное, — изрек он. — *Согито, ergo sum*¹. Если человек не думает, то он становится просто животным. И притом чертовски уродливым и нудным. Вот вы говорите о пролетариате...

— И слова не сказал! — воскликнул мистер Ривз.

---

¹ Я мыслю — следовательно, я существую (лат.).

— Так я вам говорю, что ваши пролетарии — самое удручающее явление, с каким сталкивается философ, жаждущий познания. Они могут оказать человечеству одну-единственную услугу: если все, сколько их ни есть на земном шаре, разом совершат харакири! А если заодно с ними и всякие там деятели отправятся к праотцам, — туда им и дорога!

— Не слишком ли вы суровы к деятельным людям, — усомнился мистер Ривз. — Какого черта! Деятельность убедительнее любых слов.

— И гораздо вульгарнее, — парировал мистер Хьютон. — Деятельность?! Да что такое деятельность? По преимуществу, она состоит в том, что люди разрывают и переворачивают верхние слои земли, обманывают ближних, отбирая у них то, что им причитается, или убивая их, потому что у них не хватило смекалки подвергнуться психоанализу. Если вы принадлежите к людям деятельным, я бы посоветовал вам: первым же поездом отправляйтесь в Цюрих.

— Почему в Цюрих? — заинтересовавшись, осведомился мистер Ривз. — Это ведь в Швейцарии, правда?

— Любовь! — патетически воскликнул мистер Хьютон. — Просто непостижимо, как у вас хватает наглости сидеть тут и разглагольствовать со мной о любви...

— Боже милостивый! — воскликнул возмущенный мистер Ривз. — Клянусь вам, мне это и в голову не приходило!

— И конечно, вы даже отдаленно не подозреваете, что это один из нелепейших дурманов, отравляющих человечество. Вы позволяете железам внутренней секреции затемнять остатки вашего разума, если таковой вообще у вас имеется, убеждаете себя в том, что некая коротконогая, толстозадая, надутая, точно голубь зобач, особа, в чьем недоразвитом мозгу нет и тени мысли, — нечто среднее между Еленой Троянской и Гипатией. Вы придаете до нелепости большое значение биологическому акту, равняющему вас с морским ежом, бурым дельфином и клопом, а воспроизведя свой жалкий каркас в виде писклявого выродка, принимаетесь похвально тем, что выполнили свой долг перед человечеством. Любовь! Да у животных и у тех хватает ума не приплетать ко всему на свете — кстати и некстати — любовь!

— Так ведь они же не способны на это, даже если б и захотели, — заметил мистер Ривз. — А потом я с вами не согласен. Миром движет любовь. Выпьем еще пивка?

— Мистер Хьютон вытер с лица пот грязным платком, тщетно пытаясь подавить приступ икоты. А мистер Ривз поспешил воспользоваться появившейся возможностью, чтобы вставить еще несколько слов.

— Все это чрезвычайно интересно. Только ведь это теория, далекая от практики, как все у вас, писателей, хотя, смею сказать, что-то в этом есть. Признаюсь, не все ваши сравнения мне понятны — надо будет подзаняться историей, философией и всякими прочими вещами, чтоб шагать в ногу с веком.

— На это потребуется... ик!.. лет двадцать,— возмущенный легкомыслием собеседника, заявил мистер Хьютон.

— Постарайтесь задержать дыхание,— сочувственно посоветовал мистер Ривз.— Или, может, принести вам стакан воды? Говорят, помогает, если пить то с одного боку, то с другого, поворачивая стакан.

Мистер Хьютон замотал головой, показывая, что предпочитает задержать дыхание.

— Вся беда в том,— продолжал мистер Ривз,— что ваше дело не приносит денег. Насколько я понимаю, ни шиша. Вы хотите поучать людей, а люди не хотят, чтобы их поучали. Почему бы в таком случае не повеселить их?

Мистер Хьютон, услышав столь возмутительный совет, испепеляющим взглядом посмотрел на собеседника, икнул и сделал глубокий вдох.

— У вас столько идей и столько разных слов,— уговаривал его мистер Ривз.— Почему бы вам не написать что-нибудь легкое и завлекательное для кино? Или какую-нибудь симпатичную немудреную комедию из жизни Уэст-Энда со множеством всяких любовных перипетий? Это принесло бы вам кругленькую сумму.

Мистер Хьютон отчаянно замотал головой и весь передернулся, но от икоты или от отвращения, мистер Ривз не мог понять.

— Ну, вам виднее,— решил мистер Ривз.— Но кое в чем я вам все же завидую. Вас вот в самом деле интересует старик Гиппократ и — как бишь его? — Платон, или что там думал какой-нибудь мудрый старец в первом году нашей эры. А мне, честно говоря, на это ровным счетом наплевать. Ну, какой от них прок? По-может это оплатить хоть один счет? И все же вы этим увлекаетесь. И может статься, будете увлекаться всю жизнь...

— Так я вам говорю, что ваши пролетарии — самое удручающее явление, с каким сталкивается философ, жаждущий познания. Они могут оказать человечеству одну-единственную услугу: если все, сколько их ни есть на земном шаре, разом совершат харакири! А если заодно с ними и всякие там деятели отправятся к праотцам, — туда им и дорога!

— Не слишком ли вы суровы к деятельным людям, — усомнился мистер Ривз. — Какого черта! Деятельность убедительнее любых слов.

— И гораздо вульгарнее, — парировал мистер Хьютон. — Деятельность?! Да что такое деятельность? По преимуществу, она состоит в том, что люди разрывают и переворачивают верхние слои земли, обманывают ближних, отбирая у них то, что им причитается, или убивая их, потому что у них не хватило смекалки подвергнуться психоанализу. Если вы принадлежите к людям деятельным, я бы посоветовал вам: первым же поездом отправляйтесь в Цюрих.

— Почему в Цюрих? — заинтересовавшись, осведомился мистер Ривз. — Это ведь в Швейцарии, правда?

— Любовь! — патетически воскликнул мистер Хьютон. — Просто непостижимо, как у вас хватает наглости сидеть тут и разглагольствовать со мной о любви...

— Боже милостивый! — воскликнул возмущенный мистер Ривз. — Клянусь вам, мне это и в голову не приходило!

— И конечно, вы даже отдаленно не подозреваете, что это один из нелепейших дурманов, отравляющих человечество. Вы позволяете железам внутренней секреции затемнять остатки вашего разума, если таковой вообще у вас имеется, убеждаете себя в том, что некая коротконогая, толстозадая, надутая, точно голубь зобач, особа, в чьем недоразвитом мозгу нет и тени мысли, — нечто среднее между Еленой Троянской и Гипатией. Вы придаете до нелепости большое значение биологическому акту, равняющему вас с морским ежом, бурым дельфином и клопом, а воспроизведя свой жалкий каркас в виде писклявого выродка, принимаетесь похвалиться тем, что выполнили свой долг перед человечеством. Любовь! Да у животных и у тех хватает ума не приплетать ко всему на свете — кстати и некстати — любовь!

— Так ведь они же не способны на это, даже если б и захотели, — заметил мистер Ривз. — А потом я с вами не согласен. Миром движет любовь. Выпьем еще пивка?

Мистер Хьютон вытер с лица пот грязным платком, тщетно пытаясь подавить приступ икоты. А мистер Ривз поспешил воспользоваться появившейся возможностью, чтобы вставить еще несколько слов.

— Все это чрезвычайно интересно. Только ведь это теория, далекая от практики, как все у вас, писателей, хотя, смею сказать, что-то в этом есть. Признаюсь, не все ваши сравнения мне понятны — надо будет подзаняться историей, философией и всякими прочими вещами, чтоб шагать в ногу с веком.

— На это потребуется... ик!.. лет двадцать, — возмущенный легкомыслием собеседника, заявил мистер Хьютон.

— Постарайтесь задержать дыхание, — сочувственно посоветовал мистер Ривз. — Или, может, принести вам стакан воды? Говорят, помогает, если пить то с одного боку, то с другого, поворачивая стакан.

Мистер Хьютон замотал головой, показывая, что предпочитает задержать дыхание.

— Вся беда в том, — продолжал мистер Ривз, — что ваше дело не приносит денег. Насколько я понимаю, ни шиша. Вы хотите поучать людей, а люди не хотят, чтобы их поучали. Почему бы в таком случае не повеселить их?

Мистер Хьютон, услышав столь возмутительный совет, испепеляющим взглядом посмотрел на собеседника, икнул и сделал глубокий вдох.

— У вас столько идей и столько разных слов, — уговаривал его мистер Ривз. — Почему бы вам не написать что-нибудь легкое и завлекательное для кино? Или какую-нибудь симпатичную немудреную комедию из жизни Уэст-Энда со множеством всяких любовных перипетий? Это принесло бы вам кругленькую сумму.

Мистер Хьютон отчаянно замотал головой и весь передернулся, но от икоты или от отвращения, мистер Ривз не мог понять.

— Ну, вам виднее, — решил мистер Ривз. — Но кое в чем я вам все же завидую. Вас вот в самом деле интересует старик Гиппократ и — как бишь его? — Платон, или что там думал какой-нибудь мудрый старец в первом году нашей эры. А мне, честно говоря, на это ровным счетом наплевать. Ну, какой от них прок? Поможет это оплатить хоть один счет? И все же вы этим увлекаетесь. И может статься, будете увлекаться всю жизнь...

Глаза мистера Хьютона возмущенно сверкнули красно-речивым осуждением. Он хотел было что-то сказать, но лишь икнул. В отчаянье он проглотил целых полпинты пива и с трудом перевел дух.

— Теперь взгляните на меня,— продолжал мистер Ривз.— У меня есть все, что вы хотели бы иметь, но чего не смогли добиться. Хорошее положение в Сити, отличная репутация, верное слово, кредит на любую сумму, какая мне нужна. У меня есть недурной собственный домик, большой сад,— вы бы посмотрели на мои лупинусы и флоксы, когда они в цвету,— роскошное зрелище; есть жена и дети, машина, радиола-комбайн, ну, вы знаете: втыкаешь в сеть, и никаких забот, даже пластинки сама меняет,— стоила сорок пять гиней... Теперь я ушел на покой и живу на сбережения. Я волен ходить, куда хочу, и делать все, что захочу, в пределах разумного, конечно. Но я просто изнываю от безделья. Само собой, человек, проживший долгую деятельную жизнь, страдает от отсутствия настоящей работы и связанных с ней волнений. Ему нужно чем-то увлечься. А я всегда был слишком занят, и у меня не хватало времени на увлечения. Теперь предположим, вы очутились на моем месте и не знаете больше финансовых затруднений, что бы вы стали делать?

Эту речь мистера Ривза мистер Хьютон слушал куда более внимательно, чем все, что он до сих пор говорил, исключая, конечно, приглашение позавтракать вместе. Он даже от икоты вылезился. Порывшись в кармане, он извлек маленькое объявление, которое и вручил мистеру Ривзу, сказав, как это ни удивительно, всего лишь: «Прочтите».

Не спеша водрузив на нос очки, мистер Ривз отвел от себя бумажку на расстояние вытянутой руки и прочел:

Произведения
УИЛЛОБИ ХЬЮТОНА

«Духовное возрождение» — эссе о диктатуре интеллекта
(7 шил. 6 пенс., доставка почтой — 6 пенсов)

«О человеческой тле» или «Tractatus Politico-Humanus»¹
(7 шил. 6 пенс., почтой — 6 пенсов)

«Пармениды и Эйнштейн» — протест (2 шил. 6 пенсов,
почтой — 4 пенса)

---

¹ Человечно-политический трактат (лаг.).

«Женщина-паразит» (1 шил., почтой — 2 пенса)

«Выхолощенный коммунизм» (6 пенсов, почтой — 1 пенс)

«Смысл жизни» (6 пенсов, почтой — 1 пенс).

Сведения об авторе:

Коттедж «Жимолость»,

Тисдейл-на-Темзе.

— Хм, хм,— изрек мистер Ривз.— Это ваши книги, да? И все это вы сами написали? Хм, хм. Весьма похвально, весьма. Только, наверно, расходятся они плохо?

Просмотрев еще раз список, мистер Ривз заподозрил, что вся эта вроде бы случайно возникшая беседа на самом деле была формой саморекламы, изобретенной мистером Хьютоном и заключавшейся в пространном цитировании собственных произведений.

— Прочтите эти книги,— сказал мистер Хьютон тихим, чуть дрожащим от волнения голосом,— Прочтите их, изучите их, впитайте их в себя, проникнитесь их идеями, сделайте их своей Библией, и все проблемы, над которыми вы ломаете сейчас голову, будут решены, все ваши затруднения исчезнут. В этих книгах заключена квинтэссенция мудрости прошлого, мастерское развенчание ошибок, безумств и глупостей настоящего и обширная программа на будущее. Место человека во вселенной, его личная жизнь и жизнь в коллективе, место, которое должна занимать женщина,— там сказано обо всем.

А мистер Ривз тем временем быстро подсчитал в уме: один фунт один шиллинг и два пенса,— ого! — многовато для нескольких книжек.

— Вы должны прочесть их все,— торжественно заявил мистер Хьютон, поистине завораживая злополучного мистера Ривза своим страстным желанием продать товар.— Каждая является неотъемлемым звеном Философского Целого. Каждая освещает, дополняет и иллюстрирует остальные. Удача, Случай, Судьба, Атэ, Ананке — называйте это как хотите — поставила меня на вашем пути в эту решающую минуту. Тут и в Провидение можно поверить, не будь это прогнанным, устарелым предрассудком. Не упустите этой возможности — будете спасены, а пройдете мимо — погибнете!

Мистер Ривз нехотя вынул из своего плотно набитого бумажника чистенький однофунтовый банкнот и положил на стол, присовокупив к нему шиллинг два пенса и свою визитную карточку.

— По-моему, это покрывает счет? — радуясь своему избавлению, спросил он.— Пришлите мне книжки по домашнему адресу, хорошо?

— Хорошо,— сказал мистер Хьютон, засовывая в карман деньги и карточку и поднимаясь из-за стола.— Вы получите их завтра. Отдайте им свои ночи и дни и... и вы сами удивитесь, какая произойдет с вами перемена. Напишите мне об этом. У меня уже подобралась большая коллекция писем от благодарных читателей, которая будет опубликована после моей смерти вместе с моей официальной биографией. А теперь мне пора. Я сейчас работаю над книгой, имеющей огромное значение, огромное. Ну, до свидания.

Оставшись один, мистер Ривз перечитал список произведений Уиллоби Хьютона. «Коттедж «Жимолость», Тисдейл»,— пробормотал он. Затем расплатился по счету, сел в свою машину и направился в Мервуд. Пошел дождь, дороги стали очень скользкие, да к тому же что-то случилось со щеточкой на ветровом стекле. Мистер Ривз то и дело сокрушенно покачивал головой. После этой своей вылазки настроение у него в общем стало еще более подавленным. Да и обошлась она ему недешево, считая бензин, ленч и произведения мистера Хьютона. К тому же у мистера Ривза возникло подозрение, что он попался на удочку, которое ему так и не удалось прогнать.

ПЯТЬ

Вопреки ожиданиям мистера Ривза, оплаченные им книжки прибыли в субботу с последней почтой, когда он вместе с миссис Ривз и Марсель был в кино.

На другое утро он забрал их к себе в «кабинет» заодно с воскресными газетами и принялся листать с тем любопытством и доверием, с каким бесчисленное множество легковверных простофиль во всем мире относятся к художественному произведению, к трактату об оккультизме, к модной и весьма ощутимой для кармана книге какого-нибудь шарлатана от науки или к рецепту, дарующему бессмертие.

Воскресенье было из тех, какие почти оправдывают существование тайных пьениц. Порывистый, холодный ветер с дождем завывал вокруг дома, сотрясая панически дрожавшую молодую сирень и взметая вверх покрытые зеленым пушком ветви единственной у мистера Ривза плаку-

чей ивы, похожие на пряди волос обезумевшей наяды. Дождь лил упорно, неумолимо, тяжело барабана по стеклам и увлажняя печальными слезами их хладную грудь.

Словом, утро выдалось будто специально для спокойно-го чтения.

Мистер Ривз принялся читать — сначала внимательно и безмятежно, затем — с удивлением и недоумением, затем — с негодованием и, наконец, — с отчаянием. Он брал одно за другим сокровища, которые ему посчастливилось добыть после столь удачного погружения в лохань с литературными помоями, и всякий раз результат был один и тот же. Если в разговоре мистер Хьютон отличался мрачностью, то в своих писаниях он был просто апокалипсичен, произведения его изобиловали цитатами, нахвattanными в процессе случайного чтения, и пестрели «именами». Мистер Хьютон был пророком скорби и бедствий. Человечество деградирует, это стадо гергесинских свиней, пасущееся у вод, которые вот-вот поглотят его. Коммунизм плох, — фашизм тоже плох. Капитализм плох, — социализм тоже плох. Католицизм плох, — наука тоже плоха. Демократия плоха, — монархия тоже плоха. Все аристократы — снобы; буржуа — алчные идиоты; пролетарии — омерзительные тупицы; ученые — поставщики отравы; художники — эксгибиционисты и продавцы несъедобной пищи; мужчина — жалкая раздвоенная редиска, а женщина — паразит, чьи достоинства непомерно завышены, тогда как ей и до вампира-то далеко. Для зачумленного скудоумного человечества существует один выход: смиренно идти к Хьютону, и тот со своего Синая, то бишь из коттеджа «Жимолость», станет повелевать морями и континентами...

— Тьфу! — громко плюнул мистер Ривз.

И произведения мистера Хьютона в мягком переплете были преданы огню, а те, что в твердом, — брошены в мусорную корзину.

Мистер Ривз подсчитал, сколько пинт горького пива он мог бы купить на один фунт один шиллинг и два пенса, и на всю жизнь проникся отвращением к спасителям мира.

Затем, накрыв лицо газетой, он мирно заснул...

Пока мистер Ривз мирно спал, предав огню и мечу евангелие мистера Хьютона, в доме его шла бурная деятельность, тем более непонятная, что это было воскре-

сенье. В воздухе чувствовалось напряжение, напоминавшее в какой-то степени атмосферу, царящую в армии перед атакой. Погруженный в глубокий сон, Ривз никак не предполагал, что если сам он неспособен был решить проблему, куда себя девать, то другие готовы решить ее за него. Миссис Ривз, со спокойным, но непоколебимым упорством филантропа, умеющего, как правило, сочетать свои интересы с альтруизмом, была убеждена, что главное, чего недостает мистеру Ривзу,— это знакомства с «настоящими людьми». К тому же она и сама желала с ними познакомиться.

Отсюда и бурная деятельность. Миссис Ривз готовилась дать небольшой обед. Марсель выдали денег и отправили к «подруге».

Все приготовления к обеду взял на себя мистер Хоукснитч, за исключением, конечно, оплаты счетов. Эта пустяковая обязанность была, естественно, возложена на мистера Ривза.

Идея обеда родилась вследствие того, что мистер Хоукснитч не сумел раздобыть себе приглашение за город на конец недели. Мысль о том, что придется провести в Лондоне целых два дня за свой счет, была не только невыносима, но и оскорбительна. Мистеру Хоукснитчу удалось обеспечить себе ленч и обед на субботу, но на воскресенье не было ничего. Он, пожалуй, еще сумел бы устроить себе изысканный завтрак из *thé de Chine*¹, вареных креветок и *marrons glacés*². Но для обеда требовалось нечто более существенное и даже более мещанское.

Как же быть?

За гостеприимство, которое ему оказывали в обществе, мистер Хоукснитч расплачивался обычно весьма оригинальным способом: он приглашал тех, у кого бывал в гостях, к чужому столу, что было по-джентльменски и в то же время ничего ему не стоило. Вот тут-то он и вспомнил про миссис Ривз, позвонил ей и предложил устроить в воскресенье небольшой скромный обедик. Миссис Ривз возразила, что в воскресенье неудобно — сложно с прислужгой,— и предложила другой день. Мистер Хоукснитч настаивал на воскресенье — «потом он будет занят целую вечность». Польщенная миссис Ривз сдалась,

---

¹ Китайского чая (фр.).

² Глазурованных каштанов (фр.).

хоть и не без внутреннего сопротивления. А кого он приведет с собой? Это он сообщит ей позже.

Мистер Хоукснитч сначала составил список — длинный список тех, у кого он был в долгу за бесплатный обед; затем вычеркнул из него тех, кто явно отклонит приглашение в такой дом; затем долго сидел и крутил телефонный диск. Затем снова позвонил миссис Ривз.

— Дорогая, все устроено, — залепетал он с наигранным энтузиазмом. — Я заручился согласием трех очаровательных людей, которые с восторгом придут к вам на семейный обед и могут быть вам весьма полезны. Ну, разве я не молодец?

— Вы так любезны, — проворковала миссис Ривз. — Кто же эти люди?

— Во-первых, Бекки Берден. Из тех самых Берденов — ну, вы знаете. Достопочтенная Ребекка Берден, дочь покойного лорда Кроудера и сестра нынешнего пэра.

— О! — задохнулась от восторга миссис Ривз. — Я видела ее фамилию в светской хронике.

— Она знает всех, дорогая. И она охотится! Правда, чудесно, если она придет? Да и другие тоже люди с весом. Помните, я говорил вам, что, если вы серьезно хотите приобщиться к свету, нельзя пренебрегать литературой и искусством? Настоящие художники и писатели всегда знакомы с лучшими людьми, но не очень разборчивы и готовы встречаться с другими тоже, словом, их о-очень полезно приглашать. Вот я и приведу к вам мистера и миссис Руперт Фэддимен-Фиш.

— Что-то я не знаю, кто это, — благоговейно прошептала в телефонную трубку миссис Ривз.

— О, моя дорогая, это люди с большим весом. Ему принадлежит уйма книжных магазинов, — богат до тошноты! — ну и, конечно, они знают тонны и тонны знаменитых писателей! Словом, это не просто рядовые интеллигенты или, скажем, лавочники. Они тоже ездят на охоту! Я уверен, что они вам понравятся, дорогая. Это такие прелестные люди! Ну, оцените хоть немного мои старания!

Миссис Ривз пробормотала какие-то лестные слова.

— Как мило вы это сказали, — улыбаясь в телефон, промурлыкал мистер Хоукснитч, весьма довольный собой. — Ну, а теперь могу я помочь вам с приготовлениями?..

Кончилось дело тем, что мистер Хоукснитч продиктовал все меню, сказал, как надо рассадить гостей и даже какие купить цветы.

— И не забудьте про вино...

— Об этом позаботится муж.

— Что ж, только вы проследите, чтобы это было то вино, какое надо, дорогая. И чтоб на бутылке стояло нужное название и год. Мистер Фэддимен-Фиш — великий знаток вин...

— Э-э, это еще что такое? Что это значит? Холодный обед в воскресенье? По какому такому случаю? — горестно воскликнул мистер Ривз, с обычной своей пунктуальностью войдя, по звуку гонга, в столовую.

— Не обед, душа моя, а легкий завтрак в семейном кругу. Обед будет вечером.

— Да знаю я, — недовольным тоном сказал мистер Ривз. — Но по воскресеньям в час дня мы уже тридцать лет едим горячее. Какого же черта теперь это менять?

— Ты, должно быть, забыл, душа моя, — укоризненно проворковала миссис Ривз. — Ты же знаешь, я говорила тебе, что Энси с друзьями придут к нам вечером. Их-то мы уж должны накормить обедом, а требовать, чтобы прислуга в воскресенье дважды готовила горячий обед, мы же не можем, правда?

Мистер Ривз буркнул себе под нос короткую, хлесткую и весьма неожиданную цитату из Рабле касательно мистера Хоукснитча и его друзей.

— Холодная баранина, — с величайшим отвращением произнес он. — И вода...

— Пожалуйста, не ворчи, — мягко, но высокомерно изрекла миссис Ривз. — Да еще по таким пустякам. Вечером получишь отличный обед. Кстати, пока не забыла: достань-ка к вечеру самое лучшее вино. Мистер Хоукснитч — великий знаток вин.

— Вот уж никогда бы не подумал, — сказал мистер Ривз, мрачно жуя холодную баранину. — Мороженое с содовой, по-моему, скорее по его части.

Мистер Ривз был приучен к домашней узде, и, когда ее натягивали, он повиновался, хотя и не без воркотни. В тот вечер, после еще одного препирательства с миссис

Ривз, он нехотя надел крахмальную рубашку и галстук бабочкой: миссис Ривз была уверена, что остальные мужчины будут именно так одеты; неужели он хочет выглядеть белой вороной, чтобы все подумали, будто он не знает, что должен надевать мужчине, когда обедает с дамами, а?.. С еще большей неохотой спустился он в погребок и любовно оглядел собрание своих молчаливых друзей. С болью в сердце взял одну из немногих оставшихся у него бутылок рейнвейна 1921 года и поставил на холод. Затем с еще большей болью в сердце пожертвовал бутылкой «Волнея» 1919 года и, тяжело вздыхая, перелил в графин содержимое бутылки своего лучшего старого коньяку, а также бутылку портвейна высшего качества. Сколько сокровиц коту под хвост! Вот если бы это был старина Саймонс!.. Надо будет приберечь немножко коньячку для старины Саймонса на случай, если он заглянет вечером.

Поднявшись наверх, мистер Ривз вымыл руки, запачканные пыльными бутылками, и прошел в комнату, которую он называл «общей», а миссис Ривз — «гостиной». Даже ему, давно уже переставшему замечать изменения в туалете жены, бросилось в глаза то, что одета она была необычайно пышно. Новое вечернее платье и серьги, которых он еще ни разу не видал, — при одном взгляде на них у мистера Ривза заняло в кошельке.

Миссис Ривз нервничала — это заметно было с первого взгляда. Как только на улице слышался шум автомобиля, она шикала на мистера Ривза, призывая его к молчанию, и напряженно ждала, проедет машина мимо или остановится. Но вот машина проезжала, и не успевал мистер Ривз, без всякой злобы, снова раскрыть рот, как она прерывала его на полуслове и кричала что-то Эстер.

Наконец какая-то машина остановилась, и у входной двери раздался звонок.

— Вот и они! — возбужденно воскликнула миссис Ривз. — Хотя бы эта дуреха не забыла взять у гостей пальто и накидки, как я учила ее.

— Это так важно? — ворчливо отозвался мистер Ривз. — Они что, сами не могут снять плащи и галоши?

Миссис Ривз бросила на него взгляд, исполненный презрения: да неужели настоящие люди, лучшие люди станут вечером, садясь в собственную машину, надевать галоши и плащи, даже если на улице и

дожди! В волнении она пересекла было комнату, как бы направляясь в холл, и тут же снова вернулась к камину. Подумать только! Наконец-то у них будут настоящие люди!..

Эстер, как и ожидала миссис Ривз, все напутала, объявляя гостей, а затем мистер Ривз (какого черта! мужчины-то все во фраках!) был отдан на растерзание очаровательному, изысканно светскому мистеру Хоукснитчу, который и представил ему гостей. Если бы Энси выстроил перед ним три экспоната из «комнаты ужасов» музея восковых фигур, Ривз едва ли был бы более поражен. Миссис Фэддимен-Фиш появилась в платье с таким глубоким вырезом спереди и сзади, что целомудренному мистеру Ривзу стало страшно за общественную мораль. Она походила на вульгарную карикатуру еврейского варианта Елизаветы Тюдор и обладала неприятным, высоким и пронзительным голосом, трели которого нещадно терзали слух окружающих. Если миссис Фэддимен-Фиш была худощава, то мисс Берден была просто скелет. Здороваясь с ней за руку, мистер Ривз невольно проникся к ней состраданием и порадовался, что хотя бы раз в жизни она сможет вволю поесть. Светлые волосы мисс Берден были уложены в замысловатую прическу, напоминавшую прически голливудских звезд, хотя за такое лицо продюсеры не заплатили бы и доллара в месяц. Лицо было детское, курносое, потасканное и очень размалеванное. В противоположность миссис Фэддимен-Фиш она обладала сильным, гнусавым голосом, наводившим на мысль, что ей уж слишком удачно вырезали аденоиды.

Но еще больше поразил простодушного мистера Ривза вид мистера Фэддимен-Фиша. Это был высокий мужчина лет за пятьдесят, с заметным брюшком, облаченный во фрак, который некогда вполне мог бы принадлежать Оскару Уайльду, но сейчас был явно взят напрокат — так же, как и юмор. А мистер Фэддимен-Фиш обладал юмором, — во всяком случае, так он говорил, ну а кому же и знать это, как не ему? У него было красное, испещренное прожилками лицо, на котором, словно пограничный столб, торчал нос. Говорил он напыщенно, но проникновенно, а смеялся на одной ноте, так что казалось, будто растревоженный осел. И венчала все это, — ибо в известном смысле это был настоящий венец, — черная шевелюра, состоявшая из отдельных прядей, столь явно наклеенных

на его пленившую макушку, что даже невинное дитя сумело бы это распознать.

Не прошло и секунды, как тихая комната загудела и загрохотала от мощных голосов, которым вторил, как неумолимый аккомпанемент, высокой фистулой мистер Хоукснитч. Мистер Ривз решил, что они все пьяны. Ему и в голову не приходило, что причина их веселья — он сам, что они потешаются над ним и буквально покатываются со смеху оттого, что им пришлось забраться в эти мервудские трущобы, чтобы пообедать за счет вульгарного старого дурака...

Вошла Эстер, неся на серебряном подносе коктейли. Мистер Ривз с изумлением и возмущением посмотрел на жену. Ем у никогда не разрешалось угощать своих гостей коктейлями, даже такого милого его сердцу друга, как Саймонс. И откуда, черт возьми, взялся у них смеситель? Мистер Ривз был совершенно уверен, что он не покупал и не заказывал смесителя для коктейлей. Чудеса... Сделав маленький глоточек, мисс Берден (Достопочтн.) с угонченно-презрительной гримаской отставила бокал. Зоркая, как рысь, миссис Ривз тотчас это заметила и затанцевала вокруг гостыи. Может быть, она хочет вишневки? Нет, она никогда не пьет вишневку. Тогда виски? М-м, пожалуй, только если побольше льда и поменьше содовой. (Именно так ведь они пьют там, в Голливуде?) Пришлось мистеру Ривзу пойти открыть бутылку виски. Переливая содержимое ее в графин, он подумал, что ему, как видно, предстоит провести чертовски противный вечер. Хоть бы поскорее настало время ложиться спать, или уж пришел бы Саймонс...

За столом мистера Ривза ждал еще один удар. Для начала подали икру — целую банку. Мистер Ривз знал, сколько стоят такие банки — семнадцать фунтов шесть шиллингов, — и не раз подавлял в себе искушение купить ее. А тут... Он с укоризной взглянул на миссис Ривз, но та отвела глаза. Четверо гостей оживленно болтали между собой, почти полностью игнорируя хозяев. Энси блистательно выполнял свои обязанности сплетника. «Ах, Руперт, расскажите же нам эту чудесную историю про то, как вы охотились с Куорном, — ну, еще когда этот мужлан наступил собаке на лапу». И мистер Фэддимен-Фиш, предварительно откашлявшись и произнеся несколько раз «ну-с», благосклонно снисходил до рассказа и раскатисто смеялся — ха, ха, ха! — собственным остроум. Затем

снова вступал Энси: «Бекки, дорогая, расскажите же нам, что сказала ваша матушка старухе герцогине, когда та наступила ей на платье». И мистер Ривз сосредоточенно выслушивал какую-то пошлую историю, которая, по его мнению, доказывала лишь повсеместную распространенность человеческой злобы и дурных манер.

Мистер Ривз тщательно следил за бокалами гостей мужского пола, проверяя, как идет рейнвейн. К его удивлению, Энси, этот большой знаток вин, так и не притронулся к своему бокалу, тогда как мистер Фэддимен-Фиш лакал рейнвейн, точно воду, и потом, как новоиспеченный Оливер Твист, рассеянным взором обводил собравшихся. Очень не хотелось мистеру Ривзу открывать вторую бутылку, а пришлось, после того как Энси, особенно изящно взмахнув рукой, среди веселых взвизгов и восклицаний притворного ужаса опрокинул свой бокал и потребовал восполнения потери.

Миссис Фэддимен-Фиш вскоре перешла к обсуждению слуг — возможно, потому, что публичное обсуждение было единственным способом отомстить им за то, что они говорили о ней за ее спиной, а скорей всего потому, что эта тема больше всего соответствовала ее духовным интересам.

— Вам, видимо, тоже очень трудно найти хорошего дворецкого? — высокомерно обратилась она к миссис Ривз, искоса бросив взгляд на мечущуюся Эстер и всем своим видом давая понять, что, само собой разумеется, обитателям такого дома не по средствам держать дворецкого.

Миссис Ривз вежливо пробормотала что-то неопределенное.

— Эти мучения с прислугой лишают жизнь всякой радости, — застрекотала миссис Фэддимен-Фиш. — Я уже не раз говорила Руперту, что, если б не охота, я бы отказалась от нашего поместья, продала бы городской дом и переехала бы в «Ритц», но ведь надо же куда-то приглашать друзей на охоту, а я все время говорю Руперту, что фазаны у нас в Трэкингеме чуть ли не лучшие в Англии, лорд Рэндитаун всегда стрелял там дичь, до того как мы перекупили у него поместье; совершенно очаровательный человек, приглашал меня поехать с ним в Довиль на уик-энд, но Руперт у нас такой старомодный, он так надулся, что я просто не могла уехать. Ну, не обидно ли? А теперь мы снова без дворецкого, потому что в субботу, когда я спустилась немного позже к зав-

траку, яйца оказались совсем холодные, а бекон просто застыл в жире — и никакого дворецкого, ну я, конечно, позвонила и спросила его, что это значит, а он посмел мне перечить, ну и Руперт, конечно, тут же его рассчитал. Прямо ума не приложу, что с ними делать: они то пьют, то надевают вещи Руперта и отправляются гулять, то грубят мне, то затевают флирт с одной из горничных, а то придерутся к какой-нибудь ерунде и заявляют, что уходят, а повар — ну, просто невозможно достать повара, который умел бы жарить птицу, не говоря уже о том, чтобы приготовить приличный обед, а все, конечно, из-за этого дурацкого социализма — вот они и задирают нос и думают, будто могут творить все, что им взбредет на ум, ах, если бы у нас во главе стоял сильный человек, вроде Муссолини, дворецкого было бы совсем не трудно подобрать, я уверена...

— Кстати,— прервал ее мистер Фэддимен-Фиш,— я в связи с этим вспомнил, что тут как-то на днях, в клубе, сочинил одну эпиграмму. Хотите прочитаю?

— Прочитайте, прочитайте! — заверещал Энси и захопал в ладоши, словно маленькая девочка, которой обещали устроить именины.— О! — воскликнул он, обращаясь к остальным.— В эпиграммах Руперта столько остроумия, столько яда!

Мистер Фэддимен-Фиш расправил плечи, оглядел стол, дождался, пока все умолкнут, и могучим низким голосом произнес:

Говорят, Абиссиния пала
Под бархатной лапой Муссо.
Но как бы Муссо не заткнулся
Под могучим напором Брит-то!

— Отлично, а? Понимаете, вся ситуация как на ладони, что? Ха, ха, ха!

— Хи, хи, хи! — пропищали Энси и Бекки.

Миссис Фэддимен-Фиш с любовью посмотрела на мужа, словно говоря: «Се рек Оракул!»

Разговор перешел на политику. Миссис Фэддимен-Фиш жаждала диктатора — только это приведет людей в чувство, сплотит страну и сделает ее сильной, иначе, если дело и дальше так пойдет, скоро те, у кого хоть что-то есть, лишатся всего. Мистер Фэддимен-Фиш считал, что в этом есть доля истины, но, по его мнению, люди, составляющие опору страны, должны объединиться и способствовать сохранению опоры... Энси с раздражением заявил, что он не может с этим согласиться, что в стране

полно блестящих молодых людей без всякого будущего, что они устали, им опротивело жить без перспектив, и, насколько он понимает, единственный выход — коммунизм...

— Вот как? — воскликнула мисс Берден, глядя на Энси широко раскрытыми, вопрошающими глазами.— Расскажите мне, пожалуйста, подробно-подробно, что же такое коммунизм. Я просто умираю от желания кого-нибудь об этом расспросить.

Волей-неволей мистеру Хоукснитчу пришлось пуститься в объяснения, прерываемые «я, собственно, хотел сказать» и «я вот что имею в виду», отчего ясности не прибавилось ни на йоту. Кто-то произнес слово «бюджет», и Энси, обрадовавшись возможности избавиться от Бекки и коммунизма, а кроме того, вспомнив о своих обязанностях по отношению к хозяевам, сказал:

— Об этом спросите мистера Ривза. Он ведь работал в Сити. Пожалуйста, расскажите нам, что вы думаете по поводу бюджета, мистер Ривз.

Несколько смутившись, мистер Ривз только было собрался сказать, что он знает о бюджете не больше, чем обычный рядовой гражданин, но что, с его точки зрения, промышленники и дельцы облагаются слишком уж высокими налогами, как вдруг мисс Берден, обратив в его сторону взгляд своих больших глаз, нежно пропела:

— Мне так хотелось бы знать... Ну, пожалуйста, мистер Ривз, расскажите, что там люди делают, в этом Сити?

Мистер Ривз открыл рот и снова закрыл. Что люди делают в Сити? Что делают?.. Почему существует такой грабитель, именуемый «конторским столом»?

— Там стараются купить подешевле и продать подороже,— наконец изрек он среди напряженного молчания, становившегося уже невыносимым.

— Но разве это не аморально? — воскликнула мисс Берден с таким укором, словно мистер Ривз признался, что подделывает государственные бумаги.

— Во всяком случае, это то, что там происходит,— просто сказал мистер Ривз.— Как вы предлагаете это изменить?

— Нужен диктатор! — сказала миссис Фэддимен-Фиш.

— Ничего подобного, нужна хорошенькая революция, чтоб было много-много крови! — взвизгнул Энси, наслаждаясь собственной смекалкой.

— Ну, а я считаю, что это очень плохо,— сказала мисс Берден, давая волю своему чувствительному сердцу.— Вы только подумайте, сколько бедным женщинам приходится переплачивать за платья. Почему Сити должно их грабить?

Во избежание спора мистер Фэддимен-Фиш поспешно предложил собравшимся прослушать еще одну его эпиграмму:

Море омывает Англии зеленые поля.
Ангелы-хранители ее взмывают ввысь;
Наши боевые корабли, точно рысь,
Стерегут покой акул из Сити-йя.

— Ну, как? Чертовски смешно, да? Вы уловили мою мысль, да? Наш флот стережет покой акул — каково! Ха, ха, ха! Очень любят эти флотские порисоваться и изобразить дело так, будто никогда не страдают от морской болезни. «Стерегут покой акул из Сити-йя». Да сам папа римский ничего лучшего не написал.

В этот самый момент, когда беседа достигла столь возвышенных сфер, мистер Ривз и допустил один из своих главных *gaffes*¹ за этот вечер. Поскольку сезон дичи кончился, миссис Ривз вынуждена была прибегнуть к вульгарной замене и подать обычную курицу. Стремясь как-то восполнить сей пробел, она сопровождала ее различными овощами. Ну, а мистер Ривз обожал овощи и чрезвычайно гордился тем, что они нередко поступали с его собственного огорода. Кроме того, когда они поступали с огорода, он находил, что они гораздо вкуснее, и любил порассуждать о том, как выгодно и полезно есть свежие овощи, когда они прямо с огорода попадают на кухню...

— Мамочка,— сказал он, наклоняясь к миссис Ривз и заранее улыбаясь в предвкушении ее ответа,— эти овощи из нашего огорода?

Миссис Ривз покраснела до корней волос. Какой ужас! Назвать ее при всех «мамочкой», словно они какие-то плебеи, да к тому же еще упомянуть об этой дурацкой причуде жителя предместья выращивать овощи у себя в огороде...

— Право, не знаю, душа моя,— ответила она сладчайшим голоском.— Это я предоставляю решать повару.

— Естественно! — презрительно фыркнула миссис Фэддимен-Фиш.— Правда, я убеждена, что мой повар и

---

¹ Промахов (*фр.*).

полно блестящих молодых людей без всякого будущего, что они устали, им опротивело жить без перспектив, и, насколько он понимает, единственный выход — коммунизм...

— Вот как? — воскликнула мисс Берден, глядя на Энси широко раскрытыми, вопрошающими глазами. — Расскажите мне, пожалуйста, подробно-подробно, что же такое коммунизм. Я просто умираю от желания кого-нибудь об этом расспросить.

Волей-неволей мистеру Хоукснитчу пришлось пуститься в объяснения, прерываемые «я, собственно, хотел сказать» и «я вот что имею в виду», отчего ясности не прибавилось ни на йоту. Кто-то произнес слово «бюджет», и Энси, обрадовавшись возможности избавиться от Бекки и коммунизма, а кроме того, вспомнив о своих обязанностях по отношению к хозяевам, сказал:

— Об этом спросите мистера Ривза. Он ведь работал в Сити. Пожалуйста, расскажите нам, что вы думаете по поводу бюджета, мистер Ривз.

Несколько смутившись, мистер Ривз только было собрался сказать, что он знает о бюджете не больше, чем обычный рядовой гражданин, но что, с его точки зрения, промышленники и дельцы облагаются слишком уж высокими налогами, как вдруг мисс Берден, обратив в его сторону взгляд своих больших глаз, нежно пропела:

— Мне так хотелось бы знать... Ну, пожалуйста, мистер Ривз, расскажите, что там люди делают, в этом Сити?

Мистер Ривз открыл рот и снова закрыл. Что люди делают в Сити? Что делают?.. Почему существует такой грабитель, именуемый «конторским столом»?

— Там стараются купить подешевле и продать дороже, — наконец изрек он среди напряженного молчания, становившегося уже невысшимым.

— Но разве это не аморально? — воскликнула мисс Берден с таким укором, словно мистер Ривз признался, что подделывает государственные бумаги.

— Во всяком случае, это то, что там происходит, — просто сказал мистер Ривз. — Как вы предлагаете это изменить?

— Нужен диктатор! — сказала миссис Фэддимен-Фиш.

— Ничего подобного, нужна хорошенькая революция, чтоб было много-много крови! — взвизгнул Энси, наслаждаясь собственной смекалкой.

— Ну, а я считаю, что это очень плохо,— сказала мисс Берден, давая волю своему чувствительному сердцу.— Вы только подумайте, сколько бедным женщинам приходится переплачивать за платья. Почему Сити должно их грабить?

Во избежание спора мистер Фэддимен-Фиш поспешно предложил собравшимся прослушать еще одну его эпигramму:

Море омывает Англии зеленые поля.
Ангелы-хранители ее взмывают ввысь;
Наши босвые корабли, точно рысь,
Стерегут покой акул из Сити-йя.

— Ну, как? Чертовски смешно, да? Вы уловили мою мысль, да? Наш флот стережет покой акул — каково! Ха, ха, ха! Очень любят эти флотские порисоваться и изобразить дело так, будто никогда не страдают от морской болезни. «Стерегут покой акул из Сити-йя». Да сам папа римский ничего лучшего не написал.

В этот самый момент, когда беседа достигла столь возвышенных сфер, мистер Ривз и допустил один из своих главных *gaffes*¹ за этот вечер. Поскольку сезон дичи кончился, миссис Ривз вынуждена была прибегнуть к вульгарной замене и подать обычную курицу. Стремясь как-то восполнить сей пробел, она сопровождала ее различными овощами. Ну, а мистер Ривз обожал овощи и чрезвычайно гордился тем, что они нередко поступали с его собственного огорода. Кроме того, когда они поступали с огорода, он находил, что они гораздо вкуснее, и любил порассуждать о том, как выгодно и полезно есть свежие овощи, когда они прямо с огорода попадают на кухню...

— Мамочка,— сказал он, наклоняясь к миссис Ривз и заранее улыбаясь в предвкушении ее ответа,— эти овощи из нашего огорода?

Миссис Ривз покраснела до корней волос. Какой ужас! Назвать ее при всех «мамочкой», словно они какие-то плебеи, да к тому же еще упомянуть об этой дурацкой причуде жителя предместья выращивать овощи у себя в огороде...

— Право, не знаю, душа моя,— ответила она сладчайшим голоском.— Это я предоставляю решать повару.

— Естественно! — презрительно фыркнула миссис Фэддимен-Фиш.— Правда, я убеждена, что мой повар и

---

¹ Промахов (*фр.*).

садовники втайне от меня сбывают на рынок всю спаржу, выращенную в моих теплицах, и всю мою раннюю клубнику.

Мистер Ривз, насупившись, с укоризной посмотрел на жену. Он не одобрял вранья, а уж он-то знал не хуже ее, что она полдня прохлопотала на кухне, а потом заставила Эстер под дождем собирать овощи на огороде...

— Вы, наверно, знаете Вернон Трейл? — в волнении спросила миссис Ривз, надеясь перевести разговор на нечто более содержательное.

В ответ раздался дружный взрыв хохота, — женским голосам вторило раскатистое, басовитое «ха-ха-ха!» мистера Фэддимен-Фиша. Знают ли они Вернон Трейл? Конечно, они ее знают. Они знают всех, кто хоть как-то известен, — во всяком случае, могут говорить обо всех, как если бы знали их лично, а больше ведь ничего и не требуется.

— Бедняжка Верни! — взвизгнул Энси. — Да она бы умерла со смеху, если б кто-нибудь сказал ей, что мы ее не знаем!

И вся компания набросилась на мисс Трейл, как голодные псы на жирную кость.

— Ей ведь уже никак не меньше сорока, — заметила Бекки.

— А рот у нее какой — настоящая пасть, — заверещала миссис Фэддимен-Фиш. — Когда я вижу ее, у меня появляется такое чувство, какое, наверно, испытывал Иона, увидев кита.

— И что только мужчины в ней находят, просто не понимаю, — язвительно произнес Энси. — Она до того женственна, просто тошнит...

— Так или иначе, а с Дональдом Каствудом она неплохо ладила, — сказала Бекки. — А теперь, я слышала, она со своим издателем...

— Что ж, сочетание бизнеса с удовольствием, — весело произнес мистер Фэддимен-Фиш. — Муза в двойной упряжке — каково, а? М-да, неплохо сказано, надо будет это запомнить.

— А книги у нее — это же просто ужас, — застонал Энси. — Все про каких-то жен мясников и про то, как они рожают детей. Я считаю, что цензор должен был бы их запретить. Правда, их никто не читает.

— Да, расходятся ее книги не слишком бойко, не слишком, — снисходительно произнес мистер Фэддимен-Фиш. — Но есть такие книготорговцы, которые положи-

тельно на ней помешаны, говорят, что она очень хорошо идет в предместьях.

— Хм, в предместьях,— фыркнула мисс Берден.

— В предместьях? — эхом повторила миссис Фэддимен-Фиш, как спросил бы сноб, не поняв значения вульгарного слова.

Тут словно прорвалась плотина, и на слушателей хлынул поток скандальных и не слишком достоверных историй из жизни различных писателей, которые, как оказалось, вроде бы все принадлежали к числу близких друзей Фэддимен-Фишей. Зато произведений их почти не касались, разве что кто-нибудь изрекал, например, такое глубоко продуманное суждение: «Его последняя книга — нечто совершенно невыносимое», или: «Ну, а мне показалось, что она не так нестерпимо скучна, как остальные». А мистер Фэддимен-Фиш время от времени вставлял: «Она хорошо идет, учтите, хорошо идет», явно не желая давать в обиду книготорговлю. Миссис Ривз застенчиво упомянула имя Д.-Г. Лоуренса: она недавно прочитала такую странную книгу о нем.

— Но он же умер! — заметил мистер Фэддимен-Фиш, до крайности удивляясь услышанному.— Книги его в дешевом издании расходятся, конечно, повсюду, но он уже не имеет никакого значения: он же умер.

Вст так-то.

И они перешли к обсуждению книг, которые им были по душе. Энси знал одного молодого человека, «совершенно очаровательного, дорогая», который выпустил книгу о вышивании: «Вы непременно должны ее прочесть, это поразительное произведение». У мисс Берден оказался двоюродный брат, молодой человек, только что окончивший университет, который пишет стихи — «прелестнее я ничего не читала», но эти идиоты издатели не желают даже взглянуть на них. Миссис Фэддимен-Фиш восторгалась книгой о Гитлере, написанной бывшим моряком, «принадлежавшим к одной из наших самых родовитых семей»; но мистер Фэддимен-Фиш считал, что это книга посредственная: не раскупают. Он был всецело за роман, написанный одной молодой женщиной,— «вот кому надо дать Нобелевскую премию». Миссис Фэддимен-Фиш тотчас, вся исходя желчью, набросилась на роман,— а вернее, на молодую женщину.

Мистер Ривз не без чувства неловкости слушал все это и удивлялся. Зачем они выливают здесь эти ушаты грязи? Где же он был столько лет и почему до сих пор

не знал, какие на самом деле мерзкие существа эти известные писатели? И почему те, о которых он слышал, такие низкие люди, а те, о ком никто не слышал,— такие замечательные?

Но у него не было времени поразмыслить над этой странной проблемой, ибо дамы удалились, и ему пришлось заняться портвейном. Он чувствовал, как в нем закипает раздражение всякий раз, когда взгляд его падал на фраки мужчин, и он представлял себе, до чего же глупо выглядит он в пиджаке. Мистер Фэддимен-Фиш, налив себе портвейна, передал графин Энси.

— Минуточку, минуточку,— залопотал Энси, перед которым еще стояла полная рюмка, ибо он отказался отдать ее Эстер.— Я сначала допью этот дивный кларет.

Мистер Ривз, только было отхлебнувший портвейна, поперхнулся и отчаянно раскашлялся в салфетку. Кларет!..

— Извините,— еле выдохнул он,— портвейн не в то горло попал.

Мистер Фэддимен-Фиш с сосредоточенным видом заговорил о делах. Что ж, положение у него складывается не слишком блестяще, но ведь могло быть и хуже. Он считал, что торговля может снова стать на ноги только при одном условии — если уменьшат на шиллинг подоходный налог. Мистер Ривз согласился. Но что тогда будет с вооружением? Мистер Фэддимен-Фиш согласился, что вооружение — оно, конечно, необходимо, на него давно не обращали внимания, но низшие классы вообще отвыкли платить налоги, надо обложить налогом все предметы первой необходимости отечественного производства, за исключением изданий — «естественного средства просвещения нации». Мистер Ривз заметил, что он считал бы правильным облагать пошлиной все импортируемые товары,— только не бумагу, прервал его мистер Фэддимен-Фиш,— но с тем, чтобы облагать пошлиной внутреннюю торговлю, он никак не может согласиться. Энси спросил, а почему бы, собственно, правительству не прекратить платежей по военным займам,— тогда в стране была бы уйма денег. Мистер Фэддимен-Фиш сказал, что это привело бы к разорению вдов и сирот,— родственников у него не было, зато было вложено шестьдесят тысяч в военные займы,— а мистер Ривз пояснил, что это подорвало бы в людях доверие к правительству. Он считал, что слишком много денег уходит на жалованье уайт-холловским бюрократам,— вот где можно было бы навести немалую экономию. Конечно, конечно,— согласились все.

— Просто не могу понять, зачем нам вообще нужны правительственные учреждения,— раздраженно заявил Энси.— Я уверен, что мне от них нет ни малейшей пользы.

— Зато мы выбрасываем на ветер миллионы им на пособия,— сказал мистер Фэддимен-Фиш.— Кстати, позвольте я вам расскажу одну историю, которую на прошлой неделе я слышал в клубе...

Школьники очень остры на язык.

Они присоединились к дамам. Миссис Фэддимен-Фиш плела нескончаемую историю о том, какая им попала мерзкая горничная — по ее милости они лишились лучшего своего дворецкого, ибо негодяйка имела наглость выйти за него замуж; под конец история эта каким-то непонятным образом перешла в другую — про индийского раджу, который сделал ей предложение в бассейне Монте-Карло. Тут возник обмен мнениями на тему о том, кто куда намерен ехать летом. Мисс Берден собиралась отбыть в Югославию и в восточную часть Средиземного моря — на «мамочкиной яхте». Миссис Фэддимен-Фиш думала отправиться в Канн,— теперь модно туда ездить летом,— и вернуться обратно с таким расчетом, чтобы к двенадцатому попасть в Шотландию, но вот беда: она никак не может решить, чье принять приглашение — лорда Мермана или же лорда Стейлхема. А как бы они решили? Энси сказал, что это просто чудовищно: герцогиня Саламанкская пригласила его на все лето в свое удивительное поместье в Испании, так эта противная заварушка, которая у них там идет, все испортила... если бы она еще успела закончиться к середине июня, тогда все было бы в порядке, и он мог бы поехать...

Ривзы сидели молча: они никуда не выезжали дальше Отстенде и Парижа. Миссис Ривз сказала что-то насчет красоты Елисейских полей, но миссис Фэддимен-Фиш величественно заявила, что Париж теперь больше не в моде. И там такая скучища, добавила мисс Берден, половину ночных кабачков закрыли по милости этих дурацких социалистов, которые стоят там у власти. Это напомнило мистеру Фэддимен-Фишу эпиграмму, которую он написал про мосье Блюма...

— Мистер Саймонс,— с порога объявила Эстер.

И в комнату весело ввалился мистер Саймонс в допотопном костюме для гольфа,— миссис Ривз он показал-

ся еще огромное и нелепее, чем всегда. Мистера Ривза он приветствовал по-дикарски восторженно, миссис Ривз — смиренно, а когда стал обходить гостей, то и вовсе сник, столкнувшись с ледяным — кто, черт побери, этот хам? — приемом.

Он жалобно посмотрел на мистера Ривза.

— Я тут приберег для тебя, старина, немножко коньячку шестьдесят пятого года,— не слишком тактично заявил мистер Ривз.

— День сегодня — совсем пропащий,— неуверенно начал мистер Саймонс.— Пошел было я после обеда в клуб, но по такой мокряди даже мяча не видно...

— У вас тут есть гольф-клуб? — снисходительно осведомилась миссис Фэддимен-Фиш.

— Преотличный,— обрадовавшись, поспешил сообщить мистер Ривз.— Пятая лунка — просто блеск, правда, Джо?

— Это точно,— расплывшись в улыбке, подтвердил мистер Саймонс.

— Подумать только! — изрекла миссис Фэддимен-Фиш таким тоном, точно наличие гольф-клуба в Мервуде было чем-то до крайности нелепым и возмутительным.— Впрочем, теперь гольф-клубы, наверно, есть везде. Мой муж, конечно, играет во «Ржи и сандвиче» — по-моему, вы никогда не играете под Лондоном, правда, дорогой?

— Нет, разумеется, нет,— высокомерно заявил мистер Фэддимен-Фиш,— когда я прихожу в клуб, я хочу знать своих партнеров — ха-ха-ха!

— А вы охотитесь? — осведомилась миссис Фэддимен-Фиш.

— Случается, иной раз хожу по следу,— сказал мистер Саймонс.— Забавное занятие...

— Это?! — фыркнула миссис Фэддимен-Фиш.— Но я-то имела в виду настоящую охоту... А теперь, дорогой, по-моему, нам, право же, пора...

В тот вечер мистер Ривз раздевался машинально,— видимо, он был погружен в глубокие думы. Время от времени он замирал и озадаченно почесывал ухо. Мистер Ривз не принадлежал к числу тех, кто быстро распознает людей или склонен судить их чересчур строго. Он, к примеру, никогда не мог понять иных ворчунов, которые вечно недовольны положением дел в мире. Да, конечно, не все обстоит идеально, но кто же, кроме круглого дурака,

может предполагать что-то другое? Мистер Ривз считал, что ему живется не так уж плохо. Ну, а люди — что ж, ты иди своим путем, а они пусть идут своим; а если столкнешься с кем-нибудь, постарайся быть поучтивее — все и обойдется! Мистер Ривз гордился своим умением жить в ладу почти со всеми. А вот сейчас, после этого последнего вечера, ему было не по себе, он чувствовал какое-то раздражение, точно его вздумали опекать, как малое дитя, и притом довольно назойливо... Он наконец натянул свою полосатую пижаму и, остановившись перед зеркалом, почесал подбородок.

Миссис Ривз, лежа в постели, исподтишка наблюдала за ним, но не говорила ни слова. Она отлично видела, что он не в духе, и не желала давать повода для воркотни. Мистер Ривз принялся расхаживать по комнате.

— Странноватый у нас получился обед, правда? — заметил он.

— Тебе он не понравился, душа моя?

— Да, не совсем. И дело тут не в еде — она как раз была неплохая, а... Видишь ли, сейчас, когда я уже не работаю, мне кажется, мы не должны так сорить деньгами...

— Но ведь это бывает не часто, душа моя, — и все для тебя же делается, и я приложила столько усилий, чтобы получилось как надо, — плаксиво затянула миссис Ривз.

— Хм, — изрек мистер Ривз. — Что ж, это очень мило с твоей стороны. Но почему ты прежде не спросила, хочу ли я этого?

— А потому, душа моя, что ты такой апатичный и на любое мое предложение отвечаешь: «Нет». А с тех пор как отошел от дел, ты бродишь как неприкаянный, и я сочла своим долгом попытаться чем-то тебя заинтересовать, познакомить с новыми людьми, людьми выдающимися.

— Хм, — изрек мистер Ривз. — Какие-то они чересчур надутые, слишком уж снобы, ты не считаешь?

— Ну, а откуда у человека могут появиться новые интересы в жизни, если он не встречается с новыми людьми? — продолжала миссис Ривз, пропустив мимо ушей его замечание.

— Так-то оно, конечно, так, — согласился мистер Ривз. — Да только...

— Это такая любезность со стороны мистера Хоукснитча, что он постарался привезти их сюда, чтобы

ты не скучал в воскресный вечер,— не отступалась миссис Ривз.— Он же хочет помочь тебе, душа моя. Он считает, что такой интеллигентный человек, как ты, должен активно интересоваться искусством, музыкой, литературой, и он сказал, что познакомит тебя со своими друзьями из мира искусств...

— Это еще для чего? — не сдавался мистер Ривз, вспомнив о мистере Хьютоне.

— Но, душа моя, леди Блейкбридж очень точно заметила: если ты не будешь *au fait*¹ всего, ты просто не сможешь вращаться в обществе...

— А я не уверен в том, что мне так уж этого хочется,— заметил мистер Ривз.

— Ты никогда не ходишь теперь в театры,— только в кино...

— Куда дешевле, да и больше получаешь удовольствия за свои денежки,— упорно стоял на своем мистер Ривз.

— Ты никогда не ходишь в концерты или на выставки картин, не читаешь хороших современных книг, например, таких, какие пишет Вернон Трейл...

— Судя по сегодняшним отзывам, не такое уж она диво! Как видно, распутная бабенка — только и всего!

— Глупости! Просто это их манера выражаться,— недовольным тоном произнесла миссис Ривз.— Решили немножко пошутить на ее счет... среди своих. А так — они ее очень любят.

— Ну, я иначе понимаю шутки,— сказал мистер Ривз.— И мне бы не хотелось, чтобы кто-нибудь так меня любил.

— Как это неумно! — воскликнула миссис Ривз.— Ты столько лет провел в конторе, что забыл, как люди ведут себя в обычной жизни.

— Доля истины в этом есть,— признал мистер Ривз.— И все же...

— Надо же наконец стать человеком, приобщиться к культуре,— настаивала миссис Ривз, бессознательно цитируя мистера Хоукснитча.— Ну, почему ты не умеешь сходить с людьми?

— Очень даже умею, черт побери,— заявил мистер Ривз.

— Ну, конечно, со всякими ужасными субъектами вроде Джо Саймонса! А вот когда попадешь в общество

---

¹ В курсе (фр.).

людей из высших классов, так молчишь, воды в рот набравши. У тебя комплекс неполноценности!

— Какой же может быть комплекс неполноценности, когда я у себя дома! — возмутился мистер Ривз.

— В том-то и дело! — торжествующе воскликнула миссис Ривз, ловя его на слове. — Если ты перестанешь знаться с жалкими прихлебателями вроде Джо Саймонса, а начнешь встречаться с настоящими людьми, ты поймешь разницу. Ты думаешь, мне приятно, что мой муж ведет себя, как серый, неотесанный делец?

— Подумаешь! — сказал мистер Ривз. — А кто, скажи на милость, оплачивает эти побрякушки и эти разглагольствования? Дельцы!

— Ох! — патетически вздохнула миссис Ривз. — Право же, душа моя, если ты хочешь что-нибудь получить от своего нового образа жизни, ты должен расстаться с этой торгашеской привычкой оценивать все на деньги. Предположим, тебе и в самом деле приходится немножко раскошелиться, так разве ты не получаешь взамен куда бóльшие ценности?

— Разрази меня гром, если я вижу их, эти ценности, — сказал мистер Ривз.

— Но ты же по-настоящему и не пытался их увидеть. А все из-за предвзятого взгляда на вещи, от которого ты не можешь избавиться. Тебя знакомят с леди Блейбридж, а ты потом только и делаешь что носишь ее друзей. Ты просто груб с мистером Хоукнитчем, который так старается ради тебя.

— Терпеть не могу этого малого, — заявил мистер Ривз, скривив губы, точно ему в рот попала несусветная мерзость. — Какой-то он невсамделишный, с души ворочит.

— Знаешь, если он вызывает в тебе такие чувства, лучше нам, пожалуй, оставить тебя в покое, но какво все это мне слышать, — мне, которая из кожи вон лезет, чтобы сделать твою жизнь счастливей...

— Ну, хватит, хватит, — прервал ее мистер Ривз. — Давай прекратим это.

— Но ты все-таки попытайся, душа моя! Ну, пожалуйста, постарайся приобщиться к культуре.

— Хм, — произнес мистер Ривз, не желая связывать себя никакими обещаниями.

Он выключил свет и настроился на сон. В комнате долго царил тишина.

— Послушай, Джейн! — вдруг произнес мистер Ривз.

— Да, душа моя!

— Этот твой мистер Энси — большой знаток вин, да?

— Я ведь тебе уже говорила об этом.

— Ну, конечно,— сказал мистер Ривз, прыская в про-
стыню, совсем как за столом он прыснул в салфетку.—
Считает кларетом «Волней» девятнадцатого года. Ха, ха,
ха! О, господи, господи! Ха, ха, ха! «Я сначала допью
этот дивный кларет». Ха, ха, ха!

Миссис Ривз промолчала; мистер Ривз еще немного
похихикал, и тишина ночи поглотила все звуки.

ШЕСТЬ

Мистер Ривз вовсе не намерен был действовать исподтишка. Если бы его допросили с пристрастием, он, несомненно, сказал бы, что не в его натуре что-то утаивать. Играть честно, в открытую, было его девизом. Он никогда не срубил бы втихую вишневого дерева и не поставил бы потом себе в заслугу то, что признался в содеянном. Он срубил свое вишневое дерево на глазах у всего света.

Однако если бы мистер Ривз как следует покопался в своей совести, он обнаружил бы, что совершил кое-какие поступки, о которых не счел нужным кому-либо сообщать. Будучи честным дельцом, мистер Ривз, естественно, избегал копаться в своей совести. Тем не менее он, несомненно, не сообщил миссис Ривз о своем намерении пригласить лорда и леди Стоун пообедать с ним в Уэст-Энде, а также о том, что приглашение это было принято. Просто по чистой случайности (разве не так?) он позвонил леди Стоун, когда миссис Ривз не было дома, а потом по небрежности, будучи человеком рассеянным, забыл сказать, где он обедает и с кем.

Да в конце-то концов, черт возьми, ну в чем его можно упрекнуть? Ведь сама же миссис Ривз твердила ему о том, как необходима, выражаясь языком мистера Ривза, «вся эта светская возня», и именно миссис Ривз настаивала, чтобы он больше общался с людьми. Прекрасно, вот именно этим он и занялся, не так ли? Стоуны — товар гарантированный, на них стоит печать гостинной леди Блейкбридж, не так ли? Ну и прекрасно. Так может же мистер Ривз отобрать из многообразной светской фауны, предлагаемой его вниманию, тех особей, которые ему больше по вкусу! Добавьте к этому, что мистер

Ривз мужественно, — а это значит, вопреки своему желанию, — согласился встретиться во второй половине дня с миссис Ривз и Энси, чтобы вместе посмотреть работы одного «п-потрясающе талантливого молодого художника, настоящего гения», и вам станет ясно, что он отбыл из Мервуда и отправился на обед в чрезвычайно безмятежном состоянии духа, которое лишь слегка нарушилось, когда он обнаружил, что Марсель снова, без разрешения и никому не сказав ни слова, забрала машину.

Из-за этой незадачи с машиной мистер Ривз опоздал минут на пять на свое свидание в большом роскошном ресторане, который он выбрал для вступления в светскую жизнь. Красный, с трудом переводя дух, он ворвался в бар. Стоунов там не было. Дважды проверив, не ошибся ли он, мистер Ривз сел и, обмахиваясь шляпой, стал ждать. После десяти минут ожидания, не в силах дольше сносить холодного высокомерия в глазах бармена, он заказал рюмку шерри. Прошло еще десять минут, и мистер Ривз не находил уже себе места от беспокойства. Может быть, они ослышались и поехали не туда? А может быть, явились вовремя и, возмутившись его бесцеремонным опозданием, уехали? Эта неприятная мысль свела на нет все его усилия охладиться с помощью шляпы, и ему стало еще жарче. Вот ведь неприятность какая...

Через тридцать пять минут после назначенного срока мистер Ривз уже находился в состоянии, близком к невменяемому, тщетно пытаясь решить, позвонить ли Стоунам или же сесть за оставленный для него столик и позавтракать в печальном одиночестве... Тут до слуха его донесся голос: «Здравствуйте, мистер Ривз! Как вы поживаете?»

Мистер Ривз вскочил и принялся горячо пожимать протянутую ему руку. На леди Стоун был один из тех спокойных элегантных костюмов, которые, кажется, только что сняли с вешалки и секрет которых, судя по всему, известен одним американкам. Она ни слова не сказала про свое опоздание — как будто и не заметила, что опоздала. Когда они сели за столик, она сообщила:

— Джерри не сможет приехать. Он позвонил и сказал, что застрял с одним типом из Южной Африки или откуда-то там еще, и просил извиниться перед вами. Извиниться! Вы мне скажите, как это делается, а я поворю.

— Ничего страшного, — галантно сказал мистер Ривз. —

Мне очень жаль, что ваш супруг не смог приехать, но для меня, право же, такое удовольствие быть с вами... Не желаете ли шерри?

— Я, пожалуй, предпочла бы «Бронкс», если здесь умеют его готовить.

— А вот я не очень-то люблю коктейли, — сказал мистер Ривз, сделав заказ. — Время от времени я, конечно, не возражаю, но, как правило, не пью. Вам не кажется, что они портят вкус к вину?

Леди Стоун состроила гримаску.

— Я не большая поклонница вин, — сказала она. — Большинство белых вин кажется мне сладкими как патока, а красные напоминают уксус. Да и потом — нет в них крепости.

— Жаль, — сказал мистер Ривз. — Вино, если, конечно, его умеренно пить, доставляет большое удовольствие. Я как-то скучал без него в Америке. Но теперь, когда сухой закон отменен, я думаю, Америка станет большой потребительницей вин.

— Вот уж нет, — заявила леди Стоун, потягивая коктейль. — Американцы пьют не ради удовольствия. Они пьют, чтобы напиться.

Мистер Ривз только хотел было заметить, что тут нечем особенно гордиться, но вовремя спохватился, сообразив, что это будет невежливо.

— Однако я надеюсь, что вы все же выпьете сегодня со мной бокал вина. Мне кажется, я могу вам обещать, что оно не будет ни сладким, ни кислым, как уксус.

— Ну что ж, — сказала она безразличным тоном, — только чтобы при этом мне подали кувшин воды со льдом.

Мистер Ривз вздохнул про себя. Как это неинтересно пить вино с теми, кто не понимает в нем толку. Разбавлять вино водой со льдом! Да после этого он не сможет посмотреть в глаза официанту. Но такие уж они, эти женщины: ничего не смыслят в самом прекрасном, что есть на свете. Мистер Ривз отхлебнул шерри, настоящего старого «Амонтильядо», достоинства которого ему так хотелось бы открыть тому, кто способен оценить их... Леди Стоун заказала еще один «Бронкс». После четвертого бокала мистер Ривз всполошился и предложил приступить к обеду.

Она отказалась от устриц — они такие мелкие в Европе, — и она не любила икру, а никаких моллюсков в ресторане не оказалось, поэтому для начала ей принес-

ли кислеший грейпфрут, обильно посыпанный сахаром и украшенный консервированной вишней. Мистер Ривз снова глубоко вздохнул. Ведь он заказал к устрицам великолепное шабли, настоящий нектар, надеясь с его помощью приобщить свою даму к радостям хорошего вина. Но, черт возьми, какой же вкус будет у вина после грейпфрута? Леди Стоун пригубила из своего бокала и затем честно призналась, что предпочла бы виски с содовой, если он, конечно, не возражает. Мистер Ривз любезно уступил, подумав при этом, что пути господни неисповедимы, но благостны: не так уж много в нашем мире настоящего доброго вина, и можно себе представить, как взлетели бы на него цены, если бы все понимали в нем толк.

Не считая этого небольшого расхождения во вкусах, все шло прелестно. Она попросила его не называть ее «леди Стоун» — это звучит чертовски глупо для человека, который вырос в демократической стране.

— Но не могу же я называть вас миссис Стоун!

— Меня зовут Марджел, — кокетливо объявила она.

— Марджел! — воскликнул мистер Ривз. — Какое... какое оригинальное имя! Никогда такого не слышал.

— Мою мать звали Марджери, — пояснила она, — а отца — Джелетт, они соединили оба имени и назвали меня Марджел.

— Очень изобретательно, — сказал мистер Ривз, удивленный такой идеей, которая показалась ему несколько эксцентричной, и, покривив душой, неуклюже добавил: — И очень красиво.

Ну и, конечно, совсем по-отечески он начал звать ее «Марджел»...

— Как вам нравится Англия, Марджел? — спросил он.

— Роскошная страна, — сказала Марджел. — Я обожаю всякие исторические памятники, и грязные старые дома, и все ваши традиции, но я привыкла жить в демократической стране.

— Но Англия тоже демократическая страна, — произнес озадаченный мистер Ривз. — У нас почти все взрослые имеют право голоса и нет никаких политических боссов.

— Да, пожалуй, — сказала Марджел. — Только я-то имела в виду этих ваших зазнаек, которые, здороваясь, суют вам ледяную лапу и всякий раз, как девушка раскрывает рот, произносят: «Ах, во-о-о-от как!»

— А-а, этих,— протянул мистер Ривз, не очень вразумительно, но достаточно сердечно.— Тут я вполне согласен с вами. Но ведь и у вас в Америке есть снобы. То и дело встречаешь американцев, которые ведут свое начало от Перкинсов из Алабамы или чьи предки прибыли в страну на «Мэйфлауере». Этот корабль, наверно, был раз в десять больше «Нормандии».

— Ну, это совсем другое.

— Конечно, другое,— согласился мистер Ривз.— Когда речь идет о наших недостатках или глупостях, они выглядят по-другому, чем у соседа. Но я с вами согласен. Американский снобизм в общем-то безвреден — им заражено всего каких-нибудь несколько идиотов на Востоке и Юге. А в Англии это болезнь смертельная. Снобизм проник во все поры нации, он создал между классами всякого рода глупейшие перегородки. Посмотрите, к примеру, сколько у нас периодических изданий посвящено прославлению снобизма. Вот моя жена — сноб...

— Да ну что вы, мистер Ривз, вы же это несерьезно,— возразила Марджел,— она, конечно, чудесная женщина.

— Вполне возможно,— сказал мистер Ривз без особой уверенности,— и все-таки она сноб, светский сноб. Готова потратить бог весть сколько времени и сил,— не говоря уже о деньгах,— на людей, которых она называет людьми «настоящими», а на тех, кто составляет соль земли, она и внимания не обращает. Возьмите, к примеру, моего старого друга Джо Саймонса... Вы, случайно, не знакомы с Джо?

— По-моему, нет,— сказала Марджел,— но, может быть, Джерри знает его.

— Человек каких мало,— восторженно заявил мистер Ривз.— Лихо играет в гольф, работага, человек открытый, честный, знает уйму занятых историй, никаких глупостей за ним не числится, а вот нате же — поверите ли: моя жена явно недолюбливает его.

— Может быть, он недостаточно к ней внимателен,— предположила Марджел.— А женщины этого не любят и не держат в чести друзей мужа, которые все внимание уделяют ему.

— А пожалуй, вы правы,— согласился с этой новой для него мыслью мистер Ривз.— Но все равно она — сноб. И меня тоже хочет сделать снобом. Я, конечно, над ней посмеиваюсь, но согласия у нас на этот счет никогда не будет. Я говорю: хочу иметь в друзьях настоящих

друзей, а не подлизываться к людям только потому, что их имена можно встретить в газетах.

— У-у-ум.— В знак сожаления Марджел идала прелестный воркующий звук, подражая Мэй Уэст в одном фильме.

— А вот вы — совсем другая, — неосторожно заявил мистер Ривз, забыв, что никогда не следует проводить между женщинами сравнений. — У вас есть и титул, и обаяние, и собой вы хороши — это откроет перед вами любую дверь...

— Хотите польстить мне, — сказала Марджел, шапная зеркальце и принимаясь пудрить нос.

— Нет, право же, — заверил ее мистер Ривз. — Я в самом деле так думаю. И при всем том вас эта светская суэта занимает, как видно, не больше, чем меня. А я так просто диву даюсь, до чего она захватывает почти всех женщин. Да и детей моих — тоже. Знаете, Марджел, я очень разочаровался в своих детях...

— Ну, что вы, мистер Ривз, не надо так говорить. Это нехорошо.

— Но это правда, — настаивал мистер Ривз. — Всю жизнь я трудился не покладая рук, — и ведь не только для себя, но и для них тоже. Когда они были помладше, а я победнее, мне приходилось во многом себе отказывать — обходился то без одного, то без другого, лишь бы они ни в чем не нуждались. Я не жалел на них денег, послал их в хорошие школы, дал им самим выбрать путь в жизни и друзей — все. И что же из этого получилось? Я оказался просто старым дураком, который платит за них. А вся их любовь принадлежит матери — только потому, что она всегда их баловала. Взять хотя бы моего сына Бейзила — он учится на стряпчего...

— А что это такое? — спросила Марджел.

— Адвокат, юрист, — пояснил мистер Ривз. — Мать уговорила его заняться этим, хотя от мог бы вступить в очень неплохое дело. Но нет: стать дельцом — это, видите ли, слишком вульгарно...

— Ну, и среди адвокатов есть немало гнид, которые занимают всякими темными делишками, — сказала Марджел. — А что же тут плохого быть дельцом — не понимаю!

— Вот именно, — сказал мистер Ривз. — Однако все так, как я сказал. Снобизм. Мой родной сын не желает бывать дома, потому что его отец и друзья отца недостаточно хороши для него. Видите ли, «неспециалисты».

А благодаря кому он существует? Благодаря дельцам! Кто платит гонорар юристам? Дельцы! Просто ничего не понимаю. Видит бог, деньги они все любят, но когда надо их не тратить, а зарабатывать,— все воротят нос.

— Молодежь вся такая,— обобщила Марджел.— А вы были благодарны своему отцу?

— Ну, у нас все было иначе,— с достоинством заявил мистер Ривз, забыв про то, что он говорил раньше.— Моему отцу в этом отношении не на что было жаловаться. Пока я не женился, я всегда отдавал ему часть своего заработка.

— Теперь дети смотрят на это по-другому,— сказала Марджел.

— А не должны были бы,— возразил мистер Ривз.— Возьмите, к примеру, мою дочь Марсель. Совершенно идиотское имя, на котором настояла ее мать,— добавил он в скобках, забывая о том, что «Марсель» по звучанию похоже на «Марджел».— Так вот она совершенно помешалась на искусстве. Только и разговоров что про Искусство с большой буквы. Художники, оказывается, люди совсем особого рода, витают где-то там в облаках...

— О, господи! Вот такую же чушь я слышала и у нас в Гринич-Вилледже,— сказала Марджел.— Просто слушать тошно, правда?

— Ну, конечно, а когда я спрашиваю ее, сколько художники зарабатывают,— с обиженным видом продолжал мистер Ривз,— она только пожимает плечами и делает оскорбленное лицо. Забывает, что это благодаря моим деньгам она может строить надменные рожи.

— Да, тяжело вам приходится,— сказала с притворным сочувствием Марджел.

— Боюсь, я наскучил вам своими жалобами,— поспешил сказать мистер Ривз, уловив неискренность в ее тоне.

— Да что вы! Как вы можете такое подумать? — сразу оживилась Марджел.— Все это очень интересно. И я в самом деле считаю, что вам, должно быть, тяжело.

— Спасибо,— сказал мистер Ривз.— Теперь вам более или менее ясно, в каком тяжелом положении я нахожусь. В жизни у меня было две настоящих привязанности — мои дела и мой дом. От дел я отошел, а дом не оправдал моих надежд. Если же я когда и развлекался, то развлечения так и оставались для меня развлечениями, они вносили разнообразие в мою жизнь — и только. Но нельзя всю жизнь проводить в развлечениях,

я, во всяком случае, так не могу. Значит, мне нужна какая-то новая привязанность, нужны новые друзья...

— У-у-ум,— в знак согласия проворковала Марджел.

— И вот я надеюсь,— неуклюже начал мистер Ривз,— что мы могли бы стать друзьями...

— У-у-ум.

— И встречались бы так время от времени, чтобы пообедать вместе и спокойно поговорить о жизни и прочих вещах...

— Угу. Роскошно,— согласилась она.

Ничего не было сказано о том, чтобы приобщить к этому и отсутствующих. Наступило непродолжительное молчание, пока Марджел снова пудрила носик, после чего она ослепительно улыбнулась мистеру Ривзу.

— Какая вы добрая,— робко сказал он.— Знаете, я... мне в самом деле бывает довольно одиноко.

— Ну и мне порой тоже,— призналась Марджел.— Конечно, у меня есть Джерри, и он совершенно замечательный, но он целый день торчит в конторе, а у меня нет настоящих друзей в Лондоне...

— Один друг у вас теперь есть,— с галантным поклоном сказал мистер Ривз.— Послушайте, а что, если отметить это обстоятельство? Выпьем бутылочку шампанского, пока ресторан не закрылся? Вы любите шампанское, а?

— Еще бы.

Они выпили бутылку шампанского и поговорили о разных, весьма существенных, вещах: о бирже и о том, что у мистера Ривза не ладится с гольфом, и как надо следить за детьми на первом году их жизни, а потом — о кино. Марджел сказала, что в «Палаццо» идет роскошный фильм и ей до смерти охота посмотреть его. Мистер Ривз взглянул на свои часы и увидел, что уже половина четвертого. И, поскольку он должен был встретиться с миссис Ривз и Энси в половине пятого, они с Марджел решили, что у них нет времени идти в кино, а вместо этого они решили посидеть тут еще немножко и потом решили пообедать вместе в этот же день на будущей неделе и затем пойти в кино. И наконец, когда настало время расставаться, мистер Ривз любезно посадил Марджел в такси, и они тепло пожали друг другу руки и мистер Ривз сказал, какое она доставила ему удовольствие своим обществом — у него теперь совсем другое настроение, а Марджел сказала: «У-у-ум, это было лихо», точно передав интонацию Мэй Уэст, которую она так тщательно изучала, а мистер Ривз, когда

такси уже тронулось, крикнул вслед, чтобы она не забыла насчет будущей недели, и она кивнула, и улыбнулась своей чарующей улыбкой, и помахала ему рукой...

Мистер Ривз не взял такси, а пошел пешком к остановке автобуса. Подобно многим людям, считавшим в молодости каждую копейку, он инстинктивно все еще экономил на малом, но зато был способен совершать такие траты, о которых и помыслить не мог в ту пору, когда формировались его привычки. Он был в чрезвычайно приподнятом, даже веселом, настроении — возможно, так взбодрил его разговор с Марджел, а возможно, непривычное количество вина, которое ему пришлось выпить из-за воздержанности его гостя, а может быть, и то и другое. «Этакая милая, умненькая крошка, — сказал он себе. — Этакая милая, умненькая крошка».

Улыбаясь собственным мыслям и все снова и снова повторяя про себя эти слова, он сел в автобус. Они казались мистеру Ривзу необычайно выразительными, своеобразным критерием высоких моральных качеств, словно «милая», «умненькая» и «крошка» были зримыми атрибутами идеала женственности. В окно напротив мистер Ривз видел Пикадилли, — зрелище это ласкало его взор. Столько хорошо одетых людей и все такие милые! Он попытался представить себе, куда они спешат, и не смог, — он мог лишь предположить, что все они отлично пообедали и сейчас направляются с визитом к некоему молодому и гениальному художнику. Когда длинные вереницы машин остановились на красный свет, нетерпеливо урча моторами, мистер Ривз только улыбнулся. Ну, какое это имеет значение? Времени впереди — уйма, сколько угодно. Он увидел анонс вечерней газеты: «Бедствие на море». Мистера Ривза это не касалось, он и знать об этом не желал. Так им и надо, раз они вздумали раскатывать по морю. Ну, кто их просил выходить в море? Сидели бы дома, да лучше пообедали бы как следует...

В таком, довольно веселом настроении, благоволя ко всему человечеству, мистер Ривз споткнулся о ступеньку, поправил съехавшую набок шляпу и с излишней силой нажал на звонок. Ни ответа ни привета. Только мистер Ривз принялся воспроизводить на звонке новый пассаж из Стравинского, как дверь распахнулась и перед ним возникла голова Энси, который с любопытством и возмущением глядел на него. Узрев, что перед ним стоит мистер

Ривз, он изобразил на лице улыбку — ни дать ни взять распускающийся кочан цветной капусты — и воскликнул:

— Здравствуйте! Как мило, что вы пришли. Мы все здесь, и Питер так жаждет познакомиться с вами и показать вам свою работу.

Конвоируемый мистером Хоукснитчем, мистер Ривз повесил шляпу и пальто в темной передней и затем, осторожно нащупывая путь, тяжело дыша, полез вверх по еще более темной деревянной лестнице, которая к тому же непрерывно скрипела под его ногами.

— А вот и он! — пронзительно взвизгнул Энси, оповещая о приходе мистера Ривза, и тот вступил в большую комнату, каких, по своей наивности, он не ожидал увидеть в Лондоне. Это было похоже на верхнюю часть амбара с открытой крышей, с перекрещивающимися пыльными балками и большим окном во всю стену, с матовым стеклом. Подле окна стоял помост для модели и мольберт с недоконченным полотном. На выбеленных известкой стенах красовалось несколько подвешенных или приколотых картин и репродукций, а на старых комодах и шатких креслах в «художественном беспорядке» были разбросаны куски цветных тканей, — один такой кусок чарующе свисал с ширмы. В большом камине было полно золы и пепла, и вообще все помещение выглядело так, точно его месяц никто не убирал. На столе с отломанной ножкой, которую заменяли книги, возвышался треснутый чайник, несколько жестяных эмалированных кружек, масло и хлеб, выглядевший так, точно его накромали тупым штыком, и тарелочка с неаппетитным кексом. В комнате находились миссис Ривз с Бекки Берден и еще какой-то молодой человек, которого мистер Ривз не знал.

— Это мистер Ривз, Питер! — с таким возбуждением объявил Энси, точно он привел буйвола, или русского великого князя, или какое-то другое экзотическое животное. — Ему так хотелось познакомиться с тобой и посмотреть твои удивительные работы! Это Питер Марсбейт, мистер Ривз.

Мистер Ривз поздоровался за руку с бледным одутловатым молодым человеком, обладателем светлых бегающих глазок и светлых волнистых волос, производивших впечатление завитых, каковыми они и были. Произнося «здравствуйте», он вдруг ослепительно сверкнул двумя золотыми зубами и, от великого смущения, потерял головой о плечо.

— Я сейчас приготовлю чай, Питер, сейчас приготовлю,— услужливо предложил Энси, схватил чайник и, размахивая им, ринулся в своего рода буфетную, где мистер Ривз успел заметить газовую плитку и кипящий на огне чайник, из которого вырывалось перышко пара.— А ты побеседуй с мистером Ривзом,— слышался оттуда голос Энси.

Молодой человек и мистер Ривз молча смотрели друг на друга. Затем Питер сказал: «Это так мило, что вы пришли»,— и снова потеряв головой о плечо, что уже в первый раз немало удивило мистера Ривза. Эта его скованность заразительно подействовала на мистера Ривза, и, сколько он ни напрягал мысль, произнести он сумел лишь:

— Нисколько, нисколько. Очень рад с вами познакомиться.

Тут тактично вмешалась миссис Ривз:

— Мистер Марсбейт как раз говорил нам о своих презабавных приключениях в Париже, когда он изучал там искусство. Он считает, что английские школы никуда не годятся и что мы должны немедленно отпустить Марсель учиться в Париж.

— Хм,— произнес мистер Ривз.— Чтобы я отпустил мою дочь одну жить в Париже! Только через мой труп.

— Я бы тоже очень хотела, чтобы мамочка меня отпустила,— сказала Бекки.— Я обожаю Париж.

— А мне показалось,— вмешался мистер Ривз,— вы сказали тогда у нас, что Париж скучный и уже немодный город!

Бекки стало не по себе, и вид у нее был такой виноватый, точно ее застали на месте преступления, когда она пальцем выуживала из банки малиновый джем.

— Так ведь она имела в виду туристский Париж,— сказал Питер, наконец обретя дар речи, но по-прежнему крутя головой.— А Париж художников — это совсем не то, это другой мир, рай для интеллектуалов.

— Очень рад это слышать,— буркнул мистер Ривз.— И все же я бы предпочел, чтобы моя дочь сидела дома.

Тут все застрекотали разом. Энси, прислушивавшийся из буфетной к тому, что происходит в комнате, ринулся на подмогу с чайником в руке, из которого во все стороны брызгал горячий чай, и принялся умолять мистера Ривза послать Марсель в Париж — «ради собственного же блага». Питер сказал, что человек не может писать, если он не был в Париже, а Бекки, округлив глаза, сказала:

— Послушайте, мистер Ривз, неужели вы считаете, что женщины в чем-то хуже мужчин?

Когда гомон улегся и пролитый чай вытерли с помощью измазанной в красках тряпки, Питер наполнил кружки и шлепнул в каждую ступок консервированного молока из неровно вскрытой жестяной банки. Энси, с грацией светского льва, которой он постарался придать богемистый пошиб, обнес гостей хлебом с маслом и кексом. Он посоветовал мистеру Ривзу почитать Мюрже, если он хочет знать, что на самом деле представляет собой жизнь художника в Париже. Питер возразил, что Мюрже давным-давно устарел. Мистер же Ривз подумал о том, что интересно бы знать, кто такой этот Мюрже. О том же, видимо, подумала и Бекки, ибо она обратила на мистера Марсбейта молящий взор и сказала:

— О, Питер, ну, пожалуйста, расскажите мне про Мюрже. Мне так хочется про все это знать. Мамочка воспитала нас в такой строгости.

Злополучный художник, то и дело крутя головой и поблескивая зубами, принялся за поистине непосильный для него труд и стал пересказывать содержание «Жизни богемы». Мистер Ривз заметил, что это самый обыкновенный роман про бездельника-художника.

Беседа снова приняла было весьма нетерпимый характер, но тут с тактичностью, еще более заметной, чем все промахи мистера Ривза, в нее вмешался Энси (которому причиталось десять процентов от продажи любого из произведений искусства):

— Просто не понимаю, чего мы сидим тут и толкуем про всякие скучные старые книги, когда перед нами столько чудесных работ Питера и когда такие милые люди собрались их посмотреть. Ну, Питер, П и т е р, не стесняйся и не дури, ты же знаешь, что ты гений, вытаскивай свои картины и ставь их на мольберт, чтобы мы могли ими полюбоваться. Передвинь мольберт, Питер! Передвинь мольберт, чтобы мистеру Ривзу не пришлось переставлять стул. Бекки! Сядьте рядом с мистером Ривзом и помогите ему принять решение. Я уверен, что он просто влюбился в работы Питера...

Мистер Марсбейт неловко протащил по комнате мольберт, неловко и застенчиво порылся среди прислоненных к стене полотен, уронил одно из них и сказал: «О, господи!» — потом споткнулся о табурет и произнес: «Ах, эти ужасные вещи!» — и наконец поставил первую картину на мольберт.

Мистер Ривз протер очки, водрузил их на нос и уставился на мольберт — с удивлением, изумлением, ужасом. Надо сказать, что мистер Ривз принадлежал к той школе любителей искусства, которые ничего в искусстве не понимают, но знают, что им нравится, и косвенно повинны в существовании Королевской академии и двух забавных котят с голубыми ленточками на шейках; это ради них была придумана история про Зевксиса и его виноград, который прилетали клевать птицы, — они же повинны и в том, что на винограде у голландского мастера поблескивает капелька росы, а на некоем нарисованном носу сидит муха, которую кто-то потом пытался замазать. Ну, а то, что увидел мистер Ривз, было совсем не в этих великих традициях.

— Это называется «Гомер», — торжественно пояснил мистер Марсбейт.

Фон у «Гомера» был тускло-зеленый, — видимо, как символ вечной свежести поэта, воспевавшего Родос, Смирну, Колофон и тому подобное. Самой примечательной деталью картины были стеклянные глаза, искусно прилепленные к полотну посредством жидкого клея и наглядно свидетельствовавшие о том, что мистер Марсбейт знал о слепоте Гомера. В углу картины помещалось исчезающее за кадром колесо тележки молочника, — судя по всему, это была колесница Ахиллеса, — к которой был прикреплен кусок сырого мяса (на всей нашей планете одно олько мистер Марсбейт знал, что то был кусок ноги от тела Гектора). На переднем плане находился заяц, похожий на черепаху, и черепаха, похожая на зайца, — мистер Марсбейт учился в Итоне и слышал о софизмах, связанных с именем Ахиллеса...

— Питер! — взвизгнул мистер Хоукснитч в таком экстазе от возможной сделки, что ему позавидовал бы любой торговец. — Это же божественно! Это даже лучше, чем Мирол!

— По-моему, это замечательно, — скрестив на груди руки и слегка кивая, заявила Бекки. — Но, Питер, душенька, почему тут гора? Разве Гомер жил на горе? Расскажите, пожалуйста, мне так хочется все знать.

— Гора Ида, — пояснил мистер Марсбейт таким замогильным тоном, точно хотел сказать: «Ну, почему я должен возиться со всякими неучами?»

Приглядевшись, мистер Ривз увидел, что тускло-зеленый фон в одном месте действительно сгущается, что может объясняться слишком толстым слоем краски, или

может обозначать зеленого морского ежа, или зеленый холм вдаль, или же, как это и утверждал мистер Марсбейт,— действительно гору.

— Ну, разве это не прелестно, мистер Ривз? — заметил Энси.— Не правда ли, прелестно и оригинально?

— Ей-богу, очень красиво,— сказал мистер Ривз, снимая очки, чтобы еще раз их протереть: что-то плохо в них было видно.— Очень красиво и художественно.

Картина была снята с мольберта, за ней последовала другая, потом еще одна и еще — и каждая казалась мистеру Ривзу еще более удивительной и нелепой, чем предыдущая. Затем мистер Марсбейт, в приливе застенчивости отчаянно вертя головой, поставил на мольберт картину, которую Энси и Бекки решили заставить мистера Ривза купить,— она была отвергнута, по крайней мере, шестнадцатью выставочными комитетами.

— Это — «Цивилизация», — сказал мистер Марсбейт тоном еще более заупокойным, чем когда он говорил про «Гомера».

Мистер Ривз взглянул на «Цивилизацию». Он увидел канареечно-желтое облако с кособоким домиком на нем, а рядом — гильотину с чьей-то только что отрубленной головой. В правом углу была помещена точная копия очень плохого бюста Афины Паллады с торчащей во рту морковкой. В левом углу находилось весьма реалистическое изображение бомбы Миллса, срисованной с учебной модели, которую дал мистеру Марсбейту один гвардеец-солдат. К безоблачно голубому небу был прилеплен клочок французской газеты с рекламой мыла «Кадум».

— О, Питер! Это поразительно! — воскликнула Бекки Берден.— Прелестно. Ну, пожалуйста, скажите мне — я должна знать, — это ваш самый последний стиль?

— Лучшее из всего, что я написал,— сказал мистер Марсбейт, крутя головой и сверкая глазами и зубами, что, по мнению мистера Ривза, выглядело просто ужасно.

— В жизни не видал ничего подобного,— взвизгнул Энси, на этот раз говоря правду.— По-моему, Питер, ты их всех побил, это мое искреннее мнение. Это грандиозно... это... это, ну, прямо Тициан или Микеланджело. Прелестный рисунок и композиция. А что вы скажете, миссис Ривз, правда чудесно?

— Так красиво,— вздохнула миссис Ривз.

— Вы должны это приобрести,— сказал Энси, на совесть выполняя свою роль посредника,— ну, просто должны. Ваша прелестная гостиная станет поистине

мечтой. Неужели вам не хотелось бы иметь такую вещь у себя? Она будет так гармонировать с вашими красновато-коричневыми диванными подушками. Попросите мистера Ривза, чтобы он купил вам ее.

Молчание.

— Вам не нравится картина, миссис Ривз? Даме столь утонченного ума и интеллекта, как вы, не может не нравиться такой подлинный шедевр, как «Цивилизация»...

— Ах, она мне очень нравится,— поспешила заявить миссис Ривз.— Я... я считаю, что это великолепно.

— Вот видите, мистер Ривз! — победоносно заявил Энси, поворачиваясь к крайне удивленному будущему владельцу, который вовсе к этому не стремился.— Картина ваша. А все благодаря превосходному вкусу вашей супруги, которая выбрала ее для вас. Теперь ваша гостиная станет магнитом, притягивающим к себе внимание всех соседей. В грядущие годы пилигримы будут совершать к вашему дому паломничества — и платить шесть пенсов за вход, чтобы увидеть это поразительное творение Питера.

— Я что-то не уверен... — нерешительно начал мистер Ривз, пытаясь защитить от посягательств свой банковский счет.

— Неправда, вы совершенно уверены,— весело сказал Энси.— Питер считает это своим шедевром. И я знаю, что он прав. Так же думает Бекки, так же думает и миссис Ривз, хотя она не хочет оказывать на вас давление. Так вот разрешите мне дать вам совет. Я, конечно, не принадлежу к великим знатокам искусства, но я понимаю толк в картинах и знаю всех знаменитых художников,— так вот: берите эту картину, мистер Ривз, это — шедевр Питера, и ваши наследники через пятьдесят лет вынуждены будут продать ее Национальной галерее!

Вино ли выпитое за завтраком дало себя знать? Или так подействовала на мистера Ривза эта милая умничка крошка Марджел? Или сам мистер Ривз был слишком простодушен и не сумел выстоять против натиска умелого продавца? Так или иначе, но мистер Ривз вяло произнес:

— Хорошо, я возьму ее. Только, только... сколько она стоит?

— Ш-ш! — сказал Энси, прикладывая палец к губам.— Нельзя говорить о деньгах при творце! — И, понизив голос, прошептал: — Всего двадцать фунтов — сущий пустяк, со временем она будет стоить в десять раз больше — это же нарождающийся гений.

Двадцать фунтов! Мистер Ривз отчаянно заморгал за стеклами очков. Это было похуже мистера Хьютона. В конце концов тот просил всего-навсего гинею за бог знает какое количество всякого печатного материала, из которого мистер Ривз, не будь он таким нетерпеливым, мог бы кое-что и почерпнуть. А что эта пачкотня могла ему дать? Ничего, подумал мистер Ривз,— разве что судороги. Он чувствовал, как все они смотрят на него, как хотят, чтобы он купил картину, в то время как он делает вид, будто изучает ее. Он был почти уверен, что скажи он: «Я дам за нее десять фунтов»,— предложение его будет мигом принято. И он уже готов был это сказать, как в дело вмешался Энси.

— Учтите, мистер Ривз, это не просто полотно и краски,— снисходительно сказал он.— Запомните: тут есть духовный посыл. Питер прикоснулся к Неопределимому.

— Вот как!

— И потом — дело не в количестве времени, затраченном на картину, а в том, что это плод всей жизни.

— Годы и годы невероятного труда,— сказал мистер Марсбейт, усиленно мотая головой.

— Хорошо,— слабым голосом промолвил мистер Ривз.— Я сейчас выпишу чек.

Мистер Ривз подошел к столу, извлек из кармана вечное перо и чековую книжку и написал сумму. Чудная все-таки комната, подумал он, подписываясь: огня в камине нет, а ему жарко — не от одного же чая у него так щеки горят, да и почерк какой-то нетвердый. Вот что значит, когда днем не поспишь.

— Извольте,— сказал он, протягивая чек мистеру Марсбейту.

Но Энси вдруг подскочил, словно ученый тюлень, грубо вырвал чек из его рук и пробежал глазами.

— Двадцать фунтов! — ликующе возвестил он.— Двадцать фунтов, Питер.— И, передавая ему чек, добавил: — Питер творит искусство ради искусства, мистер Ривз, и он заслуживает того, чтобы его наконец оценили. Я, например, всегда радуюсь, когда меня ценят. Ты без промедления отошлешь картину, правда, Питер?

— Это будет невероятно трудно! — заявил мистер Марсбейт, вперив в пространство остекленный взор.— А что нужно сделать, чтобы ее отослать? Право же, я ни разу в жизни никому ничего не посылал!

— Можно ведь вызвать посыльного,— поспешила

подсказать Бекки.— Они удивительно шустрые. Прямо не понимаю, как они лонко находят везде дорогу,— так и хочется их об этом расспросить.

— У мистера и миссис Ривз есть ведь машина, они могут увезти картину с собой,— заметил Энси, нимало не смущаясь тем обстоятельством, что ни один из них не приехал на своей машине, но Энси считал, что, если у человека есть машина, она, словно по мановению волшебной палочки, всегда должна быть к их, а особенно к его услугам.— Я сейчас заверну ее, Питер.

После долгого шуршанья газетами, и возни с веревкой, и многократных призывов мистера Марсбейта, умолявшего Энси быть осторожнее, и вскриков Энси: «Да осторожнее же, Питер, ты чуть не повредил мне палец!» или: «Ну, Питер, только у меня получился этот узел, ты взял и развязал его!» — картина была наконец упакована в листы «Дейли мейл» и непрочно перевязана веревкой.

— Ну вот, мистер Ривз! — сказал Энси.— Теперь вы можете везти ее прямо домой — я уверен, что вам никогда больше не захочется с ней расставаться...

Для мистера Ривза это было весьма тягостное возвращение домой. Картину — даже если она без рамы — не очень-то просто везти в часы пик в метро, когда там толпы народа, да еще когда веревки, завязанные Энси, то и дело развязываются, а упаковка сползает. Мистеру Ривзу приходилось непрестанно ее поправлять: он был в ужасе от одной мысли, что его видели в метро с этой картиной и что всем, конечно, хочется на нее взглянуть.

Наконец, весьма разгоряченный, весьма усталый и донельзя обозленный, мистер Ривз прибыл домой и в припадке ярости швырнул злополучную картину на диван. Газеты соскользнули на пол, и она предстала взору Марсель, которая грелась у камина, потягивая шерри. Та подошла поближе и с профессиональным любопытством принялась рассматривать полотно.

— Великий боже, где это вы откопали? — спросила она.

— Папочка купил это для гостиной,— сказала миссис Ривз.— Она так подходит к нашим подушкам.

— Что?! — воскликнула Марсель.— Этот желтый подходит к красновато-коричневому? Ну, мама! И потом — это такое старье, тридцать первый год.

— А ты не думаешь, что лет через десять это могут очень высоко оценить? — не очень-то надеясь на благоприятный ответ, решил все-таки прощупать почву мистер Ривз.

— Дохлое дело,— бросила Марсель через плечо.

Снова посмотрев на картину, мистер Ривз вынужден был признать, что на этот раз его дочь, по всей вероятности, права...

СЕМЬ

И вот мистер Ривз стал вдруг объектом весьма лестного внимания. Это было вполне естественно и даже неизбежно, если учесть, что люди, готовые платить солидную сумму за произведения неизвестного, да и не очень умелого художника, плодятся не так густо, как черная смородина. К тому же Энси — надо отдать ему должное — был первоклассный мастер рекламы. Цена его коммерческих восторгов была хорошо известна, и все же слова его производили впечатление. Он не раз — и притом со знанием дела — говорил о «симпатичной кругленькой сумме, выуженной из кармана мистера Ривза», а мистер Питер Марсбейт, усиленно крутя головой, подтверждал это и говорил, что мистер Ривз невероятно милый. Те, кто был знаком с мистером Марсбейтом, знали, что зря он этого никогда бы не сказал.

Словом, мистер Ривз начал получать приглашения на закрытые вернисажи. И он, которого разве что силой можно было вытащить даже в кино, охотно шел на эти парады искусства, которые казались ему привилегированными, таинственными сборищами, доступными только для посвященных. А добрые вести о чеке мистера Ривза распространялись все дальше и дальше. Его убедили вступить в Общество пропаганды пролетарского искусства и пожертвовать некую сумму на это важнейшее дело. Слухи о нем дошли даже до маньяков, помешанных на политике, и он получил брошюры и подписные листы от Общества культурных связей с Либерией и Лиги реформ избирательной системы в Восточном Китае с призывом использовать свои гражданские права и свое влияние в министерстве иностранных дел для оказания помощи этому благому делу.

Мистер Хоукснитч неизменно присутствовал на всех закрытых просмотрах и представил мистера Ривза вели-

кому множеству художников. Мистер Ривз был весьма удивлен, обнаружив, что на свете — не говоря уже о Лондоне — существует столько художников. Среди них были состоятельные молодые люди, которые элегантно одевались, собирали всякие забавные и очаровательные *objets d'art*¹ для украшения своих домов и студий и от нечего делать писали не торопясь картины. Были и другие молодые люди, которые писали в спешке, потому что у них не было денег, одевались и вели себя как бродяги и жили среди мерзости и запустения. Все особы женского пола имели какие-то доходы или источники денежных поступлений и, судя по всему, делились на тех, которые одевались с претензией и носили челки и шиньоны, и тех, которые ходили в сравнительно нормальных и даже красивых вещах.

Он получил великое множество приглашений посетить студии и «взглянуть на мою работу». Подталкиваемый и увещаваемый Энси, он не всегда в состоянии был отклонить приглашение. А посещения эти оказались дорогостоящими. Почти всякий раз он выкладывал на стол чек и уносил с собой картину или рисунок, который был ему вовсе не нужен, который ему не нравился и которого он не понимал. Частенько рисунки изображали обнаженную натуру, — мистер Ривз считал их определенно *risqués*², если не сказать непристойными. А потому он тщательно прятал их от миссис Ривз и Марсель, боясь оскорбить их женскую чистоту. Вдобавок он, конечно, немного побаивался издевок со стороны Марсель, а также того, как бы она не заставила его купить еще худшую мазню своих друзей. Мистер Ривз всю жизнь считал, что художники — они все немного сумасшедшие и к тому же без всяких моральных устоев. В этой связи он очень тревожился за Марсель.

Словом, вот вам пример того, как осторожно надо поступать в жизни. Если бы мистер Ривз не устроил полутайного обеда с Марджел и не переусердствовал в вине, он не был бы в подпитии и ни за что не позволил бы себе выписать чек на двадцать фунтов за кусок полотна и несколько сгустков краски. А если бы он не выписал чека, он никогда не попал бы в эту беспутную компанию...

---

¹ Произведения искусства (*фр.*).

² Смелыми, рискованными (*фр.*).

Чек этот имел еще одно совершенно неожиданное последствие: мистер и миссис Ривз получили вдруг приглашение провести уик-энд у мистера и миссис Фэддимен-Фишей.

И обязаны они были этим доброму сердцу миссис Фэддимен-Фиш.

Люди, стремившиеся найти в глазах света оправдание своему общению с миссис Фэддимен-Фиш, говорили, что у нее доброе сердце. А доброе сердце — это последнее прибежище людей умственно и социально обездоленных. Миссис Фэддимен-Фиш вовсе не жаждала иметь доброе сердце — она предпочла бы иметь корону пэров. Но при сложившихся обстоятельствах ей оставалось лишь играть в доброе сердце. По этой причине она завела себе ряд протеже, которых внутренне ненавидела, а внешне всячески привечала, искусно подбирая из их числа нуждающихся гениев и рассчитывая, что благодаря своим связям в обществе они, сами того не ведая, могут помочь ей взобраться еще на одну ступеньку той длинной, длинной лестницы, что возвышалась над ней.

В данном случае предметом ее внимания был молодой композитор, который нуждался в материальной поддержке, чтобы написать подлинно английскую оперу. Миссис Фэддимен-Фиш была председательницей и патронессой небольшого комитета, созданного для сбора пожертвований, которые могли бы составить для молодого гения источник временного дохода. По правде говоря, миссис Фэддимен-Фиш интересовалась музыкой и английской оперой еще меньше, чем биметаллизмом, или падением Римской империи, или системой налогообложения в Британской Индии. И занялась она мистером Бертраном Хиггинс-Рэггом отчасти потому, что хоть в кармане у него и не было ни гроша, зато принадлежал он к «наипревосходнейшей семье». Главная же причина заключалась в том, что однажды — по ошибке или же по чьей-то чрезмерной доброте — мистер Хиггинс-Рэгг был удостоен чести играть перед младшим членом королевской фамилии, и по окончании представления младший член королевской фамилии пожал мистеру Хиггинс-Рэггу руку и милостиво произнес несколько банальных слов похвалы. На миссис Фэддимен-Фиш история эта, рассказанная Энси со множеством фантастических преувеличений, произвела весьма сильное впечатление. Раз мистер Хиггинс-Рэгг играл перед членом королевской фамилии, значит, он пишет настоящую музыку. И если

мистер Хиггинс-Рэгг, будучи никому не известным, пожимал руку члену королевской фамилии, то, став знаменитым, он будет часто пожимать руку членам королевской фамилии, а значит, и главная патронесса, чьими стараниями все это стало возможным, тоже будет пожимать руку членам королевской фамилии. Это будет гигантский прыжок вверх по крутой лестнице,— прыжок, который под силу разве что шимпанзе.

Предложение Энси пригласить Ривзов на вечер сначала было встречено без всякого энтузиазма.

— Они же — никто,— высокомерно заявила миссис Фэддимен-Фиш.— Вы сами говорили, что наш обед с ними был актом благотворительности.

— Знаю, дорогая, но за это время они сделали гигантские успехи,— продолжал уговаривать ее Энси: кто-то, а он нелегким трудом зарабатывал свой хлеб.— Они ужасно провинциальны и все прочее, но у них куча денег, и они просто не знают, куда их девать. Вы знаете, какой симпатичный чек на весьма ощутимую сумму получил Питер... Ну, а нам для Берти нужна сумма... весьма и весьма кругленькая. Если вы пригласите Ривзов, и Берти сыграет для них, они не устоят. Вы обязаны сделать это для Берти, дорогая, просто обязаны. Это было бы о-очень жестоко с вашей стороны, если бы вы не согласились. А чем скорее мы дадим Берти возможность начать работу, тем скорее и сами достигнем того, чего хотим, не так ли, дорогая?

Само собой разумеется, Энси втихомолку получал десять процентов от субсидии, предоставляемой Хиггинс-Рэггу. Да и, собственно, что ж тут такого? Ведь идея-то принадлежала ему, Энси, и это он выудил большинство пожертвований... Миссис Фэддимен-Фиш колебалась. Энси настаивал и чуть было не пустил в ход решающую карту, которую он приберет на самый крайний случай, а именно: угрозу, что он лишит миссис Фэддимен-Фиш своей поддержки в обществе, и что же тогда с ней будет? Однако прибегать к столь страшной мере не пришлось, ибо разум восторжествовал: миссис Фэддимен-Фиш согласилась.

В крайнем возбуждении миссис Ривз объявила об этом своему мужу за завтраком, помахивая приглашением, которое она держала в руке.

— Ну, разве не милые они люди? — в приливе чувств воскликнула она.

— Хм, — изрек мистер Ривз, отправляя в рот сочный кусок сосиски. — Что-то не уверен, что мне хочется есть.

— Ах, Джон! Ну, почему ты вечно говоришь «нет»?

— Не вижу в этом никакого удовольствия, — раздраженно заявил мистер Ривз. — Не понимаю я этого. Не одобряю. Толкаться среди всяких напыщенных типов, которых ты никогда прежде не видел и, надеюсь, никогда больше не увидишь, — уж, конечно, не слишком приятно.

— Но там будут люди, которых ты знаешь, — торжественно воскликнула миссис Ривз. — Приедет Энси.

— Ах, тот! — произнес мистер Ривз, не слишком заботясь о вежливости, зато вложив в это слово всю силу своих чувств.

— И еще Бекки Берден.

— Ах, эта!

— Просто не понимаю, что ты имеешь против них, — кротко и в то же время патетически воскликнула миссис Ривз. — Прелестные молодые люди, которые были так добры и внимательны к тебе. Ну, что ты можешь иметь против них?

— Да ничего особенного, — мягко сказал мистер Ривз, — если не считать того, что между нами нет ничего общего и что они действуют мне на нервы, как скрип школьного грифеля по доске!..

— Ах, душа моя, ну что это за разговоры про грифели, — промяукала миссис Ривз. — Люди могут подумать, что ты не получил нужного образования. Грифели теперь в хороших школах никогда не употребляют.

— А в мои времена очень даже употребляли, — буркнул мистер Ривз. — И с их помощью мы даже научились арифметике. А если послушать, какие глупые вопросы задает твоя мисс Берден, едва ли скажешь, что она получила хорошее образование.

— Но она была в Челтнемме, — благоговейно произнесла миссис Ривз.

— Можно и корону отправить в Челтнем, но это не значит, что она научится там мыслить, а? Ха, ха, ха!

Чрезвычайно довольный собственной остротой, мистер Ривз радостно потер руки и отправил в рот еще кусок сосиски.

— Д ж о н !

Миссис Ривз была просто потрясена, услышав, что достопочтенную Ребекку Берден сравнивают с коровой. Для нее это было равносильно краху, нарушению закона, оскорбительному проявлению санкюлотизма. Она приложила платочек к глазам.

— Я бы тебя очень просила не быть таким грубым в отношении наших друзей,— сказала она кротко, хоть и сквозь слезы.— Это такое предательство. Ты стал такой трудный, такой неблагодарный. Мне неприятно напоминать тебе обо всем, что я для тебя сделала, но я вложила столько труда, пытаюсь найти интересных, достойных людей, познакомить тебя с ними.

— Это чертовски дорого нам обошлось,— заметил неблагодарный мистер Ривз.— Все эти гости стоят денег. Счета по хозяйственным закупкам стали в два раза больше, на такую жизнь нужны дополнительные средства, а я...

— Но как же ты можешь ссылаться на деньги, когда речь идет о том, чтобы провести уик-энд у друзей? — прервала его миссис Ривз, искусно обходя главный вопрос.— Потратиться тебе придется разве что на бензин, который ты все равно израсходуешь, только на бесцельную езду.

— Хм,— изрек мистер Ривз, не в силах это опровергнуть.

— Ну, неужели ты не можешь сделать для меня такую малость? — очень жалобно принялась его упрашивать миссис Ривз.— Не так уж я много получаю от жизни, а мне очень хочется поехать. Можешь же ты раз в жизни чуточку поступиться своим эгоизмом?

— Ну ладно, ладно...

Несколькими днями позже, обедая на неделе с Марджел, мистер Ривз со скорбным вздохом пожаловался на свою горькую долю. Когда человек всю жизнь мечтал о том, что вот наступят для него дни свободы и заживет он тихо и мирно, очень уж обидно таскаться куда-то в угоду жене и проводить время с разными напыщенными идиотами. Да, это, конечно, нелегко, согласилась Марджел. Нет, она наверняка не поверит, продолжал мистер Ривз без легкого чувства тщеславия при мысли о том, каким он пользуется успехом,— наверняка не поверит, что у него на этой неделе не было ни дня сво-

бодного и ему пришлось выдержать отчаянную борьбу, чтобы высвободить время для этого обеда и для кино потом! Марджел мелодично проворковала что-то в тон ему. Словом, у него сложилось такое впечатление, сказал мистер Ривз, что выход только один: найти какой-нибудь симпатичный домик в глухой деревне и «сбежать от всей этой суеты». Марджел снова заворковала, но уже протестуя. Ну, какой смысл забираться в глухую деревню, где и поговорить-то не с кем и делать нечего — разве что охотиться на зайцев? Мистер Ривз попытался было возразить. А садоводство! — сказал он. И тут он не без смущения вспомнил, что у него ведь уже есть прекрасный сад, но он не слишком-то им занимается. Ну, еще можно «вести наблюдения за дикими птицами...». Но какой вклад он внес в познание пернатого мира Мервуда? Он неуклюже попытался обратить внимание Марджел на поэтичность сельского пейзажа — взять, например, старую замшелую церковь... Но в нем тотчас заговорила совесть: он так редко ходил в церковь, а если и ходил, то отчаянно там скучал. Можно было, конечно, еще воспеть сельское хозяйство, но мистер Ривз не мог отличить брюквы от кормовой свеклы и оказался бы в весьма затруднительном положении, если бы перед ним поставили вопрос о том, какая разница между овцой-второгодкой и кастрированным бараном... Словом, мистер Ривз с радостью оставил эту тему и принялся разглагольствовать о более легком предмете, а именно: с большим жаром рассуждать о том, что Шекспира невозможно играть, а Грета Гарбо как актриса обладает множеством недостатков...

С помощью одной из многочисленных уловок, известных всем владельцам машин, мистеру Ривзу удалось избежать необходимости подвозить Энси и Бекки. На дворе стоял приятный майский день, они с миссис Ривз сели в машину, и мистер Ривз с огромным удовольствием повел ее — хотя бы уже потому, что ехал он не куда в голову взбретет, а по определенному маршруту, имея перед собою твердую цель. Когда же они свернули с шоссе и покатали по узким грунтовыми дорогам, которые в свое время были просто извилистыми тропинками, обсаженными кустарником, — мистер Ривз ощутил еще большее удовольствие. Они проезжали мимо деревень с крытыми соломой домиками и трактирами в духе тю-

доровских времен, показавшимися мистеру Ривзу чрезвычайно живописными. На сочных зеленых лугах паслись мирно жующие тучные коровы, а поля, оставленные под покос, уже запестрели цветами. Вдали величавые дома высокомерно смотрели поверх зыбкой линии парков, или над купами вязов, словно сошедших с картины Биркетта Фостера, вдруг изысканно и сентиментально возникал церковный шпиль. Из молодой пшеницы то и дело взлетали поселившиеся там во множестве грачи. Или, может быть, то были вороны? Мистер Ривз не был уверен.

В приливе сентиментальных восторгов, вызванных красотами природы, мистер Ривз возлюбил все — включая свою жену. Он забыл о своем разговоре с Марджел и снова возмечтал «о домике в деревне, вдали от всей этой суеты». Ему представилось, как они с миссис Ривз поселятся в маленьком, но уютном домике, о котором он столько мечтал, неподалеку от какой-нибудь идиллической деревушки, — неразлучные до гроба, он и она. Они будут мирно жить на старости лет среди золотой весны, которая, по мнению иных горожан, вечно царит в деревне; дети будут навещать их; внуки будут приезжать на каникулы; к чаю будут подавать мед, сливки, домашнее варенье...

Мистер Ривз уже собрался обрисовать эту их будущую жизнь Джейн и мимоходом предложить плюнуть на приглашение, провести уик-энд в придорожной гостинице и подыскать подходящее местечко для застройки. Он взглянул на миссис Ривз. Она извлекла письмо, которым их приглашали в гости, и в двадцатый раз перечитывала его. Потом аккуратно положила его в сумочку и попудрила нос — в третий раз с тех пор, как они покинули Лондон. Мистер Ривз вздохнул и воздержался от рассказа о своей мечте. Не посмел...

В общем и целом уик-энд этот оказался для мистера Ривза малоприятным и озадачивающим. Ему понравились дом и сад с его старыми деревьями, лужайками и цветами, три собаки, оранжерея и образцовый свинарник; он даже отважился робко погладить по блестящей шерсти верховых лошадей, косивших на него своим злым конским глазом. И не понравились люди, почти все, начиная от дворецкого и до музыканта, от подобострастного садовника до его хозяев. Кое-кого из гостей он знал, остальных не знал, но если в городе люди такого

рода производят просто неприятное впечатление, то на лоне природы они кажутся неестественными и нелепыми. Во всяком случае, по мнению мистера Ривза, они никак не смотрелись на фоне вязов и первоцветов. Да, очевидно, они и сами это понимали, неуверенно вышагивая в лакированных туфлях по усыпанным гравием дорожкам и впадая в притворные восторги при виде цветов и свиней.

К этому следует добавить, что мистер Ривз продолжал совершать *gaffes*.

Взять хотя бы проблему правильного выбора галстука к обеду, столь важную для нашей цивилизации. Мистер Ривз, тихонько насвистывая «Старый мой кентуккский дом» и вспоминая своих товарищей по оружию, прилаживал черную бабочку, когда миссис Ривз осторожно намекнула ему, что следовало бы надеть белую.

— Глупости,— сказал мистер Ривз.— Ты меня однажды уже поправила и была права.

— Но здесь же совсем другое дело,— ласково убеждала его миссис Ривз.— После обеда будет музыка и, насколько я понимаю, все обставляется весьма парадно.

— Пф! — смачно произнес мистер Ривз.— Ты когда-нибудь слышала, чтобы в деревне надевали белую бабочку? А кроме того, раз они были у меня в черных бабочках, то и я у них надену черную.

Однако эта его задиристость довольно скоро исчезла. Спускаясь вниз по лестнице, мистер Ривз узрел мистера Фэддимен-Фиша, пересекавшего холл во всем великолепии белого жилета и белого галстука. Мистер Ривз тут же повернул назад и, не дожидаясь миссис Ривз, не предупредив ее, укрылся в своей спальне. Смена костюма заняла у него столько времени, от нетерпения он так неловко и неуклюже все делал, что вниз он спустился, только когда коктейль был уже позади, так что миссис Фэддимен-Фиш даже приподняла свои выщипанные брови при виде такого неприличного опоздания.

Обед оказался тяжким испытанием для мистера Ривза. И не потому, что еда была плохая. Наоборот. И вино было превосходное — вот только задерганный дворецкий забыл вновь наполнить его бокал. Мистера Ривза посадили в середине длинного стола, на наименее почетное

место, поместив справа от него Бекки Берден, а слева — чрезвычайно глухую старую даму с чрезвычайно золотыми волосами. Устраивая ей приглашение на это музыкальное действо, мистер Хоукснитч помнил, что она богата и глупа, но совсем забыл, что она к тому же глухая. Впрочем, если поразмыслить, это, право, не имело значения... Напротив мистера Ривза сидел мистер Хоукснитч между миссис Ривз и болгарской графиней, похожей на сморчок, в поддельной брильянтовой короне на волосах, знававших более достойные головы.

Мистер Хоукснитч с великим *empressement*¹ окружал вниманием графиню, называл ее «дорогая» и беззастенчиво ей льстил...

— Вы еще никогда не выглядели так молодо, дорогая, это платье удивительно вам к лицу. Когда вы спустились сегодня вниз, я, право же, подумал, что это ваша дочь. Честное слово, дорогая!

Графиня радостно замурлыкала и скромно попросила мистера Хоукснитча не говорить глупостей.

Миссис Ривз внимала лупоглазому пожилому джентльмену с сальными седыми волосами, широким одутловатым лицом и носом, похожим на невиданный доселе в природе малиновый гриб. О чем он говорил, мистер Ривз никак не мог разобрать. Не могла этого разобрать и старая дама с золотыми волосами. Всякий раз, как сосед пытался завести с ней разговор, она приставляла рожок к уху и спрашивала:

— Что? Что вы сказали? Что?

Мисс Берден же игнорировала его. Судя по всему, она беседовала с другим своим соседом о биологии, ибо мистер Ривз услышал, как она взмолилась:

— Ах, пожалуйста, расскажите мне о половой жизни головастиков — мне так хочется об этом знать!

Даже слуги, казалось, игнорировали мистера Ривза, ибо они вообще забыли подать ему одно из блюд, и он уныло сидел перед пустой тарелкой, в мрачном молчании катая из хлеба шарики и мечтая о кружке горького пива и бифштексе наедине со стариной Джо Саймонсом... Правда, слуги постарались заглядить свое невнимание, наделив его сверх меры мороженым — деликатесом, которого мистер Ривз терпеть не мог.

Наконец мисс Берден, видимо, исчерпав все проблемы половой жизни головастиков, повернулась к нему и спро-

---

¹ Усердием (фр.).

сила, был ли он на премьере нового ревю «Плюх-плюх». Мистер Ривз не был.

— О, вы должны пойти,— с укором сказала мисс Берден.— Все уже были. Это смешно до колик. Энси говорит, что он написал текст нескольких лирических песен, но я не верю, а вы?

У мистера Ривза чуть не вырвалось: «А я бы нисколько не удивился, если они достаточно глупы». Но вместо этого он лишь вяло проямлил:

— Право, не могу сказать.

И чтобы помешать мисс Берден задать еще какой-нибудь из ее сногшибательных вопросов, мистер Ривз поспешил заполнить паузу.

— А кто этот молодой человек по правую руку от хозяйки? — шепотом спросил он.

— Как, неужели вы не знаете? — с наивным возмущением воскликнула Бекки.— Да это же мистер Хиггинс-Рэгг, великий музыкант. Все и торжество-то устроено в его честь. Неужели вы никогда не слышали, как он играет? Это изумительно, великолепно!

— Хм,— изрек мистер Ривз, пораженный до онемения. Мистер Хиггинс-Рэгг был маленький, худенький, но весьма энергичный молодой человек, живо напомнивший мистеру Ривзу шустрого мальчишку рассыльного, которого он вынужден был уволить за мелкое воровство, выразившееся в присвоении сдачи.— Чудные они какие-то, эти гении! В жизни не подумал бы, глядя на него... А кто этот мужчина, который беседует с моей женой?

— Да это же Носатый Паркер. Вы должны его знать. Он везде бывает и всех знает. Он и нас всех знает с колыбели. Мамочка обожает его.

— Я не раз слышал про Носатого Паркера,— торжественно заявил мистер Ривз,— но ей-же-ей не думал, что он существует.

И мистер Ривз с великим интересом уставился на мистера Паркера, ибо это была первая из встреченных им знаменитостей, о которой он что-либо когда-либо слышал.

— Но это же не настоящее его имя,— презрительно заметила Бекки.— Его зовут Гэмэлиел Паркер. А Носатым его прозвали в шутку, потому что у него такой занятный нос и его слишком интересуют чужие дела.

— Вот как,— пробормотал мистер Ривз.

Еще один gaffe.

Мистер Ривз стал с нетерпением дожидаться спокойного получаса за портвейном, когда дамы уйдут к себе. Миссис Ривз сказала ему, что среди гостей есть два крупных профессора,— какие-то ученые, насколько ей известно, и мистеру Ривзу не терпелось послушать этих двух мудрецов. Кто его знает, а вдруг обогатишь свои познания... Указанные мудрецы оказались музыковедами, которых где-то подцепил мистер Хоукснитч, а скорее всего, они сами подцепили его. Так или иначе, приглашены они были для того, чтобы распустить в университетах добрый слух о мистере Хиггинс-Рэгге.

Но мистера Ривза ожидало разочарование. Не успел он наполовину осушить и первую рюмку, как мистер Фэддимен-Фиш, предварительно осчастливив собравшихся двумя-тремя слегка скабрзными эпиграммами, погнал их всех в гостиную пить кофе. В комнате толкалось излишне много народу, ибо несколько кретинов «из соседних поместий» прибыли на чашку кофе и на концерт Хиггинс-Рэгга. Лампы под абажурами струили мягкий свет, и две свечи горели ровным, неярким пламенем, освещая клавиши бекштейновского концертного рояля. Мистер Ривз внимательно огляделся в поисках уголка потемнее: тут было немало людей, с которыми ему вовсе не улыбалось общаться. Он увидел одиноко стоявший стул и направился к нему. Его единственным ближайшим соседом оказалась болгарская графиня, ставшая под бременем пищеварения чрезвычайно похожей на выбеленную, напудренную и надушенную обезьяну. Естественно, что мистер Ривз не обратил внимания на близость болгарской графини...

Не успели подать кофе, как мистер Хоукснитч принял на себя роль церемониймейстера.

— Берти! Берти! — громко и властно возгласил он, перекрывая гул голосов.

Мистер Хиггинс-Рэгг, прекрасно знавший, что за этим последует, поднял на него взор, с отлично сыгранным наивным-вопросительным выражением.

— Да ну же, Берти! — визжал Энси. — Ты должен сыграть нам, право же, должен. Все мы приехали сюда спесьяльно, чтобы послушать тебя, и мы с миссис Фэддимен-Фиш будем крайне огорчены, если ты урвешь у нас хотя бы минуту. Это будет такое удовольствие для нас всех.

— Ах, не сейчас, Энси, пожалуйста, — лицемерно взмолился мистер Хиггинс-Рэгг.

— Послушай, Берти! Не будь таким застенчивым, глупым и прочее,— взвизгнул Энси.— Ты же знаешь, что играешь как бог. Не будь девчонкой! Живо иди к роялю и сыграй нам что-нибудь такое завлекательное, смачное.

Мистер Хиггинс-Рэгг с подчеркнутой неохотой лениво поднялся со стула, обернувшись к притихшей компании, сверкнул заученной улыбкой, провел ухоженной рукой с наманикюренными ногтями по тщательно смазанному бриллиантом волосам и, покачивая бедрами, направился к роялю. Он взял наугад несколько аккордов, проиграл первые такты «Лунной сонаты» и перешел к импровизации на тему, которую заранее тщательно отработал.

— Что же вам сыграть? — спросил он, склонив набок голову и томно глядя в потолок: на слушателей всегда производит хорошее впечатление, когда человек играет, не глядя на клавиши.— Хотите Дебюсси? Или Шёнберга? Или что-нибудь этакое допотопное... Сыграть вам Моцарта и Баха?

— Нет, нет! — завизжал Энси, отлично выполняя свою роль.— Их мы можем услышать в любое время. Сыграй нам что-нибудь свое, Берти!

— Так, сразу? — скромно спросил мистер Хиггинс-Рэгг.

— Ну, конечно! Не глупи, Берти. Право же, нельзя быть таким несговорчивым и скромным. Ты никогда ничего не достигнешь, Берти, если не будешь знать себе цену, верно, дорогая? — Последние слова были сказаны специально для миссис Фэддимен-Фиш, чтобы она не думала, будто ее отодвинули на задний план в собственной гостиной.

— Так что же все-таки вам сыграть? — спросил мистер Хиггинс-Рэгг, искусно растягивая ожидание.

— «Боксеров»,— взвизгнул Энси.— Я обожаю «Боксеров» — это так и не мыслимо жестоко и упоительно.

В комнате воцарилась мертвая тишина. Мистер Ривз, забившись в свой уголок, наивно поднес к губам чашечку с кофе.

Трах!

Мистер Хиггинс-Рэгг опустил руки на клавиши с такой силой, что большой рояль затрясся и застонал. Мистер Ривз вздрогнул от неожиданности и чуть не пролил кофе на свои парадные брюки. А злополучный рояль все грохотал и грохотал, раздирая воздух сверкающими диссонансами и тщательно продуманной какофонией. Бой

шел, по-видимому, действительно страшный, хотя мистер Ривз никак не мог уразуметь, что же там происходит. Он видел только, как мистер Хиггинс-Рэгг подскакивал на стуле и отчаянно тряс головой, по мере того как один безрезультатный раунд следовал за другим. Музыка вдруг оборвалась. У мистера Ривза мелькнула надежда, что это конец. Но нет! Десятью мощными ударами по трем диссонирующим нотам в среднем регистре мистер Хиггинс-Рэгг вывел одного участника из игры и стремительно перешел к заключению — восторженным приветствиям толпы.

Приветствия наконец умолкли, сведенные на нет стремительными диминуэндо, и после веселого позвякивания, долженствовавшего означать радость боксера-победителя, окруженного поздравляющими друзьями, наступила тишина. Мистер Ривз сжал голову, стараясь унять звон в перетруженных ушах.

— Дивно!

— Изумительно!

— Огромное спасибо!

— Такая сила!

— Такая страсть!

— Такое мастерство, правда?

— О, необыкновенно!

— Bravo, bravo, еще! — визжал Энси, отчаянно, но диноко аплодируя исполнителю. — Это гораздо лучше, чем лучшее творение Сати. Слишком хорошо, Берти. Наконец-то ты поставил английскую музыку на ноги, действительно поставил. Просто не понимаю, о чем только думает правительство, почему оно молчит!

Скромно улыбаясь, прикладывая надушенный носовой платок к мокрому лицу, мистер Хиггинс-Рэгг в застенчивом молчании выслушивал все эти и подобные им восторженные комплименты.

Мистер Ривз заметил, что маленькая женщина, похожая на обезьяну, хочет что-то сказать. Он перегнулся к ней.

— Необыкновенно, — возгласила она с сильным слavianским акцентом, жестко произнося согласные. — Шлышны были даже удары перчаточки, верно?

— Что? — чувствуя себя глубоко несчастным, переспросил мистер Ривз. — Простите? Ах да, конечно, вы совершенно правы!

И мистер Ривз снова уполз в свой угол.

— Мне лично нравится в игре Берти то, что она чисто

б р и т а н с к а я, — продолжал вещать пронзительный голос Энси. — Вот уж никто не примет Берти за иностранца. А у нас к иностранной музыке поистине идиотское отношение. Ведь если бы фамилия Берти была Рэггский, все с у м а сходили бы по нему.

Мистер Хиггинс-Рэгг улыбнулся, но как-то вяло. Лесть была приятна, однако ему не понравилось такое вольное обращение с его фамилией. Да это и никому бы не понравилось. Он изобразил на рояле несколько трелей — просто так.

— Хотите послушать английскую музыку? — кривя душой, предложил он. — Сыграть вам что-нибудь Арнольда Баха?

— Нет, нет ни в коем случае, — взвизгнул Энси. — Да ну же, Берти! Нельзя быть таким скучным злоюкой. Сыграй нам то, что ты уже написал из своей оперы. — Он повернулся к миссис Фэддимен-Фиш. — Вы не считаете, что он должен сыграть нам что-нибудь из своей оперы, дорогая? Заставьте его. Скажите, чтобы он сыграл. Он стал такой капризный и упрямый.

— Мы будем рады послушать вас, Берти, — устало промолвила миссис Фэддимен-Фиш. Ей все это уже надоело, к тому же от шума разболелась голова. В следующий раз, решила она, надо взять в протезе какого-нибудь тихоню — альпиниста или скульптора, который уж никак не мог бы выступить в гостиной.

— Но на рояле получится не тот эффект, — возразил мистер Хиггинс-Рэгг, — в оркестре все звучит иначе.

«Слава богу», — с преждевременным оптимизмом подумал мистер Ривз.

— Однако раз вы так настаиваете, — поспешил добавить мистер Хиггинс-Рэгг, хотя никто и слова не сказал, — я попробую. Не стану сообщать вам название (его еще не было) или рассказывать либретто (его не существовало), могу только заверить вас, что это ц е л и к о м про Англию.

Шепот одобрения.

— С Англией же, естественно, связано представление о море, — сказал мистер Хиггинс-Рэгг, — это и является главным мотивом увертюры к первому акту...

И он исторгнул из рояля несколько потрясающе дисгармоничных аккордов, так что мистеру Ривзу снова показалось, будто кто-то скребет по аспидной доске.

— Эту тему ведут главным образом скрипки, альты и кларнеты, — пояснил мистер Хиггинс-Рэгг, останавли-

ваясь.— А потом в тумане слышна сирена — это тема гобоев и тромбонов. Она звучит так.

Раздалось два диссонирующих аккорда, один за другим; мистер Ривз представил себе, что будет, когда во всю мощь взвоют тромбоны и гобои.

А мистер Хиггинс-Рэгг уже барабанил дальше. Была там тема флота, «для которой я использовал старые морские песни», тема армады, сопровождавшаяся страшным истязанием рояля; потом тема Трафальгарской битвы, во время которой среди ада крошечного умер Нельсон; тема доков, в которой мистер Хиггинс-Рэгг попытался передать пулеметный стрекот клепальных машин, грохот кранов, глухой стук опускаемых контейнеров, шум перекачиваемых бочек, шуршанье угля, сыпаемого в бункера; затем возникла, «как я ее назвал, матросская тема», звучащая для непосвященного уха мистера Ривза как звонкая разухабистая джига. Были там и другие темы, одни из них пианиссимо, другие фортиссимо, но мистер Ривз уже перестал вслушиваться — звуки долетали до него лишь постольку, поскольку он не мог их не слышать. Он забился подальше в свой темный уголок, склонил на грудь голову, накрепко заткнул уши пальцами и попытался забыть, где он. Голова у него трещала, хотелось пить, левую ногу свело судорогой...

Наконец грохот вроде бы прекратился. Но, может быть, это еще один пассаж пианиссимо? Мистер Ривз слегка приоткрыл ухо и послушал. Однако рояль молчал, а в комнате стоял гул голосов. Благодарный, счастливый, мистер Ривз распрямился, похлопал глазами, вытянул ноги и глубоко перевел дух. Ах, вот бы сейчас таблетку-другую аспирина! Он заметил, что женщина-обезьяна с короной на голове повернулась в его сторону, и перегнулся к ней.

— Вы слышали? — низким, грудным голосом задала она совершенно излишний, по мнению мистера Ривза, вопрос.— Потрясающе, правда?

— М-м,— помедлил мистер Ривз.— Мне бы это больше понравилось, будь там побольше мелодии.

Женщина-обезьяна высокомерно и презрительно воззрилась на него.

— В хорошей мужике не бывает меллодии! — безапелляционно заявила она и повернулась к нему спиной.

А огорченный мистер Ривз снова поспешно уполз в свой угол.

Как и все вечера, даже самые унылые, этот вечер тоже пришел к концу, и мистер Ривз, утомленный, но счастли-

вый, поднялся наверх, к себе в спальню. Он принял две таблетки аспирина и, не раздеваясь, сразу же лег.

— Что с тобой, душа моя? — мгновенно став вся нежность и внимание, спросила миссис Ривз. — Ты себя плохо чувствуешь?

— Голова болит, — отрезал мистер Ривз.

— Ах, как мне тебя жаль! Хочешь, я смочу платок одеколоном и положу на твою бедную голову? Нет? Вот ведь обида! Эта головная боль, наверно, испортила тебе все удовольствие от этой дивной музыки.

— Как раз от этого чертова грохота, который ты называешь «музыкой», она у меня и разболелась, — раздраженно заявил мистер Ривз.

— Ах, душа моя, как ты можешь так говорить? — За этот вечер миссис Ривз явно подверглась изрядной обработке и, будучи обработанной, стремилась теперь обработать и мужа.

— Могу, потому что это правда, — огрызнулся мистер Ривз.

— А я уверена, что ты ошибаешься, душа моя. Если бы ты лучше себя чувствовал, я уверена, что тебе бы это понравилось. Это было дивно.

— Тебе это понравилось? — в изумлении спросил мистер Ривз.

— Конечно, понравилось! Как и всем остальным, — все говорили, что он поразительный гений.

— Хм, — сказал мистер Ривз, — о вкусах не спорят. Я же считаю, что это самый отвратительный идиотский грохот, какой я когда-либо слышал.

— Джон! — Миссис Ривз была шокирована, ибо она была искренне убеждена, что музыка ей понравилась. — Да ведь все эти люди, которые были сегодня здесь, знатоки в музыке...

— Тогда мне жаль музыку.

— Но, Джон, душа моя, как же ты можешь свой неискушенный вкус сравнивать с их вкусом? Ты ведь знаешь, какая мы отсталая в музыкальном отношении нация...

— Вот как? Я знаю только одно: мне это не нравится, и мне не нравится этот мистер Хиггинс Как-Бишь-Его.

— Ну, хорошо, душа моя, не будем сейчас об этом спорить, — примирительно сказала миссис Ривз. — Раздевайся, ложись в постель и постарайся как следует отдохнуть. А завтра мы с тобой поговорим. — И, сгорая от нетерпения, она неосмотрительно добавила: — И тогда.

ваясь.— А потом в тумане слышна сирена — это тема гобоев и тромбонов. Она звучит так.

Раздалось два диссонирующих аккорда, один за другим; мистер Ривз представил себе, что будет, когда во всю мощь взвоят трубуны и гобои.

А мистер Хиггинс-Рэгг уже барабанил дальше. Была там тема флота, «для которой я использовал старые морские песни», тема армады, сопровождавшаяся страшным истязанием рояля; потом тема Трафальгарской битвы, во время которой среди ада крошечного умер Нельсон; тема доков, в которой мистер Хиггинс-Рэгг попытался передать пулеметный стрекот клепальных машин, грохот кранов, глухой стук опускаемых контейнеров, шум перекачиваемых бочек, шуршанье угля, ссыпаемого в бункера; затем возникла, «как я ее назвал, матросская тема», звучавшая для непосвященного уха мистера Ривза как звонкая разухабистая джига. Были там и другие темы, одни из них пианиссимо, другие фортиссимо, но мистер Ривз уже перестал вслушиваться — звуки долетали до него лишь постольку, поскольку он не мог их не слышать. Он забился подальше в свой темный уголок, склонил на грудь голову, накрепко заткнул уши пальцами и попытался забыть, где он. Голова у него трещала, хотелось пить, левую ногу свело судорогой...

Наконец грохот вроде бы прекратился. Но, может быть, это еще один пассаж пианиссимо? Мистер Ривз слегка приоткрыл ухо и послушал. Однако рояль молчал, а в комнате стоял гул голосов. Благодарный, счастливый, мистер Ривз распрямился, похлопал глазами, вытянул ноги и глубоко перевел дух. Ах, вот бы сейчас таблетку-другую аспирина! Он заметил, что женщина-обезьяна с короной на голове повернулась в его сторону, и перегнулся к ней.

— Вы слышали? — низким, грудным голосом задала она совершенно излишний, по мнению мистера Ривза, вопрос.— Потрясающе, правда?

— М-м,— помедлил мистер Ривз.— Мне бы это больше понравилось, будь там побольше мелодии.

Женщина-обезьяна высокомерно и презрительно воззрилась на него.

— В хоррошей мўжике не бывает меллодии! — безапелляционно заявила она и повернулась к нему спиной.

А огорченный мистер Ривз снова поспешно уполз в свой угол.

Как и все вечера, даже самые унылые, этот вечер тоже пришел к концу, и мистер Ривз, утомленный, но счастли-

вый, поднялся наверх, к себе в спальню. Он принял две таблетки аспирина и, не раздеваясь, сразу же лег.

— Что с тобой, душа моя? — мгновенно став вся нежность и внимание, спросила миссис Ривз. — Ты себя плохо чувствуешь?

— Голова болит, — отрезал мистер Ривз.

— Ах, как мне тебя жаль! Хочешь, я смочу платок одеколоном и положу на твою бедную голову? Нет? Вот ведь обида! Эта головная боль, наверно, испортила тебе все удовольствие от этой дивной музыки.

— Как раз от этого чертова грохота, который ты называешь «музыкой», она у меня и разболелась, — раздраженно заявил мистер Ривз.

— Ах, душа моя, как ты можешь так говорить? — За этот вечер миссис Ривз явно подверглась изрядной обработке и, будучи обработанной, стремилась теперь обработать и мужа.

— Могу, потому что это правда, — огрызнулся мистер Ривз.

— А я уверена, что ты ошибаешься, душа моя. Если бы ты лучше себя чувствовал, я уверена, что тебе бы это понравилось. Это было дивно.

— Тебе это понравилось? — в изумлении спросил мистер Ривз.

— Конечно, понравилось! Как и всем остальным, — все говорили, что он поразительный гений.

— Хм, — сказал мистер Ривз, — о вкусах не спорят. Я же считаю, что это самый отвратительный идиотский грохот, какой я когда-либо слышал.

— Джон! — Миссис Ривз была шокирована, ибо она была искренне убеждена, что музыка ей понравилась. — Да ведь все эти люди, которые были сегодня здесь, знатоки в музыке...

— Тогда мне жаль музыку.

— Но, Джон, душа моя, как же ты можешь свой неисклюшительный вкус сравнивать с их вкусом? Ты ведь знаешь, какая мы отсталая в музыкальном отношении нация...

— Вот как? Я знаю только одно: мне это не нравится, и мне не нравится этот мистер Хиггинс Как-Бишь-Его.

— Ну, хорошо, душа моя, не будем сейчас об этом спорить, — примирительно сказала миссис Ривз. — Раздевайся, ложись в постель и постарайся как следует отдохнуть. А завтра мы с тобой поговорим. — И, сгорая от нетерпения, она неосмотрительно добавила: — И тогда.

я уверена, ты согласишься со мной, что мы должны помочь этому великому английскому гению...

— Что?! — воскликнул мистер Ривз, садясь в постели.— Еще и денег ему давать?

— Ну да, дружок. Подумай только, какая это будет для нас честь, когда он станет мировой знаменитостью. Подумай только...

— Ни за что! — гневно заявил мистер Ривз, ударяя кулаком по подушке.— Ни за что! Ни за что!..

ВОСЕМЬ

В воскресенье мистер Ривз спустился к завтраку, уже несколько поколебленный в своем решении. Еще пока он был в постели, ему пришлось выдержать новое, сладко-звучно-ядовитое наступление Джейн. Сначала она объяснила ему, какой он эгоист, какой упрямый, какой неблагодарный, как он не ценит то, что для него делается; слова свои она подкрепляла фактами,— об одних мистер Ривз начисто забыл и потому ничего не мог возразить, а другие были, по его мнению, столь фантастически искажены, что от удивления он не мог слова вымолвить. Мимходом Джейн ловко ввернула, что он понятия не имеет, куда потратить свой досуг,— этого он не мог отрицать. Тогда она снова — хотя все так же тщетно — попыталась пробудить в мистере Ривзе интерес к светской жизни. При этом она особо остановилась на одном из тезисов Энси о необходимости приобщения к культуре. «Путем снабжения деньгами его и его дружков?» — саркастически осведомился мистер Ривз. Миссис Ривз сказала, что он скареда, если не просто плохой человек. Она напомнила ему, что он ведь ровным счетом ни в чем не разбирается, кроме своих дел, еды и гольфа. Ни один защитник ортодоксального мнения не мог бы с большим пылом обличать порочность противопоставления своих личных суждений единодушным высказываниям собравшихся у Фэддимен-Фишей знатоков. Ну, неужели он не пожертвует какую-нибудь сумму в фонд Хиггинс-Рэгга хотя бы для того, чтобы доставить ей удовольствие?

Мистер Ривз снова ответил отрицательно, но уже с меньшим пылом.

После завтрака он выскользнул из дома и принялся в одиночестве бесцельно бродить по саду. В нос ему ударил острый запах свинарника, и он решил зайти туда,

чтобы взглянуть еще раз на свиней. Теперь при домике его мечты, что «вдали от всей этой суеты», уютно разместится еще и свинарник. Отвалившись от сытного завтрака, свиньи лежали на солнце — одни шурились, а другие спали, легонько похрюкивая и вознося хвалу поставщику помоев и творцу солнечного тепла. Одна огромная свинья лежала вытянувшись, раздутая, словно гигантская богиня материнства, в то время как многочисленный выводок пищал и дрался вокруг ее сосцов.

— В высшей степени философская картина, — произнес чей-то интеллигентный голос.

Мистер Ривз стремительно обернулся и увидел долговязого человека, чье академически строгое, сухое лицо сразу напомнило ему карикатуры на покойного президента Вильсона. Пришелец длинной палкой задумчиво скреб и почесывал спину свиньи, и та откликнулась сладострастным похрюкиванием.

— Вот здесь, — сказал интеллигентный голос, — перед вами осуществленный идеал, к которому стремится большая часть человечества: жить вечно (а люди уверены в своем бессмертии), вечно на грани сна и пресыщения, без всяких усилий, без всякой ответственности, ибо новые божества — Машины и Плановое производство — обеспечивают удовлетворение их простейших животных потребностей. Если бы эти скоты могли голосовать, если бы у свиней было всеобщее избирательное право, разве они выбрали бы иную жизнь?

— Возможно, они проголосовали бы за то, чтобы из них не делали свинины и бекона, — заметил мистер Ривз.

— Для этого потребовалось бы воображение и предвидение, — устало и мягко заметил худощавый человек, — то есть качества, явно отсутствующие у избирателей и свиней. Если бы свиньи обладали этими качествами, мы сидели бы сейчас в человеческих хлевах и либо удовлетворяли бы тупое любопытство бездельников-свиней, либо служили им лакомством.

— Какая отвратительная мысль, — содрогнувшись, сказал мистер Ривз.

— А если бы избиратели обладали этими качествами, они не сажали бы себе на шею правителей, которые либо ведут их на бойню, либо тешат мечтами о почти свиной Утопии.

Долговязый снова почесал палкой свинью, оставив на ее щетинистой шкуре след в виде полоски белой перхоти и вызвав новый взрыв хрюканья.

— *Epicuri de grege porcus*¹,— прошептал он.

Тут мистера Ривза осенило, что это, должно быть, один из мудрецов. Он представился и выяснил, что зовут долго-вязого — Ундервуд и что, да, он член ученой корпорации. Мистер Ривз мгновенно почувствовал острую тягу к знанию. Поразительный человек. Этот малый. Вот он, мистер Ривз, никогда бы не додумался до столь глубоких обобщений при виде какого-то свинарника. А этот деятель, в общем-то, удалился от мира, «от всей этой суеты», и предался своему увлекательнейшему занятию, за которое ему еще и платят,— возможно, он и золотые медали получал за какие-то непонятные открытия, о которых сообщалось в нечитабельных журналах. Ученость всегда повергала в трепет мистера Ривза.

— Завидую я вашей жизни,— грустно заметил он.— Я свою провел в Сити. Преуспел. Нажил капитал. Но,— добавил он с несвойственной ему приниженностью,— я знаю, что я невежда...

— Это — первый этап Познания,— мягко сказал мистер Ундервуд,— и, пожалуй, последний. Мы всю жизнь только и делаем что обнаруживаем, как мало мы знаем из того, что надо знать.

— Но вы же экспериментируете,— не отступался мистер Ривз,— вы открываете то, что меняет нашу жизнь.

Мистер Ундервуд покачал головой.

— Большая часть моего времени уходит на бесплодные попытки привить любовь к Науке молодым людям, которые жаждут лишь получить хорошее, спокойное место,— печально сказал он.— А тот небольшой вклад в Науку, который я сделал, прошел незамеченным, совершенно незамеченным.

— Но у вас же есть коллеги...

— Почти весь прошлый семестр мы потратили на дискуссию о том, чей портрет должен висеть над большим столом — кардинала Вулси или королевы Елизаветы. Это был хоть и пустяковый, но чисто политический спор,— пояснил он.

— И все-таки у вас есть знания,— прибегнув к последнему аргументу, настаивал мистер Ривз.

— Осведомленность не есть мудрость,— сказал мистер Ундервуд.— Если же мы порой и вылавливаем жемчужины мудрости, зрелище, которое вы тут видите,—

---

¹ Свинья в Эпикуровом стаде (лат.).

и он изящным жестом повел рукой, указывая на свиней,— достаточно точно обрисовывает их участь.

Мистер Ривз был положительно ошарашен. Перед ним стоял человек, который не только не пытался продать свой товар, а наоборот: всячески его хулил. Чрезвычайно странно.

— Ну, а мне,— смело начал он,— очень хотелось бы побольше узнать обо всем этом. Быть может, вы могли бы назвать мне какие-то книжки — не слишком, конечно, трудные...

Мистер Ундервуд пожал плечами.

— Существует много популярных книг по Науке,— безразличным тоном сказал он.— Вы можете найти их почти в любой лавке. Но сведения в них приводятся обычно неточные, поверхностные и устаревшие.

— А сколько надо прочесть книг, чтобы все знать про Науку? — спросил обуреваемый гордыней мистер Ривз.

— Тысяч десять томов по тысяче страниц каждый, если бы существовали компилятивные издания, а так — ведь это все статьи, разбросанные по бесчисленному множеству журналов на двадцати языках,— сокрушенно сказал мистер Ундервуд.

— Боже правый! — воскликнул потрясенный мистер Ривз.

Некоторое время оба молча смотрели на греющихся в лучах солнца свиней.

— Некоторое время тому назад я был в Америке,— попытался возобновить разговор мистер Ривз,— там все просто помешаны на Науке. Считают, что она сотворит чудеса.

При слове «Америка» мистер Ундервуд слегка вздрогнул. Он только что вернулся из на редкость неудачной поездки с лекциями по этой стране, и рана его еще кровоточила.

— Америка — отвратительная страна, отвратительная,— желчно сказал он.— У них есть несколько неплохих ученых, но все они такие провинциальные: послушать их, выходит, что Науки не существует за пределами их страны. А народ у них — просто дикари, настоящие дикари... Великий боже! — добавил он в смятении, прерывая сам себя.— Сюда идет этот скучнейший человек — Ремингтон. Побеседуйте с ним, пожалуйста, чтобы я мог исчезнуть, хорошо?

В аллее мистер Ривз увидел дородного мужчину

в твидовом костюме, который неторопливо шел к ним.

— Ладно, ладно. Я побеседую с ним,— сказал он, удерживая мистера Ундервуда за рукав,— только прежде скажите мне откровенно, что вы думаете об этом музыканте, ну, вы знаете, Хиггинс-Рэгге.

— Я бы сказал, что он сделал одно открытие: оказывается, рояль — ударный инструмент,— сказал мистер Ундервуд и исчез.

Раздумывая над этим непонятным изречением оракула, мистер Ривз подобрал палку, которую ученый муж бросил, убегая, и, в свою очередь, принялся чесать свинье спину. Когда дородный мужчина поравнялся с ним, мистер Ривз кивнул и сказал: «Здравствуйте»; дородный мужчина тоже снисходительно кивнул и сказал: «Здравствуйте».

— Меня зовут Ривз,— явно напрашиваясь на разговор, сказал мистер Ривз,— а вы, если не ошибаюсь, профессор Ремингтон?

Весьма польщенный, дородный мужчина снова кивнул.

— Я слышал о вас от жены и... и от других людей,— покривив душой, сказал мистер Ривз.

Наступило молчание, во время которого мистер Ривз усердно тыкал палкой в свинью.

— Когда вы подошли,— мечтательно заметил мистер Ривз,— я раздумывал о том, что эти свиньи являются прекрасной иллюстрацией современного представления об Утопии. Ну, вы знаете: когда Наука все будет за вас делать, а вы будете лежать и бездельничать...

— В высшей степени безграмотная мысль,— резко заявил мистер Ремингтон.— Все будущее человечества зависит от Науки. Утопия, как вы это по неведению именуете,— не мечта, а реальность, приближающаяся к нам с поистине удивительной быстротой. И мир, который наступит, не будет миром безделья и чувственных наслаждений, он потребует напряжения всех сил, в нем найдут наконец полное применение все лучшие человеческие таланты!

Мистер Ривз был потрясен. Значит, в зависимости от школы научной мысли возможны различные подходы к проблеме значения свинарников для общечеловеческой морали. Но, будучи от природы лояльным, он все же попытался защитить тезис Ундервуда.

— Да разве же это так? — отважился заметить он.—

Возьмите, к примеру, Америку. Они там просто помешаны на Науке, однако лучшие их ученые провинциальны — не признают иностранцев, а народ у них — сущие дикари.

Он искоса бросил взгляд на мистера Ремингтона, желая удостовериться, какое впечатление произвели его слова. Судя по всему, сей джентльмен был глубоко оскорблен. Одна из его книг была принята к изданию одним из университетов Америки, и у мистера Ремингтона в кармане как раз лежало весьма теплое и лестное для него письмо.

— Я положительно не понимаю, почему вы так говорите! — возмущенно воскликнул мистер Ремингтон. — Это совершенно неверно, совершенно. Американские интеллигенты — люди чрезвычайно широких взглядов, и они охотно признают авторитет иностранных коллег, которые того заслуживают. А народ у них — самый цивилизованный в мире, именно потому, что люди благожелательно относятся к Науке.

Мистер Ривз усиленно заморгал глазами. Не могут же оба мудреца быть правы!

— Но, — сказал он, — ведь надо столько всего знать, чтобы разбираться в Науке: мне вот говорили, что и в десяти тысячах книг она не укладывается. Как же людям вроде меня, занимающимся практической деятельностью, все это узнать?

— Я не вижу в этом необходимости, — сурово ответил мистер Ремингтон. — Каждому юнге и коچهгару вовсе не обязательно знать, что делает капитан на своем капитанском мостике. Каждому рабочему в доках не обязательно быть судостроителем. Так и в Государстве, управляемом Наукой, каждому гражданину не обязательно быть ученым. Достаточно, если он будет уважать Науку и повиноваться ее законам. Но вот когда какой-нибудь профан, в силу своего невежества, начинает критиковать ее и препятствовать прогрессу — с этим уже мириться нельзя.

Мистер Ривз чувствовал, что его придавили к ногтю. Надо же что-то на это ответить, подумал он, но что? Он сделал слабую попытку состричь.

— Значит, мы должны помалкивать и делать то, что скажут ученые мужи, нравится нам это или нет?

— Безусловно, — величественно заявил мистер Ремингтон.

— Это что-то похоже на тиранию, — слабо возразил мистер Ривз.

— Законы Науки,— непрерываемым тоном заявил мистер Ремингтон,— неумолимы и необратимы, они не признают исключений. Те, кто научится подчиняться им, выживут; те же, кто этому не научится, погибнут.

— А что бывает, когда ученые придерживаются разных точек зрения? — спросил мистер Ривз.

Мистер Ремингтон ответил не сразу. Он напряг память, стараясь вспомнить соответствующее место из заключительной главы собственной книги.

— Благодаря Науке Человек овладел внешним материальным миром,— возгласил он.— Теперь он должен постичь себя и овладеть своим духовным миром. Это способна сделать только Наука, поэтому доблестным пионерам, не жалеющим жизни ради человечества, должна быть оказана всяческая поддержка, как финансовая, так и любая другая. Когда царство Науки утвердится повсюду, перед человечеством откроются многообразные перспективы прочного счастья и неисчислимые возможности для всестороннего приложения своих сил. Не будет больше ни войн, ни болезней, ни бедности, ни тщетной погони за призрачными миражами, не имеющими под собой научной основы, а возможно, не будет даже и Смерти!

Мистер Ривз ничего не сказал. Да и что тут можно было сказать. Свины убогостворенно хрюкали во сне; легкий ветерок бойко шелестел молодыми листочками на деревьях мистера Фэддимен-Фиша. Мысль мистера Ривза снова перескочила на бекон и свинину.

— Смешно даже подумать, сколько поколений свиней поставляло для нашего завтрака бекон,— сказал он,— и так будет вечно.

— В будущем,— презрительно скривил рот мистер Ремингтон,— не будет никаких свиней. Бекон будет производиться синтетически, на химических заводах. Ну, мне пора: надо немножко пописать. Всего хорошего.

— Минуточку! — сказал мистер Ривз.— А что вы думаете об этом мистере Хиггинс Как-Бишь-Его, хороший он музыкант?

— У этого молодого человека вполне определенное видение будущего,— сказал мистер Ремингтон,— он наделает в мире много шума.

Оставшись один, мистер Ривз набил трубку и пошел по аллее прочь от свинарника. В голове у него был полнейший сумбур. Подобно большинству людей, мистер Ривз имел весьма туманное представление о том, чем

занимается Наука. С этим словом было связано у него представление о беспредельных и таинственных силах, которые казались ему столь же чудесными, как заклинания знахаря — непросвещенному африканцу; перед его мысленным взором возникали люди в белых халатах и масках, склонившиеся над пробирками или разрезающие живых собак и морских свинок, чтобы обеспечить ему, мистери Ривзу, исправно действующую канализацию или избавить его от угрозы рака. В основе же всего лежал Моисеев кодекс догматов, известный под названием «Законы Науки».

Резкая разница во мнениях двух ученых мужей подорвала этот идеал мистери Ривза.

И мистер Ривз ощутил глубочайшее отчаяние, какое овладевает нищими духом, когда их лишают приятного чувства уверенности. Он искал рыбу мудрости, а получил змия распрей и сомнений. Из головы у него не выходила фраза насчет того, что «в будущем не будет никаких свиной». Мистери Ривзу не нравилась мысль, что некем будет населить его образцовый свиной при домике «вдали от всей этой суеты». Но даже если свиной станут такими же бесполезными, как белые слоны, мистер Ривз твердо решил завести их — когда у него появится тот домик. Он не мог поверить, чтобы синтетические заменители ветчины и жареной свиной могли привести к уничтожению живых свиной. По этому важному вопросу он держался резко антиремингтоновской точки зрения, служа тем самым иллюстрацией того печального обстоятельства, что все мы толкуем Науку так, как нам нравится.

Не помогли эти светочи знаний рассеять и туман, царивший у него в голове по поводу мистери Хиггинс-Рэгга. Весьма сомнительно, чтобы мистер Ривз знал, кто такой был дельфийский оракул, но за истекшие полчаса он повстречался с двумя оракулами. Конечно, мистер Ундервуд правильно заметил, что мистер Хиггинс-Рэгг превратил рояль в ударный инструмент, но что это значило — одобрение или неодобрение? Вот это мистери Ривзу было непонятно. Опять-таки совершенно ясно, что, если мистер Хиггинс-Рэгг будет и дальше играть в своем нынешнем стиле, он неизбежно наделает много шума, как и предсказывал мистер Ремингтон, — но считает ли мистер Ремингтон, что этот шум следует субсидировать? Словом, чем больше мистер Ривз размышлял над этими высказываниями, тем больше он терялся в догадках. Платить или не платить — вот в чем вопрос...

Тут мистер Ривз увидел в отдалении элегантную фигуру Энси, что спешил к нему, размахивая длинными пальцами руками и вопя: «Мистер Ривз! Мистер Ривз!» Мистер Ривз поспешно оглянулся в поисках какого-нибудь укрытия — ему даже пришла отчаянная мысль спрятаться в чахлах кустах крыжовника. Слишком поздно! Мчавшийся сломя голову Энси споткнулся о низенькую каменную ступеньку, неуклюже изобразил несколько немислимых пируэтов, чтобы удержать равновесие, и, схватившись за лодыжку, то жалобно скуля, то непристойно ругаясь, изо всей силы запрыгал на одной ноге. Под влиянием мгновенно пробудившегося человеколюбия мистер Ривз кинулся к нему на помощь.

— Вывихнули лодыжку? — взволнованно спросил он.

— Сломал, сломал! — хныкал Энси. — Я теперь на всю жизнь калека.

— О, господа, надеюсь, что нет, — чрезвычайно обеспокоенный его состоянием, сказал мистер Ривз. — Позвольте я помогу вам добраться до скамьи.

Изо всех сил вцепившись в руку мистера Ривза, Энси неуклюже запрыгал по аллее, оглашая воздух слезливыми причитаниями.

— Черт его знает, какое безобразие! Вся моя жизнь пойдет теперь прахом, а от Руперта, уж конечно, компенсации не жди. Как я страдаю — вы и представить себе не можете. Ну, почему это должно было случиться именно со мной? Почему не с кем-то другим? Никогда бы этого со мной не было, если бы я не стремился помочь другим. В жизни никому больше не стану помогать!

— Обождите, обождите! — стараясь успокоить его, сказал мистер Ривз. — Давайте сначала посмотрим, а вдруг вы можете на нее ступить.

— Ну, конечно, не могу, — хныкал Энси.

— А вы попытайтесь, — настаивал мистер Ривз.

С бесконечной осторожностью мистер Хоукснитч поставил ногу на землю.

— Ой! — взвизгнул он. — Черт знает какая боль!

— Перелома у вас нет, — сказал мистер Ривз, внимательно наблюдавший за всей этой процедурой, — а если это растяжение, самое правильное — ходить, чтобы разогнать кровь.

— Но я же не могу!

— Лучше все-таки пересилить себя, чем потом лежать три недели, — весьма здраво заявил мистер Ривз. — Ну, попытайтесь.

После долгих препирательств и уговоров мистеру Ривзу удалось наконец заставить Энси сделать несколько шагов, которые тот совершил, отчаянно хромая и оглашая воздух бесконечными жалобами и причитаниями. Но с каждым шагом хромота его становилась все менее заметной, а когда они добрались до садовой скамейки, стала и вовсе умеренной. Энси тяжело опустился на скамью, стянул носок и чрезвычайно осторожно и бережно ощупал больную лодыжку. Мистер Ривз заметил, что на ней не появилось ни синяка, ни опухоли.

— Я думаю, что даже и растяжения нет,— успокоительно сказал он.— Просто она у вас сильно подвернулась. Скоро все будет в полном порядке.

Энси продолжал сосредоточенно массировать лодыжку, двигая во все стороны ногой. Наконец даже он, видимо, убедился, что жизнь его вне опасности. Тогда с патетическим вздохом он откинулся на спинку скамьи, осушил глаза красивым шелковым носовым платком, пригладил волосы, поправил галстук, купленный в Берлингтонских аркадах, и одернул двубортный жилет.

— Так я и знал, что это будет один из моих несчастливых дней,— жалобно сказал он.— Мадам Кутар, ясно-видица, потрясает мое существо,— вы с ней знакомы? — я каждую неделю хожу к ней за советом,— так вот как раз в четверг она предупредила меня, что на этой неделе может возникнуть опасность для моего тела и жизни. А сегодня утром за завтраком я просыпал соль. Следовало бы мне понять, что меня ждет нечто ужасное, и быть поосторожнее. Правда, по счастью, черная кошка перебежала мне дорогу, когда я выходил из дому. Наверно, это и спасло меня, как вы думаете?

— Угу,— изрек мистер Ривз, разжигая трубку,— угу.

— Просто удивительно, как все сбывается,— с глубоким убеждением сказал Энси.— Со мной так не раз бывало. Я, конечно, посылаю всех моих друзей к мадам Кутар, и она уделяет мне уйму внимания. Непрестанно спрашивается обо мне по звездам.

— Даже по звездам спрашивается? — иронически заметил мистер Ривз.

— Да, и по волшебному кристаллу тоже,— продолжал Энси, не заметив тона мистера Ривза,— и это так помогает. Знаете, она как-то раз позвонила мне и сказала, что Марс и Венера очень ко мне враждебны и я должен быть крайне осторожен. Я тогда всю неделю провел в постели и уберегся от беды. Одному богу известно,

что было бы, если бы я вышел. Мадам Кутар считает, что меня даже убить могли.

— Смотрите-ка,— сказал мистер Ривз.

— И она видит очень много всего про меня в своем магическом кристалле. Я ведь уже старый спирт, и кристалл делает для меня то, чего для новичка никогда не сделал бы. Вы знаете, что мадам Кутар предсказала мою встречу с Берти?

— В самом деле? — безразличным тоном заметил мистер Ривз.

— Да, она увидела в своем кристалле красивого молодого человека, который играл на каком-то инструменте,— она сказала, что не могла разобрать, на чем: то ли на лютне, то ли на аккордеоне, но она точно видела, что это был музыкант и что он будет иметь какое-то отношение ко мне. Не прошло и двух месяцев, как я встретил Берти и сразу понял, что мы станем близкими друзьями. Он ведь, знаете ли, тоже старый спирт.

— Вы меня поражаете,— сказал мистер Ривз.

— Да, конечно, с первого взгляда этого не скажешь,— согласился Энси,— но он помнит то, что происходило три тысячи лет тому назад, когда он был главным музыкантом одного из фараонов.

— Удивительная память,— только и сказал мистер Ривз.— Он что же, так и не умирал?

— Нет, тело его, конечно, умерло,— сказал Энси.— Увы! Но душа находит все новые воплощения. С ним произошло несколько поразительных случаев — можете мне поверить. Как-то раз, когда он уж очень набедокурил в предыдущей жизни, он возродился в виде соловья в персидском саду, и ему пришлось петь с острым шипом в груди.

— Хм,— сказал мистер Ривз, начиная терять терпение.

— Вы и представить себе не можете, какое чудо этот Берти,— сказал Энси, задумчиво ковыряя в носу.— В его характере есть черты, которые он не показывает никому, кроме меня. А какой музыкант! Я никогда еще не слышал, чтобы кто-нибудь играл так, как он.

— Я тоже,— язвительно заметил мистер Ривз.

— Ах да! — воскликнул Энси, вдруг что-то вспомнив.— Я слышал от миссис Ривз, что у вас разболелась вчера голова. Этакая обида! При больной голове вы, конечно, не могли оценить игру Берти.

— Вполне возможно, что как раз от музыки-то она

у меня и разболелась,— не слишком любезно заявил мистер Ривз.

— Ну что вы, этого никак не могло быть,— возразил чрезвычайно шокированный Энси.— Я мог бы скорее удивиться, что она у вас не прошла от музыки. Но сегодня вечером вы еще услышите Берти.

Мистер Ривз издал какой-то звук, весьма похожий на стон.

— Между нами говоря, мистер Ривз,— доверительно сказал Энси,— Берти достиг сейчас критического момента в своей карьере. Это говорят звезды, это подтверждает и магический кристалл. Если он сейчас добьется успеха, дальше он уже будет только набирать силу. Если же он потерпит неудачу, потребуется три перевоплощения, чтобы он мог наверстать упущенное. А это было бы ужасно, не так ли?

— Немыслимо,— иронически заявил мистер Ривз.

— Правда? — подхватил Энси.— Я рад, что вы согласны со мной. Все, что ему сейчас требуется,— это немного денег, остальное у него есть: и душа, и гений, и родовитость, и приятная внешность, и обаяние. Но ему необходимо время, чтобы закончить свою замечательную оперу, а это упирается, конечно, в деньги; потом опере понадобится реклама, что потребует новых денег. Миссис Ривз сказала, что она уверена: вы безусловно поможете нам в этом великом деле.

— Так она и сказала? — переспросил мистер Ривз.— Ну, так это было сделано без моего ведома, уверяю вас.

— Вы хотите сказать, что не намерены нам помочь? — в величайшем смятении воскликнул Энси.— Ах, мистер Ривз, неужели вы можете не внять призыву гения, попавшего в беду?

— Думаю, что могу,— спокойно сказал мистер Ривз.

— Но вы не должны так поступать! — воскликнул Энси, повышая голос до своего обычного визга.— Вы просто не понимаете, как это важно. Возьмите хотя бы герцогиню и миссис Фэддимен-Фиш — они безумно интересуются его судьбой, все Сливки Общества проявляют к нему участие. На премьере все его покровители получают бесплатные места в партере и будут представлены королевской фамилии. Вы только подумайте об этом, мистер Ривз.

— Хорошо,— сухо сказал мистер Ривз.

— В таком случае, значит, вы дадите маленький симпатичный чек нашему милому Берти?

— Вот это уж другое дело,— возразил мистер Ривз. Энси вздохнул.

— О, господи! — вырвалось у него.— Никогда не думал, что вы окажетесь таким трудным человеком. Право же, мистер Ривз, после того, как я потратил столько сил, чтобы помочь вам и миссис Ривз, с вашей стороны было бы просто непорядочно отказать нам с Берти в таком пустяке. Слушая вас, у меня возникает желание никогда больше не делать добра!

— Это вы сто фунтов называете пустяком! — воскликнул мистер Ривз, раздраженный этим наглым вымогательством.

— Ну, для вас это же действительно немного...

— Уверяю вас, что и немало,— сказал мистер Ривз.

— Зато у вас появится настоящий интерес в жизни,— продолжал Энси, пропуская мимо ушей последнее замечание.— Вы сможете следить за удивительной карьерой Берти в опере и в газетах,— а мы добыли ему потрясающего агента по рекламе,— и будете с волнением и гордостью сознавать, что и вы способствовали этому триумфу английской музыки. Вы прославитесь!

Мистер Ривз плотно сжал губы и медленно покачал головой.

— Боюсь, что мне придется отказаться от славы...— начал он.

— Руперт! Руперт! — взвизгнул Энси, заметив вдали, на садовой дорожке, могучую фигуру мистера Фэддимен-Фиша.— Идите сюда, Руперт! Да идите же скорей! Вы мне нужны!

— Приветствую вас! — сказал мистер Фэддимен-Фиш, заслоня собой дневной свет.— Доброе утро, Ривз. Доброе утро, Энси. Послушайте, Энси, у вас носок спустился. Вы что, намерены сменить носок на котурн? Неплохо сказано, а?

— Со мной случилась страшная беда,— сурово сказал Энси,— и все по вашей вине, Руперт. Я споткнулся о какую-то дрянную ступеньку у вас в саду и чуть не сломал ногу.

— Вы вечно обо что-то спотыкаетесь, Энси,— добродушно заметил мистер Фэддимен-Фиш.— В следующий раз, того и гляди, споткнетесь о мое остроумие и переломаете себе колени. Ха, ха, ха!

— Тут не над чем смеяться,— свирепея, сказал Энси.— У меня была такая боль, что, не окажись тут мистера Ривза, я бы потерял сознание. Он был так

добр ко мне, так мне сочувствовал, а вы — вы грубы и беспощадны, как дикий зверь. Вы даже не умеете проявить сочувствие к пострадавшему...

Мистер Фэддимен-Фиш не слушал его. В глазах его появилось отрешенное выражение, указывавшее на то, что сейчас он совершает сделку с Музой.

— Придумал, придумал! — внезапно воскликнул он. — Маленькая эпиграмма-экспромт...

Споткнувшись чудом под зеленым сводом,
Наш Энси рухнул на холодный камень,
Сбегитесь, нимфы, резвым хороводом,
Развейте боль, палящую, как пламень.

М-да, неплохо получилось, а? В этой эпиграмме нет, правда, остроты, которая мне обычно свойственна, — просто маленький экспромт, какие встречаются в греческой антологии. Выгравировем эту надпись там, где вы упали, Энси, а?

— Не очень это красиво с вашей стороны обращать все в шутку, Руперт, — надувшись, сказал Энси. — Я знаю, что вы блестящий, остроумнейший человек, но нельзя быть таким жестоким.

Наступило молчание. Энси, продолжая дуться, нагнулся, чтобы пристегнуть резинкой носок. На макушке мистера Фэддимен-Фиша роскошно поблескивала под солнцем прикрывавшая лысину нащлепка. Мистер Ривз неумоимо пыхтел трубкой и раздумывал о том, как бы сбежать.

— Все сегодня утром идет кувырком, — заметил Энси, тщательно распрямляя складку на брюках. — Если б мне не повстречалась черная кошка, я бы тут же лег в постель. Сначала случилась эта ужасная история, а теперь мистера Ривза никак не уговоришь насчет Берти. Послушайте, Руперт! Растолкуйте вы мистеру Ривзу про Берти и его талант и уговорите поступить как надо.

— Мистер Ривз не из тех, кого можно «уговорить», Энси, — заметил мистер Фэддимен-Фиш, видя, в какую сторону дует ветер, и действуя сообразно. — Мистер Ривз человек бывалый и знает, чего он хочет.

— Тогда почему же он такой несговорчивый насчет Берти? — капризно спросил Энси.

— Потому, что он не такой безудержный энтузиаст, как вы, Энси, — примирительным тоном сказал мистер Фэддимен-Фиш, — а еще потому, что мы, деловые люди, любим ясно представить себе, что нас ждет, прежде чем опускать руку в карман. Пойдемте в охотничий домик,

мистер Ривз, выпьем чего-нибудь, а вы, Энси, сбегайте-ка за миссис Ривз и моей женой и скажите им, где нас найти.

— Сбегайте! — возмущенно повторил Энси. — Хорошенькое дело: я даже идти не могу. Нет, это уж слишком! О чем только меня не просят! Да все вы должны на руках меня носить...

— Весьма необычный молодой человек, — доверительно сказал мистер Ривз, шагая по дорожке рядом с мистером Фэддимен-Фишем. — И много таких, как он?

— Прорва, — сказал мистер Фэддимен-Фиш, — но в общем-то он неплохой малый: любит оказывать людям услуги и проявлять внимание к пожилым дамам.

— А все-таки есть в нем что-то ненормальное, — настаивал мистер Ривз. — При одном его виде у меня мурашки идут по коже. Он англичанин?

Уголки губ мистера Фэддимен-Фиша слегка дрогнули, тронутые улыбкой.

— Не менее исконный, чем английская система привилегированных школ, — сказал он.

— Вы меня удивили, — простодушно заметил мистер Ривз. — Что-то прежде я никогда не встречал таких молодых людей, а вот последнее время — чудеса да и только! — не встречаю никаких других. Совсем на англичан не похожи...

— Ну вот мы и пришли, — сказал мистер Фэддимен-Фиш, открывая маленькую дверцу и пропуская мистера Ривза вперед.

Мистер Ривз очутился в комнате с простыми дощатыми стенами, вдоль которых стояли подставки для ружей и удочек. Над камином висела голова лисы с застывшими стеклянными глазами; на деревянной панели, к которой она была прикреплена, стояла дата. По обе стороны от нее висели стеклянные ящички с чучелами огромных форелей. В очаге этого храма спорта ярко пылал огонь, а на большом столе красовалась целая батарея бутылок с виски, джином и вермутом, стояли стаканы и смеситель для коктейлей.

Однако мистеру Ривзу не дали времени вволю налюбоваться этим аристократическим арсеналом. Ему тотчас всунули в руку стакан со спиртным и досье Фонда пожертвований для Хиггинс-Рэгга. Документ, озаглавленный таким образом, состоял из поистине непристойного панегирика мистеру Хиггинс-Рэггу, резкого порицания

безразличия «Англии» к этому музыкальному мессии и призыв — в стиле «кошелек или жизнь» — пожертвовать, кто сколько может.

— Не утруждайте себя чтением, — искренне посоветовал мистер Фэддимен-Фиш. — Все эти славословия, которыми занимается нынешняя молодежь, — одно сотрясение воздуха, ха, ха! А мы с вами, Ривз, люди деловые и знаем, что главное в нашем мире — это солидный коммерческий успех и солидная сумма наличными.

Мистер Ривз кивнул. Это была удобная жизненная доктрина, перед которой он преклонялся и которой следовал вот уже тридцать лет.

— К сожалению, — бархатным голосом продолжал мистер Фэддимен-Фиш, — приходится признать, что, хотя деньги насущно необходимы, — Сливки Общества хотят чего-то большего, им одних денег мало — если, конечно, состояние не сказочное. Следом за бизнесом самым важным видом национальной деятельности является, безусловно, спорт, который одновременно служит пропуском в Общество. Гольф — замечательный вид спорта, но немного вульгарный. Вот если б вы охотились или играли в поло...

— А я вовсе не уверен, что мне так уж хочется знаться с этими вашими «Сливками Общества», — возразил мистер Ривз.

— Да что вы, мой дорогой! — Мистер Фэддимен-Фиш был явно шокирован. — Как вы можете говорить такие странные вещи? Неужели вам не хочется, чтобы ваша фотография красовалась в «Тэтлере»?

— Нет, — спокойно сказал мистер Ривз.

— Ну, право же, право же, Ривз, — с укоризной сказал мистер Фэддимен-Фиш, — это вы только из оригинальности. Я бы даже сказал, из своенравия. Во всяком случае, супруге вашей очень этого хочется.

— Ну, я — это одно, она — другое, — сказал мистер Ривз.

— Вот уж нет, нет, так не бывает, — возразил мистер Фэддимен-Фиш. — Общественное положение мужчины во многом зависит от жены. А у миссис Ривз в высшей степени здравый ум. Так вот, если исключить спорт (надо сказать, бега — совершенно неопределимое развлечение), всегда можно увлечься Искусством. Я лично не очень его высоко ставлю. Мне больше по душе литература. Книги — они солиднее.

— Живой капитал? — подсказал мистер Ривз.

— Вот именно. Но кое-кто из Сливок Общества — не из самых верхов, конечно, но из вполне пристойных людей — немножко балуется живописью и музыкой. Хиггинс-Рэгг будет модным кумиром. Садитесь к нему в коляску, пока она еще у старта, и...

Мистер Фэддимен-Фиш весьма многообещающе, — хотя обещание это и трудно было бы уточнить, — подмигнул левым глазом. Завороженный его словами, мистер Ривз почти уже видел себя шагающим по красному ковру.

— Но мне решительно не нравится его музыка, — продолжал сопротивляться мистер Ривз.

— Мне тоже, — мгновенно согласился с ним мистер Фэддимен-Фиш. — И, между нами говоря, моей жене — тоже. Но какое, черт побери, это имеет значение? Если Сливки Общества решают, что им нравятся непристойные звуки, — пожалуйста. Нам с вами, Ривз, остается только приспособиться к их вкусам, только приспособиться.

Отворилась дверь, пропуская миссис Ривз и миссис Фэддимен-Фиш. Мистер Фэддимен-Фиш тотчас вскочил по стойке «смирно», — мистер Ривз неуклюже последовал его примеру.

— Как это мило, что вы присоединились к нам! — воскликнул мистер Фэддимен-Фиш, провожая их к стульям, до которых они могли бы добраться и без посторонней помощи. — Вы положительно украсили наш охотничий домик. Ах, Женщина, Женщина, что бы мы делали без нее? Надо будет как-нибудь написать об этом эпиграмму. Мне как раз пришли в голову две первые строки при вашем появлении:

Когда Адам повязывает белый галстук,
А Ева надевает платье от Ланвена...

Удивительная штука вдохновение, правда? Просто не могу даже понять, как это возникает у меня в мозгу. Строки приходят откуда-то оттуда... из Небытия.

— Удивительно, — желая польстить хозяину, прошептала миссис Ривз.

— Ну как, мистер Ривз что-нибудь решил насчет Берти? — внезапно спросила миссис Фэддимен-Фиш.

— Пока еще нет, еще нет, — успокоительным тоном сказал мистер Фэддимен-Фиш, — но решит, он уже на пути к решению. Тут требуется немного дамского вмешательства, убеждения...

— Просто понять не могу, почему Джон так упорствует: ведь речь идет о совсем небольшой сумме, — жа-

лобно сказала миссис Ривз,— но в мои годы, видно, нечего уже ждать от мужа...

— Который к тому же не миллионер,— буркнул мистер Ривз.

— А я и не зна-ала, что у вас затруднения с деньгами,— высокомерно произнесла миссис Фэддимен-Фиш.

— Пока еще не было,— сказал мистер Ривз,— но скоро будут, если я начну швырять деньги на ветер.

— На ветер! — в ужасе воскликнула миссис Ривз.

— На то, чем интересуются Сливки Общества,— высокомерно произнесла миссис Фэддимен-Фиш.

— Раз в жизни такой выпадает случай,— сказал мистер Фэддимен-Фиш.

— И ведь какой талантливый молодой человек,— пропела миссис Ривз.

— И из хорошей семьи,— добавила миссис Фэддимен-Фиш.

— Гений! — пылко воскликнула миссис Ривз.

— Известен в самых избранных кругах,— сказала миссис Фэддимен-Фиш.

— Пользуется поддержкой ведущих знатоков в области музыки,— добавил веское слово мистер Фэддимен-Фиш.

— Принят в королевском доме! — восторженно воскликнула миссис Фэддимен-Фиш.

— Пользуется благосклонностью герцогини Бангчестерской,— вставил мистер Фэддимен-Фиш.

— И лорда Рэндитауна,— добавила его супруга.

— И македонского посла,— сказала миссис Ривз, которой уже виделось, как она, вся в брильянтах, покоряет дипломатический мир Лондона.

Мистер Ривз вытер пот со лба,— из-за огня, пылавшего в камине, в комнате было чертовски жарко,— и, глубоко несчастный, не зная, на что решиться, посмотрел на свою супругу, потом на хозяина дома.

— Мне кажется...— приготовилась было произнести речь миссис Фэддимен-Фиш, но тут раздался стук в дверь. Затем она приоткрылась, и в щелке показалось улыбающееся лицо Энси.

— Можно, дорогая? — спросил он миссис Фэддимен-Фиш.

— Нет,— грубо отрезал мистер Фэддимен-Фиш.— Идите и ждите, пока вас позовут.

Энси исчез.

— Мне кажется, Руперт,— снова начала миссис Фэддимен-Фиш,— что вы, пожалуй...

Снова раздался стук в дверь, и появился дворецкий.
— Вы звонили, мадам? — спросил он с изысканной услужливостью.

— Нет! — распаляясь гневом, отрезала миссис Фэддимен-Фиш.

— В таком случае прошу прощения, мадам. Горничная сказала, что звонили из охотничьего домика.

— Можете идти, Болдуин, — высокомерно сказала миссис Фэддимен-Фиш.

— Благодарю вас, мадам.

— Руперт! — воскликнула миссис Фэддимен-Фиш, как только дверь за дворецким закрылась. — Вы должны завтра же утром рассчитать этого человека.

— Почему? Теперь-то что случилось? — явно чувствуя себя неловко, спросил мистер Фэддимен-Фиш. — Что он такого сделал?

— Я уверена, что он подслушивал в замочную скважину и выдумал эту историю со звонком, потому что появился Энси.

— Глупости, глупости, моя дорогая, — примирительным тоном сказал мистер Фэддимен-Фиш. — Простое совпадение...

— Нет, это было не совпадение. Он подслушивает. И потом мне не нравится его лицо, и он пыхтит, когда прислуживает за столом. Я настаиваю, чтобы вы рассчитали его, как только уедут наши гости.

— Хорошо, — покоряясь, сказал мистер Фэддимен-Фиш.

— Слуги — это такая мука, — скорбным тоном произнесла миссис Фэддимен-Фиш, обращаясь к миссис Ривз. — Просто ума не приложу, что делать с прислугой: все они нынче такие образованные и совершенно не умеют обслуживать. У этого человека были наилучшие рекомендации — даже от самого лорда Рэндитауна, это один из моих самых близких друзей, совершенно очаровательный человек, играет в поло и всегда так внимателен ко мне, хотя Руперту это не нравится, и тем не менее, видите, я не могу его держать, а все из-за этой дурацкой французской революции и этих преступников, которые сидят в России и забивают простому народу голову всякими идеями, так вот я собиралась сказать, что мне кажется, Руперт не совсем верно обрисовал мистеру Ривзу положение. В конце-то концов эта сумма — суший пустяк, стоимость пары запонок или лошади для грума; Руперт на прошлой неделе заплатил триста гиней за

нового скакуна, которого лорд Рэндитаун выбрал для меня, лорд Рэндитаун мой большой друг, мы часто танцуем с ним в «Савое», когда Руперта нет в городе, так вот, как я уже сказала, дело тут не в деньгах, потому что если человек не может потратить такую ерунду, как сто фунтов, значит он ставит себя на одну доску с низшими классами,— не правда ли? — а в данном случае речь идет о молодом человеке из прекрасной семьи, как заверил меня всего лишь на прошлой неделе лорд Рэндитаун, когда мы обедали вместе, и это совсем не то, что дать деньги какому-нибудь жалкому, нищему художнику, все они революционеры и никогда не бывают благодарны высшим классам, но, как я уже сказала, когда к человеку проявляет интерес королевская фамилия, это уже нечто совсем другое и, право же, только патриотично сделать все, что в твоих силах, особенно если в комитете состоит герцогиня, и мне кажется, Руперт, что вы могли бы проследить за тем, чтобы мое имя в списке стояло рядом с ее именем, а не в самом конце...

В состоянии, близком к оцепенению, мистер Ривз внимал этому оркестру, следя лишь за главной темой. Она несколько раз повторялась *da capo*¹, с вариациями. Миссис Ривз смотрела на него умоляюще, с мягкой укоризной, с обидой, с милым упорством. Мистер Фэддимен-Фиш держался добродушно, убеждал, сыпал эпиграммами. Миссис Фэддимен-Фиш вытаскивала в качестве приманки великосветские фамилии головокружительной знатности.

Мистер Ривз подписал чек.

Но при одном условии: что впредь его избавят от необходимости слушать музыку мистера Хиггинс-Рэгга, до той поры и случая, пока она не будет звучать в «Ковент-Гардене» для услаждения слуха титулованного и нетитулованного дворянства и королевской фамилии.

ДЕВЯТЬ

— В жизни я не благодарил так судьбу, как в ту минуту, когда мы уехали оттуда; это была настоящая пытка,— взволнованно поведал Марджел мистер Ривз во время их очередного обеда.

— Выглядит все это довольно мерзко,— признала Марджел.

---

¹ С самого начала (ит.).

— Какое там мерзко,— пылко возразил мистер Ривз.— У меня было такое впечатление, точно меня поместили в аквариум, где полно всяких скользких морских тварей и стоит страшный шум. В жизни этого не забуду.

— Ну, а зачем вы все это делаете? — с ноткой возмущения в голосе спросила Марджел.

— Да я и сам не знаю,— смущенно ответил мистер Ривз.— Знаете, Марджел, раньше я считал людей, которые позволяют собой помыкать,— слабыми, бесхребетными...

— Олухами,— подсказала Марджел.

— Вот именно,— согласился мистер Ривз.— Но когда человек лишен возможности укрыться в своей конторе, он беззащитен. Совершенно беззащитен. Я встречаюсь со всеми этими людьми и езжу по всем этим местам не потому, что они мне нравятся, а потому, что они нравятся Джейн. Знаете, когда мы вернулись домой, я только хотел сказать: «До чего же хорошо снова быть дома, правда, мамочка?» — а она вдруг говорит: «Как жаль, что все кончилось: эта поездка внесла такое разнообразие в мою жизнь». Ну я, конечно, промолчал: к чему мне еще одна ссора, сами понимаете.

— Вот и поди ж ты! — сказала Марджел в порыве деликатнейшего сочувствия.

— А теперь,— продолжал мистер Ривз,— затевается что-то новое. Я это в воздухе чувствую. У нее в лице появляется такое особое выражение, когда она замышляет новую чертовщину и не знает, как попросить у меня денег. Все это прекрасно, Марджел, но при том образе жизни, какой мы ведем, при том, что у нас дом и двое взрослых детей, которых надо содержать, не могу я потакать всяким капризам и причудам. Надо соблюдать разумную экономию.

Мистеру Ривзу и в голову не пришло спросить себя, как выглядит с точки зрения разумной экономии то, что он тратит по два фунта в неделю на обеды с Марджел. Но эта мысль, возможно, пришла в голову Марджел,— так или иначе, она переменяла тему разговора...

В одном отношении мистер Ривз был совершенно прав. Кое-что действительно замышлялось. Энси довольно прилично существовал за счет Ривзов, получая время от времени пятерки от миссис Ривз и комиссионные от

пожертвований мистера Ривза на развитие искусства. Но он не мог этим довольствоваться. Как все великие артисты, Энси считал, что успех лишь стимулирует дерзания. Он, конечно, скостил в свою пользу пятнадцать фунтов с пожертвования мистера Ривза в фонд помощи Хиггинс-Рэггу, — не так плохо для одного уик-энда, — но Энси не давала покоя мысль о маленькой чековой книжке, лежавшей в кармане мистера Ривза, и о подписи «Джон Ривз», выведенной крупными буквами и оказывающей мгновенное и положительное воздействие на банкиров. Необходимо еще что-то предпринять, пока клюет.

Лежа в постели в светло-сиреновой шелковой пижаме и домашней куртке на лебяжьем пуху, мистер Хоукснитч потягивал светлый китайский чай, грыз орешки и раздумывал над этой проблемой. Еще какое-нибудь светское знакомство? Нет, в этой области Энси уже достиг предела: люди начинали недоумевать, какого черта они должны встречаться с какими-то обитателями пригорода, да и к тому же сам мистер Ривз не слишком был в этом заинтересован, а деньги, перепавшие Энси от миссис Ривз, были всего лишь тоненькой струйкой, отведенной от животворного источника, который находился в распоряжении мистера Ривза и из которого Энси мечтал утолить свою непомерную жажду. Художники? Нет, этого уже было достаточно, и большими деньгами тут не пахнет. Музыка тоже исчерпана. Скульптор? Не так-то просто продать скульптуру людям, живущим в пригороде, в жалком крольчатнике. Заставить мистера Ривза субсидировать издание книги стихов? Игра не стоит свеч...

В отчаянье от такого бесплодного шевеления мозгами Энси пролил чай на пижаму и произнес не очень звучное слово. Неужели столь тщательно продуманная цветовая гамма — сиреневая пижама и розоватые простыни — будет испорчена? Белесое пятно на ночном белье — это же ужасно... Но не было бы счастья да несчастье помогло. «Цветовая гамма» дала ему идею — и как это он сразу не подумал! Миссис Ривз должна переделать внутреннее убранство своего дома, мистер Ривз должен за это заплатить, а Энси должен на этом нажиться.

Энси потянулся за адресной книгой, одной из четырех книг, лежавших у его кровати, — две другие были Лондонским телефонным справочником, а третья — справочником Дебретта. В адресной книге было полно фамилий, — правда, многие из них были вычеркнуты таким острым и черным карандашом, точно кто-то сделал это

из озорства или со злости. Возле большинства фамилий стояли какие-то кабалистические знаки, понятные одному только Энси. Он принялся листать страницы в поисках подходящего декоратора — специалиста по интерьерам. В среднем Энси знал около тридцати декораторов, любой из которых мог напрочь отвратить вас от вашего дома. Но Энси сейчас искал такого, который согласился бы вступить с ним в сделку «гонорар пополам». Если бы из этого глупого старого буржуа удалось вытрясти, скажем, сотни две с половиной, ему, Энси, перепала бы приличная сумма в сто двадцать пять фунтов. Из этих денег — так требует справедливость — придется отдать пятерку в счет десяти фунтов, которые на самом деле вся эта история будет стоить. Останется сто двадцать. Не так плохо. В приливе надежды и благородства Энси даже решил оплатить два-три счета, срок погашения которых по закону еще не истек.

«Цыплят по осени считают, ты, дуралей», — сказал он себе. Сначала надо найти нужного человека. Энси стремительно переворачивал страницы. Не то. Не то. Не то. Игнасио Самсон. Ну, конечно же! Славный малыш Игги — как раз то, что нужно. Ну, конечно же! Энси потянулся к стоявшему на ночном столике телефону и стал набирать номер.

Игнасио Самсон был честолюбивый отпрыск барселонской машинистки и английского промышленника. Мать назвала его Игнасио из нежных чувств к ордену иезуитов и его основателю. После того как Игнасио семь лет прожил в барселонских трущобах, его оторвали от матери, — в отце вдруг заговорила совесть, — дали ему фамилию Самсон и неоценимое преимущество окончания закрытой школы, а затем, в двадцать один год, наделили вполне приличным доходом. Оказывается, с финансовой точки зрения, не так уж плохо появиться на свет незаконнорожденным, если у отца водятся деньжата, — тогда почти неизбежно человек получает за это солидную компенсацию. И вот Игнасио, имея приличный доход, естественно, остался жить в Лондоне, Мекке эстетов. Вообще-то у него не было никакой необходимости работать декоратором. И если он этим занимался и даже имел на своем счету не один испорченный дом, то лишь из желания не отстать от других и продвинуться по общественной лестнице. В деньгах же он в общем-то не нуждался.

Энси не составило никакого труда уговорить его насчет Ривзов, условившись по-братски, из расчета «гонорар пополам»...

— Игги просто душенька,— заявил Энси глубоко равнодушно к этой проблеме окружающему миру.

Следующим шагом было завоевание миссис Ривз.

Тут мы сделаем небольшую передышку и полюбуемся упорством и тактом мистера Энсела Хоукснитча. Он не только водил миссис Ривз по квартирам, закускам и студиям, принадлежащим бесчисленному множеству молодых джентльменов с утонченным вкусом, чтобы развить у нее представление об интерьере, но еще и потащился в Мервуд в этом жутком, грохочущем метро, в окружении жутких личностей, которые наверняка никогда в жизни не слышали об Андре Жиде. В девяти-тысячный раз Энси подумал о том, как было бы хорошо, если бы умерла какая-нибудь из его знакомых старых леди и оставила ему состояние. Стремительно шагая в своих мелких замшевых туфлях по дороге к пещере Ривзов, он вдруг понял, какой он бескорыстный благодетель. Надо же так трудиться, чтобы помочь Игги, у которого и без того куча денег. А Игги постарался бы так для Энси? Никогда. Слишком большой эгоист, дорогой мой. Но в том-то нынче и беда нашего времени: люди стали такими эгоистами, только у настоящих старых спиритов еще хватает порядочности и великодушия, чтобы, не жалея себя, помогать другим.

Вот какие благородные мысли теснились в голове Энси, когда он позвонил в дверь Ривзов.

Нет, это просто ужасно: сколько Энси ни старался, пропагандируя китайский чай, миссис Ривз все равно подала ему плебейский цейлонский, да к тому же без всяких пtifуров.

— Право же, дорогая, это не культурно,— сурово отчитал ее Энси.

Миссис Ривз смиренно пообещала исправиться.

Энси был настолько выведен из равновесия, что ему пришлось несколько раз повторить про себя «сто двадцать пять», «сто двадцать пять», прежде чем войти в нужное настроение.

— Знаете, дорогая,— начал он,— последнее время я о вас столько думаю. Отчасти поэтому я и проделал весь этот ужасно неудобный путь и решил повидать вас,— оцените, дорогая,— я хочу поговорить с вами кое о чем, что уже много, много дней не выходит у меня из головы.

— Как это мило с вашей стороны,— сладкозвучно прошептала миссис Ривз.

— Вы поразительно преуспели, дорогая,— льстиво начал Энси.— Право, поразительно. Самые разные Действительно Стоящие люди интересуются вами, говорят о том, какая вы очаровательная и как молодо выглядите. Только вчера я разговаривал о вас с герцогиней, и она сказала, что ей очень любопытно посмотреть на эту новую чаровницу, о которой все говорят. Так что видите, дорогая, какой вы имеете успех.

— Я уверена, что это чисто случайно,— сказала миссис Ривз, жеманно улыбаясь и краснея.

— Не говорите глупостей, дорогая. Вы сполна заслужили этот успех. Вы сами знаете, что это так... Но есть один пустяк, который меня тревожит и может серьезно осложнить все в будущем. По счастью, это легко исправимо.

— Что же это такое? — с трепетом спросила миссис Ривз.

Энси помедлил. Ясность ума не была отличительной особенностью его природы, и хотя он в разное время придумал много разных доводов, способных незаметно продвинуть его к цели, сейчас в голове у него был полнейший сумбур.

— Так вот, дорогая, теперь, когда вы так блистательно преуспели,— издалека начал он,— я полагаю, вам захочется, чтоб у вас было все как надо. Живете вы, конечно, далековато — это ясно, и было бы, пожалуй, лучше снять дом в Мэйфере, но, право же, нет никаких оснований, мешающих принимать здесь, хотя, конечно, герцогиню сюда не пригласишь, так что со временем вам все равно придется подумать о переезде. Конечно, дорогая, я ничего не могу сказать плохого по поводу вашей гостиницы в ее нынешнем виде, но я знаю, что Игги мог бы сделать из нее игрушку, хотя, строго между нами, я считаю, что она отделана в прелестном стиле, но вы же знаете, каковы люди, дорогая, они хотят, чтобы все было изящно, шикарно, современно, а Игги сейчас в самой моде. Он сделал прелестную комнату для леди Блейдбоун — ее снимки были во всех газетах,— и я уверен, что Игги взялся бы декорировать вашу комнату тоже. Это была бы великолепная реклама для вас, дорогая, в дополнение к триумфу Берти, о котором вот-вот заговорят все газеты...

Если у мистера Хоукснитча царил туман в мыслях, то миссис Ривз была совершенно растерянна. Она никак не могла сообразить, куда клонит Энси. Между ними

начался нескончаемый диалог, в ходе которого Энси до того распался, что принялся визжать, пытаясь продать свою идею. Наконец кроткий, но бесхитростный ум миссис Ривз постиг основные факты. Она должна переделать свою гостиную в са-а-ом прелестном, изящном, шикарном, современном, последнем стиле и поручить это са-а-о-мо-му модному, известному, преуспевающему знатоку модерна сеньору Игнасио Самсону; это явится событием, которого жаждут все модные газеты и журналы, после чего гостиная Ривзов в Мервуде станет центром, куда будут стекаться все Сливки Общества, а вместе с ними в дом Ривзов войдет блаженство, слава и утонченность.

Миссис Ривз была обращена.

Оставалось преодолеть одно затруднение, притом совершенно нелепое: как заставить мистера Ривза заплатить за это волшебное превращение? Энси утверждал, что это будет легче легкого, стоит сказать мистеру Ривзу о поразительных преимуществах, которые откроются в результате переустройства. Миссис Ривз не была в этом уверена. Она заметила, что Джон уже заплатил немалые деньги за художественные ценности и музыкальные шедевры, которыми он не в состоянии насладиться, и что он без конца ворчит по этому поводу. А двести пятьдесят фунтов — очень большая сумма...

— Право же, дорогая,— сказал глубоко оскорбленный Энси,— я не понимаю, почему столько разговоров из-за таких мелочей. В конце концов у вас нет родовой семьи, среди ваших родных нет гения вроде Питера или Игги, как же вы можете рассчитывать познакомиться со Сливками Общества без всяких затрат? Откуда узнают о вас, если вы не попадете в светскую хронику?

Миссис Ривз смиренно признала, что он прав, но она боится, что Джон может иначе на это посмотреть.

— Ну, вы должны убедить его, дорогая,— капризно сказал Энси.— Какого черта, на что же тогда существуют жены, если они не могут выудить у своих мужей денег для Энси?

— Но как? — патетически спросила миссис Ривз.

— Давайте свезем его к Игги, пусть он посмотрит дом, который Игги сверху донизу сам декорировал,— в «Будуаре» была целая подборка фотографий,— а потом вы должны внушить мистеру Ривзу, как важно, дорогая, чтобы ваши прелести и ваша красота имели настоящее обрамление. Конечно, мы с Игги — я буду помогать ему

в этом — придумаем для вас что-нибудь шикарное и совершенно оригинальное. Это будет чудо из чудес, дорогая, вот увидите. Ну, оцените же хоть немного...

Вот как случилось, что ничего не подозревающий мистер Ривз сел в машину и поехал вместе с миссис Ривз в дом, декорированный лично самим сеньорито. Веские основания, приведшие к этому, были сокрыты от мистера Ривза. Правда, он проявил некоторое сопротивление, когда ему сказали, что это — друг Энси и что Энси тоже будет там; он даже пробормотал что-то насчет того, что хватит с него этого «Энси-Нэнси». В восторге от своей невинной шутки мистер Ривз позволил себя успокоить и даже почувствовал себя в безопасности, узнав, что данный друг Энси — человек со средствами, живет по «вполне приличному адресу» и не барабанит при людях на рояле.

Дверь небольшого, но стильного дома Игнасио была выкрашена в ярко-зеленый цвет, с медным молоточком посередине, выкопанным в Пимлико и так искусно подогнанным, что медный затылок герцога Веллингтона ударял по медному носу Бони. Однако вещь была слишком ценной, чтобы широко ею пользоваться, а потому головы были по-братски соединены с помощью медной проволоки. Реальным же средством оповещения хозяина о приходе был прозаичный электрический звонок, как это и обнаружил мистер Ривз после неоднократных, но тщетных попыток стукнуть друг о друга головы генералов. Над звонком было заботливо прикреплено маленькое украшение в виде зеркала, перед которым посетитель мог поправить галстук или попудрить нос.

Элегантный даго в белой куртке открыл дверь и одарил сверкающей улыбкой мистера Ривза, не обратив ни малейшего внимания на миссис Ривз. Холл, выдержанный в холодных серо-голубых тонах, с нишей, в которой стояла мадонна в стиле барокко, пронзенная семью шпагами, был слабо и таинственно освещен скрытыми источниками света. Мистер Ривз огляделся, ища, куда бы повесить шляпу и пальто, но не обнаружил ничего, кроме флорентийского комода, увенчанного статуей всадника из английского фарфора неопределенной эпохи. Элегантный лакей по долгу службы вывел мистера Ривза из затруднения, взяв у него пальто и шляпу и аккуратно положив их на пол. Затем он повел гостей вверх по лестнице, на которой лежал толстый серый ковер, казалось,

кишевший большими малиновыми червями; освещалась она, к удивлению мистера Ривза, с помощью пластин из толстого ребристого стекла, вделанных сбоку на каждой ступеньке,— поистине гениальное изобретение, ослеплявшее восходителя, но никак не освещавшее ему путь.

Наверху, на площадке, висел тоже ярко освещенный, стеклянный ящик с диковинной длинношей лошадью — жирафой, сделанной из твердого, как камень, сухого сыра,— чудо это можно купить на ярмарке где-нибудь в глухом уголке Калабрии. Мистер Ривз, само собой разумеется, понятия об этом не имел и лишь подивился, зачем понадобилось одного из обитателей Ноева ковчега помещать в стеклянный ящик.

Оранжевая дверь, явно от руки раскрашенная пышными белыми пионами, вела в большую комнату, где Энси и мистер Самсон сидели, развалясь, возле блестящего электрического обогревателя из хрома и меди. После радушных приветствий со стороны Энси и знакомства с хозяином дома миссис Ривз усадили в глубокое викторианское кресло — из тех, у которых спинка намного выше головы сидящего, что было, очевидно, задумано в целях предохранения лысой макушки дедушки от сквозняков, гулявших в Викторианскую эпоху. Мистеру Ривзу оставалось сделать выбор между фантастически изогнутым венецианским креслом с цветастой обивкой и уныло облезшей позолотой и скамеечкой для дойки коров на трех ножках. Ввиду своего веса мистер Ривз избрал менее хлипкую скамеечку, хоть она и не очень ласково отнеслась к его брюкам, и принялся рассматривать хозяина.

В эту минуту мистер Самсон разливал из графина времен королевы Анны вишневку, купленную у бакалейщика, в четыре крошечные рюмочки,— сосуды эти, напоминавшие голландские тюльпаны на чрезмерно длинной ножке, стояли на пестром португальском деревянном подносе. Одет был мистер Самсон с нарочитой изысканностью, свойственной латинянам и неизменно рассматриваемой англичанами с высоты своей высокородной близорукости как признак дурного вкуса. Это был мрачный на вид субъект, унаследовавший всю печаль бывшего беспризорника. Его длинный испанский нос нависал над большим некрасивым ртом, отделяя друг от друга два огромных черных глаза, не представлявших особого интереса. Большие торчащие уши, низкий лоб и черные волосы дополняли картину. Он и в самом деле похож был на картину, ибо сходство его с некоторыми

изображениями молодых людей на египетских гробницах эллинистического периода было поистине удивительным. Правда, мистеру Ривзу это сходство не бросилось в глаза. Несмотря на неоднократно представлявшиеся ему возможности посетить Национальную галерею, взору его ни разу не дано было насладиться созерцанием изображений на египетских гробницах эллинистического периода. А потому он подумал, что мистер Самсон выглядит чертовски подозрительным субъектом.

— Как это ужасно мило, что вы соизволили навестить меня,— сказал мистер Самсон, забавно обрубая слова, на почти правильном английском разговорном языке прошлой эпохи.— У меня много друзей в Англии, и все они так ужасно добры ко мне.

— Неужели вам никогда не хочется поехать в Испанию, Игги? — покровительственным тоном спросил Энси: в конце-то концов он ведь не какой-нибудь даго, в конце-то концов.— Я, например, очень часто тоскую по блеску и великолепию юга, а с вами этого не бывает, дорогая?

— М-м,— нерешительно сказала миссис Ривз, ибо она никогда над этим не задумывалась.

— Нет, обратно в Барселону я ехать не хочу,— сказал, слегка весь передернувшись, мистер Самсон.— Люди там очень грубые, некультурные, без конца ссорятся на улицах.

— Предпочитаете, значит, добрую старую Англию? — добродушно спросил мистер Ривз.

— Я влюблен в Англию,— заявил мистер Самсон с таким похоронным видом, как если бы врач только что объявил ему, что он проживет не более полугода.— Я люблю эти красивые зеленые лужайки, и туманы, и полисменов, и этих красивых солдатиков, и у меня здесь много, много добрых друзей. О, очень много.

Он протянул всем по очереди поднос с вишнежкой. Мистер Ривз отхлебнул из рюмки, и перед ним тотчас возникла поистине страшная проблема: что делать с остальным вином. Он понимал, что, если он осушит рюмку, то потом весь вечер будет мучиться от изжоги. Но тут тягостным его раздумьям был положен конец.

— А теперь, дорогая,— не в силах дольше сдерживаться, безоговорочным тоном заявил Энси, обращаясь к миссис Ривз,— раз уж вы здесь, вы должны осмотреть этот прелестный дом, в котором живет Игги. Вы знаете, он ведь все здесь сам сделал. Разве эта комната не прелестна? Верно, мистер Ривз?

Мистер Ривз только сейчас огляделся по сторонам. Паркет этой странной комнаты был на целый дюйм покрыт воском и декорирован двумя большими коврами с абстрактным рисунком, отдаленно напоминавшим рисунки мосье Фернана Леже. Были тут три ярко освещенные горки, забитые неопишескими безделушками, добытыми в задних комнатах торговцев антиквариатом, — разные разности, начиная от мадонн из слоновой кости времен Каролингов, которые откроешь — и под юбкой увидишь Тайную вечерю, и кончая хрустальными шарами, которые тряхнешь — и на крошечный ландшафт посыплется хлопья снега. Была тут кушетка во вкусе мадам Рекамье. Был большой стол в стиле Ренессанса, а также маленький круглый столик, покоящийся на большой рыбе из красной бронзы. По ярко-оранжевым стенам, вокруг всей комнаты, на расстоянии двух футов от белого лепного потолка шла узкая черная полоса. А ниже висели две картинки, вышитые маленькими девочками в 1850-х годах, и большое полотно с изображением страстей св. Себастьяна, выполненное на редкость неумелым подражателем мастеров итальянского Cinquecento¹. Над дверью, в стеклянном ящике, висел плащ тореадора.

Словом, комната производила именно то впечатление, какое и должна была производить: вместилища случайных вещей, собранных субъектом, который, если следовать Фрейдю, пытался компенсировать какую-то свою неполноценность и успокоить неудовлетворенные инстинкты, окружив себя псевдоисторическим барахлом. Этого мистер Ривз, конечно, не понял — его образование по части психологии оставляло желать лучшего, — но он понял, что от этой комнаты у него начнется белая горячка.

— Прелесть, — кротко пробормотала миссис Ривз.

— Правда оригинальная комната? — настаивал Энси. — И так а я эlegantная. Верно, мистер Ривз?

— Угу, — произнес мистер Ривз.

— Я нашел вчера хорошенькую вещичку, — сказал мистер Самсон и, отправившись на другой конец комнаты, вернулся с маленькой коробочкой из эмали, которую он положил на ладонь миссис Ривз.

— Прелесть, — сказала миссис Ривз, почтительно держа ее и не зная, что с ней делать.

— Откройте крышку, — сказал мистер Самсон, вдруг улыбнувшись во всю необъятную ширину своего лица.

¹ Шестнадцатого века (ит.).

Миссис Ривз бережно приподняла крышку, и из скрытого внутри музыкального ящика тотчас раздалось унылое скрипучее позвякивание. Мелодию почти невозможно было установить, поскольку не хватало двух нот, и, когда они должны были звучать, наступала тишина.

— Восхитительно! — взвизгнул Энси.— Какой это эпохи, Игги?

— Продавец сказал, что это восемнадцатый век, французская работа,— печально промолвил мистер Самсон.— А я думаю, что швейцарская. Это мелодия «Ranz des Vaches»¹.

— Как поэтично! — прочувствованно произнес Энси.— Вам не кажется, мистер Ривз, что эта прелестная музыкальная шкатулка навевает мысли о прошлом, об очаровательных маркизах и аббатах и... и о прочем тому подобном?

— Хм,— сказал мистер Ривз.— Как-то никогда об этом не думал.

— Я бы с радостью перекупил ее у тебя, Игги,— сказал Энси,— если бы это было мне по карману. Но,— поспешил он добавить, видя, что мистер Самсон готов уже назвать цену,— я знаю, что ты не расстанешься с ней ни за что, и не стану лишать тебя такого сокровища. До чего же приятно знать, что есть еще люди, которые дорожат красивыми вещами, правда, дорогая? Люди, которые привносят немного жизни, и красок, и романтики в наш страшный мир господства науки. Ты благодетель нашего общества, Игги, настоящий благодетель. Я уверен, что ты принес жизнь и краски бедной леди Блейдбоун, когда сделал для нее эту очаровательную комнату.

— Ну, это такой пустяк,— скромно сказал мистер Самсон.— Теперь я мог бы придумать что-нибудь поинтереснее.

— Не говори глупостей, Игги,— сурово сказал Энси.— Ты прекрасно знаешь, что ты один из самых знаменитых декораторов Лондона и толпы элегантных женщин жаждут, чтобы ты отделал им комнаты. А теперь покажи мистеру и миссис Ривз эту красивую спальню, которую ты только что отделал для себя.

Впервые в жизни мистер Ривз почувствовал благодарность к Энси. Его, конечно, нимало не интересовала красивая спальня мистера Самсона, но это позволяло

---

¹ Швейцарская пастушеская песня.

ему втихомолку избавиться от рюмки с вишнежкой и — что еще важнее — расправить ноющие мышцы, затекшие от сидения на жесткой скамеечке для дойки коров. Мистер Ривз с большой готовностью вскочил на ноги.

— Мне бы очень хотелось ее посмотреть, — покривив душой, сказал он.

Энси и миссис Ривз обменялись взглядами, как бы говоря друг другу: «Неплохое начало».

Игги повел их по лестнице, совсем такой же, как первая, с той только разницей, что здесь ковер был красный, кишевший серыми червями. Энси обратил внимание мистера Ривза на изящные хромированные прутья на ступеньках, которые придерживали ковер и которых не заметил мистер Ривз. А Игги, шедший впереди, меланхолическим тоном пояснял миссис Ривз, что он «обошел весь Лондон» в поисках шелка нужного оттенка для своей спальни.

В юности мистер Ривз спал на простой железной кровати с жестким матрасом, и спальней ему служила комната, обклеенная самыми дешевыми, какие только могут быть, обоями, с рисунком, которого мистер Ривз даже не замечал; там стоял комод, умывальник и сосновые стулья, выкрашенные желтой краской, — из тех, что до сих пор еще встречаются в спальнях бедных служанок. Спальня его сына Бейзила была обставлена предельно просто, с соблюдением строжайшей экономии. Таким образом мистер Ривз был совершенно не подготовлен к тому зрелищу, которое предстало его взору, когда он следом за Энси вступил в спальню мистера Самсона.

Вся комната, за исключением потолка, была вымазана или заляпана фиолетовой краской. Роскошный диван, которому мистер Ривз отвел бы место в восточном гареме, если бы ему когда-либо пришлось заниматься такими вещами, был изящно обтянут фиолетовым шелком, с вышитым на нем большим черным крестом. На фиолетовых диванных подушках стояли большие готические буквы: «И. С.». Стулья, ночной столик, туалетный стол и подзеркальник — все было выкрашено в фиолетовый цвет. На туалетном столе стояли шкатулки из фиолетового лака, фиолетовый флакон для духов с опрыскивателем и маленькие фиолетовые флакончики. Даже гребенка и задняя сторона щетки для волос были фиолетовые. Напротив постели висел огромный черный крест, прикрепленный к фиолетовой стене букетом цветов, а на фиолетовой скамеечке под ним стоял ночник. Больше

всего неискушенный взор мистера Ривза поразили две картины, висевшие по обе стороны гаремного дивана. Они представляли собой жуткую мазню, приобретенную где-нибудь в Баварии или Австрии,— подношения ныне заброшенным храмам во исполнение какого-то обета. И та и другая изображали избавление от неминуемой смерти благодаря божественному вмешательству. На одной — красавица Юнгфрау ловко принимала на себя слепящую вспышку раздвоенной молнии, отводя удар от бородатого фанатика на ледникé. На другой — местный святой, при всех своих атрибутах (с нимбом и пальмовой веткой в руке), умирал не хуже бравого полисмена взбунтовавшуюся лошадь, впряженную в тележку с краснощекиными куклами. Из рта персонажей, как на старинных политических карикатурах, вырывались благочестивые восклицания, а божественный промысел изъяснялся словами молитв.

Мистер Ривз был потрясен. Не будучи ревностным посетителем церкви, он исповедовал самую примитивную веру и сейчас с отвращением смотрел на эту дань религиозным предрассудкам. А наличие распятия в спальне, где, естественно, происходят самые интимные вещи, казалось ему просто святотатством. На кой черт нужно обычному нормальному молодому парню устраивать себе такое святилище? «Просто он баба,— с возмущением подумал мистер Ривз,— настоящая баба». Он случайно увидел себя в длинном зеркале, вставленном в фиолетовую полированную раму, которого он доселе не заметил, и сам удивился, каким возмущением дышало его лицо. Не примирила его с Игги и ванная, куда вела фиолетовая лакированная дверь, спрятанная за фиолетовой занавеской. Здесь все было зеленое и стояла большая римская ванна из какого-то искусственного заменителя, напоминавшего малахит.

Энси был в экстазе. И для этого были все основания. Ведь он не только пытался продать Ривзам товар, именуемый «Игги», но, будь у него деньги, он бы с наслаждением отделал свою собственную холостяцкую спальню именно в таком внушительном стиле. Вспомнив о своей ванне, которая была всего лишь имитацией под оникс, Энси глубоко вздохнул.

— Ну, разве не прелесть? — взвизгнул Энси, обращаясь к миссис Ривз.— Вы хоть оцените, дорогая, то, что я привел вас сюда. Игги, это совершенно божественно. Я завидую тебе. Это творение гения.

От этой вполне заслуженной похвалы маску мумии эллинистического периода тронула медленно расплывшаяся, самодовольная улыбка.

Миссис Ривз сказала, что это поразительно, так оригинально, так ой вкус!

Мистер Ривз промолчал.

Гуськом они вернулись в гостиную. С непревзойденным искусством опытного стратега мистер Ривз уклонился от вишневки и, чтобы избежать скамеечки, истерзавшей его куда больше, чем пытка шипами какого-нибудь незадачливого шотландца, принялся бродить по комнате, делая вид, что интересуется содержанием горок. Какого дьявола, подумал он, понадобилось собирать такую ерунду и еще тратить деньги на то, чтобы освещать ее?

— Мистер Ривз, мистер Ривз! — воззвал к нему Энси, не в силах дольше сдержать нетерпение. — Я уверен, что теперь вы поняли, какой гений Игги. И я уверен, что вы согласитесь со мной и с миссис Ривз, что мы с Игги должны переделать вашу гостиную. Между нами говоря, мы можем превратить ее в настоящую жемчужину, верх элегантности!

— Не возражаю, — рассеянно сказал мистер Ривз, делая на этот раз действительно дорогостоящий gaffe. Он и понятия не имел о том, на что дает согласие. Ему хотелось одного: поскорее выбраться из этого нелепого и богохульного места. А кроме того, его ввело в заблуждение искусно сформулированное Энси предложение «переделать гостиную». Мистеру Ривзу никогда бы не пришло в голову, что есть на свете глупые люди, которые платят деньги за совет, как обставить дом, не говоря уже о таком пустяке, как гостиная. Если Джейн не жалко времени и охота перевесить репродукцию Рембрандта в раме мореного дуба или переставить на новые места отличную имитацию шератоновской мебели с помощью двух молодых бездельников, — что ж, пусть.

— Не возражаю, — повторил он. — А теперь, мне кажется, нам, право же...

— Великолепно, — прервал его Энси, восторженно хлопая в ладоши, как маленькая девочка, которой подарили коробку шоколада. — Вы действительно начинаете приобщаться к изысканной жизни, мистер Ривз. Завтра же приступаем к делу, Игги, хорошо? Вы будете завтра дома во второй половине дня, миссис Ривз?..

На следующее утро мистер Ривз уже ровно ничего не помнил ни про Игги, ни про гостиную, а миссис Ривз, с присущей ей мягкостью и тактом, забыла сказать ему, что небольшая «переделка» гостиной будет стоить двести пятьдесят фунтов. Утро мистер Ривз провел не так уж плохо. Затем после ленча и недолгого сна он сыграл партию с майором в монокле и имел удовольствие побить его. Довольный собою не меньше Петрушки, мистер Ривз поздно вернулся домой к чаю. Он очень рассчитывал на то, что Джо Саймонс заглянет к нему после обеда послушать эпический рассказ о поражении майора... Джо будет в восторге, когда узнает, что после чертовски удачной игры на равных с майора пооблетела спесь.

Мирно напевая популярный мотив из последнего фильма, который он видел с Марджел, мистер Ривз вошел в гостиную — выпить чашечку чая. И, к своему великому ужасу, обнаружил там „Энси и мистера Самсона. Миссис Ривз сидела в кресле у огня, и вид у нее был немного испуганный. Энси был красный как рак. А Игги походил на pistolero¹, который сейчас выхватит оружие. Судя по всему, шел отчаянный спор.

— До чего же ты нудный и тяжелый человек, Игги,— раздраженно заявил Энси после наикратчайшего приветствия в адрес мистера Ривза.— Просто не понимаю, что произошло с твоим вкусом. Синька ну и и-и-как не подходит и совсем не элегантна. Вот если мы повесим занавеси старого китайского золота и выкрасим ковер в черный цвет, то стены можно сделать тибетской зелени, а мебель выкрасить азиатским желтком.

Мистер Ривз недоуменно поморгал. Выкрасить отлично отполированную шератоновскую мебель? И что это еще за азиатский желток?

— Нет, я другого мнения,— мрачно и твердо заявил мистер Самсон.— Всю середину комнаты займет фреска Питера, и, если он сделает то, что мне нужно, стены должны быть синие, солнечно-синие, как небо Каталонии.

— Нам вовсе ни к чему фреска Питера,— безапелляционно заявил Энси, предвидя, что платить мистеру Марсбейту пришлось бы из добытых им трофеев.— Фрески не годятся для английского дома. Ты ужасно глуп, Игги. Зачем тебе понадобилась фреска?

---

¹ Разбойника (ит.).

— А затем,— сказал мистер Самсон все так же раздраженно, но веско, пуча свои и без того огромные глаза,— что вчера, ложась спать, я все думал, как бы сделать покрасивее комнату для миссис Ривз. И я сказал себе: «Господь укажет мне это во сне». И вот приснился мне изумительный сон, что я на небе и вокруг меня много, много красивых молодых людей — ангелов. Во сне я увидел Микеланджело и Шекспира, они читали мне свои сонеты, а потом сказали, что Марсель Пруст скоро прибудет к ним. Потом я увидел Оскара Уайльда, ставшего ангелом, господь затрубил в трубу, и появился Марсель в окружении множества ангелов, они обнялись, и господь сказал: «Это рай». Проснувшись, я сказал себе: «Господь указал мне, как отделать гостиную миссис Ривз». Но потом я спросил себя: «Кто же может написать это прекрасное видение?» И сказал себе: «Только Питер может это написать».

— Глупости,— сердито заявил Энси, боясь, как бы миссис Ривз не дала себя уговорить, так что потом ему придется выложить, по крайней мере, пятнадцать фунтов из своего кармана.— Ты просто сам не понимаешь, Игги, о чем ты говоришь. Миссис Ривз не хочет никаких фресок, правда, дорогая? И я тоже не хочу фресок. Это хорошо для тебя, Игги, с твоими континентальными взглядами. Согласен, они бывают иногда вполне приемлемыми. Но, уж пожалуйста, не пытайся диктовать мне, что надо делать в Англии. Я знаю, что я не эксперт, но все-таки я кое-что смыслю в интерьерах.

— Ничего ты в этом не смыслишь,— заявил мистер Самсон, весь залившись краской от такого оскорбления, нанесенного его видению.

— О-о! — в величайшем возмущении взвизгнул Энси и покраснел от досады.— Да как ты смеешь говорить такое? Ты-то знаешь, что это я подал тебе идею, как обставить комнату леди Блейдбоун!

— Если бы я последовал твоей идее,— ядовито заметил мистер Самсон,— получилась бы дикая ерунда.

— О-о! — взвизгнул Энси.— Неблагодарная скотина!

— А ты невежда,— презрительно заявил мистер Самсон.

— А ты шлюха! — взвизгнул Энси, выходя из себя.

— А ты сука! — заявил мистер Самсон, в свою очередь выйдя из себя.

— Держите меня, не то я ему все волосы выдеру! — взвизгнул Энси, делая пробный шаг вперед.

— А я нахлещу тебя по морде! — рявкнул мистер Самсон.

— Эй, вы там! — властным тоном прервал их мистер Ривз, вставая с кресла.— Чтобы этого больше не было. Я здесь не позволю никаких драк. Что это еще за ссоры?

Оба Гомеровых героя стояли друг против друга, красные, взлохмаченные, вытаращив глаза, и выкрикивали оскорбления, непотребные для дамского слуха. Миссис Ривз вскочила на ноги, в ужасе стиснув руки. Мистер Ривз двинулся к ним, чтобы прекратить драку,— а он по наивности полагал, что это будет настоящая драка, какие бывают в Куинсбери. Но он мог этого не опасаться. Энси обладал слишком нежной душой, не способной опуститься до вульгарной жестокости. Лицо его вдруг сморщилось, как у плачущего младенца, и слезы выступили на глазах.

— Игги!

— Энси!

— Не будем ссориться,— патетически воскликнул Энси.— Нельзя, чтобы наша любовь к прекрасному заводила нас так далеко.

— Я был груб,— покаянным тоном произнес мистер Самсон.— Совсем как в Барселоне. А мне вовсе не хочется быть резким и грубым. Я прошу у тебя прощения, Энси.

— Нет, нет,— благородно возразил Энси,— начал все я. Извини меня, Игги. Я сам порядочная сука, но такой уж у меня решительный и буйный нрав. Я всегда боюсь, что в один прекрасный день влезу в какую-нибудь драку и убью кого-нибудь. Это было бы так утомительно. А ведь я же знаю, что ты гений по интерьерам, Игги.

— Нет,— с наигранной скромностью сказал мистер Самсон,— я очень небольшой художник. В этой области ты — мастер.

— Это ты уж слишком,— в восторге от его похвалы, сказал Энси,— я преклоняюсь перед твоим мастерством. Пусть будет фреска, это совершенно великолепная мысль...

— Нет, нет,— великодушно заявил мистер Самсон,— пусть будет китайская зелень и азиатский желток. Это прелестное сочетание в духе Чурригеры.

— А фреска у нас все-таки будет,— безапелляционно заявил Энси.

— Нет, не будет,— сказал мистер Самсон.

— Ну, не будь ты снова сукой,— распаляясь гневом, воскликнул Энси.

— А ты не будь шлюхой,— отпарировал мистер Самсон, в котором вдруг снова стал оживать pistolero.

— Послушайте,— решительно заявил мистер Ривз,— хватит с нас этой перепалки. Садитесь оба. Мамочка, позвони, чтоб принесли чаю. Я пить хочу.

ДЕСЯТЬ

Идеи редко и медленно возникали у мистера Ривза. Будучи человеком деловым, он привык не доверять им: никакой выгоды. Не доверял он и своим оценкам — как собственных поступков, так и поступков других людей. В делах, не уставал твердить мистер Ривз Бейзилу, нельзя быть разборчивым и нельзя допускать чванства. Делами надо заниматься каждый день и весь день, хочется тебе или не хочется; и надо поддерживать добрые отношения с самыми разными людьми. Нельзя быть чересчур обидчивым и нервным. Бейзил же, как подметил мистер Ривз, слишком склонен судить людей в зависимости от того, нравятся они ему или не нравятся, а не в зависимости от того, могут они быть ему полезны или нет. Скверное качество для дельца.

В то же время в ходе этих ценных бесед с Бейзилом мистер Ривз любил мимоходом подчеркнуть тайное богатство и чувствительность своей натуры. Мистер Ривз намекал, что где-то там, за семью печатями, наложенными в интересах этого удивительно ревнивого бога — Сити, таятся несказанные сокровища его внутреннего мира. Возможно, они там и таились, только никто никогда их не замечал. Внешне же все выглядело так, будто он находился всецело под влиянием своего окружения, с каждым годом все меньше и меньше думал, а чувства его и вовсе почти умерли.

Если же мистер Ривз и размышлял, то только ранним утром — как, например, в тот день, когда он поймал себя на том, что раздумывает над понятием времени.

В то же утро желание поразмыслить возникло у него в ванне, и он сказал себе, что все ему надоело. Мысль была не очень приятная, и он постарался тут же ее прогнать. Но она не оставляла его. Мистер Ривз с ужасом обнаружил, что он не хочет бродить по Мервуду, не хочет ждать, пока какой-нибудь незадачливый игрок, сжалившись, согласится сыграть с ним в гольф, не хочет ждать обеда, не хочет ждать Джо Саймонса после обеда,

даже не хочет ждать, когда принесут «Телеграф» с очередным кроссвордом. А еще меньше хочет он продолжать «светскую» жизнь, которую с такой заботой и бескорыстием изобрела для него миссис Ривз. Если Мервуд был стоячим болотом, то светское общество — сущим наказанием. Мистер Ривз не желал больше ходить на коктейли и ленчи за сценой, посещать студии и квартиры с образцовыми интерьерами, проводить уик-энды с пианистами-ударниками, свиньями и профессорами, тратить деньги на поощрение искусств, которые были ему ни к чему, и художников, которые ему вовсе не нравились. Он не желал больше видеть ни Энси и Игги, ни Бекки, Берти и Питера, ни мистера и миссис Фэддимен-Фишей, ни кого-либо другого из них. Ему не очень хотелось видеть даже Марджел, хотя она была лучше всех остальных.

А чего же ему хотелось? Мистер Ривз слегка отвернул кран с горячей водой, чтобы не остывала ванна, и продолжал задумчиво полеживать. Маленький домик в деревне, «вдали от всей этой суеты»? Мистер Ривз ясно представил себе этот домик, и выглядел он так же заманчиво, как на рекламном щите застройщика. В девятьсот шестьдесят пятый раз мистер Ривз перепланировал его. Он добавил индеек и цесарок в птичник: приятно всегда иметь под рукой хорошую птицу. Но рассудительный чертенок, сидевший в нем и так безжалостно открывший ему всю глубину его неудовлетворенности, подверг теперь критике его золотую мечту. Тогда, подумал он, ты уже не сможешь проводить вечера и воскресные дни с приятелями в гольф-клубе, не будет Джо Саймонса, не будет поблизости кино, нельзя будет удрать в город, чтобы спокойно пообедать со старыми друзьями или поговорить по душам с Марджел. Даже детей, которых он и в Мервуде-то не слишком часто видел, — и тех не будет...

Раздался стук в дверь, и голос миссис Ривз спросил, сколько еще он намерен занимать ванную.

— Сейчас выхожу, — виновато откликнулся мистер Ривз и поспешно, но нехотя вылез из горячей ванны. В эту минуту ему больше всего хотелось бы лениво понежиться в теплой воде. К счастью, его ждал завтрак...

Как всегда, Марсель еще не спускалась к завтраку. Мистер Ривз решил махнуть на это рукой. Получались одни неприятности и скандалы; к тому же Джейн это

давало лишнюю возможность проявить отзывчивость к детям. За кашей мистер Ривз просмотрел свою почту. Ничего интересного, по большей части — проспекты, приглашение на просмотр фильма, призыв пожертвовать на открытие новой больницы, еще один призыв — помочь политически дискриминируемым индусам, несколько строк от Бейзила, содержащих осторожный намек на переживаемые им денежные затруднения. Мистер Ривз занялся колбасой, яйцами и «Телеграфом». События в Испании принимали нешуточный оборот: начали ставить препоны торговле. Тут уже нельзя молчать.

Подсознательное чувство беспокойства, появляющееся у человека всякий раз, когда на него смотрят, заставило мистера Ривза перенести свое внимание с бедственного положения злосчастной Испании на жену. Она пристально смотрела на него полными слез глазами, со смесью горя и возмущения, гнева и страха.

— Джон! — с величайшим трагизмом воскликнула она.

— Что случилось? — с тревогой спросил мистер Ривз, окинув взглядом столовую, словно в ней могла находиться живая его Беда, и потом недоуменно уставившись на расстроенную супругу: — Что случилось? В чем еще дело?

— Джон! Как ты мог?

— Что — как я мог? — досадливо спросил мистер Ривз. Ответом было мрачное молчание миссис Ривз.

— Ну-с, — сказал мистер Ривз, нервно встряхивая газету, ибо во всей этой ситуации было явно что-то злое. — Если ты не скажешь мне, в чем дело, как же я это узнаю? Кто-нибудь умер?

— Джон! — в третий раз воззвала миссис Ривз. — Кто такая Марджел?

Мистер Ривз слегка вздрогнул — от великого удивления и, пожалуй, немножко от сознания своей вины, которую миссис Ривз тотчас сочла великой.

— Марджел? — переспросил он, стараясь говорить небрежным тоном, каким говорят о тривиальном эпизоде, простом знакомстве. — Ты же знаешь ее. Это леди Стоун. Жена моего приятеля из Сити. Мы познакомились с ней на одном из этих чертовых коктейлей.

— А почему она пишет тебе письма? — спросила миссис Ривз все тем же глухим трагическим голосом.

— В жизни не получал от нее ни одного письма, — убежденно сказал мистер Ривз, ибо это было чистойшей правдой.

— Только не лги в довершение ко всему! — вскричала миссис Ривз, давая волю гневу. — Вот от нее письмо.

— Какого черта ты вскрываешь мои письма? — не без дрожи в голосе спросил мистер Ривз.

— Оно адресовано мне, видимо, для того, чтобы оскорбить меня, — сказала миссис Ривз, пуская слезу. — Вот, возьми. И подумать только, что ты связался именно с этой женщиной.

Озадаченный мистер Ривз взял конверт, надписанный незнакомой женской рукой. «М-р Джон М. Ривз» значилось на нем. Буква «р» была нацарапана так небрежно, что ее вполне можно было принять за «с». Отсюда и ошибка Эстер, сортировавшей письма.

Мистер Ривз вынул письмо и прочел:

«Дорогой Джон,

на этот раз никак не смогу быть. Джерри по каким-то там делам едет за город и хочет, чтоб я тоже тащилась с ним, так что, боюсь, придется. Очень это обидно, потому что мне так хотелось встретиться с Вами. Ну, да ничего: я вернусь на будущей неделе, и тогда уж мы наверстаем упущенное.

Надеюсь, миссис Ривз не очень Вас донимает и Вам не приходится торчать на всех этих дурацких вечерах.

Искренне Ваша

Марджел».

У мистера Ривза кровь застыла в жилах, когда он прочел это безыскусное послание. Он-то, конечно, понимал, что оно было вполне невинно, но выглядело оно, конечно, двусмысленно. И это примечание насчет миссис Ривз неудачно, весьма неудачно. Мистер Ривз ругнул себя за то, что пожаловался на свою жену посторонней женщине. Никогда не надо этого делать, — того и гляди, попадешь впросак.

И это предложение наверстать упущенное — более чем неудачно, прямо-таки преступная неосторожность, из-за которой все в доме может пойти кувырком. И мистер Ривз с праведным возмущением подумал о том, что он ведь ни разу даже не поцеловал этой женщины, ни разу, сидя в кино, не взял ее за руку, ни разу не сказал ей ничего такого, что не могла бы слышать его жена или ее муж, — если не считать его жалоб на Джейн. Кой черт надоумил Марджел написать такое письмо? Вот что получается, когда свяжешься с титулованной хористкой...

Мистер Ривз поднял взор и увидел перед собой все

те же полные слез, осуждающие глаза, смотревшие на него испепеляющим взглядом.

— Ну? — звенящим голосом спросила миссис Ривз.

— А что, собственно, случилось? — нетерпеливо спросил мистер Ривз.— Мы собирались вместе пообедать, а теперь она просит, чтобы мы этот обед перенесли. Все очень просто.

— Совсем не так просто,— сказала миссис Ривз с мягкой, но ядовитой иронией.— Почему она пишет: «На этот раз»?

— Очевидно, потому, что мы уже обедали вместе,— еле слышно, но чистосердечно признался мистер Ривз.

— Ага! — услышав это признание, обрушилась на супруга миссис Ривз.— Значит, даже ты не можешь отрицать, что вы регулярно встречаетесь!

— Нет, я это отрицаю,— заявил мистер Ривз.— Мы раза два или три обедали вместе — вот и все. Черт побери, ты сама втянула меня в эту светскую жизнь. Ты сама потащила меня к этой леди Как-Бишь-Ее, где я познакомился с Мардж... с леди Стоун. Могу же я выбирать, с кем мне хочется быть знакомым, или уж не могу?

Миссис Ривз, тяжело дыша, гневно смотрела на супруга.

— Быть знакомым — одно дело,— свирепо заявила она.— А завести интрижку с замужней женщиной — совсем другое.

— Но, черт побери! — возмущенно воскликнул мистер Ривз, в волнении швыряя «Телеграф» на пол.— Нет у меня ни с кем интрижки.

— В таком случае,— замогильным голосом произнесла миссис Ривз,— почему она говорит, что вы еще навёрстаете упущенное?

— Будь я проклят, если я знаю, что она имеет в виду,— откровенно признался мистер Ривз.— Глупость какая-то.

— Ты не знаешь, потому что не можешь придумать, как соврать,— возразила миссис Ривз.

— Потихе, потихе,— решительно остановил ее мистер Ривз,— не такой уж я лгун. Между мной и Мардж... леди Стоун ничего не было сказано или совершенно такого, чего ты не могла бы видеть или слышать.

— Вот как! — саркастически заявила миссис Ривз.— Весьма убедительно. А чем же это я тебя «слишком» позволю спросить? Должно быть, по американским канонам недостойно, когда жена печется о муже?

— Вот тут я виноват,— чистосердечно признался мистер Ривз.— Боюсь, я действительно говорил, что мне начинает надоедать эта светская жизнь, которой ты так увлечена. Но ничего другого...

— Чего же ты хочешь? — с ледяным спокойствием спросила миссис Ривз.— Чтобы я развелась с тобой?

Мистер Ривз принадлежал к той большой и интеллигентной части общества, для которой «развод» означает нечто мрачное и зловещее, среднее между проказой и воровством. Не донеся до рта кусок колбасы, нанизанный на острие вилки, он с ужасом уставился на жену, пораженный не столько нелепостью, сколько скандальностью ее предложения. Он не мог найти слов, достаточно энергичных, чтобы отвести от себя столь нежелательную угрозу.

— Ты, видно, с ума сошла...— горячо начал было он и в смущении умолк, заметив Марсель, с томным видом явившуюся наконец к завтраку. Она с удивлением и любопытством посмотрела сначала на него, потом на миссис Ривз.

— Привет! Что тут у вас происходит? — небрежным тоном спросила она.

— Ничего, тебя это никак не касается, детка,— мягко, дрожащим от слез голосом, сказала миссис Ривз.— Просто твой отец...

— А-а! — Дальнейшее уже не интересовало Марсель.

Мистер Ривз хотел было возразить против такого предрешения событий, потом передумал, издал: «Хм»,— и, намазав хлеб джемом, укрылся за газетой.

Грустные дни настали для мистера Ривза. Ему очень хотелось наладить свои отношения с Джейн, но он не имел ни малейшего представления, как к этому поступиться. Ведь в первую голову необходимо было доказать миссис Ривз беспочвенность ее несправедливых подозрений, но это он уже пытался сделать, и ему не поверили. Мистер Ривз слишком хорошо знал Джейн: она цепко держалась своих заблуждений. А в этом последнем заблуждении она была столь тверда, что мистер Ривз робко бродил по собственному дому, как затравленный преступник. Миссис Ривз наблюдала за его появлениями и исчезновениями с кротким, но оскорбительным смирением. Если он с самыми невинными намерениями отправлялся в клуб, полные слез глаза мис-

сис Ривз укоряли его в том, что он спешит на свидание с этой безнравственной женщиной. Миссис Ривз перекладывала адресованные ему письма и обнаруживала в его отсутствие ящички его письменного стола. Если же ей никак не волял себе то или иное замечание по этому поводу, она либо оставляла его слова без ответа,— в то время как глаза ее вновь наполнялись слезами,— либо произносила что-нибудь с видом оскорбленной добродетели, и мистеру Ривзу иной раз уже начинало мерещиться, будто он и в самом деле в чем-то перед ней провинился, хотя здравый смысл и подсказывал ему, что никакой вины на нем нет... иной же раз у него возникало непреодолимое желание запустить в жену чем попало.

В этом состоянии душевного смятения мистер Ривз позвонил по телефону Джо Саймонсу и условился пообедать с ним в одной из закусовых в Сити. Попав в привычную обстановку, мистер Ривз несколько воспрял духом. Приятно было смотреть на этих солидных добропорядочных людей, поглощавших солидную добропорядочную пищу, на проворных официантов, на мальчишек-подручных, снующих туда и сюда с подносами, заставленными пивными кружками, приятно было слушать громкий гул голосов и снова чувствовать себя в гуще существенных вещей и событий. Да, здесь была настоящая жизнь.

— А, вот теперь другое дело! — Мистер Ривз с особенным смаком произнес свое ритуальное заклинание, сделав первый глоток первого по-настоящему хорошего пива за последние несколько недель.

— За твоё здоровье,— сказал Джо, поднимая свою кружку.

— Пришел спросить у тебя совета,— сказал мистер Ривз, разворачивая салфетку и готовясь раскрыть перед приятелем душу и отправить в рот изрядное количество жаренного на вертеле мяса.— Я, признаться, попал в довольно-таки затруднительное положение.

— Неужто погорели какие-нибудь вклады? — встревоженно спросил мистер Саймонс.

— Нет, до этого пока еще не дошло. У меня несладко с моей хозяйкой.

— О! — с явным облегчением протянул Джо. Он уже привык к тому, что у многих мужчин бывает несладко с их хозяйками.— Ну, что там теперь у вас?

Мистер Ривз ответил не сразу. Он так расчудесно чувствовал себя здесь — снова в обществе своего Джо за добротным обедом, — что все его неурядицы, казалось, разом отступили куда-то. Теперь, когда нужно было облечь свои горести в слова, они почему-то выглядели несколько комично.

— Ну, ты ведь знаешь женщин, Джо, — начал мистер Ривз, осторожно нащупывая почву. — Они все малость истеричны.

— Болезненная слабость их пола, — с серьезным видом подтвердил мистер Саймонс. — Так уж они устроены.

— Я знаю. — Мистер Ривз глубокомысленно кивнул. — Но Джейн — это особенно тяжелый случай. Вбила себе в голову какую-то чушь, и теперь никакими силами ее оттуда не выбьешь.

— Ну, знаешь, — сказал Саймонс, продолжая безмятежно поглощать сочный бифштекс с жареным картофелем, — у всех это бывает. Оставь ее в покое, Джек, у нее это пройдет. А что у вас там такое?

— Да видишь ли, эта дуреха вообразила невесть что — будто я завел интрижку с одной женщиной, — горестно признался мистер Ривз. — И подняла из-за этого целый скандал. Несет дикий вздор насчет развода, словом, устроила мне собачью жизнь.

— Да чего это ей вдруг в голову взбрело? — в немалом изумлении спросил Джо.

Мистер Ривз почесал в затылке; вид у него был несколько растерянный.

— Просто какое-то идиотское недоразумение, — смущенно объяснил он. — Ты знаешь, что она затаскала меня по этим дурацким светским вечерам, будь они трижды прокляты, и требует, чтобы я знакомился с «настоящими», как она их называет, людьми. А я, Джо, уже сыт этим по горло. Хочу послать все к черту. Отродясь еще не видал таких надутых, самодовольных дураков.

Мистер Ривз с необычайным жаром произнес эту тираду: возможно, ему самому хотелось несколько укрепить свою веру в то, что у него хватит силы воли противостать честолюбивым планам Джейн. Мистер Саймонс поглядел на него с сомнением. У него мелькнула мысль, что Джон, похоже, начинает обольшевничиваться, и это не доставило ему удовольствия.

— Из всех, с кем я там познакомился, только у одной женщины нашлась крупница здравого смысла в голове — у американки по имени Марджел Стоун; она жена Сто-

уна — «Сондерс, Крик и Стоун», очень славная, рассудительная бабенка,— поспешил пояснить мистер Ривз.— Я раза два обедал с нею, но чисто по-товариинески, ты понимаешь. Между прочим, я приглашал Стоуна тоже, но он не смог прийти. Даю тебе слово, что ничего такого между нами не было. Короче говоря, я собирался снова пообедать с нею в среду, а она прислала мне записочку, что не сможет прийти. На конверте было написано «мистеру Ривзу», но жена по ошибке распечатала это письмо и подняла страшный шум. На вот, посмотри сам.

Набив полный рот говядиной с картофелем и терпеливо ее пережевывая, мистер Саймонс с присущей ему деловитостью сразу же погрузился в чтение письма. Он прочел его от точки до точки, снова набил рот говядиной с картофелем и прочел письмо вторично.

— Хм,— произнес он наконец, и на сей раз в голосе его прозвучало еще больше сомнения, чем после разгромной речи мистера Ривза по адресу светского общества.

— Тебе ясно, что это чисто официальная записка? — обеспокоенно настаивал мистер Ривз.

— Хм,— снова произнес мистер Саймонс.— Формулировки, я бы сказал, выбраны несколько неудачно.

— Ты же не думаешь, что здесь что-то есть, правда, Джо? — в крайнем беспокойстве спросил мистер Ривз.

— Нет, нет, нет! Конечно, конечно, нет,— торопливо, с несколько чрезмерной горячностью заверил его мистер Саймонс.

Мистер Ривз поглядел на друга; во взгляде его были боль и страх.

— Не будь идиотом, Джо,— сказал он с мольбой.— Говорю тебе, ничего здесь нет такого. Ты не знаешь американцев; они гораздо проще и демократичнее, чем мы.

— Хм! — Мистер Саймонс задумался.— Джейн прочла это письмо?

— Прочла, я же тебе сказал.

— Ну и что ты думаешь делать?

— Вот за этим-то я и пришел — чтобы ты дал мне совет,— с раздражением сказал мистер Ривз.— Ну, будь другом, Джо, посоветуй, как мне выпутаться из этой чертовщины.

Мистер Саймонс еще раз набил рот едой и принялся задумчиво жевать. Затем вытер губы и отхлебнул из кружки. Снова вытер губы и отправил в рот новую порцию говядины и картофеля. Все указывало на то, что мысль

его энергично работала. Мистер Ривз наблюдал за ним с тревогой и с надеждой. Он крепко верил в деловую смекалку Джо.

— По-моему, тебе следует сделать одно: поговорить с ней начистоту и объяснить, что все это не так,— торжественно и глубокомысленно изрек наконец Джо.

— Да, черт побери,— нетерпеливо воскликнул мистер Ривз,— я уже говорил ей это, но она не верит!

— Ей-богу, не знаю, что же еще ты можешь сделать,— беспомощно произнес мистер Саймонс.— Попробуй пустить в ход всю силу своего убеждения, Джек. Да, черт побери, не может быть, чтобы человек с такой деловой хваткой, как у тебя, не справился с этой задачей.

— Одно дело убедить человека в чем-то, что выражается в фунтах, шиллингах и пенсах,— уныло признался мистер Ривз,— и совершенно другое — убедить женщину в таких вот вещах.

— Ай-яй-яй, хоть ложись да помирай,— произнес одну из своих любимых присказок мистер Саймонс, желая хоть немножко расшевелить мистера Ривза и отвлечь его от тяжких дум. Это ему не удалось.

— Хорошо тебе шутить,— сказал мистер Ривз с горечью,— а мне так, представь себе, совсем не смешно. Она следит за мной, как фокстерьер за мышью. Стоит мне направиться к двери, чтобы пойти вымыть руки, как у нее делается такой вид, словно я собираюсь сбежать от семьи с любовницей или выкинуть еще что-нибудь в таком же духе.

— А почему бы тебе не купить Джейн какое-нибудь ожерелье и не сводить ее в театр? — стремясь успокоить друга, предложил мистер Саймонс.

— Не годится,— с неожиданной для него пронизательностью заявил мистер Ривз.— Она воспримет это, как признание моей вины. Мне не жалко подарить ей ожерелье, но, черт побери, не хочу я, чтобы она думала, будто я в чем-то перед ней виноват.

— Вот что я бы сделал на твоем месте,— сказал мистер Саймонс, которого вдруг осенила блестящая идея,— не стал бы больше встречаться с той женщиной.

— Да ни за что на свете! — с жаром воскликнул мистер Ривз.— Ничто не заставит меня встретиться с ней еще раз, Джо.

— Вот это правильно,— с мудрым видом кивнул Джо.— Вот это правильно. Не встречайся с ней больше.

— Да, но как мне убедить Джейн в том, что я боль-

ше с ней не встречаюсь? — продолжал допытываться мистер Ривз.

— Ты должен поговорить с ней начистоту и как-то убедить ее,— упрямо повторил Джо.

— Да, но как?

Мистер Ривз возвратился в Мервуд, так и не найдя ответа на свой вопрос. Несмотря на все уверения Джо, что рано или поздно все уладится, мистер Ривз отнюдь не был в этом уверен. К тому же «рано или поздно» его не устраивало. Он, подобно Франции, жаждал спокойствия и мира, но как этого достигнуть, понимал не лучше, чем Франция.

Конец недели тянулся мучительно и бесконечно долго. К ленчу явился Бейзил и с такой нагловатой иронией поглядел на мистера Ривза, что сомневаться не приходилось,— он уже был посвящен во все. Марсель, по-видимому, тоже была во все посвящена. Она возвратилась домой за полночь, и, когда мистер Ривз попробовал сделать ей замечание, сразу дала ему понять, что человеку в его положении, а тем паче в его возрасте не пристало бросать камнями в других.

От всего этого можно было свихнуться.

Утро в понедельник выдалось туманное, сырое. В глубоком унынии и расстройстве мистер Ривз после завтрака удалился с газетой к себе в кабинет. Но и газета не доставила ему удовольствия. Даже его общественный темперамент не выиграл, как бывало, при обозрении все-народных бедствий, на фоне которых его личные горести могли бы, казалось, померкнуть. В сотый раз спрашивал он себя, что надо сделать, чтобы заставить Джейн образумиться и перестать терзать его своим молчанием, намеками, слезами и укоряющими взглядами. И в сотый раз не находил ответа. Какой-нибудь психолог с хорошо подвешенным языком сумел бы в два счета привести все это в порядок. Но мистер Ривз не был психологом и красноречием не обладал. Он и сам чувствовал, что мысленно построенная им, с целью примирения, защитительная речь слабовата. И тем не менее ничего другого, по-видимому, не оставалось, как объясниться с Джейн. Это было очевидно.

Кончилось же тем, что Джейн сама вызвала его на объяснение.

Мистер Ривз раскуривал свою трубку, которой он в смятенном состоянии души дважды позволил потухнуть,

как вдруг внезапно распахнулась дверь, и на пороге, воинственная, точно Валькирия, возникла миссис Ривз.

— О, ты, оказывается, здесь! — произнесла она таким тоном, словно предполагала, что мистер Ривз уже флиртует под дождем с «этой женщиной» в десять часов утра.

— Тебе что-нибудь нужно? — кротко спросил мистер Ривз.

— Джон! — уничтожающим тоном воскликнула миссис Ривз, игнорируя его вопрос.— Д ж о н!

— Да, дорогая? — сказал мистер Ривз.

— Не смей называть меня «дорогая», — патетически произнесла миссис Ривз.— Никакая я тебе не дорогая. И не воображай, что нежными словами ты можешь испугать свое безумие, свои преступления.

— Ну, полно, полно, — запротестовал мистер Ривз.— Черт побери, Джейн, это уж ты слишком.

— Не сомневаюсь, что тебе все кажется пустяком, — ядовито заметила миссис Ривз.— Одному богу известно, чем ты занимался и сподтишка все эти годы. Но я, не в пример тебе, не привыкла к такому цинизму. Хотя даже Бейзил и Марсель говорят, что в наши дни пожилые мужчины часто впадают в такое состояние.

— Совершенно ни к чему было впутывать сюда еще и детей, — хмуро произнес глубоко уязвленный мистер Ривз.

— Кто-то же должен был поддержать меня в моем горе! — драматически воскликнула миссис Ривз.— И кому еще могла я раскрыть душу, как не моим несчастным обездоленным детям? Сегодня ты бросаешь на произвол судьбы их мать, завтра ты бросишь их.

— Силы небесные! — в отчаянии возопил мистер Ривз.— Почему бы уж заодно не обвинить меня в ограблении Английского банка и в покушении на жизнь короля? Ну, образумься же, Джейн! И не стой ты так и не гляди точно миссис Гранди, впавшая в транс. Сядь, успокойся и позволь мне еще раз попытаться объяснить тебе все.

— Что тут еще объяснять, — едко сказала миссис Ривз, но все же села.— Я не желаю выслушивать грязные подробности. Но, Джон, дальше так продолжаться не может.

— Вот именно, — горячо подхватил мистер Ривз.— Я...

— И хотя бы поэтому, не говоря уже ни о чем другом, ты должен постараться быть откровенным со

мною и перестань увиливать и изворачиваться,— перебила его миссис Ривз.— В то утро ты ничего не ответил на мой вопрос. Ты должен...

— Какой вопрос? — наивно спросил мистер Ривз.

— Как какой вопрос! — вознегодовала оскорбленная добродетель.— Во имя господина бога, во имя детей попытайся же хоть на минуту быть честным. Я ведь просила тебя не увиливать...

— Я и не увиливаю,— сказал мистер Ривз, мужественно стараясь не вспылить.— Я просто не знаю, о каком вопросе идет речь.

Миссис Ривз трагически вздохнула, давая понять, что переносить все это выше ее слабых сил.

— Я спрашивала тебя, хочешь ли ты получить развод?

— Разумеется, нет,— живо отозвался мистер Ривз.

— В таком случае, как же я должна, по-твоему, поступить?

— Ты должна проявить хоть немножко здравого смысла,— отвечал мистер Ривз.— Ну, послушай, Джейн, ей-богу, глупо так вести себя из-за...

— Ты хочешь, чтобы я потворствовала адюльтеру? — В голосе миссис Ривз зазвенели слезы.

— Да не было никакого адюльтера,— решительно запротестовал мистер Ривз.— Клянусь тебе, что ничего не было. Ничего, решительно ничего, просто случайная... э... светская встреча. А ты делаешь из мухи слона. Да и мухи-то даже никакой не было.

— Тогда почему она пишет тебе любовные письма? — ревниво спросила миссис Ривз.

— Вообще она их не пишет. Она написала мне единственное письмо — то, которое ты распечатала по ошибке. Ну и что в нем такого? Обычное уведомление, что обед откладывается...

— Это было любовное письмо,— настаивала миссис Ривз.

— Ничего подобного! Говорю тебе, Джейн, что у тебя грязное воображение, и ты видишь дурное...

— У меня грязное воображение? О! — Миссис Ривз всхлипнула.— Меня же еще и оскорбляют вдобавок!

— Я говорю только, что ты видишь дурное там, где его нет,— настойчиво повторил мистер Ривз.— Иначе ты не стала бы поднимать весь этот шум из-за ничего.

— Из-за ничего! — Миссис Ривз едва не задохнулась от возмущения и слез.

— Если бы ты только выслушала меня, вместо того чтобы забивать себе голову разными высосанными из пальца фантазиями, мы могли бы разумно разобраться во всем,— убеждал супругу мистер Ривз.— Ты не жалуешь американок, Джейн. Ты их не понимаешь. А мне они нравятся. Они более простодушны и дружелюбны, чем мы, и более непосредственны в выражениях. Мардж... Леди Стоун написала бы совершенно такое же письмо любому приятелю своего мужа...

— Значит, ты намерен и дальше встречаться с ней? — трагически спросила миссис Ривз, не дав ему договорить.

— Не вижу причин, почему бы нет,— твердо произнес мистер Ривз.— Все наши встречи были совершенно невинны. Но если это может тебя успокоить, я, разумеется, не стану с ней видеться. Она значит для меня не больше, чем любая другая дурочка, которых полным-полно в этих ваших идиотских светских кругах.

— Откуда мне знать, что ты не будешь встречаться с ней тайком? — спросила миссис Ривз.

— Так я же даю тебе слово,— возмущенно возразил мистер Ривз.

— Мне бы хотелось верить тебе, Джон,— жалобно произнесла миссис Ривз,— но я знаю, как ведут себя мужчины в подобных случаях. Они готовы заверить своих бедных, обманутых жен в чем угодно, лишь бы усыпить их подозрения, а потом смеются над ними с «теми женщинами».

— Ну, брось, брось,— запротестовал мистер Ривз,— говорю тебе: ты хватаешь через край, Джейн. Да, черт побери, тридцать лет мое слово было равносильно расписке у нас в Сити.

— Ну, это в делах,— вздохнула миссис Ривз,— а тут — любовь.

— Ничего подобного,— сердито сказал мистер Ривз.— Любовь ты выдумала сама. Она существует только в твоём расстроенном воображении, поверь мне. Но я готов сделать все, что ты пожелаешь, в разумных пределах, разумеется,— лишь бы покончить с этим раз и навсегда. Есть у тебя какие-нибудь предложения?

— согласишься ли ты...— миссис Ривз запнулась в нерешительности,— согласишься ли ты уехать со мной на какое-то время за границу, подальше от нее?

Мистер Ривз с минуту молчал, размышляя. Поехать за границу? А что там делают, за границей? Но в конце

концов здесь, в Мервуде, все равно тоска зеленая. Может, удастся найти какое-нибудь тихое местечко, вдали от всей этой суеты. Если этим можно утихомирить Джейн...

— Ну что же,— с готовностью сказал он,— почему бы и нет! Поедем на какой хочешь срок. Поглядим разные там древности, которыми все так бредят.

— И ты согласен написать этой женщине письмо о том, что порываешь с ней навеки?

— Ну, не совсем так,— весело произнес мистер Ривз, несколько воспрянув духом,— поскольку, видишь ли, порывать-то еще нечего. Но я напишу — сообщу, что обед наш не может состояться и...

— Если ты говоришь искренне,— прервала его миссис Ривз,— позволь мне составить это письмо, а потом перепиши его и поставь свою подпись.

— Ну ладно. А что ты хочешь ей написать? — с некоторым сомнением спросил мистер Ривз.

Вместо ответа миссис Ривз подошла к его письменному столу, торопливо нацарапала письмо и мелодраматическим жестом протянула его мужу. Мистер Ривз прочел:

«Дорогая Марджел!

Моей жене стало известно все, и она убита горем. Я понял, что люблю ее сильнее, чем тебя, и потому уезжаю с ней за границу, чтобы попытаться искупить свою вину. Это письмо должно сказать тебе, что между нами все кончено. Моя жена готова меня простить при условии, что я никогда больше с тобой не увижусь, а потому прощай навек.

Джон».

— Господи, помилуй и пощади! — в ужасе воскликнул мистер Ривз.— Я не могу послать этой женщине такое письмо. Она подаст на меня в суд за оскорбление и клевету и потребует от своего мужа, чтобы он со мной разделался. И кроме того, это же нелепо. Мы никогда не были с ней в таких отношениях.

— Значит, вы отказываетесь? — величественно произнесла миссис Ривз.— Вы не желаете порвать с ней?

— Ах, не будь ты идиоткой! — раздраженно сказал мистер Ривз.— Встань, дай-ка я сам напишу.

Он писал, а миссис Ривз ревниво пробегала глазами строчки из-за его плеча:

«Дорогая леди Стоун,

Очень признателен за Ваше письмо от 17-го сего месяца, в ответ на каковое спешу уведомить Вас, что не

смогу пообедать с Вами, как Вы предлагаете, поскольку уезжаю за границу на неопределенный срок.

В надежде, что это не очень нарушит Ваши планы, остаюсь, преданный Вам,

Джон Ривз.

— Ты не написал, что больше не будешь встречаться с ней,— заметила миссис Ривз.

— Это само собой вытекает из того, что здесь написано: «уезжаю за границу на неопределенный срок»,— пояснил мистер Ривз.

— А почему ты пишешь «преданный Вам»? Это выглядит так, словно ты обещаешь сохранять ей верность.

— Что за вздор! — взорвался Ривз.— Могу написать «искренне Ваш», или «уважающий Вас», или еще что угодно по твоему выбору.

— Напиши «искренне Ваш», хотя боюсь, что это совсем не искреннее письмо,— сказала миссис Ривз, несколько обезоруженная этой двойной капитуляцией.— И когда же мы можем двинуться в путь?

— Как только ты пожелаешь,— не задумываясь, ответил мистер Ривз, поглощенный переписыванием письма набело.

После этого сгущенная атмосфера в доме Ривзов заметно разрядилась. Даже Марсель снова стала держаться более или менее терпимо. И все же подспудно еще ощущалась какая-то натянутость. Миссис Ривз не полностью излечилась от своих подозрений. В лучшем случае она забыла и простила лишь наполовину. Всякий раз, когда мистер Ривз собирался отлучиться из дома, его спрашивали, куда он направляется,— спрашивали ласково, как бы мимоходом, но не без задней мысли. Дважды, после того как он заявил, что идет в клуб, миссис Ривз звонила туда под каким-то пустым предлогом, желая удостовериться, что он действительно там. И это раздражало мистера Ривза. Пасть жертвой несправедливых подозрений было уже само по себе достаточно скверно, но еще того хуже — чувствовать, что ты вынужден перед ними капитулировать. У мистера Ривза подсознательно сложилось неприятное ощущение, что в его маленькой монархии женская половина грубо захватила в свои руки бразды правления.

Возникла еще одна непредвиденная трудность. Куда отправиться? Мистеру Ривзу было совершенно все равно. Заграница везде заграница, любое место не хуже

другого. Лишь бы это стоило не слишком дорого. Миссис Ривз понятия не имела о том, где именно расположены фешенебельные курорты, куда стекаются все «настоящие» люди. Эдуард VII, припоминала она, ездил в Баден, но ведь то было до войны. Его незадачливое величество Эдуард VIII ездил в Австрию. Но следуют ли теперь «настоящие» люди по стопам Эдуарда VIII? Миссис Ривз не была в этом уверена. Марсель грезил Парижем, но миссис Ривз помнила, как отозвалась об этом городе Бекки Берден.

Не зная, на что решиться, миссис Ривз улучила момент, когда мистера Ривза не было дома, и позвонила своему частному поверенному в светских делах мистеру Хоукснитчу.

— А что это вам вздумалось ехать сейчас за границу, дорогая? — спросил Энси, не дав ей закончить свои объяснения. — Сезон же здесь еще в разгаре.

— Этого требует здоровье мистера Ривза, — лицемерно пропела миссис Ривз в телефонную трубку. — Доктор говорит, что он должен уехать за границу немедленно.

— Какая досада! — сварливо сказал Энси. — До чего ж вам не везет, дорогая. А что с ним такое?

— Сердце, — горестно вздохнула миссис Ривз. — Что-то не в порядке с сердцем. Я должна увезти его за границу и окружить заботой, но мне бы очень хотелось поехать туда, куда теперь ездят.

— А почему бы вам просто не отправить его за границу одного? — цинично спросил Энси.

— О, нет, я не могу этого сделать, никак не могу, — сказала миссис Ривз тоном бескорыстного самопожертвования, в то время как перед глазами ее возникло ужасное видение Джона и Марджел, весело и скандально предающихся совместным утехам на каком-нибудь веселом заграничном курорте.

— Но вы никак не можете сейчас уехать, — решительно запротестовал Энси, испугавшись, что легкий заработок может уплыть у него из-под носа. — Как же мы с Игги завершим отделку вашей гостиной?

— А нельзя ли отложить это до нашего возвращения? — робко спросила миссис Ривз. Теперь, в связи с отъездом за границу, соблазн декорировать гостиную для светских приемов несколько утратил свою притягательную силу. К тому же совесть громко напоминала миссис Ривз, что мистер Ривз еще не поставлен в известность о том, в какую сумму обойдется ему эта ре-

форма,— вернее, о том, что это вообще должно ему во что-то обойтись. Она даже надеялась в душе, что ей удастся убедить Энси отказаться от этой затеи. В этом заблуждении она пребывала недолго.

— Разумеется, нет! — безапелляционно загремел Энси в телефон.— Вы попросили нас об услуге, и мы с Игги уже потратили на это массу времени и денег. Игги отказался от двух других предложений, чтобы посвятить все свое время вам. Право, мне кажется, это крайне нелюбезно с вашей стороны, моя дорогая, особенно после всего, что мы для вас сделали!

Миссис Ривз вздохнула. Как видно, ей уже теперь не отвертеться.

— Но ведь в доме останется прислуга,— попыталась она умиловить Энси.— Я ее предупрежу, и вы с мистером Самсоном можете приходить в любое время, когда вам будет удобно. Это вас устроит?

— Если бы вы остались, это было бы совсем другое дело,— сказал Энси, с сожалением понимая, что возжеленные даровые ленчи и выпивки исчезают, как мираж.— Неужели вы никак не можете подождать, пока мы все закончим?

— Н и к а к не могу, мы должны уехать как можно скорее.

— Ну что ж, я вижу, вас не переупрямишь,— не слишком любезным тоном заявил Энси.— Но право же, это очень нехорошо с вашей стороны, моя дорогая,— уезжать в разгар нашей работы.

— Ах, я сама так огорчена,— сокрушенно пробормотала миссис Ривз.— Но что можно поделывать, когда человек болен? Все же, прошу вас, скажите, куда бы вы нам посоветовали поехать?

Энси немного помолчал, давая понять, что он размышляет.

— Почему бы вам не отправиться в Канн? — осенило его вдруг.— Бекки собирается туда в августе, и, поскольку эта дурацкая канитель в Испании все еще не кончилась, я, вероятно, направлюсь туда же.

— Вы в самом деле думаете, что это именно то, что нужно? — неуверенно спросила миссис Ривз.

— Безусловно, безусловно,— решительно сказал Энси.— Раньше это был зимний курорт, но теперь все Сливки Общества ездят туда летом.— Не совсем бескорыстные соображения промелькнули тут у него в уме.— Почему бы вам не снять в Канне виллу? Там их сдается очень

много, есть даже с собственными бассейнами. Подумайте, это было бы так мило, дорогая. Вы могли бы приглашать к себе друзей и купаться все вместе.

— А эти виллы не очень дорого стоят? — неуверенно спросила миссис Ривз.

— Нет, нет, — безапелляционно заявил Энси. — Каких-нибудь четыре-пять тысяч франков в месяц. Чрезвычайно дешево.

— О-о, — произнесла миссис Ривз, тщетно пытаюсь произвести кое-какие подсчеты в уме. — Сколько же это получается на английские деньги?

— Всего-навсего двенадцать — пятнадцать гиней в неделю, — небрежно сообщил Энси. — Сушая дешевка, вы понимаете.

— О-о, — снова произнесла миссис Ривз. Быть может, они могли бы сдать на это время свой дом в Мервуде? Сушая дешевка!

Наступила пауза.

— Но до августа еще далеко, — сказала наконец миссис Ривз. — Боюсь, что нам будет там немножко одиноко без вас и Бекки. А нельзя ли тем временем поехать куда-нибудь еще?

Энси, казалось, снова принялся размышлять.

— Вы можете поехать в Венецию, — сказал он бодро. — Конечно, после того как Италия стала так по-свински относиться к нам, туда уже не очень-то ездят. Но летом Лидо все-таки довольно модное место. И, мне кажется, кое-кто еще ездит в Венецию. Я слышал, что у них там очень обаятельные гондольеры. Пожалуй, это было бы как раз то, что нужно: сначала поехать в Венецию, а затем — на Ривьеру. Мы можем дать об этом несколько строк в «Пуховочке».

— Ах, это так мило с вашей стороны, — проворковала миссис Ривз. — Я думаю, мы последуем вашему совету.

— Только не застревайте в Венеции надолго, дорогая, — предостерег ее Энси. — Поезжайте пораньше в Канн, снимите хорошую виллу, и мы с Бекки приедем к вам погостить. Это будет прелестно, не правда ли?

— Прелестно, — с некоторым сомнением в голосе подтвердила миссис Ривз. — Большое, большое вам спасибо, Энси. До свидания.

— Не забудьте предупредить вашу прислугу насчет Игги и меня, — торопливо напомнил Энси. — Что? О, конечно. Ну, смотрите, развлекайтесь хорошенько. До свидания, дорогая.

Что могло бы, казалось, быть общего между Гиббоном и мистером Ривзом, однако ученый, написавший историю Римской империи, и наш почтенный коммерсант из Мервуда, удалившийся на покой, сошлись в одном: Венеция действительно могла на некоторое время повергнуть человека в изумление.

Гиббон упустил из виду сообщить нам, что именно так его изумило. Мистера же Ривза изумили многие разнообразные явления и предметы. Он был изумлен, обнаружив в Венеции немало улиц и площадей, так как всю жизнь находился под впечатлением, что единственным средством коммуникаций в этом городе являются каналы. В то же время, вопреки всякой логике, он испытал наивное изумление, — не без некоторой примеси самодовольства, — когда его доставили с вокзала в отель не на такси, а в гондоле. Правда, это приятное чувство несколько ослабело, лишь только подошло время платить за проезд, ибо мистеру Ривзу не было известно о существовании официального, изготовленного печатным способом тарифа, а если бы даже он о нем и знал, то все равно не смог бы извлечь из него нужную справку, и гондольер, естественно, заломил с этого английского простака непомерную цену. Почти единственным удовольствием, которое мистер Ривз еще получал от жизни в промежутках между принятием пищи, была возможность расплачиваться за различные предметы и услуги, в сущности не доставлявшие ему никакой радости, но все же он сказал миссис Ривз и Марсель, что, кажется, с него содрали многовато. Будем надеяться, что у гондольера хватило хотя бы здравого смысла с толком использовать перепавшую ему добычу.

Мистер Ривз был изумлен царившей в городе тишиной и певучими голосами горожан. Он был изумлен, узнав, что почти все дома на Большом Канале называются дворцами, — по его понятиям, это слово означало нечто среднее между Букингемским дворцом и давно не обитаемым замком «Кристалл». Он был изумлен, найдя у себя в спальне кран с горячей водой. Он был изумлен, заметив, что управляться со спагетти совсем не такая простая задача, и весьма неприятно изумлен качеством вина. Он был изумлен вздыбившимися и покривившимися каменными плитами на площади Святого Марка и поспешил увести оттуда миссис Ривз и Марсель, ибо у него

тотчас возникло ошибочное представление, что стоявшие на площади здания могут рухнуть в любую минуту. Он был изумлен, узнав, что такая высокая башня, как Кампанила, была воздвигнута единственно для того, чтобы повесить там колокола, но несколько утешился, когда ему сообщили, что с этого бессмысленного сооружения взорам английских туристов открывается волшебный вид на город. Он был изумлен одеянием карабинеров и чудовищным количеством голубей на площади Святого Марка. Он был изумлен, что в таком большом городе незаметно почти никаких признаков промышленных предприятий. Особенно же сильно был он изумлен, вычитав в своем туристском справочнике, что в старину венецианцы слыли весьма богатыми и предприимчивыми купцами, — слишком уж много денег, по его мнению, было здесь потрачено на пустые украшения. Он был очень изумлен, обнаружив в Венеции несметное количество старинных полотен — больше, как ему казалось, чем во всем мире. Он был изумлен и несколько оскорблен тем, как молодые венецианцы поглядывали на Марсель и даже на миссис Ривз. Он был изумлен и разочарован, не найдя нигде боchoчного пива (за исключением немецкого), а также, само собой разумеется, и никаких полей для гольфа... И как только люди здесь живут? Он был изумлен, заметив, что большинство венецианцев, с которыми ему приходилось общаться, считают его, по-видимому, за дурака. Он был также слегка изумлен тем, что, как выяснилось, не имел ни малейшего представления ни об истории Венеции, ни об искусстве этого города.

Перечень предметов и обстоятельств, изумивших мистера Ривза, можно было бы продолжить до бесконечности. Он отметил все эти факты, понятно, не сразу и даже не в первые часы своего пребывания в Венеции — они накапливались постепенно. Одновременно, также постепенно, накапливалось и чувство скуки. Помимо принятия пищи, которая, по мнению мистера Ривза, оставляла желать лучшего, Венеция не сулила ему никаких радостей. И вовсе не потому, что он пренебрегал открывшимися перед ним возможностями. Совершенно напротив. Всякое утро, с Бедекером в руках, мистер Ривз вместе со своими дамами отправлялся осматривать достопримечательности. Перед каждой достопримечательностью, отмеченной в справочнике звездочкой, мистер Ривз останавливался и с похвальным упорством, в духе лучших традиций всех дотошных исследователей, бестолково осматривал,

что положено, от начала до конца. Марсель, которая по части искусства знала все, проявляла чрезвычайную придирчивость и раздражала мистера Ривза, с презрением отзываясь о картинах, статуях и зданиях, по заслугам украшенных в справочнике герра Бедекера звездочкой — а уж кому же, спрашивается, лучше знать, как не герру Бедекеру. Миссис Ривз неизменно ахала — какая прелесть! — и довольно часто зевала.

Мистер Ривз в надежде рассеять свои недоумения купил «Камни Венеции» Рескина и нашел, что их не так-то легко переварить.

Они посетили Лидо и обнаружили там отели, пустынный пляж и бесконечные ряды купальных кабинок; посетили Торчелло и обнаружили, что его главная достопримечательность — старинная церковь, упоминавшаяся Рескином; посетили Чиоггю и обнаружили, что это маленькая, грязная копия Венеции с очень большим количеством рыбацких лодок; посетили фабрику стеклянных изделий и обнаружили, что современным оборудованием там и не пахнет, после чего мистер Ривз погрузился в состояние угрюмой скуки. Он продолжал героически посещать церкви, дворцы и музеи, но с каждым днем все дольше засиживался в одном из кафе на площади Святого Марка, попивая кофе с коньяком, наблюдая за голубями и проклиная эту дьявольскую жару и это солнце — сущее испытание для слабых глаз.

Из окна спальни мистера Ривза открывался вид на часть Большого Канала. Напротив возвышались украшенные резьбой величественные фасады средневековых венецианских дворцов из белого истрийского камня. Тихонько плескалась вода, оmyвая мраморные ступени и пестро раскрашенные столбы причалов. Гондолы и сандолы то медленно, то стремительно и почти беззвучно скользили мимо — порой долетал лишь слабый всплеск весла да оклик гондольера: «Sta-lì»¹. В определенные часы дня большие баржи, доверху груженные овощами и фруктами, привозили краски и запахи земли в этот город воды и камня. С хриплыми гудками проносились пироскафы — эти плавающие автобусы Венеции, — оставляя позади себя черное перо дыма и высокую волну, которая разбивалась о мраморные лестницы и колыхала стоявшие у причала гондолы. В жарком солнечном мареве с

¹ Ставь сюда! (ит.)

резкими криками сновали туда и сюда ласточки и стрижи. Академия в задумчивом молчании созерцала свои выцветавшие шедевры. Великий город, жизнь которого мало-помалу свелась к повседневной суете, застыл в меланхолическом одряхлении, все же пытался еще поведать людям тайну того, что могут создать энергия, страсть и ум человека...

Мистер Ривз рассеянно глядел в распахнутое окно и зевал.

— Я, пожалуй, прикрою окна, мамочка,— сказал он миссис Ривз.— А то опять налетит полным-полно мошкеры.

Миссис Ривз, уже задремавшая было под сеткой от москитов, пробормотала что-то неопределенное насчет духоты. Пропустив эту справедливую жалобу мимо ушей, мистер Ривз твердой рукой затворил окно и спустился вниз в большой пыльный салон с громоздкой старомодной мебелью, грудями прошлогодних английских журналов и двумя книжными шкафами — хранилищами дешевых изданий Таухница. Журналы мистер Ривз уже успел просмотреть, и в номере у него лежали две-три взятые из этих шкафов книги. Он спустился в салон не с целью пополнения своего интеллектуального багажа — он прочел уже всего Эдгара Уоллеса, и — увы! — ему просто не сиделось на месте. Он пришел сюда в надежде найти хоть кого-нибудь, говорящего по-английски, с кем можно было бы перекинуться словечком. До сих пор все его усилия в этом направлении не увенчались успехом. Он обнаружил только пожилых, мало привлекательных дам, весьма чопорных и по уши начиненных «культурой»; снисходительно прощая мистеру Ривзу его невежество, они тотчас принялись бомбардировать его именами Беллини и Тинторетто. Кроме этих дам, ему встретились еще несколько высокообразованных особ духовного звания с еще более высокообразованными женами, которые учтиво держали мистера Ривза на известном расстоянии. Наконец попадались ему и молоденькие парочки, однако настолько занятые друг другом, что они даже не замечали его присутствия.

Полумрак и прохлада салона, где все окна были закрыты плотными ставнями, принесли мистеру Ривзу облегчение. Сначала ему показалось даже, что салон на этот раз совершенно пуст, но, сделав еще несколько шагов, он увидел какого-то незнакомого молодого человека: присев на ручку кресла, молодой человек вытирал

носовым платком лицо. Мистер Ривз, доведенный до отчаяния чувством одиночества, направился к молодому человеку и сказал:

— Добрый вечер! Здорово жарко, а?

— Здесь-то еще ничего, прохладно,— приветливо ответил молодой человек,— но на солнце жара невыносимая.

— Давно ли вы в Венеции? — спросил мистер Ривз, припомнив, что он уже видел, как этот молодой человек обедал однажды в ресторане в полном одиночестве.

— Почти месяц,— сказал молодой человек.— Но скоро двинусь дальше. Так много еще надо поглядеть! — добавил он убежденно.

Появился официант и подал молодому человеку большой бокал с лимонадом, в котором плавал кусочек льда. Мистер Ривз попросил у молодого человека разрешения выпить вместе с ним, заказал виски с содовой и сел. Внешность молодого человека произвела на мистера Ривза благоприятное впечатление: у этого юноши было славное, свежее лицо, скромные манеры и какая-то спокойная сдержанность, показавшаяся мистеру Ривзу особенно привлекательной после всей той самодовольной претенциозности, с которой он сталкивался на каждом шагу. Мистер Ривз представился и узнал, что молодого человека зовут Стюарт Робсон.

— Так вы, значит, в Венеции уже целый месяц? — не без удивления заметил мистер Ривз, возвращаясь к отправной точке беседы.— Чем же, позвольте полюбопытствовать, может заниматься здесь такой молодой человек, как вы, да еще если он совсем один?

— Самое трудное было вобрать все это в себя,— с некоторым смущением произнес Робсон.— Боюсь, что я немного переусердствовал. В смысле достопримечательностей, я хочу сказать. У меня в голове сейчас все перемешалось — столько я видел различных церквей и музеев, статуй и картин, столько красивых мест. Но после Англии эти краски, это освещение, это искусство — все это просто опьяняет.

— Неужто в самом деле эти старые картины и прочие штуки так вам понравились, что вы потратили на них целый месяц? — удивленно воскликнул мистер Ривз. Какой все же странный молодой человек!

— А вы, вероятно, считаете, что мне следовало бы сражаться в Испании? — несколько агрессивным тоном спросил молодой человек.

— Сражаться в Испании? — изумленно повторил ми-

стер Ривз.— А на черта это вам? Какое это имеет к нам отношение?

— Весьма большое, к сожалению,— со вздохом произнес Робсон.— Удрав из Лондона, я, поверьте, больше всего радовался тому, что на какое-то время стал недосыгаем для этих одержимых дам-экс-пацифисток, которые стараются всучить вам символическое белое перо, будучи твердо убеждены, что единственный путь к сохранению мира — это послать как можно больше молодых людей воевать в Испании.

— В жизни не слышал подобной чепухи,— сказал мистер Ривз, для которого все это было в новинку.— Но если вы хотите стать солдатом, так почему не вступить в английскую армию?

— Да я вовсе не хочу стать солдатом,— мягко улыбнулся Робсон.— Я... я считаю, что это глупо.

Мистер Ривз был несколько шокирован, но предпочел не настаивать на своей точке зрения.

— Я просто хотел сказать,— попытался объяснить он,— что на вашем месте я, мне кажется, предпочел бы здоровую, деятельную жизнь этому... ну, вы меня понимаете — всем этим разным разностям, вокруг которых поднимают здесь столько шума.

— Может быть, я реакционер и совсем неправ,— спокойно возразил Робсон,— но я не могу считать, что экономика и политика составляют всю сущность жизни или что они должны диктовать свои законы искусству. Я, хоть эта точка зрения старомодна, считаю, что искусство — одно из величайших, если не величайшее достижение человечества. Конечный синтез жизненного опыта.

— Хм,— произнес мистер Ривз, не отваживаясь нырять на такую глубину.— Весьма интересно, весьма интересно. Тихий вообще-то уголок, как я посмотрю, эта Венеция. Почти никакой деловой жизни, насколько я могу судить.

— Неужели вам не хватало этого дома? — спросил Робсон.— Если вы хотели наблюдать деловую жизнь Италии, вам следовало бы поехать в Милан или в Турин. Это большие, современные индустриальные центры. Венеция потеряла свое торговое значение, когда португальцы, обогнув Мыс Надежды, нашли дорогу на восток. А до того времени Венеция была одним из богатейших городов Европы.

— Вот оно что! — воскликнул мистер Ривз.

— Таким же богатым — по тем временам, разумеет-

ся,— как теперь Лондон, и, как вы сами можете судить, даже более красивым. Сумеет ли мы оставить такое наследство нашим потомкам?

Мистер Ривз почувствовал, что у него все это как-то не укладывается в голове. Однако он принял слова молодого человека на веру, не видя, зачем бы тот стал его обманывать.

— И все же я что-то не совсем понимаю,— сказал он, почесывая затылок.— Никак не возьму в толк, зачем вы сюда приехали? Вот хотя бы, к примеру, я. Меня притащила сюда жена, пробыл я здесь неделю, и, признаться, мне уже порядком тут прискучило. Ну, а уж если такому старому, смирному чудаку, как я, здесь скучновато...

— Мне кажется, вас просто не слишком глубоко интересуется то, что может предложить вам Венеция,— прервал его молодой человек.— А если бы это вас захватило, вам пришлось бы посвятить года два изучению итальянского языка, ознакомиться с итальянской литературой и историей и с теми немногими образцами итальянского искусства, которые можно обнаружить в английских музеях.

— Хм,— произнес мистер Ривз.— Как-то никогда не думал об этом.

— Да, люди над этим не задумываются,— мягко сказал Робсон.— Но ведь в жизни всегда надо сначала что-то дать, для того чтобы что-то получить; чтобы познать наслаждение, надо сначала потрудиться.

— Совершенно справедливо,— одобрил его слова мистер Ривз.— Мне вот тридцать лет пришлось трудиться, прежде чем набралось достаточно средств, чтобы я мог уйти от дел...

— О, я, собственно, не это имел в виду,— прервал его Робсон.— Я хотел сказать, что человек должен активно идти навстречу жизни. Она перед ним сама не раскрывается. Если человек не развивает себя, он остается слеп, глух и нем, и все великолепие жизни — не для него.

Этого мистер Ривз не понял.

— Так вы, значит, хотите провести всю свою жизнь, любуясь на разные ветхозаветные красоты? — в сердцах спросил он.

— Нет,— сказал Робсон с улыбкой, однако слегка покраснев.— Я, собственно говоря, с осени собираюсь учительствовать.

— Учител**ь**ствовать! — презрительно фыркнул мистер Ривз.— Немного же вы этак заработаете на жизнь.

— А мне и не нужно зарабатывать на жизнь,— сказал Робсон, краснея еще гуще.— Я получил от родителей гораздо больше, чем мне требуется. Но преподавание, на мой взгляд,— наиболее важная и наиболее пренебрегаемая всеми профессия, и я намерен посвятить себя ей. Мне хотелось бы со временем, когда я накоплю достаточный опыт, открыть собственную школу, где преподавание велось бы так, как мне представляется правильным.

— Боже милостивый,— сказал мистер Ривз в полном изумлении.— Если у вас есть деньги, зачем вам браться за такое дело? Это же не принесет вам никакого дохода! Почему бы не вложить ваш капитал в одно из предприятий у нас в Сити? Если будете вести дело благоразумно, можете нажить хорошее состояние.

— Да я не хочу наживать состояние,— улыбнулся молодой человек.— И я... я не верю в Капитал.

— Не верите в Капитал? — глубоко уязвленный, воскликнул мистер Ривз.— Что, черт побери, хотите вы этим сказать? Как же мир может существовать без капитала?

— Капитал в истинном смысле этого слова, единственный подлинный капитал, это — земля, оборудование, человеческий мозг и общественный труд,— терпеливо пояснил Робсон.— Накапливать тут особенно нечего. Денежный капитал — это только покупательная способность, цифры в бухгалтерских книгах. И капитализм может существовать, либо претерпевая цепь замаскированных банкротств, именуемых девальвацией, либо путем непрерывных экспансий, ведущих к войнам и разрушению.

— Деньги — величайшая сила в мире! — с жаром заявил мистер Ривз.

— Я этого не думаю,— спокойно возразил Робсон.— Слова обладают силой, но последнее слово не останется за гроссбухом. Горстка еврейских фанатиков-крестьян низвергла Римскую империю. Теперь возникла новая религия, имя которой коммунизм, и она низвергнет капиталистические империи.

— Ах, так вы коммунист! — с горьким укором воскликнул мистер Ривз.

— Нет. Но порой мне хотелось бы им стать,— невозмутимо ответил Робсон.— К сожалению, мне не хватает религиозного темперамента. И я гляжу вперед. Люди по-прежнему останутся людьми, то есть будут

завистливы, честолубивы, распутны, коварны, своекорыстны, глупы — о, превыше всего глупы! — при любой политической и экономической системе. Если глупость и пороки будут в той или иной форме изжиты, они возродятся с новой силой в другой форме и под другими наименованиями. Если существует такая вещь, как прогресс, то есть истинное усовершенствование человеческой породы,— то он совершается столь медленно, что почти неприметен. Вот почему я хочу быть школьным учителем. Но новая религия учит, что Капитал — порождение всех зол. И капитализм не устоит против разрушительной силы ненависти этой новой фанатической религии.

— Вы хотите сказать, что они отнимут у меня мои деньги? — в ужасе воскликнул мистер Ривз.

— Я считаю, что это вполне вероятно,— равнодушно сказал Робсон.— А если нет, то капиталистическое правительство поможет вам потерять ваши деньги в результате новых девальваций или новых войн. Отыгрываться на рантье стало уже обычным приемом всех попавших в затруднительное положение правительств.

— Я этому не верю,— сказал мистер Ривз, не переставая думать о своих дукатах.

— Так спокойнее,— согласился Робсон.— И тем не менее ваша жизнь всегда зависит от тех или иных непредвиденных случайностей. Но пусть это вас не расстраивает. Утешьтесь. Почти во все периоды истории человечества жизнь была тяжелой, жестокой и подверженной всевозможным превратностям почти для всех людей. И теперь она осталась такой же для очень многих, только мы случайно не принадлежим к их числу. И при этом еще удивляемся, что они, такие нехорошие, завидуют нам и хотят с нами разделаться. Можно только поражаться тому, что они терпят нас так долго...

— Но мы же никому не приносим зла! — негодуя заявил мистер Ривз.

— Мы приносим им зло тем, что сыты и беспечны, в то время как они недоедают и не могут избавиться от забот,— сказал Робсон.— Разве этого не достаточно?

— Так что же нам теперь делать? — в большом расстройстве воскликнул мистер Ривз.

— Надо распорядиться, чтобы нам принесли еще выпить,— сказал Робсон.— А там, глядишь, уже и обедать пора.

— Вы слишком пессимистично настроены,— решил мистер Ривз, взволнованно нажимая кнопку звонка.

— Совершенно напротив, — сказал Робсон. — Я — эволюционист. Значит, самый большой оптимист на свете. Я сравниваю нас с нашими предками: вот мы спокойно сидим здесь, в этом чуточку старомодном салоне отеля, в то время как наши предки сидели на корточках в пещере, после того как им удалось изгнать оттуда медведей, сидели там, не зная ни наук, ни искусств, ни красивых женщин, ни спокойного досуга. И я исполнен надежды. Я хочу сказать — бываю порой исполнен. Будущее, быть может, отдалено от нас не менее, чем мы отдалены от наших предков. Но с другой стороны, быть может, и нет... Спасибо, я не хочу виски, я выпью еще немного лимонада.

В этот вечер за обедом мистер Ривз был необычно молчалив. Поверхностный наблюдатель мог бы сделать вывод, что молчаливость мистера Ривза вызвана меланхолическими воспоминаниями о нежных телячьих отбивных или сочной утке по-эйлсберски, так весело украшавших его стол в Мервуде в это время года... а тут все эти затей ресторанной кухни, которые только дразнят воображение, не удовлетворяя аппетита! Но поверхностный наблюдатель был бы прав только наполовину. Неоспоримо, конечно, что мистер Ривз рассматривал неудовлетворительный обед как своего рода катастрофу, однако в настоящее время он уже примирился с неизбежным. Но он размышлял, или — поскольку это слово слишком претенциозно для такого простодушного человека, — он, проща говоря, думал.

Предметом его размышлений или дум была его беседа с неким молодым человеком в полумраке салона. Мистер Ривз отнюдь не относился к тому разряду людей преклонного возраста, которые каждого человека моложе тридцати лет считают странным и назойливым дегенератом. Мистер Ривз и сам имел сына, которым он втайне гордился — может быть, даже несколько больше, чем следовало, с объективной точки зрения. Но при всем том он отнюдь не страдал оголтелым отцовским фанатизмом и вполне мог оценить достоинства других молодых людей, если только они действительно были достоинствами в его глазах. Мистер Ривз готов был делать скидку на горячность и неопытность юности, однако в этом случае такой скидки и не требовалось. По правде говоря, у мистера Ривза осталось неприятное ощущение, что молодой Робсон сам делал ему скидку. Молодой человек явно разби-

рался в некоторых вопросах лучше мистера Ривза и, главное, уже размышлял над ними. «Как это получилось, что я все-таки недостаточно образован?» — огорченно спрашивал себя мистер Ривз.

Если бы молодой человек вел себя нагло, мистер Ривз не обратил бы внимания на его слова; он со смехом отмахнулся бы от них как от мальчишеского вздора. Но эта искренняя, деликатная, непритязательная манера... Неужто Робсон прав в своем суждении — ну хотя бы относительно Капитала? Как в свое время когда-то мистер Ривз пытался размышлять о Времени, так теперь он размышлял о Капитале. Что же в самом-то деле сохраняется и передается из поколения в поколение? Хлеб? Бифштексы? Автомобили? Одежда? Скот? Фабрики? Патентованные медикаменты? Пиво? Явно нет. Дома? Книги? Мебель? Идеи? Да, в какой-то мере, но только старые дома приходится подновлять (их дом в Мервуде уже и сейчас требует ремонта), старые книги приходится перечитывать, со старой мебелью приходится свыкаться, старые идеи приходится пересматривать. Мистера Ривза охватил страх. В растерянности он начинал постигать, что именно подразумевал мистер Уиллоби Хьютон под этим своим вечно меняющимся потоком. А что, если Капитализм тоже всего-навсего поток, часть этого потока?

— Но он делает свое дело! — произнес мистер Ривз вслух, покрываясь от волнения испариной.

— Кто делает свое дело? — удивленно спросила миссис Ривз, и даже Марсель со снисходительным любопытством взглянула на отца.

— Да так, никто... — поспешно сказал порядком смущенный мистер Ривз, — я просто задумался о... коммерции.

Мистер Ривз возвратился к своим размышлениям. Они были не слишком успокоительны. Он почувствовал неприязнь к мистеру Робсону. Кто дал этому мальчишке право омрачать приятный послеполуденный отдых мистера Ривза такими бередящими душу умозаключениями? Что он сам-то понимает в коммерции? Нахватался разных теорий! Пустомеля, школьный учительшка! Мистер Ривз терпеть не мог школьных учителей и школьных учительниц — они забирают у вас славного, симпатичного ребенка и возвращают самонадеянного, нахального, молодого грубияна. Обозвав за глаза мистера Робсона школьным учительшкой, мистер Ривз несколько утешился. Он почувствовал себя поспокойнее. «Новая религия

учит, что капитализм — порождение всех зол. Хм! Школьный учитель! Отродясь не слышал подобной чепухи! И почему полиция терпит все это?..

После обеда миссис Ривз и Марсель пожелали отправиться на площадь Святого Марка и кафе Флориана поесть мороженого. Мистер Ривз волей-неволей должен был их сопровождать. Он предпочел бы снять ботинки, прилечь и постараться поосновательнее проникнуть в смысл первых впечательных глав Бедкера, чтобы не оказаться в униженном положении из-за своего незнания Венеции, если ему придется снова встретиться с Робсоном. Два года? Да пошел он к черту! Неудачный человек может разобраться в этом чи два дня... Но в Венеции мужчины ведут себя так нахально, что невозможно отпустить двух порядочных женщин на улицу без провожатого. Итак, мистер Ривз направился к Флориану, где заказал себе кофе с коньяком, и со смешанным чувством удовлетворения и страха наблюдал, как его дамы поедают мороженое.

Чей-то манерный голос громко прозвучал в его ушах:

— Мой до-огой Ривз! Как вы поживаете? Какая приятная встреча!

Мистер Ривз вздрогнул, поднял голову и с удивлением, но без особого удовольствия увидел перед собой шарообразный живот и алкоголически-багровые мясистые щечки мистера Брюса Роберта; свиное рыльце его морщила лицемерная светская улыбочка. Рядом стояла его обожаемая супруга, более чем когда-либо напоминавшая что-то рыбное и что-то жареное. Мистер Ривз нехотя поднялся со стула и пожал простертые к нему руки. Затем представил Марсель. И уже готов был отделаться от этой парочки, снова опустившись на стул, как, к его возмущению и досаде, миссис Ривз сладко проворковала:

— Может быть, вы присядете за наш столик?

Теперь уже обыкновенная учтивость требовала, чтобы мистер Ривз подтвердил приглашение, однако он успел метнуть в Джейн один из своих самых свирепых взглядов.

Приглашение было тотчас принято и мистер Ривз — извечный финансовый козел ~~отпущенный~~ — заказал для всех мороженое и выпивку.

— Мы неутомимо разглагольствовали ~~как по всем~~ каналам, сапро¹ и calle² Венеции, — заявил мистер Роберт в своей обычной напыщенной манере,

¹ Площадям (ит.).

² Улочкам (ит.).

— Мистер Хоукснитч написал нам, что вы здесь, но забыл сообщить, в каком отеле,— присовокупила миссис Роберт, озаряя лучезарной улыбкой мистера Ривза.

Мистер Ривз по меньшей мере в сотый раз мысленно проклял мистера Хоукснитча.

— Мы так рады видеть вас,— нежно прошебетала миссис Ривз.— И так мило с вашей стороны, что вы нас разыскивали.

— Вы уже чувствуете себя лучше? — покровительственно спросил мистер Роберт, окидывая взглядом мистера Ривза.

— Кто? Я? — с удивлением переспросил тот.

— Вы ведь были больны,— сказал мистер Роберт таким тоном, словно старался успокоить капризного больного, только что выведенного из коматозного состояния.

— Впервые об этом слышу,— раздраженно возразил мистер Ривз.— Я...

— Мой муж находился в чрезвычайно подавленном состоянии после стольких лет тяжелой работы,— перебила его миссис Ривз,— вот я и подумала, что надо ему переменить обстановку.

Мистер Ривз пристально поглядел на жену. Какого черта вздумалось Джейн выдавать его за больного? В следующий раз она еще, чего доброго, выдаст его за сумасшедшего!

— И вы, значит, отправились в Венецию,— умозаклучил мистер Роберт.— Это воистину колыбель культуры, обитель интеллектуального отдохновения. Ах, Венеция, Венеция, бессме-э-тная невеста Адриатики, ее имя вписано в наших сердцах!

Мистер Ривз оторопело заморгал глазами.

— Мы обожаем Венецию,— поделилась с ними миссис Роберт таким торжественным тоном, словно это придавало Венеции последний, завершающий *cachet*¹.— Венеция — это нечто уникальное!

— А мне казалось,— не без злого умысла, пожалуй, заметил мистер Ривз,— что вы особенно обожаете какое-то там Боуди-Роуди или что-то в этом роде?

— Бо-диге-у? — снисходительно подсказал мистер Роберт.— Мне кажется, я могу без особого преувеличения сказать, что Бо-диге-а нас разоча-а-овала. Решительно разоча-а-овала.

---

¹ Штрих (фр.).

— Она так нам нравилась,— пояснила миссис Роберт,— что мы даже собирались там поселиться, но теперь она наводнена людьми.

— И притом самыми ужасными заурядными обывателями, знаете ли,— надменно произнес мистер Роберт.— Ту-истами.

— А мы что же, разве не туристы? — заметил мистер Ривз.

— Сударь,— сказал мистер Роберт,— нас же нельзя ставить на одну доску с обыкновенными ту-истами, которые, урвав два-три дня, беспокойно мечутся туда-сюда и глазеют, ничего не видя, на шедевры многовекового искусства. Мы же путешествуем культу-у-уно и умеем пользоваться досугом. Ведь это для нас — как сказал когда-то наш бедный до-о-гой Готье, так восхитительно выразивший свою мысль,— и существует зримый мир.

— Хм,— произнес мистер Ривз.

— Марсель в полном восторге от Венеции,— сказала миссис Ривз, слегка погрешив против истины.— Она ведь пишет маслом, вы знаете.

— В самом деле? — воскликнула миссис Роберт.— Как это восхитительно, что она в таком юном возрасте познает Венецию. Я всегда говорила, что Венеция — это рай для художников.

— Не правда ли, Ка-апа-ччо — это само вдохновение? — любезно осведомился мистер Роберт.— Я всегда говорил, что Ка-апа-ччо воплотил дух Венеции.

— О, меня интересует только современное искусство,— заносчиво ответила Марсель.— Эти старые мастера, конечно, ничего, но разве от них можно еще чему-нибудь научиться!

— Молодость, ха-ха-ха! — благосклонно рассмеялся мистер Роберт.— Всегда эта оча-а-овательная нете-епимость. Но, мой юный судия, позвольте мне ходатайствовать пе-ед вами за осужденного Ка-апа-ччо.— И мистер Роберт лукаво скосил на собеседницу свиные глазки, весьма довольный своим неподражаемо тонким юмором.— Прежде всего в Ка-апа-ччо вы обнаружите...

И мистер Роберт принялся весьма пространно развивать свои взгляды на творчество Карпаччо, а миссис Роберт в восторженном трансе слушала изливания своего мужа. Мистер Ривз подавил зевок и украдкой поглядел на часы. Еще не было десяти. Как удрать отсюда? Мистер и миссис Роберт, по-видимому, были твердо намерены проявлять свою любезность до конца. Мистер Ривз наив-

но недоумевал, чем вызвана такая резкая перемена после высокомерной снисходительности, проявленной на коктейле всего несколько недель назад. В изумлении слушал он миссис Роберт, которая приглашала Джейн и Марсель в гости — поглядеть «самый восхитительный сад на Гвидечче, принадлежащий нашему старинному другу леди Мэннингтри». А через несколько минут он был поражен еще больше, услышав, как миссис Роберт пообещала, что Ривзы получают приглашение в консульство «на прием, устраиваемый для наиболее видных английских туристов». Миссис Ривз проворковала, что она будет в восторге.

Тем временем мистер Роберт с неиссякаемым красноречием распространялся перед мистером Ривзом о сокровищах Венеции. Мистер Роберт никак не мог решить, кто более велик — Веронезе или Тициан, и не выше ли их Тинторетто... В своих лучших, вы понимаете, в своих лучших творениях — не выше ли он их обоих? А затем возникала еще проблема Джорджоне. Не поможет ли ему мистер Ривз решить эту деликатную эстетическую дилемму? Мистер Ривз помочь не мог.

— Само собой разумеется, — важно изрек мистер Роберт, — я исполнен глубочайшей симпатии к живописцам Моего периода, я имею в виду восемнадцатый век, как вы понимаете. Тьеполо, Каналетто, Гварди, Лонги... Какие мастера! Но, — добавил он, проявляя необычайную широту кругозора, — я признаю, что это крайне субъективное пристрастие. Cinquecento — вот эпоха! Cinquecento...

Луч надежды, словно луч солнца в пасмурный день, внезапно озарил лицо мистера Ривза. Раз уж он считается большим, почему бы, черт побери, не воспользоваться этим?

— Я надеюсь, господа, вы не рассердитесь, если я вынужден буду вас покинуть, — прервал он мистера Роберта. — Но состояние моего здоровья требует, чтобы в десять часов я был в постели.

Теперь уже наступила очередь миссис Ривз пристально воззреться на мужа. Мистеру Ривзу было наплевать. Он чувствовал себя как школьник, ощутивший приближение конца урока. Миссис Ривз, наоборот, была крайне расстроена его двуличностью, если уж не сказать прямо — тупостью: так эгоистично оборвать первую приятную светскую беседу, которой ей довелось насладиться здесь, в Венеции...

— О, разумеется, разумеется, — поспешил заверить

— Зачем тебе понадобилось навязывать мне этот дурацкий обед? — сварливо спросил мистер Ривз, как только они вышли от Флориана.

— Ты получишь огромное удовольствие, душа моя, — нежно сказала миссис Ривз. — Мистер Филбой знаменитый писатель...

— Отродясь не слыхал про такого, — сердито пробормотал мистер Ривз.

— Тем более, значит, пора услышать, — ядовито возразила миссис Ривз. — Все слышали, кроме тебя. Ты же не можешь отказаться, после того как миссис Роберт была так любезна со мной и с Марсель.

Мистер Ривз что-то хмыкнул.

— А зачем, позвольте узнать, распустила ты слух, будто я болен?

— Пожалуйста, не в присутствии ребенка, — отпарировала миссис Ривз.

Так, продолжая пререкаться, они добрались до отеля.

В семь часов, минута в минуту, появилась гондола с мистером Робертом, и мистер Ривз, хотя и вопреки желанию, спустился вниз и неуверенно шагнул в длинную темную лодку. В обществе мистера Роберта он чувствовал себя не в своей тарелке и совершенно не знал, о чем с ним говорить. Впрочем, это не имело особого значения, так как мистер Роберт предпочитал говорить за двоих.

— Как упоительны эти венецианские закаты! — покровительственно заметил мистер Роберт таким тоном, словно, обладая на них исключительным правом собственности, великодушно разрешал полюбоваться ими разочек и мистеру Ривзу. — Вы помните, как оча-а-овательно описаны они у Филбоя в его «Сокровищах Венеции»? Лучше даже, чем у Джона Эддингтона, на мой взгляд.

— Весьма возможно, — равнодушно согласился мистер Ривз, — только мне не довелось читать этой книги.

— Вы не читали Филбоя? — В возгласе мистера Роберта прозвучала нотка подлинного ужаса. — Но, мой до-огей, Филбой это же неотъемлемая часть современной культу-у-ы. Нельзя безнаказанно пренебрегать такими явлениями, как Филбой. Вы должны немедленно прочесть «Сокровища Венеции». Я вам завидую — какое наслаждение предстоит вам испытать. Я положительно завидую вам. Какое счастье открыть для себя Филбоя! Разрешите мне послать вам его книгу.

— Да я могу достать и сам,— сказал мистер Ривз,— хотя, конечно, буду вам очень признателен.

— Пустяки, пустяки,— сказал мистер Роберт.— Я попрошу у Филбоя автограф для вас и пришлю книгу вам в отель.

Пока мистер Ривз продолжал вяло протестовать, гондола грациозно скользнула в *gio*¹, ведущий к «Заттере». Вода стояла невысоко, и всякий раз, как гондольер баламутил веслом грязь, столетиями оседавшую под арками мостов, в воздух поднималось омерзительное зловоние.

— Эти узкие ответвления венецианских каналов зача-а-овывают меня,— сказал мистер Роберт.— Они переносят нас в восемнадцатое столетие. Вот проплывает Гольдони в аккуратном завитом парике и па-а-човом жилете. Или Казанова в маске, благоухая духами, соблазняет красавицу в полумаске...

— Да, без духов ему бы тут худо пришлось,— заметил мистер Ривз, прижимая платок к носу.

На этот раз мистер Роберт слегка опешил и переменял тему разговора.

— Я везу вас в типичный маленький венецианский ресторанчик,— сказал он.— Это открытие Филбоя и Пайдерини. Вам там понравится. Он совершенно уникален.

Мистер Ривз невольно подумал о том, какое неисчислимое количество разнообразных вещей являются уникальными в глазах мистера Роберта и его супруги. Возможно (и по счастью), подумал он, все уникальное достается на их долю.

— Вы будете оча-а-ованы Филбоем и Пайдерини,— торжественно продолжал мистер Роберт.— Должен вам сказать, что завязать с ними знакомство почти невозможно. Но они — мои старинные друзья, старинные друзья... Филбой — знаменитость, но это не должно вас пугать. У него широкая натура, он очень общительный человек и к тому же необычайно привязан ко мне, необычайно...

Они причадили к *fondamenta*², прошли в какую-то дверь в высокой стене, и мистера Ривза ослепил яркий свет незатененных абажурами электрических ламп. Перед ними было нечто среднее между двором и садом. Утрамбованная площадка была посыпана щебнем, кое-где на равных промежутках друг от друга стояли аккуратно подстриженные липы, а между липами вились виноград-

¹ Проток (ит.).

² Набережной (ит.).

ные лозы. Под деревьями на столиках, покрытых белыми скатертями, были расставлены сложенные треугольником крахмальные салфетки. В глубине двора мистер Ривз различил основное помещение ресторана: просторную довольно пустую комнату, беленные известкой стены и небольшое количество посетителей... Двое мужчин, сидевших за одним из столиков снаружи, поманили к себе мистера Роберта.

— А вот и они, вот и они,— пояснил мистер Роберт без особой на то нужды,— вон и наш великий Филбой.

После обычной в подобных случаях небольшой общей неловкости и замешательства, возникающих при представлении друг другу незнакомых людей, мистер Ривз опустил на стул и с невинным любопытством огляделся вокруг. На столике стояла большая бутылка белого вина и два стакана. Мистер Филбой уловил легкое удивление, отразившееся во взгляде мистера Ривза.

— Вот пробовали вино, поджидая вас,— грубовато и светски развязно сказал он.— Не хотелось угощать вас той дрянью, которую тут обычно подают. Стоит выпить глоток, и вам точно гвоздь в печень загнали. А вот это неплохое. Попробуйте-ка.

Мистер Филбой схватил стакан с соседнего столика и щедро наполнил его почти до краев.

— Пейте, пейте,— воззвал он.— Не стесняйтесь. Роберт платит. Ха, ха!

Мистер Роберт выдавил из себя улыбку снисхождения к этим причудам гения и протянул мистеру Ривзу поданное официантом меню. Оно было неразборчиво начарапано по-итальянски, и мистер Ривз с таким же успехом мог бы трудиться над санскритскими надписями.

— Выберите мне сами что-нибудь,— сказал он, протягивая меню обратно.

Тотчас, словно скаковые лошади, взявшие барьер, все трое с жаром принялись обсуждать, что они будут есть. Время от времени мистер Филбой и синьор Пайдерини выстреливали друг в друга короткими итальянскими фразами. Особенно часто мелькали слова «scampri»¹ и «riccione»². Мистер Ривз осторожно отхлебнул немного вина, затем сделал более уверенный глоток: не могло быть никаких сомнений — вино безусловно оказалось несравнимо лучше всех итальянских вин, которые ему до сих

---

¹ Омар (ит.).

² Голубь (ит.).

пор подавали в Италии,— весьма, весьма недурное вино. Он внимательнее пригляделся к своим новым знакомым.

Мистер Филбой казался примерно одного с ним возраста: у него были пышные темные волосы и красивое, несколько апоплексического вида лицо с резкими чертами, отмеченное печатью беззаботности и распутства. Холеные руки и белоснежное белье мистера Филбоя сверкали чистотой, однако в его облике не было ничего изнеженного. На шее у него на широкой черной ленте висели очки в блестящей черной оправе, но пользовался он ими, судя по всему, скорее для внешнего эффекта, чем по необходимости. От всего его облика веяло странной недюжинной силой. Мистер Ривз, который, как все прочие смертные, привык судить о людях, исходя из собственного жизненного опыта, определил бы его в разряд директоров какой-либо торговой компании с не слишком устойчивым балансом — крупного акционерного общества по перевозке грузов, например. Мистеру Ривзу казалось маловероятным, чтобы человек такого склада мог удовлетворяться столь пустым времяпрепровождением, как сочинительство.

Синьор Пайдерини был значительно моложе и — с чисто физической стороны — производил еще более внушительное впечатление. Белокурый, типичный венецианец: голубые глаза, густые волнистые волосы, длинный, как у фавна, нос, весьма характерный для итальянцев, могучие плечи, необъятной широты грудная клетка и начинающий округляться и принимать почтенные размеры живот. Словом, высокий, крепкий мужчина. Мистеру Ривзу, не лишенному классовых и национальных предрассудков, хотелось бы представить себе синьора Пайдерини в виде тощего южанина, даго с шарманкой. Увы, это было невозможно. По всем внешним данным этот здоровенный детина мог бы уложить мистера Ривза одной левой. Тем не менее он сидел здесь за столиком и дружелюбно, хотя и несколько назойливо, лопотал что-то насчет еды на вполне сносном английском языке, возражая мистеру Филбою, а порой даже и мистеру Роберту. Мистеру Ривзу казалось странным, почему мистер Филбой якшается с этим итальянцем, — он еще не понимал, что утонченных интеллектуалов ничто не влечет к себе так, как не тронутые цивилизацией, примитивные натуры...

Наконец затянувшаяся дискуссия по поводу меню закончилась, и официант, благодарение богу, удалился,

все еще напутствуемый предостережениями мистера Филбой о том, что все должно быть самого лучшего качества и изготовлено с величайшим старанием.

— С этим народом держи ухо востро,— сказал мистер Филбой, обращаясь к мистеру Ривзу.— За ними нужен глаз да глаз, они ведь на ходу подметки режут. Способны стянуть последний медяк из-под подушки умирающей матери. Мерзкий народ.

— Зачем же вы живете здесь? — наивно спросил мистер Ривз.— В Англии у вас не было бы этих забот.

— В Италии,— грубо вмешался синьор Пайдерини,— есть много такого, чего нет у вас в Англии. Все приходит из Италии, все. Вся ваша цивилизация уворована из Италии. А что дала ваша Англия? Пшик-пшик.

— Не мели вздора, Эрасте,— внушительно сказал мистер Филбой.— Ты почерпнул свои представления об Англии, торгуя тряпьем на Старошотландском рынке. Англия создала больше, чем тебе могло привидеться во сне после очередного обжорства раз в две недели.

Синьор Пайдерини сник и, чтобы скрыть смущение, единым духом осушил стакан вина. Напряженную международную обстановку, по счастью, разрядило своевременное появление официанта, принесшего огромную миску с *minestrone*¹, и мистер Филбой принялся щедро разливать суп по тарелкам — сначала мистеру Роберту, затем его гостям.

— Послушай, что я сегодня видел на Пьяцетте, Гарольд! — сказал синьор Пайдерини, полными ложками хлебая суп.— Какая-то старуха англичанка, по виду старая дева, приехала с Лидо в гондоле. Только она, понимаешь, выходит, уцепившись за руку гондольера, как тут, откуда ни возьмись, несется *piroscafo*², и — бац! — старуха кувырк в воду, а юбки у нее летят вверх, и она визжит, как ненормальная, а гондола — бац! — бац! — и стучает ее два раза по башке...

— Господи помилуй! — в ужасе произнес мистер Ривз.

— Насмерть или жива осталась? — с интересом осведомился мистер Филбой.

— Не знаю,— сказал синьор Пайдерини, со смаком глотая последнюю ложку супа и с сожалением отрываясь от тарелки. Думаю, насмерть. Гондольер выудил старуху из воды, а потом пришли карабинеры и уволокли ее.

---

¹ Густым супом (ит.).

² Катер (ит.).

Посмотрел бы ты, как у нее задрались юбки, вот смехуто было, и как она — плюх! Шмякнулась прямо в воду...

— Не везет мне, — с искренним возмущением и досадой заметил мистер Филбой. — Никогда не удастся поглядеть на что-нибудь по-настоящему интересное. Сегодня утром не меньше получаса торчал на Пьяцетте — и ничего, кроме обовшивевших нищих.

Мистер Ривз отодвинул свою тарелку с супом.

— Позвольте налить вам еще, — вкрадчиво спросил мистер Филбой, берясь за разлившую ложку. — Кушайте, кушайте. Полезная штука. Лучшего *minestrone* не готовят нигде в Венеции.

— Нет, благодарствую, — брезгливо ответил мистер Ривз. — У меня теперь аппетит уже не тот, что прежде.

— Мистер Ривз еще не вполне оправился от болезни, — сказал мистер Роберт, великодушно приходя ему на выручку.

— От болезни! — оглушительно воскликнул мистер Филбой. — Какие могут быть болезни в его возрасте! Он же еще мальчишка, младенец, сосунок! У него материнское молоко на губах не обсохло, а он, извольте видеть, позволяет себе болеть. — Наклонившись к мистеру Ривзу, он добродушно ослабил и погрозил ему пальцем. — Я знаю, в чем дело. Стоило мне взглянуть на вас, как я уже поставил диагноз. Едите мало, пьете мало, а потом жалуетесь на запоры. Роковое заблуждение всех людей нашей национальности. Отсюда — прямо пропорциональное количество старых дев. Болезнь желчного пузыря, вызванная недоеданием. Ну-ка, еще стаканчик...

За супом последовали жареные креветки, которые — с удовлетворением отметил про себя мистер Ривз — были превосходны; креветок сменили тушеные голуби — очень нежные и сочные, с зеленым горошком. Из уст синьора Пайдерини и мистера Филбоа нескончаемым потоком лились двусмысленные анекдоты вперемежку с аморальными сентенциями, казавшимися мистеру Ривзу мерзкими и чудовищными. Мистер Роберт время от времени нашептывал ему в ухо:

— Филбой сегодня не в форме, что-то его тревожит.

Мистер Ривз ощутил подлинный ужас при мысли о том, что можно было бы услышать от мистера Филбоа, будь он, не приведи господь, в форме...

— Закажем еще бутылочку? — спросил синьор Пайдерини, с грустью вытряхивая последние капли вина в свой стакан.

— Конечно, выпьем еще,— громко сказал мистер Филбой.— *Camèriere, camèriere!*¹

Мистер Филбой распорядился подать еще бутылку вина.

— Отличное распределение труда,— цинично заметил он.— Роберт платит, а мы пьем. Ха, ха!

Мистер Роберт криво усмехнулся.

Вокруг таинственного блюда, именуемого *zambaglione*, которое почему-то полюбилось синьору Пайдерини, разгорелся жаркий спор. Мистер Филбой веско заявил, что это навоз, и заказал сыр. На столе появились фрукты, но к ним никто не притронулся, кроме мистера Ривза, который из гигиенических соображений скушал яблоко. Мистер Филбой тотчас поднял на смех этот трезвый поступок, утверждая, что польза яблок слишком переоценивается, и вообще яблоки — опасный продукт, породивший эту идиотскую, будь она проклята, легенду об Адаме и Еве, и он еще не видел ни одного кретина, которому потом не пришлось бы приглашать к себе доктора, если у него не хватило ума воздержаться от этой пакости. Подали кофе и к нему крепкий и довольно приятный ликер или — как сообщили мистеру Ривзу, который никогда его не пробовал,— «граппу».

— Дерьмо,— лаконично заявил мистер Филбой.— Однако довольно крепкое дерьмо.

Крепость его была бесспорна. Мистер Ривз вскоре убедился в этом сам, обнаружив как бы легкую пелену, застилавшую ему глаза, небольшой туман в голове и возросшую словоохотливость Филбоа и Пайдерини. Анекдоты становились все чудовищней, и каждый из них давал мистеру Филбою пищу для разнообразных парадоксальных умозаключений, которые и смешили и шокировали мистера Ривза. Синьор Пайдерини с большим смаком рассказал историю одного убийства, не попавшую в газеты. Мистер Филбой взорвался:

— И ты называешь это убийством? Так колют свиней на бойне, да, свиней на бойне! Это не убийство, а примитивное варварство. Обыкновенное кровопускание, не представляющее собой ни малейшего психологического интереса, не более занятное, чем *annali abattoire*². Просто неуклюжее пресечение жизненного процесса какого-то ничем не примечательного бюргера, которому так или иначе положено умереть. Если ты хочешь заинтересовать меня убийством, изволь отыскать что-нибудь

¹ Официант (ит.).

² Скотобойня (фр.).

позанятнее. В убийстве должен быть стиль. Либо пусть это будет хладнокровное, бесстрастное убийство, совершенное маньяком, который получает от него наслаждение, считая, что это — искусство ради искусства и, так сказать, оставляет свою неповторимую подпись под каждым своим преступлением; либо пусть убийцей движет страсть. Подлинная кровавая вендетта уже в третьем, к примеру, поколении, или, скажем, кульминационный взрыв какой-нибудь фантастической ревности или извращенной похоти. Но где теперь найдете вы такие страсти! Люди стали ручными, как кролики, и если совершают убийства, то лишь с такими почтенными, благовидными целями, как деньги, или политические интриги. А вот если взять шестнадцатый век...

Мистер Филбой взялся за шестнадцатый век и вывернул наизнанку все исторические события так, чтобы они могли служить нужным ему целям, а внимавшему ему мистеру Ривзу казалось, что его морально, так сказать, поджаривают на медленном огне. Когда мистер Роберт осмелился подвергнуть сомнениям оценку преступлений Борджа, данную мистером Филбоем, тот накачировал его Грегоровиусом, хотя отлично понимал, что ученый немец был бы целиком на стороне мистера Роберта, — просто мистер Филбой сделал ставку на то, что мистер Роберт не читал его книги, в чем и не ошибся. Мистер Ривз, как в дурмане, дивился про себя, о чем это они спорят.

Снова вперед вырвался синьор Пайдерини, пустившись с омерзительными подробностями и преувеличениями пересказывать скандальную газетную хронику современной Венеции и заставляя мистера Ривза содрогаться в нравственных корчах. Но мистер Филбой оставался невозмутим.

— Да что в этом особенного? — сказал он. — Не вижу решительно ничего драматического во всех этих выхолощенных физиологических актах, интересующих разве что психоаналитиков. Вся их пряность существует только в твоём грязном итальянском мозгу. Для нас, так же как и для героев этих событий, все это не больше, чем порхание бабочек или кружение ласточек в небе. Единственное, что делает секс неотвратно привлекательным, — это отождествление его с грехом. Бодлер, к примеру, убедив себя в том, что любовь — грех, что женщина — исчадие ада, а сам он в своей якобы ужасной порочности — прямое порождение дьявола, извлекал из этого

огромное наслаждение. Суинберн, этот архиплагиатор прошлого столетия, подхватил эту идею и популяризировал ее, приспособив к ритму жизни на океанской волне. Но все эти красивые пороки отошли в прошлое вместе с девятнадцатым веком. Ни один интеллигентный человек в наши дни не верит ни в какой грех, и плевать он хотел на поведение своего ближнего. Исключение из этого правила составляют только обездоленные старые девы, обоюго пола, коих не так уж много...

Как это они могут столько болтать, думал мистер Ривз, сокрушенно подсчитывая про себя, сколько часов новообретенной свободы потрачено им впустую — на бессмысленное восприятие ухом чьих-то голосов; неужто они не умеют ничего другого, как сидеть и болтать? Мистер Филбой в это время прервал свои разглагольствования и на венецианском диалекте вступил в оживленные переговоры с мальчишкой-рассыльным, в результате чего мальчишка, ухмыляясь, принес пачку папирос. Воспользовавшись передышкой, мистер Роберт перешел к истинной цели этой встречи. Торжественно откашлявшись, он выудил из кармана какие-то бумаги, разложил их на столе и произнес:

— Мне кажется, сейчас наиболее подходящий момент поставить мистера Ривза в известность о нашем замечательном проекте.

Остальные двое мгновенно замолчали и впервые за весь вечер стали напряженно слушать мистера Роберта, не сводя при этом внимательного взгляда с мистера Ривза.

— Будучи человеком высокоинтеллигентным,— плавно начал мистер Роберт,— вы, конечно, не могли не заметить, что в Англии не издается ни одного мало-мальски стоящего литературного обозрения. И готов поручиться, что в ныне существующие вы никогда не заглядываете.

Мистер Ривз, который уже немного хватил лишнего, кивнул и заморгал глазами, как сова. Он, само собою разумеется, никогда не читал литературных обозрений.

— Даже в голову не приходило,— сказал он слегка заплетающимся языком.

— Ну, понятно,— согласился мистер Роберт.— Поскольку у вас нет непосредственной заинтересованности в творениях лите-ату-у-ы и культу-у-ы, а скорее вы заинтересованы в интеллектуальном, так сказать, их поощрении, то, естественно, вы никогда и не задумывались над тем, что этот прискорбный недостаток может быть восполнен.— Мистер Роберт откашлялся.— Широкая ваша

популярность как мецената искусств распространилась столь далеко, мистер Ривз, что достигла уже Венеции. Нам известно, с каким поразительным вкусом и незаурядной щедростью вы посвящаете ваш культу-у-ный досуг, так же как и ваши средства, искусству, способствуя процветанию живописи, музыки, созданию художественного интерьера. Мы никак не можем возроптать на эту вашу благородную приверженность делу наших единокровных братьев — художников и музыкантов, ибо все музы — сестры, но цель сегодняшней приятной встречи — дать нашему знаменитому другу Филбою да-агоценную возможность познакомиться с самым бескорыстным покровителем искусств нашего времени, а также, воспользовавшись предложением Филбоя, привлечь ваше внимание к плачевному состоянию этой несчастной золушки от искусства — лите-а-ту-у-ного обозрения!

Синьор Пайдерини и мистер Филбой внимали этому фантазмагорически помпезному излиянию с худо скрытым веселым презрением. Они впивались взглядом в мистера Ривза, пытаясь разгадать произведенное на него впечатление. А этот джентльмен находился в довольно необычном для него состоянии духа. Голова его была словно окутана легким серебристым облаком, несколько затруднявшим слух и зрение, в то время как в ушах он ощущал негромкий и даже довольно приятный звон. Дверь была распахнута настежь, и он поймал собственное отражение в большом зеркале, висевшем на стене напротив. Зеркало это, как выяснилось, обладало самым удивительным свойством, ибо, когда мистер Ривз внимательнее взгляделся в свое отражение, оно стало медленно раздваиваться, и каким-то непостижимым образом от первого мистера Ривза отделился второй мистер Ривз, и теперь их стало два. Мистер Ривз тряхнул головой и снова остался в зеркале один. Мистер Ривз с глубочайшей серьезностью изучал некоторое время столь необычный феномен и был так поглощен своим занятием, что это невольно производило впечатление, будто он слушает мистера Роберта с величайшим, хотя и несколько бесстрастным интересом. И в то время как выражение его лица становилось все более и более сосредоточенным, блаженное состояние его нарушила тревожная мысль о том, каким образом отправить ему некую насущную потребность, которая с каждой минутой заявляла о себе все более и более настойчиво.

Внезапно мистер Ривз заметил, что вся троица вопро-

сительно уставилась на него, а мистер Роберт умолк. Очень небольшое из сказанного мистером Робертом просочилось в мозг мистера Ривза, отягченный более важной проблемой, тем не менее он кое-как уразумел, что его вроде бы за что-то хвалят и мистер Роберт пытается заинтересовать его в чем-то, имеющем отношение к «культу-у-е».

— Хм,— важно произнес мистер Ривз.— Совершенно справедливо, совершенно справедливо.

Мистер Роберт, словно трибун, простер вперед руку.

— Мы не хотим навязывать вам ничего до тех пор, пока вы тщательнейшим образом не изучите наш план и не одобрите его,— провозгласил он.— Мы считаем, что ваши деловые способности могут оказать неоценимую помощь людям, чья деятельность протекает в... э... в несколько другой сфере. Короче говоря, мы задумали издавать ежеквартальный журнал под названием «Новое литеа-ту-у-ное обозрение». Печататься он будет в Венеции, стоимость одного номера пять шиллингов. Филбой великодушно согласился предоставить для него свое имя в качестве главного редактора, но повседневная редакторская рутинa ляжет, по существу, на плечи заместителя редактора, то есть — на мои. Было бы абсурдно тратить время Филбоя и его несравненный гений на такого рода занятия, но имя Филбоя послужит для нас ценнейшим приобретением, и, кроме того, он будет нашим постоянным и самым уважаемым сотрудником. Теперь, мистер Ривз, если вы окажете нам любезность посмотреть проспект, вам станет ясно, кто наши сотрудники и каковы наши планы.

Мистер Ривз автоматически взял проспект и также автоматически, после нескольких безуспешных попыток, |менил очки: снял одни и надел другие — для чтения. Проспект был отпечатан на пишущей машинке. «НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ» — значилось красивым красным шрифтом. Мистер Ривз довольно продолжительное время разглядывал этот заголовок: сначала — в состоянии весьма близком к отупению, затем — с глубоким интересом, ибо он заметил, что замечательный этот шрифт обладает совершенно таким же свойством, как зеркало, а именно: начав двоиться, он медленно и неуклонно двоился до тех пор, пока оригинал не родил двойника! Просто непостижимо! Неужто это все от жареных креветок?

— Едва ли это можно даже назвать коммерческим

предприятием в обычном смысле слова,— продолжал гудеть голос мистера Роберта.— Но мы надеемся, мы твердо уверены, что оно будет приносить доход, и хороший доход. Общественная потребность в таком обозрении назрела с полной очевидностью, и оно удовлетворит этот спрос. Однако мы не предполагаем выплачивать дивиденды в течение первого года или, может быть, двух. В первую очередь, мы должны будем оплатить наших сотрудников, и, разумеется, пройдет некоторое время, прежде чем журнал завоеует популярность и получит распространение. Для этого на первых порах нам потребуется несколько тысяч фунтов стерлингов, и посему мы создаем пакеты учредительных акций, по пятьсот фунтов каждый. Приобретение одного или нескольких пакетов дает право стать членом редакционной коллегии, принимать участие в руководстве журналом и получить бесплатную пожизненную подписку на это периодическое издание.

Мистер Ривз перелистал проспект и увидел, что четвертая, оборотная страница его представляет собою подписной лист, где слова «я, нижеподписавшийся», обязывают его приобрести акций «Нового литературного обозрения» на круглую сумму в пятьсот фунтов стерлингов. Пятьсот фунтов стерлингов! Мистер Ривз сделал глубокий вдох и почувствовал, как на лбу у него выступила испарина. Впрочем, это проистекало не столько от финансовых, сколько от чисто физических страданий, ибо мистер Ривз, в сущности, не понял ни речей мистера Роберта, ни его проспекта, хотя в голове у него и пронеслась смутная мысль о том, какой это кретин станет выкладывать пятьсот фунтов на такую безумную затею... Доведенный до отчаяния неотложной своей потребностью, он в конце концов преодолел природную застенчивость, наклонился через стол к мистеру Роберту и задал ему необходимый вопрос.

— О, это вон там, справа — маленькая дверца,— непринужденно светским тоном сообщил ему сей джентльмен.

С большим чувством собственного достоинства, делавшим честь его выдержке, мистер Ривз поднялся на ноги,— быть может, чуточку неуверенно, однако не настолько, чтобы это бросалось в глаза,— и направился к указанной дверце. К зеленой дверце в шаткой фанерной перегородке футов восьми высотой. К удивлению и, пожалуй, даже к некоторому разочарованию мистера Ривза, раздвоения с дверцей не произошло, однако скоба

ее оказалась расположенной в крайне неудобном месте и проявила таинственную способность ускользать из-под рук. Тем не менее, вцепившись в нее бульдожьей хваткой, мистер Ривз в конце концов восторжествовал и принудил дверцу отвориться. Стремительным толчком пропихнувшись внутрь и очутившись за перегородкой, мистер Ривз вынужден был сделать полный поворот кругом, отступив на шаг обратно, и тут его стошнило, как раз напротив покинутого им столика, отделенного от него только фанерной перегородкой. Мистер Ривз отчетливо слышал все, что говорилось за столиком, особенно явственно долетал до него гулкий бас синьора Пайдерини.

— На черта притащили вы сюда этого старого болвана? — раздраженно спрашивал синьор Пайдерини. — За весь обед он не рассказал ни одной занятной истории, даже пошутить не умеет. Сидит тарачит на всех свои очки, моргает глазами, как сова, и жрет и пьет как *pescesape*¹. Он что — малость того?

— Он вполне нормален, — резко оборвал Пайдерини мистер Филбой. — Типичный лондонский коммерсант, заурядный и, как истый англичанин, крайне духовно ограниченный, но при всем том честный и отнюдь не такой дурак, как это может показаться. Ты, Эрасте, в лучшем случае проведешь его за нос только раз — вторично твое такое нахальство тебе уже не поможет.

Мистер Роберт пробормотал что-то, чего мистер Ривз не сумел уловить.

— А ему на это наплевать, по-моему, — возразил синьор Пайдерини в ответ на нечто, сказанное мистером Робертом. — По-моему, он кретин. И если он не подпишется на две тысячи фунтов, я ни с кем из вас больше дел не делаю.

— Да не ори ты, Эрасте, — одернул его мистер Филбой. — Твой бычий рев слышен на другом краю Венеции. И не валяй дурака. Нам необходимо добыть откуда-то денег. Я пуст, абсолютно пуст. Не мешай Роберту изображать сладкоголосую сирену...

Мистер Ривз не стал слушать дальше. Так вот что им нужно — деньги! Просто поразительно, как все эти господа остро нуждаются в деньгах и как они неразборчивы в средствах, когда им нужно их раздобыть! Мистер Ривз сполоснул лицо холодной водой и основательно

---

¹ Акула (ит.).

прополоскал рот из-под крана, по счастью, не подумав о том, что это верный способ заполучить прескверное желудочное заболевание. Его порядком возмутило все услышанное, но в том, несколько затуманенном состоянии духа, в котором он пребывал, он скорее склонен был рассматривать это как шутку. Так они думают, что могут провести его за нос, вот как? А что, если он проведет за нос их?

Мистер Ривз вернулся за столик, уже значительно более твердо держась на ногах. Вся троица с самым серьезным видом и большим знанием дела была углублена в обсуждение проекта. Мистер Ривз выпил еще немножко воды и заказал чашку черного кофе. Мистер Филбой по-приятельски радушно уговаривал его выпить еще немножко «граппы» и все старался наполнить его рюмку. Мистер Ривз не притронулся к ликеру. Он внимательно прочел весь проспект от начала до конца — вздорная затея, не принесет ни гроша. Мистер Роберт выдал еще один рекламный текст в самом красочном стиле.

— Какой вам потребуется капитал? — осведомился мистер Ривз.

— Я считаю, что для начала мы уложимся в пять тысяч фунтов, — сказал мистер Роберт.

— Пять тысяч! — сказал мистер Ривз. — Довольно крупная сумма, а?

Мистер Роберт объяснил, что для приобретения популярности и достаточного количества подписчиков потребуется время, но благодаря имени мистера Филбоа и довольно длинному списку весьма именитых сотрудников это дело верное, абсолютно верное. У них уже набралось сто пятнадцать человек, обещавших подписаться.

— Сто пятнадцать? — с притворно наивным удивлением сказал мистер Ривз. — Неплохо для начала — это даст вам на круг больше сотни подписчиков в год.

Не уловив в его словах сарказма, мистер Роберт заверил мистера Ривза, что у них будет куда больше.

— Хм, — произнес мистер Ривз, — а сколько вы уже имеете?

С легкой запинкой мистер Роберт признался, что пока еще они не получили ничего, но испробованы далеко не все источники, далеко не все, и он совершенно уверен, что...

— Хм, — снова произнес мистер Ривз, потирая подбородок. — Хм.

— Мы обратились к вам первому, Ривз, — сказал

мистер Роберт,— понимая, что престиж вашего имени должен чрезвычайно облегчить нам дальнейшую задачу.

— Есть у вас на примете еще девять лиц, которые внесут по пятьсот фунтов каждый?

— Мы полагали, что вы найдете возможным приобрести для себя больше одного пакета,— льстиво сказал мистер Роберт.

— Ну, это дело требуется обмозговать,— сказал мистер Ривз, осторожно взвешивая каждое слово.— Если,— я повторяю, если — у меня сложится твердое убеждение, что это вполне надежное, солидное помещение капитала, я могу вложить в ваше предприятие даже тыщонки две...

Хотя внимание мистера Ривза, казалось, было приковано к проспекту, он тем не менее заметил алчно-ликующие взгляды, которыми обменялась вся троица, а также то, как мистер Филбой пнул синьора Эрасте под столом ногой, не дав ему раскрыть рта.

— Я уверен, что мы сумеем убедить вас в этом, Ривз,— подобострастно прожурчал мистер Роберт.— А заручившись вашим именем...

— Стойте, стойте,— прервал его мистер Ривз.— Я, понимаете ли, пока что не даю никаких обещаний. Я согласен только получше ознакомиться с вашим предложением. Да, да, я ознакомлюсь с ним.

И с этой позиции им уже не удалось сдвинуть его ни на йоту, как ни льстили они ему, как ни старались убедить, нагромождая одно доказательство на другое, как ни уговаривали — без малейшего успеха — выпить еще вина и «граппы»...

ДВЕНАДЦАТЬ

Мистер Ривз проснулся с головной болью и пересохшей глоткой. Ох, уж эти жареные креветки! Разве можно уберечь желудок, имея дело с этой чертовой иностранной кухней.

Мистер Ривз постарался облегчить свое состояние, выпив содовой и припомнив, как ловко разыграл он кое-кого вчера. В этом расположении духа он пребывал примерно до половины двенадцатого, когда мистер Роберт торжественно заявился в отель, таща под мышкой объемистое досье своего проклятого «Литературного обозрения». Он так настойчиво и пространно толковал об одном и том же, что мистер Ривз, чтобы как-то пе-

ременить тему разговора, вынужден был предложить ему пообедать с ними. Не успел мистер Роберт скрыться за дверь, как миссис Ривз принесли корзину дорогих цветов от мистера Филбоа, а вечером была доставлена бутылка «граппы» от синьора Пайдерини с небольшой записочкой, извещавшей о том, что это — первосортный ликер, изготавливаемый без патента дядюшкой синьора Пайдерини, сельским кюре, в какой-то глухой ломбардской деревушке. Мистер Ривз почувствовал, что успех его шутки, кажется, превзошел все ожидания.

А дальше со сказочной быстротой пошло все хуже и хуже.

Мистер Ривз теперь уже не отваживался показаться на площади Святого Марка, ибо на него тут же, подобно коршуну, налетал кто-нибудь из троицы (можно было подумать, что они установили там пост и по очереди несут дежурство) и тотчас принимался донимать его «Обозрением», весьма недвусмысленно давая понять, что две тысячи фунтов были им твердо обещаны. Только долголетний опыт всей деловой жизни мистера Ривза помог ему не попасться окончательно в расставленные силки. Как он ни уклонялся, какие ни приводил отговорки и доводы, все тонуло в потоке велеречивых словоизвержений. Мистер Ривз лег спать измученный, в крайне раздраженном состоянии духа.

Утренняя почта доставила миссис Ривз изрядное количество светских приглашений — результат деятельности «нашего общего друга — миссис Роберт, которая в таком восторге от вас». Миссис Ривз тоже была в восторге. В еще больший восторг привело ее приглашение мистера Филбоа приехать всем семейством «провести в моей маленькой вилле в Маламоччо субботу и воскресенье». Приглашение на настоящий уик-энд к знаменитому Филбою! Но мистера Ривза это отнюдь не привело в восторг, он был смущен и основательно встревожен. Как, черт побери, выпутаться из создавшегося положения? В одиннадцать часов на пороге отеля снова возник мистер Роберт с новым досье и новым запасом льстивых уговоров. Перед завтраком явился синьор Пайдерини с красивыми венецианскими бусами для Марсель. Эти бусы, пояснил он, один его приятель, гондольер, обнаружил под ковриком гондолы, после того как отвез на вокзал некую графиню, имя и адрес которой остались неизвестны. Не сдавать же их в полицию!

После завтрака мистер Ривз почувствовал, что силы его

иссякли, а тревога возросла до предела. Под тяжким грузом всех этих знаков внимания ему уже начинало мерещиться, будто он и в самом деле пообещал эти две тысячи фунтов. Две тысячи фунтов! Мистер Ривз покрылся холодным потом с головы до пят при одной мысли, что он может лишиться такой значительной суммы,— в сущности, всего своего годового дохода. Он от души проклял свою изобретательскую жилку, понудившую его, шутки ради, заварить всю эту кашу с розыгрышем. К несчастью, изобретательская жилка оказалась бессильной перед сложившимися обстоятельствами и не могла указать ему никакого выхода. Мистер Ривз отчетливо понимал: даже напиши он мистеру Роберту сейчас открыто и прямо, что его затея совершенно бессмысленна и рассчитывать на чековую книжку мистера Ривза абсолютно бесполезно, это лишь удвоит их старания, преподношения, убеждения, мерзкие назойливые визиты... Выход был только один.

— Мамочка,— в чрезвычайном возбуждении заявил мистер Ривз,— мы должны тотчас покинуть Венецию, сегодня же.

Пораженная миссис Ривз, вытаращив глаза, уставилась на мужа.

— Но почему? — спросила она.

— Потому что я так сказал,— отрезал мистер Ривз.

— Это еще не причина.

— Я хочу убраться отсюда и от этих, будь они трижды прокляты, визитеров, которые преследуют и изводят меня...

— Но позволь,— запротестовала миссис Ривз.— Марсель и я приглашены сегодня вместе с миссис Роберт к леди Мэннингтри на чай.

— Придется вам отказаться.

— Как можно отказаться от встречи с такими людьми, Джон! А завтра мы приглашены к консулу.

Если бы даже миссис Ривз имела в виду консула Древнеримской империи, извлеченного из гробницы с единственной целью содействовать этой даме в ее светских успехах, то и тогда, вероятно, она не смогла бы произвести сей титул с большим благоговением.

— Плевать я хотел на консула,— грубо сказал мистер Ривз.— Ступай уложи чемоданы и скажи Марсель, чтоб она тоже собиралась, а я пойду займусь всем остальным.

Миссис Ривз в полном расстройстве всплеснула руками.

— Ты совершенно невозможен, Джон,— жалобно

воскликнула она и добавила ревниво: — Почему такой внезапный отъезд? Может быть, опять эта женщина?..

— Боже милостивый! Нет! — раздраженно воскликнул мистер Ривз. — Не будь идиоткой.

— Тогда почему должны мы уезжать? Именно сейчас, когда только что свели знакомство с такими выдающимися людьми.

— Хм,— промычал мистер Ривз.— Выдающимися, чтоб мне сдохнуть! Эта распрекрасная шайка твоих высокопоставленных друзей пыталась меня подпоить и выудить пару тысконок из моего кармана. И они не отстанут ни на минуту, пока не добьются своего или не доведут меня до умопомешательства.

— Я не понимаю, о чем ты? — надменно произнесла миссис Ривз.

— И никогда не поймешь,— нелюбезно сказал мистер Ривз,— но это ничего не меняет. А теперь перестань спорить, ступай и вели Марсель собираться в дорогу.

Но миссис Ривз все же продолжала еще некоторое время спорить, и мистер Ривз и в самом деле едва не лишился рассудка, напрасно пытаюсь растолковать ей положение вещей. Он видел, как уютные, спасительные вагоны, пыхтя, отходят от венецианского вокзала... без него. Он видел себя жертвой дальнейших бесконечных преследований. Терпение его лопнуло, он выбранился, оскорбив нежные чувства миссис Ривз, и она разрыдалась, а он должен был утешать ее и приносить извинения. Все это было поистине кошмарно, особенно в такую жару. Мистер Ривз весь взмок, как кочегар у паровой топки.

Наконец миссис Ривз, жалобно всхлипывая, заявила, что, конечно, если он решительно настаивает на отъезде, то долг повелевает ей повиноваться, но куда же они поедут?

Мистеру Ривзу это было решительно все равно: куда угодно, куда угодно! Лишь бы подальше от Роберта, Филбоя и Пайдерини, при одном воспоминании о которых мистер Ривз закипал неистовой, но бессильной злобой.

Единственное место, куда еще можно было бы поехать, заявила миссис Ривз,— это Канн, но и там сезон начнется не раньше как недели через две.

Мистер Ривз тотчас ухватился за это предложение. Впрочем, назови миссис Ривз не Канн, а Тимбукту или Тибет, он в его теперешнем настроении и за это, вероятно, ухватился бы. Мистер Ривз стремглав бросился в агентство Кука за деньгами и билетами, написал письма всему

трио, оповещая о внезапно возникшей необходимости покинуть Венецию и о том, что он с прискорбием вынужден отказаться от какого бы то ни было участия в «Обзрении»; а затем распорядился, чтобы дары сеньора Пайдерини — «граппа» и бусы — были возвращены сему бескорыстному даятелю. После чего под покровом темноты, окутанные, словно плащом, густым облаком жалобных стонов и вздохов миссис Ривз, они покинули Венецию и сели в миланский экспресс, направлявшийся к французской границе...

Путешествие было долгим, утомительным и далеко не веселым. Марсель поначалу была еще, как всегда, рассеянно-оживлена при мысли о морских купаниях на курорте, где лучше понимают законы цивилизованного флирта, но уныние родителей заразило и ее. Миссис Ривз держалась с видом терпеливой страдальцы и плохо скрытым негодованием жертвы чудовищного произвола, — казалось, ее везли не в поезде, а в расшатанной двуколке на гильотину, чтобы отрубить ей голову по несправедливому приговору фанатиков Революционного трибунала; она вся кипела при мысли о нанесенной ей обиде и почти всю дорогу молчала, а если и произносила что-либо, то лишь тоном слащавого укора. Снова, в который раз, по милости своего бесчеловечного супруга, из-за его пустого каприза и неумения ладить с людьми, а быть может, и чего-то еще похуже, ее тащат неведомо куда, причем именно в тот момент, когда перед ней открывались такие горизонты, такая возможность блеснуть в свете! И вот теперь она уже никогда не увидит садов леди Мэннингтри, не попадет в общество странствующих знаменитостей, званых на чай к консулу! И как только мог Джон так напиться, что пообещал две тысячи фунтов, которых не в состоянии дать!.. Да и почему, собственно, не может он раздобыть эти две тысячи фунтов? Надо полагать, что мужчина, навеки связав свою судьбу с женщиной чувствительной и утонченной, взял на себя при этом известные обязательства и должен быть готов к подобному рода жертвам.

А мистер Ривз был недоволен собой. Конечно, удрав тайком из Венеции, он избавился от кучи забот, но спастись бегством было ему не по нутру. Что-то в этом было унижительное, что-то почти непорядочное даже. Нельзя напиваться до потери рассудка с первыми встречными-поперечными; да и вообще нельзя так напиваться в его возрасте. Надо будет за собой последить. И конечно, глупо было пытаться провести за нос тройку таких прожженных

мошенников. И вообще с деньгами шутить не следует. Эти трое, конечно, обозлятся, и будут правы. Мистер Ривз от души надеялся, что ему больше не придется встретиться ни с одним из них. А вдруг они последуют за ним в Канн? Страшно подуматы! Энси, конечно, уж не преминет разболтать обо всем этом направо и налево...

Хороший, крепкий сон в наиудобнейшей постели несколько примирил мистера Ривза и с миром, и с самим собой. Завтрак был подан в номер и сервирован на балконе под ярким полосатым тентом. В пижаме и шелковом халате мистер Ривз сел за стол со своей супругой. Кофе и сливки были хороши, бриоши и рожки — свежей нельзя, сливочное масло — тоже, и даже джем был недурен. Мистер Ривз легонько вздохнул по привычке, вспомнив свои завтраки в Англии, однако с аппетитом съел все, что было на столе, и поглядел на открывавшийся его взору Канн.

Прямо под самым балконом перед входом в отель раскинулся небольшой садик: пальмы, клумбы, гравий. За ним — гладкая черная лента шоссе, где стояли или двигались роскошные, исполненные чувства собственного достоинства очень дорогие с виду автомобили. По ту сторону шоссе тянулся бульвар: снова пальмы, цветники и некоторое количество празднующихся. И наконец позади всего — безграничное, ослепительно-синее море с двумя крошечными островками, а над морем — бесподобно синее, пронизанное солнцем небо. Повернувшись немного вправо, мистер Ривз увидел гавань — яхты, яхты, целый лес мачт, — а совсем далеко, на горизонте, — величественный серо-голубой массив горы Эстерель.

— Ну-с, значит это Ривьера, — сказал мистер Ривз. — Не так уж плохо, а, мамочка?

— Очень красиво, — рассеянно ответила миссис Ривз, погруженная в составление списка необходимых покупок. Женщина, которой нанесена столь тяжкая обида, может рассчитывать на маленькое вознаграждение.

Не заметив зловещих приготовлений своей супруги, мистер Ривз закурил трубку, откинулся на спинку кресла и устремил взор на сверкающее море и небо. Великолепная погода! Летники уж, верно, начинают зацветать в Мервуде. Надо бы написать Брауну, справиться, как у него там дела. Мистер Ривз не мог как следует припомнить, полагается лупинусам и флоксам уже расцвести или они

только набирают бутоны. А его сортовые шток-розы? Жаль, если он не увидит их в цвету.

Мысленно налюбовавшись собственным садом, мистер Ривз обратил свой взор на пейзаж, расстилавшийся непосредственно перед ним, и подумал, что на сей раз это что-то действительно стоящее. А разве не для того трудился он всю жизнь, чтобы теперь иметь возможность прожить столько, сколько ему захочется, в первоклассном отеле, где останавливаются самые важные шишки, и завтракать себе, не торопясь, зная, что ему не нужно стремглав лететь в контору... Кстати, надо бы распорядиться, чтобы ему раздобыли «Телеграф»... Да, вот это и вправду жизнь! Что сказал бы старина Джо Саймонс, загляни он сюда сейчас? Вот было бы здорово, если бы он мог приехать к ним недельки на две — надо ему написать. Впрочем, мистер Ривз не без легкого уныния понимал, что писать бесполезно. Даже дружба пасует перед охотой. У Джо охота была на первом плане, и неизменно, как только открывался охотничий сезон, он весь свой отдых проводил в стрельбе по куропаткам. Мистер Ривз вздохнул. Жаль. Эх, если бы старина Джо мог вдруг вернуться сюда вечером...

— Мне сегодня понадобятся деньги на покупки, Джо, — сказала миссис Ривз, вторгаясь в его мечты.

— На покупки? На покупки? — переспросил мистер Ривз. — Какие же тебе еще нужны покупки? Разве мы не живем в отеле на всем готовом?

— Нам с Марсель нужны новые платья.

— Что такое? — с испугом спросил мистер Ривз. — Но вы же обе полностью экипировались перед отъездом, а потом в Венеции закупили еще чего-то, чтобы пойти к консулу, к которому так и не пошли.

Это было крайне неосторожное высказывание, и миссис Ривз мгновенно за него ухватилась.

— А по чьей вине, позвольте вас спросить? — с голубиной кротостью осведомилась она. — Кто уволок нас из Венеции?

— Ну, хорошо, хорошо, — торопливо сказал мистер Ривз. Он уже видел, что это бегство из Венеции никогда не будет ни прощено ему, ни забыто. — Все же я не понимаю, зачем тебе еще платья.

Миссис Ривз вздохнула.

— Костюмы, которые мы приобрели в Лондоне, предназначались для путешествия, — терпеливо разъяснила она. — Кое-какие вещи, купленные в Венеции,

годились там, но никак не подходят для модного курорта. Нам понадобятся пляжные пижамы и шорты...

— Шорты? — воскликнул мистер Ривз. — То есть как это — шорты?

— Это именно то, что здесь полагается носить летом, — решительно заявила миссис Ривз. — С какой-нибудь яркой повязкой на бюсте и соломенной шляпой с мягкими, ниспадающими на лицо полями. Я прочла все это в «Вог».

Мистер Ривз побагровел. Он стукнул кулаком по столу.

— Ты, значит, воображаешь, — свирепо произнес он, — что я буду сидеть тут и спокойно смотреть, как моя жена и дочь разгуливают на глазах у всех этих иностранцев голые, в одних соломенных шляпах, повязках и в этих, как они там... э... э... ну, словом, черт знает в чем.

— Само собой разумеется, — холодно ответствовала миссис Ривз. — Если, конечно, ты не хочешь, чтобы мы выглядели как две ветхозаветные старухи. Все женщины здесь одеты так.

— С нами крестная сила! — промолвил мистер Ривз.

— И тебе тоже понадобятся новые вещи, — сказала миссис Ривз, используя чисто женский аргумент. — Все твои костюмы совершенно не годятся для такого жаркого климата. Конечно, ты можешь ходить и в купальном костюме, если пожелаешь...

— Как?! — ужаснулся мистер Ривз. — Ни за что на свете!

— Да, мне кажется, что в твоём возрасте это будет не совсем то, что надо, — сладко пропела миссис Ривз. — Купальные трусы приемлемы для молодых мужчин с хорошим телосложением, а для мужчины твоего возраста «Вог» рекомендует парусиновые брюки цвета сомо с шелковыми безрукавками голубого, желтого или алого цвета.

— Вот как? — сказал мистер Ривз. — За кого ты меня принимаешь — за бродячую гадалку? Может, ты предложишь мне еще продеть в уши золотые кольца?

Миссис Ривз снова вздохнула.

— Как с тобой трудно, Джон, — устало промолвила она. — Я ведь только стараюсь тебе помочь. Надеюсь, ты не станешь возражать против соломенной шляпы?

— Разумеется, стану, — решительно ответил мистер Ривз. — Отнюдь не желаю походить на этих идиотов-мальчишек из Хэрроу.

— Но ведь что-нибудь-то должно быть у тебя на

голове в такую жару, — колко заметила миссис Ривз. — По-видимому, придется отложить этот разговор до тех пор, пока ты сам не почувствуешь необходимость быть прилично одетым. Но, так или иначе, я не позволю, чтобы Марсель выглядела как чучело, и не считаю нужным походить на чучело сама. Нам необходимо приобрести все эти вещи, а также элегантные купальные костюмы, и купальные шапочки, и пляжные туфли, ну и, само собой разумеется, два-три выходных платья, а Марсель, сверх того, нужен теннисный костюм и спортивные туфли, и каждому ясно, что нам обоим необходимо иметь вечерние туалеты — что-нибудь декольтированное и элегантное...

— Боже праведный! — простонал мистер Ривз, привскочив и снова в изнеможении плюхаясь в кресло. — Кто я, по-твоему, — Джон Д. Рокфеллер?

Почти сразу же мистер Ривз погрузился в рутину лениво-однообразного существования — рутину безделья, умеренных возлияний и чревоугодия. Климат Канна так располагал к отдохновению, послеполуденная жара была так одуряющая и вся жизнь курорта так идеально приспособлена для людей с изрядным количеством денег, свободно и безраздельно располагающих своим досугом.

Мистер Ривз просыпался, как всегда, пунктуально в одно и то же время, но привычка завтракать в спальне мешала ему тотчас встать с постели. Приятно было понежиться в полудреме, глядя на два тонких солнечных луча, пробивающихся сквозь щели в ставнях, и ждать, пока официант (щедро получающий на чай) с приятной улыбкой и приветливым «доброе утро, сэр», «доброе утро, мадам» внесет в спальню большой поднос. Мистер Ривз все дольше и дольше засиживался за завтраком, любуясь Средиземным морем и вспоминая Мервуд. Миссис Ривз и Марсель с утра шли купаться на пляж у пальм, а мистер Ривз с приятной неторопливостью брился и одевался. Он заметил, что французы наиболее почтенного вида — с брюшком и фокстерьерами — все, как один, неизменно носят белые тиковые костюмы, неяркие галстуки и соломенные панамы с загнутыми сзади и опущенными спереди полями. Мистер Ривз одобрил этот костюм и освоил его.

Одевшись, мистер Ривз брал трость и неспешно совершал прогулку по Круазетт, пока не добирался до платановой аллеи напротив старого порта. Здесь он покупал в

киоске утреннюю газету и, усевшись на скамейке под платаном, ознакомился с событиями, происходящими в реальном мире, и положением дел в Сити. Примерно в половине двенадцатого мистер Ривз, почти в совершенстве овладевший характерной походкой французского рантье — ленивой и чуть вразвалку, — начинал двигаться по Круазетт в обратном направлении, успев вовремя напомнить себе, что солнце хотя и хорошая штука, но все хорошо в меру. Закончив прогулку, он наконец плотно оседал в баре «Мирамар», где обычно уже находились миссис Ривз и Марсель с облупленной от злоупотребления солнцем и морскими купаньями, но умащенной маслами кожей, обе одетые с тщательно изученным нарушением приличий, которое все еще коробило мистера Ривза, хотя он вынужден был признать, что все остальные дамы были одеты или, вернее сказать, раздеты ничуть не больше, то есть не меньше.

Еда в отеле была недурна, чего мистер Ривз и не пытался опровергать. Французская кухня, однако, не чрезмерно французская. Прованское масло, чеснок и тому подобные кулинарные непристойности были начисто изгнаны из меню; буйабес появлялся на столе лишь в виде необязательного дополнения, и мистер Ривз, однажды отведав этого блюда, в дальнейшем его избегал. Но вареный картофель подавался неизменно. И вино было превосходно. Мистер Ривз с большим удовлетворением перепробовал все марки бургундского. После довольно плотного ленча, быть может, даже излишне плотного для человека такого зрелого возраста, мистер Ривз, выпив чуть больше вина, чем мог бы ему рекомендовать наиболее снисходительный диетолог с Харли-стрит, неизменно начинал ощущать, что от слепящего солнца его малость клонит ко сну. На местном наречии это называлось систой. Мистер Ривз с энтузиазмом воспринял закон систой, радуясь, что ему не нужно прибегать к обычным в Англии уловкам, дабы урвать столь жизненно необходимые часик-полтора для послеобеденного сна, и порой продлевал себе это удовольствие часов этак до пяти по местному времени, когда миссис Ривз и Марсель неизменно отправлялись пить чай с пирожными в одну из элегантных кафе-кондитерских.

Вторичная прогулка и два-три стаканчика аперитива подготавливали мистера Ривза к ужину, еще более обильному, чем превосходный, упоминавшийся выше ленч, и после кофе с ликером и сигары мистер Ривз, как ни

странно, уже чувствовал себя полностью готовым отойти ко сну. Украдкой расстегнув верхнюю пуговку брюк и нижние пуговицы жилета, он с жаром, хотя и несколько бессвязно, принимался восхвалять целебный морской воздух, и солнце, и благодетельную привычку пораньше ложиться спать, если хочешь подольше сохраниться. Однако миссис Ривз и Марсель, проявляя удивительное неблагоразумие, обычно предпочитали сидеть в душном кино. Неодобрительно покачивая головой, мистер Ривз расстегивал еще одну пуговку, заказывал себе рюмочку ликера — чертовски хороший ликер у них тут во Франции, — закуривал вторую сигару и размышлял над непостижимой непоседливостью женщин и их склонностью к мотовству. Когда дамы возвращались, мистер Ривз уже давно был в постели и уютно похрапывал. В Канне он ни разу не проснулся с головной болью. Он приписывал это отчасти подлинно высокому качеству вин и ликеров, но главным образом благодатному действию морского воздуха и приобретенному им навыку избегать жареных креветок и прочих дурацких заморских блюд.

— Это нездоровая пища, — заявил мистер Ривз официанту, когда тот предложил ему ravioli¹. — Нездоровая. От нее только голова болит.

То были безмятежно счастливые дни, и миссис Ривз блаженствовала. Но была и капля горечи в этом искрометном фонтане блаженства, воспетом с таким чувством римским поэтом. Погода стояла знойная, слишком знойная, по мнению мистера Ривза, который, не в пример своей жене и дочери, не находил большую часть дня в воде. Когда они прибыли в Канн, было уже жарко, и день ото дня становилось все жарче. Мистер Ривз проводил довольно много времени с бумагой и карандашом, переводя показатели термометра Цельсия на шкалу Фаренгейта. Он старался не терять веру в то, что пойдет дождь или подует холодный мистраль, о котором здесь все говорили. Но ни мистраля, ни дождя не было. С затаенной надеждой мистер Ривз ежедневно, чуть ли не ежечасно, постукивал по барометру в отеле: стрелка барометра упрямо показывала на «Великую сушь», проявляя легкую тенденцию подняться еще выше. Где-то за Альпами и над Эстерелью погромыхивал гром, и оттуда порой напоззали тяжелые тучи, но дождя не было, и зной не спадал.

— У вас здесь всегда такая погода летом? — облива-

---

¹ Пельмени (ит.).

ясь потом, тревожно спросил мистер Ривз управляющего отелем.

— Всегда — поспешил заверить его сей господин, памятуя строгие указания Синдиката держателей отелей о том, что клиентам надо стараться угождать во всем.— Всегда. До самого сентября дождей не будет, ни единой капли. Вы можете твердо рассчитывать на нашу превосходную погоду...

Это звучало так, словно погода изготовлялась по специальному заказу отеля, была его, так сказать, фирменным блюдом, и управляющий по праву мог ею гордиться.

— Хм,— огорченно хмыкнул мистер Ривз.— Велите подать мне выпить чего-нибудь холодненького с кусочком льда, будьте добры.

Он подумал о своем прохладном садике в Мервуде, а затем — о еще более приятных вещах: о тенистых деревьях, которые он собирался когда-нибудь посадить на собственном клочке земли, где-нибудь в деревне. Потом он решил было пойти искупаться с Джейн и Марсель, но какое-то странное, смешанное чувство стыдливости и *prietas*¹ заставило его отказаться от этой затеи. Он вознаградил себя, проглотив чудовищное количество шерри-коблера со льдом.

Но и это было еще не все. Джейн, как нередко с ней бывало, день ото дня становилась все эксцентричнее. Этот эпитет мистер Ривз, как большинство его соотечественников, любил употреблять к месту и не к месту. Джейн пожелала отправиться за границу и утащила за границу их всех. Потом она пожелала отправиться в Канн. А теперь она ныла, что здесь они ни с кем не знакомы, и без конца оплакивала утраченные вместе с Венецией светские возможности. Смешно! — думал мистер Ривз. Если человеку не хватает его старых друзей и хочется их повидать, это каждому понятно. Он и сам частенько, хотя и молча, жалел о том, что старина Джо Саймонс или еще кто-нибудь из его приятелей не может заглянуть к ним вечером. Но какого черта сокрушаться о людях, которых ты не знаешь? Смешно! Когда в ожидании ленча все семейство Ривзов сидело в баре «Мирамар», потягивая что-нибудь прохладное, миссис Ривз невыносимо раздражала своего супруга, пяля глаза на незнакомых людей, которые, по ее мнению, принадлежали к разряду «настоящих», и строя догадки, кто бы такие они могли быть.

---

¹ Благочестия (лат.).

С трогательным усердием она от точки до точки прочитывала все столбцы светской газетной хроники Ривьеры и вечно старалась опознать какую-нибудь знаменитость среди пьющей коктейли разношерстной толпы. Подобно тому как некий Скот считал изгнание человека из рая крайней несправедливостью, допущенной по отношению лично к нему, поскольку он терпеть не мог яблок, так мистер Ривз считал, что он тут страдает совершенно зазря, поскольку ему наплевать на знаменитостей. Но что поделаешь? Ничего. Оставалось только раздраженно и зловеще шелестеть «Телеграфом» да время от времени издавать раздраженное «хм!».

А расходы? Когда вы переводили фунты стерлингов на франки в соответствии с чрезвычайно благоприятной паритетной таблицей, результат получался просто сказочный. Но затем поданный вам счет оказывался еще более сказочным. Все эти хорошенькие тысячефранковые бумажки таяли куда быстрее, чем десятки и даже пятерки в Англии. Мистер Ривз вынужден был, совершая свою утреннюю прогулку, то и дело заглядывать в контору агентства Кука и черпать новые суммы из своего довольно солидного аккредитива. Поразительная вещь! Мистер Ривз никак не мог с этим освоиться. Все, казалось, стоило так дешево, а траты были черт знает как велики. Во всем виноваты эти дополнительные новшества, решил он наконец — пять франков на мороженое Марсель, шесть франков на чай с пирожными для миссис Ривз. Бургундское по тридцать франков бутылка и шерри-коблер по десять франков бокал никак не попадали в разряд дополнительных новшеств. Это была насущная необходимость.

Однако, если брать в целом, это были счастливые, безмятежные дни, и мистер Ривз получал от них немало удовольствия.

А затем совершенно внезапно безмятежный покой рухнул.

Из Лондона приехал Бейзил навестить родителей.

Мистер Энселм Хоукснитч решил провести летний сезон на французской Ривьере.

Яхта Кроудеров вошла в каннскую гавань с леди Кроудер и почтенной Ребеккой Берден на борту.

Марсель объявила, что выходит замуж.

Миссис Ривз поскользнулась, наступив на кожуру от банана.

Жизнь сразу стала крайне сложной, и мистер Ривз так, в сущности, никогда и не смог разобраться во всем этом до конца. Он твердо знал только одно: все это стоило ему бешеных денег.

ТРИНАДЦАТЬ

Было бы крайне несправедливо сказать, что мистер Ривз воспринял приезд сына как своего рода бедствие. Напротив, он ждал его с радостью. Он ни в коей мере не был лишен ни отцовской гордости, ни отцовской снисходительности. И все же — хотя мистер Ривз никогда бы в этом не признался — Бейзил был в каком-то смысле испытанием.

Этот полнолицый, угреватый молодой человек знал решительно все, что полагалось знать. Он уважал мистера Ривза, но это уважение было подобно квадратному корню из минус единицы — оно с таким же трудом поддавалось извлечению и было столь же эфемерно, как эта мнимая величина. Мистер Бейзил Ривз принадлежал к совершенно иному миру, нежели его отец. Отдавая себе отчет в том, что заработок его как юриста во многом зависит от чисто внешних причин, он нацепил на себя маску сурового аскетизма и полового воздержания и в то же время, используя свое сравнительно незаметное положение судебного исполнителя, вознаграждал себя за все, заводя многочисленные интрижки (нередко даже по несколько сразу) с молодыми особами, не отличающимися слишком большой щепетильностью. Когда слух о его похождениях достигал ушей мистера Ривза, что случалось довольно часто, — ибо кто устоит против соблазна информировать папашу о непотребном поведении его единственного сыночка? — Бейзил неизменно изображал свою очередную связь как еще одно неудачное сватовство, расстроившееся благодаря капризам и недостойному поведению будущей невестки. Мистер Ривз верил сыну, но покачивал головой. «Все это, помани мое слово, кончится тем, что на тебя в один прекрасный день подадут в суд за нарушение обещания жениться». Крепко вооруженный знанием законов и бесчестностью своих намерений, Бейзил только посмеивался, слушая эти предостережения.

Однако совсем не в этом крылась причина того, что мистер Ривз — при всей своей отцовской привязанности — воспринимал приезд Бейзила как некоего рода испытание. Мистер Ривз ни секунды не сомневался, что

Бейзил, прибыв в Канн, немедленно обручится здесь с какой-нибудь крайне нежелательной молодой особой, но с этим он уже примирился. Если же он чего-либо опасался — так это его языка. Бейзил, по-видимому, избрал себе не ту отрасль юриспруденции, для которой он был предназначен природой. Он считал, что ему следовало стать адвокатом. Лишенный возможности удовлетворять свою законную потребность, распинаясь и крючкотворствуя перед представителями Его Величества Правосудия, Бейзил вознаграждал себя тем, что любую беседу превращал в педантично-мелочный спор. Это свое адвокатское краснбайство, эту фантастическую способность изображать черное белым и наоборот, не нашедшие, на его беду, применения на юридическом поприще, он пускал в ход в сравнительно ограниченном кругу своих знакомых. Как часто мистеру Бейзилу Ривзу удавалось с помощью безупречной логики и ловкого умения привести подходящий пример, убеждать молодых женщин, что они должны провести с ним уик-энд! Но только в лице своего папаша он нашел себе поистине идеальную жертву. В беседе, как и в жизни, мистер Ривз был добродушен, нелогичен, нетверд в своих постулатах, недоказателен в примерах, неметодичен, трогательно нечувствителен к банальностям, которых он даже не замечал, и плевать хотел на «непреложные истины». Велеречивому сутяге, которого он сам породил, не представляло труда опрокинуть простейшие и наиболее очевидные утверждения мистера Ривза. Стоило мистеру Ривзу, не мудрствуя лукаво, заметить, что сегодня что-то очень парит, как этот неразборчивый в средствах краснбай мог безжалостно потратить целый час драгоценного времени, доказывая, что, напротив, на дворе довольно прохладно. Стоило мистеру Ривзу простодушно и откровенно признаться, что он, пожалуй, слишком налег на обед, как Бейзил тут же непреложно доказывал ему, что если он будет есть так мало, то перестанет таскать ноги. Порой мистер Ривз даже сожалел о том, что он не помог Бейзилу осуществить честолюбивое желание, выраженное им в возрасте семи лет. Машинист паровоза на Большой Западной в США, вероятно, не стал бы так много спорить, если бы даже заделался, сверх того, профсоюзным боссом.

Мистер Ривз не ошибся в самых дурных своих опасениях. Бейзил начал спорить, едва успев переступить порог отеля, и спорил, не закрывая рта. Это не имело бы особого значения, если бы не то обстоятельство, что

мистер Ривз — как девяносто девять процентов всего рода человеческого — не любил, когда ему перечат на каждом шагу и неумолимо и педантично доказывают, что он не прав. А тем более, если это исходит от родного сына, который всем своим положением в жизни обязан деньгам, с немалым усердием приумножившимся его отцом. Поначалу мистер Ривз и Бейзил спорили довольно мирно, затем — яростно; постоянное вмешательство миссис Ривз, упорно заявлявшей, что Бейзил абсолютно прав, а мистер Ривз упрям и неразумен, как все старики, едва ли помогало разрядить обстановку. Мистеру Ривзу было не слишком приятно, когда его называли стариком, даже если это исходило из уст такого хорошо осведомленного лица, как его супруга, — это напоминало ему о неприметном движении Времени, над чем он так часто и так бесплодно размышлял.

Но это было не столь уж большое зло, если вообще могло считаться злом, ведь подобно тому, как мы снисходительно и нежно прощаем себе свои собственные заблуждения, — так прощаем мы и заблуждения тех, о ком, проявляя глубочайшее невежество в области законов генетики, по неразумению говорим, что они — плоть от плоти и кровь от крови нашей.

Вот Энси — это уже было совсем другое дело.

Если мистер Энселм Хоукснитч (право же, так и чешется язык добавить «достопочтенный», дабы исправить недопустимое упущение со стороны Провидения, не подарившего ему этого маленького преимущества) обосновался в тот год на французской Ривьере ранее обычного, то причиной тому, как мы знаем, послужила небольшая заварушка в Испании, именуемая гражданской войной, из-за которой он не смог принять божественное предложение провести лето у испанских друзей. Однако к этому примешивалось и еще кое-что: мистер Хоукснитч желал получить свои двести пятьдесят фунтов. И желал страстно. Жестоко нуждался в них, проще говоря, ибо нуждающимся пришел он в этот мир и нуждающимся продолжал пребывать в нем. Как только двое союзников-эстетов — Энси и Игги — поспешно, но весьма эффективно завершили свое аутодафе над гостиной мистера Ривза, Энси отправил миссис Ривз поистине экстатическое послание с описанием достигнутых ими успехов и... попросил выслать чек.

На двести пятьдесят фунтов стерлингов. Если, волею судьбы, вы являетесь обыкновенным честным человеком, занимающимся трудом добывающим свой хлеб, подумайте о том, сколько времени, трудов и забот надо потратить, чтобы заработать двести пятьдесят фунтов стерлингов. И вот теперь мистеру Ривзу, который сам заработал все свое состояние до последнего пенни, предлагалось уплатить какую-то сумму за то, что одна из комнат его дома была совершенно непригодной для жилья.

Даже миссис Ривз была несколько встревожена и ошеломлена. Она не знала, как подступиться к делу. Со-
крат — в той мере, какой она ею располагала, — заставляла ее снова и снова откладывать объяснение с мужем: она все никак не могла решиться открыть ему, в какую авантюру его втравили. А тут еще этот Канн — жизнь здесь так дорого стоит... И миссис Ривз уже не раз вынуждена была вновь просить у своего супруга денег на расходы, а он, хотя и ворчал по привычке, как все мужчины, тем не менее всегда откликался на ее просьбы с обычной для него щедростью. Но подходящее ли сейчас время опять вытягивать из него деньги, да еще в размере двухсот пятидесяти фунтов? Даже миссис Ривз дрогнула перед такой задачей.

И она написала Энси вежливое, если не сказать униженно-льстивое письмо — совершенно в том духе, как пишут своим кредиторам все заблудшие представители рода человеческого: преувеличивая воображаемую болезнь мистера Ривза, утверждая, что беспокоить его в такой момент денежными делами крайне несвоевременно, и умоляя проявить великие добродетели — снисходительность и терпение.

Энси встревожился. Он ринулся в Канн, исполненный решимости во что бы то ни стало получить причитающиеся ему монеты.

Миссис Ривз была не лишена природного ума или смекалки, словом, того качества, которое по каким-то удивительным и необъяснимым причинам именуется у англичан «материнским рассудком», хотя общеизвестно, что из всех образчиков рода человеческого наиболее безрассудными являются именно матери. Она на некоторое время обезопасила себя от Энси с помощью хорошей тысячефранковой бумажки, дав ему понять, что это на заплесневелом языке давно устаревших понятий называется «куртаж». Другими словами, что деньги эти, так сказать, не в счет, нечто вроде премии. А потом,

когда мистер Ривз вполне оправится, она поставит перед ним вопрос об уплате по чеку, и долг будет погашен...

Получив тысячефранковую бумажку и поняв, что к чему, Энси смягчился и, забыв на время о своем девизе: «Работа сделана, хозяин — денежки на стол», — несколько сбавил тон.

— Моя дорогая, — сказал он, — это очень мило и великодушно с вашей стороны, хотя, должен признаться, нам с Игги совсем не легко предоставить вам столь продолжительный кредит. Но я вполне понимаю, почему вы предпочитаете не говорить сейчас об этом с мистером Ривзом. Я сам просто не выношу людей, которые обращаются ко мне за деньгами, когда у меня болят зубы. Это выглядит так бесчеловечно. Я очень огорчен, что здоровье мистера Ривза так сильно пошатнулось.

— Ах, как вы добры! — проворковала миссис Ривз.

— Но, конечно, моя дорогая, — продолжал Энси, быстро оправившись от этого легкого приступа филантропии, — крайне неприятно, что вы с мистером Ривзом нас теперь подводите. Сам не понимаю, почему я так миндальничаю в этом вопросе. Другие на моем месте действовали бы иначе. Ведь мы же, моя дорогая, работали как каторжники на галерах, и ваша гостиная стала просто не по сти ж и м о хороша. Вы просто влюбитесь в нее.

— Ах, я в этом уверена, — сказала миссис Ривз. — Это так мило с вашей стороны и со стороны Игги тоже, что вы вложили в нее столько труда. Но вы, конечно, понимаете, почему возникли эти маленькие денежные затруднения...

— Да, конечно, конечно, — лицемерно и нетерпеливо перебил ее Энси, хотя, казалось, ему ли было не знать, как неприятно не иметь возможности расквитаться с долгами. — Все же не заставляйте меня ждать слишком долго. Давайте договоримся так: последний срок — на следующей неделе. У меня в Лондоне осталась куча неоплаченных счетов, и в конце концов, моя дорогая, я ведь тоже должен жить и даже вынужден работать как проклятый. Никто не знает, сколько я работаю, и никто этого не ценит. Столь ничтожная сумма не может иметь значения для такого богатого человека, как мистер Ривз. И я при любых обстоятельствах должен получить ее на следующей неделе, моя дорогая.

— Я сделаю все, что от меня зависит, — с покорным вздохом ответила миссис Ривз, а в глазах ее промелькнуло странное, отрешенное выражение при мысли о том,

что может сказать — и безусловно скажет — мистер Ривз, когда ему будет доложено об этой маленькой коммерческой сделке.

— А теперь я должен вам сообщить чудесную новость, моя дорогая,— сказал Энси, обретая свой обычный вкрадчиво светский тон.— Как вы думаете, кто прибывает в Канн?

— Кто-нибудь, кого я знаю?

— Пока еще нет, дорогая, но мы вас познакомим, если вы будете хорошо себя вести.

Миссис Ривз трепетной улыбкой дала понять, что оценила намек.

— Просто не могу себе представить,— сказала она, приходя в сильное нервное возбуждение.— Умоляю вас, скажите же — кто.

— Леди Кроудер! — торжественно объявил Энси.— Не правда ли, замечательная новость, моя дорогая?

— И когда она приезжает?

— Точно это мне неизвестно, дорогая. Вы понимаете, они на своей знаменитой яхте направляются сюда из Югославии. Я получил письмо от Бекки. Она пишет, что они намерены остановиться на несколько дней в Канне, и как только прибудут сюда, она меня известит.

— Какая изумительная жизнь! — завистливо вздохнула миссис Ривз.— Подумать только — иметь возможность путешествовать по свету на собственной яхте.

— Но они же баснословно богаты! — с некоторым даже оттенком возмущения сказал Энси, словно этот факт уже сам по себе являлся достаточным объяснением всех величайших достоинств, обнаруженных им в Кроудерах,— как оно в действительности и было.— К тому же в Избранных Кругах уже прошел слух, что лорд Кроудер (это сын леди Кроудер) обручился с Нормой Цвейтш — одной из самых очаровательных светских дебютанток этого года. Она, как вы понимаете, американка и баснословно богата тоже. Но, само собой разумеется, Цвейтши больше не живут в Америке. У них совершенно обворожительное имение в Лестершире, своя охота, и там бывает весь настоящий свет. Все находят, что это будет великолепный союз. Как это волнующе, не правда ли, дорогая?

— Потрясающе,— простонала миссис Ривз, хотя почему бракосочетание двух совершенно незнакомых ей людей, о которых она почти ничего не слышала, так ее потрясло — пусть на это ответят психологи и антропологи.

— Только никому ни слова,— спохватился Энси, внезапно испугавшись своей болтовни.— Обещайте мне! Это держится в строжайшей тайне.

Поскольку он поведал эту маленькую сплетню всего каким-нибудь сорока — пятидесяти слушателям и так же под величайшим секретом, можно было считать, что она действительно сохранялась в глубокой тайне.

— Конечно! Мне бы и в голову не пришло об этом болтать,— вся трепеща от возбуждения, завершила его миссис Ривз.

— Интересно, будет ли Норма тоже на борту? — мечтательно строил догадки Энси.— Вот это была бы лакомая новость для репортеров светской хроники. Я буду теперь просто дневать и ночевать в порту, дорогая, и постараюсь первым разузнать все.

— А у них на яхте будет много народу?

— Только самая избранная публика,— решительно заявил Энси.— Только Сливки Общества, и притом всего несколько человек. Кто именно, не знаю. Бекки была слишком утомлена и не сообщила мне имен. Вот потому-то я и думаю, что Норма там, у них. Но так или иначе, они не могут не устроить приема на яхте, и я это разузнаю. Будет, конечно, шампанское, мороженое, японские фонарики и танцы на палубе.

— Прямо как в сказке! — проворковала миссис Ривз.

— О да, да, это будет сказка,— горячо подтвердил Энси.— И я там буду. И намерен получить приглашение для вас тоже, моя дорогая.

— Ах, как это мило с вашей стороны,— благодарно ахнула миссис Ривз.

— Но вам придется приобрести себе по-настоящему элегантный туалет,— потребовал Энси.— Я отвезу вас завтра утром к Ланвену — у них есть здесь филиал — и погляжу, что там можно подобрать для вас. Дайте-ка подумать. Вам понадобится очень элегантное вечернее платье и еще, пожалуй, костюм для коктейля, на случай, если вас пригласят на яхту днем.

— А это будет... очень дорого стоить? — нерешительно спросила миссис Ривз.

— О нет, семь-восемь тысяч франков, не больше,— небрежно проронил Энси.— И за такую возможность, которая открывается сейчас перед вами, этих денег заплатить не жалко. Кроудеры знают всех.

Семь, а то и восемь тысяч франков! Но каким способом заставить мистера Ривза выбросить такую сумму на

почти не притронулся к ней; попросил налить ему еще бокал прекрасного старого бургундского и забыл его выпить. Мистер Ривз был человек гостеприимный, но такое поведение казалось ему идиотским. Затем во время обеда Энси зацепил обшлагом солонку и опрокинул ее на пол. Тут он разразился нескончаемыми причитаниями, утверждая, что это страшно дурная примета, и совершенно извел даже миссис Ривз, без конца возвращаясь к этой нудной теме и вопрошая себя, что же ему теперь делать, чтобы отвлечь нависший над его головой грозный удар судьбы. Может быть, телеграфировать об этом мадам Кутар? А может быть, не стоит? Может быть, просто помолиться богу? Или, может быть, достаточно будет прочесть кое-какие заклинания от злых духов, которыми обучила его мадам Кутар? Пожалуй, все-таки лучше послать телеграмму, а потом лечь в постель и не вставать, пока не придет ответ...

Мистер Ривз был сыт всем этим по горло. Энси совершенно испортил ему обед. Что-то сердито ворча себе под нос, он довольно бестактно отправился спать, не дождавсь, пока гость их покинет, а потом, когда миссис Ривз зашла в спальню и упрекнула мужа за этот светский *gaffe*, мистер Ривз позволил себе одно весьма неприличное выражение и совершенно категорически заявил, что не желает больше видеть у себя этого Энси, и будь он трижды проклят, если еще хоть раз впустит его в дом.

— Видеть я его не могу! — яростно кричал он. — Даже не верится, что это англичанин. Он действует мне на нервы.

Но, разумеется, такой пустяк не мог помешать миссис Ривз встречаться с Энси, особенно сейчас, когда прибытие Кроудеров ожидалось с минуты на минуту. На другое утро мистер Ривз, медленно бредя под палящим солнцем мимо бара «Мирамар», к крайнему своему изумлению и негодованию, увидел там миссис Ривз в обществе Энси и еще трех-четырех худощавых и очень элегантных молодых людей, с очень курчавыми волосами и в очень ярких пляжных костюмах. Скрывшись за пальмой, мистер Ривз смотрел на них во все глаза. Откуда, черт побери, их сюда принесло? Ни одного из этой шайки он прежде в глаза не видал. А где Марсель? Почему здесь нет Марсель?

В крайнем возмущении мистер Ривз повернулся к ним спиной и выпил свой аперитив в баре отеля.

В то время как непорочная связь миссис Ривз с Энси частенько лишала супруга ее общества, ему и с детьми

туалеты? Миссис Ривз была сильно озабочена. И потом как же Марсель? Миссис Ривз, будучи доброй матерью, старалась не упустить ни малейшей возможности для своей дочки...

— А как вы думаете,— робко спросила она,— как вы думаете, для Марсель тоже можно будет получить приглашение?

— Для Марсель? — рассеянно повторил мистер Хоукснитч, поглощенный прыщом у себя на шее.— О да, думаю, что да. Это можно устроить. Да, я уверен, что можно.

— Ах, огромное вам спасибо! — Миссис Ривз просто не находила слов от восторга.— Марсель будет безумно счастлива. Это такой подарок для нее.

Мистер Хоукснитч отвесил небрежный поклон. Марсель не представляла для него никакого интереса.

Миссис Ривз подняла такой шум вокруг яхты Кроудеров и так немисливо важничала по поводу обещанного ей приглашения, что мистера Ривза это совершенно выводило из себя.

— По-моему, тебе уже пора пуститься в пляс, мамочка,— сказал он, доведенный наконец до белого каления. И, заметив, что миссис Ривз ответила на это лишь презрительным взглядом, добавил: — И если уж тебе так хочется поплясать, давай я тебе спою.

И запел — на мотив популярной народной песенки:

— Плывут к нам Кроудеры, тра-ля, тра-ля, ля-ля!

Миссис Ривз была вне себя. О, как ненавидела она эти вспышки провинциальной вульгарности! И чего только она не делала, чтобы отучить от них Джона и привить ему более изысканные манеры. Но нет, он, как видно, неисправим. Придется махнуть на него рукой и предоставить его самому себе.

В сущности, мистер Ривз был уже давно и более чем когда-либо предоставлен самому себе — за исключением тех случаев, когда от него нужно было что-нибудь получить.

Миссис Ривз пригласила Энси пообедать с ними, и он тотчас заявил ей, что мистер Ривз отнюдь не выглядит больным — он, должно быть, просто симулирует. Мистер Ривз нашел это заявление весьма наглым. Его задело также то, что Энси с небрежной бесцеремонностью наложил себе на тарелку огромную порцию foie gras, а затем

почти не притронулся к ней; попросил налить ему еще бокал прекрасного старого бургундского и забыл его выпить. Мистер Ривз был человек гостеприимный, но такое поведение казалось ему идиотским. Затем во время обеда Энси зацепил обшлагом солонку и опрокинул ее на пол. Тут он разразился нескончаемыми причитаниями, утверждая, что это страшно дурная примета, и совершенно извел даже миссис Ривз, без конца возвращаясь к этой нудной теме и вопрошая себя, что же ему теперь делать, чтобы отвратить нависший над его головой грозный удар судьбы. Может быть, телеграфировать об этом мадам Кутар? А может быть, не стоит? Может быть, просто помолиться богу? Или, может быть, достаточно будет прочесть кое-какие заклинания от злых духов, которыми обучила его мадам Кутар? Пожалуй, все-таки лучше послать телеграмму, а потом лечь в постель и не вставать, пока не придет ответ...

Мистер Ривз был сыт всем этим по горло. Энси совершенно испортил ему обед. Что-то сердито ворча себе под нос, он довольно бестактно отправился спать, не дождавшись, пока гость их покинет, а потом, когда миссис Ривз зашла в спальню и упрекнула мужа за этот светский *gaffe*, мистер Ривз позволил себе одно весьма неприличное выражение и совершенно категорически заявил, что не желает больше видеть у себя этого Энси, и будь он трижды проклят, если еще хоть раз впустит его в дом.

— Видеть я его не могу! — яростно кричал он. — Даже не верится, что это англичанин. Он действует мне на нервы.

Но, разумеется, такой пустяк не мог помешать миссис Ривз встречаться с Энси, особенно сейчас, когда прибытие Кроудеров ожидалось с минуты на минуту. На другое утро мистер Ривз, медленно бредя под палящим солнцем мимо бара «Мирамар», к крайнему своему изумлению и негодованию, увидел там миссис Ривз в обществе Энси и еще трех-четырех худощавых и очень элегантных молодых людей, с очень курчавыми волосами и в очень ярких пляжных костюмах. Скрывшись за пальмой, мистер Ривз смотрел на них во все глаза. Откуда, черт побери, их сюда принесло? Ни одного из этой шайки он прежде в глаза не видал. А где Марсель? Почему здесь нет Марсель?

В крайнем возмущении мистер Ривз повернулся к ним спиной и выпил свой аперитив в баре отеля.

В то время как непорочная связь миссис Ривз с Энси частенько лишала супруга ее общества, ему и с детьми

приходилось видаться не так уж часто. Надо сказать, что дети — не только послушно, а даже вполне искренне — в одном соглашались с отцом: Энси совершенно невыносим, и они его терпеть не могут. Это доставило мистеру Ривзу такую жгучую радость, что он немедленно снабдил их просимой и довольно значительной суммой карманных денег. Однако, в конечном счете, все свелось к тому, что дети, словно сговорившись, тут же испарились и появлялись только в часы приема пищи, да и то не всегда. Мистер Ривз был удивлен. Какое занятие, вопрошал он себя, можно найти здесь, в Канне, чтобы предаваться ему все дни и почти все вечера? Для него самого время в промежутках между едой тянулось что-то слишком медленно...

Именно в этот момент истории человечества миссис Ривз наступила на банановую кожуру...

Миссис Ривз в чрезвычайно приподнятом состоянии, стремительно, и слегка прихрамывая, влетела в спальню и резко нарушила мирный послеполуденный сон своего супруга.

— Что случилось, что случилось? — испуганно спросил мистер Ривз. — Что такое еще стряслось?

Миссис Ривз принялась рассказывать — многословно и не слишком вразумительно. Мало-помалу из ее бесчисленных повторений и патетических восклицаний мистеру Ривзу удалось составить более или менее связный рассказ. Как можно было умозаключить, миссис Ривз сегодня после полудня назначила Энси свидание в одной из фешенебельных кафе-кондитерских в Канне. Спеша туда по людному маленькому переулочку, она наступила на кусок банановой кожуры, — без сомнения, брошенной каким-нибудь обнищавшим великим князем в изгнании. Поскользнувшись, она непременно упала бы, — по ее мнению, прямо под пронесившейся мимо со скоростью сорока миль в час «роллс-ройс», — если бы не железная рука и не молниеносная быстрота действий некоего галантного незнакомца, спасшего ее от неминуемой гибели, в результате чего она отделалась лишь растяжением сухожилия.

В этом месте повествования мистер Ривз позвонил и распорядился, чтобы принесли растирание.

Незнакомец продолжала миссис Ривз, держался с величайшей учтивостью, разогнал собравшуюся толпу зевак и помог ей добраться до скамейки, где она посте-

пенно пришла в себя от потрясения. После этого он разыскал такси, представился, дал ей свою визитную карточку, осведомился о том, как ее зовут, где она остановилась и испросил разрешения справиться о ее здоровье на следующий день.

Джентльмен этот, сказала миссис Ривз, оказался австрийским бароном. В подтверждение чего она показала мужу его визитную карточку:

*Baron de Holbach,
Schlos Adlerstein
Autriche*

Мистер Ривз с интересом поглядел на карточку. На его беду, он всю жизнь был поглощен делами, и у него не оставалось времени на пустяки. Иначе ему могло бы прийти на память, что барон Гольбах был философом и жил в восемнадцатом столетии. Он мог бы заметить также, что австрийская знать пользуется приставкой «фон», а не «де». Что слово «Schloss» пишется через два «s», а не через одно. Что «Замок Адлерштейн» — это вообще не адрес. И что любой австриец слишком высокого мнения о своей стране, чтобы именовать ее иначе, чем «Oesterreich».

— Хм,— произнес мистер Ривз, на которого визитная карточка произвела впечатление,— барон, а? Холбак, Холбак... Забавные имена у этих иностранцев.

Как только прибыло растирание, мистер Ривз нежно, с величайшей осторожностью, принялся массировать колено своей супруги. Он извлек откуда-то марлевый бинт: «Ага, вот видишь, я правильно сделал, что захватил его с собой!» — и тщательно, хотя и довольно неумело, забинтовал колено миссис Ривз тем особым способом, при котором повязка неминуемо должна была слететь, как только пострадавшая сделает попытку стать на ноги. После этого, чтобы пациентке не было скучно, он взял начатый им детективный роман и принялся читать его вслух с того места, на котором остановился.

Пока мистер Ривз развлекал таким образом больную, она во время одной из пауз воспользовалась благоприятно сложившейся обстановкой, чтобы заручиться обещанием супруга дать ей денег на приобретение туалетов для кроудеровских приемов. Мистер Ривз, обеспокоенный постигшим жену несчастьем, дал обещание с легкой душой. Миссис Ривз подумала было, не попросить ли сейчас денег и для Энси, однако решила воздержаться. Это

она сделает после того, как Энси отвезет ее и Марсель на яхту к Кроудерам. Миссис Ривз начинала мало-помалу постигать некоторые тонкости светской жизни.

Наутро, подавая в спальню завтрак, официант принес небольшое письмецо. Барон де Гольбах просит миссис Ривз принять его заверения в совершенном почтении и выражает надежду, что этот злосчастный случай не нанес ей слишком тяжких телесных повреждений. Барон вполне отдает себе отчет в том, сколь необычен столь ранний визит, но уповает на то, что обуревающая его тревога о здоровье благородной дамы послужит достаточным тому извинением, а угнетающий его страх будет развеян хотя бы крошечной запиской. Барон питает также надежду, что ему будет дозволено засвидетельствовать свое почтение мадам Ривз и ее уважаемому супругу при более благоприятных обстоятельствах.

До крайности польщенная, если не сказать обольщенная, миссис Ривз просила передать барону на словах тысячу благодарностей за его любезность.

На следующий день в самом начале двенадцатого — что ни говори, мистер Ривз стал слишком засиживаться за утренним завтраком в эти жаркие дни — мистер и миссис Ривз вышли из отеля вдвоем. Какой-то мужчина, с терпеливым упорством, свойственным нищете, наблюдавший за подъездом отеля, поднялся со скамейки и, держась на почтительном расстоянии, последовал за ними.

Мистер и миссис Ривз направились в контору Кука, чтобы взять деньги на туалеты для кроудеровских приемов.

Мужчина вошел туда же следом за ними, сделал при виде миссис Ривз удивленное лицо, затем приподнял шляпу, отвесил низкий поклон и осведомился о ее здоровье. Это был барон.

Мистер Ривз тем временем занимался своим делом возле кассы. Потом, держа в руках десять тысячефранковых билетов, он возвратился к миссис Ривз и протянул ей, не обратив ни малейшего внимания на стоявшего рядом незнакомца.

— Ну вот, мамочка, — произнес он. — Теперь попробуй сказать, что я ничего для тебя не делаю.

Миссис Ривз молча спрятала деньги в сумочку и представила мужу барона. Барон был в восторге, что

ему наконец довелось познакомиться с мистером Ривзом. Мистер Ривз поблагодарил барона за проявленную им заботу о миссис Ривз. Барон сказал, что об этих пустяках не стоит даже вспоминать; оказать помощь такой очаровательной даме было для него самым приятным долгом. Миссис Ривз пригласила барона отобедать с ними на следующий день. Барон был восхищен, очарован и тут же, в свою очередь, предложил, не выпить ли им пока что... стаканчик аперитива?

Мистер Ривз отказался. Ему не понравился этот барон — он был похож на проходимца; казалось, он может подставить подножку, а потом попросить у вас полкроны за то, что помог вам встать. Метнув на мужа негодующий взгляд, миссис Ривз приняла приглашение. Подумать только, так грубо обойтись с бароном! Мистер Ривз промычал свое «хм» и, распрощавшись с супругой и бароном у выхода из конторы Кука, отправился пить свой аперитив один. Все эти бароны были мистеру Ривзу совершенно ни к чему. Вот если бы сюда старину Джо Саймонса...

Было около часу, когда мистер Ривз — он решительно настаивал на соблюдении режима даже во Франции — поднялся к себе в спальню, чтобы умыться перед обедом. К полному своему ужасу, он обнаружил там миссис Ривз, в горьких рыданиях распростертую ничком на постели.

— Вот те раз! — воскликнул мистер Ривз. — Что случилось опять? Коленка разболелась?

Миссис Ривз подняла опухшее от слез лицо, бросила на мужа исполненный отчаяния взгляд, покачала головой и снова с рыданиями уткнулась в подушку. Мистер Ривз на цыпочках приблизился к постели, словно к одру тяжелобольного, и осторожно погладил жену по голове.

— Полно, полно! — нежно пробормотал он. — Ну зачем так расстраиваться. Сердце у меня переворачивается, когда ты плачешь. Скажи, что случилось?

Миссис Ривз подняла голову.

— Не могу! — трагически произнесла она. — Это слишк о м ужасно.

И снова уткнулась лицом в подушку.

Мистер Ривз продолжал гладить ее по голове; лицо его приняло испуганно-жалобное выражение. Он совершенно не выносил женских слез. Создавая женщину, Природа преследовала две цели: во-первых, продолжение рода человеческого и, во-вторых, проявление заботы об

ушедших на покой дельцах, исходя из чисто экономических соображений, целиком отвечающих интересам женщин. Мистер Ривз не питал ни малейших иллюзий на этот счет. Женщина может плакать, а мужчина должен платить.

— Ну, полно, полно,— повторил он снова.— Этак не годится. Успокойся, оденься и давай спустимся вниз. Пора уже кушать.

— Я не хочу кушать,— горестно всхлипнула миссис Ривз.

— Не хочешь кушать? — возмутился мистер Ривз.— Это еще что такое! Ну, а я хочу. Я даже порядком проголодался. У них сегодня в меню омары. Ну, Джейн, будь умницей и расскажи мне, в чем дело. Может быть, я могу чем-нибудь помочь.

— О нет, не можешь,— глухо пробормотала миссис Ривз.

— Что, может, Кроудеры не приехали? — сочувственно спросил мистер Ривз.

— Х у ж е! — простонала миссис Ривз.

— Как, даже еще хуже? — весело спросил мистер Ривз.— Неужели твой приятель мистер Хоукснитч записался добровольцем на фронт?

Этот оскорбительный вопрос заставил миссис Ривз поднять хотя и заплаканное, но негодующее лицо и сесть на кровати.

— У меня украли сумочку,— драматически произнесла она,— со всеми деньгами!

И снова громко разрыдалась.

— Украли сумочку? — переспросил мистер Ривз.— Как это так? Кто мог ее украсть? Как это произошло?

— Барон! — всхлипнула миссис Ривз.

— Барон?

— Я хотела пойти в «Мирамар»,— рыдала миссис Ривз,— но он сказал, что туда ходят только иностранцы, а он покажет мне что-то по-настоящему французское. И повел меня в одно из этих кафе, где было полным-полно каких-то женщин, которые трещали без умолку и поедали пирожные. Он заказал два бокала портвейна...

— Портвейна! — в ужасе повторил мистер Ривз.— Хорошенький аперитив, черт побери!

— Потом он сказал, что я должна выбрать себе пирожное. Я сказала, что мне совсем не хочется пирожного, но он так уговаривал, так настаивал, что я по-

дошла к стойке, чтобы выбрать что-нибудь — просто из вежливости.

— Чрезмерная вежливость иной раз может выйти боком, — сентенциозно изрек мистер Ривз.

— Около этой стойки толпилась целая куча каких-то женщин, и все они старались протиснуться поближе и толкались, и мне пришлось целую вечность ждать, пока дадут это дурацкое пирожное. А когда я вернулась к столику, барона и след простыл!

— Ушел на французский манер, не попрощавшись? — спросил мистер Ривз. — Но как же ты не видела, когда он уходил?

— Да там два выхода — на разные улицы, — жалобно отвечала миссис Ривз. — Мы сидели как раз возле одной из дверей, а стойка там совсем в другом углу.

— Хм, — произнес мистер Ривз, — ловкий мошенник. Но почему же ты не подняла тревогу?

— Потому что я не сразу хватилась сумочки. Я сначала подумала, что он просто зачем-нибудь отошел на минутку. Ну я и ждала и ждала, но он так больше и не появился. Потом мне захотелось попудриться, я стала искать сумочку, а ее там как не бывало.

— Ясно, откуда бы ей там быть, — в раздражении воскликнул мистер Ривз. — Какого же черта ты не взяла ее с собой?

— Я никак не думала... — жалобно простонала миссис Ривз.

— А, ты никогда не думаешь, — отрезал мистер Ривз.

— Я была в таком отчаянии, я искала ее повсюду, — продолжала миссис Ривз, пропустив оскорбление мимо ушей. — Я даже отодвинула стол и тут заметила, что из-под тарелки высовывается бумажка в пятьдесят франков. А в нее была вложена вот эта записка.

Мистер Ривз взял обрывок бумаги и прочел наспех нацарапанные карандашом каракули: «Я прошу у Вас прощения, но я очень бедный, а вы богатый».

— Хм, — произнес мистер Ривз, — мы недолго будем богаты, если такие штуки станут повторяться. Ты сказала там, в кафе, чтобы хозяин позвонил в полицию?

— Я как-то не подумала об этом, я была слишком расстроена!

— И дала ему возможность удрать подальше? — насмешливо сказал мистер Ривз. — Он сейчас уже катит себе в Марсель или в Париж. Ну, ничего не поделаешь, снявши голову, по волосам не плачут.

— Но мои платья!

— Теперь тебе придется обойтись без них,— сказал мистер Ривз, считая, что миссис Ривз должна понести наказание за свое легкомыслие.

— Но они делались для меня по специальному заказу, и я уже уплатила аванс в тысячу франков.

— Как это так? Почему «по специальному»?

— Потому что в готовом виде у них не было ничего достаточно элегантного,— пояснила миссис Ривз, снова роняя слезы.— И Энси сказал, что единственный выход — заставить их повторить две выпущенные ранее специальные модели. Под каким же предлогом я их теперь не возьму? Платья сидят безукоризненно. Как же я ни с того ни с сего вдруг откажусь от них?

С минуту мистер Ривз не мог вымолвить ни слова — так был он рассержен и возмущен.

— Хм,— промычал он наконец.— Хм, так ты, значит, не можешь отказаться? Ну, если ты будешь действовать подобным образом и дальше, я очень скоро вылечу в трубу. А твоему мистеру Энси переломая кости, попадись он мне только. Теперь нам придется дважды оплатить эти твои дурацкие модные платья, которые тебе, в сущности, ни на черта не нужны, а я вынужден буду запросить из Лондона новый аккредитив. Первого аккредитива нам должно было хватить по меньшей мере на три месяца, а мы его прикончили за каких-нибудь пять недель.

— О господи, я сама так расстроена,— в слезах лепетала миссис Ривз.— Но я же не виновата, Джон. Я же не знала. Ну, кому пришло бы в голову не доверять барону?

— Он такой же барон, как я,— сердито сказал мистер Ривз.— Чертов жулик. Ладно, спускайся обедать, и мы скажем управляющему отелом, чтобы он позвонил в полицию.

— Я не хочу обедать.

— Прекрасно,— сказал мистер Ривз.— А я хочу. Если надумаешь, позвони, распорядись, чтобы тебе подали что-нибудь в номер. И разреши мне дать тебе на будущее совет, Джейн: поменьше ты якшайся со всеми этими бездельниками — баронами, кроудерами, фэдди-мен-фишами и прочей шантрапой, а побольше уделяй внимания семье и дому.

И с этими словами мистер Ривз с большим достоинством покинул спальню, но, к сожалению, чуть-чуть нарушил стиль, слишком громко хлопнув в сердцах дверью.

Миссис Ривз пригласили к телефону. Она взяла трубку с большой неохотой — французские телефоны по какой-то необъяснимой причине нагоняли на нее страх.

Однако голос Энси служил достаточной гарантией, что ей не придется разговаривать по-французски.

— Я узнал об этой ужасной трагедии с вашей сумочкой,— возбужденно сказал Энси.— Моя дорогая! Как это невыразимо-непередаваемо чудовищно! Вы, должно быть, в совершенном отчаянии!

— Я была ужасно расстроена,— пропела миссис Ривз.— И хотя Джон был такой ангел, все же это большая потеря.

— Неужели полиция не может разыскать этого типа,— раздраженно сказал Энси.— Они совершенно не знают своих обязанностей.

— В полиции отнеслись очень сочувственно и были очень милы,— сказала миссис Ривз.— Но до сих пор ничего не могут найти.

— Ну что ж, дорогая, вам остается только одно — не унывать,— заявил Энси с тем замечательным стоицизмом, который он всегда умел проявить, если кого-нибудь постигала беда.— А теперь послушайте: у меня для вас великолепные новости.

— Вот как! Что такое?

— Яхта лорда Кроудера вчера стала на якорь здесь в порту,— сообщил Энси; голос его так дрожал от возбуждения, словно он извещал о наступлении Страшного суда.— Не правда ли, замечательная новость? Бекки сразу же, как только они прибыли, известила меня, и я, конечно, буквально со всех ног бросился в порт, и мы упали друг другу в объятия. Бекки загорела и выглядит восхитительно, неподражаемо! Ну, а теперь еще одна новость. Вы догадываетесь, дорогая?

— Нет, а что? — вся вибрируя, спросила миссис Ривз.

— Норма Т А М, на борту! Они пытались скрыть это, разумеется, но я заглянул во все иллюминаторы по очереди и видел ее своими собственными глазами. Она была вся в белом — дорогая крошка — и ела персики. Я уже написал миллион писем — всем сообщил. Все будут так взволнованы. Вы понимаете, ведь до сих пор еще никто ни в чем не был уверен. Не правда ли, я умник? Ну похвалите же меня, дорогая.

Миссис Ривз напрягла все свои умственные способ-

ности, стараясь найти новые слова для восхваления избретательности Энси, но фантазия изменила ей, и она вынуждена была ограничиться уже использованными ранее комплиментами. Они еще немножко потолковали о том, как неподражаем Энси. А затем:

— Когда же предполагается прием? — робко осведомилась миссис Ривз.

— Ну как я могу это знать, дорогая, — с легкой досадой отвечал Энси. — Вы не должны быть так чудовищно нетерпеливы. Столь серьезные дела не устраиваются в пять минут. Я позвоню вам, как только получу для вас приглашение. А теперь, дорогая, вы уже приготовили для меня чек?

— К сожалению, еще нет, — в большом смущении ответила миссис Ривз. — Вы понимаете, я как раз собиралась попросить у Джона чек, когда у меня украли сумочку. А это означало, что за платья придется заплатить дважды. Джон был так всем этим расстроен, что я просто не решилась говорить с ним о чеке.

— Видите ли, дорогая, я понимаю, что все это очень трагично и всякое такое, — сухо сказал Энси. — Но, право же, я не понимаю, почему я должен находиться в состоянии мучительного ожидания, если у вас украли сумочку. Вы просто крайне невнимательны ко мне. Вероятно, вы преспокойно позволили бы мне умереть голодной смертью, если бы я порой не отстаивал свои права.

Миссис Ривз нервно запротестовала.

— Хорошо, хорошо, дорогая, — с большим достоинством прервал ее Энси. — Но пока я не получу от вас того, что, по чести, давно мне причитается, я буду считать, что вы недостаточно цените мою дружбу. До свидания.

Страшно взволнованная полученным сообщением, миссис Ривз поднялась к себе в спальню и осторожно достала из гардероба два новых платья. Что, интересно, должно произойти раньше — фэйф-о-клок или вечерний прием? Подумать только — у Кроудеров! Какая ослепительная перспектива! Миссис Ривз была так взвинчена, что боялась отлучиться из отеля даже на пять минут и не один час провела в ожидании нового звонка от Энси. Когда же она все-таки почувствовала необходимость хотя бы на несколько секунд выйти из отеля — подышать свежим воздухом, то совершенно замучила портье, раз двадцать напомнив ему, что она ждет крайне важный телефонный звонок. Трепеща от волнения, миссис Ривз

сообщила Марсель потрясающую новость, предупредив, чтобы та тоже не отлучалась из отеля на случай, если приглашение поступит еще сегодня. Однако Марсель с обычным и непростительным легкомыслием молодости, по-видимому, не придавала особого значения этому потрясающему известию и, как всегда, куда-то испарилась. Миссис Ривз с горечью подумала о том, как недалёковидны и неблагодарны дети.

В этот день телефонного звонка так и не последовало, хотя миссис Ривз героически просидела в ожидании его почти до полуночи.

На свою беду, миссис Ривз не догадалась спросить Энси, в каком отеле он остановился, и потому не могла позвонить ему сама. Наутро — по-прежнему никакого звонка. Бледная, встревоженная, миссис Ривз сидела в напряженном ожидании, разрядить которое отнюдь не помогало элегантно насвистывание мистера Ривза на популярный мотив: «Плывут к нам Кроудеры, тра-ля, тра-ля, ля-ля...»

А в довершение ко всему еще новая забота... Бейзилу вдруг ни с того ни с сего совсем разонравился Канн, и он ощутил непреодолимое стремление отправиться в Монте-Карло. По-видимому, «помолвка», на которую он рассчитывал, оказалась пустой мечтой. Бейзил в два счета смотался бы в Монте-Карло, если бы — доверительно сообщил он миссис Ривз — ему удалось заставить старика немного раскошелиться. Миссис Ривз молила Бейзила повременить с этой просьбой хотя бы до тех пор, пока столь важное для нее светское мероприятие не будет завершено. Как знать? Быть может, Бейзил получит приглашение тоже...

К одиннадцати часам, когда сравнялись сутки после исторического звонка Энси, миссис Ривз была уже как на иголках. Не в силах выносить долее это лихорадочное ожидание, она отправилась в «Мирамар-бар» и просидела там почти до часу дня, впиваясь глазами во всех прохожих в надежде увидеть Энси или даже Бекки.

Ни Энси, ни Бекки.

После обеда и вплоть до сумерек миссис Ривз неутомимо курсировала между отелем и баром, невзирая на удушливую жару. Всякий раз, возвращаясь в отель, она с надеждой смотрела на портье, и всякий раз он огорченно и сочувственно, но отрицательно покачивал головой. Наконец часов около шести миссис Ривз увидела Энси: он сидел в «Мирамар-баре» с какими-то

незнакомыми ей веселыми молодыми людьми. Сначала он попытался сделать вид, будто не замечает ее, но когда стало очевидно, что она направляется прямо к его столику, встал и двинулся ей навстречу с совершенно недвусмысленным намерением освободить себя от необходимости приглашать ее присоединиться к их компании.

— Привет, дорогая! — томно процедил он. — Какживаете? Я вижу, вы изнемогаете от жары.

От жары! Миссис Ривз и в самом деле изнемогала от жары, от беготни взад и вперед по улице в самый солнцепек, от раздражения, от тревоги...

— Почему же вы не позвонили мне, как обещали? — возмущенно спросила она, потеряв над собой контроль, а вместе с ним и свою обычную слащавость.

— О, вы ждали моего звонка? — небрежно проронил Энси.

— Разумеется, ждала! Вы же сказали, что позвоните мне, как только получите для меня приглашение на яхту к Кроудерам!

— Разве я так сказал? — еще небрежнее промямлил Энси. — Да, кажется, я действительно говорил. Но, видите ли, дорогая, просто не было никакого смысла звонить.

— Почему же?

— Потому что Кроудеров уже нет.

— Нет? — в тоске и муке воскликнула миссис Ривз. — Их нет? Вы хотите сказать, что они уехали?

— Они отплыли в Геную сегодня днем. Я завтракал с ними...

— О! — воскликнула миссис Ривз вне себя от разочарования и гнева. — И это после всего, что вы мне обещали...

— Но проявите хоть чуточку благоразумия, дорогая, — прервал ее Энси. — Разве я виноват в том, что Кроудеры не давали приема в этом году? С ними была Норма, и, быть может, они не хотели, чтобы это стало известно всем и каждому. И если они отбыли раньше, чем предполагали, так это тоже не моя вина.

— О! — снова повторила миссис Ривз, вся дрожа от еле сдерживаемого негодования и чувствуя, что слезы готовы брызнуть у нее из глаз. — И вы еще заставили меня приобрести такие дорогие туалеты!

— Право же, дорогая, — оскорбленным тоном возразил Энси, — я просто не понимаю, о чем вы толкуете. Я пожертвовал своим драгоценным временем и своими познаниями по части элегантной одежды, чтобы помочь

вам приобрести два-три красивых туалета, а вы вместо благодарности злобно обрушиваетесь на меня с какими-то неприличными упреками. Мне кажется, вам следовало бы лучше позаботиться о том, чтобы мистер Ривз выписал мне чек...

У миссис Ривз в эту минуту вертелось на языке очень многое, но глаза ее были полны слез, и голос изменил ей от волнения. Она почувствовала, что, если сейчас откроет рот, ей уже не совладать с собой и она закатит Энси публичную сцену. И, закусив губу, чтобы не разрыдаться, миссис Ривз молча повернулась и торопливо направилась назад к себе в отель. И, лишь оставшись одна в уединении своей спальни, она бросилась на постель и дала волю слезам. После всего, что она от него терпела, после всех трат, на которые он ее толкал, так обойтись с ней!

— Мерзкое животное! — всхлипывала миссис Ривз. — Жалкий, ничтожный аристократишка!..

В этот вечер семейство Ривз село ужинать в довольно унылом настроении. Марсель, и всегда мало разговорчивая в домашней обстановке, на сей раз в своем лаконизме превзошла даже легендарных спартанцев — ее мысли явно витали где-то далеко. Бейзил сидел с надутым и скучающим видом. Миссис Ривз молча страдала, кляня самое себя, и время от времени тяжело вздыхала, раздумывая над превратностями светской жизни. Что же касается мистера Ривза, у которого не имелось особых причин для расстройства, то он был слегка подавлен качеством еды. Рыба показалась ему явно не свежей, *quenelles*¹ никогда не были излюбленным блюдом мистера Ривза, а цыплята уже здорово ему поднадоели.

Когда ужин подходил к концу, миссис Ривз обратилась к супругу, проворковав с обычной своей сладкой улыбкой:

— Не думаешь ли ты, Джон, что раз уж мы здесь, было бы обидно не познакомиться вообще со всей Ривьерой? Разве не интересно побывать, например, в Монте-Карло?

Миссис Ривз чувствовала, что Канн ей опротивел; он был ареной слишком многих неудач и поражений: украденная сумочка, утраченные Кроудеры. К тому же ей очень хотелось хоть на время избавиться от Энси с его бесконечными напоминаниями о чеке, о чеке, о чеке!

---

¹ Кнели (*фр.*).

Но она понимала, что нет нужды обременять мистера Ривза всеми этими соображениями. Ее предложение удивило мистера Ривза — его простая душа то и дело испытывала удивление. Он только что заказал двойную порцию коньяка, чтобы немножко освежиться, и, вытирая пот со лба, ответил:

— Что такое? Путешествовать по Ривьере в эту тропическую жару? Ты, верно, рехнулась, мамочка! Даже когда сидишь, не двигаясь, и то можно расплавиться от жары.

— А мне бы очень хотелось проехаться, — сказала миссис Ривз с отлично разыгранным энтузиазмом. — И я уверена, что Бейзил тоже бы не отказался.

Тут она бросила многозначительный взгляд Бейзилу, как бы говоря: «Вот, смотри, как ловко устраиваю я все это для тебя!» Но путешествие вместе с мамашей совсем не входило в планы Бейзила.

— Я сам думал о том, чтобы поехать в Ниццу и в Монте-Карло на несколько дней, — сказал он, хмуро поглядев на мать. — Этот Канн — скучнейшее место. Но тебе-то, мама, зачем тащиться туда, да еще в такую жару. Я прекрасно съезжу один.

— Но почему бы нам не отправиться всем? — жалобно спросила миссис Ривз. — Мы теперь не так часто бываем в м е с т е. Мне уже хочется уехать из этого Канна.

Мистер Ривз решил, что он ослышался: не могла Джейн произнести того, что она произнесла.

— Тебе хочется уехать из Канна?! — воскликнул он, не веря своим ушам. — А я думал, ты жаждешь провести здесь все лето! По-моему, ты всего два-три дня назад говорила, что сезон в Канне только начинается? Я тебя решительно не понимаю, Джейн.

На тридцатом году супружества пора было бы освоиться с этим вполне очевидным фактом, но миссис Ривз не стала подчеркивать его неоспоримость.

— Вот именно, — сказала она с большой *finesse*¹. — Сейчас летний сезон уже в самом разгаре, и как раз поэтому мне хотелось бы побывать в Ницце и в Монте-Карло. Здесь нам уже больше нечего делать, и наконец мы можем вернуться обратно, если захотим.

— Раз уж ты готова покинуть Канн, — с затаенной надеждой произнес мистер Ривз, сознавая, однако, всю бесполезность этой попытки, — почему бы нам не вернуться домой? Дома куда прохладнее и...

---

¹ Тонкостью, хитростью; здесь: находчивостью (*фр.*).

— Я не хочу возвращаться домой,— решительно оборвала его миссис Ривз.— Я хочу поехать в Монте-Карло. И дети хотят тоже.

— Ну, а я не хочу, черт меня побери! — не выдержал мистер Ривз.— Официант! Принесите мне еще коньяку.

— И я тоже не хочу,— внезапно включилась в спор Марсель.— Во-первых, слишком жарко, а во-вторых, Канн — прелесть. Я останусь здесь с папочкой, а ты, мама, поезжай с Бейзилом.

— Нет, нет,— поспешно сказал Бейзил.— Вы все оставайтесь здесь, а я поеду немного проветриться один. Ведь ты, мама, хочешь ехать только ради меня.

— Ничего подобного, мне самой интересно там побывать,— настаивала миссис Ривз.

— Так ты предпочитаешь остаться со своим старым папочкой, вместо того чтобы прокатиться по Ривьере? — обратился мистер Ривз к Марсель, восхищенный таким проявлением дочерней привязанности.— Да, кисанька? Ну что ж, ну что ж, ну что ж!

— Да, папочка,— сказала Марсель, разглядывая узор на скатерти.

— Прекрасно,— обрадованно сказал мистер Ривз.— Двое хотят ехать, и двое хотят остаться. Ты, Джейн, отправляйся с Бейзилом в Монте-Карло, хотя какого черта вздумалось тебе таскаться по побережью, когда термометр показывает девяносто градусов в тени и можно спокойно и уютно сидеть никуда не двигаясь, этого я, хоть убей, не пойму. Ну а Марсель и ее старый папочка останутся тут. Верно, утеночек?

— Да, папочка,— не поднимая глаз, ответила Марсель.

Бейзил привел длиннейшую цепь доказательств, в конечном счете неопровержимо свидетельствовавших о том, что он должен ехать один.

— Конечно, дорогой,— нежно сказала миссис Ривз.— Но, поскольку я тоже хочу поехать туда, нет никакой причины, почему бы нам не поехать вместе. Я не стану посягать на твою свободу.

— Когда же вы хотите отправиться? — спросил мистер Ривз.

— Завтра утром,— сказала миссис Ривз.— Мы поедem туристским автобусом, Бейзил, чтобы получше все посмотреть. Билеты ты можешь взять у Кука. Нам понадобится немножко денег, Джон.

— Ну, хорошо, хорошо,— безропотно согласился ми-

стер Ривз.— Только не просадите их все в рулетку. Советую вам вообще туда не заглядывать. Это жульническая игра, если хотите знать мое мнение...

На следующее утро мистер Ривз в самом благодушном настроении проводил путешествующую половину своего семейства до остановки автобуса. По дороге они зашли в контору Кука, где он запасся для них билетами, деньгами и адресом роскошного, но вполне респектабельного отеля в Монте-Карло. Он напутствовал их благоразумным советом не забывать, что они путешествуют по чужой стране, просил немедленно сообщить ему, если им вздумается перекусить в другой отель, поцеловал миссис Ривз и пожелал им хорошо повеселиться.

Сам мистер Ривз провел невеселый день. Жара свирепствовала как никогда, и он уже начал побаиваться солнечного удара. Поговорить было не с кем. Хотя Марсель и дала понять, что она намерена проводить время со своим дорогим папочкой, мистеру Ривзу не удалось ни разу увидеть ее за целый день. Он в одиночестве съел обед, потом удалился к себе на время сиесты, после чего тихонечко побрел в кафе под платанами и написал длинное письмо Джо Саймонсу. В общем, это был унылый день — слишком тоскливый для человека, который наконец достиг того, к чему всю жизнь стремился.

Возвратившись в отель в начале восьмого, мистер Ривз осведомился у портье о Марсель и узнал, что она взяла ключ и поднялась к себе в номер. Мистер Ривз кивнул, поблагодарил, тоже поднялся наверх по лестнице, умылся, переделся и спустился в вестибюль, где вся семья обычно встречалась, чтобы вместе отправиться ужинать. Но Марсель еще не было. Мистер Ривз, чтобы протянуть время, сидел, потягивая маленькими глоточками очень скверный херес, затем снова направился к портье. Может быть, мисс Ривз уже ушла? Нет. Так она все еще у себя? Да. Портье был совершенно уверен, что она взяла ключ, поднялась наверх и не покидала после этого отеля. В подтверждение своих слов он указал на пустой крюк для ключа.

«Странно! — подумал мистер Ривз.— Чего ради торчит она столько времени у себя в комнате, что ей там делать?» Медленно, чтобы не запариться окончательно, мистер Ривз поднялся по лестнице, прошел по коридору

до номера Марсель и хотел отворить дверь этой девичьей кельи. Дверь была заперта. Мистер Ривз тихонечко постучал. Никакого ответа. Мистер Ривз постучал сильнее. Никакого ответа. Мистер Ривз властно стукнул кулаком в дверь. По-прежнему никто не отзывался.

— Пора ужинать, утеночек! — прокричал мистер Ривз в замочную скважину. — Ты что, уснула?

Ответа не последовало. Мистер Ривз встревожился. Солнечный удар!

— Ты не заболела, мышонок? — очень обеспокоенный, закричал мистер Ривз. — Я знаю, что ты там, — мне сказал портье. Если тебе плохо и ты не можешь двинуться, я велю им выломать дверь.

За дверью внезапно послышалась какая-то возня, затем раздался голос Марсель:

— Я сейчас, папочка. Обожди минутку.

Мистер Ривз обождал. Обождal еще. Возня продолжалась. Что за черт... Мистер Ривз изо всей мочи стукнул кулаком в дверь.

— Да что ты там возишься столько времени? — раздраженно крикнул он в замочную скважину.

Пришлось подождать еще. Затем внезапно дверь распахнулась, и, к ужасу мистера Ривза, перед ним предстала Марсель в халате, накинутом на сорочку, а рядом с ней какой-то незнакомый ему молодой человек.

— Марсель!

В этот миг раздался два удара в гонг — вторичный призыв к ужину. Но мистеру Ривзу было не до ужина. Он с укором и тоской смотрел на Марсель и с возмущением и ненавистью — на молодого человека.

— Какого... какого... какого дьявола все это значит? — запинаясь, прохрипел он наконец.

— Мы помолвлены, — вызывающе сказала Марсель.

— О, вы помолвлены, вот оно что! — в полном обалдении произнес мистер Ривз.

— Я зелаю зениться на миз Рив, — нахально улыбаясь, заявил молодой человек.

— Ах, вот как, вы зелаете, вот оно что, — сказал мистер Ривз.

Наступило молчание.

— Меня зовут Гомбо, и я зелаю зениться на миз Рив, — повторил молодой человек, улыбаясь еще нахальнее. — И добавил: — Огюстен.

Мистер Ривз мгновенно почувствовал исключительную неприязнь к мосье Гомбо (Огюстену). По правде

говоря, ему сразу захотелось двинуть мосье Гомбо (Огюстена) в скулу. Мосье Гомбо — subtilный, змеевидный молодой человек с гладко прилизанными темными волосами и глазами как у Рудольфо Валентино — был похож на материализовавшееся аргентинское танго. Короче говоря, он принадлежал к разряду именно тех мужчин, которые таким людям, как мистер Ривз, всегда казались самыми гадкими, презренными людишками на свете. Мистер Ривз молча и свирепо глядел на него во все глаза.

— Ну вот что, мистер Гомби,— сказал он наконец, и голос его задрожал от разнообразных эмоций, выразивших его враждебное отношение к личности мосье Гомбо и еще более враждебное — к предполагаемому браку.— Самое лучшее, что вы можете сделать, это убраться отсюда подбру-поздорову. Можете зайти ко мне завтра в десять часов утра, и я с вами поговорю по душам.

— Вы оскорбляете меня! — воскликнул мосье Гомбо, сжав кулаки, скрипнув зубами и вспомнив Аустерлиц.

— Не мелите вздора! — сказал мистер Ривз, вспомнив Ватерлоо.— Вон отсюда!

Мосье Гомбо (Огюстен) подпрыгнул и встал в боксерскую стойку.

Марсель положила руку ему на плечо и произнесла что-то на ломаном чрезвычайно скверном французском языке:

— Puisque c'est ta volonté, ma chère, je n'ai qu'à m'incliner¹,— галантно сказал мосье Гомбо.— Après tout c'est ton père!²

— Ты не должен обижать Огюстена, папочка,— сказала Марсель.— Он женится на мне.

— Ах, он зенится,— с язвительной иронией передразнил жениха мистер Ривз.

Марсель, мешая французские слова с английскими, быстро зашептала что-то на ухо мосье Гомбо (Огюстену). Он слушал ее внимательно, время от времени кивая головой, затем улыбнулся уже совсем нагло.

— Parfait, chérie, parfait³,— сказал он, когда Марсель умолкла.— A tout à l'heure, monsieur mon beau-père, à nous deux!⁴

И с этими словами мосье Гомбо (Огюстен) высколь-

---

¹ Раз ты так хочешь, моя дорогая, мне остается только подчиниться! (фр.)

² К тому же это твой отец! (фр.)

³ Прекрасно, милочка, прекрасно (фр.).

⁴ До скорого свидания с глазу на глаз, уважаемый тестюшка! (фр.)

знул из комнаты, точь-в-точь как самая поганая гадюка — по мнению мистера Ривза, а по мнению самого мосье Гомбо — как настоящий современный д'Артаньян.

Несколько позднее, изливая свою душу, как всегда, исполненному сочувствия мистеру Саймонсу, мистер Ривз под большим секретом признался ему, что в эту минуту он был совершенно сбит с панталыку — другого слова он подыскать не мог, — именно сбит с панталыку. Он беспомощно смотрел на Марсель, не зная, что сказать, что предпринять.

Марсель же, наоборот, казалось, прекрасно понимала, что нужно делать. Она сменила халат на одно из самых нарядных своих платьев, причесалась, напудрилась и очень искусно наредила губы, пока мистер Ривз с несчастным видом наблюдал за ней, пребывая в том жалком состоянии, которое он впоследствии и описал в письме к мистеру Саймонсу.

— Ну, пошли ужинать, — спокойно и дружелюбно сказала Марсель. — Я проголодалась.

При этом предложении, которое в подобных обстоятельствах было воспринято мистером Ривзом как верх цинизма, хотя обычно не вызывало в нем ничего, кроме приятного отклика, возмущение его наконец прорвалось наружу.

— Бесстыдница! — воскликнул он. — Так просто вам это не сойдет с рук, мисс! Ступай ко мне в комнату сию же секунду!

— Ах, перестань ты сердиться, папочка, — беспечно ответила Марсель. — Это просто потому, что ты голоден. Тебе нужно поужинать, и ты сразу почувствуешь себя лучше.

— Не рассуждай! — сказал мистер Ривз сердито, но несколько нелогично, ибо он как раз собирался задать Марсель кое-какие вопросы и получить на них ответы. — Ступай ко мне в комнату!

Марсель повиновалась, слегка пожав при этом плечами, что у нее всегда получалось как-то оскорбительнее всяких слов. Мистер Ривз яростно захлопнул и запер на ключ дверь ее номера и зашагал следом за Марсель по коридору. У себя в спальне мистер Ривз так же с треском захлопнул и запер на ключ дверь, что было уже несколько излишне, если, конечно, он не предполагал увидеть мосье Гомбо в обществе Атоса, Портоса и Арамиса, явившихся, чтобы силой похитить мадемуазель.

— Сядь! — приказал он.

Марсель села и хладнокровно закурила папиросу. Мистер Ривз подошел к столу и дрожащей рукой налил себе хорошую порцию виски с содовой. Отхлебнув половину, он едва не произнес по привычке: «А-а, вот теперь другое дело!» — но, по счастью, вовремя опомнился, осознав, что стоит перед лицом большой Семейной Трагедии. Он тяжело опустился в кресло напротив Марсель.

— Так вот почему ты не захотела поехать в Монте-Карло! — с горькой иронией произнес он. — Так вот почему тебе захотелось остаться со своим старым папочкой?

Марсель ничего не ответила, но с раздражающим равнодушием продолжала безмятежно курить, — она явно считала этот вопрос бессмысленным.

— Отвечай! — заорал мистер Ривз, стукнув кулаком по подлокотнику и забывая, что сам только что приказал дочери молчать. — Что вы можете сказать в свое оправдание, мисс?

— Ты ведь не мог рассчитывать, что я навсегда останусь ребенком, папочка, — очень нежно и рассудительно проговорила Марсель. — Дети подрастают, ты же понимаешь.

А у мистера Ривза как раз уже был наготове его следующий неотразимый довод, смысл которого заключался в том, что Марсель еще совсем дитя. Нашептывая ей в уши сам сатана, и тогда она, кажется, не могла бы более ловко выбить из рук папаши его оружие. Мистер Ривз был огорошен, вернее, едва не попал снова в уже описанное выше неприятное состояние.

— Хм, — промычал он, ища прибежища в своем излюбленном междометии. — Хм!

Снова наступило непродолжительное молчание.

— Любой взрослый человек скажет тебе, что ты не права, — промолвил наконец мистер Ривз. — По закону ты еще ребенок. Ты несовершеннолетняя.

— Но уже достаточно взрослая, чтобы знать, чего я хочу, — холодно сказала Марсель.

— Следовательно, ты хочешь выйти замуж за этого... за этого малого?

— Да.

— Хм.

Снова молчание.

— Как давно ты с ним знакома? — спросил мистер Ривз.

— Почти две недели.

— Хм. Довольно продолжительный срок, чтобы хо-

рошо узнать человека, который должен стать твоим мужем. Мы с твоей матерью были помолвлены шесть лет.

— И такой удачный получился брак, не правда ли, папочка? — нежным голоском пропела Марсель. — Но в наше время все совершается быстрее.

— Ну да, женятся быстро, а раскаиваются долго, — нравоучительно изрек мистер Ривз.

— А разве лучше долго не жениться и быстро раскаяться? — невозмутимо возразила Марсель.

— Не дерзи! — воскликнул мистер Ривз.

Марсель снова едва заметно пожала плечами.

— Где ты познакомилась с этим... с этим малым? — спросил мистер Ривз.

— В «Беф саван».

— «Беф саван»? — озадаченно повторил мистер Ривз. — А что это значит?

— Это значит «Ученый бык», — сказала Марсель, с трудом сдерживая улыбку.

— «Ученый бык»? — сердито воскликнул мистер Ривз. — Что за чушь ты мелешь?

— Это кабаре. Дансинг, один из самых известных в Канне.

— Впервые в жизни слышу, — сурово сказал мистер Ривз.

— И тем не менее он существует, — кротко пояснила Марсель.

— Ночной клуб! — с мукой в голосе воскликнул мистер Ривз, в представлении которого само понятие «ночной клуб» было синонимом всего запретного, а следовательно, и всех соблазнов и пороков. — Самое подходящее место для порядочной девушки, чтобы свести знакомство со своим будущим мужем.

— А мамочке там бы очень понравилось, — не без злорадства заметила Марсель. — Там бывают самые что ни на есть Сливки Общества.

— Хм, — произнес мистер Ривз. — Сплошь одни бароны, так, что ли? И чем же, позвольте вас спросить, зарабатывает этот молодой человек себе на жизнь?

— Он профессиональный танцор, — гордо ответила Марсель.

— Так я и знал! — скорбно воскликнул мистер Ривз. — Как только я его увидел, так сразу понял, что он похож на альфонса.

— Вовсе он не похож на альфонса, — вспыхнула Марсель, утратив наконец свою невозмутимость. — Он

изумительный танцор и когда-нибудь станет большой знаменитостью.

— Хм,— снова хмыкнул мистер Ривз.— И на какие же средства намерен он тебя содержать, пока не наступит этот счастливый, но, по-видимому, отдаленный день?

— Мы будем выступать вместе,— надменно объявила Марсель.

— И вместе подыхать с голоду, надо полагать,— добавил мистер Ривз.— Есть у него какие-нибудь сбережения?

— Нет, но деньги у него будут,— убежденно заявила Марсель.

— Ну так вот что,— сказал мистер Ривз.— Я буду говорить с тобой напрямик. Ты вела себя как лживая, распутная девчонка. Если ты хотела обручиться с этим... э... малым открыто и честно, то должна была сообщить обо всем своим родителям...

— Я так и хотела сделать,— сказала Марсель.

— Но ты этого не сделала. Все открылось мне случайно. Если бы ты хоть немного уважала и ценила своих родителей или свое доброе имя, ты бы не стала принимать этого молодого человека в номере отеля. И не допустила бы, чтобы я обнаружил тебя здесь в таком... в таком виде, в каком я тебя обнаружил.

— Ах, папочка! — воскликнула Марсель.— Ты забываешь, что тоже был когда-то молод.

— Да, и я был молод, но никогда ничего подобного себе не позволял,— твердо сказал мистер Ривз.— Я и тогда так же не одобрял некоторых вещей, как не одобряю их теперь. Я был помолвлен не тайком, а открыто, и когда скопил достаточно денег, сдержал данное мною слово и женился на девушке, с которой был обручен. Ты не можешь выйти замуж, не имея ни гроша за душой, Марсель. Брак, черт побери, стоит больших денег. Теперь послушай меня. Завтра я встречу с этим мистером Как-Бишь-Его, и, если увижу, что он порядочный, честный малый с постоянным заработком и какими-то возможностями в будущем, я дам согласие на вашу помолвку. Если же он просто наемный танцор и альфонс, как мне что-то сдается...

Мистер Ривз не закончил своей фразы.

— Что тогда? — спросила Марсель.

— Тогда я запрещаю тебе с ним встречаться,— весьма решительно и безапелляционно заявил мистер Ривз.— Ты еще слишком молода, чтобы выходить замуж. Если

годика этак через три-четыре мы узнаем, что мистер Как-Бишь-Его нашел для себя более или менее приличное занятие и в состоянии содержать жену, тогда посмотрим. Хотя самая мысль о том, чтобы выдать дочь за иностранца, донельзя мне претит, тем не менее посмотрим. Ты меня поняла?

Марсель сжала кулаки, так что ногти вонзились в мякоть ладони, и ничего не ответила.

— Ты меня поняла? — повторил мистер Ривз.

— Да, папочка,— сказала Марсель таким неожиданно смиренным тоном, что большинству людей это показалось бы подозрительным.

— Отлично! — весело сказал мистер Ривз.— И ты согласна со мной?

— Да, папочка.

— Ты понимаешь, кисанька, что это для твоего же добра?

— Да, папочка.

— Превосходно! — сказал мистер Ривз, обрадованный тем, что у него такая рассудительная дочка, и весело потирая руки.— Превосходно! А теперь идем ужинать. Надеюсь, они сумеют приготовить что-нибудь холодненькое... Лишь бы только не цыплят...

ПЯТНАДЦАТЬ

Марсель оказалась права — ужин чрезвычайно поднял настроение мистера Ривза. Метрдотель, регулярно и щедро получавший на чай и вследствие этого дружески расположенный к мистери Ривзу, преподнес ему в виде закуски омара, foie gras с салатом и ветчину. Мистер Ривз от души наслаждался ужином — во-первых, потому, что ел нечто новое, во-вторых, потому, что он успел основательно проголодаться и, наконец, потому, что Марсель проявляла такую необычайную рассудительность. За один этот вечер она повторила «да, папочка» чаще, чем за весь истекший месяц. После ужина мистер Ривз совершил даже совсем неслыханный подвиг — он отправился в кино, где с большим удовлетворением слушал, как американские ковбои разговаривают на безукоризненном, хотя и непонятном ему французском языке. Мистер Ривз отправился ко сну с приятным сознанием, что он исполнил свой долг в этой трудной жизненной ситуации, в которую господу богу потребовалось, понадобилось, захотелось,

вздумалось или угодно было его поставить. Он принялся обдумывать, что следует сказать мосье Гомбо (Огюстену) завтра в десять часов утра, но, утомившись за этот день, как никогда, уснул, так и не продумав до конца своих наполеоновских замыслов.

Еще не пробило десяти, а мистер Ривз уже принял ванну, побрился, оделся и стал ожидать посещения мосье Гомбо. Мосье Гомбо не появлялся. В половине одиннадцатого мистер Ривз спустился вниз и осведомился у портье, не спрашивал ли его некий мистер Гомби. Портье не видел никакого мистера Гомби. Мистер Ривз в некоторой растерянности уже повернулся было спиной к портье, но тут ему пришло на ум спросить, у себя ли мисс Ривз.

— Мисс Ривз отбыла сегодня в семь часов утра,— с пленительной улыбкой сообщил портье.— Она сказала, что счет будет оплачен вами. Вот он, пожалуйста. Она просила, когда вы осведомитесь о ней, передать вам это письмо. Вот оно, пожалуйста.

С изысканной учтивостью портье протянул мистеру Ривзу письмо и счет, находя, по-видимому, что все это, черт побери, весьма *ridicule*¹ и с упоением, терпеливо ожидая, что будет дальше.

— Что за дьявольщина! — произнес мистер Ривз, стукнув кулаком по столу и тем самым окончательно утвердив портье в его оценке английского характера.

Письмо, которое распечатал мистер Ривз, гласило:

«Папочка,

поскольку ты проявляешь такое глупое упрямство и узость взглядов, мы с Огюстеном решили уехать вдвоем. Передай мамочке привет. Я очень огорчена, что мне не пришлось с ней попрощаться. После того как мы с Огюстеном поженимся, надеюсь встретиться с тобой вновь, и, думаю, мы оба забудем наши обиды.

Марсель».

На сей раз перед мистером Ривзом открылась перспектива бесславного поражения, и он осознал это в полной мере. Осев в первое подвернувшееся кресло, он с совершенно убитым видом попросил портье раздобыть ему двойную порцию виски с содовой.

---

¹ Забавно (фр.).

Что же теперь делать?

Мистер Ривз не имел ни малейшего понятия. Наступил такой момент в его жизни, когда один из тех обладающих сверхчеловеческой проницательностью сыщиков, о которых он любил читать в детективных романах, мог бы оказать ему неоценимую услугу. Нужно было только раздобыть где-нибудь одного из этих необыкновенных людей, дать ему возможность обшарить комнату Марсель, исследовать с помощью лупы кучку пепла от папиросы, подобрать с туалетного столика волосок, снять отпечатки пальцев Марсель с ключа от ее двери, и — готово! — они уже могли бы, не теряя ни минуты, мчаться в погоню в сверхскоростной машине, вооружившись пистолетами, а если потребуется, и масками.

К несчастью, мистеру Ривзу не были известны адреса этих великих людей. Поэтому он направился к управляющему отелем.

Управляющий, успевший поседеть, обслуживая ради притока валюты в интересах Франции и своего кармана всех этих малоинтеллигентных иностранцев, обладал очень приятной успокоительной привычкой говорить: «Ну, разумеется, разумеется», в ответ на самые идиотские, самые невообразимые требования. Поначалу он выслушивал жалобы мистера Ривза с выражением глубочайшей симпатии, но мало-помалу лицо его приобретало все более суровое, замкнутое, почти враждебное выражение. Чтоб их черт побрал! Французский гражданин похищает молодую особу, англичанку по национальности, из его отеля! Скверно, очень скверно, если это будет предано гласности! Очень скверно!

— Вы хотите, чтобы их арестовали? — спросил он мистера Ривза, бросая на него косой взгляд из-под набрякших век.

— Понятное дело, нет! — раздосадованно сказал мистер Ривз. — Я хочу избежать всякого шума. Единственно, что мне нужно, — это узнать, где они находятся, и вырвать мою дочь из когтей подлеца. Я сумею ее вернуть!

Ха! Значит дело можно уладить полюбовно? Отлично.

— Очень хорошо, сэр, — сказал управляющий, внешне обретая свою прежнюю покорную учтивость. — Я постараюсь это устроить. Не могу ничего обещать, вы сами понимаете, но постараюсь. Я позвоню... одному моему приятелю. В общем, я попрошу вас делать вид, словно ничего не произошло, а сам приложу все усилия.

Если они увенчаются успехом, я тут же сообщу вам об этом. Если нет, я также поставлю вас в известность, и тогда вам придется прибегнуть к тем средствам, какими вы сами располагаете...

Мистер Ривз рассыпался в благодарностях. Выходя из тесного кабинета управляющего, он слышал, как тот яростно и нетерпеливо уже орал испуганной телефонистке на коммутаторе: «Алло! Алло!»

Ошеломленный и глубоко расстроенный мистер Ривз вышел из отеля и окунулся в одуряющий, ослепительный зной. О степени расстройства мистера Ривза можно было судить хотя бы по тому, что он, в состоянии тревожного раздумья, впервые прошел мимо своего излюбленного кафе, а когда опомнился, то возвратился и заказал себе лимонаду. Вынув из кармана письмо Марсель, он прочел его еще раз. Вот она — черная неблагодарность детей! Вот на какой идиотизм способна молодежь! «Надеюсь встретиться с тобой вновь» — видали! Ну да, когда у вас не останется ни гроша за душой, вы прибежите к папочке за его денежками. Хм! Нет уж, пусть не надеется. Теперь на меня может не рассчитывать.

Это жестокосердие не помешало, однако, очкам мистера Ривза слегка затуманиться при мысли о том, что его кисанька теперь неизвестно где, что ей, быть может, придется даже голодать и терпеть всяческие лишения и грубость этого треклятого француза. Мистер Ривз проклинал идиотскую затею супруги, заставившей их всех поехать за границу. Если бы не ее дурацкая ревность и снобизм, они все тихо-спокойно сидели бы сейчас в Мервуде или на каком-нибудь маленьком уютном морском курорте, где сколько угодно славных чистоплотных молодых людей...

Из этих размышлений родилась проблема: следует ли сообщать миссис Ривз, что произошло, или не следует? Мистер Ривз ни секунды не сомневался, что в любом случае кругом будет виноват он; в то же время сам он был исполнен благородного негодования и, разумеется, убежден, что всему виной Джейн: что же это за женщина, которая не в состоянии усмотреть даже за собственной дочерью! В общем, он решил немного обождать, — быть может, управляющему удастся выяснить, где скрывается эта беспутная парочка. Ну, а когда (или если) он это выяснит, что тогда следует предпринять?

Об этом мистер Ривз не имел ни малейшего представления.

Одно, впрочем, он знал твердо: как только история с Марсель — так называл он это про себя — тем или иным способом завершится, они немедленно возвратятся в Англию. При любых обстоятельствах, независимо ни от каких фантазий миссис Ривз, ни от каких Марджел, независимо ни от чего.

Мистер Ривз позвонил, чтобы ему принесли бумагу и чернила, и принялся строчить еще одно длинное послание Джо Саймонсу...

День тянулся медленно, уныло; еда потеряла для мистера Ривза всякий вкус. Время от времени он с надеждой приотворял дверь в берлогу управляющего, но получал в ответ лишь вежливое, отрицательное покачивание головой. Никаких новостей.

Второй день прошел в такой же неизвестности и был еще более уныл и тягостен. Мистер Ривз уже начинал ненавидеть Канн, ненавидеть солнце, ненавидеть молодых людей в красных брюках и молодых женщин в шортах, с повязками на груди. Ему хотелось домой. Вечером, ложась спать, он принял решение: миссис Ривз должна быть оповещена о случившемся. Нельзя держать ее в неизвестности. Завтра он пошлет ей телеграмму...

Громкий стук в дверь разбудил мистера Ривза, оборвав сладчайший утренний сон.

— Войдите! — раздраженно буркнул он и, когда стук повторился, крикнул громко: — Войдите!

В дверях стоял управляющий, сияя улыбкой и бриллиантинном.

— Они нашлись, — сказал он, отвешивая учтивый поклон.

— Да ну? Нашлись? — воскликнул мистер Ривз. — Где?

— В Ницце, — сказал управляющий. — Вот адрес.

Мистер Ривз схватил листок бумаги и прочел: Отель «Монтесума», Ницца.

— Они предлагали свои услуги в качестве эстрадных танцоров, — с обворожительной улыбкой добавил управляющий, — но им не удалось... пока еще не удалось никуда устроиться.

— Большое вам спасибо, — горячо сказал мистер Ривз, — большое спасибо. Очень вам обязан, не знаю, как вас и благодарить.

Управляющий поклонился и слегка развел руками, как бы говоря: «Вы сами видите — у нас все к услугам наших уважаемых гостей!»

— А теперь,— бодро и энергично сказал мистер Ривз,— пожалуйста, распорядитесь, чтобы мне сейчас же подали завтрак. В девять часов пришлите горничную упаковать вещи моей жены — свои я упакую сам. Закажите машину в Ниццу на десять часов.

Управляющий снова поклонился, но на этот раз без всякой улыбки и прочих ужимок. Вот вам, слышали! Вот что получается, когда идешь навстречу клиентам и выполняешь все, даже самые немыслимые их желания,— они тут же покидают ваш отель. Может быть, все-таки «Бюллетень синдиката владельцев отелей» дает неправильные советы. Управляющий вышел, беззвучно прикрыв за собой дверь: «Твердо запомните — иностранцы не выносят шума».

Мистер Ривз с неожиданной для человека его возраста стремительностью выпрыгнул из постели, и, когда принесли завтрак, он уже успел принять ванну, побриться и даже был наполовину одет. Много лет мистер Ривз не укладывал своих чемоданов сам и был сильно поражен, обнаружив, как много места требуется для его вещей. Пыхтя, он придавливал крышку чемоданов коленом и усаживался на них, а когда ему удалось кое-как их запереть, то, к своему удивлению и досаде, обнаружил, что забыл уложить пижаму и туалетные принадлежности. Он все еще единоборствовал с чемоданами, но тут появилась горничная. Мистер Ривз с облегчением отказался от дальнейшей бесплодной борьбы, препоручил это занятие горничной и ушел, оставив ее вынимать и перекладывать заново как запыленные в чемоданы вещи.

Мистер Ривз спустился вниз, заплатил по счету и сделал попытку отблагодарить отчужденно-любезного управляющего за оказанную услугу. Мистер Ривз смутно сознавал, что тут что-то получилось неладно. Пойди пойми их, этих иностранцев.

В десять часов огромный семиместный «Деляж» остановился перед отелем, и через двадцать минут все чемоданы были доставлены вниз и уложены в машину. Мистер Ривз щедро разбрасывал чаевые, словно землешеец, засевающий поле. Он уже садился в автомобиль, когда его осенила какая-то мысль.

— Вы говорите по-английски? — спросил он шофера.

— Дасэр,— произнес голос, который мог принадлежать только англичанину.

— Поезжайте прямо в контору Кука.

— Дасэр.

Действуя, словно по наитию свыше, мистер Ривз закрыл старый аккредитив, взяв все деньги — более тринадцати тысяч франков — наличными. Новый, только что прибывший аккредитив он тщательно запрятал во внутренний карман пиджака.

Полчаса спустя «Деляж» остановился в Ницце перед отелем «Негреско» и был тотчас окружен приветливо улыбающимися швейцарами. Мистер Ривз протянул шоферу бумажку с адресом.

— Вам известно, где это находится?

— Нет, сэр.

— Тогда постарайтесь разузнать, пока я сниму номер в этом отеле.

— Дасэр.

Мистер Ривз почувствовал, что пышное великолепие «Негреско» немного его подавляет, но мужественно не отступил — в конце концов разве не ради этого трудился он всю жизнь. Заполнив свою *fiche*¹ и оставив в отеле чемоданы, мистер Ривз вернулся к машине.

— Разыскали?

— Дасэр.

— Сейчас же поехали туда.

— Вам придется немного доплатить мне, сэр.

— Учту,— сказал мистер Ривз. — Доплачу.

— Естьсэр.

Отель «Монтесума» оказался третьеразрядной гостиницей на маленькой площади в старой части города. Мистер Ривз вышел из машины, кивнув шоферу:

— Ждите меня.

— Дасэр.

Как на зло, портье не оказалось на месте. Мистер Ривз постучал по перегородке костяшками пальцев и стал ждать. Ничего не произошло... Мистер Ривз постучал еще и еще. Наконец за перегородкой отворилась захватанная грязными пальцами дверь, выглянул какой-то весьма обтрепанный мужчина и воззрился на мистера Ривза.

— Говорите по-английски? — спросил мистер Ривз.

— Comment?²

— Вы говорите по-английски? — снова спросил ми-

¹ Карточку, бланк (фр.).

² Как? (фр.)

стер Ривз, повысив голос и действуя, согласно широко распространенному убеждению, что все иностранцы либо глухи, либо притворяются, будто не понимают.

Мужчина произвел некоторое количество звуков, значения которых мистер Ривз не уразумел.

— Обождите,— сказал мистер Ривз, подкрепив слово жестом,— обождите.

Он вернулся к машине.

— Вы говорите по-французски?

— Дасэр.

— Пойдемте со мной, будете переводить,— обрадованно сказал мистер Ривз. — Как это, черт побери, угораздило вас научиться?

— Да так как-то, сэр.

Мистер Ривз возвратился в гостиницу с собственным переводчиком и протянул обтрепанному мужчине свою визитную карточку; тот тупо на нее поглядел.

— Скажите ему, что я приехал повидаться с дочерью. Она здесь, я знаю.

— Он говорит, что у них нет никакой мисс Ривз, сэр,— сказал шофер, после того как он и обтрепанный обменялись какими-то непонятными для мистера Ривза звуками.

— Хм,— произнес обескураженный мистер Ривз. — Спросите его, не проживает ли у них мистер Гомби.

— Мистер и миссис Гомбо остановились здесь на пятом этаже, сэр.

Мистер Ривз, сраженный горем, рухнул на стул. Ну вот, Самое Страшное произошло!

Мыслительный аппарат мистера Ривза, никогда не отличавшегося особенной быстротой соображения, на сей раз сработал без осечки. Мистер Ривз ведь в самом деле очень любил свою Марсель.

— Спросите его, они сейчас у себя? — сказал мистер Ривз шоферу.

— Он говорит, что господин Гомбо обычно уходит в начале двенадцатого, а потом госпожа Гомбо где-нибудь встречается с ним, и они обедают вместе. Сейчас они оба еще у себя.

— Есть здесь другой выход из гостиницы, помимо этого?

— Нет, сэр.

— Прекрасно,— сказал мистер Ривз.— Теперь ступайте и ждите меня в машине. Я пошлю за вами... и доплачу.

— Дасэр.

Мистер Ривз нетерпеливо шагал из угла в угол по тесному и довольно зловонному вестибюлю. На лестнице раздались шаги, и он впился глазами в приближавшуюся фигуру. Появилась пухлая дама средних лет с небольшими темными усиками; она с любопытством и не без кокетства поглядела на мистера Ривза. Мистер Ривз не удостоил ее внимания и, словно капитан на шканцах корабля, продолжал нетерпеливо мерить шагами вестибюль. Внезапно он заметил в глубине вестибюля небольшую полустеклянную дверь. Глянув в засиженное мухами стекло, он увидел нечто вроде небольшой мрачного вида приемной, где стояло два три стола и несколько стульев...

Еще кто-то спускался по лестнице, насвистывая танцевальный мотив. Когда мосье Гомбо узнал мистера Ривза, он перестал свистеть, остановился, свирепо нахмурился и произнес:

— Ха!

— Доброе утро, мистер Гомби,— приветливо сказал мистер Ривз. — Мне бы хотелось поговорить с вами.

— Э? — произнес мосье Гомбо. — Я не понимаю.

— Небольшой дружеский разговор,— пояснил мистер Ривз. — Зайдемте сюда на минутку.

Мистер Ривз направился в унылую приемную, стараясь, на всякий случай, держаться между мосье Гомбо и входной дверью отеля, чтобы помешать французу улизнуть. Но то ли из любопытства, то ли по какой-либо другой причине, мосье Гомбо послушно проследовал в приемную.

— Присядем,— вежливо предложил мистер Ривз. — Сигарету?

Он протянул мосье Гомбо портсигар, и они оба закурили.

— Так вот, мистер Гомби,— сказал мистер Ривз, сразу переходя к делу,— вы скрылись с моей дочерью...

Мосье Гомбо лукаво улыбнулся и покаянно развел руками, словно желая сказать: «Что ж поделаешь? Таков властный непреодолимый зов пола!»

— Вот именно,— сухо заметил мистер Ривз, совершенно точно истолковав жест. — И, насколько я понимаю, вы хотите на ней жениться?

— Я зелаю жениться на миз Рив.

— Вы мне это уже говорили. Но, мистер Гомби, во Франции вы не можете жениться без разрешения родителей невесты, а я должен вас предупредить, что этого разрешения вы не получите.

— Мы можем зениться в Англии.

— Совершенно справедливо — когда моя дочь немного подрастет. Она еще несовершеннолетняя, вы знаете.

— Это скоро будет.

— Правильно. — Мистер Ривз помолчал, прежде чем перейти к самой сути дела. — Кстати, мистер Гомби, у вас есть деньги для путешествия в Англию?

— Я могу заработать танцами. Я...

— Разумеется, разумеется, — миролюбиво сказал мистер Ривз. — Вероятно, вы можете, но сейчас у вас этих денег нет.

Мосье Гомбо угрюмо нахмурился и ничего не ответил.

— Может быть, мосье Гомби, вы полагаете, что я дам вам денег, если моя дочь выйдет за вас замуж?

Мосье Гомбо подловато улыбнулся.

— Я не дам ни пенса. Если она выйдет замуж за вас, она ничего от меня не получит.

Мосье Гомбо старался сохранить на лице улыбку, но довольно безуспешно, ибо мистер Ривз произнес эти слова необыкновенно решительно и твердо.

— Вы должны полностью отдавать себе в этом отчет, — самым дружелюбным тоном продолжал мистер Ривз. — Понимать это ясно и четко. Однако, мистер Гомби, вы еще очень молоды, вы, так сказать, только начинаете жить. В вашем положении едва ли разумно обременять себя женой. С другой стороны, небольшая сумма денег была бы для вас отнюдь не лишней, не так ли?

— Я не понимаю.

— Сейчас поймете, — сказал мистер Ривз.

Он взял листок почтовой бумаги, лежавший на столе, и начертал на нем собственным вечным пером:

«Я, нижеподписавшийся, согласен за вознаграждение в ... тысяч франков, получение коих этим документом подтверждаю, освободить мисс Марсель Ривз от данного ею обещания выйти за меня замуж и обязуюсь в дальнейшем не делать никаких попыток к встрече с ней».

Мистер Ривз молча протянул вышеозначенную бумагу своему предполагаемому зятю. Мосье Гомбо был непритворно растерян. Нахватавшись английских слов на слух, он немножко понимал по-английски, но читать на этом языке не умел.

— Что это значит? — спросил он.

— Это значит, — деловито и почти весело сказал ми-

стер Ривз,— что в обмен на ту сумму, на какой мы с вами сойдемся и какую я немедленно вам вручу, вы обязуетесь не жениться на моей дочери и никогда больше с нею не встречаться.

— Я не могу,— гордо заявил мосье Гомбо.— Я люблю ее.

— Не сомневаюсь,— сухо ответил мистер Ривз.— Но вам следует установить, в какую именно сумму оцениваете вы эту любовь? Пять тысяч франков, скажем?

Мосье Гомбо, казалось, был ошеломлен и ничего не ответил. Мистер Ривз подчеркнуто неторопливо достал свой туго набитый бумажник и, держа его под столом, чтобы мистер Гомбо не мог разглядеть, сколько в нем денег, отсчитал пять тысячефранковых бумажек и положил их на стол. Крепко придавив деньги рукой, мистер Ривз вопросительно взглянул на мосье Гомбо; тот проглотил слюну, облизнул губы и тихо произнес:

— Этого мало.

Мистер Ривз нарочито медленно достал еще одну тысячефранковую бумажку, спрятал бумажник в карман и снова поглядел на мосье Гомбо.

— Этого мало,— еще тише прошептал тот, приковавшись жадным взором к деньгам.

— Этого даже слишком много, черт побери! — сердито сказал мистер Ривз, хлопнув ладонью по столу.— Разве вы не понимаете, мистер Гомби, что вас можно арестовать за то, что вы соблазнили несовершеннолетнюю девочку? Выбирайте: либо проставьте вот здесь прописью «шесть» и подпишите этот документ, либо... пеняйте на себя.

— Мало,— чуть слышно пролепетал мосье Гомбо.

Мистер Ривз взял со стола ручку, окунул перо в чернильницу и протянул его мосье Гомбо; все было сделано молча, но красноречиво. Мосье Гомбо поглядел на мистера Ривза, потом на деньги, потом на расписку.

— Allons-y! ¹ — воскликнул он так внезапно, что мистер Ривз вздрогнул. Мосье Гомбо написал «шесть» и подписался «Огюстен Гомбо» с весьма изысканной завитушкой на конце.

Мистер Ривз молча одной рукой пододвинул к нему деньги и протянул другую руку за распиской. Они одновременно схватили каждый свою добычу. Мистер Ривз продолжал держать расписку в руке; мосье Гомбо с до-

---

¹ А, идет! (Ах)

вольной улыбкой спрятал деньги в свой тощий бумажник. Затем оба встали.

— А теперь, мистер Гомби,— внушительно сказал мистер Ривз,— вы сейчас пойдете немножко прогуляться и возвратитесь примерно после обеда. Счет в гостинице по сегодняшней день включительно будет мною оплачен. Если вы возвратитесь раньше указанного срока или сделаете попытку увидеться с моей дочерью, я немедленно отправлюсь в британское консульство и попрошу их снестись с французской полицией... Благодарю вас, мистер Гомби, всего хорошего!

Мистер Ривз вытер вспотевший лоб. Дьявольская жарница, просто сил никаких нет!

«Хорошо бы сейчас пропустить стаканчик виски с содовой»,— подумал мистер Ривз, однако решил, что в таком паршивом отелишке этого, конечно, не получишь. Он направился к машине и попросил шофера объяснить им там, в отеле, что он желает, чтобы его проводили в комнату дочери...

Марсель, сидя на постели, делала маникюр, когда в комнату вошел мистер Ривз.

— Папочка!

— Конечно, папочка! — весело сказал мистер Ривз, плотнее притворяя за собой дверь.

— Как ты нас разыскал?

— Какая-то маленькая птичка нащебетала мне в ухо,— сказал мистер Ривз.— А может быть, это был Дед-Мороз. Но, так или иначе, я здесь.

— Ты видел Огюстена? Где он? — с некоторым беспокойством спросила Марсель.

— Мистер Гомби? Он отправился как следует прогуляться, утеночек.

— А ты... Зачем ты приехал?

— Чтобы пригласить тебя пообедать со мной в «Негреско». Это, кажется, очень шикарный ресторан. А затем заберу тебя в Монте-Карло, навещать маму и Бейзила.

— С Огюстеном?

— Нет,— как можно мягче произнес мистер Ривз,— нет, без Огюстена, малышка.

— Без него я не поеду,— наотрез отказалась Марсель.

— Почему не поедешь?

— Потому что мы любим друг друга,— заявила Марсель, театрально заломив руки,— и ничто нас не разлучит.

— Ты так сильно его любишь? — недоверчиво спросил мистер Ривз.

— Да!

— И ты считаешь, что он тоже тебя любит?

— Я знаю это.

— Хм,— произнес мистер Ривз, почесывая подбородок.— И в какую сум... силу он тебя любит, как ты полагаешь?

— Что ты хочешь этим сказать, папа? — высокомерно спросила Марсель.

— Ну, скажем так: как ты думаешь, его любовь к тебе потянет на шесть тысяч франков?

— Потянет на что...? Я не понимаю! Ты приехал, чтобы нас оскорблять?

Мистер Ривз молча протянул дочери галантную расписку, полученную им от мосье Гомбо.

— Что это такое? — спросила Марсель. Она была заинтригована.

— Прочти.

— О! — в ужасе взвизгнула Марсель; ее самолюбие было жестоко уязвлено.

— Не рви! — крикнул мистер Ривз, поспешно хватая дочь за руку и отнимая у нее расписку.— Это драгоценный документ. Мне стоило немало труда и денег раздобыть его...

Марсель бросилась ничком на постель и отчаянно разрыдалась. Мистер Ривз некоторое время стоял молча, растерянно почесывая подбородок, оттопыривая пальцами верхнюю губу, теребя нос, протирая носовым платком очки и проявляя прочие разнообразные признаки смущения и расстройтва. В конце концов, громко высморкавшись несколько раз подряд, он подошел к Марсель и стал тихонько гладить ее по голове.

— Ну полно, утеночек, полно,— нежно говорил он.— Я понимаю, что тебе сейчас горько и тяжело. Но ты просто немножко ошиблась. И ты не должна сердиться на меня за то, что я так грубо указал тебе на твою ошибку. У меня же не было другой возможности. Ну успокойся, котенок, мы все совершаем ошибки — я сам сотворил черт знает какую глупость, отправившись с вами за границу. Но все опять будет хорошо, вот увидишь, все скоро наладится. Ну, не плачь, утеночек, не плачь. У меня сердце разрывается, когда ты так плачешь. Послушай, малышка, мы сейчас уложим все твои вещички, спустим их вниз в машину — я оставил ее там,

у подъезда,— и поедем с тобой пообедать, а потом заберем мамочку и Бейзила и отправимся прямо домой...

Мистер Ривз продолжал гладить Марсель по голове, но в ответ слышались только рыдания и всхлипывания. Мистер Ривз поглядел на часы, вздохнул и принялся неуклюже укладывать вещи Марсель в чемодан. Пока он трудился, рыдания понемногу сменились вздохами. Затем Марсель услышала, как мистер Ривз отворил гардероб и начал вынимать оттуда ее платье. Раздался стук упавшей на пол вешалки.

— Что ты там делаешь, папа? — резко спросила Марсель, приподняв от подушки раскрасневшееся, заплаканное лицо.

— Укладываю твои вещички, утеночек,— бодро сказал мистер Ривз.— Лежи себе, лежи тихонько, а папочка сделает все сам.

— Ты же мнешь мое лучшее платье! — вскричала Марсель, подпрыгнув на постели.— Дай сюда! Я уложу все сама...

Всю дорогу до Монте-Карло они молчали: Марсель сидела необычно притихшая, подавленная, мистер Ривз блаженно переваривал обед, оказавшийся превосходным. Внезапно автомобиль остановился перед отелем, и это вывело мистера Ривза из состояния полудремоты.

— Это здесь? — спросил мистер Ривз.

— Дасэр.

— Отлично. Выгружайте чемоданы... Номера я снимать не буду. Ну-с, сколько я вам должен за все?

Войдя в отель, мистер Ривз тотчас же увидел свою супругу: она сидела под большой пальмой, росшей в кадке, и вид у нее был совсем несчастный.

— Здравствуй, Джейн! Ну как ты тут? — жизнерадостно приветствовал ее мистер Ривз.

Миссис Ривз стремительно вскочила.

— Слава тебе, господи, наконец-то ты приехал! — трагически воскликнула она.— Почему ты так задержался?

— Как это я задержался?

— Разве ты не получил моей телеграммы?

— Какой телеграммы?

— Телеграммы, которую я послала тебе сегодня утром.

— Нет,— сказал мистер Ривз,— мы приехали по соб-

ственным почину; останавливались в Ницце пообедать. А что случилось?

— Только, пожалуйста, не будь слишком суров к Бейзилу, Джон,— громко зашептала миссис Ривз.— Он ужасно расстроен, но, понимаешь, вчера мы отправились в казино и...

— Ну и что?

— Он проиграл все деньги, какие у нас были.

— Хм,— произнес мистер Ривз.— Так, значит, он проиграл все деньги? Ловкий малый, нечего сказать! Где же он сейчас?

— Лежит наверху у себя в номере.

— Хм,— снова произнес мистер Ривз.— Хорошая из вас получилась парочка, а?

— Не будь таким бессердечным,— дрожащим голосом пролепетала миссис Ривз.— Наше положение было поистине трагично. Мы допустили ошибку, пытаясь одолжить здесь денег, и получилось что-то невообразимо кошмарное. Они потребовали у меня в залог часы, чтобы послать тебе телеграмму, и мне не на что было даже пообедать...

— Как, ты не обедала?! — Мистер Ривз оцепенел от ужаса.— Черт! Ты же, верно, умираешь с голоду! Где тут бар, я раздобуду тебе хоть каких-нибудь бутербродов!

— Ох, мы так голодны,— едва удерживаясь от слез, простонала миссис Ривз.— Я побегу наверх и подниму Бейзила...

— Никуда ты не побежишь,— жестко сказал мистер Ривз.— Пошли.

— Но...

— Никаких «но»! Пускай хоть раз в жизни посидит без еды. Может быть, это немножко научит его знать цену деньгам. Ну, где здесь бар?

Заставив миссис Ривз уничтожить несметное количество бутербродов и влив в нее все пиво, какое она оказалась в состоянии проглотить, мистер Ривз, взяв Марсель за руку, произнес:

— У нашей малютки после твоего отъезда, мамочка, тоже были свои огорчения.

— Да? — встревоженно спросила миссис Ривз.— А что такое?

— Да видишь ли,— сказал мистер Ривз, сжимая руку Марсель, чтобы придать ей бодрости,— она, пони-

Маленькая выскочила в одного из этих ваших светских молодых людей в Канне. Ну и познакомила его со мной... Но правда говори, они вроде как даже хотели пожениться. Ну, а старый папочка быстро раскусил, что эта молодая человек не совсем то, что ей надо, и она об этом прознала. Верно я говорю, малышка?

Маленькая потянулась к отцу и запечатлела на его щеке поцелуй.

— Папочка, ты прелесть! — прошептала она.

— Но что же все-таки произошло? — Миссис Ривз не могла успокоиться. — Я хочу, чтобы вы рассказали мне все как было.

— Да нечего больше рассказывать, — безапелляционно заявил мистер Ривз, снова заговорщически сжимая руку Марсель. — Что было, то прошло. Но, разумеется, все это немножко огорчило нашу малышку. Так что мы не будем больше об этом поминать.

— Тем не менее я полагаю, что мать...

— Не может не видеть, что ее дочь расстроена и не желает больше об этом говорить, — перебил ее мистер Ривз. — А теперь мы берем такси и отправляемся в ближайшее агентство за билетами.

— За билетами? — в недоумении повторила миссис Ривз. — За какими билетами?

— За билетами в Лондон, — твердо сказал мистер Ривз, давая понять, что всякие возражения бесполезны. — Мы возвращаемся домой.

ШЕСТНАДЦАТЬ

В поезде было жарко и столько набилось народу, что даже после всех уговоров и чаевых мистеру Ривзу удалось раздобыть только два лежачих плацкартных места — для Марсель и миссис Ривз, — сам же он всю ночь бился в поту и задыхался от жары, тщетно пытаясь изменить, сидя в забитом до отказа купе. Он дал себе торжественную клятву никогда, никогда, никогда до конца своей жизни больше не ездить за границей в поездах. И все же, несмотря на все эти неудобства и досаду, тепло и глубине души все отчетливей и отчетливей нарастало чувство удовлетворения — ведь каждый оборот этих громадных железных колес приближал его туда, в ту страну, где все было устроено на его, на ривзовский лад, в жизни, исполненной смысла, к людям, которые понимают, что к чему.

Вот наконец и Париж, и в безоблачном небе — огромное сверкающее солнце, льющее зной на уже изнуренный летней жарой город. Все семейство провело сутки, лежа попеременно то в ванне, то в постели. Мистер Ривз почти весь вечер был занят подсчетами. Он составил опись всех своих капиталовложений и, заглянув в последнюю английскую газету, которую ему удалось раздобыть, проверил по биржевой сводке свое состояние на истекший день. Результат в общем получился довольно утешительный. Мистер Ривз, подобно робкому горожанину в военной обстановке, успокаивал себя мыслью о стойких батальонах фунтов стерлингов — каждый батальон в тысячу единиц, — выстроившихся стеной между ним и долговой тюрьмой. Мистер Ривз не принадлежал к числу тех людей, которые делают вид, что считают деньги источником всех зол; он, по правде говоря, считал их гарантией спокойствия и респектабельности — своего рода талисманом, вроде головы Медузы, способным обезвредить как все то зло, которое могло грозить лично ему, так и все зло жизни вообще. Однако, когда он перешел к подсчету потерь и убытков, к сопоставлению годового дохода с издержками, перспектива оказалась значительно менее радужной. Впервые в жизни расходы мистера Ривза превысили его доход, и к ужасу своему и стыду он обнаружил, что значительно превысил и свой кредит в банке. Все это убедительнее, чем когда-либо, показало мистеру Ривзу, что путь к спасению существует только один — и он отправил телеграмму Джо Саймонсу...

Мистер Ривз спускался следом за своим семейством по сходням парохода, ставшего на якорь в Дувре. Сойдя на пристань, он окинул быстрым взглядом приятно пасмурное, подернутое облаками небо, преувеличенно приветливого полицейского и британский флаг. Удовлетворенно притопнув ногой по слякотному каменному тротуару набережной, он с глубокой убежденностью произнес:

— Черт побери, хорошо снова ступить на английскую землю! — Это прозвучало как признание какого-нибудь важного государственного лица, долгое время находившегося по долгу службы на чужбине и возвратившегося наконец домой после тяжких лет управления неблагодарными и невежественными туземцами в далекой враждебной стране с нездоровым климатом.

Все остальные члены семейства — угрюмо немногословные с самого отъезда из Ниццы, явно оживились и

— Мы пойдем в малую гостиную, душа моя, — сказала миссис Ривз, вставая из-за стола.

— Как? — сказал мистер Ривз. — Почему? Почему не в парадную?

— Там еще не все в порядке.

— Хм! — Мистер Ривз был слегка разочарован. — Ну что ж, ладно.

Мистер Ривз чувствовал себя очень счастливым в этот вечер и отлично спал.

Утром после настоящего хорошего завтрака, получившего горячее одобрение мистера Ривза и состоявшего из пикши, яичницы с беконом и газеты, Бейзил отправился на какое-то деловое свидание, а Джейн испарилась в направлении кухни. Накрапывал упоительный легкий дождичек, помогая саду свежеть и зеленеть. Мистер Ривз, еще не сняв домашних туфель, в состоянии полного блаженства забрел в парадную гостиную.

Страшное зрелище неслыханного разорения предстало его взору. Оцепенев от ужаса, мистер Ривз застыл на пороге. Прекрасные обои с такими хорошенькими розовыми бутончиками исчезли со стен; вместо них стены были вымазаны чем-то ядовито-зеленым, и эта ужасающая монотонность не нарушалась ни единым красочным пятном, ни единой картиной — только над камином желтой и коричневой краской был намалеван какой-то полинезийский идол. Исчезла репродукция «Отлет лебедей», исчезла написанная маслом картина «Загнанный олень», исчезли две акварели — вересковые пустоши в Западной Шотландии, исчезло проблемно-философское произведение с загадочным названием «Оклеветанные», изображавшее некую даму и некоего господина в костюмах восемнадцатого столетия. Исчез и очень дорогой ковер. Его место частично заняла дешевая серая тряпка с большим количеством желтых и коричневых треугольников в кубистском стиле. Остальная, не покрытая часть пола была покрашена желтой и очень липкой краской — в этой ее особенности мистер Ривз сразу же убедился, едва ступив за порог, так как подошвы его домашних туфель тотчас прилипли к полу. Вся мягкая мебель была обита заново — такой же ядовито-зеленой, как и стены, материей, а хорошо выполненная имитация Шератона покрашена тем же самым липким желтым веществом, что и пол. Мистер Ривз осторожно прикоснулся к одному из кресел и оста-

вил на его поверхности совершенно явственный отпечаток своих пальцев...

— Джейн, Джейн!

Ответа не последовало.

Мистер Ривз с воплем кинулся по коридору:

— Джейн!

Встревоженная миссис Ривз выглянула из кухни.

— О, вот ты где! — нетерпеливо воскликнул мистер Ривз. — Что за чертовщина творится у нас в гостиной?

— Как, разве ты не помнишь? — в некотором смятении мягко напомнила ему миссис Ривз. — Ты же сказал, что я могу оформить ее заново...

— Оформить заново! — взорвался мистер Ривз. — Но это же черт знает что, какой-то сумасшедший дом! Ты сама-то видела?

— Видела.

— Почему же ты не сказала мне, что эти два крестина совершенно испоганили комнату?

— Я понимаю, конечно, что это совсем модерн, — с мольбой пробормотала миссис Ривз, — но ты же знаешь — это именно то, что сейчас в ходу. Понимаешь, это на самом деле очень современно и элегантно.

— Элегантно, будь я проклят! — в бешенстве воскликнул мистер Ривз. — В жизни не слышал подобного вздора. Неужели ты думаешь, что я стану проводить свои вечера в комнате, изуродованной дегенеративной фантазией какого-то несовершеннолетнего идиота! Не говоря уже о том, что ноги там прилипают к полу, а штаны — к креслам. Прикажи все это переделать немедленно.

— Но...

— Никаких «но»! — бушевал мистер Ривз. — Позвони сейчас же «Уоринг и Гиллоу» или еще в какую-нибудь приличную контору и вели им сделать эту комнату пригодной для жилья. Ты меня слышишь?

— Да, дорогой, — отвечала миссис Ривз с необычайной для нее покорностью.

Рассерженный мистер Ривз проследовал в свой кабинет, раздраженно помахивая утренней газетой. На письменном столе лежала стопка писем; он заметил ее еще накануне вечером. Мистер Ривз заново раскурил трубку, которой он под наплывом жгучих эстетических эмоций позволил потухнуть, сел за стол и начал просматривать письма.

Первым ему попало в руки напоминание об очередном взносе налога за строение. Мистер Ривз тотчас

— Мы пойдем в малую гостиную, душа моя,— сказала миссис Ривз, вставая из-за стола.

— Как? — сказал мистер Ривз.— Почему? Почему не в парадную?

— Там еще не все в порядке.

— Хм! — Мистер Ривз был слегка разочарован.— Ну что ж, ладно.

Мистер Ривз чувствовал себя очень счастливым в этот вечер и отлично спал.

Утром после настоящего хорошего завтрака, получившего горячее одобрение мистера Ривза и состоявшего из пикши, яичницы с беконом и газеты, Бейзил отправился на какое-то деловое свидание, а Джейн испарилась в направлении кухни. Накрапывал упоительный легкий дождичек, помогая саду свежеть и зеленеть. Мистер Ривз, еще не сняв домашних туфель, в состоянии полного блаженства забрел в парадную гостиную.

Страшное зрелище неслыханного разорения предстало его взору. Оцепенев от ужаса, мистер Ривз застыл на пороге. Прекрасные обои с такими хорошенькими розовыми бутончиками исчезли со стен; вместо них стены были вымазаны чем-то ядовито-зеленым, и эта ужасающая монотонность не нарушалась ни единым красочным пятном, ни единой картиной — только над камином желтой и коричневой краской был намалеван какой-то полинезийский идол. Исчезла репродукция «Отлет лебедей», исчезла написанная маслом картина «Загнанный олень», исчезли две акварели — вересковые пустоши в Западной Шотландии, исчезло проблемно-философское произведение с загадочным названием «Оклеветанные», изображавшее некую даму и некоего господина в костюмах восемнадцатого столетия. Исчез и очень дорогой ковер. Его место частично заняла дешевая серая тряпка с большим количеством желтых и коричневых треугольников в кубистском стиле. Остальная, не покрытая часть пола была покрашена желтой и очень липкой краской — в этой ее особенности мистер Ривз сразу же убедился, едва ступив за порог, так как подошвы его домашних туфель тотчас прилипли к полу. Вся мягкая мебель была обита заново — такой же ядовито-зеленой, как и стены, материей, а хорошо выполненная имитация Шератона покрашена тем же самым липким желтым веществом, что и пол. Мистер Ривз осторожно прикоснулся к одному из кресел и оста-

вил на его поверхности совершенно явственный отпечаток своих пальцев...

— Джейн, Джейн!

Ответа не последовало.

Мистер Ривз с воплем кинулся по коридору:

— Джейн!

Встревоженная миссис Ривз выглянула из кухни.

— О, вот ты где! — нетерпеливо воскликнул мистер Ривз. — Что за чертовщина творится у нас в гостиной?

— Как, разве ты не помнишь? — в некотором смятиении мягко напомнила ему миссис Ривз. — Ты же сказал, что я могу оформить ее заново...

— Оформить заново! — взорвался мистер Ривз. — Но это же черт знает что, какой-то сумасшедший дом! Ты сама-то видела?

— Видела.

— Почему же ты не сказала мне, что эти два кресла совершенно испоганили комнату?

— Я понимаю, конечно, что это совсем модерн, — с мольбой пробормотала миссис Ривз, — но ты же знаешь — это именно то, что сейчас в ходу. Понимаешь, это на самом деле очень современно и элегантно.

— Элегантно, будь я проклят! — в бешенстве воскликнул мистер Ривз. — В жизни не слышал подобного вздора. Неужели ты думаешь, что я стану проводить свои вечера в комнате, изуродованной дегенеративной фантазией какого-то несовершеннолетнего идиота! Не говоря уже о том, что ноги там прилипают к полу, а штаны — к креслам. Прикажи все это переделать немедленно.

— Но...

— Никаких «но»! — бушевал мистер Ривз. — Позвони сейчас же «Уоринг и Гиллоу» или еще в какую-нибудь приличную контору и вели им сделать эту комнату пригодной для жилья. Ты меня слышишь?

— Да, дорогой, — отвечала миссис Ривз с необычайной для нее покорностью.

Рассерженный мистер Ривз проследовал в свой кабинет, раздраженно помахивая утренней газетой. На письменном столе лежала стопка писем; он заметил ее еще накануне вечером. Мистер Ривз заново раскурил трубку, которой он под наплывом жгучих эстетических эмоций позволял потухнуть, сел за стол и начал просматривать письма.

Первым ему попало в руки напоминание об очередном взносе налога за строение. Мистер Ривз тотчас

выписал чек. Затем последовала серия хозяйственных счетов, накопившихся за время его отсутствия. Мистер Ривз отложил счета в сторону для Джейн, предварительно подсчитав общую сумму и выписав еще один чек. После этого в руках у него оказался длинный конверт, в котором содержался подробный перечень безотлагательно необходимых работ по ремонту дома — на общую сумму девяносто три фунта стерлингов четырнадцать шиллингов шесть пенсов. Grimаса удивления и недовольства оттянула книзу углы рта мистера Ривза. Следующее письмо заставило мистера Ривза залиться краской от макушки до кадыка. Это было очень учтивое письмо от управляющего банком, который заверял мистера Ривза, что состояние дел столь уважаемого клиента, разумеется, не может внушать им ни малейших опасений, но тем не менее он считает необходимым поставить мистера Ривза в известность, что его кредит в банке превышен им на сумму в четыреста девяносто фунтов стерлингов.

— Черт! — произнес мистер Ривз вслух.

Он распечатал еще одно письмо, побагровел, вскочил с кресла и заорал:

— Джейн! Джейн! Где ты?

В состоянии столь крайнего возбуждения его привело следующее нежное послание Энси:

«Дорогой мистер Ривз,
право же, Ваше поведение по отношению ко мне и мистеру Самсону нельзя квалифицировать иначе как беспардонное. Мы работали словно каторжные, стараясь сделать Вашу гостиную приятной для глаз, ухлопали на это кучу денег из собственного кармана, а Вы не уплатили нам ни единого пенса из тех двухсот пятидесяти фунтов, которые Вы и миссис Ривз обещали уплатить, как только работа будет проделана, а она была закончена еще несколько недель назад. Вам и так уже очень повезло, что мы взяли с Вас по дешевке, тем более что нам с мистером Самсоном пришлось отказать от других предложений, и мы назначили Вам такую низкую цену исключительно по дружбе. Я не раз просил миссис Ривз напомнить Вам, что пора выслать мне чек, но сначала она изображала дело так, будто Вы больны, а затем Ваше семейство внезапно, с крайне подозрительной поспешностью исчезло из Канна. Мне не остается ничего другого, как просить Вас выслать мне чек с обратной почтой, иначе я буду вынужден передать это дело моему поверенному для взыскания долга».

— Джейн! — не своим голосом вопил мистер Ривз.— Джейн!

— Что случилось, душа моя? — встревоженно спросила миссис Ривз, заглядывая в кабинет.

— Пойди сюда! — вне себя крикнул мистер Ривз.— Пойди сюда, прочти это.

Миссис Ривз прочла письмо, побледнела, затем стала пунцовой.

— Ну? — нетерпеливо спросил мистер Ривз.— Что это значит?

— Это счет за отделку гостиной.

— Счет за отделку гостиной? — страшным голосом повторил мистер Ривз.— Какого дьявола...

— Ты же сказал, что я могу отделать ее заново, — возразила миссис Ривз,— и я согласилась заплатить мистеру Хоукснитчу двести пятьдесят фунтов за...

— Ты согласилась... что? — взвизгнул мистер Ривз.

— Уплатить двести пятьдесят... — упавшим голосом пролепетала миссис Ривз.

— Двести пятьдесят фунтов за эту бесстыдную пачкотню? — зарычал мистер Ривз, мечась по кабинету из угла в угол.— Ты, верно, рехнулась. Я не стану это оплачивать. Ты согласилась, так и плати сама, черт побери!

Из глаз миссис Ривз внезапно брызнули слезы, и она упала в кресло, вся содрогаясь от рыданий. Под воздействием испуга гнев мистера Ривза несколько ослабел. Ох, эти женские слезы! Он так за всю жизнь и не сумел постичь, как надо себя вести в подобных обстоятельствах. С каждой минутой ему становилось все более не по себе, а миссис Ривз продолжала отчаянно рыдать.

— Ну, что ты намерена делать? — смущенно спросил он наконец.

— Я не знаю.

— Как могла ты согласиться на такой идиотизм?

— Я хотела... я хотела сделать наш дом красивым, так чтобы... чтобы мы могли принимать у себя настоящих... настоящий людей... с весом...

Мистер Ривз вне себя от раздражения потряс воздетыми к небу руками.

— Джейн!

— Да? — слабо пискнула миссис Ривз в промежутке между рыданиями.

— Перестань сопеть, убери платок и послушай, что я тебе скажу. Ты слушаешь меня?

— Да.

— Я никак не думал,— медленно, раздельно начал мистер Ривз,— что когда я, после долгих лет упорной работы, осуществлю свою заветную мечту и удалюсь на покой, моя жена испортит мне все удовольствие своим дурацким снобизмом и прочими глупостями. Это чудовищное требование двухсот пятидесяти фунтов,— всего лишь последняя капля, переполнившая чашу. Ты, по-видимому, согласилась уплатить эту сумму, а я не из тех людей, которые отказываются платить долги жены или пытаются их опротестовать. Я оплачу этот долг. Но имей в виду, Джейн, что это последние деньги, которые ты получишь от меня для своих Фэддимен-Снитчей, и Хоукс-Фишей, и всей прочей шайки. Я запрещаю тебе пользоваться моим кредитом для каких бы то ни было целей, прежде чем ты не посоветуешься со мной. Более того, я запрещаю тебе иметь дело со всей этой бандой дрянных бездельников, проходимцев и глупых снобов. Никаких светских притязаний я в своем доме больше не потерплю. Ты меня поняла? Будешь встречаться с моими друзьями и их женами и... и с любыми нормальными приличными людьми, которые честно зарабатывают свой хлеб. Но если ты еще хоть раз встретишься с кем-нибудь из этой банды, в которую ты меня вовлекла, тогда я попрошу тебя оставить мой дом. Или они, или я — вместе мы в нем уместиться не можем. Ты поняла?

— Да,— всхлипнула миссис Ривз.

— И ты обещаешь мне бросить все эти дурацкие затеи и снова стать моей славной разумной маленькой женушкой?

— Да-а.

— Ну, прекрасно,— сказал мистер Ривз.— Ты дала мне слово, запомни. Я знаю, ты не хотела ничего дурного, Джейн, но ты опоганила мою жизнь с помощью всех этих кретингов, снобов и паразитов и высосала из меня уйму денег. Это не должно больше повториться.

Наступило долгое молчание. Миссис Ривз беззвучно плакала и тихонько сморкалась. Наконец она спросила:

— Что же ты теперь будешь делать, Джон?

— Что делать? — энергично воскликнул мистер Ривз.— Я уже обо всем списался с Джо. Я возвращаюсь обратно в Сити... чтобы покрыть все эти счета и снова обрести немножко покоя в доброй товарищеской обстановке среди порядочных людей.

Комментарии

«СУЩИЙ РАЙ»

«Сущий рай» («Very Heaven»), вышедший в Англии в 1937 году, был опубликован в журнале «Интернациональная литература» в 1938 году (перевод под общей редакцией И. Звавича). Этот же перевод выпустило в том же 1938 году издательство «Журнально-газетное объединение». В следующем году роман вышел в Гослитиздате в переводе М. Абкиной.

Написанный на исходе «политической декады», роман «Сущий рай» наполнен гулом твеожного времени. Приближение и неизбежность второй мировой войны сознавали многие деятели культуры. Герберт Уэллс даже назвал вероятный год начала войны — 1939-й. Фашизм уже показал свое зверское лицо в Испании, мир узнал о Гернике...

Дороживший великими традициями гуманизма, Олдингтон был глубоко потрясен зверствами фашизма. Он отправляется в Мадрид, правда, не как боец интернациональной бригады, но и не как праздный турист. Всей душой сочувствуя республиканцам, он хотел знать правду. И он ее узнал. Пересекая границу с Францией в мае 1936 года, он твердил: «Пепел Испании стучит в мое сердце».

Растущая угроза фашизма, реально ощутимая опасность новой мировой войны, с одной стороны, интерес и симпатии к молодой стране Советов, с другой, способствовали активизации, бурному росту и консолидации левых сил по обе стороны океана. Не случайно 30-е годы названы «красными тридцатыми».

Английская творческая интеллигенция, а с нею и Олдингтон, переживали процесс «политизации духа». «Столь глубок был кризис, столь угрожающа опасность, что многие литературные интеллектуалы Британии, по традиции чуждавшиеся политики, были вынуждены иметь дело с социальными и политическими вопросами, принять ту или иную сторону и в большинстве случаев поставить под сомнение смысл самой системы», — свидетельствует Марго Хейнеман, активная участница движения «левого крыла».

Насколько возросло в ту пору влияние социалистических идей можно судить по тому, что они проникли даже в Оксфорд

и Кембридж, идеологические твердыни капиталистической Англии. Поэт Джулиан Белл, племянник известной английской писательницы В. Вулф, принадлежавший к духовной элите (в будущем интербригадовец, он сложит голову под Уэской), вспоминал, что в Кембридже, куда он поступил в 1929 году, главной темой разговоров была поэзия, о политике не упоминалось: «К концу 1933 года политика была единственной темой дискуссий, и большинство наиболее интеллигентных выпускников были либо коммунистами, либо почти коммунистами». «Оксфордцы» Оден, Спендер, Дэй Льюис, Макнис и близкие им поэты в 1933 году если еще не вступили в компартию, то слыли «отъявленными марксистами».

Период эстетического эскапизма миновал. В литературе Англии задавал тон отряд молодых писателей и поэтов, возглавляемый коммунистами Ральфом Фоксом, Кристофером Кодуэллом, Джоном Корнфордом. Уйдя из жизни на взлете (все трое погибли в Испании), они стали выразителями и воплощением своего времени, это о них говорят — «люди 30-х годов», подразумевая неистощимую энергию, страстность, общественную активность, смелость в постановке значимых проблем, готовность к борьбе.

Олдингтон не был знаком ни с одним из них лично, но он разглядел и, самое главное, принял новый тип интеллигента, рожденный в грозовой атмосфере «бурных тридцатых». Некоторые его черты, а также многие приметы «политического десятилетия» он запечатлел в своем новом романе.

Отдельными сюжетными поворотами «Сущий рай» напоминает «Смерть героя»: в центре — история молодого человека, предстающего в окружении нелепых фигур «милой мамы и папы», «интеллектуальных бандитов», «толстосумов», озабоченных своими, прежде всего матримониальными, планами женщин. Однако «Сущий рай» лишен трагического пафоса «Смерти героя», в нем нет мрачного отчаяния, убивающего смех, оно сменилось надеждой. Эти отличия во многом обусловлены выбором героя.

Анализируя судьбы английского романа, Р. Фокс в известной книге «Роман и народ» связал упадок жанра с отсутствием деятельного героя. В свете этого справедливого суждения попытка Олдингтона создать его представляется эстетически значимой.

Крис Хейлин выражает новые настроения английской интеллигенции. От прежних героев Олдингтона его отличает активное отношение к политической жизни мира, социальный оптимизм. Зло, представлявшееся Джорджу и Энтони непреодолимым, Крису кажется временным и проходящим. Он не сомневается в гибели существующей системы: «Эра или, по

крайней мере, одна эра частной собственности, по-видимому, приходит к концу». Он жаждет преобразовать мир, «предназначить его для всех, а не для эгоистического меньшинства».

Крис Хейлин приходит на смену благородным, но отчаявшимся Уинтерборну и Кларендону. Этот юный студент, сам зарабатывающий себе на жизнь, прочнее стоит на земле. Для него разочарование предшественников стало своего рода прививкой против всякого рода иллюзий, которыми было так богато «потерянное поколение».

Чтобы преобразовать мир, Крису нужно осмыслить множество проблем, главные из которых — проблема войны и мира, возможностей научно-технического прогресса, выбора путей совершенствования человечества. Перед героем то и дело возникают вопросы: «Почему? Зачем? К чему?» и самый устойчивый: «Что делать? Что же нам делать?» Над разрешением этого мучительного вопроса бились лучшие умы России на протяжении всего XIX столетия. И вот теперь он встал перед английской интеллигенцией.

Крис жаждет действия. Побудительные мотивы коренятся не в альтруизме, как у героя романа «Все люди — враги», а в социальном статусе Хейлина. Разорение отца, отчисление из колледжа Святого духа — такова его исходная ситуация. Он остро ощущает свою ненужность в мире капитала: «У нас нужны только люди с деньгами да рабочие, которые доставляют этим людям прибавочную стоимость. А остальные могут повеситься». Драматизм судьбы интеллигенции в условиях торжествующего чистогана объяснен с позиций экономических.

Принципиально новым в романе было то, что духовные искания героя оказались неотделимы от заботы о хлебе насущном. Крис вынужден за жалкую плату приводить в порядок не представляющую научной ценности коллекцию богатого сноба Риплсмита, отказавшись из-за отсутствия средств от серьезной научной работы. Вопрос Криса: «Почему я должен быть беден и угнетен в мире потенциального изобилия?» — покушение на святая святых буржуазного общества, на принцип частной собственности. «Потерянное поколение» такими вопросами не задавалось.

Личная причастность к судьбе «потерянного поколения» не помешала писателю столкнуть героя с участником первой мировой войны, ныне преподавателем колледжа Чепстоном (Крис сопровождает его в поездке по Испании). Их споры лучше оттеняют то новое, что было аккумулировано писателем из общественных умонастроений «бурных тридцатых». Это прежде всего независимость суждений Криса, свобода от предрассудков, нежелание прятаться за авторитеты, поклоняться мертвым богам.

Ощущая мертвенность буржуазной цивилизации, Крис ищет живые творческие центры. «Может быть, Чикаго?» — иронизирует закованный в броню академизма Чепстон. «Почему бы нет?» — «Или, может быть, Москва», — злорадно подсказывает оппонент. «Опять-таки, почему нет? — не сдастся Крис. — В конце концов, они строят будущее, а не живут паразитически за счет прошлого».

Интерес Криса к Советской России — проявление устойчивой тенденции «бурных тридцатых». Рассуждения Криса отмечены печатью новой идеологии. Уже то, что в поисках выхода из тупика он исходит из экономических факторов, говорит о том, что молодое поколение интеллигенции усвоило основы марксизма. Не секрет, что марксизм многих британских интеллектуалов был поверхностным. Показательно признание ведущего поэта десятилетия У. Одена: «Оглядываясь назад, я вижу, что интерес мой и моих друзей к Марксу был скорее психологическим, чем политическим, мы интересовались им точно так же, как Фрейдом, не имея целью отречься от своего класса, а лишь разоблачить его идеологию».

Олдингтон проявил глубокую наблюдательность и трезвость художника-реалиста, подметив и силу и слабость молодых протестантов, поднявшихся на гребне политической волны. В письме к Т. Рокотову, редактору «Интернациональной литературы», на страницах которой в 1938 году печатался «Сущий рай», писатель заметил, что мировоззрение его героя лишено четкости, незрело и путано.

Крис, штудирующий «Капитал», не свободен от биологизации общественных отношений. Вместе с тем он расходится с отцом психоанализа в оценке разума, он не приемлет фрейдовской апологии подсознательного. В речах Криса можно услышать отголоски страстной проповеди Д.-Г. Лоуренса в защиту естественных инстинктов, отзвуки его гимнов раскрепощенному и цельному человеку. В обстановке «бурных тридцатых» они воспринимались как призыв к социальному и политическому обновлению.

Соглашаясь с Лоуренсом в том, что современная цивилизация — это «скучная и шумная тюрьма», Крис расходится с ним в оценке роли техники и машин, опасность видит не столько в них самих, сколько в тех и в том, кто и как их используют. Он считает, что наука должна быть ответственна перед человечеством, он верит в возможности разума, хотя парадоксы истории подвергают его веру серьезным испытаниям, самым страшным из которых становится угроза пойны.

Крис остро ощущает кризисность и революционность своего времени, он живет в постоянном нервном и духовном напря-

жении. В своем стремлении предотвратить военную катастрофу он апеллирует к разуму: «Освободите свои умы, сделайте последнее усилие, научитесь понимать и действовать разумно, или вы погибнете — и погибнете так основательно, что не останется даже археологов и музеев, которые соберут обломки вашего крушения». Эти предостережения прозвучали в преддверии второй мировой войны, но и сегодня они архисовременны. Заговорив о возможной гибели человечества как биологического вида, Олдингтон как бы перешагнул через полстолетия, предвосхитив наши заботы и тревоги. Он оказался одним из тех, кто помог нам понять, что у человека и человечества одна судьба: оба смертны.

В романе «Сущий рай» больше рассуждений, чем действий. Да, Крис во многом резонер. Да, Крис — путаник. Олдингтон не скрывает этого. В отличие от Кларендона Крис не является alter ego автора. Олдингтон воспринимает его всерьез, но и с известной долей юмора, оценивая со стороны, словно говоря: «Посмотрим, на что способен этот Хейлин». Перед героем дилемма — быть очевидцем или участником. Он оказывается способен на выбор. Крис вызывает уважение, ибо он «заодно с лучшими представителями своего поколения», ибо он «пытался что-то предпринять». И хотя Крис Хейлин, поддавшись разочарованию, был близок к самоубийству, Олдингтон не позволил ему уйти из жизни, полагая, что будущее за ним и ему подобными.

Отмечая свое семидесятилетие в Москве в 1962 году, Олдингтон сказал: «Мой герой все еще существует. Стал ли он сильнее за это время или нет? Мне кажется, что теперь ему, может быть, легче найти работу, но осуществить свое призвание, широко проявить себя, достойно решить нравственные проблемы — все это сделалось еще сложнее».

Правоту писателя подтверждает судьба «рассерженной молодежи», чей бунт пришелся на конец 1950-х годов. Крис Хейлин предвосхищает героев «сердитых». Он старший брат Джими Портера (пьеса Осборна «Оглянись во гневе»), Чарлза Ламли (роман Дж. Уэйна «Спешите вниз»), «счастливчика Джима», героя одноименного романа К. Эмиса. Их роднит бунтарский дух, нежелание приспособливаться к лживой морали и общественным установлениям толстосумов, неустроенность, неудачливость, настроение «веселого отчаяния», насмешливая ирония. Однако «сердитые» утратили то, чем был силен Крис, — веру в благородные цели, в возможность победы Добра над Злом, Истины над Ложью, Свободы над Насилием. «Люди нашего поколения неспособны умирать из высоких побуждений, — признается Джимми Портер. — Все сделали за нас — в тридцатых и сороковых годах». Он завидует «левокрылым», нашед-

шим баррикаду, на которой стоило сразиться и умереть. Истина характера и судьбы вела к ним Криса Хейлина.

В настоящем собрании сочинений публикуется перевод романа под редакцией И. Завича.

Стр. 10. *...возлюби кретина как самого себя.*— Ироническое перетолкование завета: «Возлюби ближнего как самого себя», одной из десяти заповедей, полученных, по библейскому преданию, пророком Моисеем от бога Яхве.

Стр. 13. *...среди пастухов (вспомнился Вергилий).*— Намек на «Буколики» («пастушеские песни»), сочиненные римским поэтом Вергилием (70—19 гг. до н. э.).

...он сиял как идиотический Пиквик.— Пиквик — герой комической эпопеи Чарлза Диккенса (1812—1870) «Посмертные записки Пиквикского клуба».

Стр. 14. *...вернулся сюда зализывать свои раны, как свинья в Эпикуровом стаде.*— Эпикур (342—271 гг. до н. э.) — философ, имевший в Афинах в своем имении собственную школу под названием «Сад». Учение Эпикура об удовольствии уже в древности вызывало смущение умов и заставляло характеризовать его как «проповедника порока», хотя дошедшие свидетельства говорят о скромности и благочестии философа-сенсуалиста.

...где же традиции авантюры, где современные Рали.— Рали Уолтер (ок. 1552—1618) — английский политический деятель Возрождения, поэт, историк. Жизнь его изобиловала приключениями.

...возьмите, например, Руперта Брука. Его статуя на Скиросе, его рукописи в Британском музее.— Руперт Брук (1887—1915) — талантливый поэт, любимец георгианцев, погибший в самом начале войны, а потому выразивший лишь романтически возвышенные представления о ней юного призванного. Через три дня после смерти пять его сонетов появились в «Таймс», о нем стали писать и говорить как о национальном герое.

Стр. 15. *...как юный Вергилий, начинаете с того, что теряете все отцовские угодья.*— Когда Октавиан стал правителем Рима, он конфисковал земли у множества владельцев и роздал их тем, кому был обязан своими победами. Конфисковано было и поместье отца Вергилия. Поэт поспешил в Рим, и Октавиан, питавший к нему личную приязнь, всю жизнь ему покровительствовавший, вернул поместье отцу Вергилия.

...наставляя Криса в стиле Полония.— Намек на ситуацию трагедии «Гамлет» Вильяма Шекспира, в которой искусственный царедворец Полоний строит козни и плетет интригу против принца, вовлекая в нее многих, в их числе и дочь Офелию.

Стр. 17. *...колонна Нельсона была пупом его обширной...*

империи. Все дороги начинались для него от Ватерлоо.— Памятник английскому адмиралу лорду Нельсону (1758—1805), одержавшему ряд побед над французским флотом, стоит на вершине 44-метровой колонны на Трафальгарской площади с 1843 г. Ватерлоо — местечко в Бельгии, близ которого 18.6.1815 английские войска Веллингтона разгромили армию Наполеона.

Стр. 18—19. *...я хочу Анну в здоровье, не в болезни; я предпочел бы раздевать ее, не одевать; я хочу ее иногда, не всегда; сейчас, а не на всю жизнь.*— Ироническое переосмысление традиционной формулы церковного венчального обряда: «Я хочу тебя в здоровье и в болезни; я буду кормить тебя и одевать; я буду верен тебе всю жизнь».

Стр. 19. *...эта длинная речь под стать монологу Старого моряка.*— Намек на романтическую поэму Сэмюэла Колриджа (1772—1834) «Сказание о старом мореходе», герой которой, остановив случайного прохожего — юношу, спешившего на брачный пир, рассказывает долгую историю своих страданий, в результате чего потрясенный слушатель забывает о том, куда шел, возвращается домой, а поутру просыпается другим человеком, пройдя через нравственное перерождение.

Стр. 42. *...новый Пандар из Трои.*— Пандар — герой мифа и гомеровской «Илиады», царевич из Ликии, искусный лучник, сражавшийся на стороне троянцев.

Стр. 43. *Грезовский профиль.*— Грез Жан-Батист (1725—1805) — французский живописец, представитель «нравственной живописи» сентиментализма. Его женские и детские головки отличались изяществом и мягкостью линий.

Стр. 47. *Дега Эдгар (1834—1917)* — французский живописец, близкий импрессионизму. Его картинам свойственны неожиданные ракурсы, асимметричная композиция.

Стр. 67. *...моя принцесса-сестра, эта буржуазная Электра из аристократического предместья...*— Электра — одна из дочерей царя Агамемнона, убитого, согласно мифу, женой Клитемнестрой и его двоюродным братом Эгистом. После гибели отца Электра жила в доме матери, страдающая и поруганная. Она помогла брату Оресту отомстить убийцам отца.

Стр. 70. *Гиссинг Джордж (1857—1903)* — английский писатель-натуралист (романы «Деклассированные», «Демос», «Новая Граб-Стрит» и др.).

Стр. 75. *...ожидая возвращения нашего Немврода...*— Немврод — в ветхозаветной мифологии богатырь и охотник. Удачу в охоте ему приносят сшитые богом для прикрытия наготы Адама и Евы кожаные одежды. Звери, завидев их, становятся перед ним на колени, и Немврод их легко убивает. Народ, видя это, провозглашает его царем. С целью добраться до неба он

решает соорудить высокую башню, но в наказание за дерзновенное намерение бог разрушил башню и смешал языки всех людей, строивших ее.

Стр. 83. *...придумали благодетельную богоматерь: нечто вроде бодлеровской Великанши, которая дает им жизнь.*— Имеется в виду сонет Шарля Бодлера (1821—1867) «Гигантша», парадоксальный и эпатирующий по тону, славящий мощь исполинской плоти, самой Природы. Гигантша, это порождение первозданного хаоса, выступает символом животворящей плоти.

Стр. 88. *Погоня за знанием требует известного аскетизма. Мильтон и лорд Рассел сходятся в этом.*— Мильтон Джон (1608—1674) — английский поэт и политический деятель. Рассел Бертран (1872—1970) — английский философ, математик, общественный деятель, лауреат Нобелевской премии.

Стр. 93. *...гнусный потомок мохнатых законников-котов Рабле.*— Герои романа французского писателя Франсуа Рабле (1494—1553) «Гаргантюа и Пантагрюэль» посетили остров Пушистых Котов, ужасных созданий, все хватающих, пожирающих и загаживающих. Пушистые Коты — судьи, творящие «цапцарапово правосудие» (название намекает на горностаевую опушку, украшавшую судебные мантии).

Стр. 96. *Что это — Валгалла или морз?* — Валгалла — в скандинавской мифологии, небесная обитель павших в бою храбрых воинов.

Стр. 97. *...Мелвилл среди своих людоедов был в большей безопасности, чем мы среди кровожадных дураков и негодяев.*— Мелвилл Герман (1819—1891) — американский писатель; в юности, терпя нужду, отправился в четырехлетнее плавание на китобойном судне. Во время стоянки судна у одного из Маркизовых островов дезертировал, оказался пленником канибальского племени тайпи, обитавшего на острове Нукухива. Через месяц ему удалось бежать.

Стр. 110. *...оглядел маленького жеманного Питера Пэна работы Фремптона...*— Питер Пэн — герой сказочной повести английского писателя Джеймса Мэтью Барри (1860—1937), неутомимый фантазер и проказник. Его бронзовая статуя работы известного английского скульптора Джорджа Фремптона (1860—1928) была установлена в Кенгсингтонском парке, особенно любимом детьми, в 1912 г.

Стр. 115. *...руки новой Иокасты, обреченной на заклятие.*— Иокаста — в греческой мифологии, фиванская царица, жена Лая, мать и затем жена Эдипа. Узнав о том, что она, не ведая того, стала женой родного сына, Иокаста в трагедии Софокла «Царь Эдип» кончает жизнь самоубийством. В «Финикиянках» Еврипида она пытается примирить своих враждующих сыно-

вей. Узнав о братоубийстве, она устремляется на поле боя и закалывает себя мечом над телами сыновей.

...одним *Стрефоном и одной Хлоей больше*.— Стрефон, Хлоя — персонажи античных буколических романов, «естественные люди».

Стр. 127. ...*Апулей лирически распространяется о благодати, осенившей его, когда он переродился с помощью мистерий Исиды*.— Апулей (125?—180?) — древнеримский писатель, автор авантюрно-аллегорического романа «Метаморфозы» о превращении в осла человека. Странствия Луция-осла кончаются неожиданным финалом: с помощью Исиды (в египетской мифологии, богиня плодородия, материнства и здоровья) он возвращает себе человеческий облик и, пережив духовное перерождение, становится адептом ее религии.

Стр. 128. *Фрейзер Джеймс (1854—1941) — крупнейший английский этнограф и историк религии; Петри Иоганн Кристоф (1762—1851) — прибалтийский историк и публицист, доктор философии; Брэстед Джеймс Генри (1865—1935) — американский египтолог; Холл Джеймс (1811—1898) — американский геолог и палеонтолог; Вулли Чарлз Леонард (1880—1960) — английский археолог, специалист по древнейшим государствам Месопотамии; Брейль Анри (1877—1961) — французский археолог; Элиот Говард (1860—1928) — президент Североатлантической железной дороги, глава попечительского совета Гарвардского университета; Смит Винсент Артур (1848—1920) — английский индолог; Рассел — см. коммент. к с. 88; Уайтхед Альфред Норт (1861—1947) — английский математик, логик и философ.*

Стр. 138. ...*застывшим взглядом. Такой взгляд был, наверное, у героев Де Куинси*.— Де Куинси Томас (1785—1859) — английский писатель романтической школы, представитель «готического романа», предтеча декаданса, автор романа «Исповедь английского курильщика опиума» (1822).

Стр. 153. *Аполлон Крис на службе у Адмета Риплсмира*.— Аполлон (м и ф.) — сын Зевса и Лето. За убийство киклопов, ковавших Зевсу грома, молнии и перуны, был осужден отцом пробыть год в услужении у смертного и был отдан в пастухи к царю Адмету, который относился к нему с величайшим почтением.

...*играют в скотинку о двух спинках*.— Реминисценция из шекспировской трагедии «Отелло».

Стр. 172. *Norresco referens* (лат.) — «А рассказывать страшно об этом».— Реплика Энея, рассказывающего о появлении из морской пучины двух чудовищных змей, посланных супругой Зевса Герой удушить троянского жреца Лаокоона (Вергилий. «Энеида», II, 205).

...как чашу святого Грааля, о которой бедный милый Теннисон написал столько глупостей.— Грааль — в западноевропейских средневековых легендах таинственный сосуд (по одной из версий, чаша с кровью Иисуса Христа), ради приобщения к которому рыцари совершали свои подвиги. Мотив Грааля характерен для легенд и романов о короле Артуре и рыцарях Круглого стола. Теннисон Альфред (1809—1892) — крупнейший из поэтов-викторианцев, создал обширный цикл поэм «Королевские идиллии», основанных на легендах о короле Артуре. Их апологетический дух, явное желание поэта-лауреата в образе легендарной королевы Гиневры воспеть королеву Викторию повлекло ироническое отношение современников к «Идиллиям».

Стр. 173. ...одиночество благоприятствует размышлению, как говорит наш славный Уолтер Пейтер.— Пейтер Уолтер Хорес (1839—1894) — английский писатель и критик, теоретик литературы декадентского направления, сторонник субъективизма в искусстве, отрицавший этические функции искусства.

Стр. 175. Бедкер Карл (1801—1859) — немецкий издатель, основавший в Кобленце издательство путеводителей по различным странам. Его имя стало нарицательным, обозначает путеводители, которые продолжает выпускать основанная им фирма.

Стр. 181. ...подобно Догберри, возблагодарить бога, что он отделался от этого скота.— Догберри (Клюква, Кизил) — персонаж из комедии Шекспира «Много шума из ничего».

Стр. 184. ...двумя страницами советов в духе Полония.— См. коммент. к с. 15.

...будучи убежденным сторонником бихевиоризма, он не может не вести себя должным образом.— Бихевиоризм (от англ. behaviour — поведение) — ведущее направление американской психологии XX в. Считает предметом психологии не сознание, а поведение, понимаемое как совокупность двигательных и сводимых к ним словесных и эмоциональных ответов (реакций) на воздействия (стимулы) внешней среды.

Стр. 186. Бувар и Пекюше — герои одноименного романа Гюстава Флобера (1821—1881), мелкие чиновники-чудаки, которые, неожиданно получив наследство, превращаются в буржуа. Они пытаются найти разумное применение своим деньгам, но их деятельность во всем остается ничтожной.

Стр. 209. Болейн Анна (ок. 1507—1536) — вторая жена английского короля Генриха VIII. Развод Генриха с Екатериной Арагонской и женитьба на Болейн (1533), не признанные папским двором, послужили поводом для разрыва с папой и проведения Реформации в Англии. Казнена по обвинению в супружеской неверности.

Стр. 220—221. *...не было и следа необоримого оптимизма вольтеровского доктора Панглосса.*— Панглосс — персонаж философской повести Вольтера (1694—1774) «Кандид».

Стр. 249. *...ни обыденный траур, мать...*— слова принца Гамлета из одноименной трагедии Шекспира (акт I, сц. 2).

Стр. 279. *...Раньше или позже эта доктрина (войны) будет осуществлена на практике. Гегелевское насилие.*— В «Философии права» (раздел «Гражданское общество») Гегель говорит о «высоком назначении войны», благодаря которой будто бы «сохраняется нравственное здоровье народов» (Соч., т. 7. М.—Л., 1934, с. 344). Взгляды Гегеля на государство и войну использовались реакционными силами.

«СЕМЕРО ПРОТИВ РИВЗА»

«Семеро против Ривза» («Seven against Reeves», 1938) — роман, многими нитями связанный с предшествующими романами Олдингтона и вместе с тем непохожий на них. Неожидан выбор героя. Писатель, проклявший английскую буржуазию, «эту несокрушимую опору нации», этот «незыблемый оплот филистерства», вдруг создает трагикомическую эпопею, повествующую о злоключениях отошедшего от дел почтенного буржуа. Примерный отец семейства, тридцать лет прокорпевший в Сити, Ривз предстает перед читателем в розовом свете занимающейся зари первого дня Свободы. Впервые за многие годы можно понежиться в постели, не нужно спешить на утренний поезд. Он блаженствует, предвкушая счастье «новой жизни». Незадачливый герой не знает, что его здравый смысл и особенно кошелек ждут нелегкие испытания. Не пройдет и года, как он падет жертвой неумных снобистских притязаний своих домочадцев и собственной ограниченности и даже невежества. Вконец разоренный, он возвращается за конторку в Сити.

История, прямо скажем, прозаическая, как и сам герой. Сюжет лишен подлинного драматизма. Материал для романа, казалось, неблагодарный. Тем не менее книга удалась. Секрет успеха в том, что Олдингтон взглянул на героя и саму ситуацию сквозь призму комического.

Столетием ранее Бальзак, высоко чтимый Олдингтоном, долго бился над романом о Цезаре Бирото, отчаявшись заинтересовать кого бы то ни было образом ограниченного лавочника, чьи несчастья были столь же заурядны, как и он сам. Гениальная идея представить коммерсанта Бирото воплощением честности превратила парфюмера в фигуру трагическую и обеспечила успех роману.

Пример поучительный, тем более что трагическое начало в высшей степени близко Олдингтону. В тридцатые годы он писал: «Если жизнь не трагедия, она — ничто». Но трагическое в действительности сосуществует, а то и близко сходится с комическим. Все более укрепляясь на позициях реализма, Олдингтон постигал сложную диалектику жизни. Уже в первом романе он обнаружил дар комизма. Сатира усиливает трагедийность звучания «Смерти героя». Резкая стыковка трагического и комического порождает грустную трагикомедию «Дочери полковника». Роман «Семеро против Ривза» задуман и решен как «комедия-фарс», на что указано в подзаголовке. В нем господствует стихия комического. Смех представлен во всем многообразии — от добродушного юмора до язвительного сарказма. Если мистер Ривз по преимуществу юмористический, чем-то напоминающий диккенсовского Пиквика персонаж, то его антагонисты — в основном типы сатирические.

Название романа Олдингтона ассоциируется с известной трагедией Эсхила «Семеро против Фив», завершающейся братоубийством несчастных сыновей царя Эдипа, над которым тяготело родовое проклятие. Олдингтон использует прием гротескно-комического жанра травестии. Мотив братоубийства «перелицован» и низведен до стычек отца семейства с шалопаем-сыном, дочерью, возомнившей себя свободной художницей-авангардисткой, а главное — с супругой, все еще привлекательной простушкой, пораженной микробом снобизма. Против них и их сообщников и держит Ривз круговую оборону.

Писатель опирается на многовековую комедийную традицию. В романе обыгрываются ситуации мольеровской комедии «Мещанин во дворянстве», в которой выведен буржуа Журден, «помешавшийся на сладкой мысли стать аристократом и органически войти в высший свет» (Булгаков). У Олдингтона тщеславные помыслы одолевают супругу героя. Желание войти в Избранные круги, общаться с «настоящими людьми», быть упомянутой в светской хронике ослепляет ее и превращает в послушную марионетку в руках ловкого проходимца Хоукснитча, играющего роль светского льва. На самом деле это современный вариант ловкого прихлебателя — «паразита», неумирающего героя новоаттической и древнеримской комедии.

В романе широко используется прием одурачивания, рождающий многообразные комические эффекты. Хоукснитч обводит вокруг пальца недалекую, но тщеславную миссис Ривз, заставляет ее раскошелиться на приемы и благотворительность. Он прельщает ее громкими титулами, под которыми прячется ничтожество (лейтмотив фальшивых бриллиантов, украшающих аристократические «руины», неслучаен). Он преподносит

как светскую хронику сплетни бульварных газетенок с «говорящими» названиями, вроде «Лижи и плюй», «Пуховочка», «Спиночесалка». Он представляет ей и ее «непосвященному» супругу под видом восходящих артистических звезд «модных гениев», патентованных проходимцев и шарлатанов от искусства.

Одурачивание составляло стержень итальянской «комедии дель арте». В скрытом или явном виде оно присутствовало в шекспировских и классических комедиях Европы. Олдингтон свободно обращается с традицией: у него посрамлены не столько одураченные, сколько обманщики.

В романе продолжена теккереевская традиция осмеяния снобизма, этой национальной болезни, от которой английская буржуазия не излечилась до сих пор. В своем «лордопоклонстве» и подражании дамам света миссис Ривз смешна, но сиятельная Ребекка Берден и чопорная леди Блейкбридж в роли статистов на обеде состоятельной буржуазки, которую они свысока третируют, выглядят и вовсе карикатурно. Шаржированы до гротеска образы Фэддимен-Фишей, профессоров Ремингтона и Ундервуда, многочисленных «интеллектуальных бандитов», представляющихся новомодными художниками, писателями, композиторами. Их силуэты обозначились еще на страницах «Смерти героя».

На их фоне Ривз явно выигрывает. Его не назовешь положительным героем, хотя он и противостоит остальным. Ироническое отношение автора распространяется и на него, но оно не переходит в сарказм, язвительную насмешку. Персонаж комический, он представлен как продукт системы и одновременно ее пленник и жертва. Всю жизнь он только и знал, что служил Делу. В его послужном списке значится и участие в первой мировой войне, которая, однако, его из седла не выбила, ибо он человек иной закваски, чем Уинтерборн или Кларендон. Он один из тех, кто составляет «становой хребет империи», надежный винтик огромной машины. Выпав из нее, т. е. отойдя от дел по собственному решению, он не находит себе места. Круг его интересов и развлечений ограничен, шоры воспитания, привычек, наконец, принадлежности к определенному социальному кругу не позволяют ему его расширить. Мечты заняться на досуге садоводством, орнитологией, вообще наукой — пустые химеры. Предающийся им Ривз смешон. Система духовно и интеллектуально его обокрала, и этого не поправить. Но у Ривза не отнять природного здравого смысла, прямоты, честности, трудолюбия, в то время как окружают его бездельники, краснобаи и жулики. При всей самонадеянности он неспособен критически взглянуть на свою персону. И наконец именно он

стоит на том, что «деятельность убедительнее любых слов» и что «миром движет любовь». Эти простые и вечные истины не в чести у его антагонистов.

Из всех видов снобизма интеллектуальный особенно отвратителен Олдингтону. В этом явлении писатель прозревал опасность дальнейшего отлучения масс от подлинной культуры, а следовательно, растущей бездуховности общества. Роман полон комизма, но Олдингтон, описывая злоключения героя, с трудом вырывающегося из цепких лап апостолов «новой духовности», не ставил целью просто позабавить читателя. «Семеро против Ривза» — это во многом книга расчета с его идейно-эстетическими противниками, а борьба эта в тридцатые годы была весьма острой.

Известно, что накануне первой мировой войны Олдингтон был в рядах поэтического авангарда и видел главную задачу в том, чтобы покончить с последышами поздневикторианского романтизма, очистить поэзию от сентиментальных красотостей, на которые были столь горазды «третьеразрядные вордсворты и китсы» (так характеризовал георгианцев Эзра Паунд). Но после войны и особенно в 1930-е годы Олдингтон осознал, что с георгианцами покончено, а главную опасность ныне представляет растущая армия эпигонов модернизма.

Олдингтон чтит Элиота-поэта, хотя его собственный метод был иным, он высоко оценил «большой недисциплинированный талант» Джойса, но он опасался, что их многочисленные копии, лишённые подлинного творческого дара, заведут искусство в пустыню, в тупик. Он выступил против элитарной концепции искусства, конкретнее, против Элиота, защищавшего право поэта на «темную», зашифрованную поэзию. «Это каштановая, а не национальная поэзия», — возражал Элиоту будущий автор «Смерти героя».

Ему претила заформализованность модернистского искусства, отказ некоторых «революционеров» стиха от содержательности. В автобиографической книге «Жизнь ради жизни» писатель вспоминает, как однажды получил для рецензии сборник дадаистов, в котором в качестве поэмы был опубликован алфавит: «А В С... Х Y Z». Он прокомментировал «поэму» следующим образом: 1 2 3 4 5

6 7 8 9 10,

полагая, что это была самая живая рецензия в его многолетней практике.

В романе «Семеро против Ривза» писатель продолжает борьбу против подмены подлинной культуры ее суррогатом, истинных ценностей мнимыми. Он не считал мастерами культуры тех, кто стремился поразить простодушных людей замаскированными под глубокомыслие нелепостями. «Музыка — это музыка,

а не шум, живопись — это живопись, а не плакаты или абстракция, скульптура — это скульптура, а не сверление камня, архитектура — это архитектура, а не инженерное искусство, литература — это литература, а не писание объявлений, поэзия — это поэзия, а не словесная мозаика», — так закончил он сборник эссе «Artifex» (1935).

Герой романа Олдингтона — человек, к искусству не причастный, но здравый смысл удерживает его от восторгов по поводу какофонии Хиггинс-Рэгга и мазни Марсбейта. Бледно-гороховый фон «Гомера» не вызывает у него мысли о вечной свежести и неувыдаемости «Илиады» и «Одиссеи», вопреки расчетам творца «шедевра», Ривз равнодушен к таким «смелым метафорам», как стеклянные глаза, вмурованные в холст, — намек на то, что автор картины осведомлен о слепоте древнего рапсода. Герой не способен угадать в куске сырого мяса, прикрепленного к молочной тележке, ногу несчастного Гектора, которого победитель Ахилл, привязав к колеснице, волочил вокруг стен Трои. Пожалуй, единственный человек в мире, способный расшифровать этот ассоциативный ход, — сам Марсбейт.

Разумеется, Олдингтон вел речь не только о бездарном мазилке, возомнившем себя новым Пикассо, а о тенденции: в ту пору в ходу была теория «спонтанного самовыражения» художника, которая вызывала у автора романа чувство более сильное, чем раздражение. «Заявление, что художник творит только для того, чтобы «выразить себя» и не несет ответственности перед обществом, просто наглость», — писал Олдингтон в 1961 году Д. Г. Жантиевой, советской исследовательнице его творчества. В ту пору шли переговоры об издании романа «Семеро против Ривза» в СССР; в переводе Т. Кудрявцевой и Т. Озерской он появился в «Художественной литературе» в 1968 году.

Одним из первых Олдингтон подметил и указал на опасную возможность сращения абстрактного искусства с «масс-культурой», создаваемой на потребу. Он словно провидел культ «массового» поп-арта шестидесятых годов. Вопрос об ответственности художника перед обществом всегда был для Олдингтона чрезвычайно значимым. Книга «Семеро против Ривза», написанная накануне второй мировой войны, — еще одно тому свидетельство.

Может показаться странным, что на исходе «политической декады», когда бесноватые фюрер и дуче (о Муссолини в романе вспоминают с симпатией антагонисты героя) перекраивали карту Европы и внедряли в сознание масс свои разбойничьи планы, Олдингтон написал комедию-фарс на эстетические темы. Странность эта кажущаяся. История литературы знает подобные прецеденты. «Отец комедии» Аристофан написал своих «Лягушек» (405 г. до н. э.) на исходе Пелопон-

недской войны, когда была ясна обреченность афинской демократии, но посвятил ее не обличению воинственных демагогов, а эстетическому спору великих трагиков Эсхила и Еврипида, встав на защиту героического искусства создателя «Прометея прикованного». Сograждане, переживавшие общее смятение духа в эту кризисную пору, приняли комедию восторженно и удостоили автора небывалого почета: «Лягушки» были поставлены вторично вопреки традиции. Что это — эскапизм? бегство в храм искусства от политических страстей? Да нет же, просто древние греки не отделяли проблем эстетики от гражданской морали, от большой политики. Ревностный эллинист, Олдингтон усвоил эту заповедь. Искусство, культура, духовность, как уже отмечалось, для него не слова, а барьер злу и насилию. Возвышая голос в их защиту, он выполнял долг писателя-гражданина. Смех, комизм несколько не снижал значимости сказанного им. Ромен Роллан свою самую веселую книгу о мастере из Кламси писал в 1914 году, «во дни темного безумия и злобы» (Горький). Олдингтон постиг силу смеха и мастерски ее использовал. Смех — эстетическая форма критики, по природе своей он демократичен. Эти истины мы напоминаем, дабы убедить читателя в том, что «Семеро против Ривза» — не случайная «проходная» книга, а роман по-своему итоговый, завершающий эволюцию писателя, прошедшего непростой путь в искусстве от авангардизма к реализму.

В настоящем собрании сочинений воспроизводится текст перевода Т. Кудрявцевой и Т. Озерской (издательство «Художественная литература», 1968).

Стр. 297. *Разве наша жизнь не состоит из четырех стихий? — «Вода», «воздух», «огонь» и «земля» — четыре стихии, из которых, по мнению древнегреческих философов, зародилась жизнь.*

Стр. 300. *...он полетел в нее, подобно юной Виктории, которая, одержав победу над своим восхитительным Альбертом, вдруг засомневалась, стоит ли ей вообще выходить замуж.* — Виктория (1819—1901) — королева Великобритании с 1837 г. В 1840 г. вышла замуж за своего кузена Альберта (1819—1861).

Стр. 307. R. A. (Royal Academy) — член Королевской академии.

Стр. 308. *Дебретт* — справочник пэров Англии.

Стр. 325. *Хоукснитч... был современным вариантом героя новоаттической комедии... а именно: «паразита».* — В новоаттической комедии сложились устойчивые типы: «юноша», «старик», «воин», «сводник», «раб», «кормилица» и пр., среди них и «паразит» — лстивый сотрапезник юноши или воина, не уступающий рабу в ловкости и изворотливости.

Стр. 328. ...эта современная мадам дю Деффан.— Маркиза дю Деффан (1697—1780) — хозяйка литературного салона в Париже, где бывали Вольтер, Монтескье.

Стр. 329. *Доктор Джонсон*.— Джонсон Сэмюел (1709—1784) — английский писатель, критик и языковед, проза которого — образец «величавого слога», изобилующего длинными плавными периодами.

Босуэлл Джеймс (1740—1795) — поэт, эссеист, автор прославленной биографии «Жизнь Сэмюела Джонсона» (1791).

Стр. 338. «*Куст*» — напиток, состоящий из фруктового сока и рома.

Стр. 342. *Болдуин Стэнли* (1867—1947) — премьер-министр Великобритании в 1923—1929, 1935—1937 гг., консерватор. Правительство Болдуина подавило всеобщую забастовку 1926 г., разорвало дипломатические отношения с СССР (1927), попустительствовало фашистской агрессии.

Стр. 343. *Дизраэли Бенджамин* (1804—1881) — премьер-министр Великобритании в 1868 и 1874—1880 гг., лидер консерваторов, писатель.

Моррис Уильям (1834—1896) — английский писатель, художник, теоретик искусства. В 60-х гг. примыкал к прерафаэлитам, в 80-х гг. активный участник социалистического движения. Прекрасный знаток средневековой культуры. Боролся за возрождение декоративно-прикладных искусств, связанных с ремесленной традицией ручного художественного труда, восходящей к средневековью. Создал художественные мастерские, в которых сам работал как дизайнер.

Стр. 344. ...некто среднее между Еленой Троянской и Гипатией.— Елена (миф.) — дочь Зевса и Леды, героиня эпоса о Троянской войне, славившаяся необыкновенной красотой. Гипатия (370—415) — женщина-математик, астроном и философ-неоплатоник, преподавала в Александрийском музее. Гипатия стала жертвой религиозного фанатизма христиан: по наущению епископа Кирилла была растерзана толпой.

Стр. 345. *Гиппократ* (ок. 460—ок. 370 гг. до н. э.) — древнегреческий врач, с именем которого связано представление о высоком моральном облике врача («клятва Гиппократа» — приписываемый ему текст, сжато формулирующий этические нормы поведения врача).

Стр. 349. ...стадо гергесинских свиней, пасущееся у вод, которые вот-вот поглотят его.— Реминисценция из Библии (Евангелие от Матфея, VIII). Иисуса, пришедшего в страну Гергесинскую, враждебно встретили два бесноватых. Он послал их в стадо свиней, что паслось неподалеку, при их виде стадо бросилось с крутизны в море и погибло.

...тот со своего Синая... станет повелевать морями...— Синай — гора, на которой, согласно библейскому преданию, происходили богоявления: здесь бог явился Моисею, ставшему его пророком, и открыл ему свое имя — Яхве (Иегова), или «Господь». На горе Синай Яхве вручил Моисею скрижали завета (две каменные доски, на которых написаны десять заповедей).

Стр. 372. *«Мэйфлауер»* — корабль, на котором в 1620 г. в Америку прибыли первые пуритане, участники английской революции, которые после реставрации Стюартов бежали в колонии Новой Англии.

Стр. 373. *Уэст Мэй* (1892—1980) — американская актриса. В 1910 г. основала (с Ф. Уоллесом) эстрадную группу. Исполняла главные роли в собственных пьесах. В кино с 1932 г. Популярности Уэст способствовали ее своеобразный грубоватый юмор, запоминающийся голос, музыкальная одаренность.

Стр. 379. *«Жизнь богемы»* (1849) — пьеса французского литератора-самоучки Анри Мюрже (1822—1861), прошедшего школу нищеты в среде артистической богемы, написана на основе ранее созданных им рассказов-«фельетонов» из жизни своих собратьев по судьбе.

Стр. 389. *Челтнем* — город в Глостершире, известный своими закрытыми частными привилегированными колледжами, среди которых открытый в 1854 г. колледж для благородных девиц.

Стр. 390. *Для нее это было равносильно... оскорбительному проявлению санкюлотизма.* — Во время Великой французской революции аристократы называли санкюлотами представителей городской бедноты, носивших в отличие от дворян длинные, а не короткие штаны (от фр. *sans* — без и *culotte* — короткие штаны). Во время якобинской диктатуры «санкюлот» стало самоназванием революционеров.

Стр. 395. *Носатый Паркер* — имя нарицательное, обозначающее пролазу, человека, во все сующего нос.

Стр. 404. *Вулси Томас* (1475—1530) — английский кардинал и лорд-хранитель печати при Генрихе VIII.

Стр. 424. *Мать назвала его Игнасио из нежных чувств к ордену иезуитов и его основателю.* — Основатель ордена иезуитов — Игнатий Лойола (1491? — 1556).

Стр. 428. *Даго* — презрительное прозвище итальянцев, испанцев и португальцев.

Стр. 431. *Леже Фернан* (1881—1955) — французский живописец и график. В его картинах современный мир предстает в геометризованном, уподобленном машинным формам изображении.

Каролинги — королевская с 751 г. и императорская с 800 г. династия во Франкском государстве. Название возникло от имени Карла Великого.

Рекамье Жюльетта (1777—1819) — женщина необычайной красоты, хозяйка литературного салона, друг многих выдающихся людей своего времени.

Стр. 438. *Чурригера Хосе* (1665—1725) — испанский архитектор и скульптор, причудливо сочетал приемы барокко с мотивами готики.

Стр. 450. *Валькирии* — в скандинавской мифологии, воинственные девы, участвующие в распределении побед и смертей в битвах. Павших в бою храбрых воинов они уносят в Валгаллу и прислуживают им там.

Миссис Гранди — персонаж комедии Томаса Мортон (1763—1838) «Поторапливай плуг» (1798), олицетворяющая общественное мнение, имя стало нарицательным.

Стр. 465. *Горстка еврейских фанатиков-крестьян низвергла Римскую империю.*— Христианство возникло в недрах иудаизма. Ученые склоняются к тому, что его «колыбелью» была сельская община ессеев, обычно называемая кумранской и существовавшая во II в. до н. э.— I в. н. э. Во II—III вв. христианство распространилось среди разных социальных слоев и народностей Римской империи. Оно осознавалось как новое религиозное учение, противостоящее как языческим религиям античности, так и иудаизму. В IV в. христианство стало господствующей религией на всей территории Римской империи, шло укрепление церковной организации. В 395 г. Римская империя была официально разделена на Восточную (Византия) и Западную, а в V в. Западная Римская империя прекратила свое существование, на ее месте возникли королевства варваров. Союз империи и церкви увенчался победой церкви.

Стр. 526. *Рудольфо Валентино* — Родольфо Гульельми ди Валентино (1895—1926) — звезда немого кино, работал в Голливуде. Прежде чем стать актером, был профессиональным танцором «жиголо» в нью-йоркском кафе «Максим». Очаровывал публику правильными чертами лица, томным (из-за сильной близорукости) взглядом, прилизанными, блестящими от бриолина волосами, экзотическим костюмом гаучо и особенно чувственностью и совершенством исполнения аргентинского танго, считавшегося тогда танцем настолько развратным, что епископы запрещали верным католикам танцевать его.

Стр. 547. *...талисманом вроде головы Медузы...*— Медуза (миф.) — одна из трех горгон (чудовищ в образе женщины), взгляд ее превращал все живое в камень. Персей, сын Зевса и Данаи, обезглавил спящую Медузу. Даже мертвая, голова Медузы сохраняла некоторое время свою магическую губительную силу. Голову Медузы водрузила на свою эгиду Афина-Паллада.

Г. ИОНКИС

Содержание

СУЩИЙ РАЙ. Роман. Перевод под редакцией И. Завича	7
СЕМЕРО ПРОТИВ РИВЗА. Комедия-фарс. Перевод Т. Кудрявцевой и Т. Озерской (главы I—XI—перевод Т. Кудрявцевой, главы XII—XVI—перевод Т. Озерской . . . . .)	297
Комментарии Г. Ионкис	556

Олдингтон Р.

О-53 Собрание сочинений. В 4-х т. Т. 4: Суший рай: Роман; Семеро против Ривза: Комедия-фарс: Пер. с англ. /Сост. М. Урнова; Комментар. Г. Ионкис; Ил. А. Семенова.— М.: Худож. лит., 1989—575 с.

ISBN 5—280—00814—1 (Т. 4)

ISBN 5—280—00310—7

Том четвертый четырехтомного Собрания сочинений Ричарда Олдингтона (1892—1962) включает в себя роман «Суший рай» и комедию-фарс «Семеро против Ривза».

О $\frac{4703010100-143}{028(01)-89}$ подписное

ББК 84. 4Вл

Ричард Олдингтон

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В 4-Х ТОМАХ

Том IV

Редактор *Е. Осенева*

Художественный редактор *Л. Калигооская*

Технический редактор *В. Кулагина*

Корректоры

Т. Калинина, И. Филатова

ИБ № 5502

Сдано в набор 20.07.88. Подписано к печати 09.01.89. Формат 84×108 ¹/₃₂. Бумага тип. № 1. Гарнитура «Тип Таймс». Печать высокая. Усл. печ. л. 30,24. Усл. кр.-отт. 30,66. Уч.-изд. л. 33,86. Тираж 200 000 экз. Изд. № VI-3199. Заказ 3687. Цена 3 р. 10 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Художественная литература». 107882, ГСП, Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19

Ордена Октябрьской Революции и ордена Трудового Красного Знамени МПО «Первая Образцовая типография» Государственного комитета СССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. 113054, Москва, Валовая, 28